СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

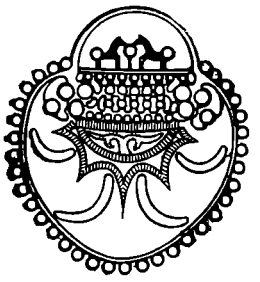
3

1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



ВОСЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1964

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, главный редактор,
С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, А. Я. Брюсов, Е. И. Крупнов,
Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Ответственный секретарь *Р. М. Мунчаев*

Адрес редакции:
Москва, ул. Д. Ульянова, д. 19

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-09737 Подписано к печати 3/VII-1964 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 11,0
Печ. л. 30,8 Уч.-изд. л. 32,6 Тираж 1940 экз. Заказ 507

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Статьи

А. Т. БРАЙЧЕВСКАЯ

Т. Г. ШЕВЧЕНКО И АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА

9 марта 1964 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко. Великий украинский поэт был человеком разносторонне одаренным и высокообразованным. Для него характерен глубокий интерес к истории, этнографии и археологии не только украинского, но и других народов России. Историкам и археологам Советского Союза особенно дорого вспомнить деятельность Т. Г. Шевченко в области археологии, к которой он имел самое непосредственное отношение [1].

Большой интерес к истории был существенной чертой эпохи, когда жил и творил Т. Г. Шевченко. В. Г. Белинский характеризовал XIX век как век исторический, отмечая глубокое влияние и проникновение истории во все сферы сознания — философию, литературу, живопись [2]. На формирование интереса Т. Г. Шевченко к исторической тематике повлияло и обучение его в Петербургской Академии художеств, преподавание в которой основывалось на принципах классицизма. Ранние работы художника посвящены темам из античной, древнерусской и украинской истории («Смерть Сократа», «Смерть Виргинии», «Смерть Олега, князя древлянского», «Смерть Богдана Хмельницкого» и др.). К исторической тематике обращается молодой Т. Г. Шевченко и в своих ранних поэтических произведениях (поэмы «Тарасова ніч», «Гайдамаки», «Гамалія», «Іван Підкова»). В прошлом Украины поэта привлекает в первую очередь борьба народа за свободу против поработителей.

Интерес к истории и памятникам старины сохраняется у Т. Г. Шевченко на протяжении всей его жизни. Во время поездки на Украину в 1843—1844 гг. молодой поэт, бывая во многих городах и селах родного края, интересуется историческими памятниками. Он осматривает храм 1742 г. в Козельце, рисует в Киеве дальние пещеры Киево-Печерской Лавры, Выдубецкий и Межигорский монастыри, а в Чигирине и Субботове — памятники времени Богдана Хмельницкого.

В Киеве Т. Г. Шевченко попадает в атмосферу увлечения археологией. В 40-е годы XIX в. история и археология были необычайно популярны в среде киевской дворянской интеллигенции [3]. Учрежденная в 1843 г. в Киеве так называемая Археографическая комиссия («Временная комиссия для разбора древних актов») занималась собиранием архивов, старых

[1] О. Левицкий. Археологические экскурсии Т. Г. Шевченко в 1845—1846 гг. «Киевская старина», XLIV, 1894; І. О. Іванцов. Т. Г. Шевченко і археологія. В сб.: «Пам'яті Т. Г. Шевченка». Київ, 1939; его же. Т. Г. Шевченко — историк-археолог. «Исторический журнал», 4, 1939.

[2] В. Г. Белинский. Собр. соч. в трех томах, II. М., 1948, стр. 225—226.

[3] А. В. Романович-Славатинский. Жизнь и деятельность Н. Д. Иванишева. СПб., 1876, стр. 209—210.

рукописей, актов, а также изучением памятников старины. Археологическими розысками занимался и киевский генерал-губернатор Д. Г. Бибиков, направлявший работу комиссии. (Следует отметить, что археологические исследования того времени нередко стояли на низком научном уровне и имели дилетантский характер.) Всеобщее увлечение археологией, очевидно, повлияло на формирование у Т. Г. Шевченко интереса к археологическим розыскам.

Древние курганы (могилы) — излюбленные художественные образы ранней его поэзии — были в представлении поэта свидетелями и символом славы предков, героического прошлого украинского народа («Іван Підкова») [4]. Неизбежное уничтожение памятника в процессе раскопок вызывало в нем чувство сожаления и горечи, что отражено в таких произведениях, как «Гайдамаки» и «Розрита могила» [5]. В «Дневнике», который он писал в ссылке и во время возвращения из ссылки, мы читаем: «Я развертываю книгу и мне попалась литературная летопись. Читаю, и что же я читаю. Наша славная — преславная Савор-Могила раскопана... Я люблю археологию, я уважаю людей, посвятивших себя этой таинственной матери истории. Я вполне сознаю пользу этих раскапываний. Но лучше бы не раскапывали нашей славной Савор-Могилы. Странная и даже глупая привязанность к безмолвным, ничего не говорящим курганам» [6].

Интерес и любовь к археологии приводит Т. Г. Шевченко к личному участию в раскопках (об этом ниже).

Возвратившись из первой поездки на Украину в Петербург, Т. Г. Шевченко приступает к осуществлению задуманного им издания художественной энциклопедии — альбомов под названием «Живописная Украина». Первый выпуск этого издания вышел в свет в 1844 г. Он состоял из шести офортов, часть из которых была посвящена исторической тематике («Дары в Чигирине 1649 года», «Выдубецкий монастырь»). В напечатанном проспекте издания на первом месте упоминались «виды по красоте, или по историческим воспоминаниям примечательные: храмы, укрепления, курганы и все, что время пощадило». Во вторую и третью группы входила тематика этнографическая и историческая. К сожалению, весь задуманный грандиозный план издания Т. Г. Шевченко не удалось осуществить по недостатку средств.

После окончания Академии весной 1845 г. Т. Г. Шевченко снова приезжает на Украину. Как и в первый раз, он много путешествует. Летом 1845 г. работа Археографической комиссии особенно оживилась. Была составлена широкая программа раскопок: только в Киеве и его окрестностях решено было исследовать около 30 пунктов (фундаменты церкви Ирины, курганы в Вышгороде и у Василькова, развалины церкви Василия в Овруче). Наиболее интересные результаты были получены при раскопках кургана скифского времени «Перепетиха» между Фастовым и Васильковым. Результаты раскопок кургана решено было издать в первом томе предполагаемого издания «Древности».

Для иллюстрации издания и зарисовок памятников комиссии понадобились художники. Т. Г. Шевченко, уже известный художник, автор «Живописной Украины», в ноябре 1845 г. был зачислен сотрудником — художником Археографической комиссии и в течение полутора лет выполнял ее поручения.

По заданию комиссии осенью 1845 г. и в начале 1846 г. Т. Г. Шевченко выезжал на Полтавщину и Черниговщину, где описывал и зарисовывал памятники древности. Он посетил Прилуки и зарисовал развалины Густинского монастыря XVII в. Это путешествие описано в повести «Му-

---

[4] Т. Шевченко. Повне зібрання творів в десяти томах. Київ, 1939—1961, I, стр. 60.

[5] Т. Шевченко. Ук. соч., I, стр. 77, 226.

[6] Т. Шевченко. Ук. соч., V. Київ, 1951, стр. 76.

зыкант». Сохранилась серия рисунков Густинского монастыря, исполненных Т. Г. Шевченко: «В Густине, церковь Петра и Павла», «Брама в Густине», «В Густине, трапезная церковь», «Чаша трапезная в монастыре Троицком Густинском». В Переяславле он выполняет акварели «Михайловская церковь», «Вознесенский собор», «Церковь Покровы», «Каменный крест св. Бориса» (на р. Альте). В Седневе Т. Г. Шевченко исполнил три вида («В Седневе», «Возле Седнева», «Чумаки среди могил»), на которых изображены курганы и древнее здание. К периоду еще до работы в Археографической комиссии относится интересный в археологическом отношении рисунок «Вид с каменными бабами».

К сожалению, записи, сделанные Т. Г. Шевченко по поручению комиссии, дошли до нас далеко не полностью. Но именно описание Переяславщины и Черниговщины сохранилось в «Деле о художнике Шевченке» — части следственного дела о Кирилло-Мефодиевском обществе. Среди этих документов имеются собственноручные археологические записи Т. Г. Шевченко [7], которые представляют большой интерес и в какой-то части могут быть использованы при составлении археологической карты Украины. В них упомянуты и описаны около полусотни укреплений, девять церквей, пять курганов, валы, отдельные предметы церковной утвари. Среди них памятники Переяслава — цитадель древней крепости, Успенская и Михайловская церкви, Вознесенский собор; Черниговские церкви — Спаса, Успения, Ильинская, Параскевы Пятницы, Троицкий монастырь, а также курган княжны Черны. Описаны также памятники Лубен, Миргорода, укрепления Телепень, Хорол и др., Богданова могила и иные курганы, Змеевы валы [8].

Археологические записи впоследствии были использованы писателем в его литературном творчестве. Подчас они даже служат комментариями к литературным произведениям. В повести «Близнецы» помещено описание г. Переяслава и его окрестностей [9]. Упоминается церковь на берегу р. Альты, сооруженная на месте убийства Глеба Святополком, могилы в окрестностях города, городской вал, Вознесенский собор, Успенская церковь. В повести «Прогулка с удовольствием и не без морали» писатель вспоминает историческое место, связанное с героической борьбой украинского народа против польских панов (с. Лысянка), описывая при этом и археологические памятники в окрестностях этого села. Это — два кургана, несколько могил меньшего размера и небольшое земляное четырехугольное укрепление, точно такой формы и величины, как на поле около Листвена близ Чернигова [10].

Отрывок из повести «Наймичка» показывает, как тщательно и внимательно собирал в свое время писатель сведения об археологических памятниках: «Между городом Кременчугом и городом Ромнами лежит большая транспортная, или чумацкая, дорога, называемая Ромодановым шляхом... по сторонам ее часто встречаются земляные укрепления разной величины и формы, поросшие переем. Нередко виднеются и курганы, совершенно круглые, сажен 50 в диаметре,— есть и большие, и меньшие,— всегда с выходами: двумя, тремя и четырьмя, смотря по величине кургана. Их простой народ называет просто могилами. Есть и такие насыпи (и это самые большие), которых и форму определить нельзя; это валы разной величины и в разных направлениях... все эти так называемые могилы имеют свои названия, как-то: Няньки, Мордачевы, Королевы и т. д.» [11].

---

[7] Т. Шевченко. Археологічні замітки. Ук. соч., VI. Київ, 1957, стр. 1—11; журн. «Україна», 1—2. Київ, 1925, стр. 69—72.

[8] Т. Шевченко. Ук. соч., VI. Київ, 1957, стр. 2—6.

[9] Т. Шевченко. Ук. соч., IV. Київ, 1949, стр. 14—15.

[10] Там же, стр. 261.

[11] Т. Шевченко. Ук. соч., III. Київ, 1949, стр. 73, 75.

Археологические памятники находят место и в поэтических строках Шевченко:

Вечернє сонечко гай золотило,
Дніпро і поле золотом крило,
Собор Мазепин сяє, біліє,
Батька Богдана могила мріє.
Київським шляхом верби похилі
Требратні давні могили вскрили...
(*Сон — Гори мої високії*) [12].

Весной 1846 г. Археографическая комиссия вырабатывает новую программу археологической деятельности. В этом году был издан первый том «Древностей» [13] — роскошное для того времени издание с хромолитографированными таблицами, изображающими курган Перепетиху и найденные в нем вещи. Существуют различные мнения по поводу участия Т. Г. Шевченко в иллюстрировании «Древностей». В последнее время высказано предположение о том, что он не мог участвовать в этой работе, так как в конце 1845 — начале 1846 г., когда готовились иллюстрации, его не было в Киеве [14]. Комиссией было принято решение продолжить издание «Древностей», а для того возобновить раскопки курганов, а также начать описывать древние памятники Южной России — храмы и замки. Очевидно, в связи с решением комиссии издать виды Киева и других местностей края Т. Г. Шевченко вместе со своим приятелем по Академии художником Сажиным рисует в это время Лавру, Золотые ворота, Аскольдову могилу, Китаевскую пустынь.

Летом 1846 г. проф. Иванишев по поручению Археографической комиссии продолжил раскопки группы курганов «Перепет» возле Фастова. Раскопки длились до октября. Некоторое время на этих раскопках находился и Т. Г. Шевченко, который вместе с помощником проф. Иванишева Прушинским делал зарисовки и записывал народные предания.

Осенью 1846 г. Т. Г. Шевченко получил от Археографической комиссии новое задание — собрать сведения в Киевской, Подольской и Волынской губерниях: 1) записывать народные предания и песни; 2) выявить замечательные курганы и урочища, причем с курганов снять эскизы с изображением их формы и величины и описать каждый; 3) осмотреть и описать монументальные памятники и древние издания. Приобретать вещи и древние грамоты. Полный отчет об этой поездке Т. Г. Шевченко не сохранился. Известно, что он был в Каменец-Подольске, а позже в Почаеве, где записывал песни и рисовал виды Почаевской Лавры.

Т. Г. Шевченко не только формально выполнял поручения комиссии, описывая и срисовывая памятники древности. Осмотрев огромное количество памятников в разных областях Украины, писатель пытался сделать на основании собранного материала исторические выводы. Глубокий мыслитель своего времени и пламенный борец за лучшее будущее своего народа, Т. Г. Шевченко, анализируя памятники старины, пытается найти ключ к пониманию различных исторических судеб отдельных областей Украины. Характер памятников древности в западных областях Украины, по мнению автора, отличается от Поднепровской Украины. Если на Волыни и Подолии сохранились многочисленные руины замков, то на берегах Днепра руин замков нет, зато здесь есть многочисленные курганы.

«Что же говорят пытливому потомку эти частые, темные могилы на берегах Днепра и грандиозные руины дворцов и замков на берегах Днестра? Оне говорят о рабстве и свободе. Бедная, малосильная Волынь и По-

[12] Т. Шевченко. Ук. соч., II. Київ, 1939, стр. 22.

[13] «Древности, изданные Временной комиссией для разбора древних актов». Киев, 1846.

[14] К. В. Чумак. Малюнки Т. Г. Шевченка, виконані під час роботи в Археографічній комісії. «Мистецька спадщина Т. Г. Шевченка». Київ, 1959, стр. 95.

долия, она охраняла своих распинателей в неприступных замках и роскошных палатах. А моя прекрасная, могучая, вольнолюбивая Украина туго начиняла своим вольным и вражьим трупом неисчислимые огромные курганы. Она своей славы на поталу не давала, ворога деспота под ноги топтала и свободная, нерастленная умирала. Вот что значат могилы и руины» [15]. В этом историческом подходе к памятникам старины Т. Г. Шевченко стоял несравненно выше многих своих современников-археологов.

После раскрытия тайного Кирилло-Мефодиевского общества, в которое поэт вступил зимой 1846/47 г., и ареста его членов весной 1847 г. Т. Г. Шевченко был исключен из членов Археографической комиссии. В связи с арестом Т. Г. Шевченко большая часть материалов, собранных им во время работы в комиссии,— записей, рисунков, архивных документов, к сожалению, погибла.

Пребывание в ссылке, жестокая солдатская муштра в далекой Орской крепости и Новопетровском форте не сломили творческую энергию великого поэта. Нарушая «высочайший указ», он продолжает рисовать и писать. Находясь в ссылке, Т. Г. Шевченко проявляет интерес к далекому краю, куда его забросила судьба. Он знакомится с жизнью казахского народа, зарисовывает памятники старины Средней Азии — укрепление Раим, могилу батыря Дустана. Описывая могилу, писатель отмечает сходство ее общей формы с саркофагами древних греков [16].

С грустью вспоминает в ссылке Т. Г. Шевченко и свой родной край. Именно в этот период были им написаны на русском языке повести «Наймичка», «Музыкант», «Близнецы», «Прогулка с удовольствием и не без морали», в которых он использует материалы и впечатления, полученные им в период путешествий по родному краю, в частности по поручению Археографической комиссии.

Интерес к истории и к памятникам старины поэт сохраняет до конца своих дней. Возвращаясь из ссылки после освобождения, поэт осматривает собор XVII в. в Астрахани, интересуется книгой «Описание города Астрахани», позже, плывя по Волге, он внимательно осматривает достопримечательности на ее берегах. В Нижнем Новгороде Т. Г. Шевченко рисует Кремль, Архангельский собор, ряд церквей XIV—XVII вв. Приехав в Москву, он осматривает вторично в своей жизни Московский Кремль, а в первые же дни после возвращения в Петербург находит время для посещения Эрмитажа и изучения древней и новой скульптуры.

В последний год жизни Т. Г. Шевченко начинает интересную и важную работу по переводу на украинский язык «Слова о полку Игореве», имея намерение сделать поэму доступной для широкого украинского читателя. Перевод двух разделов («Плач Ярославны» и «Бой на Каяле») сделан на высоком художественном уровне и полностью сохраняет древнерусский литературный стиль поэмы.

Приведенные материалы показывают глубокий интерес великого украинского поэта к истории украинского, русского и других народов, входивших в состав России. Всю свою жизнь интересовался поэт памятниками старины, в том числе археологическими, оставив для потомков их описания и зарисовки. Описания Т. Г. Шевченко исторических памятников в его «Археологических заметках», «Дневнике» и многих художественных произведениях представляют значительный вклад в историческую и археологическую науку.

---

[15] Т. Шевченко. Ук. соч., IV, стр. 261—262.

[16] Там же, стр. 91.

А. А. ФОРМОЗОВ

НЕОЛИТ И ЭНЕОЛИТ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

До недавнего времени на Северо-Западном Кавказе из памятников первобытной археологии были известны только палеолитические стоянки и погребения эпохи меди — бронзы. За последние годы положение изменилось к лучшему. В районе Адлера и на р. Белой выше Майкопа была исследована серия неолитических и энеолитических поселений. Это — неолитические стоянки Нижняя Шиловка неподалеку от Адлера и средний слой Каменномостской пещеры (в 6 *км* к востоку от пос. Каменномостского) на р. Белой, энеолитические стоянки Воронцовской пещеры около Адлера и поселения той же эпохи на Белой в окрестностях пос. Каменномостского — Мешоко, Скала, Хаджох, хутор Веселый и верхний слой Каменномостской пещеры. Находки на стоянках близ Адлера и на Белой близки друг к другу, так что для эпохи неолита и энеолита о всем Северо-Западном Кавказе можно говорить как о районе, едином в культурном отношении. Материалы раскопок нескольких поселений уже опубликованы [1]. Благодаря этому появилась возможность по-новому взглянуть на очень важную эпоху в истории Кавказа — эпоху сложения земледельческо-скотоводческих культур неолитического и энеолитического времени.

Для понимания этой эпохи едва ли не самым важным является вопрос о сношениях населения Кавказа с высокоразвитыми культурами Передней Азии. Как известно, курганы майкопской культуры содержат многочисленные предметы переднеазиатского происхождения. Начало сношений кавказских племен с Передней Азией нередко относят именно к майкопской эпохе. «В конце III тысячелетия до н. э.,— пишет Л. Н. Соловьев,— происходит событие, оставившее глубокий след в развитии племен Северо-Западного Кавказа. Возникают торговые связи с западным и северным побережьем Малой Азии» [2].

Новые материалы показывают, что возникновение сношений Кавказа с культурами древнего Востока относится к гораздо более раннему времени. На Нижне-Шиловской стоянке найдено более 200 кремневых орудий

---

[1] Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. Тр. Абх. ИЯЛИ, XXIX. Сухуми, 1958; А. Д. Столяр. Мешоко — поселение майкопской культуры. «Сборник материалов по археологии Адыгеи», II. Майкоп, 1961; А. А. Формозов. Археологические исследования пещер в верховьях р. Белой в Краснодарском крае. Там же; его же. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, 102, 1962; его же. Периодизация поселений майкопской культуры. «Историко-археологический сборник». М., 1962. Неопубликованные материалы из наших раскопок хранятся в Гос. Эрмитаже (стоянка Скала), Музее антропологии МГУ (Каменномостская пещера) и в ГИМ (Хутор Веселый).

[2] Л. Н. Соловьев. Первобытные стоянки Воронцовской пещеры, их стратиграфия и хронология. Автореф. канд. дис. Симферополь, 1956, стр. 17.

геометрических форм. Как правило, они обработаны по краю не только со стороны спинки, но и со стороны брюшка. Двустороннеобработанные трапеции обнаружены и в Прикубанье — в неолитическом слое Каменномостской пещеры и на местонахождении Овечка под Черкесском. Встречены такие орудия и на стоянках причерноморской полосы Грузии — в Кистрике, Анасеули и Мицисцихе [3]. Эта особенность обработки геометрических орудий совершенно необычна для стоянок Крыма, Левобережной Украины и Западной Европы. Но в Передней Азии изучен ряд стоянок с двустороннеобработанными геометрическими орудиями. Это Эль-Ахмар, Абу-Сиф, Эль-Хиам в районе Мертвого моря [4] и Мугарет эль Вад и Абу-Узба на горе Кармел [5]. Все эти стоянки, принадлежащие к натуфийской культуре, не содержали керамики и должны быть отнесены к мезолиту. В Гелуане в Египте открыты памятники, которые, по мнению большинства исследователей, находились под влиянием натуфийской культуры. Здесь также встречены двустороннеобработанные геометрические орудия [6].

Аналогии геометрическим орудиям неолитических стоянок Северо-Западного Кавказа в натуфийской культуре могли бы показаться случайными, если бы они были единичны. Но на Нижне-Шиловской стоянке и в Кистрике найдена серия других специфических орудий. Это пластинки, у которых недалеко от отбивного бугорка на противоположных краях сделано по две выемки, выделяющие на пластинке как бы головку-черешок. Такие пластинки с выделенной головкой обычны для тех же натуфийских стоянок (Эль-Хиам [7], Мугарет эль Вад) и тех же стоянок в Гелуане [8], где обнаружены и геометрические орудия с двусторонней обработкой. Находки пластинок с выделенной головкой известны также в Алишаре в Малой Азии [9] и в пещере Гар-и-Камарбанд в Иране [10]. Этими двумя формами орудий не ограничиваются параллели неолита Северо-Западного Кавказа с культурами Передней Азии (рис. 1). На Нижне-Шиловской стоянке в большом числе встречались круглые каменные шарики для пращи, но не было найдено ни одного наконечника стрелы. Как установил Г. Чайлд, для многих ранних памятников Передней Азии, таких, как Хассуна, Халаф, Телейлат Гхассул, также характерна замена лука пращей [11].

Глиняные сосуды Кистрика и Нижне-Шиловской стоянки имели баночную форму и плоское дно. Небольшой плоскодонный баночный сосуд найден и в Каменномостской пещере. Так как в районах, лежащих к северу от Прикубанья, в Крыму, на левобережье Украины — древнейшая керамика была остродонной, плоскодонную посуду Кавказа надо связывать с югом, где остродонные горшки неизвестны. Комплекс кремневых орудий Нижне-Шиловской стоянки и среднего слоя Каменномостской пещеры во многом близок к мезолитическим комплексам Кавказа (Сосруко, Холодный грот, Ацинская пещера). Почти все орудия — скребки, резцы, проколки, вкладыши с притупленным краем — изготовлены из тонких, правильно ограненных пластинок. Многочисленны геометрические фор-

---

[3] Подробнее см. А. А. Формозов. Неолит Крыма..., стр. 134.

[4] R. Neuville. Le paléolithique et le mésolithique du désert de Judée. Paris. 1951, рис. 51, *12—16*; рис. 56, *8*; рис. 69, *30*.

[5] D. Garrod, D. Bate. The Stone Age of Mount Carmel. Oxford, 1937, табл. VIII, *14*, *27*; IX, *30*, *35*; M. Stekelis, G. Haas. The Abu Usba Cave. IEI, 2, № 2, 1952, рис. 13, *1—5*, *7—8*.

[6] J. de Morgan. La Préhistoire Orientale, II. Paris, 1926, рис. 61; А. Алиман. Доисторическая Африка. М., 1960, рис. 39.

[7] R. Neuville. Ук. соч., рис. 70, *1*, *2*, *13*, *15*, *19*, *20*.

[8] J. de Morgan. Ук. соч., II, рис. 61.

[9] H. von der Osten, E. Schmidt. The Alishar Hüyük Season of 1927. OIP, VII. Chicago, 1932, рис. 47.

[10] C. Coon. Cave Explorations in Iran, 1949. Philadelphia, 1951, табл. VIII, *2*.

[11] Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 168, 171, 345.

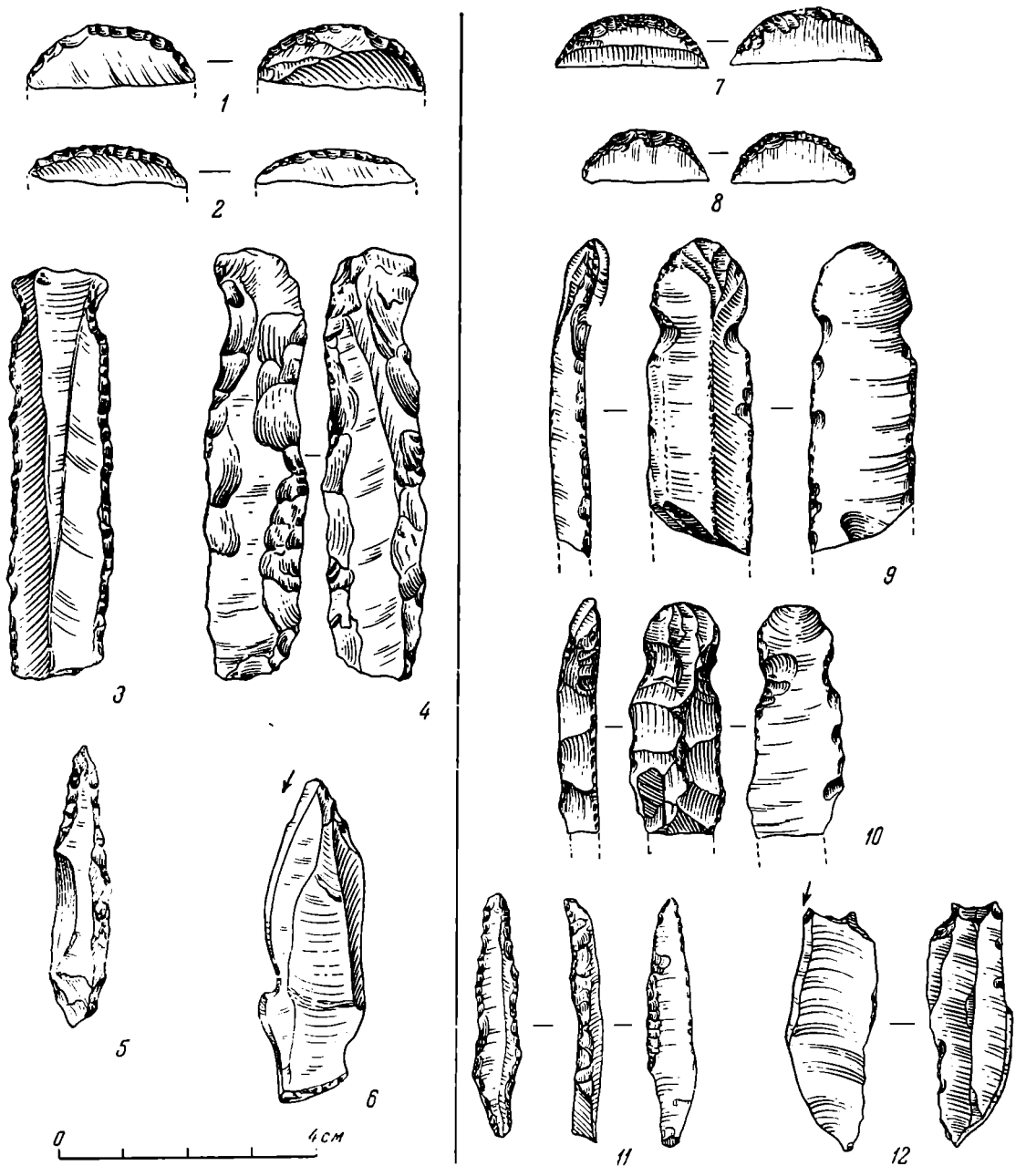


Рис. 1. Кремневые орудия стоянки натуфийской культуры Мугарет эль Вад на горе Кармел (слева, *1—6*) и Нижне-Шиловской стоянки близ Адлера (справа, *7—12*)

мы (рис. 2). О неолитическом возрасте памятников говорят находки в том же культурном слое каменных орудий со сплошной двусторонней обработкой и керамики, а в Нижней Шиловке — и шлифованных клиновидных топоров. Но неолит Северо-Западного Кавказа отличается от местного мезолита не только этим. В неолитическом слое Каменномостской пещеры наряду с костями благородного оленя, косули, медведя, лесной кошки, барсука и выдры найдены кости домашних животных — быка, козы или овцы, свиньи и собаки (определения В. И. Цалкина). Таким образом, решающий перелом в развитии хозяйства произошел на Северо-Западном Кавказе уже в неолите. Подтверждением этому служит тот факт, что в раннем поселении майкопской культуры — Мешоко 96% костных остатков принадлежит домашним животным. В энеолите животноводство имело, очевидно, уже большие традиции.

Можно думать, что близость кремневого инвентаря неолитических стоянок Кавказа к инвентарю переднеазиатских поселений и появление

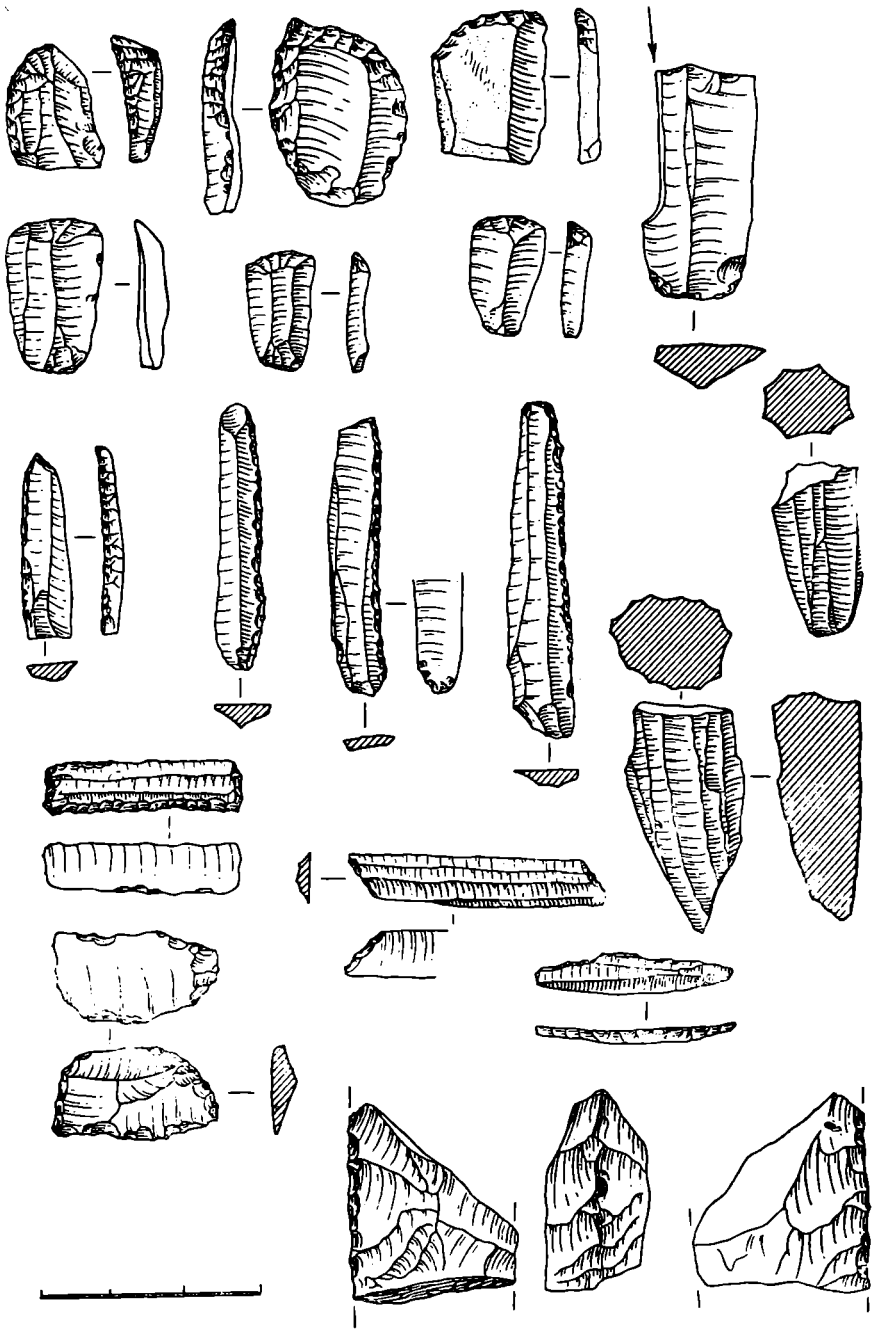


Рис. 2. Кремневые изделия из неолитического слоя Каменномостской пещеры

животноводства на Кавказе — взаимосвязанные явления. Дикие предки ряда домашних животных на Кавказе неизвестны. Скорее всего из передненеазпатских районов, где животноводство появилось уже в мезолите, опыт разведения домашнего скота и проник на Кавказ. Проникновение на Кавказ как животноводства, так и некоторых приемов обработки кремня было медленным. То, что характерно для Передней Азии уже в мезолите, до Кавказа доходит только в неолите.

Находки геометрических орудий, обработанных с двух сторон, тянутся узкой полосой по Черноморскому побережью Кавказа, а далее расходятся веером по северному Предкавказью (Ястак-Худук, Ачикулак, Махмут-Мектеб в Прикаспии, Зензели и Болхуны в низовьях Волги, дюны по Еруслану и Торгуну) [12]. В той же полосе Причерноморья выявлен ряд памят-

[12] Подробнее см.: А. А. Формозов. Неолит Крыма..., стр. 136.

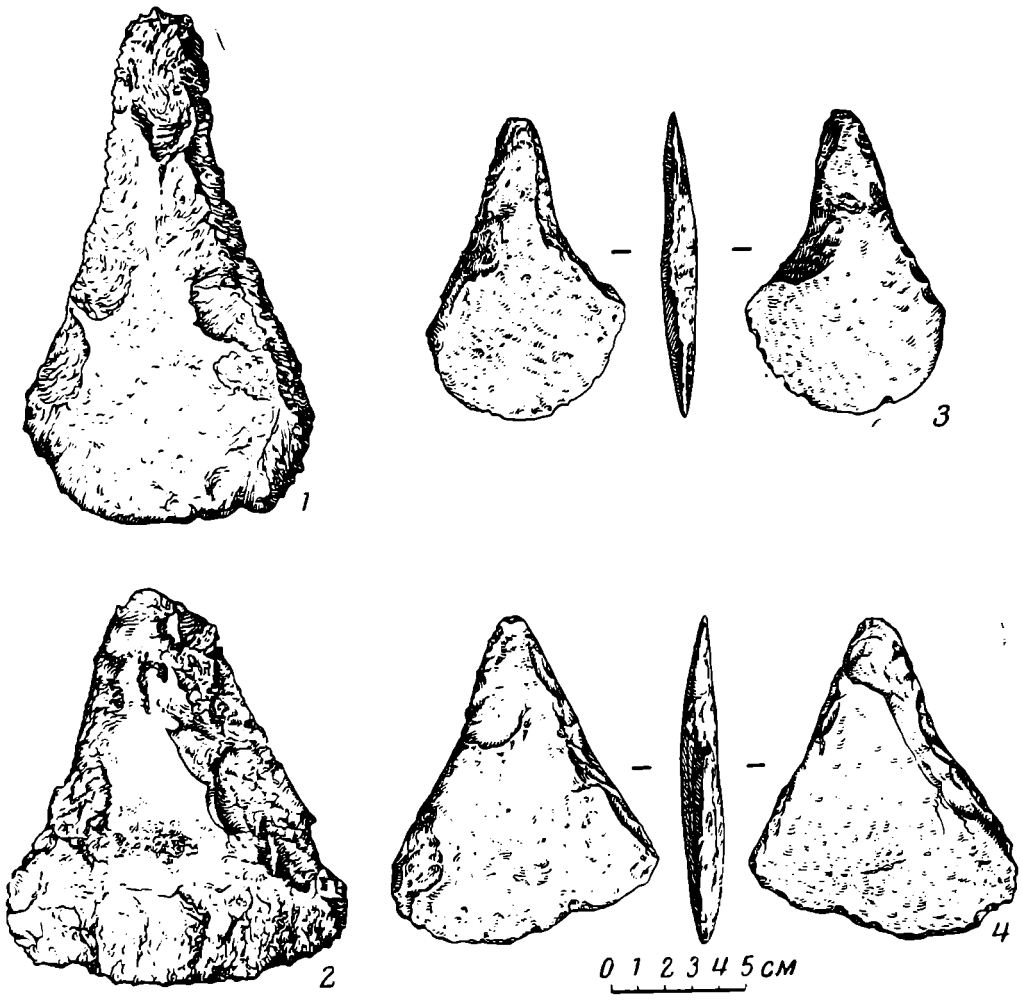


Рис. 3. Каменные мотыги из поселения Хассуна (слева, *1—2*) и из Ахштыря под Адлером (справа, *3—4*)

ников, характеризующих более поздний этап связей Кавказа с древним Востоком. Это стоянки с так называемыми «мотыжками сочи-адлерского типа» — тяпкообразными орудиями из галек. Такие мотыжки найдены на р. Мзымте близ сел Ахштырь, Казачий брод, Молдовка, в районе Адлера — у овощесовхоза, совхоза им. Фрунзе, около Сочи — на Батарейке, Ажеке и Пластунке и т. д. [13]. Хотя Л. Н. Соловьев утверждает, что к югу от Гагр находки тяпкообразных орудий неизвестны [14], при раскопках самого Л. Н. Соловьева такие орудия обнаружены на поселении у Очемчирского порта [15]. Это поселение — единственный памятник Кавказа, где мотыжки найдены в комплексе при раскопках [16]. Дата поселения, вероятно,— конец III тысячелетия до н. э. [17]. Другие находки мотыжек сделаны на распаханных участках и датировка их неясна. Существенно, однако, что вместе с микролитами мотыжки не встречаются. В Передней Азии совершенно аналогичные каменные мотыги найдены уже в памятниках V—IV тысячелетий до н. э., (рис. 3). Не исключено, что и некоторые из кавказских находок относятся к этому времени.

---

[13] В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа. КСИА АН СССР, 84, 1961.

[14] Л. Н. Соловьев. Новый памятник..., стр. 138.

[15] Л. Н. Соловьев. Энеолитическое селище у Очемчирского порта. Тр. Абх. ИЯЛИ, 15. Сухуми, 1939, табл. I, *4*; III, *5*; IV, *2*.

[16] **Указания на находки** мотыжек в Ахштырской и Воронцовской пещерах (Л. Н. Соловьев. Новый памятник..., стр. 143; В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Ук. соч., стр. 29) не соответствуют действительности.

[17] Л. Н. Соловьев. Новый памятник..., стр. 150.

Из поселений Передней Азии каменные мотыжки, сходные с адлерскими, дают Хассуна [18], Сиалк [19], Джемдет-Наср [20], Сузы I [21]. В распространении мотыжек переднеазиатского типа на Черноморском побережье Кавказа можно видеть отражение второго этапа связей неолитических кавказских племен с южными районами. Мотыжки документируют существование земледелия в позднем неолите Кавказского Причерноморья. Но, может быть, навыки земледелия появились здесь и раньше, вместе с животноводством, еще на стадии Нижне-Шиловской стоянки и среднего слоя Каменномостской пещеры. Зачатки земледелия известны уже в позднемезолитической натуфийской культуре, а именно от нее население Кавказа заимствовало ряд особенностей обработки кремня.

Итак, изучение неолитических стоянок Северо-Западного Кавказа приводит нас к выводу, что сношения этого района с Передней Азией сложились задолго до майкопской эпохи и что к этому раннему этапу связей надо отнести освоение земледелия и животноводства на Кавказе. Нельзя согласиться с мнением Г. Чайлда, считавшего, что связи майкопской культуры с югом были вызваны стремлением месопотамских купцов к месторождениям меди, золота и серебра в Прикубанье [22]. Поскольку сношения Кавказа с Передней Азией зародились еще тогда, когда все орудия изготовлялись из камня, нужно искать другие причины связей.

Если мы картографируем находки орудий переднеазиатских типов на Кавказе, то увидим, что основной путь с юга на Северный Кавказ пролегал по Черноморскому побережью до низкой, доступной для перевалов северной оконечности главного Кавказского хребта (рис. 4). Основная масса точек на карте находится близ перевала — от района Адлера — вверх по Мзымте — через хребет к верховьям Белой.

Этот путь сохранил свое значение и в энеолите, о чем говорят находки импортной керамики в памятниках майкопской культуры. Впервые тонкостенная великолепно обожженная лощеная керамика красного цвета была выделена как импортная Л. Н. Соловьевым в стоянках Воронцовской пещеры: в гротах Тоннель, Колокольный, Заложенный и на площадке IV входа [23]. Затем мы обнаружили такую же керамику в Хаджохских навесах на Белой [24] и в верхнем слое Каменномостской пещеры. Происхождение керамики не может быть указано с точностью, но чуждость ее для майкопской культуры несомненна. Для импортной посуды характерны вертикальные пластинчатые ручки (Хаджох, Колокольный грот). Сосуд с пластинчатыми ручками найден и в майкопском погребении у ст. Раевской под Новороссийском [25]. Пластинчатые ручки известны и в энеолитической керамике Малой Азии (Тильки-Тепе).

Таким образом, точки находок импортной керамики ложатся на уже намеченную нами древнюю дорогу по побережью Черного моря — до самой низкой части хребта, а потом к верховьям Белой на его северном склоне.

Не заглох этот путь и во II тысячелетии до н. э., судя по распространению дольменов из Причерноморья на Северный Кавказ. Если древнейшие и самые большие дольмены обнаружены на побережье, то в дальней-

---

[18] Seton Lloyd, Fuad Safar. Tell Hassuna. JNES, IV, 4. Chicago, 1945, рис. 19—20.

[19] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk près de Kashan, I. Paris, 1938, табл. LVII, *9*.

[20] E. MacKay. Report on Excavations at Jemdet Nasr, Iraq. «Field Museum of Natural Histoiry, Anthropology, Memoirs», I, 3, 1931, табл. LXXV, *10*.

[21] J. de Morgan. La Préhistoire Orientale, III. Paris, 1927, рис. 89, 103—104.

[22] Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 211.

[23] Л. Н. Соловьев. Новый памятник..., стр. 153—154.

[24] А. А. Формозов. Археологические исследования..., стр. 64—67.

[25] В. И. Сизов. Восточное побережье Черного моря, археологические экскурсии. МАК, II, 1889, стр. 94—97, табл. XVI.

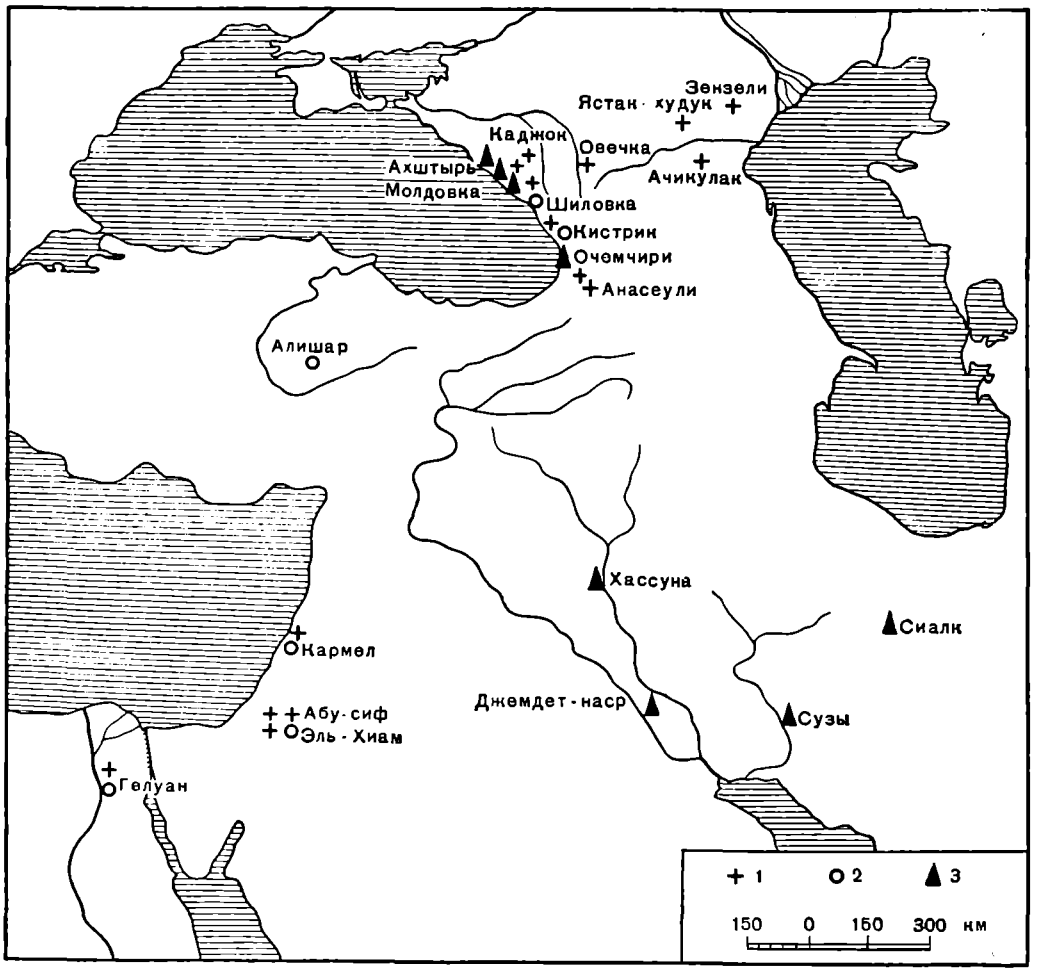


Рис. 4. Карта находок каменных орудий переднеазиатских типов на Кавказе

1 — геометрические орудия с двусторонней обработкой; *2* — пластинки с выделенной головкой; *3* — мотыжки

шем наблюдается распространение их в Прикубанье[26], причем наиболее крупные группы дольменов отмечаются в районе Новороссийска и в долине Белой[27].

Исследование неолитических поселений на Северо-Западном Кавказе дало первые материалы к проблеме происхождения майкопской культуры, проблеме, которая, как справедливо писал Р. М. Мунчаев, до сих пор даже не ставилась[28]. Не менее важны для исследования этой проблемы и коллекции из поселений самой майкопской культуры. До раскопок поселений массовый бытовой инвентарь этой культуры оставался неизвестным. Сейчас ясно, что на протяжении почти всего времени существования майкопской культуры бóльшая часть орудий изготовлялась из камня. Найдены сотни клиновидных шлифованных топоров, кремневых скребков, наконечников стрел, вкладышей и т. д. (рис. 5). Сопоставление материалов неолитических стоянок с каменными орудиями и керамикой майкопских поселений весьма интересно.

В Нижне-Шиловской стоянке, в среднем слое Каменномостской пещеры и в Овечке найдены геометрические орудия со специфической обработкой с двух сторон. Сегментовидные геометрические орудия обнаруже-

---

[26] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, I. Тбилиси, 1949, стр. 260.

[27] См. карту в работе: Л. И. Лавров. Дольмены Северо-Западного Кавказа. Тр. Абх. ИЯЛИ, XXXI, 1960.

[28] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100. 1961, стр. 155.

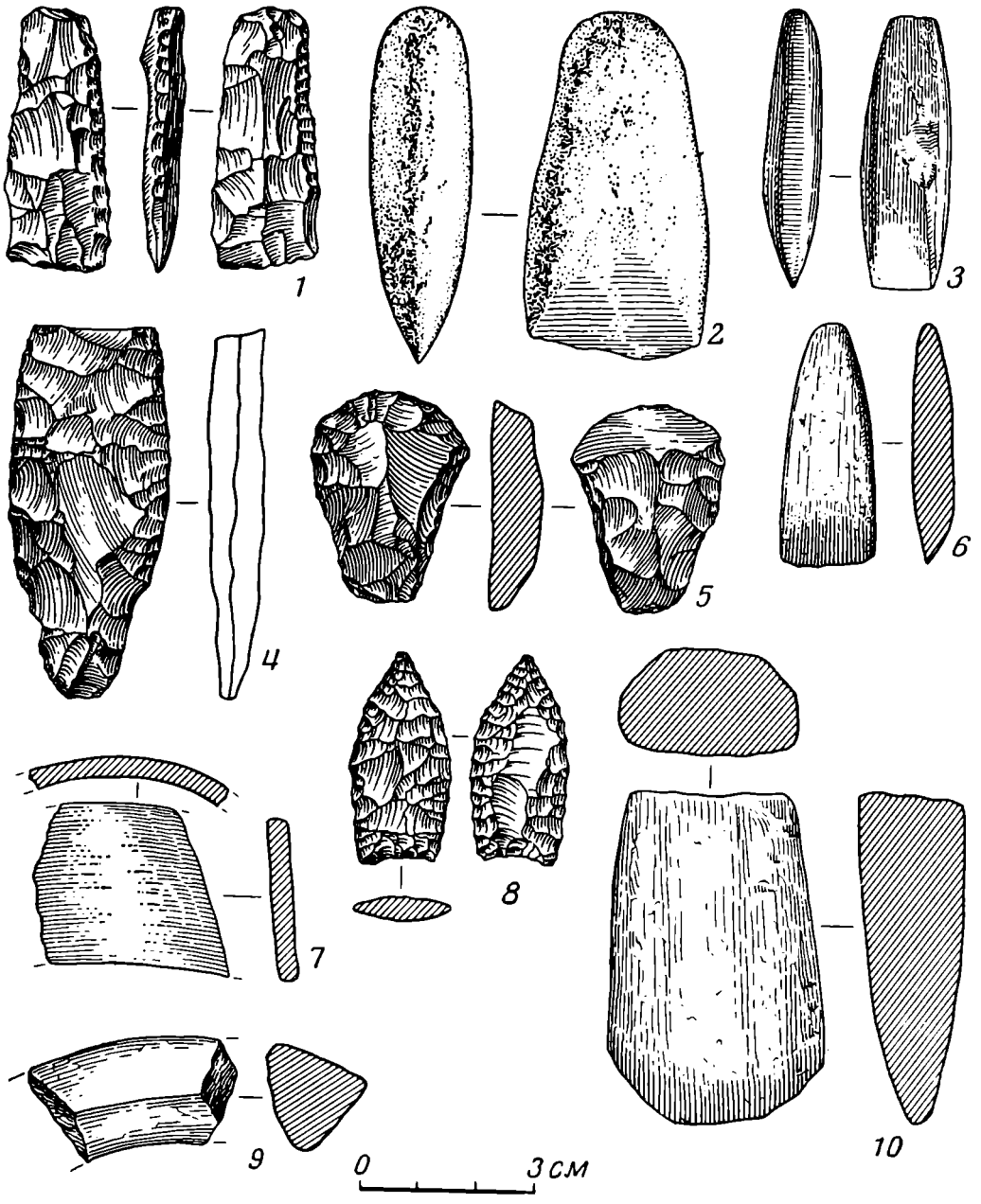


Рис. 5. Каменные изделия со стоянок майкопской культуры на р.Белой

1—6 — поселение Скала, *7—10* — поселение у хутора Веселого (*1* — вкладыш; *2*, *3*, *6*, *10* — полированные топоры и долота; *4*, *8* — наконечники стрел; *5* — скребок; *7*, *9* — обломки каменных браслетов)

ны и в Майкопском кургане [29], и в поселениях той же культуры Мешоко [30] и Ясенова поляна [31]. Некоторые из этих сегментов имеют двустороннюю обработку. Это указывает на определенную генетическую связь майкопской культуры с местным неолитом.

Нижне-Шиловская стоянка дала большое число каменных шариков для пращи. Круглые пращные шарики найдены в Мешоко и в курганах ст. Новосвободной — в кургане, раскопанном Н. Л. Каменевым в 1869 г., и в камере I кург. № 2, раскопанного Н. И. Веселовским в 1898 г. [32]. Вполне сходны с клиновидными шлифованными топорами Нижней Шиловки и Кистрика топоры Мешоко, Скалы, Веселого и Очажного грота Воронцовской пещеры.

---

[29] ОАК за 1897 г., рис. 16.
[30] А. Д. Столяр. Ук. соч., рис. 15, *12—18*.
[31] Раскопки П. А. Дитлера и автора в 1963 г.
[32] Б. А. Куфтин. Ук. соч., рис. 65, *6*; ОАК за 1898 г., табл. I, *15*; IV, *46*.

Керамика майкопской культуры очень редко украшалась орнаментом. В неолите Северо-Западного Кавказа орнаментированная глиняная посуда также почти не встречается. В Нижне-Шиловской стоянке среди сотен фрагментов керамики нет ни одного орнаментированного. Это совпадение не может быть случайным. Энеолитические культуры степей Причерноморья, как и культуры более отдаленной лесной полосы, а также культуры Передней Азии характеризуются богато орнаментированной посудой.

Таким образом, имеется небольшое число фактов, указывающих на роль местных неолитических культур в формировании майкопской культуры. Нельзя, однако, не сказать и о другой группе фактов. Керамика из Нижне-Шиловской стоянки, Кистрика и неолитического слоя Каменномостской пещеры — баночная плоскодонная. В майкопских памятниках баночных сосудов нет, здесь больше всего круглодонных горшков с резко отогнутым горлом.

Кроме сегментов из Майкопского кургана, Ясеновой поляны и Мешоко, мы не находим в майкопских поселениях и погребениях никаких орудий микролитического характера. В Мешоко, Веселом, Скале, где собрано множество изделий из камня, совсем нет правильно ограненных нуклеусов, тонких пластинок и орудий из них. Почти все орудия изготовлены из крупных отщепов. В неолитических памятниках Кавказа нет кремневых наконечников стрел. По-видимому, как и в ряде культур Переднего Востока, лук был здесь заменен пращей. Во всех поселениях и в ряде погребений майкопской культуры (Майкопский курган, Новосвободная, Костромская, Новолабинская) найдены кремневые наконечники стрел.

Все это показывает, что между неолитическими памятниками Северо-Западного Кавказа и майкопской культурой существует значительный разрыв. Керамика начала майкопской культуры по характеру обработки обнаруживает мало общего с неолитической керамикой Северного Кавказа. В то же время в достаточно удаленном районе Закавказья — в пещере Дошаки в Мингрелии обнаружены тонкостенные лощеные круглодонные сосуды, весьма близкие к майкопским [33].

В Западном Закавказье известны и стоянки, сходные по составу инвентаря с древнейшими поселениями майкопской культуры. Так, почти совпадают типы вещей нижнего слоя Мешоко и так называемого «неолитического слоя» пещеры Сагварджиле на р. Дзевруле [34]. Сходны клиновидные топоры, наконечники стрел (с прямым и вогнутым основанием и черешковые), скребки высокой формы, вкладыши, костяные рыболовные крючки. Много общего и в керамике, как правило, неорнаментированной и лощеной. Сходен состав стада поселений. Особенно интересно, что в обеих стоянках найдены сотни обломков каменных браслетов. Этот специфический вид украшений распространен только в двух районах СССР: на северо-западе Кавказа (восемь пунктов) и в Западной Грузии (пять пунктов). Браслеты Сагварджиле и Мешоко очень похожи: у них то треугольное, то квадратное, то пластинчатое сечение, нередки на них и сверлины для связывания в местах поломки.

Коллекция из Сагварджиле происходит из слоя мощностью около 3 *м*, в верхней части которого встречены уже медные изделия. Относить данный комплекс к развитому неолиту, как это пытается делать Н. З. Бердзенишвили, нет оснований. Однако, безусловно, такой мощный слой накапливался длительное время. В нижней части слоя попадаются микролитические изделия. По-видимому, здесь можно проследить формирование энеолитической культуры Западного Закавказья, характеризующейся каменными браслетами, на основе местного микролитического неолита.

---

[33] Коллекция в музее г. Поти.

[34] Коллекция Музея Грузии из раскопок Н. З. Бердзенишвили. См. «Археология Грузии». Тбилиси, 1959, стр. 58—59, табл. VI (на груз. яз.).

В эпоху энеолита в Сагварджиле микролитическая техника обработки кремня уже исчезает.

Для проблемы генезиса майкопской культуры очень важно, что наиболее раннее поселение этой культуры чрезвычайно близко по составу находок к Сагварджиле и другой западногрузинской стоянке — Тетрамица [35]. Видимо, наряду с местным неолитическим субстратом в сложении майкопской культуры приняли активное участие и носители культуры Западной Грузии. В дальнейшем закавказские традиции в майкопской культуре сходят на нет. Если нижний слой Мешоко похож на «неолит Сагварджиле», а кое в чем (рельефный криволинейный орнамент, изредка встречающийся на керамике) и на «куро-аракский энеолит», то в верхних слоях Мешоко и в других майкопских поселениях распространяется орнаментация в виде жемчужин, совершенно неизвестная в Закавказье. В эту эпоху складывается и особый майкопский набор металлических орудий.

Уже изучение коллекции из Майкопского кургана позволило выделить в этом комплексе два составных компонента. Один — местный (кремневые сегменты, полированный клиновидный топор) — был представлен бедно, другой — связанный с Передней Азией (золотые и серебряные сосуды, бусы из полудрагоценных камней и т. д.), напротив, был очень ярок. В раскопках поселений мы имеем дело главным образом с местным компонентом майкопской культуры. Эта часть майкопского комплекса поразительно примитивна. На стоянках нет ни одного сверленого орудия. Излюбленные украшения — каменные браслеты изготовлялись без применения сверления, путем выдалбливания галек с двух сторон или при помощи вырезания из плиток сланцевидной породы [36]. Такое же двустороннее выдалбливание галек, как в Мешоко, встречается еще в палеолите [37]. Очень архаичны и другие украшения с поселений — подвески из зубов и челюстей животных и т. д. В ранних поселениях майкопской культуры — Мешоко, Ясенова поляна и хутор Веселый — найдены обсидиановые орудия. Петрографическое исследование показало, что это грузинский или армянский обсидиан. Импорт закавказского обсидиана, конечно, не мог иметь места при развитой металлургии.

Только в конце майкопской эпохи, в период существования стоянки Хаджох каменные орудия были вытеснены медными. Видимо, именно тогда возникла местная металлургия меди, знакомая нам по находкам в погребениях типа Новосвободной. До этого немногочисленные импортные медные орудия не могли изменить облик производственного инвентаря культуры. В свете новых материалов майкопская культура выглядит более архаичной, чем это казалось по погребальным памятникам. Местный компонент этой культуры имеет вполне неолитический характер. Очевидно, влияние высокоразвитых переднеазиатских культур, ускорившее развитие кавказского общества, легло на достаточно примитивную местную основу.

На шести поселениях майкопской культуры — в Мешоко, Скале, хуторе Веселом, Ясеновой поляне, в верхнем слое Каменномостской пещеры и в Очажном гроте Воронцовской пещеры [38] найдены обломки каменных браслетов. В Мешоко их много сотен. Каменный браслет найден и в погребении майкопской культуры у ст. Тульской [39] вместе с сосудом из листо-

---

[35] Н. З. Киладзе. Памятник нового каменного века из Тетрамица. ВГМГ, 29, 1951.

[36] А. Д. Столяр. Ук. соч., стр. 94.

[37] Ср. P. Teilhard de Chardin, Pei Wen Chung. Le néolithique de la Chine. Peking, 1944, рис. 45.

[38] Л. Н. Соловьев (Новый памятник..., стр. 146—147) рассматривал Очажный грот как домайкопское поселение. После раскопок на р. Белой ясно, что это поселение среднего этапа майкопской культуры, синхронное верхнему слою Мешоко, Скале и Веселому, но более молодое, чем Майкопский курган и нижний слой Мешоко.

[39] ОАК за 1897 г., стр. 21. Коллекция ГИМ № 42403.

вой меди, типа Майкопа и Новосвободной. Тот факт, что каменные браслеты оказались характернейшим украшением майкопской культуры, заставляет обратиться к проблеме датировки Нальчикского могильника. Этот могильник, содержавший погребения с каменными браслетами, принято считать домайкопским [40]. Новые материалы позволяют в этом усомниться. Каменные браслеты встречены не только в семи майкопских памятниках, но и в других отнюдь не неолитических комплексах. Это, во-первых, поселение ямной культуры Михайловка на Днепре [41]. Во-вторых, это погребение у Криволучья на Средней Волге, где найден также сверленый топор с цапфами — предмет, который не может быть старше начала II тысячелетия до н. э. [42]. Наконец, каменные браслеты обнаружены в трех могильниках середины III тысячелетия до н. э. близ г. Сачхере [43].

Не только эти факты, но и наблюдения над материалами самого Нальчикского могильника говорят о необходимости пересмотреть его датировку.

Показательно, что в инвентаре могильника нет микролитических изделий тех пережиточно-мезолитических форм, которые есть во всех неолитических памятниках Кавказа, Крыма и Украины и встречаются даже на ранней ступени майкопской культуры — в Мешоко, Ясеновой поляне и Майкопском кургане.

Все кремневые изделия из насыпи Нальчикского могильника — широкие пластины с ретушью, массивные концевые скребки из отщепок, нуклеусы и т. д.— вполне сходны с находками на майкопских поселениях долины Белой [44].

Далее, совершенно аналогичны с находками в Мешоко костяные украшения из Нальчикского могильника. Таковы подвески из зубов оленя и лисицы [45], серповидная пластина из клыка кабана со сверлинами на двух концах [46]. Сходные с нальчикскими каплевидные подвески из зубов оленя найдены и в погребениях близ Новосвободной и хутора Штурбина. Каменная статуэтка из Нальчикского могильника очень напоминает статуэтку из Мешоко по своему специфическому изгибу [47].

Помимо основной «неолитической» группы погребений в Нальчикском могильнике имеется группа впускных погребений. А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий с полным основанием сближают эти погребения с погребениями северокавказской культуры II тысячелетия до н. э. Однако те же авторы не могут не отметить «черт сходства» и «генетической связи» основной и впускной групп погребений [48]. Во впускных могилах встречались, например, такие же подвески из зубов оленя, как и в основных погребениях Нальчика. Интересно, что здесь, как и в майкопских погребениях, найдены бусы из сердолика. Встает вопрос, где же при генетической связи «неолитических» и северокавказских погребений остается место для майкопской культуры?

Рассмотрение ориентировки погребений Нальчикского могильника позволяет говорить об эволюции от направления восток — запад к направ-

---

[40] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, 3, 1941.

[41] О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. Київ, 1962, рис. 39, *3*.

[42] В. В. Гольмстен. Погребение из Криволучья. СГАИМК, 6, 1931, стр. 7—8.

[43] Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, VIII, 1940, рис. 1. Коллекция Музея Грузии 9—61, № 112, и 10—61, № 69, 70.

[44] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., рис. 62, 63.

[45] Там же, рис. 7, 8, 25, 38, 49, 54, табл. I, IV, IX.

[46] Там же, рис. 27.

[47] Там же, табл. VIII, *1*; ср. А. Д. Столяр. Ук. соч., табл. 15, *1*.

[48] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., стр. 128.

лению север — юг [49]. Южная ориентировка, как известно, характерна и для погребений майкопской культуры.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что Нальчикский могильник не является предшественником майкопской культуры, а скорее всего синхронен ей. Датировка могильника второй половиной III тысячелетия до н. э. [50], предложенная в публикации А. П. Круглова, Б. Б. Пиотровского и Г. В. Подгаецкого, может быть принята и сейчас. Мы не видим оснований для предложения Е. И. Крупнова датировать могильник временем не позднее середины III тысячелетия до н. э. [51].

Наша точка зрения на Нальчикский могильник не нова. Еще Г. Чайлд считал, что этот памятник оставлен современниками людей, насыпавших Майкопский курган, только в гораздо меньшей степени, чем последние, связанными с Передней Азией [52]. Нальчикский могильник, конечно, нельзя считать памятником майкопской культуры. Видимо, центральную часть Северного Кавказа во второй половине III тысячелетия до н. э. заселяли племена другой культуры. Если племена Прикубанья еще с неолитической эпохи наладили по Черноморскому побережью обмен с населением Малой и Передней Азии, то обитатели современной территории Кабардино-Балкарии и в эпоху энеолита в значительной мере сохранили свою автаркию. Только отдельные вещи (медная подвеска, средиземноморские раковины Pectunculus) указывают на влияние областей с более высокой культурой и на этот район.

Древнейшие памятники майкопской культуры — Мешоко, Майкопский курган, курганы у Армавира, Тбилисской и Казанской станиц, Старомышастовский клад находятся в Прикубанье. Восточные памятники майкопской культуры, такие, как Бамутские курганы, относятся уже к позднему новосвободненскому ее этапу. Долинское поселение близ Нальчика отличается от стоянок на Белой крайне незначительным числом находок каменных орудий. Среди них асимметричные «флажковидные» наконечники стрел, такие же как в позднемайкопском кургане близ Костромской [53]. Видимо, и Долинское относится к концу майкопской культуры.

Древнейшие поселения майкопской культуры, как уже говорилось, тесно примыкают по облику своего инвентаря к поселениям Закавказья. Все это позволяет считать, что формирование майкопской культуры проходило в районах, близких к Черному морю и древнему пути, связывавшему Закавказье с Северным Кавказом. Появление памятников майкопского типа в центральной части Северного Кавказа — явление более позднее.

На территории Чечено-Ингушетии и Северной Осетии, занятой в новосвободненское время майкопскими племенами, известны более ранние поселения «куро-аракского энеолита» (Луговое, Шау-Легет) [54]. Согласно наблюдениям В. И. Марковина, наследница майкопской — северокавказская культура имела тенденцию расширять свой ареал на восток [55]. Все это дает право думать, что в середине III тысячелетия до н. э. на Северо-Западном Кавказе существовала ранняя майкопская культура, а в центральной части Кавказа ей была синхронна нальчикская. Только позднее майкопские племена продвинулись на территорию Кабардино-Балкарии. На возрастание влияния майкопской культуры за время суще-

---

[49] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., стр. 125.

[50] Там же, стр. 127.

[51] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 34.

[52] Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации, стр. 212.

[53] А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, *3*, рис. 25, *2—3*; ср. ОАК за 1897 г., рис. 61—62.

[54] Р. М. Мунчаев. Ук. соч.

[55] В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, 93, 1960, стр. 116.

ствования Нальчикского могильника может указывать постепенное изменение ориентировки нальчикских погребений, завершившееся переходом к чисто майкопской ориентировке головой на юг.

Близость к пути, связывавшему Северный Кавказ с Передней Азией, во многом определила высокий уровень майкопской культуры. Вероятно, вдоль Каспийского побережья точно так же шли пути связей культур северо-востока Кавказа с Восточным Закавказьем, отразившиеся в большой близости энеолитических поселений Дагестана и Ингушетии к «куро-аракскому энеолиту». Центральная часть Северного Кавказа, отделенная от Закавказья самым высоким участком Главного хребта, была в меньшей степени подвержена влиянию культур древнего Востока. Здесь жили общества с более архаичной материальной культурой, оставившие памятники типа Нальчикского могильника.

Так представляются нам некоторые вопросы ранней истории племен Северного Кавказа в свете последних раскопок.

А. А. МАРТИРОСЯН

О ПЕРИОДИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АРМЕНИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Крупные археологические открытия последних десятилетий в Армении и на Кавказе, на территории Передней и Малой Азии, расширение всего фронта раскопочных работ, применение методов точных наук в исследованиях по древней культуре и особенно новые достижения в области уточнения периодизации истории древнего Востока все более активно содействуют разрешению проблемы хронологии археологических памятников Армении в пределах III—I тысячелетий до н. э. Этим самым открываются новые пути к познанию внутренних закономерностей исторического процесса на последних этапах развития первобытного общества и в период возникновения ранних классовых образований на юге СССР.

Обнаружение особенно интересных и сложных памятников так называемого куро-аракского энеолита [1] на территории Советской Армении, Турции и Ирана: от Аракса и Арарата до верховьев р. Евфрат, от Евфрата до берегов оз. Ван и Урмия (Капутан), т. е. в естественных пределах всего Армянского нагорья,— позволяет усматривать наличие локального очага самобытной культуры на территории Армянского нагорья и в смежных областях Кавказа.

За пределами Армянского нагорья распространены глубоко отличные по облику и особенностям памятники малоазийских и ближневосточных культурных центров, связанных с Арменией с древнейших времен.

Знаменательны в этой связи факты последовательного залегания культурных слоев, характерных для так называемого «куро-аракского энеолита» (Геой-Тепе, на берегу оз. Урмия, слой «К» [2]) или содержащих определенные его элементы (памятники типа Кирбет-Керак, Сирио-Палестина [3]), над остатками древних поселений, имеющих близкое отношение к культуре переднеазиатских центров конца IV и начала III тысячелетия до н. э. (Обеид, Сузы I, Урук, Джемдет-Наср), а также факты выявления типичных для Армении памятников III тысячелетия до н. э. под слоями, датируемыми временем бытования «каппадокийской» керамики (рубеж III—II тысячелетий до н. э.) [4].

Последние работы зарубежных и советских специалистов [5], рассмат-

---

[1] Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. ВГМГ, XII, 1944.

[2] T. Burton-Brown. Excavations in Azarbaijan, 1948. London, 1951, стр. 264—265.

[3] S. Hood. Excavations at Tabara-el-Akrad, 1948—1949. AS, I, 1951, стр. 119.

[4] W. Lamb. The Culture of Northeast Anatolia and its Neighbours. AS, IV, 1954, стр. 21—32.

[5] А. А. Иессен. Хронология кавказских культур эпохи энеолита и бронзы. Доклад на сессии по археологии Дагестана в г. Махач-Кале 13 мая 1959 г.; его же. Кавказ и древний Восток в IV—III тысячелетиях до н. э. КСИА АН СССР, 93, 1963,

ривающих археологические памятники Кавказа, Армянского нагорья и Передней Азии в общей взаимосвязи, создают реальную базу глубокой интерпретации культуры III тысячелетия до н. э.— времени мощного подъема земледелия и скотоводства, возникновения и становления металлообработки на территории Армении и Закавказья.

В этих работах намечаются тенденции хронологического сближения памятников Армении и Кавказа с памятниками культуры Месопотамии и Египта, а также Анатолии, северо-западного Ирана, некоторых районов Восточно-Средиземноморского побережья, которые, равно как и Армения, являлись периферийными областями древнего Востока.

При сопоставлении названных выше районов Кавказа и Передней Азии следует иметь в виду, однако, что, отображая развитие культуры разных этнических объединений, стоявших на различных уровнях социального прогресса, памятники эти являются не совсем однородными и не вполне синхронными, хотя и характеризуют собою культуру определенного исторического этапа на ступени развития древней металлургии.

Взаимообусловленность и взаимосвязь культур указанных выше областей Переднего Востока и Армении прослеживаются четко уже при разборе ярких археологических памятников второй половины III тысячелетия до н. э., которые характеризуют этап древнебронзовой культуры Армянского нагорья. При этом данные анализа археологического материала Армении и Месопотамии вполне гармонируют с сообщениями древневосточных письменных источников (XXVI—XXI вв. до н. э.) о постоянном контакте Шумера и Месопотамии (Лагаш, Ур, Аккад) с хурритским населением государства Субарту, включавшего значительную часть северной Месопотамии и Армянского нагорья.

Таким образом, основное направление культурных взаимосвязей Армении определялось создавшейся в Месопотамии исторической ситуацией, отнюдь не исключавшей возможности связей также с приевфратскими областями северной Сирии (Тиль-Барсип, Кархемиш и другие центры) и с западным Ираном (Сузы, Сиалк III, Тепе-али-абад).

Археологические памятники древнебронзового этапа культуры Армении, охватывающие вторую половину III тысячелетия до н. э., могут быть разделены на две большие хронологические группы. В раннюю мы склонны включить верхние строительные горизонты многослойного Шенгавитского поселения[6], слои поселения в Каразе[7], нижние пласты эллинистического городища Гарни[8] и соответствующие им слои ряда других памятников, которые характеризуются почти однообразным составом оригинальной черноангобированной керамики с рельефно-выпуклой, вдавленной или гравированной геометрической орнаментацией весьма сложных композиций (рис. 1, *21—32*) и сопровождающим комплексом генетически связанных между собой металлических изделий (клиновидные, рис. 1, *38*; примитивно-вислообушные топоры или формы для их отливки, рис. 1, *27, 28*; плоские кинжальные клинки, рис. 1, *18, 19;* наконечники копий с четырехгранным насадом, рис. 1, *36*; клевцы, рис. 1, *33, 34*) и пр. Хронологическими опорами для памятников указанной группы могут служить погре-

---

стр. 3—14; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961; К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Историческое значение южного Кавказа в III тысячелетии до н. э. СА, 1963, 3, стр. 10—23; Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. СА, 1964, 1.

[6] Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, 1949, XI, стр. 172 сл.

[7] H. Z. Koşay, K. Turfan. Erzerum-Karaz kazisi raporu. TTKB, 1956, XXIII, 91, стр. 349 сл., рис. 174—175, 177—178 и др.

[8] Б. Н. Аракелян. Гарни, 1. Ереван, 1951, стр. 22, рис. 4—14. Особенно интересны еще не опубликованные результаты раскопок соответствующих слоев Гарни, проведенных археологом Э. В. Ханзадян.

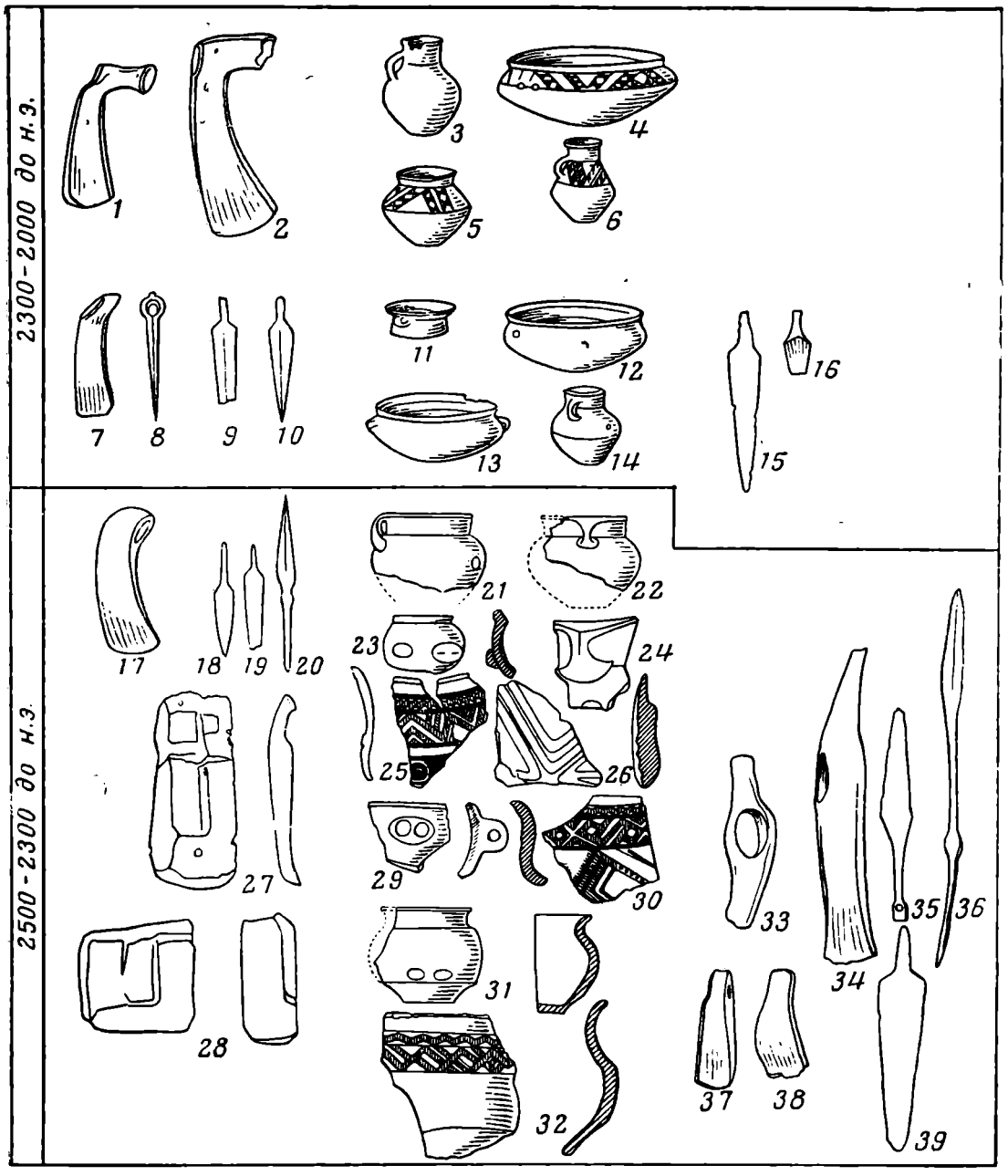


Рис. 1. Памятники эпохи ранней бронзы

Первый период. 2500—2300 гг. до н. э. *28*, *29—32* — Шенгавит; *27*, *21—26* — Гарни; *17—19*—Караз; *20* — Дендер-Тепе; *37* — Кети; *33*, *38*, *39* — Ленинакан; *34*— Ала-Верды; *35* — Кировакан; *36* — р-н оз. Севан.
Второй период. 2300—2000 гг. до н. э. *7—8*— Эчмиадзинский музей; *9—16*—Элар; *3—6*— Арагац; *1* — Адиаман; *2* — Ленинакан

бальные комплексы Урского могильника [9] с датировкой, близкой к середине III тысячелетия до н. э., инвентарп погребений Тиль-Барсипа [10] времени аккадской династии и каменных ящиков Кархемиша [11], датировка которых также определяется второй половиной III тысячелетия до н. э.

Рассматриваемая ранняя группа памятников этапа древнебронзовой культуры Армении имеет свои яркие параллели лишь на территории Грузии (поселения Кульба-Кеби, Ялбузп в Юго-Осетии, находки в ЗАГЭС [12])

[9] L. Woolley. Ur und die Sintflut. Leipzig, 1931, табл. 7 и 10.

[10] Christian. Altertumskunde des Zweistromlandes, I. Leipzig, 1940, табл. 388, 7.

[11] D. G. Hogarth. The Kings of the Hittites. London, 1926, стр. 25, рис. 26.

[12] В. П. Любин. Археологическая разведка в окрестностях города Сталинира. КСИИМК, 1955, 60, стр. 14—16; Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 35; его же. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 10—13

и несколько более отдаленные соответствия на Северном Кавказе [13]. Возможно, что в дальнейшем можно будет установить синхронность поселений типа Долинского с верхними слоями Шенгавита и увязать датировку погребальных памятников типа Майкопского кургана с верхним хронологическим рубежом рассматриваемых памятников Армении.

Ко второй, более поздней фазе древнебронзового этапа относятся, на наш взгляд, памятники типа эларского [14] и ахтамирского [15] поселений,— верхнего слоя поселения Геой-Тепе и чрезвычайно характерные «каменные ящики» Арагаца [16], которые представляются нам наиболее поздними археологическими комплексами III тысячелетия до н. э.

Черноангобированная керамика упомянутых поселений отличается простотой форм, отсутствием сложной орнаментации (рис. 1, *11—14*) и в редких случаях гравированными ленточными украшениями (Арагац) упрощенного «энеолитического» облика (рис. 1, *3—6*), связывавшего орнаментацию керамики второй половины III тысячелетия до н. э. с мотивами украшения расписных сосудов первой четверти II тысячелетия до н. э. С этой группой памятников сближаются металлические изделия эларского могильника (кинжальные клинки, рис. 1, *9*, *10*, *15*, *16*; спиральные браслеты из мышьяковистой бронзы) и своеобразная группа случайно обнаруженных кинжальных клинков и висло-трубчатообушных топоров (рис. 1, *1, 2, 7*), которые в ряде археологических комплексов древнего Востока и Кавказа сопровождаются наконечниками копий с четырехгранным насадом и другими предметами, известными в этих районах со второй половины III тысячелетия до н. э. Что касается наконечников копий с четырехгранным насадом, то изучение их создает довольно прочную основу для установления абсолютной датировки верхнего хронологического рубежа памятников поздней фазы древнебронзового этапа. Этот тип наконечников копий обнаружен в стратиграфически прочно установленных комплексах Рас-Шамра, датируемых 2200—2000 гг. до н. э.— рубеж, который, по мнению Шеффера, является пределом между стадиями древней и средней бронзы на Кавказе [17].

Памятниками однотипной культуры, синхронными или несколько более поздними, отличаются лишь территории восточной и западной Грузии, поселения (Квацхелеби, Амиранис-Гора [18]) и могильники (Сачхери, Эшери [19]) которой дают весьма близкие аналогии вещественным памятникам Армении. То же самое можно сказать о некоторых памятниках современного западного Азербайджана [20].

Географически более отдаленные группы памятников Ближнего Востока и Кавказа связываются с рассматриваемыми лишь хронологически. В них можно найти отдельные аналогии к древним металлическим изделиям Армении. Таковы некоторые предметы домикенских комплексов в районах Восточного Средиземноморья (Кипр, Крит, Лесбос), медно-бронзовые топоры Северной Осетии и изделия новосвободненской группы

---

[13] А. А. Иессен. К хронологии больших кубанских курганов. СА, 1950, XII, стр. 186 сл.

[14] Е. А. Лалаян. Раскопки курганов в Советской Армении. Ереван, 1931, стр. 44—50 (на армянском языке); Э. В. Ханзадян. О металлургии древнебронзовой эпохи в Армении. СА, 2, 1964, стр. 92—101.

[15] В ахтамирском поселении автором собран интересный керамический материал.

[16] B. Brown. Ук. соч.

[17] Cl. F. A. Schaeffer. Stratigraphie comparée de l'Asie Occidentale. Oxford, 1948, стр. 211—217.

[18] А. Джавахишвили, Л. Глонти. Урбниси, I. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.); Т. Н. Чубинишвили. Амиранис-Гора. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).

[19] М. М. Иващенко. Исследование архаических памятников материальной культуры Абхазии. Тифлис, 1935, стр. 15 сл.

[20] К. Х. Кушнарева. Памятники медного века в Нагорном Карабахе. СА, 1956, XX; О. А. Абибуллаев. Некоторые итоги изучения холма Кюль-Тепе в Азербайджане. СА, 1963, 3, стр. 157—167.

кубанских курганов, которые могут быть отнесены к первой четверти II тысячелетия до н. э.[21].

Сказанное позволяет утверждать, что эпоха древней бронзы в Армении заканчивается в конце III тысячелетия до н. э., так же как в Месопотамии и Персии, Сирии, Палестине и Анатолии.

Что касается абсолютной хронологии всего периода древней бронзы в Армении, то мы предварительно предлагаем датировать его второй половиной III тысячелетия до н. э., определяя датировку ранней группы (верхние слои Шенгавита, Караз, Гарни) пределами от 2500 до 2300 и поздней группы (Элар, Арагац и пр.) пределами от 2300 до 2000 г. до н. э.

В начале II тысячелетия до н. э. Армения вступает в новую полосу развития, основанную на подъеме основных отраслей скотоводства, земледелия и ремесла. Развитие экономики ведет к углублению имущественной дифференциации, к полному обособлению родоплеменной верхушки. Наиболее характерный момент в общественной жизни племен Армянского нагорья — появление крупных союзов племен на северо-западе, северо-востоке и в центральных областях страны, тесно связанных с хурри-митанийским царством на юге Армении. Этот этап культуры Армении совпадает со временем консолидации хеттских племен, становления и оформления их царства, мощного подъема культуры Малой Азии и восточносредиземноморских областей. В создавшейся политической ситуации значительно интенсифицируются культурные связи с областями центрально-западной Анатолии, Сирии и Палестины, при сохранении традиционных взаимосвязей с Ираном и Месопотамией.

Все это позволяет выделить археологические памятники рассматриваемой стадии в особый этап культуры средней бронзы. Наиболее важными моментами в материальном производстве среднебронзового этапа Армении являются: становление и образование локальных очагов культуры, в том числе и металлообработки, появление хронологически различных групп крашеной керамики и полное оформление типично местных образцов ведущих форм орудий производства и предметов вооружения, сохранивших свои характерные черты на протяжении всего II тысячелетия до н. э.

В раннюю группу памятников «крашеной керамики» входят погребения Тазакенда[22], Элара[23], нижний слой поселения на Муханнат-Тепе[24] с характерной монохромной керамикой, археологические комплексы из гробниц Нор-Баязета[25] и Кизил-Ванка[26] с бихромной керамикой и характерным составом металлических изделий раннего облика.

Формы и орнаментальные мотивы керамики (сетки, метопы, спирали, треугольники), расположенные фризами на верхней половине сосудов (рис. 2, *52—61*, *72—77*) из упомянутых пунктов, имеют свои прототипы в поздних комплексах керамики древнебронзового этапа из Арагаца и формально близкие соответствия в расписной керамике из Суз[27] и Тепе-Гавра[28]. Указанные параллели с памятниками Ирана не могут быть случайными; в то же время убедительного осмысления их еще нет. Для установления хронологического диапазона ранней группы памятников «крашеной керамики» Армении все большее значение приобретают ныне такие памят-

---

[21] А. А. Иессен. К хронологии больших кубанских курганов, стр. 186—200.

[22] К. Х. Кушнарева. Тазакендский могильник в Армении. СА, 1960, 1, стр. 137 сл.

[23] Расписные сосуды ГИМ Армении № 1813_{10}—1813_{14} и др.

[24] Е. А. Байбуртян. Проблема цветной керамики Армении. Изв. ин-та искусства и науки Арм. ССР, кн. II, Ереван, 1937 (на армянском языке).

[25] Материал хранится в краеведческом музее Нор-Баязета (ныне г. Камо).

[26] А. А. Спицын. Некоторые закавказские могильники. ИАК, 29, СПб., 1909.

[27] J. de Morgan. La préhistoire Orientale, III. Paris, 1927, стр. 77—78, рис. 116—118.

[28] A. Tobler. Excavations at Tepe-Gawra, II. Pensilvania, 1950, табл. CXXVI, *152*, CXXVII, *165—169*, *172—175*.

ники Малой Азии, как Кюль-Тепе, Дедик, Алишар[29]. К группе памятников тазакендского облика особенно близко подходят хронологически, по мотивам росписи и составу керамики материалы III слоя Алишарского холма (приблизительно 2300—2100 гг. до н. э.[30]), датировка которого примыкает ко времени появления каппадокийских табличек (2000 г. до н. э.).

С большими затруднениями связано определение верхнего хронологического рубежа отмеченных выше памятников Армении. Можно полагать, что время их исчезновения приближается к какому-то отрезку XVIII в. до н. э., периоду появления расписной керамики Дедика или ко времени распространения в Сирии, Малой Азии, Эгейском мире втульчатых наконечников копий ранних образцов, черенковых кинжалов, кинжалов с рамочной рукоятью и других видов металлических изделий нового типа (XIX—XVIII вв. до н. э.). Нет сомнения, например, что ряд вещей Федоровской коллекции Кизил-Ванка можно безошибочно относить к концу III и к двум начальным векам II тысячелетия до н. э. Это четырехгранные шилья шенгавитского типа, изданные Байбуртяном, примитивная булавка алишарского типа[31], грушевидные каменные булавы, встречаемые в малоазийских памятниках второй половины и конца III тысячелетия до н. э.[32], каменные наконечники стрел с широким основанием, некоторые из кинжальных клинков и пр. (рис. 2, *62—71*).

Последующая фаза развития среднебронзовой культуры Армении представлена памятниками крашеной керамики нового типа.

Наиболее яркие памятники этого периода зафиксированы в районах Севанского бассейна[33] и Мильско-Карабахской степи[34]. Группа этих памятников не имеет непосредственных параллелей за пределами исторической Армении и Закавказья, и датировка ее может быть определена предварительно на основе сравнительного сопоставления с местными памятниками предыдущей и последующей стадий культуры средней бронзы. Она занимает промежуток времени от конца тазакендской группы (около XVIII в. до н. э.) до начала появления курганов кироваканского типа (конец XVI—XV в. до н. э.).

Упрощенная черная роспись сосудов (рис. 2, *41*), орнаментальный мотив ромбических гирлянд (рис. 2, *42*, *43*), появление богато орнаментированной белоинкрустированной керамики лчашенского (рис. 2, *46*, *48*) и узерликского типов, возникновение новой техники орнаментации тонкими лощеными линиями (рис. 2, *40*, *47*) являются основными внешними признаками продукции гончарного производства второй ступени среднебронзовой эпохи.

В погребальных инвентарях этого периода зафиксировано пока незначительное количество металлических изделий. Хронологически упомянутым выше керамическим комплексам вполне соответствует известная в Армении маленькая группа случайно найденных вислообушных асимметричных топоров (Ленинакан[35], рис. 2, *51*; Шамшадин[36], рис. 2, *49*), которые можно связать с центральноанатолийскими (Кюль-Тепе[37])

---

[29] H. Cenouillac. Céramique Cáppadocienne. Paris, 1926; I, табл. 7, *31*, стр. 48; III, табл. III, стр. 15.

[30] E. Schmidt. Anatolia Through the Ages, Discoveries at the Alishar Mound, 1927—1929. Chicago, 1931, стр. 101—108.

[31] Cl. F. A. Schaeffer. Ук. соч., рис. 195, 146.

[32] E. Schmidt. Ук. соч.

[33] Э. В. Ханзадян. Лчашенский курган № 6. ИАН АрмССР, 1960, 2, стр. 65 сл. (на арм. яз.).

[34] К. Х. Кушнарева. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-Тепе около Агдама. МИА, 67, 1959, стр. 397—404.

[35] Топор типа Тепе-Гавра, хранящийся в Ленинаканском краеведческом музее.

[36] Топоры ГИМ Армении, найденные у подошвы горы Мхурц у Шамшадина.

[37] Cl. F. A. Schaeffer. Ук. соч., рис. 16.

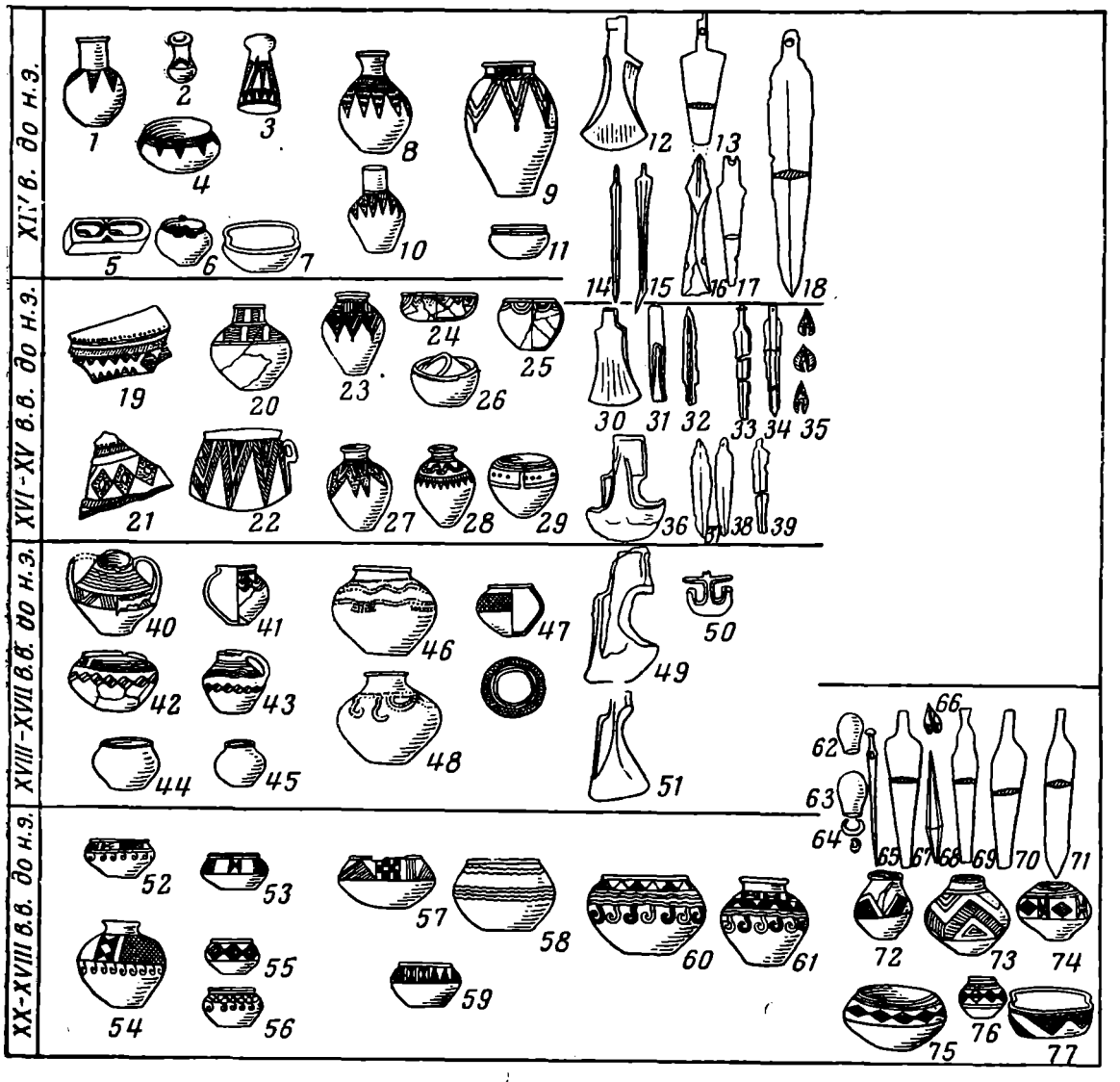


Рис. 2. Памятники эпохи средней бронзы и переходного этапа (XX—XIV вв. до н. э.)

Первый период. XX—XVIII вв. до н. э. *52—56* — Тазакенд; *57—59* — Элар; *60, 61* — Нор-Баязет; *62—77* —Кизил-Ванк.

Второй период. XVIII—XVII вв.до н. э. *40—45* — Лчашен; *46—48* — Севан Гэс; *51* — Ленинакан; *49* — Шамшадин; *50* — Иджеван.

Третий период. XVI—XV вв. до н. э. *19—21* — Малый Паргет; *22* — Грузия; *23—26, 33—35* — Эчмиадзин; *27—29, 30—32, 36—39* — Кировакан.

Переходный период. XIV в. до н. э. *1—7* — Лчашен; *8—11, 18* — Норатус; *12, 13, 16, 17* — Кеопри-Ксой; *14* — Качаган; *15* — Дзорагэс

и северомесопотамскими (Тепе-Гавра [38]) образцами первой четверти II тысячелетия до н. э., а также группой несколько более поздних топоров Армянского нагорья (Ван, Сивас, Эрзерум) [39].

Наиболее яркие археологические памятники среднебронзового этапа культуры Армении относятся к концу первой половины II тысячелетия до н. э. и образуют самую позднюю, III фазу хронологической колонки указанного периода. В эту группу входят богатый курган Кировакана [40] (рис. 2, *27—32, 36—39*), курганы Карсской области [41] (Малый Паргет, рис. 2, *19—21* и др.), рядовые грунтовые погребения Эчмиадзина (рис. 2, *23—26, 33—35*) [42] и ряд более мелких памятников. К ней с севера при-

[38] E. A. Speiser. Excavations at Tepe-Gawra, I. Philadelphia, 1935, табл. VIII, XVIII, XIX, XXXV, стр. 49—56.

[39] St. Przeworski. Die Metallindustrie Anatoliens in der Zeit von 1500—700. Leiden, 1939.

[40] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 46—47.

[41] Раскопки Реслера 1900 г. Материалы см. ГИМ, инв. № 1535.

[42] Раскопки А. А. Мартиросяна в 1962 г. Материал хранится в Краеведческом музее Эчмиадзина.

мыкают колоссальные курганы — «пирамиды» Дманиси[43] и знаменитые триалетские курганы «младшей группы»[44], которые охватывают значительную территорию Армянского нагорья от восточных рубежей Хайаса-Аззи до юго-западных пределов современной Грузии.

Хронологические коэффициенты этих памятников вполне совпадают с периодом мощного возвышения племен Хайаса-Аззи и сильного распространения их культурно-экономического влияния.

По богатому ассортименту вещей самого различного назначения памятники III фазы среднебронзовой эпохи поддаются более точной хронологической фиксации, установленной довольно прочно Б. А. Куфтиным и К. Шеффером. Первый из этих авторов предлагал датировать «младшую группу» триалетских курганов, а следовательно, все остальные синхронные памятники периодом IV гробницы Микен и Трои VI (XVII в. до н. э.)[45]; второй уточнил и дополнил предложенную датировку на основе анализа определенного типа наконечников копий из Рас-Шамра, где они зафиксированы в слоях 1550—1450 гг. до н. э.[46] в сопровождении керамики позднеэлладского типа, характерного для памятников микенского круга.

Любопытно, что в отдельную, пока немногочисленную группу выделяются в Армении те памятники, керамические комплексы которых сочетают в себе поздние образцы расписной керамики (рис. 2, *9*), бело- или двуцветно инкрустированной посуды старых образцов (рис. 2, *1—7*) и вновь появившихся типов (рис. 2, *8*, *10*), которые продолжают бытовать и развиваться в эпоху поздней бронзы.

Группу этих памятников мы относим к переходному этапу [некоторые курганы и кромлехи Лчашена[47], погребение в сел. Норатус[48], материалы Калян-Кара[49] (рис. 2, *12*, *13*, *16*, *17*) и пр.] и датируем XIV в. до н. э.

Таким образом, мы предлагаем датировать среднебронзовый этап культуры Армении первой половины II тысячелетия до н. э., определяя абсолютную хронологию ранней группы памятников (Тазакенд, Баязет, Муханат-Тепе и др.) пределами от XX до XVIII, средней группы от XVIII до XVII, поздней группы от XVI до XV в. до н. э. XIV столетие до н. э. рассматривается как этап перехода от культуры среднебронзового периода к культуре стадии развитой или поздней бронзы.

Новая, наиболее высокая фаза культуры эпохи бронзы начинается в Армении в последней трети II тысячелетия до н. э. (конец XIV — начало XIII в. до н. э.) и длится около трех столетий. Этот последний период бронзового века насыщен крупными событиями политического характера в самой Армении и за ее пределами, коренными сдвигами в области социально-экономического развития местного общества.

Археологические памятники позднебронзового этапа обрисовывают богатую картину культуры конца первобытнообщинного строя, когда окончательно оформилась и достигла полного расцвета самобытная культура Армении и Закавказья, которая так четко выделялась среди известных в то время культурных очагов цивилизованного мира.

Археологические памятники этой культуры, общей для всего Закавказья, простираются южнее цепи Большого Кавказа, долины р. Риони на

---

[43] Раскопки О. М. Джапаридзе в 1961—1962 гг.

[44] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 86—87.

[45] Там же.

[46] Cl. F. A. Schaeffer. La date des kourganes le Trialeti. «Antiquity», 1943, 68, стр. 183—187.

[47] А. О. Мнацаканян. О двухцветной керамике Лчашена. ИАН АрмССР, 5, 1957, стр. 107 сл. (на арм. яз.).

[48] Материалы доследованного нами погребения в Норатусе хранятся в Краеведческом музее гор. Камо.

[49] Материалы из раскопок П. К. Кучинского в Калян-Каре хранятся в Отд. Востока Гос. Эрмитажа, № 17172—17182.

юге и Куры на востоке, охватывают весь Малый Кавказ, всю территорию Армянского нагорья. Именно этот район своими коммуникациями связывал Ленкорань, Талыш, Месопотамию и Сирию с главной горной цепью Кавказа, с долинами Кубани, Терека и других рек, с северо-западным Кавказом.

Несмотря на обилие археологических комплексов позднебронзовой эпохи и крупные открытия последних лет, проблема абсолютной хронологии их и взаимной последовательности остается до сих пор мало разработанной. Этому мешал однобокий подход к анализу археологических материалов, когда для установления хронологических опор брались во внимание лишь металлические изделия и совершенно игнорировалась продукция гончарного производства, точнее и лучше отображающая хронологические оттенки памятников. При выделении синхронных групп памятников различных стадий позднебронзового этапа мы брали в основу данные анализа керамических комплексов, а при установлении абсолютных дат — широкий сравнительный материал переднеазиатских памятников. Таким образом, создавалась возможность перекрестной проверки последовательности памятников различных стадий, их абсолютной датировки.

Чрезвычайно интересные керамические комплексы погребений раннего или I периода культуры поздней бронзы обнаруживают генетическое сходство с черноблестящей и инкрустированной керамикой из погребений последней стадии среднебронзового этапа (Кировакан, Эчмиадзин и пр.), датируемых XVI—XV вв. до н. э., и особенно из гробниц переходного периода, типичные памятники которого выявлены в Лчашене и отнесены нами к XIV в. до н. э.

Основная масса глиняных сосудов группы могильников указанного периода (Гехарот[50], Лчашен[51], Тазакенд[52], Артик[53] и пр.) украшена горизонтальными поясками узоров из тонколощеных линий (рис. 3, *80—82*, *84*, *85*) и белоинкрустированных фигур (рис. 3, *83*, *87*, *90*, *91*, *99*, *100*), технические способы выполнения которых широко применялись еще в эпоху средней бронзы. Наблюдается сходство также в фактуре сосудов с их черной блестящей поверхностью и в морфологии ряда типов. Однако среди них уже не встречаются красноангобированные расписные сосуды и сама керамика имеет в целом глубоко отличный облик. Вместе с этой керамикой в погребениях Тазакенда, Лчашена, Артика появляется богатый ассортимент бытовых, хозяйственных и боевых изделий из металла глубоко самобытного облика: черенковые кинжалы без металлических головок (рис. 3, *94*, *97*, *103*, *104*), кинжалы с широким треугольным лезвием, круглоствольной цельноотлитой ручкой (рис. 3, *78*) и ажурными ножнами, плоские ручные топорики с боковыми выступами (рис. 1, *7*, рис. 3, *75*), боевые и хозяйственные симметричные секиры без боковых граней (рис. 3, *73*, *93*) и пр., а также серия изготовленных на месте предметов, типологически идентичных или весьма близких изделиям, широко распространенным на территории Передней Азии [кинжалы с лунообразным основанием рукоятки (рис. 3, *79*), с ажурной рукоятью (рис. 3, *98*), мечи и кинжалы с рамочной рукоятью (рис. 3, *95*), секиры с шипастым обушком (рис. 3, *74*), некоторые типы булав, удила с дисковидными псалиями (рис. 3, *72*), трезубцы (рис. 3, *70*), некоторые виды золотых украшений (рис. 3, *71* и пр.)].

Наличие большого количества изделий переднеазиатского типа невозможно объяснить широким импортом. По-видимому, указанные изделия выделывались также в бронзолитейных мастерских Армянского нагорья.

---

[50] Раскопки А. А. Мартиросяна в 1956 г. Материалы хранятся в ГИМ Армении.

[51] А. О. Мнацаканян. Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г. СА, 1957, 2, стр. 147 сл.

[52] Дневник раскопок, произведенных П. В. Чарковским. Архив ЛОИА, д. № 140 за 1896 г.

[53] Раскопки Т. С. Хачатряна. Материал хранится в ГИМ Армении.

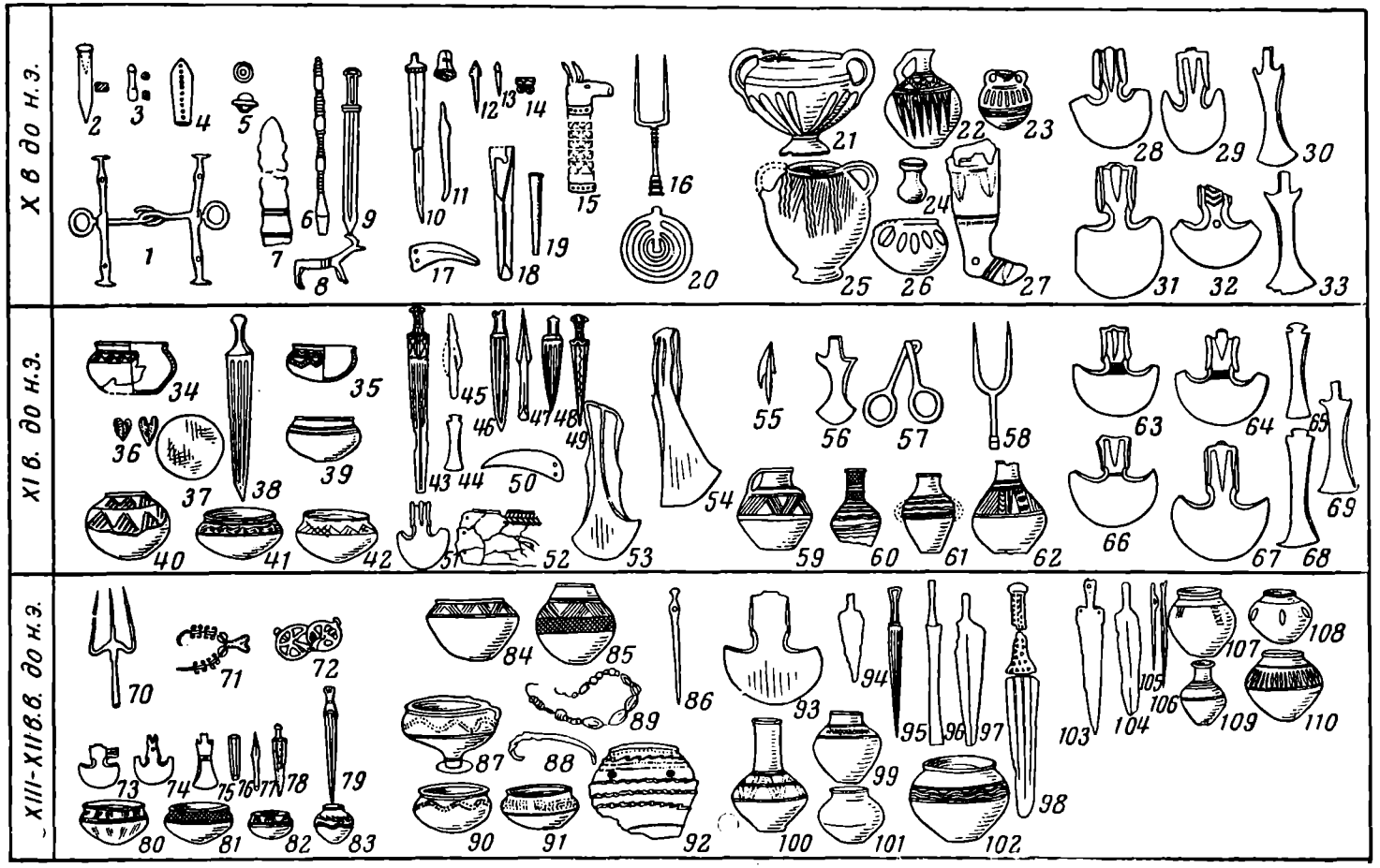


Рис. 3. Памятники эпохи поздней бронзы (XIII—X вв. до н. э.) и начальных этапов освоения железа

Первый период. XIII—XII вв. до н. э. *70—83* — Лчашен; *84—92* — Гехарот; *93—96* — Артик; *97—102* — Тазакенд; *103—110* — Зейва.

Второй период. XI в. до н. э. *34—38, 40*—Головино; *39, 41, 42* — Хртаноц; *43—45, 51, 52* — Ворнак; *46—49* — Дилижан; *50* — Хаштарак; *53, 55—62* — Ленинакан; *54* — Паракар; *63—69* — Ахтала.

Третий период. X в. до н. э. *1—6, 26* — Кировакан; *7—8, 24, 25, 27, 33* — Лчен; *9* — Нор-Бязет; *10—15, 23* —Толорс; *17, 18, 30, 32* — Такиа; *16, 19, 20, 22, 31* — Вардакар; *24* — Каджаран; *21* — Ленинакан; *28* — Тайчарух; *29* — Кот

Эта категория вещей прочно связывает древнюю Армению с ее культурно-исторической средой, с такими центрами Месопотамии, как Мари, Ниневия, Тиль-Барсип; Сиро-Палестины — Кархемиш, Угарит, Мегиддо, Газа; Малой Азии — Богазкеой; Персии — Талыш, Луристан. Поэтому не случайно, что абсолютная датировка памятников I периода позднебронзовой культуры Армении дается на основании сравнительного изучения соответствующих памятников Армении и сопредельных стран. Так, крупные бронзовые трезубцы Лчашенского могильника имеют свои ближайшие аналогии в комплексе тех вещей Угарита, в котором обнаружен меч XIII в. до н. э. с именем египетского фараона Мернепта [54]. Подобный же трезубец изображен на рельефе Тешуба в хеттской Сирии (Тель-Ахмар), неподалеку от надписи Салманасара I [55]. Золотые ожерелья того же Лчашена находят свои ближайшие соответствия в материалах из погребений раннеассирийского периода в Мари (XIV в. до н. э. [56]). К такой же хронологической фиксации приводит анализ черенковых кинжалов, кинжалов с рамочной рукоятью, плоских ручных топориков с боковыми выступами, бронзовых удил, шипастой секиры и прочих вещей, которые сопоставляются с соответствующими видами металлургической продукции из Мегиддо [57], Талыша [58], Богазкеойа [59], Газа [60], Угарита и прочих районов Передней Азии.

Эти данные позволяют констатировать, что начало I позднебронзового периода в Армении падает на конец XIV и начало XIII в. до н. э. К этой дате можно приурочить основные комплексы Гехарота, Тазакенда и богатые погребальные курганы племенных вождей Лчашена. Однако в группе памятников рассматриваемого периода нет полной хронологической идентичности. Некоторые погребения Тазакенда, значительная часть погребений Зейвы и склепов Артика выявляют ряд поздних элементов, не характерных для памятников XIII в. до н. э. Поэтому мы предлагаем датировать весь комплекс памятников ранней стадии позднебронзовой культуры XIII—XII вв. до н. э. Наиболее общими отличительными признаками культуры начальной стадии позднебронзовой эпохи являются все же следующие: малочисленность металлических изделий в рядовых памятниках старшей группы (Гехарот, Тазакенд), указывающая на приверженность основной массы населения к производственным традициям средней бронзы; появление очень богатого ассортимента бронзы, драгоценных металлов и камней в погребениях родоплеменной верхушки, резкое увеличение высококачественных металлических изделий в рядовых погребениях несколько более позднего периода (Артик, Баязет и пр.), а также абсолютное отсутствие железных предметов во всех комплексах XIII—XII вв. до н. э.

Первые железные вещи выступают в археологических комплексах позднебронзового II периода, который может быть назван также стадией первоначального освоения железа. Памятники этого периода (Ворнак [61], Ленинакан [62], Головино [63], Хртаноц [64], Хаштарак [65] и пр.) выделяются

---

[54] Cl. F. A. Schaeffer. Ugaritica, III. Paris, 1956, стр. 169—178, рис. 123—125. табл. 8.

[55] Fr. Thureau-Dangin. Tell-Ahmar. «Syria», 10. Paris, 1929, стр. 198, табл. XXXII.

[56] A. Parrot. Mari. Paris, 1953.

[57] Megiddo, II. Chicago, 1948, табл. 177, 178, *3*, 180, *37*.

[58] J. de Morgan. La préhistoire Orientale, стр. 269—271, рис. 242.

[59] K. Bittel, R. Naumann. Boğarzköy — Hattuša. Stuttgart, 1952, рис. 24, стр. 99.

[60] A. Potratz. Die Pferdgebisse des Zwischenstromländischen Raumes, AOr, XIV, тетр. $^1/_2$, 1941, стр. 10—13.

[61] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 64.

[62] Г. Д. Филимонов. Закавказские древности. «Вестн. древнерусск. о-ва», № 1—3, стр. 100.

[63] А. О. Мнацаканян. О раскопках могильников у села Головино (Армения). КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 62—71.

[64] Керамический материал хранится в ГИМ Армении, инв. № 291, 57—72.

[65] Материал хранится в Краеведческом музее Дилижана.

каноничным составом погребальных инвентарей, сочетающих тяжелые мечи закавказского типа (рис. 3, *38*, *48*), секиры с полукруглым лезвием и ребрами обушка (рис. 3, *51*, *63*, *64*, *66*, *67*), железные наконечники копий с бронзовыми частями втулки (рис. 3, *45*) и керамику, украшенную старыми мотивами орнаментации, которая, однако, выполнена путем резьбы по сырой глине (рис. 3, *34*, *35*, *40—42*). Керамика эта значительно изменена морфологически и лишена замечательного блеска сосудов предыдущего периода.

Эволюционное развитие материального производства рассматриваемого периода продолжается в основном по линии дальнейшего совершенствования продукции металлообрабатывающего, гончарного, деревообделочного и других ремесел. Создаются новые виды предметов вооружения (мечи, кинжалы, рис. 3, *46*, *48*, *49*), орудий труда (металлические серпы, рис. 3, *50*), а также масса предметов украшения и снаряжения (браслеты, первые пояса, рис. 3, *52*) и пр.

Наиболее важным достижением металлообработки позднебронзового II периода следует считать возникновение техники обработки железа, которое получает более или менее широкое распространение в районах Месопотамии, Сиро-Палестины, Эгеиса, на Кипре и Крите в промежутке времени между 1200 и 1000 гг. до н. э.[66]. Процесс первоначального освоения железа происходил в Армении именно в период существования памятников ворнакского типа (конец XII—XI в. до н. э.), погребальные комплексы которых, как правило, включают в себя железные вещи и размещаются по составу инвентарей между группами памятников XIII—XII и X вв. до н. э.

Подобное хронологическое определение подтверждается наличием аналогичных групп погребений в пределах Грузии (Бешташени, Самтавро), датированных Б. А. Куфтиным рубежом XII—XI вв.[67], а также данными стратиграфии доурартского поселения на Кармир-Блуре, где железные болванки были обнаружены на дне нижнего IV слоя, приуроченного к концу XII в. до н. э.[68].

По составу и типологии металлических вещей погребальные комплексы рассматриваемого периода мало чем отличаются от вещественных памятников последней, заключающей стадии культуры позднебронзового этапа, которую мы называем также периодом раннего железа.

В эту хронологическую группу входят яркие памятники, обнаруженные у подножья Арагаца (Такиа, Вардакар)[69], на берегу оз. Севан (погребение Нижнего Адиамана и пр.)[70], в горах Лори-Памбака (Димац)[71] и Зангезура (Толорс, Давид-Бек[72], Лцен[73] и пр.), в Нагорном Карабахе[74] и в прочих районах, которые образуют широкий ареал единой культуры от Ширакской долины и Лалварского массива до долины Куры и Нагорного Карабаха. Для этих памятников характерны доведенные до совершен-

---

[66] St. Przeworski. Ук. соч., стр. 139 сл.

[67] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 329, табл. XVI, XVII; его же. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, VIII, 1940.

[68] А. А. Мартиросян. Новые данные по истории города Тейшебаини. «Ист.-филол. ж.», 3. Ереван, 1963, стр. 443 сл.

[69] А. А. Мартиросян, Т. С. Хачатрян. Комплекс изделий из могильника Такиа. ИАН АрмССР, 11—12, 1959, стр. 87—96; Т. С. Хачатрян. Комплекс бронзовых изделий селения Вардакар. ИАН АрмССР, 3, 1961, стр. 55—70.

[70] Е. А. Лалаян. Раскопки курганов в Советской Армении. Ереван, 1931, стр. 100—101 (на арм. яз.).

[71] Доследованное Е. Момчаном погребение в Кировакане.

[72] А. О. Мнацаканян. Находки предметов бронзового века в селении Толорс (в Зенгезуре) Армянской ССР. КСИИМК, 54, 1954; С. А. Есаян, А. Н. Шагинян. Археологические находки в Зангезуре. СА, 1962, 3, стр. 199 сл.

[73] Коллекция сапожков Каджарана в ГИМ Армении; прислана Г. Абраамяном.

[74] К. Х. Кушнарева. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе. СА, 1957, XXVII, стр. 145 сл.

ства бронзовые предметы известных ранее образцов (миниатюрные секиры, кинжалы, двузубцы, рис. 3, *9*, *6*, *16*, *28*, *29*, *31*, *32* и пр.), новые типы или варианты предметов вооружения и снаряжения (кинжалы с прорезными набалдашниками, рис. 3, *10;* облегченные стрелы, рис. 3, *12, 13;* удила с напускными трензелями, рис. 3, *1* и пр.), а также тонко выделанная керамика черного лощения, покрытая рельефно-выпуклой орнаментацией в сочетании с узорами, которые выводились путем лощения и тонкой резьбы (рис. 3, *21—27)*. Именно эта керамика является хронологически определяющим элементом археологических комплексов названной выше группы. При этом типы и варианты сосудов совершенно идентичны, например, из комплексов Ширакской равнины, Зангезура и Нагорного Карабаха. Датировка указанных выше памятников раннежелезной поры или III периода позднебронзовой культуры (Такийская группа) уточняется анализом характерных бронзовых удил с напускными трензелями, которые примыкают хронологически к несколько более ранним образцам удил из Греции, Египта и Сиро-Палестины (XIV—XIII вв. до н. э.), соответствуют луристанским (XI—X вв. до н. э.) [75] и предшествуют ассиро-урартским типам (IX—VII вв. до н. э.) [76], встречаемым вместе с богатым ассортиментом железных изделий.

Концом XI—X в. до н. э. датируются также характерные комплексы Зангезура, которые содержат металлические предметы, типичные для всей группы памятников III периода, и уникальные глиняные «сосуды-сапожки» (рис. 3, *27)* с убедительными аналогиями в иранских материалах XI—X вв. до н. э. [77].

Таким образом, археологические памятники позднебронзовой культуры Армении подразделяются на три хронологические группы, которые условно названы нами Лчашенской, Ворнакской и Такийской. Первая из них датируется концом XIV—XII вв., вторая — концом XII—XI вв. и третья — концом XI—X вв. до н. э.

Эпохой бронзы и раннего железа завершается история доклассового общества, история его богатой самобытной культуры. Армения вступает в фазу развития древневосточного урартского государства (IX—VI вв. до н. э.), сыгравшего колоссальную роль в культурно-экономической жизни всего Кавказа, в складывании основ древнеармянской культуры.

В материальном производстве Армении рассматриваемого периода (XI—VI в. до н. э.) отчетливо выделяются сугубо древневосточные памятники общегосударственной урартской культуры [78] и памятники культуры племен северо-восточной Армении, общие для всего Закавказья. При этом указанные основные линии культуры Армении продолжают свое параллельное существование до конца VI в. до н. э., развиваясь сначала совершенно самостоятельно (первая половина IX в. до н. э.), затем под влиянием ассиро-урартской культуры (IX—VIII вв. до н. э.), отображающейся сильнее всего в период упадка Ванского царства (VII—VI вв. до н. э.). Таким образом, с IX в. до н. э. Армения перестает быть периферийной областью переднеазиатского культурного круга, полностью включается в состав древневосточного государства Урарту и в культурно-экономическом отношении достигает почти такого же уровня, как современная ей Ассирия.

---

[75] A. Potratz. Ук. соч., стр. 6.

[76] См. материалы поселения Кармир-Блура, погребений Нор-Ареша и Астхадзора, широко известных ассирийских рельефов.

[77] L. V. Berghe. Archéologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959, табл. 146, стр. 116.

[78] Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур, I, II, III. Ереван, 1950—1955; K. F. Lehmann-Haupt. Armenien Einst und Jetzt, II; К. Л. Оганесян. Архитектура Эребуни. Ереван, 1962; А. А. Мартиросян. Урартский колумбарий Нор-Ареша. ИАН АрмССР, 10, 1958 (на арм. яз.); его же. Раскопки в Кировакане и некоторые памятники раннеурартского периода. ИАН АрмССР, 9, 1956, стр. 61—84.

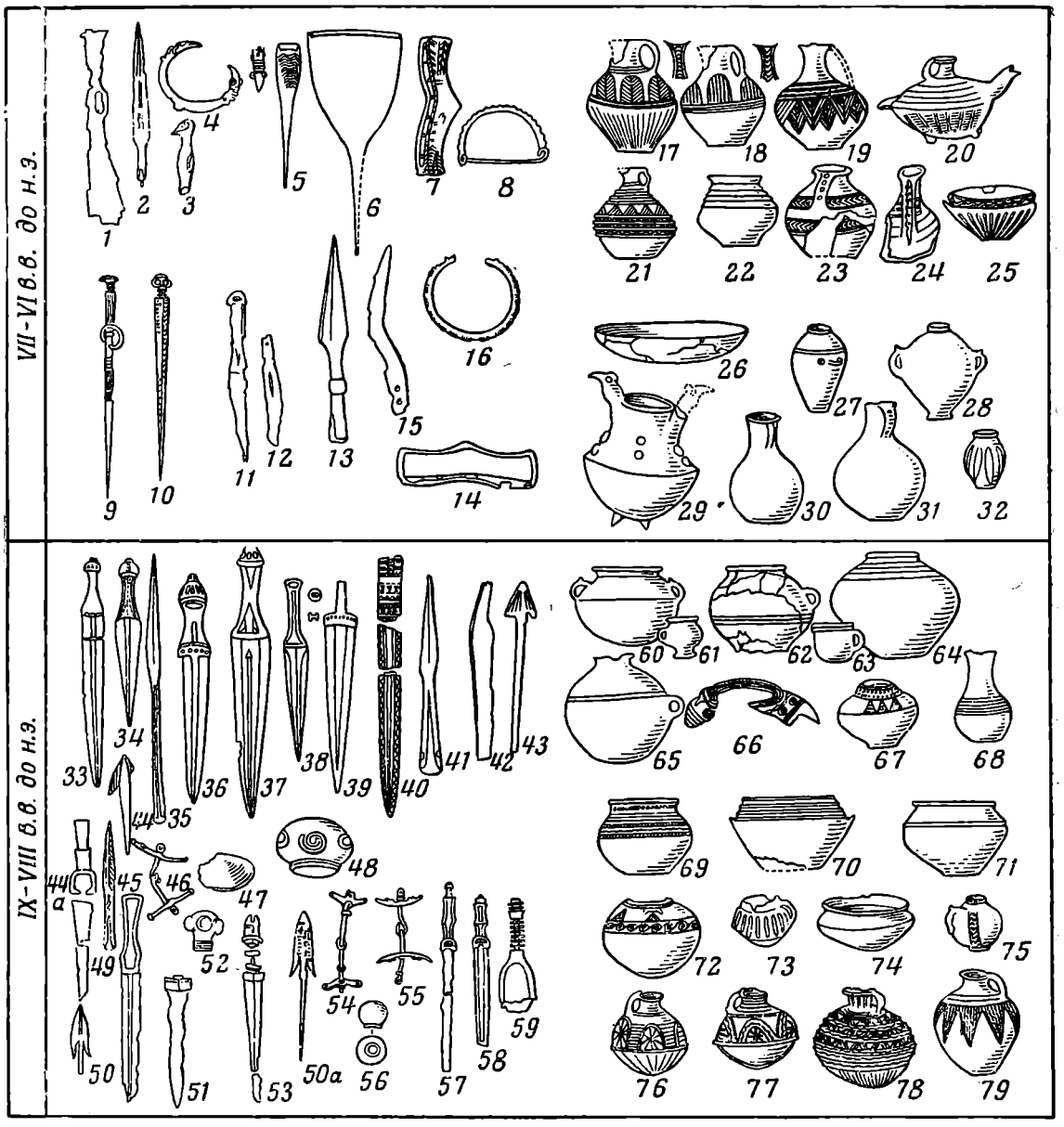


Рис. 4. Памятники железного века (IX—VI вв. до н. э.)

Первый период. IX—VIII вв. до н. э. *33—36, 60—68* — Редкин лагерь; *37—38, 43—45, 69—71* — Норатус; *39—42, 50—53, 72—75* — Макарашен; *48, 49* — Джархеч; *46, 47, 76—79* — Кировакан; *54* — Астхадзор; *56а, 55* — Кармир-Блур; *56* — Степанаван; *57—59* — Лалвар.
Второй период. VII—VI вв. до н. э. *1—4* — Куртан; *5* — Тазагюх; *6* — без указания на местоположение; *7—8* — Лалвар; *9—15*; *17—22, 26* — Хртаноц; *16*, 27—32 — Макарашен; *23—25* — Ленинакан; *29* — Иджеван

Замечательные археологические памятники урартского периода, широко известные ныне чуть ли не каждому советскому школьнику, не являются однородными по своему характеру. В период образования Ванского царства (первая половина IX в. до н. э.) в районах северо-восточной Армении все еще продолжается традиционное развитие культуры позднебронзового III периода. В археологических комплексах этого времени (большинство погребений Редкина лагеря, группа погребений Норасутского могильника, рис. 4, *33—44*) наблюдается отсутствие вещей урартоассирийского происхождения или типа, увеличение количества железных изделий. Окончательно выходят из употребления некоторые ведущие формы бронзовых изделий (мечи, секиры и ряд других предметов), богато украшенная керамика конца II тысячелетия до н. э. уступает место более упрощенным типам глиняных сосудов (рис. 4, *60—79*).

Во второй половине IX и в VIII в. до н. э. культура племен северо-восточной Армении продолжает развиваться закономерно на базе дости-

жений предыдущего этапа, однако в памятниках материального производства выступает огромное число железных предметов, изготовленных по образцам бронзовых прототипов (рис. 4, *44, 45, 50, 53, 57—59).*

В характерных комплексах этого времени (Астхадзор, Макарашен, Кировакан, Ленинакан и пр.) сочетается почти равное количество однотипных бронзовых и железных изделий, что дает нам полное основание назвать этот период смешанным или же первым периодом эпохи широкого освоения железа. Кроме перехода к широкому освоению железа, для материального производства рассматриваемого периода типично появление ряда железных изделий местных или древневосточных образцов с пластическими частями бронзы, резкое увеличение вещей урартского типа в погребальных комплексах местных жителей (рис. 4, *47, 49, 54, 55),* усиление влияния урарто-ассирийского производства, интенсификация культурных взаимоотношений с восточными и юго-восточными районами (Талыш [79], Курдистан, Лурпстан [80]).

Временем полного освоения железа для всего Закавказья является позднеурартский период (VII—VI вв. до н. э.), когда культурные взаимоотношения урартов с Кавказом достигают наиболее высокого уровня, когда происходит слияние материального производства урартов и племен северо-восточной Армении.

Изучение замечательных памятников позднеурартского периода (Кармир-Блур, Головино, Лалвар, Севан и пр.) [81], чрезвычайно важное с точки зрения познания основ материального производства древних армян, позволяет наметить наиболее характерные черты культуры конца древневосточного этапа истории Армении, каковыми являются: исчезновение следов влияния ассирийской культуры и торгово-хозяйственных связей, интенсивный контакт со скифскими племенами Северного Кавказа и Приднепровья, широкое распространение изделий урартского производства или типа, полная замена бронзовых орудий и предметов вооружения железными, возникновение ведущих форм предметов материального производства раннеармянского периода, появление основных прототипов простой и расписной керамики, бытовавшей во второй половине I тысячелетия до н. э.

Правильная оценка, характеристика и датировка памятников указанного периода могут быть осуществлены лишь с учетом особенностей исторической обстановки, путем сочетания данных археологических методов определения закавказских материалов с хронологическими опорами ассиро-урартских вещественных памятников, датируемых с помощью клинообразных надписей.

Игнорирование указанных выше особенностей культуры рассматриваемого периода, попытки хронологического определения памятников раннежелезного периода и этапов широкого освоения железа в отрыве от данных урартоведения приводят неизбежно к ошибочным датировкам, а следовательно, и к самовольному толкованию проблем отдельных периодов истории культуры, истории ее развития вообще.

Именно поэтому в ряде исследований популярных зарубежных авторов (Шеффер [82] и др.) наблюдается весьма нежелательное смешение разнохарактерных и разновременных памятников отдельных стадий эпохи поздней бронзы и железа (нижний ярус Самтавро, Лалвар, Бешташени и пр.) в одно целое, с общей датировкой 1300—1100 гг. и с колоссальной хронологической лакуной на всю первую половину I тысячелетия до н. э. Между тем, абсолютная датировка памятников урартского периода устанавливается довольно прочно наличием урарто-ассирийских эталонов в

---

[79] J. de Morgan. Ук. соч., стр. 203.

[80] R. Ghirschman. Notes Iraniennes, IV, Le Trésor de Sakkez, «Artibus Asiae», XIII, 3, 1950, стр. 181—206; F. Hančar. Caucasus-Luristan. ESA, IX, Helsinki, 1934.

[81] А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино. Ереван, 1954.

[82] Cl. F. A. Schaeffer. Ук. соч., стр. 210—217.

комплексах погребальных инвентарей неурартской части населения, наличием большого числа клинообразных надписей на урартских памятниках VIII—VII вв. до н. э., аналогиями местных памятников с древностями Кармир-Блура и со скифскими комплексами Северного Кавказа и Приднепровья [83]. При этом четких хронологических признаков не имеют только памятники первой половины IX в. до н. э. Памятники второй половины IX и VIII вв. до н. э., образующие одну хронологическую группу, датируются на основе присутствия в них тех типов предметов вооружения (акинаки, мечи, стрелы, булавы и пр.) и конского убора (удила, бляхи, колокольчики и пр.), которые были широко распространены в Ассирии во времена Ашурнасирпала (884—858 гг. до н. э.) [84]. Салманасара (858—848 гг. до н. э. [85]), Саргона [86] и в Армении при урартских царях — Менуа (810—786 гг. до н. э.), Аргишти I и Сардури II [87].

Так же прочно устанавливается абсолютная датировка погребальных комплексов VII—VI вв. до н. э., которые повторяют типы орудий труда, предметов вооружения (рис. 4, *1, 2, 11—14*), снаряжения, украшений (рис. 4, *4, 6, 9, 10, 15),* известные из раскопок урартского города Тейшебаини VII—VI вв. до н. э. Твердые даты названной группы памятников подтверждаются аналогиями многочисленных предметов в скифских комплексах Мельгуновского клада, Келермеса, Смелы, Шандры (рис. 4, *1*), наличием группы предметов поздней Кобани (VII—VI вв., рис. 4, *1—6, 8, 14, 16*), которые, по-видимому, были широко распространены в Армении, данными богатого Саккизского клада и широким распространением на территории Кавказа, Передней и Малой Азии так называемых скифских наконечников стрел. Последние обнаружены у стен разгромленных древневосточных городов, оборонительных оград Кармир-Блура, разрушенных в 590—585 гг. до н. э., среди золотых привозных вещей Келермеса, датируемых 570-ми годами до н. э. [88], при раскопках Гезера и Кархемиша (604 г. до н. э.).

К сказанному следует добавить, что выделенные на основе широких параллелей хронологические группы памятников урартского периода разделяются четко также по составу керамических комплексов.

Таким образом, археологические памятники урартского периода образуют две большие хронологические группы. Первая из них датируется IX—VIII вв. до н. э. и разделяется в свою очередь на две подгруппы; одна из них относится к первой половине IX в. до н. э. и выявляет черты культуры позднебронзового III периода, другая занимает промежуток времени от второй половины или конца IX до конца VIII в. до н. э. Эта группа памятников характеризует этап перехода к широкому освоению железа. Во вторую группу входят памятники VII—VI вв. до н. э., которые характеризуют культуру эпохи широкого освоения железа.

Отдельную и чрезвычайно богатую группу образуют соответственно урартские памятники, которые в восточных частях Армении датируются VIII—VI вв. до н. э.

Этими памятниками завершается этап развития древневосточной культуры Армении и начинается время становления армянской культуры, которая продолжает развиваться и в наши дни.

---

[83] А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино, стр. 67—92.

[84] Assyrische Skulpturen, табл. XVI—XVII.

[85] Assyrische Palastreliefs. Prague, табл. 147, *a*, *b*, *c*; 148, *a*, *b*, *c*, стр. 13—17.

[86] G. Perrot, Ch. Chiriez. Histoire de l'Art, dans «Antiquite», II. Paris, 1884, табл. 22.

[87] Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур, III, стр. 40—43.

[88] А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. В сб.: «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 112—114.

М. Ф. КОСАРЕВ

БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЛЕСНОГО ОБЬ-ИРТЫШЬЯ

При изучении бронзового века Приобья особый интерес вызывает наличие здесь нескольких этно-культурных ареалов — распространение далеко на север, в пределы нынешней таежной полосы, степных [1] культур (последняя четверть II тысячелетия до н. э.) и, наоборот, продвижение на юг, в лесостепь, северных лесных племен (I тысячелетие до н. э.).

О продвижении степного населения на север свидетельствует распространение в таежной части Среднего Обь-Иртышья памятников еловского типа (XII—X вв. до н. э.) с характерной горшкообразной лощеной керамикой, украшенной резным елочным и геометрическим орнаментом (рис. 1), костяными псалиями (Еловское поселение) [2], зернотерками (Десятовское поселение) и костями лошади, овцы, коровы (Еловское поселение) [3] и т. д.

Связь этого явления с причинами чисто исторического характера, например с вытеснением на север слабых племен более сильными, кажется нам недостаточно убедительным (или, во всяком случае, не единственным) объяснением изменения этно-культурной карты Приобья в рассматриваемое время. Возникает вопрос: оставалось ли нынешнее соотношение ландшафтных зон в Приобье неизменным или в течение последних тысячелетий имели место колебания ландшафтных границ, что, в свою очередь, приводило к этно-культурным сдвигам?

Граница степных и лесных племен на Оби в третьей четверти II тысячелетия до н. э. проходила между Томском, в окрестностях которого нам известен Томский могильник (Малый Мыс) [4], и р. Самусьской, где были раскопаны поселения Самусь III, IV [5]. Томский могильник имеет близкие аналогии в Восточном Казахстане (канайские памятники) и на Верхнем Енисее (Окунев улус), Самусь III, IV — в Нарымском крае и отчасти в памятниках бронзового века лесного Зауралья (Горбуновский торфяник, 6-й разрез).

Расстояние между этими разными по своему культурному облику (и вместе с тем безусловно одновременными) памятниками Среднего Приобья не превышает 40 *км*, и сейчас мы не видим здесь ничего, что могло бы послужить естественной границей между ними. Остается предполагать,

---

[1] Термин «степной» употребляется здесь (и далее) условно — мы определяем им культуры бронзового века, для которых характерны некоторые андроноидные признаки и которые находят основные аналогии не в лесных, а в степных районах.

[2] В. И. Матющенко. Отчет о полевых исследованиях в окрестностях дер. Еловка Кожевниковского района Томской области летом 1960 г. Архив ИА АН СССР, № 2082.

[3] Там же, стр. 30, 31.

[4] М. Н. Комарова. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, 24, 1952, рис. 12—14.

[5] В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи. СА, 1959, 4.

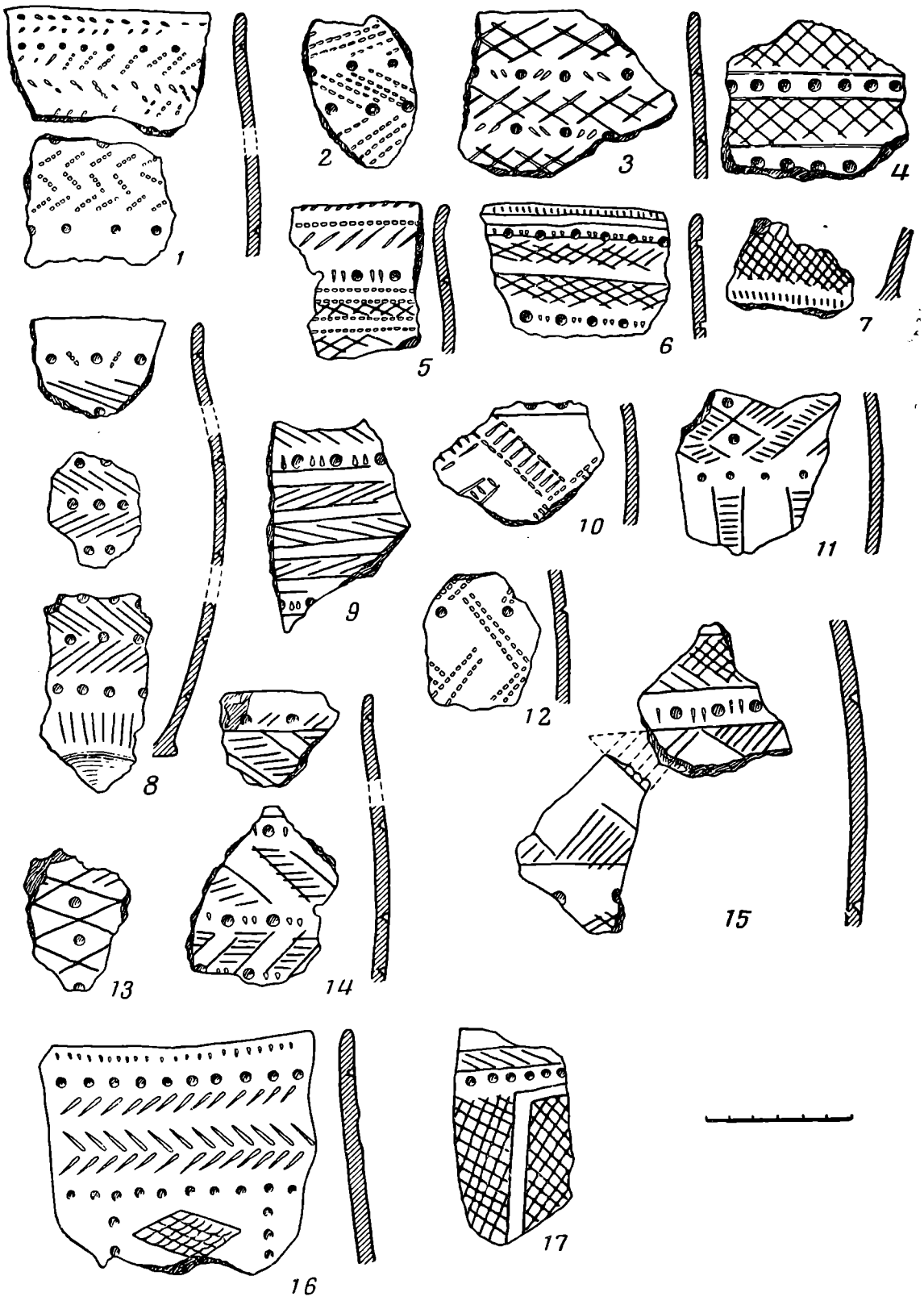


Рис. 1. Керамика еловского типа в Среднем Приобье

1—14 — Десятовское поселение; *15—17* — из разных мест Томской обл.

что естественным рубежом между самусьской и томской группами населения являлась тогдашняя граница ландшафтных зон — леса и степи, что и нашло свое отражение в характере культур, представленных самусьскими и томскими памятниками.

Конец поселений Самусь III, IV был связан с приходом в эту часть Приобья уже упоминаемой нами группы населения, оставившей памятники еловского типа. Не является ли такое далекое распространение на

север скотоводческо-земледельческих еловских племен результатом происходившего в это время смещения ландшафтных зон — наступления степи на лес?

В решении этого вопроса существенное значение имеет почвенный метод реставрации ландшафтных зон, начало которому было положено С. И. Коржинским [6] и которым широко пользуются западносибирские ученые. Этот метод связан с изучением и картографированием деградированных черноземов.

Впервые на наличие деградированных черноземов в томско-нарымской тайге обратил внимание агроном, чиновник переселенческого управления Выдрин. В своем рукописном «Отчете по предварительному обследованию Нарымского края в 1903 году» Выдрин сообщает, что при изучении бассейнов Кенги, Васюгана и Кети он наблюдал в почвенной толще темные прослои, которые он, а несколько позднее другие его коллеги (Шестаков, Праздников, Сборовский, Отрыганьев) отнесли к деградированным черноземам и квалифицировали как оригинальную морфологическую черту местных подзолов.

Агроном переселенческого управления Д. Драницын тоже неоднократно отмечал характерность деградированных черноземов в Нарымском Приобье, включая бассейн Васюгана. По наблюдениям Д. Драницына, химический состав этого горизонта не позволяет связывать последний с лесными пожарами, а топографические условия его нахождения не дают основания считать его следствием весенних разливов рек. Драницын полагает, что указанный слой является последним остатком бывшей здесь ранее степи. Впоследствии, по его мнению, на степь надвинулся лес и началось превращение степной черноземной почвы в подзолистую.

Говоря о предполагаемом характере ландшафтов здесь в это время, Драницын пишет: «Характер местности был, вероятно, близок тому, что мы наблюдаем теперь на северной окраине лесостепи... Естественные области — зоны существовали, конечно, и тогда, но только область тайги, судя по нахождению типичных почв с Az (деградированных черноземов.— *М. К.*), начиналась около 250 верст севернее, сравнительно с современной границей» [7].

В советское время климатологи, географы, биологи, почвоведы — там, где им приходится касаться некоторых реликтовых явлений, наблюдаемых в Западной Сибири, согласно приходят к выводу, что граница леса и степи в сравнительно недавнем прошлом проходила значительно севернее нынешней ландшафтной границы.

Один из виднейших специалистов по почвам Западной Сибири К. А. Кузнецов считает, что в последние два-три тысячелетия климат стал более холодным и влажным, в результате чего «произошло смещение ландшафтных зон к югу, и наш район (южная половина Томской обл.— *М. К.*) стал лесным. Под покровом лесной растительности сформировались деградированные черноземы различных степеней оподзоливания» [8].

Географ Р. С. Ильин, специализирующийся главным образом по Нарымскому краю, тоже считает, что степь в древности простиралась значительно севернее, чем сейчас. Доказывая это предположение, он ссылается не только на обычность в томско-нарымской тайге деградированных черноземов и других реликтовых нахождений, но и, в частности, на присутствие

---

[6] С. И. Коржинский. Предварительный отчет о почвенных и геоботанических исследованиях 1886 года в губерниях Казанской, Самарской, Уфимской, Пермской и Вятской. Тр. ОЕКУ, XVI, 6, Казань, 1887.

[7] Д. Драницын. Материалы по почвоведению и геологии западной части Нарымского края. Труды почвенно-ботанических экспедиций по исследованию колонизационных районов Азиатской России. Ч. I, Пг., 1915, стр. 222.

[8] К. А. Кузнецов. Почвы юго-восточной части Западной Сибири. Тр. ТГУ, 106, Томск, 1949, стр. 149.

степного компонента в кулайской культуре [9]. Говоря далее о том, что климат в течение последних тысячелетий изменился в сторону повышенной влажности, Р. С. Ильин отмечает, что в долине Оби в отличие от других местностей увлажнение идет «в условиях погружающейся, а не поднимающейся страны. Такие условия ведут, с одной стороны, к интенсивному заболачиванию, а с другой — отепляют климат наиболее пониженной части страны — Обской долины» [10]. Таким образом, отклонение в юго-восточной части Западной Сибири границы лесостепи далеко на юг объясняется не только общим увлажнением климата, но и происходящим параллельно опусканием Обской долины.

Касаясь вопроса о колебаниях климата и смещения ландшафтных зон, биолог проф. Б. Г. Иоганзен в качестве одного из доказательств того, что степь в Приобье ранее заходила далеко на север, указывает, в частности, на реликтовое нахождение в средней части Томской обл. некоторых типичных представителей степного животного мира — алтайского цокора, светлого хорька, отдельных видов стрекоз, совок, некоторых птиц и т. д. [11].

Известный знаток западносибирских лесов Г. В. Крылов в своей последней большой работе «Леса Западной Сибири» на основе анализа лимнологических и лесотипологических данных приходит к выводу, что в поздней фазе среднего голоцена островные смешанные лиственнично-березовые леса «лесостепного характера» доходили на севере до Васюгана. Сравнительное ухудшение климата во времена позднего голоцена (2—2,5 тысячи лет назад) привело к сдвигу на 3—4° к югу южной границы тайги [12].

Таким образом, изложенные выше археологические и палеографические наблюдения дают основания считать, что к началу последней четверти II тысячелетия до н. э. (еловское время) степные пространства продвинулись далеко на север. Д. Драницын предполагает, что древняя граница леса и степи проходила приблизительно по 59° северной широты, Р. С. Ильин проводит ее по 60°, Г. В. Крылов считает, что она шла тремя-четырьмя градусами севернее нынешней границы (по 59-й или 60-й параллели), т. е. все сходятся на том, что в район предполагаемой степи или, точнее, лесостепи входил и бассейн Васюгана. Весьма интересны в этом отношении наблюдения томских археологов. П. И. Кутафьев и А. П. Дульзон, обследовавшие бассейн р. Тыма (первый — в 1938 г., второй — в 1953 г.), отмечают здесь отсутствие курганного способа захоронения, тогда как к югу от Тыма курганы — обычное явление. «На Тыме,— пишет А. П. Дульзон,— имеются только грунтовые могилы, расположенные в тайге, которые трудно выявить. В отличие от этого для побережья самой Оби как и для побережья ее притоков — Васюгана, Парабели с Кенгой, Кети, Чулыма характерны курганные могильники с наземными погребениями» [13].

Большинство курганов, зафиксированных П. И. Кутафьевым и А. П. Дульзоном, оставлены охотничье-рыболовческими племенами, населявшими эту территорию в железном веке. Однако, судя по археологическим данным, курганный способ захоронения был принесен в эту часть Приобья еще в бронзовом веке еловскими племенами (Еловский и Бачангский могильники). Длительное сохранение в томско-нарымской тайге курганного способа захоронения является, с одной стороны, свидетельством древнего степного компонента в местных культурах железного века (на это обращали внимание И. М. Мягков [14] и В. Н. Чернецов [15]), с другой

---

[9] Р. С. Ильин. Природа Нарымского края. Томск, 1930, стр. 75.
[10] Там же, стр. 117.
[11] Б. И. Иоганзен. Природа Томской области. Томск, 1959, стр. 26.
[12] Г. В. Крылов. Леса Западной Сибири. М., 1961, стр. 69.
[13] А. П. Дульзон. Археологические памятники Томской области. Тр. ТОКМ, V, 1956, стр. 233—235.
[14] И. М. Мягков. Древности Нарымского края. Тр. ТКМ, 2. Томск, 1929, стр. 83.
[15] В. Н. Чернецов. Усть-полуйское время в Приобье. МИА, 35, 1953.

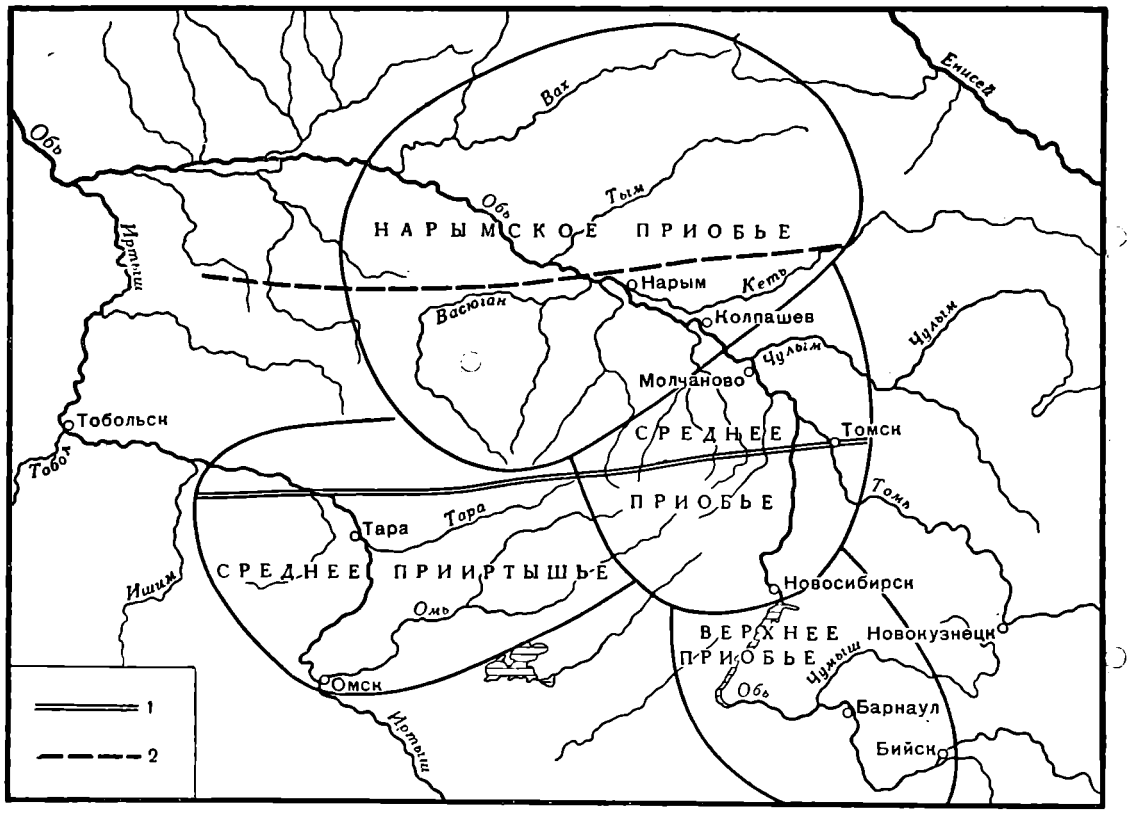


Рис. 2. Карта Обь-Иртышья

1 — современная граница лесной и лесостепной зон; *2* — граница леса и лесостепи во второй половине II тысячелетия до н. э.

стороны,— одним из проявлений исключительной консервативности культур Нарымского Приобья, что отмечалось рядом археологов.

В итоге оказывается, что северная периферия курганного способа захоронения совпадает с северными пределами распространения деградированных черноземов и с северной границей реликтовых нахождений степной фауны. Все это, учитывая и ряд других обстоятельств, позволяет провести древнюю границу леса и степи несколько севернее устья Васюгана и немного южнее бассейна Тыма (рис. 2) — приблизительно по северной окраине нынешней подзоны сосново-березово-темнохвойных лесов. Выделяя эту подзону, М. И. Помус отметил для нее характерность оподзоленных суглинков [16], которые по классификации деградированных черноземов относятся к третьей стадии оподзоливания черноземов, или — по К. Д. Глинке — к «вторичным подзолам». Дальше на север для почвенного покрова характерны уже типичные подзолы. Это лишний раз подтверждает правильность высказанного нами предположения о месте бывшей границы леса и степи.

Палеогеография Тоболо-Иртышья изучена много слабее. А. Гордягин при описании почв низовьев Тобола указывает на обычность темных прослоев ниже гумуса, которые он считает реликтовыми образованиями [17]. В. Н. Чернецов несколько раз отмечал значительное отклонение к северу северной границы лесостепи в Прииртышье и обращал внимание на то, что границей ландшафтных зон в этих местах является Иртыш, который от Тары течет почти в широтном направлении. «Начиная от устья Тары,— пишет В. Н. Чернецов,— к правому берегу Иртыша подходят урманы, которые уже без перерыва тянутся на север... В то же время от левого берега на юг простирается лесостепь, и таким образом граница между лесной и лесостепной зонами здесь очень резка, что обусловливает большое

[16] М. И. Помус. Западная Сибирь. М., 1956, стр. 63.

[17] А. Гордягин. Материалы для познания почв и растительности Западной Сибири. Тр. ОЕКУ, XXXIV, 3. Казань, 1901.

разнообразие ландшафтов» [18]. Надо полагать, что во времена сухого и теплого климата, предшествовавшего нынешнему субатлантическому периоду, граница леса и лесостепи в Прииртышье проходила еще севернее. В условиях начавшегося потом увлажнения и похолодания наступавшая на юг тайга встретила на своем пути мощную естественную преграду — Иртыш, который в значительной мере приостановил дальнейшее наступление леса. Именно этим следует объяснять здесь сейчас такое далекое распространение на север лесостепных и предтаежных пространств и резкую границу между ландшафтными зонами.

Судя по характеру археологического материала, наступление степи в Прииртышье началось раньше и пошло дальше, чем в более пониженном и сильно заболоченном Нарымском Приобье. Изменение ландшафтного облика Среднего и Нижнего Прииртышья очень рано привело к утрате местным населением прежних (лесных) связей и к усилению контактов со степными племенами Казахстана. В результате здесь на рубеже III и II тысячелетий до н. э. образовалась большая энеолитическая общность, представленная памятниками екатерининского типа [19], которая уже в значительной мере утратила свой автохтонный урало-сибирский облик. На ее основе в бронзовом веке возникли две культуры — сузгунская (Нижнее Прииртышье) и еловская (Среднее Прииртышье), которая распространилась потом и в Среднее Приобье (еловские памятники, рис. 1). Обе эти культуры имеют много общего между собой и находят ряд аналогий в степных культурах Зауралья и Казахстана. Облик сузгунской культуры — лесостепной и во многом андроноидный — не позволяет связывать ее население с сугубо лесным охотничье-рыболовным бытом.

Наиболее изученным пунктом сузгунской культуры является культовое место Сузгун II близ Тобольска [20]. Судя по ряду данных, можно предполагать, что этот памятник расположен не на северной, а на южной периферии сузгунской культуры, из чего следует, что граница леса и лесостепи в сузгунское (сузгунско-еловское) время проходила значительно севернее Тобольска. Это подтверждается и картографированием курганного способа захоронения.

Наше предположение об изменении ландшафтного облика Обь-Иртышья в бронзовом веке подкрепляется палеогеографическими данными, накопленными усилиями О. Н. Бадера и некоторых других исследователей для смежных районов — Урала и Прикамья в частности.

О. Н. Бадер пришел к заключению, что носители культуры с «флажковой» керамикой проникли в Пермское Прикамье с юга на рубеже XV—XIV вв. до н. э. и что наиболее вероятной причиной их продвижения является «смещение к северу ландшафтно-географических зон в условиях наступившего ксеротермического периода и приближения почти вплотную к осинскому течению Камы северной границы древних степей...» [21]. В ряде других своих работ, касающихся палеогеографии Прикамья, О. Н. Бадер приводит палеоботанические, почвенные и другие данные, позволяющие судить о причинах, характере и времени ландшафтных смещений, о взаимосвязи ландшафтных и этно-культурных сдвигов [22] и вскрывающие картину, во многом близкую той, которую мы нарисовали для Обь-Иртышья.

Н. П. Кипарисова, рассматривая бронзовый век лесного Зауралья, пришла к выводу (на основании пыльцевых диаграмм и торфяных разрезов),

---

[18] В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области. КСИИМК, 17, 1947, стр. 82.

[19] В. Н. Чернецов. Ук. соч.; его же. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, табл. X—XI.

[20] В. И. Мошинская. Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесостепной полосы Западной Сибири. МИА, 58, 1957, табл. I—IV.

[21] О. Н. Бадер. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, 99, 1961, стр. 194.

[22] О. Н. Бадер. Некоторые вопросы палеогеографии Урала и Северо-Восточной Европы в свете археологических данных. МАИЧП, 2. М.— Л., 1950.

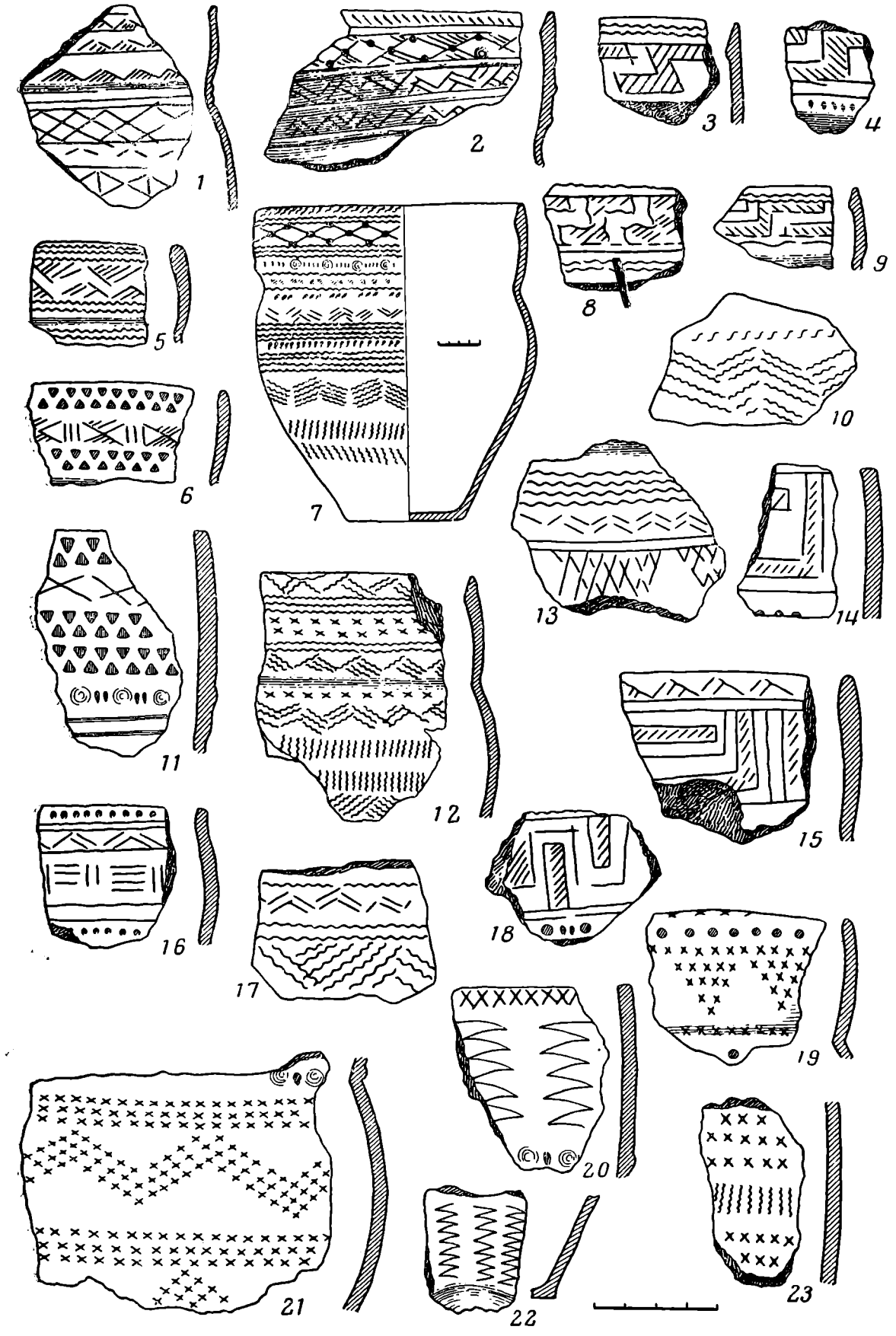


Рис. 3. Керамика молчановского типа в Среднем Обь-Иртышье

1, 4—6, 11, 14, 15, 18, 20, 23 — Десятовское поселение (поздний комплекс); *2, 3, 8—10, 12, 13, 16, 17, 22* — Молчановская Остяцкая Гора; *19, 21* — местонахождение Красноозерка II в Прииртышье

что наиболее сухой период в жизни 1-й Береговской стоянки относится к XIV—XIII вв. до н. э. и что именно в это время заканчивается освоение южной части Среднего Зауралья степными племенами [23].

Таким образом, данные для реставрации границы древних степей в Зауралье и Пермском Прикамье в значительной мере аналогичны тем данным, которые мы наблюдали в Обь-Иртышье. Известные различия в характере и масштабах ландшафтных смещений, равно как и некоторые несоответствия в деталях дат, могут объясняться гидрогеографической спецификой Урала и особенностями микроклиматов. Думается, мы вправе предполагать, что колебания климата, смещения ландшафтных зон и изменение направления этно-культурных сдвигов в бронзовом веке проходили во многих отношениях одинаково на громадной территории Урала и Западной Сибири.

Для переходного времени от бронзового века к железному отмечается начало обратного процесса — продвижение на юг северных таежных племен, чему соответствует и предполагаемое в это время наступление леса на степь. Результатом продвижения на юг лесных культур явилось распространение в северной половине Среднего Обь-Иртышья памятников молчановского типа (городище Остяцкая Гора близ пос. Молчаново, поздний комплекс Десятовского поселения на Чулыме, Красноозерка II близ г. Тары, на Иртыше и др., рис. 3). Молчановская керамика сочетает в себе как степные еловские черты (плоскодонность, резной геометрический орнамент, меандровые узоры), так и северные лесные признаки (крестовый, мелкоструйчатый, ромбический и треугольный штампы, псевдоплетенка, гладкая «качалка» и т. д.).

Давление таежных племен на северную периферию лесостепного историко-культурного массива в это время не ограничивается лишь пределами Обь-Иртышья, оно идет широким фронтом — от восточных границ Западной Сибири до Урала. В Восточном Зауралье (на территории нынешней лесостепной и отчасти степной зоны) распространяются памятники каменогорского типа, которые дают керамику, близкую молчановской как по общему колориту, так и по отдельным элементам орнамента (мелкоструйчатый, крестовый и ромбический штампы) [24]. К. В. Сальников датирует каменогорскую культуру началом I тысячелетия до н. э. и распространяет ее на широкую территорию (от Урала до Притоболья — с запада на восток и до Златоуста на юге).

В Среднем и Верхнем Приобье, где наступление леса пошло дальше, чем на Иртыше, лесные племена продвигаются много южнее — во всяком случае, уже керамика раннего этапа большереченской культуры в Верхнем Приобье носит на себе следы явных лесных влияний [25].

Однако северные влияния здесь в это время не единственные. Значительная часть нынешнего лесостепного Приобья испытывает мощное давление с юго-востока — из Минусинской котловины, которое долго и успешно (в течение всего I тысячелетия до н. э.) противостоит здесь всем северным таежным воздействиям. Это достаточно хорошо подтверждается карасукской окраской ирменской культуры и тем, что по крайней мере 90% керамики раннежелезного комплекса городищ Басандайка и Шеломок под Томском имеет более или менее хорошо выраженный тагарский облик.

Таким образом, говоря об основных направлениях этнокультурных воздействий в Приобье необходимо отметить, что в бронзовом веке они шли с юга на север, а в I тысячелетии до н. э.— с севера на юг и одновременно с юго-востока на северо-запад — из Минусинской котловины.

---

[23] Н. П. Кипарисова. О культурах лесного Зауралья. СА, 1960, 2, стр. 23, 24.

[24] К. В. Сальников. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. СА, 1961, 2, рис. 5, 20—22.

[25] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. МИА, 48, 1956, табл. IX—XIX.

К. Ф. СМИРНОВ

ПРОИЗВОДСТВО И ХАРАКТЕР ХОЗЯЙСТВА РАННИХ САРМАТОВ

Сложение савроматской археологической культуры относится ко времени, когда первое крупное общественное разделение труда в обширной полосе Евразийских степей, возникшее еще в эпоху древнеямной культуры, достигло своей кульминации. Именно в это время в результате значительного развития производительных сил выделились племена номадов-скотоводов, отличающихся по характеру хозяйства от своих предшественников и предков — пастушеских племен эпохи бронзы, в хозяйстве которых скотоводство как основная отрасль производства еще органически сочеталось с примитивным мотыжным земледелием. Население Евразии перешло на высшую ступень варварства (по периодизации Энгельса — Моргана), вступило в «...свою героическую эпоху,— эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора» [1]. На этой ступени исторического развития, которая, по меткому выражению Энгельса, была «...более богата успехами в области производства, чем все предыдущие ступени, вместе взятые» [2], население наших степей перешло к более прогрессивному типу хозяйства, к плавке железа и изготовлению из него основных орудий производства и оружия. Теперь «человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории...» [3]. Этот прогресс в развитии производительных сил привел к значительному изменению в общественном устройстве евразийских племен, их материальной и духовной культуры. Этим-то в первую очередь и объясняется иной облик сложившихся новых археологических культур, отличающихся от местных культур эпохи бронзы, несмотря на то, что такие новые этнические образования, как родственные по своему происхождению скифы, савроматы, саки и массагеты, вышли из недр евразийского населения эпохи бронзы.

Весь комплекс археологических данных и античная литературная традиция свидетельствуют о том, что сарматские племена степных областей на всех этапах их исторического развития вели скотоводческое хозяйство. У них стада были главными «средствами промысла» [4], скот являлся основным средством производства и в то же время основным продуктом (целью) труда. Определение скота как одного из средств производства мы находим у классиков марксизма. Маркс, говоря об определенной группе средств труда, «...какое-либо средство труда физически может постоянно перемещаться, передвигаться и, несмотря на это, постоянно находиться

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1963, стр. 181.

[2] Там же, стр. 26.

[3] Там же, стр. 181.

[4] Там же, стр. 180.

в процессе производства...», упоминает и рабочий скот[5]. Он же писал: «Наряду с обработанным камнем, деревом, костями и раковинами главную роль, как средство труда, на первых ступенях человеческой истории, играют прирученные, следовательно уже измененные посредством труда, выращенные человеком животные»[6]. Скот относится к той полезной вещи природы, которая в процессе производства выступает в «качестве сырого материала, средства труда или продукта, это всецело зависит от ее определенной функции в процессе труда, от того места, которое она занимает в нем, и с переменой этого места изменяются и ее определения»[7]. Нельзя отождествлять характер хозяйства, в том числе и скотоводства, у сарматов и более поздних тюркских кочевников, например, гуннов, огузо-печенегов, половцев и тем более монголов Золотой Орды и казахов XV—XVII вв. Подобную попытку отождествить характер хозяйства и образ жизни «ранних кочевников», сарматов в частности, и кочевников более позднего времени делает С. Е. Толыбеков[8]. Несмотря на ряд общих черт в хозяйстве и быте всех этих народов, сарматы на ранней ступени их исторической жизни создали свой тип хозяйства, в значительной мере напоминающий тип хозяйства скифской группы номадов в Северном Причерноморье, отличающийся от «чистого» кочевого хозяйства в трактовке С. Е. Толыбекова.

Существенным недостатком сарматской археологии является то, что до сих пор не исследованы места сарматских поселений, следы которых зафиксированы археологическими разведками в Поволжских и Предкавказских степях, а это затрудняет изучение производительных сил сарматского общества. Поэтому пока приходится довольствоваться материалами курганных раскопок и скудными сведениями античных авторов. Думаю, что я не совершу большой ошибки, если буду привлекать также свидетельства античных писателей о сарматах более позднего времени, чем савроматский период, так как вряд ли характер хозяйства сарматских скотоводов существенно изменился за все время их господства в степях юга Восточной Европы. Порукой этому служат экстенсивность и значительная консервативность той господствующей формы скотоводства, которая требовала «...только надзора и самого примитивного ухода...»[9] с использованием обширных естественных пастбищ для подножного корма скота как главного средства его пропитания.

При экстенсивном ведении скотоводства, каковым оно было у пастушеских племен эпохи бронзы, расширение скотоводческого хозяйства и значительное увеличение поголовья скота могло быть обеспечено лишь расширением естественной кормовой базы путем перехода к полукочевому и кочевому образу жизни древних скотоводов, ибо первобытное пастушеское скотоводство в наших степях при долгой и суровой зиме с большим снежным покровом не могло обходиться без запасов корма на зимний период[10], что ограничивало рост поголовья скота. Поэтому образование кочевого или полукочевого вида скотоводства в среде древних скотоводов было для того периода прогрессивным явлением. Этот переход в Евразийских степях завершился к началу железного века, но начался он, вероятно, в некоторых местах значительно раньше и подготовлялся в течение ряда предшествующих столетий. Ведь древние пастушеские племена были весьма подвижны. Именно это качество древних номадов отмечал

---

[5] К. Маркс. Капитал, II. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, М., 1961, стр. 182.

[6] К. Маркс. Капитал, I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, М., 1960, стр. 190.

[7] Там же, стр. 193—194.

[8] С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках. Алма-Ата, 1959, стр. 150—151.

[9] Ф. Энгельс. Ук. соч., стр. 56.

[10] Там же, стр. 179.

К. Маркс, когда писал, что «...все пастушеские племена первоначально кочевые...» [11].

Кочевое скотоводство могло развиться только в степи [12], где в распоряжении скотоводов были богатые и обширные пастбища. Степи Поволжья и Приуралья, не говоря уже о Причерноморских степях, создавали благоприятные условия для раннего развития кочевого или полукочевого быта.

Возможно, что значительная часть киммерийских племен уже вела полукочевой образ жизни, постоянно практикуя сезонный отгон табунов и овечьих отар. О большой подвижности киммерийцев свидетельствует их появление на Северном Кавказе и военные вторжения в страны Переднего Востока.

Ту же форму скотоводства можно предположить у населения срубной культуры южного Поволжья. В этом отношении интересен тот факт, что поселения срубной культуры в пределах современных Волгоградской и Астраханской областей встречаются значительно реже, чем в более северных Саратовской и Куйбышевской областях, а их культурный слой менее насыщен остатками бытовых предметов. Погребенных в могильниках срубной культуры южных областей Поволжья также значительно меньше, чем в могильниках Куйбышевской области. Следовательно, население здесь жило реже и менее продолжительное время на отдельном месте, чем на севере. К сожалению, до сих пор древние поселения южных областей Поволжья недостаточно исследованы, чтобы сравнить состав стада у различных групп населения срубной культуры Поволжья. Развитие коневодства в степях Поволжья с использованием лошади для верховой езды, начавшееся не позже середины II тысячелетия до н. э. [13], усиливало подвижность родовых групп и обеспечивало охрану скота в период его отгона от основных мест поселений в различные сезоны года.

Исходя из указанных соображений, я не могу согласиться с теми исследователями, которые считают, что переход к кочевому образу жизни в Евразийских степях произошел повсюду сразу за очень короткий промежуток времени. Он подготовлялся столетиями и завершился качественными изменениями формы скотоводства к началу железного века.

Издавна в нашей историографии принято считать, что савроматы и их прямые потомки сарматы были кочевниками. Однако были ли савроматы, взятые в целом, как группа родственных племен, заселявших огромную территорию от Дона до междуречья Тобола и Урала, только кочевниками и притом такими, которые, подобно казахам XV—XVII вв. [14] или бедуинам Аравийского полуострова [15], находились почти в беспрерывном передвижении с места на место в течение всего года на огромных просторах степей и полупустынь? Характеризуя условия жизни таких кочевников, С. Е. Толыбеков пишет: «Существо организации кочевого скотоводства сводилось к круглогодичному содержанию стад и табунов на подножном корму в необитаемых пространствах пустынь и степей» (разрядка моя.— *К. С.*) [16].

---

[11] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр 23.

[12] Ф. Энгельс. К истории древних германцев. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, М., 1961, стр. 450.

[13] К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, 1.

[14] С. Е. Толыбеков. Ук. соч., стр. 56, 57; Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область, Кокчетавский уезд, I, Воронеж, 1898; Материалы по киргизскому землепользованию... Тургайская область, Кустанайский уезд, т. V, Воронеж, 1903; Л. К. Чермак. Киргизское хозяйство в Степном крае. СПб., 1912: стр. 225; В. В. Вельяминов-Зернов. Исследования о Касимовских царях и царевичах, ч. II, СПб., 1864, стр. 165, 166.

[15] П. Цветков. Исламизм, I, Ашхабад, 1912, стр. 21.

[16] С. Е. Толыбеков. Ук. соч., стр. 68.

Античные авторы особенно подчеркивают необычный для греков кочевой быт скифов и сарматов, вместе с тем они же приводят ряд ценных сведений, уточняющих хозяйственную деятельность и образ жизни северочерноморских степняков. В отношении скифов Причерноморья, которые не являются предметом настоящего исследования, мы лишь отметим, что уже во времена Геродота у них было комплексное хозяйство в рамках единого политического союза: земледелие, кочевое или полукочевое скотоводство и начало ремесла в их политическом центре, каковым было Каменское городище на Днепре. При современном состоянии исследования скифского вопроса не может быть и речи о примитивности и односторонности хозяйства у скифов.

Обратимся к савроматам и сарматам. Их образ жизни и хозяйственная деятельность освещены в письменных источниках значительно хуже, чем скифский быт. О большой подвижности савроматского племени свидетельствует легенда о происхождении савроматов, переданная Геродотом [17].

Савроматы — это прежде всего скотоводы. Псевдо-Скимн, ссылаясь на Эфора, называет савроматов номадами [18]. У античных авторов после Эфора дается характеристика сарматов в целом, часто называемых савроматами, или отдельных сарматских племен под различными именами как кочевников. Для уточнения характера хозяйства сарматов весьма ценные свидетельства оставил нам Страбон, использовавший в своей «Географии» ряд высказываний более древних авторов. Перечисляя народы, живущие между Танаисом и Каспийским морем, среди которых упоминаются и сарматы, Страбон говорит, что они «по большей части кочевники» [19]. Здесь следует обратить внимание на употребление Страбоном выражения «по большей части». Следовательно, среди этих племен были и такие, которые не принадлежали к кочевникам. И действительно, среди сарматских племен указаны предкавказские сираки и аорсы: «Одни из них кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием» [20].

Таким образом, в среде сираков и аорсов, ряд сведений о которых Страбон черпал у писателей II в. до н. э. ярко наблюдается процесс оседания на землю, о чем хорошо свидетельствуют археологические материалы III—II вв. до н. э. из могильников и городищ Прикубанья. Этот процесс частичного оседания на землю номадов Предкавказских и Донских степей наблюдается и в савроматское время, правда, вероятно, менее значительный. Так в меотском могильнике у станицы Пашковской под Краснодаром обнаружены погребения с западной ориентировкой, относящиеся к V—IV вв. до н. э. [21]. Этот обряд был чужд древнемеотскому населению Прикубанья и обычен для савроматов. Савроматы жили безусловно и в меотской среде дельты Дона, например на Елизаветовском городище, так как в материальной культуре племен дельты Дона и особенно в их погребальном обряде мы имеем много черт, характерных для савроматов степного Поволжья.

Допуская полную оседлость незначительной части савроматов как результат их прямого контакта с земледельческими группами прикубанских и приазовских меотов, мы все же должны подчеркнуть, что основная масса савроматов имела тот тип скотоводческого хозяйства, который довольно определенно описан Страбоном у приазовских роксоланов — выходцев из савроматской среды. Свидетельства Страбона чрезвычайно интересны. Сообщая об участии роксоланов в войне скифов с Митридатом Евпатором, Страбон пишет: «Кибитки номадов сделаны из войлока и прикреплены

---

[17] Геродот. IV, 115, 116.
[18] Псевдо-Скимн. Землеописание, 860—864.
[19] Страбон. XI, VI, 2.
[20] Страбон. XI, II, 1.
[21] К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у станицы Пашковской. МИА, 64, 1958, стр. 308, 309.

к повозкам, на которых они живут; вокруг кибиток пасется скот, мясом, сыром и молоком которого они питаются. Они следуют за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами; зимою в болотах около Меотиды, а летом — и на равнинах» [22]. Здесь Страбон рисует картину жизни номадов с постоянными местами для зимовок и очень определенным и небольшим радиусом летних откочевок к северу, т. е. картину жизни, типичную для полукочевников или кочевников с ограниченным радиусом кочевания. Здесь нет беспрерывного передвижения с места на место на огромные расстояния, часто с полной сменой района кочевания, как это было у многих кочевников более позднего времени [23]. Образ жизни роксоланов совсем не похож на способ кочевания тех казахских кочевников, у которых «орды и роды... очень часто перемещали свои кочевые пути иногда на очень далекие расстояния» [24] и которые, подобно кочевникам казахского хана Касыма в начале XVI в., не имели постоянных мест для зимовок и передвигались с места на место даже зимой [25]. Вероятно, такими же беспрерывными кочевниками были ногайцы XVI в., которые передвигались вслед за скотом, по мере того, как он поедал траву на определенном участке степей [26]. Характерно свидетельство Ч. Валиханова: «У наших предков постоянных зимовок не было, точно так же как и приуроченных мест для летних пастбищ» [27]. Подобное описал и Л. Костенко: «Пределы распространения казахских кочевок трудно определить с точностью, потому что народ этот подобен ветру, свободно разгуливающему в пустыне, и который уловить невозможно» [28].

Роксоланы же имели зимовки в определенном месте, а именно в низких местах близ Азовского моря, вероятно в плавнях и низинах, богатых камышом, травою и защищенных от ветров. Такие зимовки могли находиться в низовьях р. Молочной близ Мелитополя, где исследован большой сарматский могильник [29]. Поскольку «отсутствие всякой закрепленности прежде всего мест зимних кочеваний — основной признак полного кочевого образа жизни» [30] не был характерен для роксоланов, то они никак не могут быть по образу жизни отождествлены со многими более поздними тюрко-монгольскими кочевниками, особенно кочевниками обширных степных и полупустынных областей Казахстана, кочевавшими на многие сотни и даже тысячи километров [31]. Ограничение же длины кочевого пути, организация постоянных зимовок в определенных местах в истории казахского народа, да и других кочевых народов нашей страны означало уже переход от полного кочевого образа жизни к полукочевому [32]. Основываясь на этих этнографических параллелях, мы можем назвать роксоланов полукочевниками.

Итак, уже на основании свидетельств Страбона, даже не привлекая археологических данных, мы можем утверждать, что у наиболее крупных

---

[22] Страбон. VII, 3, 17.

[23] С. Е. Толыбеков. Ук. соч., стр. 46, 53, 65, 82, 243, 244, 277, 278, 349.

[24] Материалы по киргизскому землепользованию..., V, стр. 83.

[25] В. В. Вельяминов-Зернов. Ук. соч., ч. I—IV.

[26] Известия англичан о России XVI века. М., 1948, стр. 195; С. Герберштейн. Записки о московских делах. СПб., 1908, стр. 144.

[27] Ч. Ч. Валиханов. О кочевках киргиз. Зап. ИРГО по этнографии, XXIX, СПб., 1907, стр. 322.

[28] Л. Костенко. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870, стр. 30.

[29] М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. Сб. ВССА, М., 1954.

[30] С. Е. Толыбеков. Ук. соч., стр. 277.

[31] Н. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, I, Ташкент, 1889, стр. 111; Е. Смирнов. Сыр-Дарьинская область, СПб., 1887, стр. 50.

[32] П. П. Румянцев. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910, стр. 53; В. Я. Беньковевич. Животноводство в Тургайской области и его экономическое и хозяйственное значение для населения. Тр. Тургайского областного земельного комитета. 3, Оренбург, 1918, стр. 17; А. И. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 12.

сарматских племен (роксоланов, сираков и аорсов), переселившихся из обширной области формирования этих племен в степи Северного Кавказа и Причерноморья, не было кочевого хозяйства того типа, который был характерен для многих тюрко-монгольских племен нашей страны.

Какие же есть основания, чтобы сближать характер хозяйства сарматов и их прямых предков — савроматов Поволжья и Приуралья? При отсутствии точных свидетельств в письменных источниках мы можем привести для этого ряд археологических фактов.

Сколь ни ограничены археологические данные для характеристики хозяйства и производственной деятельности савроматов, все же они позволяют в большей или меньшей степени осветить различные стороны производственно-хозяйственной жизни населения степей Поволжья и Южного Приуралья в VII—IV вв. до н. э.

Скот у савроматов являлся основным богатством. На основании остатков заупокойной пищи можно составить представление о составе савроматского стада, хотя и нельзя установить точного процентного соотношения того или иного вида скота в стаде (табл. 1). При совершении тризны и при сопровождении покойника мясной пищей резали те виды животных, которые являлись продуктом питания населения. Савроматы употребляли в пищу мясо мелкого и крупного рогатого скота, а также очень часто — конину.

Таблица 1

Наличие костей животных в савроматских погребениях (по данным на 1960 г.) [33]

Области савроматской культуры	Мелкий рогатый скот	Крупный рогатый скот	Лошади как остаток заупокойной пищи	Конские захоронения (целые костяки или отдельные черепа)	Захоронения собак (целые костяки или отдельные кости)	Кабан	Олень или косуля	Кости птиц и яичная скорлупа
Дон и Поволжье	72	13	23	7	5	—	—	5
Южное Приуралье	76	9	55	10	2	2	3	6

Мелкий рогатый скот, преимущественно, вероятно, овцы, занимали первое место в стаде савроматских племен. Кости барана чаще всего встречаются в погребениях. В относительно богатые могилы клали по нескольку разрубленных бараньих туш.

Овцеводство позволяло степным номадам наиболее эффективно использовать естественные пастбища. Отары овец, вероятно, почти круглый год паслись под открытым небом, о чем свидетельствует Дионисий Периэгет, характеризуя народы, живущие за Танаисом [34]. Овцы савроматов относились к характерным для степных областей грубошерстным (каракульским) породам. В пользу этого есть прямое указание Аристотеля: «Савроматские овцы отличаются жесткою шерстью» [35].

Судя по костным остаткам в савроматских и сарматских могилах, овцы древних скотоводов Поволжских степей были значительно крупнее скифских (по сообщению В. И. Цалкина) и в какой-то степени по своей величине приближались к современной мясо-сальной гиссарской породе [36]. Номады Поволжья вывели крупную породу жесткошерстных овец в ре-

[33] В таблице указано количество погребений с костями животных, а не число особей.

[34] Дионисий Периэгет. Описание населенной земли, 652—710.

[35] Аристотель. О рождении животных, кн. V, гл. 3.

[36] В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 427, 454, 490.

зультате естественного отбора на пастбищах, богатых травою. Эти овцы давали значительное количество мяса и молока, из которого, вероятно, изготовляли сыр; овчину для зимней одежды, шерсть для изготовления грубошерстных тканей и войлока. Для охраны овечьих отар от главных степных хищников — волков савроматы держали собак. Оппиан, перечисляя лучшие породы собак, упоминает «савроматских псов» [37]. Захоронения собак и отдельные кости собаки обнаружены в савроматских могилах Поволжья и Приуралья.

Античные писатели не раз отмечали большую роль коня в жизни евразийских номадов, у которых конь широко использовался в военном деле, а также служил средством передвижения и пищей. Савроматы имели, видимо, большие табуны лошадей, что давало им возможность в значительном количестве употреблять конину в качестве мясной пищи. Большие части лошадиных туш клались в могилы, как заупокойная пища; боевых же коней берегли, и их захоронение вместе с хозяином практиковалось довольно редко. Кости коня, как остатки заупокойной пищи, занимают второе место после костей барана в составе остеологического материала из савроматских погребений, хотя савроматы Оренбургских степей клали в могилы своих сородичей лошадиное мясо почти так же часто, как и баранье. Да и захоронение коней в Приуралье практиковалось значительно чаще, чем в Поволжье. Вероятно, коневодство у восточной группы савроматов было развито больше, чем у поволжских савроматов. Лошадиные кости из савроматских могил до сих пор не изучались настолько, чтобы судить о породах лошадей. Лишь на основании различной величины конских удил можно предполагать, что савроматы были знакомы с различными породами лошадей, одни из которых имели узкие, другие широкие морды. Большинство сохранившихся удил имеет широкую ротовую часть (около 20 *см*) и длинные псалии. По-видимому, крупноголовая порода степных лошадей, характерная и для скифов, преобладала в табунах савроматов.

В савроматских могилах пока неизвестны находки костей верблюда. Тем не менее известно, что савроматы Южного Приуралья использовали верблюда в качестве транспортного, вьючного животного. Об этом свидетельствуют бронзовые бляхи с изображением двугорбых верблюдов — бактриан [38]. Вероятно, уже в савроматское время северокаспийские (верхние) аорсы использовали верблюда для транзитной торговли, сведения о которой нам сообщает Страбон [39].

Особый интерес для определения характера скотоводства у савроматов представляет факт наличия в составе стада крупного рогатого скота. Правда, в савроматских погребениях Оренбургских степей кости крупного рогатого скота по отношению к костям других домашних животных составляют меньший процент, чем в Поволжье (табл. 1). В поволжских могилах кости крупного рогатого скота хотя и занимают третье место среди костей домашних животных, но по отношению к погребениям с костями лошади количество погребений с частями туш коровы или быка в два раза меньше, а в Оренбуржье — почти в шесть раз. Савроматы использовали крупный рогатый скот не только для получения мясо-молочных продуктов и кожи, но, видимо, и как транспортное средство. В одном из погребений IV в. до н. э. в урочище «Лапасина» у с. Любимовка на Бузулуке были обнаружены остатки деревянной повозки [40]. В подобные повозки впрягались быки, судя по находке скелета быка на краю подбойной раннесарматской

---

[37] Оппиан. Об охоте, I, 373.

[38] К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, САИ, Д 1—9, М., 1963, табл. 21, *6*, *8*.

[39] Страбон. География, XI, V, 8.

[40] К. Ф. Смирнов. Новые сарматские памятники на Бузулуке. КСИА АН СССР, 89, 1962, стр. 88, рис. 33.

могилы в кург. № 19 у с. Политотдельского. Во входной яме могилы лежали обломки кузова деревянной повозки. На этой повозке, влекомой быком, покойник был доставлен к месту погребения [41].

Если овцы, лошади и верблюды являлись наиболее типичными домашними животными у кочевников степей, пустынь и полупустынь, то иначе обстояло дело с крупным рогатым скотом. Те номады, которые кочевали на далекие расстояния, как свидетельствуют исторические и этнографические данные по Казахстану, вовсе не имели крупного рогатого скота или держали его в очень ограниченном количестве [42]. Во всех тех случаях, когда мы наблюдаем появление или увеличение крупного рогатого скота в стаде номадических племен, данный факт свидетельствует о переходе кочевников к полукочевому хозяйству или о резком уменьшении радиуса кочевания [43]. С. Е. Толыбеков пишет, что наличие в стаде кочевников «крупного рогатого скота и употребление телеги говорит о сравнительно небольшом радиусе кочевого передвижения» [44]. Именно этот вид кочевания с наличием деревянной повозки мы видим у основных племенных групп савроматов и сарматов.

Савроматы Поволжья, вероятно, имели крупный рогатый скот в таком количестве, которое позволяло им использовать его и как тягловую силу, и как мясную пищу. Совсем иную картину мы видим у тюркских кочевников степей Восточной Европы в IX—XII вв. Они также имели в своем стаде крупный рогатый скот, но в ограниченном количестве, и в качестве заупокойной пищи мясо коровы или быка обычно не клали [45]. Этот савроматский обычай является наследием погребальных обычаев пастушеских племен срубной и андроновской культуры, в погребениях которых часто в качестве остатков напутственной пищи встречаются кости крупного рогатого скота.

Более развитый кочевой быт тюркских племен подтверждает и другая характерная черта их погребального обряда, а именно — захоронение коней или конских чучел, шкуры вместе с покойником. Конские захоронения у савроматов и сарматов очень редки, не так уж часто встречаются и части конского снаряжения; их находят преимущественно в относительно богатых могилах.

Состав стада у савроматов, и прежде всего значительное место в нем крупного рогатого скота, дает возможность предполагать, что радиус основных сарматских откочевок не был велик. Это предположение подтверждается топографией савроматских курганных погребений. В тех местах обширной савроматской территории, где погребения исследованы в значительном количестве, мы имеем следующую картину: могилы савроматов определенного типа сосредоточены в отдельных могильниках, каждый из которых представляет кладбище семейно-родовой группы. Для более позднего времени, когда плотность населения в степях Поволжья значительно увеличилась, семейно-родовой характер сарматских курганных групп проявляется еще ярче. Таким образом, савроматы и сарматы, как правило, хоронили покойников не где попало, а на своих родовых кладбищах, скорее всего поблизости от зимовок, т. е. в местах относительной оседлости [46]. На основании данных этнографии можно допустить и

---

[41] К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. МИА, 60, 1959, стр. 277, 285, рис. 27, *16*.

[42] С. Е. Толыбеков. Ук. соч., стр. 13, 61, 205, 356; Материалы по киргизскому землепользованию. Акмолинская область, Омский уезд, XI, Омск, 1902, стр. 28; Е. Смирнов. Сыр-Дарьинская область, стр. 159.

[43] В. П. Витевский, И. И. Неплюев. Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., III, Казань, 1897, стр. 640; Материалы по киргизскому землепользованию..., V, стр. IV, V.

[44] С. Е. Толыбеков. Ук. соч., стр. 26.

[45] С. А. Плетнева. Печенеги, тюрки и половцы в южно-русских степях. МИА, 62, 1958, стр. 151 сл.

[46] С. Е. Толыбеков. Ук. соч., стр. 359.

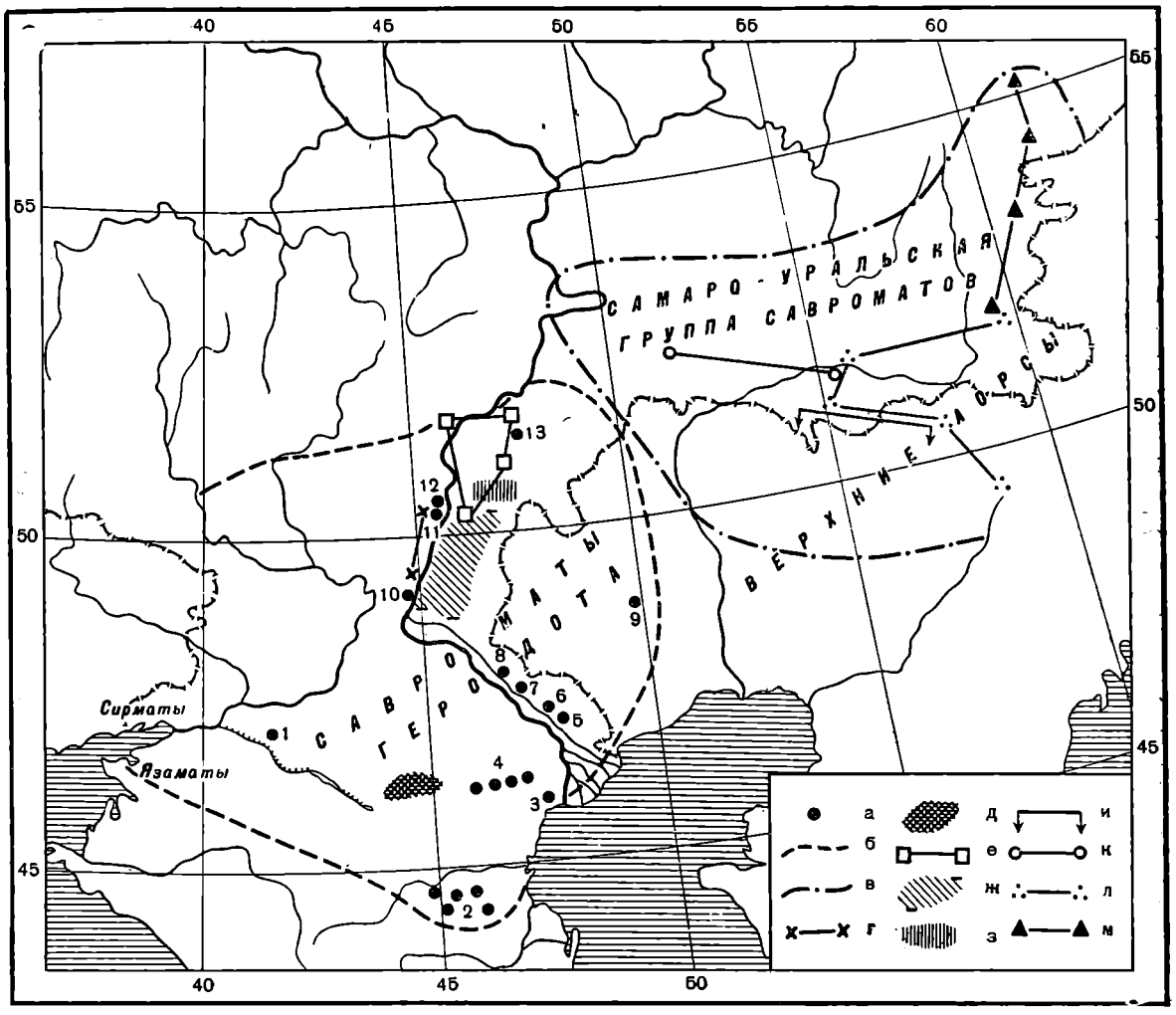


Рис. 1. Карта савроматско-сарматских стоянок, поселений и схема расселения некоторых родоплеменных групп савроматов

а — следы поселений и стоянок, *б* — территория волго-донской группы савроматов (Геродота), *в* — территория самаро-уральской группы савроматов, *г* — район каменных курганов, *д* — район курганов с использованием камня в погребальном обряде, *е* — район курганов с надмогильными деревянными сооружениями, *ж* — район могил между Ерусланом и верховьями Ахтубы, *з* — район концентрации овальных и круглых могил Заволжья, *и* — район ранних погребений с южной ориентировкой покойников, *к* — район круглых и овальных могил Оренбуржья, *л* — район курганов с каменными сооружениями V—IV вв. до н. э., *м* — основной район погребений на древнем горизонте и с круглодонной керамикой.

1 — район Манычской плотины; *2* — Агабатыр, Ачикулак, Махмут-Мектеб, Бажиган и Терекли-Мектеб; *3* — Басы и Зензели; *4* — автобусные станции по дороге от Астрахани на Элисту; *5* — Досанг; *6* — Сероглазово; *7* — Михайловка; *8* — Болхуны; *9* — Джангала, оз. Сарайдин; *10* — Дубовка; *11* — Терновка; *12* — Даниловка; *13* — Тонкошуровка

такие случаи, когда савроматы устраивали кладбища по всей территории своего кочевания[47]. Следовательно, на основании топографии определенных погребальных типов, характерных для той или иной родо-племенной группы савроматов, можно определить приблизительную территорию их постоянного местопребывания и основной район кочевий.

В течение трех-четырех столетий, т. е. почти до конца IV в. до н. э., когда в Заволжско-Уральских степях намечаются первые крупные передвижения номадов в западном направлении, отдельные родо-племенные группы савроматов жили на постоянных и довольно ограниченных территориях.

В этот период были стабильны два основных крупных племенных объединения: поволжский и самаро-уральский со своими особыми чертами материальной и духовной культуры (рис. 1). В пределах этих объединений каждая родо-племенная группа, вероятно, занимала довольно огра-

[47] В. Шнэ. Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области. ЗСОРГО, кн. XVII, 1—2, Омск, 1894, стр. 114; Ю. Шмидт. Голодная степь, или пустыня Бетпак-Дала и Чуйская долина. Там же, стр. 736.

ниченную территорию, на которой располагались их основные пастбища, хотя нельзя отрицать более далекие откочевки, особенно в летнее время, засушливые сезоны и пр.

Приведем несколько конкретных примеров. По правому берегу Волги известны савроматские каменные курганы. Их группа сосредоточена у с. Горная Пролейка («Царские могильницы»). К этому же типу курганов, в районе которых найден обломок савроматского каменного жертвенника, относятся курганы у с. Даниловка близ Камышина: «Белый Мар», «Крестовый мар», «Каменная Батарея» и «Гришка Расстрижка» [48]. В других местах междуречья Дона и Волги подобных курганов нет. Следовательно, группа савроматских родов, для которой были характерны каменные курганы, занимала основную территорию по правому берегу Волги протяженностью с севера на юг около 100 *км* (рис. 1, *г*).

У савроматов Поволжья лишь в районе Элисты имеются могилы с использованием камня при устройстве курганов и с перекрытиями в виде больших каменных плит. Так же компактно расположены погребения савроматов Поволжья, для которых были характерны квадратные деревянные рамы или срубы, уложенные вокруг могилы на древнем горизонте. Они обнаружены между Саратовом и степными речками Еруслан (в среднем течении) и Большой Караман на левобережье Волги. В южном направлении группа родов, для которой характерен указанный признак, занимает участок не более 200 *км*. В Заволжье только к югу от указанного района между бассейнами Еруслана и верхним течением Ахтубы отмечены савроматские могилы с плоскими деревянными перекрытиями на древнем горизонте, выходящие далеко за пределы контуров могилы, обычно обложенные сверху травой или камышом (рис. 1, *ж*). Этот район савроматских могил протяженностью менее 200 *км* имеет некоторое отличие от других поволжских районов и по соотношению прочих черт погребального обряда. Это же в еще большей степени относится к территории заволжских погребений по Еруслану и более северным районам Заволжья.

По форме могил не всегда можно выделить локальные варианты, которые свидетельствовали бы о территории определенной родо-племенной группы, ибо различные формы могил встречаются по всей территории расселения савроматов. Однако заслуживает внимания тот факт, что круглые и овальные могилы в Поволжье известны только по Еруслану и его притоку Соленой Кубе (рис. 1, *з*).

В Оренбургских степях также можно грубо наметить территории некоторых племенных или родовых подразделений номадов. Например, только на Илеке от Актюбинска до с. Покровка на Хобде жили роды, которые часто хоронили своих покойников головой на юг в савроматское время (VII—V вв. до н. э.). Ранние савроматские катакомбы V в. до н. э. с южной ориентировкой покойников также встречены только на Илеке. Могилы круглой и овальной формы здесь обнаружены преимущественно на участке степи от района Оренбурга до верховья Бузулука. В этом же районе известны подкурганные погребения на материке. Компактная группа таких погребений известна только в районе Челябинска, но по другим особенностям ритуала (северная, северо-восточная и восточная ориентировка погребенных, засыпка могил углем) и наличию круглодонной посуды она отличается от оренбургской. Почти по всем этим признакам Челябинские курганы можно объединить в одну родо-племенную группу с савроматскими погребениями более южных районов Челябинской области (Клястицкое, Варна) и верховье Суундука Оренбургской области (Аландское). Могилы, над которыми клали каменные кучи или выкладки, характерны для района между Оренбургом, средним течением Илека и

---

[48] Б. Зайковский. Археологические разведки в окрестностях слободы Даниловки Камышинского уезда Саратовской губернии. Тр. СУАК, 30, Саратов, 1913, стр. 221, рис. 1; стр. 227, рис. XVI.

Орью; бóльшая часть их относится к IV в. до н. э. и представляет характерную локальную группу раннепрохоровской культуры.

Можно думать, что отдельные родо-племенные группы савроматов занимали строго определенные участки степи. Сравнивая протяженность территории распространения определенных компактно расположенных погребальных типов или признаков ритуала, мы должны констатировать тот факт, что в Поволжье эти территории несколько короче, чем в Оренбургских степях. В первой области они не превышали 200 *км*, во второй — 250—400 *км*. Таким образом, можно предположить, что отдельные родоплеменные группы савроматов Оренбургских степей занимали бóльшую территорию, чем их западные соседи, а следовательно, они обладали более обширными пастбищами, угодьями и были более подвижными номадами. Не оттого ли в составе их стада господствовали овцы и лошади и было мало крупного рогатого скота, а в их могилах чаще встречались захоронения коней и особенно части конской сбруи?

Существенным недостатком сарматской археологии является то, что до сих пор не производились специальные исследования поселений в глубине степей, хотя археологическими разведками такие поселения и следы стоянок номадов были зафиксированы в ряде мест (рис. 1). П. С. Рыков отметил ряд поселений этого времени в Калмыкии по линии автобусных станций от Астрахани на Элисту в 1929 г.[49]. В Прикаспийской части Калмыкии у селений Басы и Зензели Н. А. Дашук в 1929 г. и И. В. Синицын в 1930 г. обнаружили остатки древних поселений на дюнах, на которых встречалась сарматская керамика[50]. В 1928 г. П. С. Рыков на развеянных дюнах Ахтубы, особенно у селений Болхуны и Сероглазово, собрал такую же керамику, среди которой много фрагментов с характерным для посуды конца эпохи бронзы и савроматской посуды орнаментом в виде жемчужин, параллельных тройных борозд, криволинейных линий, а также обломок венчика от типичного савроматского сосуда с трубчатым носиком-сливом. Вместе с этой керамикой встречались бронзовые наконечники стрел (с. Сероглазово, Ак-Мечеть у ст. Досанг). На дюнных стоянках у оз. Сарайдин у с. Джангала в Западном Казахстане И. В. Синицын собрал группу черепков предскифского и скифского времени[51]. Следы пребывания савроматов и сарматов обнаружены на древнем селище у с. Тонкошуровка Саратовской области (левый берег Волги), где П. С. Рыков в 1924 г. нашел бронзовые чешуйки от панцыря, бронзовые втульчатые и железные черешковые наконечники стрел. Почти все стоянки савроматского времени находятся на тех местах, которые были заселены и в предшествующее время, как наиболее удобные территории для скотоводов. Развеянность этих дюнных стоянок делает их, к сожалению, малопригодными для более тщательных археологических исследований.

На правом берегу Волги в Камышинском районе на дюнах и возвышенных местах, удобных для сооружения городищ и где отсутствуют курганы, были найдены в разное время предметы савроматского вооружения — акинак и вток от копья, много архаических бронзовых наконечников стрел[52]. Есть основание считать, что городища золотоордынской эпохи — Водянское у пос. Дубовка и Терновское — возникли на поселениях или городищах раннего железного века, так как здесь были обнаружены бронзовые наконечники стрел, античный перстень, колесико-аму-

---

[49] П. С. Рыков. Отчет об археологических раскопках, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. ИНВИК, IV, Саратов, 1931.

[50] И. В. Синицын. Археологические памятники северо-западного Прикаспия. Тр. СОМК, III, Саратов, 1960, стр. 135.

[51] И. В. Синицын. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане. КСИИМК, XXXVII, 1951.

[52] Б. Зайковский. Ук. соч., стр. 215 сл; стр. 224, рис. IX; Ф. Баллод. Приволжские «Помпеи». М.— Л., 1923, стр. 37—62.

лет, характерный для савроматов (Терновка), несколько греческих торговых свинцовых пломб V в.[53], ольвийские и пантикапейские монеты и, кажется, обломки античной расписной посуды и терракоты (Водянское городище[54]).

Керамика позднебронзового и раннескифского времени также найдена на ряде древних стоянок района Манычской плотины[55]. В междуречье Кумы и Терека, в окрестностях селений Агабатыр, Ачикулак, Махмут-Мектеб, Бажиган и Терекли-Мектеб Е. И. Крупнов на песчаных выдувах обнаружил много бронзовых и железных наконечников стрел, глиняные пряслица, куски металлического шлака, зернотерки и обломки «характерной раннескифской и савроматской керамики». Е. И. Крупнов делает вывод, что «значительная часть их, безусловно, происходит не только из развеянных курганов, но и из разрушенных природой древних поселений»[56]. Поиски и исследования савромато-сарматских поселений с сохранившимся культурным слоем — актуальная задача сарматской археологии.

Что собою представляли известные дюнные поселения савроматов Поволжья? Вероятно, это были в одних случаях зимовки, в других — летние стойбища. Для выяснения их характера требуются стационарные исследования. По данным этнографии, кочевники и полукочевники устраивали свои зимовки в приречных и приозерных зарослях, на бугристых песках и ложбинах между ними, обильных высокорослой травой и топливом в виде осоки, камыша, хвороста и защищенных от зимних ветров[57]. Все эти условия мы находим в районах савроматских стоянок. В таких же естественно-географических условиях находились зимовки роксоланов Приазовья.

Полукочевники евразийских степей обычно почти полгода жили на своих зимовках в постоянных жилищах, устраивая загоны, укрытия и ямы для скота, особенно для овец и коров, а лошади паслись в степи, добывая корм тебеневкой. Загоны устраивались из кустов и камыша, ямы-укрытия закрывались хворостом и камышом. В качестве жилищ сооружались землянки, камышовые, глинобитные, деревянные и войлочные наземные постройки[58].

Подобные постройки, включая прочные деревянные дома, безусловно, были и у сарматов. Об этом ярко свидетельствуют формы могил и их оборудования деревом, хворостом и камышом, как типичная черта савроматских погребальных сооружений.

Широкие прямоугольные и квадратные, реже круглые и овальные могильные ямы, перекрытые мощным бревенчатым накатником, иногда в два слоя, устланные сверху камышом и травой, воспроизводят форму землянок или полуземлянок. Надмогильные сооружения в виде прямоугольных срубов и крупных построек свидетельствуют об опыте савроматов при помощи топора и пилы строить наземные срубные дома и юртообразные постройки. Камыш и хворост широко использовались не только для сооружения могильных перекрытий, но и для обкладки и оплетения стен могильных ям. Последний прием мы встречаем в могилах прохоровской культуры Оренбургских степей. Известны случаи, правда редкие,

---

[53] А. С[пицын]. Некоторые новые приобретения Саратовского музея. ИАК, 53, СПб., 1914, стр. 101, рис. 21.

[54] Ф. Баллод. Ук. соч., стр. 37.

[55] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.— Л., 1941, стр. 204.

[56] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 151.

[57] Ч. Валиханов. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 73; «Россия», XVIII, Киргизский край. СПб., 1903, стр. 208; С. Е. Толыбеков. Ук. соч., стр. 358; Е. Смирнов. Ук. соч., стр. 150, 201

[58] Е. Смирнов. Ук. соч., стр. 49, 150, 201; С. Е. Толыбеков. Ук. соч., стр. 356; П. П. Румянцев. Ук. соч., стр. 53; «Россия», XVIII, стр. 208—210; сб. «Материалы по казахскому обычному праву». I, Алма-Ата, 1948, стр. 92; Ф. Щербина. Киргизская народность в местах крестьянских поселений. СПб., 1905, стр. 18.

обмазки пола и стен могилы глиной как бы в подражание обмазки глинобитных домов.

При наличии подобных сооружений трудно поверить в реальность античных свидетельств о том, что номады степей Восточной Европы круглый год жили в кибитках на колесах. С усилением кочевого быта, который наблюдается в степях Поволжья в позднесарматское время и в раннее средневековье, мы уже не встречаем сложных и мощных деревянных сооружений в сарматских могилах и тюркских могилах IX—XII вв.

Допуская наличие постоянных зимовок савроматов, в составе стада которых имелся крупный рогатый скот, мы можем предположить полустойловое содержание части скота с заготовкой кормов на зиму, что типично для полукочевников [59]. Отсутствие находок кос у савроматов еще не говорит против существования сенокошения. Для заготовки сена могли использовать и ножи. Известно, что полуоседлые казахи Акмолинской области еще в прошлом веке даже жатву хлеба производили ножами [60]. Скотоводческое племя ваджагга Восточной Африки, практиковавшее круглогодичное стойловое содержание скота, траву нарезало длинными ножами [61]. Савроматы также могли использовать для заготовки сена или веников длинные ножи, найденные в могилах Поволжья и Оренбургских степей. Конечно, этот способ заготовки корма был малоэффективным и трудоемким и такие заготовки были весьма ограниченными. Поэтому следует допустить зимний выпас скота на призимовочные пастбища с высокой травой, куда пускали сначала лошадей, которые разгребали снег копытами и поедали верхушки травы, а за ними шли рогатый скот и овцы [62]. Заготовленный корм использовался в период буранов и глубокого выпадания снега.

Остается неясным, существовали ли у сарматов зачатки земледелия как подсобная отрасль хозяйства при скотоводстве. Конечно, на зимовках постоянно находилась какая-то часть населения, занятая теми видами производства, которые требовали оседлости, о чем мы скажем ниже. Наиболее типичным культурным злаком у той части казахского населения, которые вели полуоседлый образ жизни, было просо, разведение которого не требовало больших усилий [63]. Просо знали скифы-номады и сарматы первых веков нашей эры. Так, Клавдий Элиан (II в.) упоминает, что «меоты и савроматы [употребляют] в пищу просо...» [64]. А по свидетельству Плиния, «сарматские племена также по большей части питаются этой (т. е. просяной.— *К. С.*) кашей и даже сырой мукой, примешивая к ней кобылье молоко или кровь из голенных жил» [65].

Мы не знаем типичных земледельческих орудий у савроматов, но что они были знакомы с употреблением в пищу культурных злаков, об этом свидетельствуют находки каменной ступки, пестов и растиральника в савроматской могиле VI в. до н. э. в урочище «Три брата» под Элистой [66]. Вероятно, эти орудия употреблялись для растирания или дробления зерна.

Более точные сведения о земледельческих орудиях мы получаем из сарматских погребений Поволжья, в которых изредка находятся типичные зернотерки (кург. № 3 у Цаган Эльсин в Калмыкии [67]), а в Калиновском

---

[59] Материалы по киргизскому землепользованию..., V, стр. IV, V; там же, Семипалатинская область, Павлодарский уезд. IV, стр. 12; М. Красовский. Область сибирских киргизов. Ч. II, СПб., 1868, стр. 76.

[60] С. Е. Толыбеков. Ук. соч., стр. 290.

[61] А. И. Максимов. Скотоводство малокультурных народов. Уч. зап. ИИ РАНИОН, II, М., 1927, стр. 16.

[62] Л. К. Чермак. Ук. соч., стр. 225; Е. Смирнов. Ук. соч., стр. 151.

[63] Е. Смирнов. Ук. соч., стр. 149.

[64] Элиан. Пестрые рассказы, III, 39.

[65] Плиний. Естественная история, XVIII, 100.

[66] И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени. Тр. СОМК, Археологический сборник, I, Саратов, 1956, стр. 36—38, рис. 17.

[67] И. В. Синицын. Ук. соч., стр. 42, рис. 20.

могильнике В. П. Шилов обнаружил железный серп[68]. В горшках из сарматских могил встречались остатки пригоревшей каши[69]; в ряде диагональных погребений встречались остатки зерен проса, а на месте тризны в одной из сарматских могил П. С. Рыков нашел зерна пшеницы.

Если сведения Элиана и Плиния касаются сарматов, связанных с земледельческими районами Сарматии, то находки земледельческих орудий и остатки зерен проса и пшеницы в глубинной сарматской степи могут свидетельствовать о неразвитой форме земледелия на призимовочных участках; у савроматов также могли сохраниться элементы земледельческой культуры от своих оседлых и полуоседлых предков. Решение этого вопроса опять-таки упирается в исследование савроматских поселений.

Другим подсобным промыслом, точно зафиксированным у савроматов, как и других номадов той эпохи, была охота на дикого зверя и птицу. Несмотря на благоприятные естественные условия для охоты, последняя не имела у номадов большого экономического значения и часто служила простым развлечением, своего рода роскошью[70]. Об охоте у савроматов упоминает Геродот, характеризуя образ жизни савроматских женщин, которые вместе с мужьями или без них ездят верхом на охоту[71]. У Псевдо-Аристотеля и Теофраста (III в. до н. э.) сохранились известия о таранде, водящемся в Скифии и Сарматии, который представляет, вероятно, какой-то вид оленя или, может быть, лося. Его толстая кожа шла на изготовление панцырей[72]. Знакомство савроматов с лосем подтверждается находкой навершья в форме лежащей лосихи из Блюменфельдского кургана, а различные виды оленей представлены на костяной бляшке из того же кургана, кабаньем клыке из Калиновского могильника и золотой нашивной бляшке из кург. № 6 мог. № 1 Пятимары на Илеке[73]. Охота на крупных копытных животных, живущих в степях и лесистых местах по балкам и в широких поймах рек, подтверждается находками в савроматских могилах рогов лося, оленя или косули, а также поделок из этих рогов. Особенно часто, видимо, охотились на кабанов, клыки которого использовались савроматами в качестве амулетов, подвешиваемых к оружию и конской уздечке; образ кабана использовался и как мотив звериного стиля.

Савроматы охотились также на главного хищника степей — волка, лисицу и, вероятно, медведя, клыки которых также использовались в виде амулетов. Фигура или голова волка и медведя являлись излюбленными сюжетами в савроматском зверином стиле.

В камышовых зарослях по рекам Поволжья и Оренбургских степей савроматы охотились на диких уток и гусей и собирали их яйца; кости этих птиц и яичная скорлупа не раз встречались среди остатков тризны и заупокойной пищи в могилах. Впрочем, остатки яичной скорлупы не исследовались специалистами. Между тем для характеристики хозяйственной жизни савроматов представляет большой интерес куроводство, которым могло заниматься население лишь при оседлом образе жизни.

Кости речных рыб дважды найдены в савроматских могилах по левому берегу Волги и один раз — на р. Кинделе Илекского района, Оренбургской области (1963 г.).

Итак, мы видим, что скотоводство было основной отраслью хозяйства савроматов, а скот — основным, но далеко не единственным средством существования и богатством этих номадов. Их производственная деятельность усложнялась различного вида промыслами, среди которых следует

---

[68] В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 343, 493, рис. 60, *11*; стр. 506.

[69] И. В. Синицын. Древние памятники в бассейне Иргиза по раскопкам 1938—1939 гг. Уч. зап. СГУ, XVII, Саратов, 1947, стр. 154.

[70] Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., стр. 57.

[71] Геродот. IV, 116.

[72] Псевдо-Аристотель. О чудесных случаях, 18; Теофраст. О водах, фр. 172.

[73] К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, табл. 22, *6*, *8*, *14*; табл. 23, *7*, *10*; табл. 26, *22*.

назвать изготовление керамики, прядение и ткачество, кожевенное дело, обработку дерева, кости и камня, наконец, горнодобывающее дело и обработку металлов.

Большая часть этих видов производства носила характер домашних промыслов, продукция которых изготовлялась главным образом для нужд отдельной семьи или рода.

Глиняная посуда имела широкое применение в быту савроматов. Ее изготовлением были заняты главным образом женщины. Бóльшая часть савроматской посуды лепилась без особого выбора глины, вероятно, использовали ту глину, которая была под руками; орнамент наносился небрежно и скупо, посуда плохо и неровно обжигалась на костре. Такая посуда была совершенно непригодна для длительных и больших перевозок, что лишний раз свидетельствует об относительной оседлости савроматов. Вообще у типичных кочевников не была в большом ходу глиняная посуда; они пользовались преимущественно деревянной и металлической посудой. Так, у казахов глиняные и фарфоровые чашки вместо деревянных ковшей и чашек стали широко применяться в быту лишь с переходом к оседлости [74]. У савроматов же мы почти не знаем деревянной посуды. Глиняная посуда стала постепенно исчезать в Поволжье на позднесарматском этапе, а в могилах тюркских кочевников ее еще меньше.

В IV в. до н. э. у савроматов Южного Приуралья распространяется посуда, изготовленная хотя и от руки, но очень тщательно, из плотной глины и ровного обжига; часто поверхность сосудов подвергалась тщательному лощению. Относительно высокое качество изготовления и шаровидная или бомбовидная форма тулова делали эту посуду более пригодной для перевозок, но сам процесс ее изготовления мог происходить лишь в условиях оседлости. Нет сомнения, что эта посуда изготовлялась гончарами Южно-Уральских степей, а не привозилась из каких-либо других мест, ибо она известна только в этой области. Для изготовления такой посуды требовались большие навыки. Поэтому можно думать, что среди приуральского населения уже выделилась особая группа мастеров, которые обслуживали не только свою семью, но и весь род или даже племя. Наряду с этим в каждой семье продолжали изготовлять грубую посуду для повседневных нужд и погребений.

Прядение и ткачество, о которых мы можем судить лишь по находкам глиняных, костяных и каменных пряслиц и остаткам кусочков ткани в могилах, было сугубо домашним промыслом, которым занимались женщины. Этим делом не гнушались даже влиятельные в роде савроматки, принимавшие участие в войне и исполнявшие жреческие функции, ибо пряслица встречаются и в богатых погребениях жриц. Женщины шили грубые шерстяные, кожаные и меховые одежды и обувь, изготовляли войлок, плели циновки, корзины, делали вещи из луба.

Сообщения античных авторов о том, что воинственные женщины-амазонки, легенда о которых тесно связана с бытом савроматов, якобы предоставляли мужчинам прядение шерсти и все домашние женские работы [75], являются плодом литературных измышлений и не соответствуют имеющимся фактам.

Другой вид домашнего производства — обработка кожи, требующая большого физического напряжения, и изготовление из нее конской сбруи, различных ремней, колчанов, щитов,— вероятно, был сосредоточен преимущественно в руках мужчин. В этом отношении интересно свидетельство Псевдо-Гиппократа о том, что у амазонок мужчины используются «как ремесленники для работ кожевенных, медных или других, требующих сидячего образа жизни» [76].

---

[74] В. И. Шнэ. Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области, стр. 17, 18.

[75] Диодор Сицилийский. Библиотека, II, 45.

[76] Псевдо-Гиппократ. О переломах и о членах, 101.

Для различных домашних работ и промыслов савроматы, видимо использовали и рабов. Неоднократные указания античных авторов, в том числе и Псевдо-Гиппократа, о калечении амазонками детей мужского пола, которых в дальнейшем приспосабливали для домашних работ, могли возникнуть из реальных фактов рабства у савроматов или иных народов, близких им по образу жизни.

Довольно высокого развития у савроматов достигло косторезное дело. Из кости и рога изготовляли пряслица, рукоятки ножей и ногаек, наконечники стрел, различные украшения и амулеты, проколки и шилья, псалии, туалетные ложечки, наконечники и навершья практического и культового характера. Наиболее яркие образцы местного звериного стиля, выполненные гравировкой или в виде малой скульптуры, представлены в кости и на роговых изделиях. Именно в этой области выделяются мастера-художники, которые обслуживали прежде всего богатых воинов, родо-племенную аристократию и савроматок-жриц, так как все лучшие предметы звериного стиля, в том числе и костяные, были найдены главным образом в богатых могилах.

Большинство изделий из камня, для которых использовались местные породы песчаника, сланцев, уральского кварцита и мрамора, представляет продукцию местных мастеров. Из камня делали оселки, точильные плиты, ступки, песты, пряслица, амулеты, туалетные сосудики, антропоморфные стелы и переносные жертвенники. Камень играл какую-то роль и в строительстве домов, судя по использованию камня в сооружении могил и курганов, особенно в Южном Приуралье. Как и в косторезном деле, среди савроматов Приуралья выделяется особая группа мастеров, специализировавшихся в изготовлении художественно оформленных жертвенников. Их приуральское происхождение не вызывает сомнения, так как они почти все найдены в савроматских могилах Южного Урала, имеют стандартный орнамент по бортику и зооморфные рельефы, выполненные в местном зверином стиле.

Особое место в производстве савроматов занимало кузнечное и литейное дело. В составе погребального инвентаря савроматов железные и бронзовые вещи преобладают. Среди них много оружия, предметов конской сбруи, орудий труда, различных пряжек, крючков и украшений. Подавляющее большинство железных и бронзовых вещей, особенно оружие и предметы конской сбруи, конечно, изготовлено местными мастерами.

Воинственные племена и наездники, каковыми были савроматы, достигли относительно высокого уровня в развитии своего собственного железоделательного и литейного производства, которое выходило за рамки домашнего промысла. Местное производство железных и бронзовых изделий подтверждается своеобразием форм вещей и их зооморфной орнаментации на общем фоне сходства, но далеко не тождества, с формами подобных же изделий всей евразийской территории.

Отдельные группы кузнецов и литейщиков изготовляли оружие, предметы конской сбруи и уздечные наборы для всего племени и даже целых племенных союзов. В Поволжье и Южном Приуралье существовали свои особые производственные центры, чем и объясняются различия поволжских и приуральских наборов железных и бронзовых вещей. Среди металлических вещей уздечного набора мы почти не находим предметов, тождественных поволжским, и наоборот [77]. Только в Поволжье известны длинные мечи и кинжалы, не имеющие металлического навершья; мечи же со сломанным под тупым углом перекрестьем или дуговидным перекрестьем широко распространяются в IV в. до н. э. только в Южном Приуралье [78].

---

[77] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 151—160, рис. 49—58.

[78] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 104, рис. 5; стр. 106, рис. 7.

Именно уральские оружейники создают в то же время форму длинного меча и кинжала прохоровского типа, которая в дальнейшем становится господствующей и почти единственной формой меча по всему сарматскому миру и за его пределами.

Такую же картину мы наблюдаем в отношении бронзовых наконечников стрел: поволжские наборы стрел в колчанах отличаются от приуральских. Например, в V в. до н. э. легкие и стройные, прекрасно отлитые трехлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой, особенно ярко представленные в колчанах Блюмендфельдского кургана А 12, характерны только для Нижнего Поволжья[79]. Лишь единицы их известны в Оренбургских курганах. В то же время по всему Южному Приуралью распространяются массивные наконечники стрел разных типов, имеющие значительные различия в бассейне Бузулука, на Илеке и в восточной части Оренбургской области (особенно в районе Орска и ближайших к нему районов).

Мною выделена также особая группа савроматских литых котлов, которые отличаются по своей форме и приемам отливки от скифских, сибирских и семиреченских котлов. Сам процесс отливки больших котлов требовал большого опыта, которым могли обладать только специалисты своего дела, работающие в условиях оседлости близ источников сырьевой базы, т. е. в районе разработки медных руд.

В ряде мест Южного Урала, на территории, занятой савроматами, известны древние разработки медных руд («Чудские копи»), но, к сожалению, они не подвергались тщательному археологическому исследованию и древность их остается неясной[80]. Для выяснения источников металла необходимы качественные и количественные анализы медных и бронзовых вещей. Их пока сделано очень мало, однако и по имеющимся данным мы можем говорить, что савроматы разрабатывали южноуральские месторождения медных руд. Так, зеркало из савроматской могилы V в. до н. э. курганной группы «Царские могильницы» у с. Пролейки было отлито из чистой самородной меди со следами железа и никеля. Медь с такими примесями известна в Орско-Халиловских месторождениях Южного Приуралья[81]. О южноуральском происхождении этого зеркала говорит и его форма в виде плоского диска с короткой плоской ручкой. На савроматской территории почти все зеркала этого типа найдены в южноуральских могилах. Оттуда же происходит большинство зеркал с плоской длинной ручкой и зеркала с ручкой или без нее, бортик которого слегка загнут путем проковки. Все они изготовлялись, вероятно, южноуральскими мастерами.

Подвергшиеся анализу бронзовые наконечники стрел из Поволжья, наряду с оловом и свинцом, обычно имеют те же естественные примеси железа и никеля, характерные для южноуральской меди[82]. Вероятно, поволжские литейщики в значительной степени пользовались сырьем, полученным из Южного Приуралья в результате межплеменного обмена.

Такую же картину мы наблюдаем и в более позднее время. Ряд бронзовых вещей из сарматских могил Поволжья (пряжки, зеркала, браслеты, котлы) содержат в составе металла примеси железа, никеля и очень

---

[79] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 115, рис. 16 А, *5—55*.

[80] «Россия», XVIII, стр. 140; И. А. Кастанье. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Тр. ОУАК, XXII, Оренбург, 1910; П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887; его же. О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии. Тр. Вольного экономического общества, IV, СПб., 1766; Л. А. Словоохотов. Исторические права Оренбурга как центра целого края на высшие учебные заведения. Тр. ОУАК, XXXIV, Оренбург, 1917, стр. 7 сл.; Л. П. Левитский. О древних рудниках. М.— Л., 1941.

[81] И. Я. Ханин. К вопросу о древней металлургии и металлообработке на территории Нижнего Поволжья. Тр. СОМК, III, Саратов, 1960, стр. 153 сл.; Л. И. Каштанов, А. П. Смирнов. Из истории металлургии среднего Поволжья и Урала. КСИИМК, 72, 1958, стр. 10, табл. 9.

[82] Л. И. Каштанов, А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 10, табл. 9.

часто — золота и висмута. Эти предметы по присутствию золота и висмута близки вещам с Южного Урала [83].

В целом по составу сплава савроматские и сарматские вещи Поволжья в значительной степени отличаются от бронз Скифии и Прикубанья, причиной чего являются различные очаги снабжения сырьем и готовыми изделиями. К савроматам и сарматам Поволжья цветной металл поступал главным образом с Южного Урала и может быть отчасти из Казахстана и Сибири [84].

Места добычи железной руды у савроматов нам также пока неизвестны. В качестве сырья для железоделательного производства, вероятно, использовались железные руды, имеющие широкое распространение — бурые железняки, т. е. болотные, луговые и дерновые руды, эксплуатация которых не доставляла больших трудностей. Залежи бурых железняков известны в бассейне Хопра по правому и левому берегу Волги в пределах Саратовской области и севернее [85] и особенно много — по восточным и южным склонам Урала [86]. В древних копях Мугоджарских гор и в верхнем течении Урала наряду с медной рудой обнаружена и железная руда [87]. Железные руды Южного Урала, и не только бурые железняки, залегают неглубоко и нередко выходят прямо на поверхность, что издавна облегчало поиски этих руд и допускало легкую, открытую разработку месторождения. Легкоплавкие бурые железняки, главным образом мелкие залежи, «служили начальной сырьевой базой металлургии Урала» [88], и вполне вероятно, что начало их разработки относится к савроматскому времени, ибо уже тогда железные изделия, формы которых отличались локальным своеобразием, получили широкое распространение у южноуральских савроматов. Хорошим показателем широкого освоения железа южноуральскими савроматами свидетельствуют ранние находки железных наконечников стрел, например, в кургане у с. Сары рубежа VI—V вв. до н. э., где их было найдено не менее 60 шт., а бронзовых 55 шт. Такое соотношение железных и бронзовых стрел в колчанах VI—V вв. является поразительным, а в Поволжье вовсе неизвестно. В Южном Приуралье раньше, чем в Поволжье, а именно в IV в. до н. э., появляются первые железные черешковые стрелы, полностью заменившие в дальнейшем бронзовые наконечники стрел.

Все сказанное выше о металлическом производстве у савроматов позволяет нам сделать вывод о более высоком развитии железоделательного и литейного производства у южноуральского населения по сравнению с поволжским. Оно было обеспечено богатой местной сырьевой базой и длительным опытом, унаследованным от более ранних металлургов эпохи бронзы.

В савроматском обществе значительной степени достигала имущественная и социальная дифференциация, выделилась родоплеменная аристократия, появилась необходимость в создании предметов роскоши из золота, месторождениями которого богат Южный Урал [89], особенно его

---

[83] Л. И. Каштанов, А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 6, и 10, табл. 10.

[84] И. Я. Ханин. Ук. соч.; Л. И. Каштанов. Химический состав древних цветных сплавов на территории СССР. Тр. МИЭИ, сер. «Химия и химическое производство», 1, М., 1954.

[85] Ф. Ф. Голынец. О геологических условиях железорудных образований в Хоперском округе. ИНВИК, I, Саратов, стр. 56, 63; Н. Х. Платонов. Железные руды и другие полезные ископаемые Хоперского округа. Саратов, 1930; «Россия», VI, Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901, стр. 52, 342, 346, 441, 444, 463.

[86] «Россия», XVIII, стр. 67; И. В. Комар. Урал. Экономико-географическая характеристика. М., 1959, стр. 28, рис. 3.

[87] «Россия», XVIII, стр. 140.

[88] И. В. Комар. Ук. соч., стр. 217.

[89] И. В. Комар. Ук. соч., стр. 28, рис. 3, стр. 227, 228; А. А. Иванов. Геология коренных месторождений золота на Урале. Тр. ГГИ Уральск. ФАН СССР, 16, Свердловск, 1948; И. С. Рожков. Геоморфология и типы россыпей восточного склона Урала. Сб. «Материалы по геоморфологии Урала», М.— Л., 1948.

восточные склоны. Многие изделия из золота — височные кольца и серьги, бусы и золотые бляшки в зверином стиле,— найденные в могилах савроматов, отличаются своеобразием, что свидетельствует о существовании местных ювелиров и торевтов. И в этом деле первое место принадлежало савроматам южноуральской группы, освоившим не только технику тиснения золотых изделий, но и более тонкую технику зерни и скани. Ими же применялась техника золотой и бронзовой инкрустации железных изделий, особенно оружия, судя по находкам в могилах Южного Приуралья умбона (?), украшенного золотыми треугольными пластинами (курган у с. Сара), колчанного крючка с головой грифона, детали которой отмечены бронзовой проволокой (кург. № 1 в урочище «Лапасина» близ Любимовки), и меча из Бурукитала, рукоятка которого украшена золотой проволокой [90].

Савроматские кузнецы и литейщики нередко сочетали свое специализированное мастерство с ювелирным делом, художественной резьбой по кости, обработкой дерева и, может быть, шорным делом при изготовлении железных мечей и ножен, щитов, конской сбруи, ножей, зеркал и прочих предметов.

Итак, на примере изучения савроматской материальной культуры, для своего времени богатой и оригинальной, которая всегда и особенно приписывалась типичным кочевникам, мы можем судить о сложности и разнообразии производственной деятельности евразийских номадов раннего железного века, об определенной комплексности их хозяйства.

---

[90] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 106, рис. 7, *6*; стр. 109, рис. 10, *7*; стр. 144, рис. 42, *2*.

Г. А. ТИРАЦЯН

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АРМЕНИИ И ЗАКАВКАЗЬЯ V—IV ВВ. ДО Н. Э.

Число археологических памятников, характеризующих рассматриваемый этап истории культуры, непрерывно растет. Уже настало время их обобщенного изучения.

Еще во второй половине XIX в. на территории Западной Армении были найдены металлические изделия, определенные как произведения торевтики ахеменидского времени [1]. Примерно в это же время на севере Грузии был обнаружен так называемый Казбекский клад, среди вещей которого, наряду с серебряной фигуркой барана, особое место занимает хранящаяся ныне в Историческом музее Москвы серебряная чаша с лебедями [2], родство которой с ахеменидским культурным кругом было вполне доказано [3]. В начале XX в. Кавказский музей в Тбилиси (ныне Музей Грузии) обогатился замечательными золотыми, серебряными и бронзовыми предметами так называемого Ахалгорийского клада.

Детально изучавший их Я. И. Смирнов пришел к выводу, что это произведение торевтики ахеменидского времени. К сожалению, его насыщенные обильными аналогиями заключения были утеряны [4]. А. М. Талгрен, усомнившись в правильности предложенной Смирновым датировки, отнес клад к VII в. до н. э. [5]. Дальнейшее изучение ахалгорийских вещей подтверждает, однако, правильность хронологических соображений Я. И. Смирнова.

Некоторые дополнения к выводам Смирнова имеются в исследованиях А. А. Иессена [6], Ш. Я. Амиранашвили [7], а также в совместной статье А. О. Мнацаканяна и Г. А. Тирацяна [8].

Важные открытия, относящиеся к рассматриваемому кругу памятников, были сделаны Б. А. Куфтиным в 30-х годах XX в. в Триалетском районе Грузинской ССР (Алгети, Бешташени, Нерон-Дереси) [9].

---

[1] G. Migeon. «Les Arts». 1902, 1, стр. 18; O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. London, 1926.

[2] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, рис. III, *13*, *14*; рис. CX, *14*.

[3] G. Perrot, Ch. Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, III, Paris, 1885, стр. 791; G. Conteneau. Manuel d'archéologie orientale, II, Paris, 1947, стр. 258.

[4] Я. И. Смирнов. Ахалгорийский клад. Тбилиси, 1934.

[5] A. M. Tallgren. Рецензия. J. I. Smirnov. Der Schatz von Achalgori. Tiflis, 1934, ESA, X, 1936, стр. 246—266.

[6] А. А. Иессен. Ранние связи Приуралья с Ираном. СА, XVI, 1952, стр. 210 сл.

[7] Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства, I, М., 1963, стр. 64—65.

[8] А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян. Новые данные о материальной культуре древней Армении. ИАН АрмССР, 8, 1961, стр. 82. Предложенную под прим. № 66 аналогию следует заменить другой. См. Persepolis, II, Chicago, 1957, рис. 39, *2*.

[9] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 30.

Раскопки Самтаврского могильника, проводимые АН ГрузССР с 1937 г., также обогатили наши знания о местной культуре Закавказья рассматриваемого времени [10].

Годы после окончания Великой Отечественной войны ознаменовались новым мощным подъемом археологического изучения Закавказья. Интересный материал, относящийся к V—IV вв. до н. э., обнаружен при раскопках в Мингечауре [11].

В 1954 г. экспедиция Исторического музея Армении (рук. А. О. Мнацаканян) раскрыла у селения Джрарат (Разданский район), в 50 *км* севернее Еревана, коллективное захоронение V—IV вв. до н. э. в огромном каменном ящике [12].

Раскопки Урартской крепости Эребуни на холме Арин-Берд, вблизи Еревана, совместной экспедицией АН и Комитета по охране памятников Армянской ССР, а также Московского музея изобразительных искусств им. Пушкина (рук. К. Л. Оганесян) раскрыли остатки значительных архитектурных сооружений послеурартского периода. Среди них особое место занимает огромный колонный зал, ставший уже предметом многочисленных исследований [13].

Раскопки археологической экспедиции АН АзербССР (рук. И. Нариманов) на холме Сары-Тепе Казахского района АзербССР также выявили остатки памятников ахеменидского времени [14]. Богатое погребение VI—IV вв. до н. э. было раскрыто археологической экспедицией АН ГрузССР в Вани (Западная Грузия) [15].

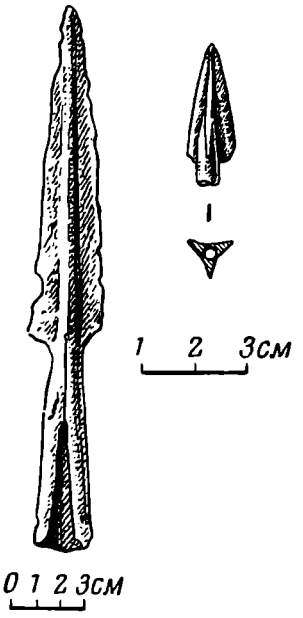


Рис. 1. Наконечник копья и стрелы из Джрарата

Приведенный перечень имеет в виду основные памятники и не затрагивает многочисленные мелкие находки, которые надлежит привлечь при воссоздании общей картины культуры рассматриваемого времени. Попытаемся на примере характерных памятников установить некоторые закономерности развития материальной культуры данной эпохи. Рассмотрим инвентарь погребения из Джрарата. Предметы вооружения (рис. 1) находят соответствия среди датируемых V—IV вв. до н. э. сходных предметов из Триалети, Мингечаура и Персеполя. Вместе с тем, они оказываются тесно связанными с отдельными типами оружия предшествующей эпохи. Так, археологический материал эпохи железа из Севанского района дает убедительные прототипы для наконечников копий из Джрарата, материал из Северной Армении (Алавердский район) — для ножен с кольцевидной ручкой, тот же Севанский район — для миниатюрных ножен, а кармир-блурский материал — для наконечников стрел. Металлические украшения (рис. 2) также во многом сходны с более древними, восходящими к эпо-

---

[10] Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Мцхета. Тбилиси, 1955, стр. 57.

[11] С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. В сб.: «Материальная культура Азербайджана», I, Баку, 1949, стр. 29.

[12] А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян. Ук. соч.

[13] И. М. Лосева. Новые археологические исследования отряда ГМИИ им. А. С. Пушкина на холме Арин-Берд. СА, 1958, 2, стр. 179—195; Г. А. Тирацян. Колонный зал на Арин-Берде и вопрос сатрапских центров на армянском нагорье. ИАН АрмССР, 7—8, 1960, стр. 99—114 (на арм. яз.); К. Л. Оганесян. Раскопки урартского города Эребуни. СА, 1960, 3, стр. 289—296; его же. Архитектура Эребуни. Ереван, 1961.

[14] И. Нариманов. Находки баз колонн V—IV вв. до н. э. в Азербайджане, СА, 1960, 4, стр. 162—164.

[15] Н. В. Хоштария. Археологические работы в Вани. «Заря Востока», 271, 1961.

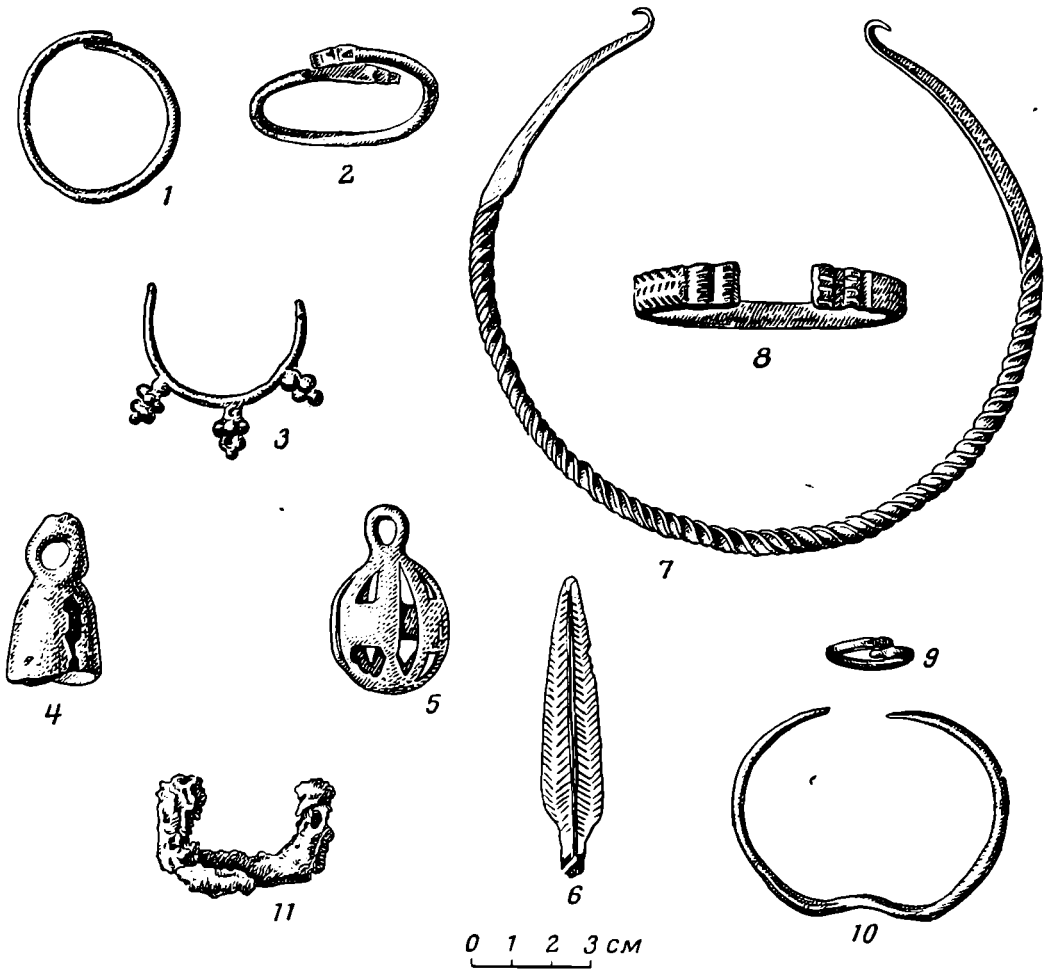


Рис. 2. Металлические украшения из Джрарата

хам железа и даже бронзы. Так, джраратские витые большие гривны, характерные для погребального инвентаря ахеменидского времени, встречаются с древнейших времен на широкой территории. Часть браслетов, а также подвески-колокольчики, ажурная подвеска-бубенчик (рис. 2, *4*, *5*) восходят к однотипным вещам эпохи железа и бронзы.

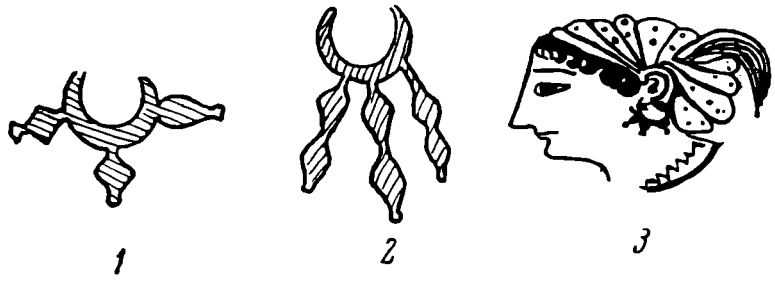


Рис. 3. Позднеассирийские серьги (по Кадарра)

Очень интересен предмет в виде серьги с тремя гроздевидными выступами (рис. 1, *3*). Аналогичные украшения уводят нас в древневосточный мир. На рельефах позднеассирийского времени (VII в. до н. э.) изображены серьги с тремя выступами, довольно близкими к нашим (рис. 3) [16].

Браслеты с выгибом (рис. 2, *10*) очень характерны для ахеменидского времени и в определенных условиях служат достаточно надежным датп-

[16] A. Moortgat. Der Ohrshmuck der Assyrer. Archiv für Orientforschung, IV, 5/6 1927, табл. VIII; Chr. Kadara. American Journal of Archaeology, 65, 1, 1961, табл. 36.

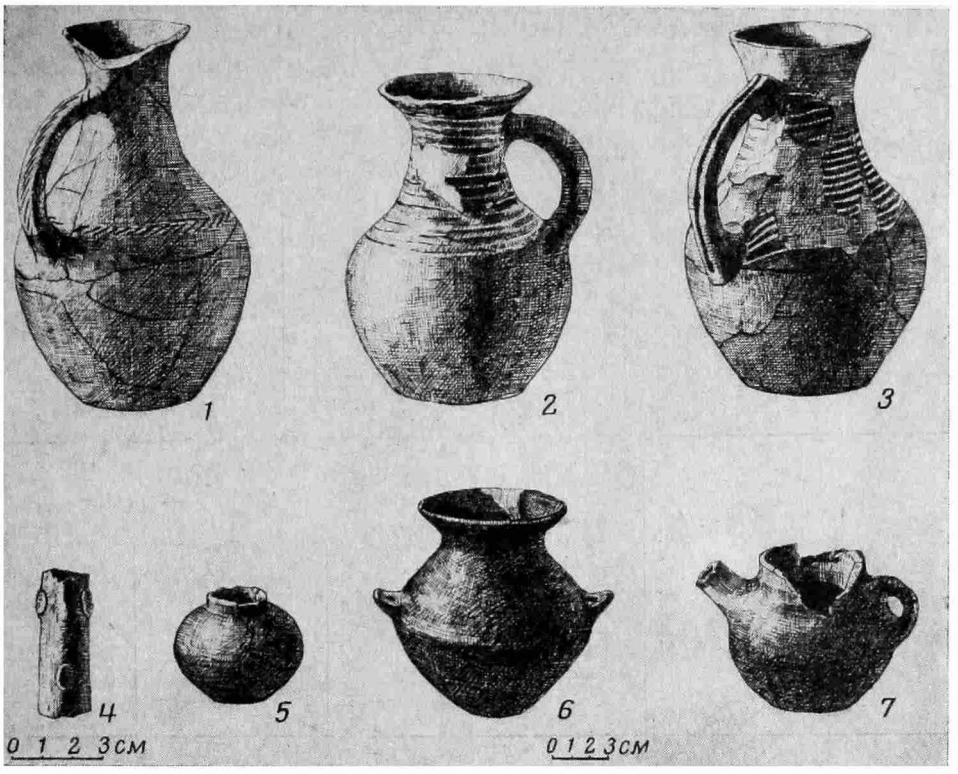


Рис. 4. Керамика из Джрарата

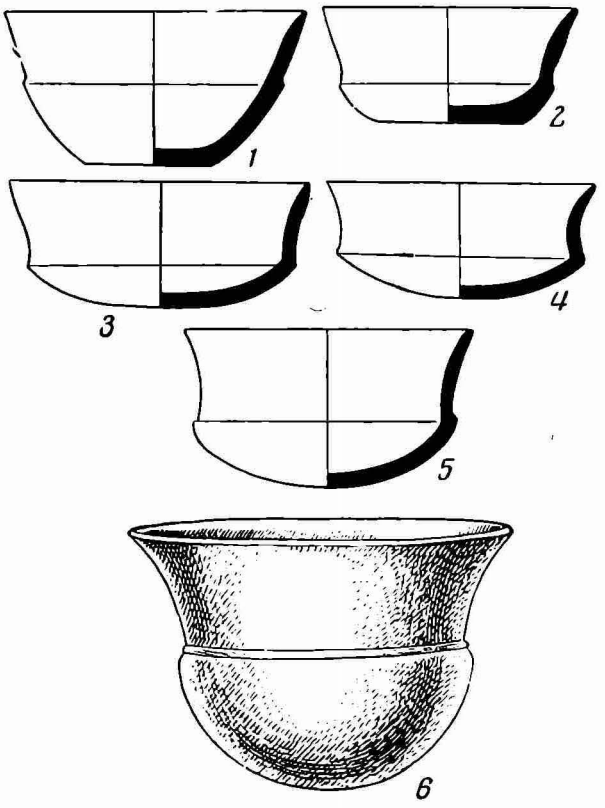


Рис. 5. Профили чаш из Джрарата и серебряный кубок из Ерзпкяна по Дальтону

рующим элементом, несмотря на то, что иногда доживают до рубежа нашей эры.

Хотя преобладающая часть коллекции бус из Джараратского погребения представлена новыми типами, главным образом стеклянными, предопределяющими состав и формы бус эллинистического времени, немногочисленная, но характерная ее часть — особенно сердоликовые и агатовые бусы — связана с древними традициями.

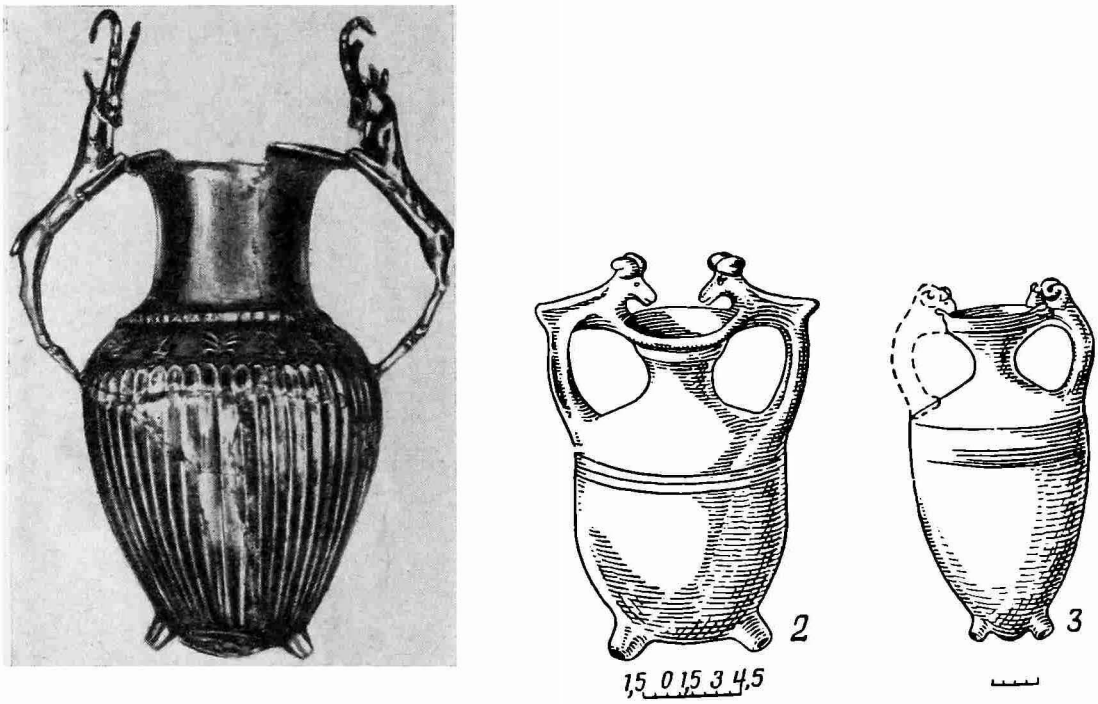


Рис. 6. Серебряная ваза из Синопа и глиняные вазы из Мингечаура

Керамику (рис. 4) также можно отчетливо разделить на две группы. Одна представлена сосудами древнего типа, примыкающими по основным признакам к керамике Армении и Закавказья эпохи железа и бронзы. Вторая группа сосудов характерна только для рассматриваемого времени. Это прежде всего кувшины, встреченные и в других местах (Атарбекян, Кармир-Блур — город, Джархедж), которые являются новостью для Армении. Очень интересны чаши (рис. 5), известные на широкой территории. Древневосточное происхождение этой формы чаш следует считать вероятной. Особенно большую роль в выработке ее играли торевтика и керамика Ассирии и Урарту. Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что упомянутые выше сосуды находят свое воплощение, правда, с некоторыми изменениями, и в металле, как об этом свидетельствуют синхронные находки из Ерэнкяна (рис. 5, *6*) [17], Даблагоми [18] и Мингечаура [19]. На закономерное совпадение форм керамической и металлической посуды данного времени указывает рис. 6, где представлены датируемые V—IV вв. до н. э. глиняные сосуды из Мингечаура (рис. 6, *2—3*) [20]. Они сближаются с серебряным сосудом из Синопы [21] (рис. 6, *1*) не только сходной формой и зооморфными ручками, но и своеобразными выступами с отверстиями у дна, что указывает на то, что оба сосуда служили в качестве ритонов.

---

[17] О. М. Dalton. Ук. соч., рис. 72.

[18] Б. А. Куфтин. Ук. соч., рис. 44.

[19] История Азербайджана, I, Баку, 1958, стр. 22.

[20] Т. И. Голубкина. О зооморфной керамике из Мингечаура, рис. 15, 16. В сб.: «Материальная культура Азербайджана», II, Баку, 1951.

[21] P. Amandry. Toreutique Achéménide. «Antike Kunst», 2, тетр. 1, 1959, табл. 22, *1*.

Таким образом, рассмотренный материал имеет местное происхождение и уходит своими корнями в глубь предшествующих культур.

Инвентарь Джараратского погребения дает нам первое представление о различных отраслях материальной культуры древней Армении в рядовом погребении V—IV вв. до н. э. Ознакомление с Ахалгорийским кладом не оставляет сомнения в том, что он связан с богатой социальной прослойкой, отличной от того населения, которое хоронилось в погребениях Джараратского типа и подобных ему рядовых могильниках. Подтверждается это и анализом образцов древнего ювелирного искусства рассматриваемого памятника. В состав ожерелья Ахалгорийского клада входят штампованные золотые бляшки в виде львиных голов (рис. 7) [22]. Как известно, мотив львиных голов широко представлен в искусстве ахеменидского времени. Он встречается на цветных кирпичах, украшающих стены сузских дворцов [23].

Рис. 7. Бляшка в виде львиной головы (увеличено) из Ахалгори

Стилизованные львиные головы из кожи и войлока имеются на некоторых предметах Пазырыкских курганов [24]. Львиная голова в виде золотой бляшки V — IV вв. до н. э. известна из Метрополитанского музея в Нью-Йорке [25]. Наиболее близкую аналогию представляют золотые нашивные бляшки явно ахеменидского времени, по-видимому, из Хамадана (рис. 8, *1*) [26]. По сравнению с последними ахалгорийские львиные головы несколько схематичны, но сомневаться в их однородности и синхронности нет оснований [27].

Серьги большого размера, дисковидные и кольцевидные (рис. 8, *2*) [28], привлекли особое внимание Я. И. Смирнова, который сравнил их с серьгой второй половины IV в. до н. э. из Суз, правда, выполненной в другой технике [29].

Дисковидная серьга состоит из нескольких концентрически спаянных между собой поясов с пятилучевой розеткой в середине и большими шаровидными украшениями по внешнему краю. Вторая серьга — в виде широкой кольцеобразной трубки, украшенной зернью с двумя серповидными подвесками внутри ее. Не исключена возможность, что подобные серьги бытовали в более ранние времена в древневосточном мире. Из Сарда происходит голова статуи VII в. до н. э., изображающая богиню с огромными кольцевидными серьгами [30]. Однако более широкое их распространение падет на ахеменидское время. Более схематичная дисковидная серьга с шариками по внешнему краю из-

---

[22] Я. И. Смирнов. Ахалгорийский клад, табл. II, *5*,

[23] P. Toscanne. Motifs nouveaux de decoration Susiene. «Revue d'Assyriologie», XIII, 1916, рис. 1; H. Kantor. Achaemenid Jewelry in the Oriental Institute. JNES, 1957, XVI, 1, рис. 7.

[24] С. И. Руденко. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961, стр. 37.

[25] P. O. Harper. The Senmury. «The Metropolitan Museum of Art Bulletin». Nov., 1961, рис. 5.

[26] H. Kantor. Ук. соч., табл. IV—VI.

[27] Следует отметить, что применение золотых нашивных бляшек в форме разных животных — повсеместное явление, как об этом свидетельствуют погребальные комплексы Северного Причерноморья ахеменидского времени.

[28] Я. И. Смирнов. Ахалгорийский клад, табл. III, *24*, *25*.

[29] J. de Morgan. Decouverte d'une sépulture achéménide a Suse. «Delegation en Perse». Memoires, VIII, Paris, 1905, стр. 50, рис. 78.

[30] D. Curtis. Jewelry and Gold Work. Sardis, XIII, 1925, табл. VIII, *8*, *9*.

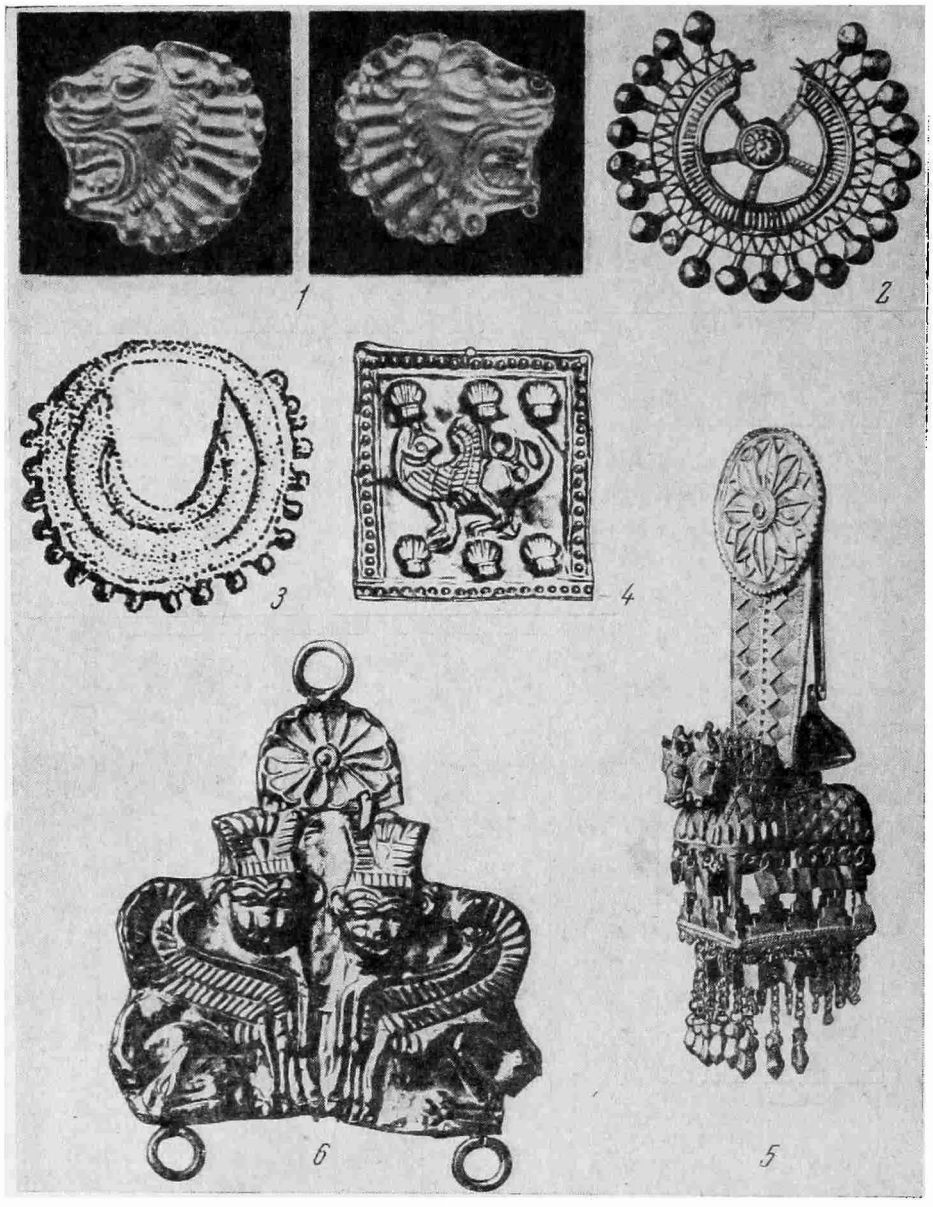


Рис. 8. Некоторые изделия ювелирного дела (Ахалгори) и их ахеменидские параллели

1 — бляшки в виде львиной головы из Хамадана; *2* — серьга из Ахалгори; *3* — серьга из Персеполя; *4* — бляха с изображением грифона из Ахалгори; *5* — подвеска в виде парных коней (Ахалгори); *6* — бляха с изображением Беса из Ахалгори

вестна из сокровищницы Персеполя (рис. 8, *3*) [31]. Довольно близкой по форме можно считать большую золотую серьгу, найденную вместе с ахеменидскими монетами и другими предметами в Двуречье [32]. Не лишено, по нашему мнению, интереса выгравированное на оборотной стороне крышки металлической коробки из Ерзнкяна (V — IV вв. до н. э.) изображение женщины с огромной серьгой [33], напоминающей ахалгорийские.

Выбитый штампом на золотой бляшке крылатый грифон с повернутой назад головой (рис. 8, *4*) [34] — излюбленный мотив ахеменидского искусства. Можно указать на персепольские рельефы, где окончания ручек вазо-

---

[31] Persepolis. II, табл. 45, *27*.

[32] E. Robinson. A «Silver's Mith's Hoard» from Mesopotamia. «Iraq», XII, ч. 1, 1950, табл. XXIV, *25*.

[33] O. M. Dalton. Ук. соч., рис. 19.

[34] Я. И. Смирнов. Ахалгорийский клад, табл. IV, *53*.

образного сосуда, а также концы огромной гривны украшены этим мотивом [35]. На широко известном пазырыкском ковре два орнаментальных пояса заполнены рядами таких существ [36]. Наконец, бронзовая обивка в виде крылатого грифона с повернутой назад птичьей головой происходит из раскопок ападаны на Персепольской террасе [37].

Височные подвесные украшения из золота в виде парных коней (рис. 8, *5*) [38] Я. И. Смирнов считал лучшей работой клада. Подобные украшения хорошо датируются V в. до н. э. [39].

Стилистические особенности ахалгорийских коней, главным образом трактовка глаз, роднит их с памятниками ахеменидского искусства, особенно с изображениями на рельефах из Персеполя. Выпуклое глазное яблоко, тяжелые подчеркнутые веки являются характерными особенностями и рельефных изображений коней Персеполя [40].

Большой интерес представляет золотая бляха ахалгорийского клада с изображением двух крылатых чудовищ (рис. 8, *6*). Чудовища имеют туловище льва с огромными серповидными крыльями. Передние ноги могут быть бычьими. Лица широкие, с большими ртами, приплюснутыми носами, впавшими глазами, толстыми грубыми бровями и торчащими ушами. На голове чудовищ своеобразная тиара.

Некоторые соображения позволяют предполагать, что перед нами образ нашедшего широкое распространение на Древнем Востоке мифического существа — Беса. Родиной его вероятнее всего может быть Египет, оттуда же, очевидно, он перешел в Финикию и в остальные древние восточные страны (Вавилон, Ассирия, Иран) и даже в Грецию — и везде был уподоблен местным богам [41].

Имеется интересный сосуд с о. Самос в форме сидящего Беса, лицо которого наделено характерными для этого чудовища чертами [42]. Немаловажный иконографический материал дают древневосточные резные камни. На скаробеоидах, происходящих из Сирии и Ливана, Бес представлен с туловищем льва или другого животного кошачьей породы с длинными серповидными крыльями [43].

Очень важно, что иконографию Беса возможно проследить и на памятниках ахеменидского времени, главным образом на резных камнях [44] Интересно отметить при этом, что ахеменидское искусство переняло некоторые основные мотивы общепринятой иконографии Беса. В Уре была найдена интересная коллекция печатей, бóльшая часть которых по стратиграфическим данным, а также по анализу самих печатей, относится к ахеменидскому времени. Среди них имеются экземпляры с изображением головы Беса в виде гротескной маски со специфической веерообразной короной из перьев, сидящего Беса с человеческим телом и, наконец, Беса

---

[35] Persepolis, I, табл. 29, 32. См. хороший снимок: A. G. Olmstead. History of the Persian Empire. Chicago, 1948, табл. XXXIV.

[36] С. И. Руденко. Ук. соч., табл. III и рис. 14.

[37] Persepolis, II, табл. 39, *2*. Бляшка золотая в виде птицы с повернутой назад головой имеется и среди вещей Семибратного кургана.

[38] Я. И. Смирнов. Ахалгорийский клад, табл. III, *26*.

[39] Persian Art. An Illustrated Souvenir of the Exhibition of Persian Art at Burlington House. London, 1931, табл. 4, *222*.

[40] Persepolis, I, табл. 32B, 35B, 37B, 42B и др.

[41] A. Grenfell. The Iconography of Bes, and of Phoenician Bes-Hand Scarabs. PSBA, XXIV, 1902, стр. 24.

[42] A. Moortgat. Hellas und die Kunst der Archaemeniden. Leipzig, 1926 табл. VI, *3*.

[43] A. Grenfell. Ук. соч., рис. VI, VII, VIII.

[44] O. Weber. Altorientalische Siegelsteine. «Der alte Orient», XVIII, 1920 , рис. 316, 322; H. Frankfort. Cylinder Seals. London, 1939, табл. 37; R. de Mecquenem. Mission archeologique en Iran, XXX, 1947, рис. 24 (*2—3*, изображения из пасты); Wiseman. Forman Götter und Menschen im Rollsiegeln Westasiens. Prague, 1961, табл. 103.

с крылатым туловищем льва, с тем же головным убором в сопровождении ахеменидского царя-охотника [45].

Нет сомнения в том, что чудовище на бляхе из Ахалгори следует считать изображением Беса, имевшим, как мы уже видели, широкое распространение в ахеменидское время.

Рассмотренные предметы [46] Ахалгорийского клада, представляющие собой первоклассные образцы ювелирного дела, в достаточной мере выявляют культурные и исторические связи памятника.

Архитектурный комплекс, раскрытый на холме Сары-Тепе, состоит из внутреннего здания и внешних обводных стен [47]. От здания сохранились остатки семи помещений, одно из которых по величине и расположению напоминает залу. Остальные помещения охватывают его с трех сторон и сообщаются между собой проходами. Общая ширина здания 20,5 *м*, длина его не установлена. Обводные стены напоминают идентичные сооружения древневосточной архитектуры. Вдоль внутренней стороны стены расположены небольшие помещения, сообщающиеся с двором здания. С внешней стороны имеются квадратные в плане башнеобразные строения, расположенные на ровном расстоянии друг от друга, а также выступы в виде контрфорсов. Строительным материалом служил сырцовый кирпич на булыжном фундаменте, скрепленный раствором (высота фундамента 0,5 *м*). Кирпичи по размеру отличаются от урартских, которые значительно больше, и, вероятно, характерны для строительной техники послеурартского, ахеменидского времени [48].

Аналогичная картина наблюдается на крепости около селения Акунк (юго-восточная часть Севанского бассейна, раскопки АН АрмССР, 1959 г., рук. С. Г. Бархударян), где на низком булыжном фундаменте возвышается сырцовая стена из кирпичей сравнительно небольших размеров. Подобно Сары-Тепе, крепостная стена здесь снабжена башнями, а с внутренней стороны к самой стене примыкает ряд маленьких помещений.

Применение кирпича-сырца в Закавказье продолжалось и в послеахеменидское время. Примером может служить колонный зал III—II вв. до н. э. в Багинети (Грузия), где на каменном цоколе возвышалась кирпичная стена [49].

Археологический материал из Сары-Тепе немногочислен, но весьма характерен. Наиболее примечательной находкой являются две каменные колоколовидные базы с плоской круглой подушкой сверху (рис. 9). Корпус базы украшен рельефами в виде свисающих вниз пальмовых листьев. Между расходящимися нижними концами листьев — рельефные украше-

---

[45] L. Legrain. Seal Cylinders, Ur. Excavations, X, New-York, 1951, табл. 39, *727—733*; 40, *757*.

[46] Круг параллели можно расширить. Выгравированная на дне ахалгорийской чаши (Я. И. Смирнов. Ахалгорийский клад, табл. IX, *62*) гирлянда находит себе аналогию не только в чаше из Сузского ахеменидского погребения (J. de Morgan. Ук. соч., табл. III), но и в чаще из Персеполя (Aziz Hatimi. Persepolis. Pasargadae and Naksh-i-Rustem. Teheran, 1960, стр. 60). Интересную параллель для сосуда из Ахалгори (Я. И. Смирнов. Ахалгорийский клад, табл. XII, *66*) можно найти на одной из пластинок Аму-Дарьинского клада с выгравированными изображениями (O. M. Dalton. Ук. соч.). Датировка Аму-Дарьинского клада V—IV вв. до н. э. подкрепляется сходством изображения орла на маленькой золотой бляшке (O. M. Dalton. Ук. соч., табл. XI, *25*; XII, *33, 34*) с изображением на расписном кирпиче из Ападани Персепольской террасы (Aziz Hatimi. Ук. соч., стр. 36). Шагающие на задних ногах львы на патере из Аму-Дарьинского клада (O. M. Dalton. Ук. соч. табл. VIII, *18*) очень близки к изображениям на резных камнях ахеменидского времени (см. L. Legrain. Ук. соч., табл. 39, *733*, и особенно E. Porada. «Corpus of Ancient Near Eastern Seals», табл. CXXV, *832*).

[47] И. Нариманов. Ук. соч., рис. 1.

[48] Сары-тепинские кирпичи следующих размеров: 0,36 × 0,36 × 0,12 *м* или 0,36 × × 0,18 × 0,12—0,14 *м*. Урартские кирпичи, например кармбир-блурские,—0,518 × × 0,350 × 0,149 *м* или 0,518 × 0,518 × 0,149 *м*.

[49] Д. Мшвениерадзе. Строительное дело в древней Грузии. Тбилиси, 1952. стр. 14.

ния в виде ромбов. Значение обнаруженных баз, типичных для ахеменидского времени, трудно переоценить. Ареал их хорошо известен. Основная территория его образована треугольником Хамадан, Сузы, Персеполь. На юге подобные базы встречаются еще в Персидском заливе, на о. Файлака (Икарос) [50]. Крайним западным пунктом является Вавилон [51]. Базы на холме Сары-Тепе — самые северные по местонахождению и имеют, несомненно, большое значение для выявления культурно-исторических связей

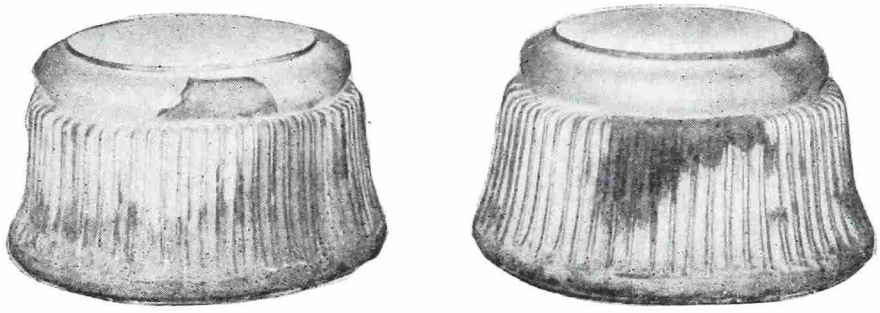


Рис. 9. Колоколовидные базы из Сары-Тепе. Исторический музей Азербайджана

Закавказья в рассматриваемый период. Для более точного определения места казахских баз в системе баз ахеменидского времени последние можно разделить на две основные группы: базы, состоящие из одно-, двух- или даже трехступенчатых квадратных плит, над которыми лежит круглая плоская подушка [52], и колоколовидные базы. Вторая группа, очень многочисленная и разнообразная, в свою очередь по признакам декорирования распадается на две подгруппы: одну образуют базы с корпусом, украшенным усложненным орнаментом, состоящим из разных, часто переплетающихся лотосовых листьев, напоминающих узоры металлических чашфиал [53]. Вторая подгруппа состоит из колоколовидных баз, украшенных более простым орнаментом. Из нее следует сразу исключить базы, имеющие по верхнему краю корпуса ряд, состоящий из нижней половины пальмовых листьев, обращенных концами вверх [54]. Остающиеся базы с простейшим орнаментом, состоящим в основном из свисающих вниз листьев, можно привлечь в качестве аналогии для казахских баз. Наиболее близкой аналогией нашей базе является колоколовидная база из Сус с корпусом, украшенным листьями с округлыми нижними концами [55]. Следует указать, что база из Казаха имеет отличия по отношению к ахеменидским

---

[50] K. Jeppesen. The Hellenistic Temple from Failaka. Kuml, 1960, рис. 6, 9, 10, 14.

[51] K. Koldewey. Das wiedererstehende Babylon. Leipzig, 1925, рис. 78.

[52] В Пасаргадах (см. Persepolis, I, стр. 14, рис. 813), в Сузах (MAI, XXX, сводная таблица, рис. 16); M. Dieulafoy. L'acropole de Suse. Paris, 1892, табл. IV, *215*), в Персеполе (см. Persepolis, I, рис. 50, 72, 79).

[53] В Сузах (MAI, XXX, рис. 16 (17) и табл. III, *3*), в Персеполе) (Persepolis, I, рис. 39, 50). Менее усложненные — из Джин-Джина (L. Vanden Berghe. L'archeologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959, табл. 84, *c*, *d*) и Суз (MAI, XXX, табл. IV, *5*; M. Dieulafoy. Ук. соч., рис. 204).

[54] На некоторых базах листья остроконечные, лотосовидные; в Персеполе (см. Persepolis, I, рис. 50 B), в Хамадане (J. de Morgan. Mission scientifique en Perse, IV, табл. I, Paris, 1896, рис. 155), иногда с округлыми концами, пальмовидные: в Вавилоне (K. Koldewey. Ук. соч., рис. 78; Fr. Wetzel, E. Schmidt, H. Mallwitz. Das Babylon der Spätzeit. «Ausgrabungen der Deutschen Orientgesellschaft in Babylon», VIII, Berlin, 1957, табл. 26, *a*, *b*), в Сузах (M. Dieulafoy. Ук. соч., рис. 205; MAI, XXX, рис. 16), в Персеполе (Persepolis, I, рис. 37, 50, 249); имеются также базы со схематизированными листьями, выступающими в виде ребер: в Персеполе (Persepolis, I, рис. 28), в Сузах (M. Dieulafoy. Ук. соч., рис. 206; MAI, XXX, рис. 16 и и табл. V, *6*), на о. Файлака (K. Jeppesen. Ук. соч., рис. 6, 9, 10, 14).

[55] MAI, XXX, рис. 16, *10*.

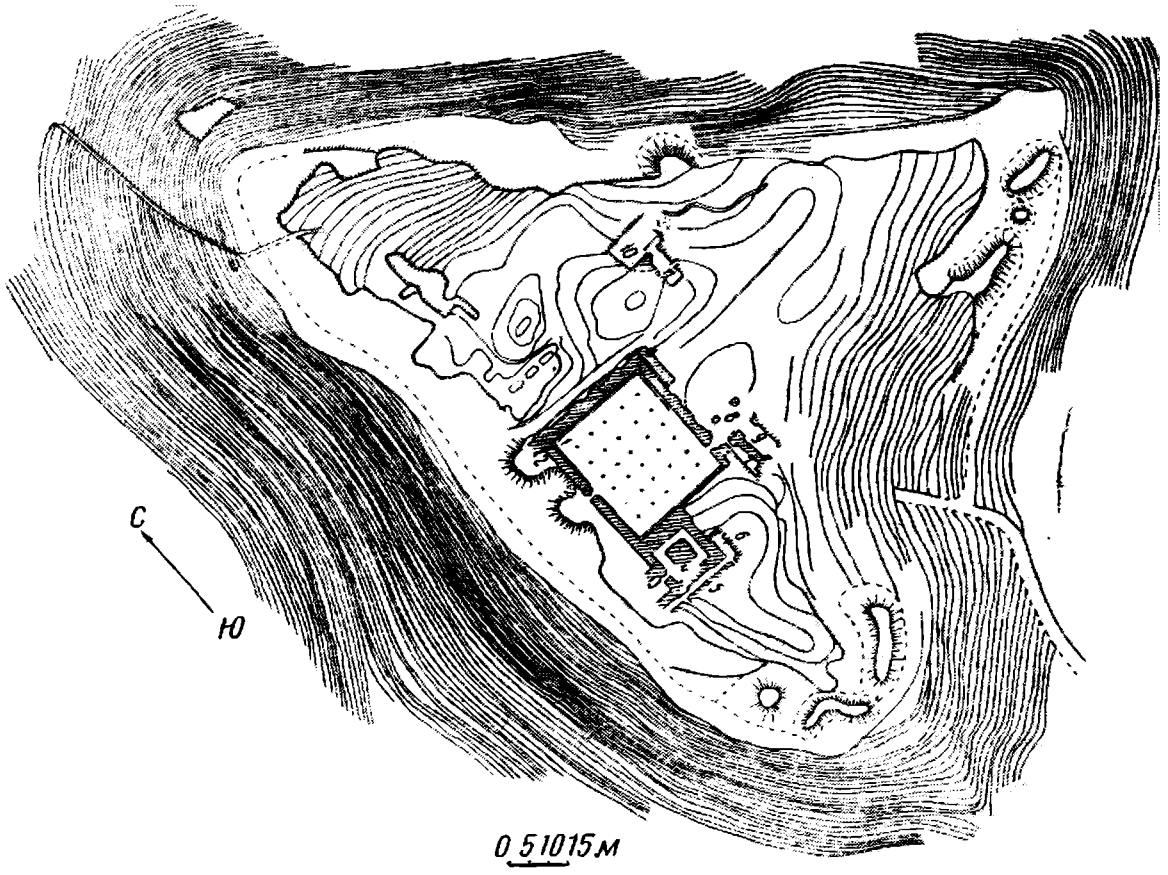


Рис. 10. План колонного зала (Аринберд, по Лосевой)

базам и в трактовке самого орнамента: он более плоский, в то время как на ахеменидских базах он выполнен рельефно.

Края продолговатых листьев менее подчеркнуты, чем на обычных базах, где они превращаются в шнуровидный орнамент. Срединное ребро листьев на казахской базе двойное, чего мы не встречаем на известных нам базах, кроме одного исключения [56].

Экскурс в область сравнительного изучения баз ахеменидского времени не дает, к сожалению, более детальных хронологических опор. Обзор памятников показывает лишь, что в начале были только квадратные, ступенчатые базы (Пасаргады), а затем, с появлением колоколовидных баз с вариантами, все типы стали сосуществовать.

Исследование некоторых результатов раскопок позволяет предположить, что на холме Сары-Тепе в ахеменидское время находился важный памятник, может быть сатрапская резиденция. Он лежал на древней дороге, ведущей из Араратской равнины и Севанского бассейна в долину р. Куры, и играл, надо думать, немаловажную роль в жизни местного населения.

Колонный зал на Арин-Берде входит в архитектурный комплекс, возникший еще в урартское время и реконструированный позже, по-видимому, в V в. до н. э.

Открытые раскопками основания колонн, некогда несущих перекрытия, показывают, что перед нами тридцатиколонный зал (5 × 6) (рис. 10). Наличие на территории крепости определенной группы предметов, относящихся к VI—IV вв. до н. э. (милетские монеты V в. до н. э., наконечники стрел, удила, керамика и др.)[57]. позволяет определить хронологические рамки послеурартского слоя. Этому может способствовать также беглый обзор колонных залов древнеиранской архитектуры.

[56] J. de Morgan. Ук. соч., рис. 155.
[57] Г. А. Тирацян. Ук. соч., стр. 102—103.

Самые ранние образцы колонных залов можно встретить в Пасаргадах, древнейшей столице ахеменидов. Имеются в виду дворец приемов, резиденция и так называемый дворец R [58]. Их принято связывать с именем основоположника ахеменидской империи — Киром (559—530 гг. до н. э.).

Повсеместное распространение колонных залов связано с архитектурной деятельностью Дария I (521—486 гг. до н. э.), начатой в последних десятилетиях VI в. до н. э. Тогда была основана Персепольская терраса, начато строительство ряда сооружений на ней (ападана, дворец-тачара Дария, так называемый зал совещаний и первый вариант сокровищницы) [59].

Архитектурные сооружения, в основе которых также стояли колонные залы, начинали строить в конце VI в. до н. э. в Вавилоне (ападана, от которой мало дошло до нас [60]), в Сузах (ападана, сгоревшая в середине V в. до н. э. [61]), в Екбатане (судя по некоторым надписям, возможно, тоже ападана [62]), в Египте, недалеко от Фив (храм).

При сыне и преемнике Дария — Ксерксе (486—465 гг. до н. э.) работы на Персепольской террасе продолжались с еще бóльшим размахом. Были завершены начатые при Дарии постройки и начаты новые: дворец Ксеркса, так называемый стоколонный зал, гарем; переделана сокровищница. Неподалеку от террасы Ксерксом же было построено здание типа ападаны.

О строительной деятельности при преемниках Ксеркса в V в. до н. э. мало что известно. Только об Артаксерксе I (465—423 гг. до н. э.) мы знаем, что он был занят строительной деятельностью на Персепольской террасе, где закончил стоколонный зал.

Развернутой строительной деятельностью был занят Артаксеркс II (404—358 гг. до н. э.), который на месте сгоревшей ападаны Дария в Сузах построил новую, сходную по плану с персепольской [63]. Такое же здание, судя по надписям, было им построено в Екбатане [64]. Один из последних царей, построивший, возможно, колонные залы,— Артаксеркс III (359—338 гг. до н. э.); ему приписывается строительство так называемого дворца G на Персепольской террасе, от которого очень мало осталось Приведенный выше перечень ахеменидских колонных залов отнюдь не полон, так как в нем приводятся только более или менее точно датируемые памятники.

Хронологический их анализ показывает, что большинство колонных залов относится к концу VI и к первой половине V в. до н. э. Интересно отметить, что имеются залы, число колонн которых, а также их расстановка, совпадает с данными колонного зала на Арин-Берде. Так, центральный зал резиденции Кира в Парсагадах (дворец P) имеет в плане пять шестиколонных рядов [65]. Так же выглядит на плане помещение № 62 в западной части сокровищницы на Персепольской террасе. Раскопки выявили, что окончательный вид этого участка возник в результате трех перестроек и что около 480 г. до н. э. помещение № 62 приняло тот завершенный вид, план которого дошел до нас [66] (рис. 11).

В этом обширном перечне колонных залов ахеменидского времени находит свое место и рассматриваемое сооружение на холме Арин-Берд, окончательное оформление которого совпадает с отмеченным выше отрезком времени.

---

[58] H. Frankfort. The Art and Architecture of the Ancient Orient, 1954, рис. 109; L. Vanden Berghe. Ук. соч., карта № 1.

[59] Persepolis, I, стр. 40.

[60] K. Koldewey. Ук. соч., стр. 126—127.

[61] M. Dieulafoy. Ук. соч., IV, стр. 388.

[62] Persepolis, I, стр. 37.

[63] M. Dieulafoy. Ук. соч., стр. 338, рис. 221.

[64] L. Vanden Berghe. Ук. соч., стр. 109; M. Dieulafoy. Ук. соч., стр. 342, прим. 2.

[65] H. Frankfort. Ук. соч., рис. 109, стр. 217.

[66] Persepolis, I, стр. 197, 200, рис. 65, 66.

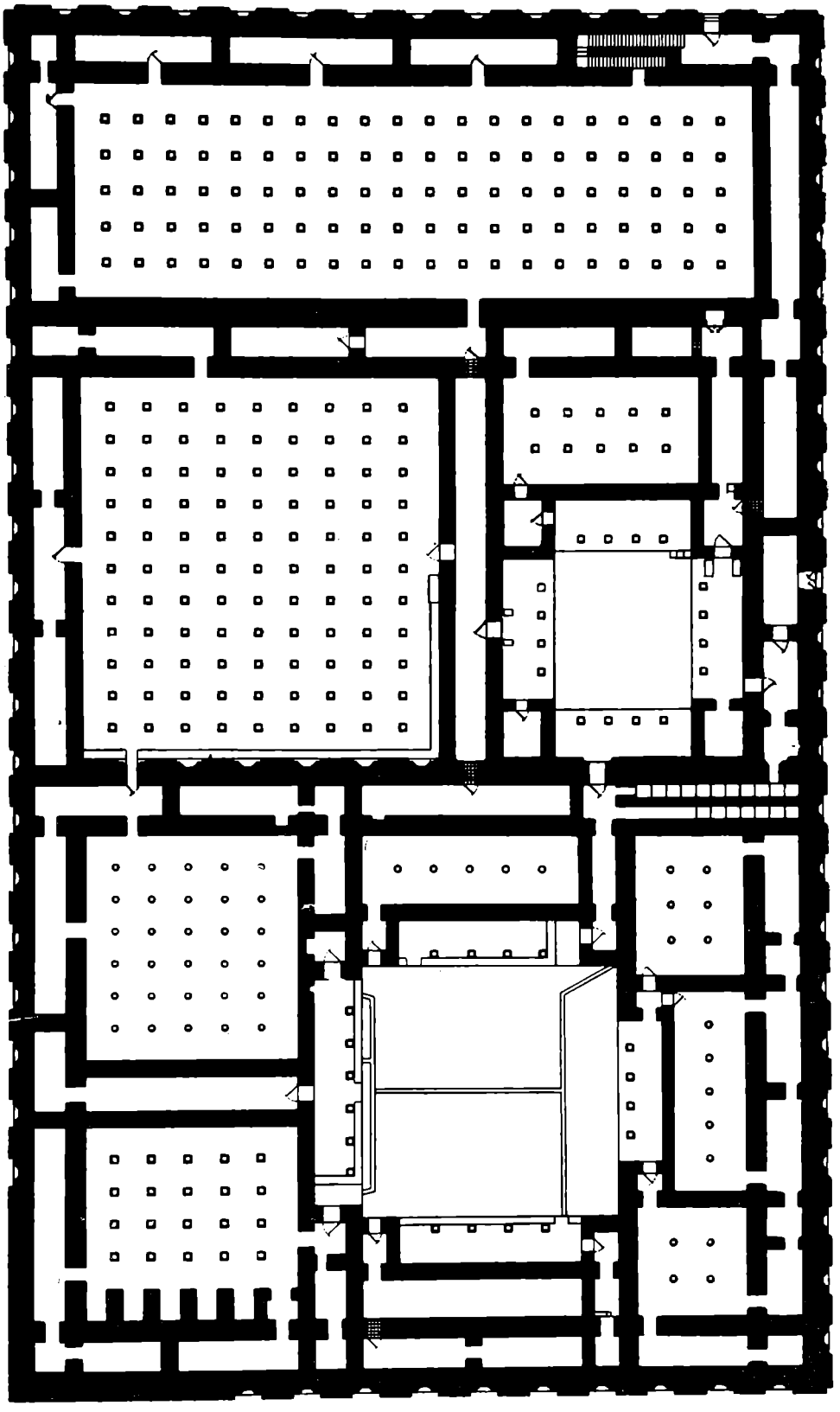


Рис. 11. План сокровищницы (Персеполь, по Шмидту)

Такому выводу не противоречат наличествующие в колонном зале отдельные черты, относящиеся ко второму строительному периоду.

Характер кладки стен — низкий цоколь, сложенный из прекрасно обработанных плит, над которым возвышается сырцовая кладка, находит подтверждение в ахеменидской архитектуре, прежде всего в таком выдающемся памятнике, каким является Персепольская терраса [67].

Контрфорсы поздней части по своим размерам и частоте, невзирая на некоторые отличия, согласуются с данными ахеменидской архитектуры [68]. Наконец, скамья, засвидетельствованная в Колонном зале, встречается неоднократно в персепольских постройках [69].

В свете архитектурных традиций VI—IV вв. до н. э., о чем напоминают нам план здания, отдельные черты его реконструированной части, а также археологический материал, заманчиво увидеть в Арин-Бердской крепости одно из мест пребывания сатрапа [70].

Сведения письменных источников о резиденциях сатрапов на Армянском нагорье и в прилегающих районах скудны, а археологические данные только начали поступать. Единственный автор, который оставил нам некоторые сведения по этому вопросу,— Ксенофонт, проходивший, как известно, на грани V — IV вв. через Армению с юга на север. По его словам, вскоре после переправы через р. Кентрит, южную границу сатрапии Армении, греческое войско дошло до большой деревни, в которой имелся замок для сатрапа — βασίλειον τῷ σατράπῃ (Anabasis, кн. IV, гл. 4, 2). Продолжая свой поход, греки очутились на территории, названной Ксенофонтом Западной Арменией, и подошли ко второму замку, тоже βασίλειον, окруженному деревнями (там же, гл. 4, 7).

Ксенофонт оставил конкретные сведения по крайней мере об одном месте на Армянском нагорье, предназначенном для пребывания сатрапа [71]. Для правильного толкования этих сведений следует учесть административное деление Армении конца V в. до н. э., а также воспользоваться и другими данными. Ксенофонт сообщает нам о существовании двух Армений: первой — «обширной и богатой», которую он называет просто «Армения», ее правителем был Оронт; второй — «западной Армении» с правителем Тирибазом. Так как сатрапия Армении охватывала многочисленные районы армянского нагорья (недаром Ксенофонт называет ее «обширной»), трудно поверить, что деревня с замком была единственным местом пребывания сатрапа. Само расположение ее на юге сатрапии, недалеко от границы, на дороге, ведущей от долины Кентрита к источникам западного Тигра, делает более чем вероятным предположение о существовании главной резиденции, которая была бы административным центром сатрапии. В качестве таковой ахемениды всегда выбирали центры и города, игравшие в прошлом ведущую роль. Возможно, что это был город Ван с его цитаделью, древней столицей бывшего урартского государства. В пользу такого предположения говорит трехъязычная надпись Ксеркса I (485—486) на Ванской скале. В ней сообщается, что еще его отец и предшественник Дарий приказал приготовить здесь место для начертания надписи и что он, Ксеркс, начертил надпись, восхваляющую постройки его отца и его самого [72]. Естественно, что такую надпись уместнее всего было бы поместить в самом центре сатрапии, каким и являлся, по-видимому, Ван.

---

[67] Persepolis, I, рис. 91, 118B, 128A, 174A, 176B, 191A.

[68] Там же, стр. 158, рис. 69, 74.

[69] Там же, рис. 25, 26, 30, 40Д, 45C, 51, 56Д.

[70] Г. Тирацян. Ервандиди в Армении. ИАН АрмССР, 6, 1958, стр. 62—63 (на арм. яз.); его же. Колонный зал на Арин-Берде и вопрос о сатрапских центрах на Армянском нагорье. ИАН АрмССР, 7—8, 1960, стр. 99—114 (на арм. яз.).

[71] Не совсем ясно, имеет ли сообщение Ксенофонта (Anabasis, кн. IV, гл. V, 10) какое-нибудь отношение к другому такому центру.

[72] F. H. Weissbach. Die Keilinschriften der Achaemeniden. Leipzig, 1911, стр. 116—119.

Данные Ксенофонта в очень общей форме знакомят нас с состоянием административного деления Армении конца V в. до н. э. Однако существовало и другое, более раннее деление, о котором сообщал Геродот. По административному размежеванию империи, проведенному Дарием, на Армянском нагорье оказались две сатрапии: XIII, охватывающая Пактику, Армению и их соседей до моря, и XVIII, включающая алародиев, саспейров и матиенов (кн. III, 94).

Если XIII сатрапия включала земли бывшего армянского царства, то XVIII сатрапию принято локализовать в восточных районах Армянского нагорья.

Одним из ее центров, очевидно, стала цитадель бывшего урартского города Эребуни, крепость Арин-Берд.

Это был первый урартский административный центр в Араратской долине, так как он основан раньше Аргиштихинили[73]; к тому же это был преимущественно военно-административный центр, в отличие от Аргиштихинили, в жизни которой преобладала, по-видимому, хозяйственно-экономическая сторона. Естественно поэтому, что в ахеменидское время цитадель возобновила свою роль. Она находилась в центре Араратской долины, которая была главным экономическим районом XVIII сатрапии, с издавна высокоразвитым сельским хозяйством. У самой крепости начиналась дорога, ведущая из долины Аракса в район бассейна оз. Севана и дальше в долину р. Куры[74]. От урартов было унаследовано целое крепостное сооружение с оборонительными стенами, различными постройками и т. д.

Для определения времени основания сатрапского центра на Арин-Берде имеет значение вопрос о времени создания XVIII сатрапии. Это может быть отнесено ко времени намного ранее середины V в. до н. э.— самое позднее, когда Геродот мог отметить изменения в сатрапском устройстве.

Деятельность, которую развернул Ксеркс на Ванской скале, некоторые находки на Арин-Берде (милетские монеты, выпущенные после 479 г.) позволяют предположить, что время освоения бывшего урартского центра и окончательного оформления тридцатиколонного зала относятся к годам правления Ксеркса I (485—465 гг. до н. э.).

Анализ материала показывает, что в погребальном инвентаре Джрарата преобладают элементы местной культуры. То же самое наблюдается при ознакомлении с синхронными материалами из Триалети (Нерон-Дереси, Бешташени), Самтавро, Мингечаура, Кармир-Блура (город) и т. д. Это рядовые погребения, которые отражают мало элементов ахеменидской культуры. Являясь органическим продолжением материальной культуры предшествующей эпохи, эти материалы дают широкое представление о местном характере материальной культуры рассматриваемого времени. Иная картина раскрывается при знакомстве с предметами роскоши, принадлежавшими богатой прослойке населения.

Анализ материала из Ахалгори служит этому хорошим примером. Этот, а также сходный материал (из Ерзнкяна, Вани, Казбеки и т. д.) выявляет теснейшие связи с ахеменидским культурным миром. Тем отчетливее становятся эти связи при ознакомлении с материалами, главным образом архитектурными, двух древних центров — Арин-Берд и Сары-Тепе.

Привлечение всего археологического материала и его детальное изучение еще ярче выявит наличие двух основных комплексов — богатых и рядовых захоронений, указывающих на дифференциацию общества в рассматриваемое нами время.

[73] Г. А. Меликишвили. Рецензия. Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур. ВДИ, 1953, 3, стр. 112; И. М. Лосева. Раскопки урартской крепости города Ирпуни (Еребуни) на холме Арин-Берд. СВ, 1955, 3, стр. 145; Н. В. Арутюнян. К вопросу о времени основания Еревана. Ист.-филол. ж., 1959, 2—3, прим. 6, стр. 91—92.

[74] На этой дороге, около современного города Казах, находился, как мы уже видели, по-видимому, другой сатрапский центр.

С. К. КАБАНОВ

АРЕАЛ И ЭВОЛЮЦИЯ ДВУХ ДРЕВНИХ КЕРАМИЧЕСКИХ ФОРМ

Среди массового археологического материала древних городищ значительной части Средней Азии встречаются тонкостенные сосуды двух типов — так называемые кубки или бокалы вытянутой рюмкообразной формы и сосуды более приземистые, верхняя часть которых цилиндрическая, а нижняя конусовидная, причем место перехода отмечено ребром или круговым валиком по наружной стороне; иногда они имеют ножку или поддон. Такие сосуды правильнее называть чашами [1].

Несмотря на распространенность указанных видов сосудов, их типологический анализ до сих пор не производился; неясны даже основные линии развития этих форм. Вопрос этот уже ставился, но ввиду недостаточности материала не нашел своего решения [2].

Скудность данных об изменениях этих керамических форм приводила к неясности в вопросе о том, связаны или не связаны они генетически. А. И. Тереножкин устанавливает, что «из конически-цилиндрических сосудов Афрасиаб I вырабатываются сосуды, приобретающие отчетливую форму кубков» [3]. Однако далее, при рассмотрении сосудов из комплекса Афрасиаб III, он уже различает два типа сосудов, называя их кубками. «Типичны небольшие конически-цилиндрические кубки с пояском в виде валика на невысоком поддоне и такие же кубки на небольшой, но достаточно устойчивой ножке» [4]. Исходя из контекста, надо понимать, что обе формы «кубков» характерны для данного (III—II вв. до н. э.) периода. Противоположной точки зрения придерживается О. В. Обельченко. «Судя по находкам кубков с изломанным профилем стенок в слоях первых веков н. э., очевидно, можно считать, что это более поздняя форма, в то время как для слоев первых веков до н. э. характерна рюмковидная форма кубков и с плавным переходом стенок от донца к тулову» [5].

Назрела необходимость выяснить с полной достоверностью, имеем ли мы дело с одной керамической формой, дававшей такие сильные и неожиданные «мутации», или же здесь налицо две параллельно развивавшиеся

---

[1] Чашей я предлагаю называть сосуд, диаметр устья которого примерно равен высоте или превышает ее; кубком (бокалом) — сосуд с обратным соотношением размеров.

[2] М. И. Вязьмитина. Керамика Айртама времени кушанов. Тр. АН УзССР, сер. I, истор. ТАЭ, II, Ташкент, 1945, стр. 49—50.

[3] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 156.

[4] Там же.

[5] О. В. Обельченко. Лявандакский могильник. ИМКУз, II, Ташкент, 1961, стр. 162.

керамические формы. Решение этого вопроса в значительной мере облегчит работу археолога, особенно при раскопках на многослойных городищах, где встречаются как наиболее характерные и частые, именно эти отмеченные нами тонкостенные сосуды двух типов. Конечно, при раскопках устанавливаются определенные стратиграфические данные, которые позволяют ориентироваться в относительной датировке наслоений, однако эти последние на многослойных памятниках зачастую настолько перемешаны путем перекопов, что знание эволюции двух наиболее часто встречающихся форм сосудов явилось бы большим подспорьем для исследователя.

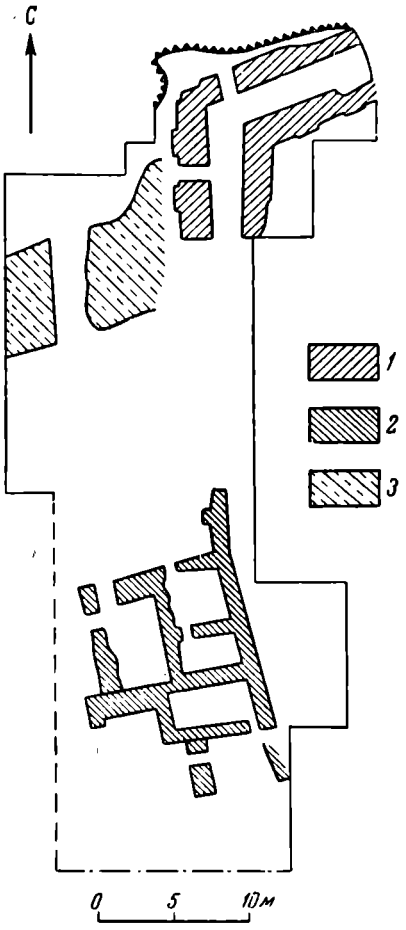


Рис. 1. Схема плана раскопа № 6 на городище Афрасиаб (1959—1962 гг.)

1 — древняя крепостная стена; *2* — древнее здание; *3* — средневековая городская стена

При работах на городище Афрасиаб [6] автору пришлось испытать большие трудности именно в связи с перемешанностью слоев и фрагментарностью керамического материала.

Однако на руководимом им в течении ряда полевых сезонов раскопе (№ 6) были выявлены участки с непотревоженным залеганием слоев, содержавшие сосуды интересующих нас типов в относительно хорошей сохранности.

Раскоп № 6 (рис. 1) на Афрасиабе своим северным концом примыкает к высокому обрыву над потоком Сиаб, ограничивающим городище с севера [7]; в этом месте был раскрыт фрагмент стены, которую мы будем называть древней крепостной стеной. В южной части раскопа открыты остатки древнего здания, построенного значительно позднее крепостной стены (рис. 1).

Древнейший горизонт культурного слоя раскопа, лежавший на материковом лессе, вскрыт на глубине около 6 *м*; сверху он был перекрыт фундаментом крепостной стены. Среди однородного материала древнейшего слоя наиболее характерны двуперый наконечник стрелы (рис. 2, *1*) и почти целый сосуд типа чаши цилиндрическо-конической формы (рис. 3, *1*; 4, *1*). Эти находки связывают вскрытый нами слой с древнейшим уже известным на Афрасиабе слоем (Афрасиаб I) [8], названным А. И. Тереножкиным сако-ахеменидским (точнее древнесогдийским.— *С. К.*), а вместе с тем и с весьма широким кругом памятников, открытых в Маргиане, Хорезме, Бактрии и датируемых в целом VII—IV вв. до н. э. [9]. Для нас находка отмеченного сосуда цилиндрическо-конической формы важна как исходный момент для выяснения генезиса одной из рассматриваемых нами керамических форм.

---

[6] Начиная с 1958 г. на городище Афрасиаб ведутся работы Самаркандским отрядом Узбекской археологической экспедиции Института истории и археологии Академии наук УзССР под руководством В. А. Шишкина. Автор в 1959—1962 г. вел работу на раскопе № 6.

[7] Сб. «Народы Средней Азии и Казахстана», I, М., 1962, стр. 61, план городища Афрасиаб. Место раскопа № 6 — в точках 2 и 3, которыми обозначены небольшие раскопы, заложенные в 1947 г. А. И. Тереножкиным.

[8] А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 155 и рис. 69, II, *6*.

[9] Литературу вопроса см.: В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.— Л., 1959, стр. 41—48; М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. ТХАЭЭ, IV, М.—Л., 1959, стр. 67—78.

В завалах под древним зданием, остатки которого раскрыты в южной части раскопа, также на материковом лессе (древнесогдийского слоя in situ здесь не было) найдена еще одна почти целая чаша (рис. 1, *2*; 4, *2*). Аналогичная ей чаша обнаружена А. И. Тереножкиным в слое Афрасиаб III, датированном III—II вв. до н. э.[10]. Чаша из плотной, хорошо отмученной и обожженной глины, покрытая плотным красным ангобом (в отличие от сосуда из древнейшего слоя с серым ангобом), тонкостенная, изготовленная на кругу в один прием; эту чашу можно рассматри-

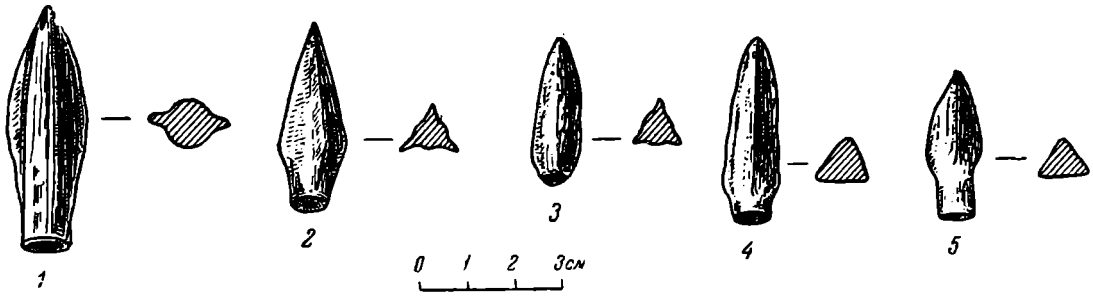


Рис. 2. Наконечники стрел

вать как продукт уже развитого гончарного производства, основанного на использовании круга быстрого вращения, однако традиционная форма коническо-цилиндрического сосуда осталась прежней, сохранилось и ребро в месте перегиба корпуса.

В слое, подстилающем древнее здание, найдены два наконечника стрел, почти треугольных в разрезе, со слабо выраженными лезвиями, с открытой втулкой (рис. 2, *4—5*).

В более поздних наслоениях, по уровню совпадающих с полом древнего здания и несколько перекрывающих этот уровень, были найдены чаши этого же типа, отличающиеся большей приземистостью и закругленностью перегиба корпуса (рис. 3, *3*; 4, *3—4*). Черепок их худшего качества, ангоб — рыхлый. Ориентировочно эти сосуды возможно датировать II—IV вв.

Рассмотрим находки подобных чаш в других датированных среднеазиатских памятниках.

В преддверии Ферганы чаши с перегибом корпуса найдены на Мунчак-Тепе (Фархадстрой) и на Муг-Тепе. На Мунчак-Тепе они найдены в древнейших наслоениях городища, датируемых I в. до н. э.— I в. н. э.[11]. Более древним временем — IV—II вв. до н. э. датируются чаши из Муг-Тепе[12].

В долине Зеравшана чаши рассматриваемого вида, кроме Афрасиаба, найдены на многих памятниках. Отметим прежде всего такие чаши из памятников зоны Катта-Курганского водохранилища[13]. Одна из них является как бы переходной по своей форме от чаши к кубку: высота ее немного больше диаметра устья, но перегиб корпуса крутой, под углом; стены верхней части сосуда не цилиндрические, как обычно, а плавно расширяются кверху. Т. Н. Книпович отмечает высокое качество некоторых изделий из зоны Катта-Курганского водохранилища и считает, что они привозные; с этим выводом нельзя согласиться; подобные изделия

---

[10] А. И. Тереножкин. Ук. соч., рис. 69, IV, I.

[11] В. Ф. Гайдукевич. Керамическая обжигательная печь Мунчак-Тепе. КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 81—82.

[12] В. А. Ранов, Е. Д. Салтовская. О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г. В сб.: «Археологические работы в Таджикистане», VII (1959). Душанбе, 1961, стр. 122—124.

[13] Т. Н. Книпович. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода. КСИИМК, XXVIII, стр. 76, рис. 17.

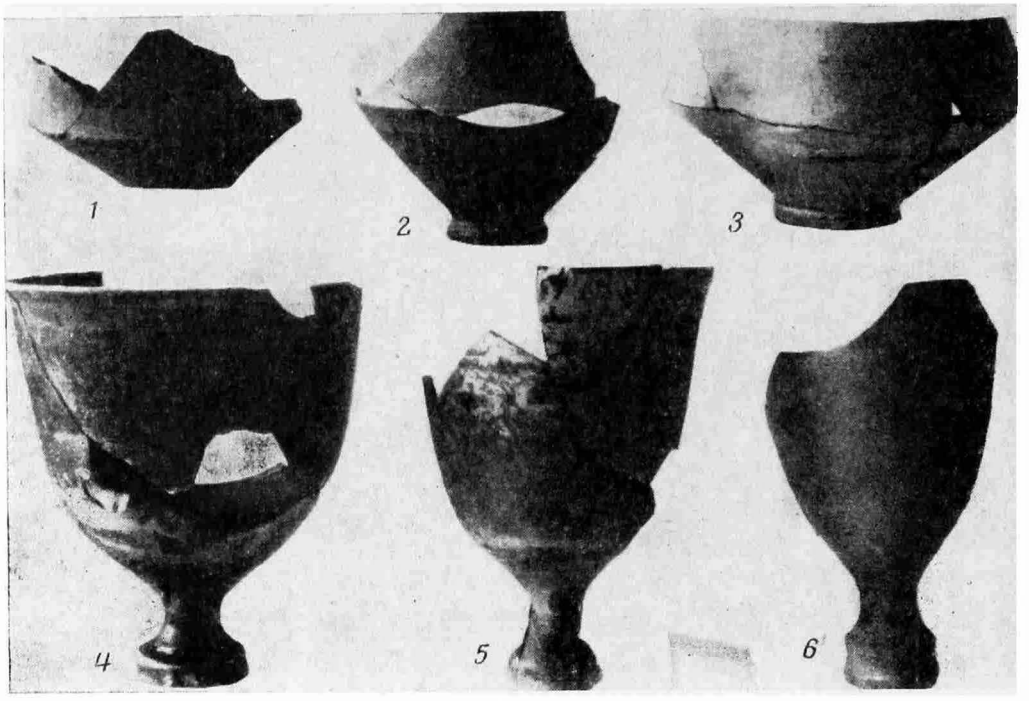


Рис. 3. Чаши и кубки

выделывались по всей территории Согда. Датируются эти сосуды временем, близким к началу нашей эры.

Несколько отличается от отмеченных выше чаш с перегибом корпуса сосуд, найденный при раскопках Лявандакского могильника [14]: он более

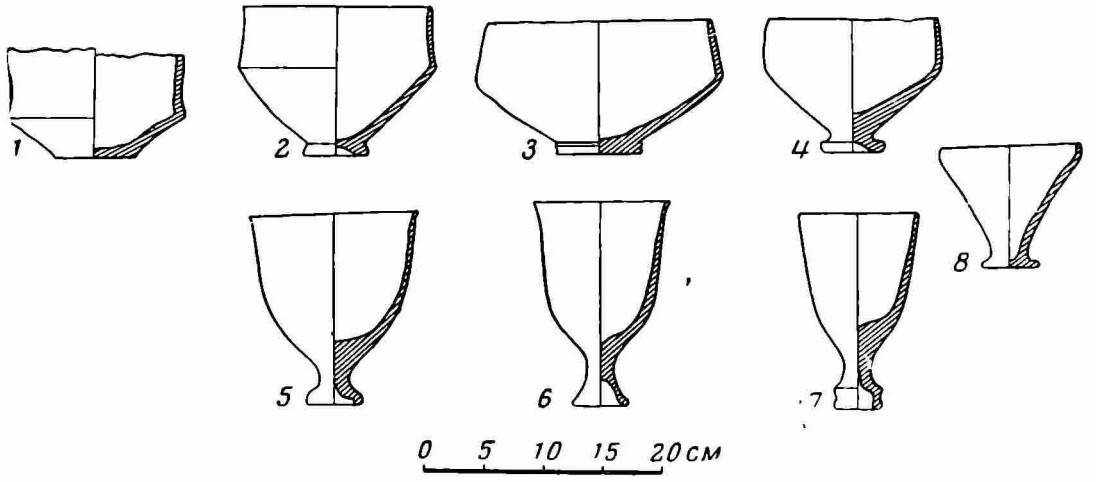


Рис. 4. Чаши и кубки (в разрезе)

толстостенный, с относительно широкой цилиндрической частью корпуса, чем и объясняется его вытянутость в высоту, на 0,5 *см* превышающую диаметр устья; поверхность сосуда шероховатая, с плохо сохранившимся черноватым ангобом, перегиб корпуса без выступающего рубчика. Сосуд датируется первыми веками нашей эры.

В Маргиане чаши с перегибом стенок корпуса найдены в наслоениях III—II вв. до н. э.; они составляли там один из наиболее распространенных видов тонкостенной посуды [15]; известны они и в слоях I в. до н. э.—

[14] О. В. Обельченко. Ук. соч., стр. 98—99, 153, 162.

[15] Л. М. Рутковская. Античная керамика древнего Мерва. Тр. ЮТАКЭ, XI, Ашхабад, 1962, стр. 45—46.

I в. н. э.[16]. Чаши из поздних слоев более приземисты, с широким устьем, что соответствует и нашим наблюдениям на Афрасиабе.

В Тохаристане чаши рассматриваемого типа известны из раскопок городища Айртам, в слоях первых веков нашей эры[17]. Недавно они выявлены и при раскопках курганов в Бишкентской долине[18]. Похожая чаша с плавным перегибом корпуса найдена при раскопках в Балхе[19].

Перейдем к рассмотрению второй керамической формы — кубков. Среди большого количества обломков этих сосудов в раскопе № 6 на Афрасиабе встретилось лишь три кубка, у которых удалось полностью восстановить форму. Древнейший из них выполнен из глины розового цвета, покрыт плотным красным, местами стершимся ангобом. Корпус его довольно широкий, стенки с закруглением переходят к устойчивой ножке с относительно коротким перехватом (рис. 3, *4*; 4, *5*). Сосуд найден в северной части раскопа, в слое, непосредственно перекрывавшем крепостную стену. Из наиболее характерных предметов, найденных в этом слое, назовем банкообразный сосуд, относимый А. И. Тереножкиным к слою Афрасиаб II (IV—III вв. до н. э.)[20]. Вторая характерная находка из этого слоя — трехперый наконечник стрелы с открытой втулкой (рис. 2, *2*), которую возможно датировать V—IV вв. до н. э.[21], а быть может, и более ранним временем[22]. Второй наконечник стрелы — такой же треугольный в разрезе (рис. 2, *3*), как и найденные в завалах под древним зданием, но с обломанной втулкой. Приведенных данных достаточно для ориентировочной датировки описанного кубка наиболее древним временем, которым определялись в Средней Азии подобные находки — III—II вв. до н. э.

Кубки на Афрасиабе известны уже давно, раньше всего — из сборов Н. И. Веселовского[23], а затем и В. Л. Вяткина, отмечавшего, что они встречаются не часто[24]. Впервые на этом городище кубки зафиксированы в определенных комплексах А. И. Тереножкиным[25]; на их датировке мы остановимся ниже.

В низовьях Зеравшана сосуды, очень похожие на описанный нами кубок из Афрасиаба, были найдены в двух погребениях, исследованных О. В. Обельченко: в одном из курганов Кую-Мазарского могильника[26] и вблизи городища Лявандак[27]. Они такие же приземистые, с легким отгибом краев устья, изготовлены в хорошей гончарной технике, покрыты красным ангобом; О. В. Обельченко датировал эти сосуды II—I вв. до н. э., однако эта датировка требует уточнения.

В Маргиане, в наслоениях I в. до н. э.— III в. н. э., встречаются фрагменты кубков на высоких ножках, но относительно редко; эта керамическая форма привнесена туда извне и не связана с местной керамической традицией[28].

---

[16] Л. М. Рутковская. Ук. соч., стр. 59—60, рис. 6, *1—2*, *7—8*.

[17] М. И. Вязьмитина. Ук. соч., стр. 49, 52.

[18] А. М. Мандельштам. Археологические работы в Бишкентской долине в 1957 г. В сб.: «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.», V, Сталинабад, 1959, стр. 145, рис. 6, *1*.

[19] J. C. Gardin. Ceramiques de Bactres. Paris, 1957, табл. IV, *20*.

[20] А. И. Тереножкин. Ук. соч., рис. 69, III, I.

[21] В. М. Массон. Ук. соч., стр. 46—48

[22] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 98.

[23] М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. МИА, 15, 1950, стр. 165.

[24] В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент, 1927, стр. 40—41.

[25] А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 156—157, рис. 69.

[26] О. В. Обельченко. Кую-Мазарский могильник. ТИИА, VIII, Ташкент, 1956, стр. 214.

[27] О. В. Обельченко. Лявандакский могильник, стр. 103, 153—154.

[28] Л. М. Рутковская. Ук. соч., стр. 62—95.

Северным пределом ареала кубков являются Хорезм и Уструшана. В Хорезме они отмечаются в наслоениях III—I вв. до н. э.[29]. В Муг-Тепе (Ура-Тюбе) они датируются исследователями I в. до н. э. — I в. н. э., по аналогии с находками в слое Кобадиан III и Афрасиаб IV[30]. Указанные аналогии, на наш взгляд, не убедительны: кубки из Афрасиаба более вытянуты, а в слое Кобадиан III целых сосудов этого вида не найдено.

К югу от долины Зеравшана, в долине Кашка-Дарьи, сосуды рассматриваемого типа известны (в фрагментах) в комплексе, датированном II в. до н. э.— I в. н. э.[31].

В Южном Таджикистане, в долине р. Кафирниган, кубки обильно представлены в материалах древнего некрополя на урочище Туп-Хона[32]. Все они вытянуты, некоторые со слегка смятыми стенками, по технике изготовления как будто уступают описанному выше кубку из Афрасиаба; по монетным находкам они датированы II—I вв. до н. э.

На окраине города Душанбе во время ирригационных работ найден кубок такой же приземистый, с широким корпусом[33], как и кубок из Афрасиаба. Датирован он, на основе аналогий с кубками из Туп-Хоны, II—I вв. до н. э., хотя, надо сказать, этот кубок существенно отличается от последних как своей формой, округлой у основания корпуса, так и более совершенной техникой изготовления.

При раскопках еще двух памятников в долине р. Кафирнигана — городищ Калаи-Мир и Кей-Кобад-шах в слоях II в. до н. э.— III—IV вв. н. э. также обнаружены кубки[34], некоторые из них своеобразных форм, с перегибом стенок или с круговым валиком в донной части[35]. Почти целый кубок, происходящий из самого позднего слоя (Кобадиан V),— очень грубой работы, в виде глиняного стакана, поставленного на неустойчивую ножку[36]. Такие же точно кубки грубой работы найдены на территории Афганистана, в Бегараме, в комплексе Беграм III[37]; это обстоятельство отмечает М. М. Дьяконов, датируя соответствующий материал III в., быть может, началом IV в.[38]. Надо добавить, что и в наслоениях Беграм II обнаружен похожий кубок[39]. Более совершенной работы кубки (в фрагментах) были найдены в Балхе; донные части этих сосудов имели иногда закругленную нижнюю часть; находки датированы I в. до н. э.— началом III в. н. э.[40].

Южной границей распространения рассматриваемой нами керамической формы можно назвать древний индийский город Таксилу. Кубки найдены в части города (Sirkap), основанной после завоевания Таксилы бактрийскими греками в начале II в. до н. э. Особенно распространены они были в наслоениях греческого и сако-парфянского периодов (II в. до н. э.— I в. н. э.)[41].

---

[29] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. ТХАЭЭ, IV, М., 1959. стр. 108, 112—115.

[30] В. А. Ранов, Е. Д. Салтовская. Ук. соч., стр. 120.

[31] С. К. Кабанов. Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе. ИМКУз, III, Ташкент, 1962, стр. 44, 49.

[32] М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 165—166, табл. 83.

[33] Н. Н. Забелина. Новые археологические находки из Гиссарской долины. «Сообщения республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР», I, Археология, 1952, стр. 24.

[34] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951 гг.). МИА, 37, 1953, стр. 282—292; А. М. Мандельштам, С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. МИА, 66, 1958, стр. 298—299, 303.

[35] А. М. Мандельштам, С. Б. Певзнер. Ук. соч., стр. 299, рис. 6, *1—5*.

[36] М. М. Дьяконов. Археологические работы..., стр. 292.

[37] R. Ghirshman. Begram. Caire, 1946, табл. LI.

[38] М. М. Дьяконов. Археологические работы..., стр. 279.

[39] R. Ghirshman. Ук. соч., табл. XL.

[40] J.-C. Gardin. Ук. соч., стр. 23—26, табл. IV, *21—23*.

[41] J. Marshall. Taxila, II, Cambridge, 1951, стр. 416—417; III, табл. 124, *89—91*.

После обзора рассматриваемого вида археологических памятников устанавливается обширность их ареала: от Хорезма до Индии и от Уструшаны до Маргианы.

Ближе всего по форме и технике к описанному кубку из Афрасиаба приближаются кубки из Душанбе, Ура-Тюбе и из курганов Лявандакского и Кую-Мазарского могильников. Основными особенностями всех этих кубков является относительная приземистость (высота сосуда лишь немного превышает диаметр его устья), пологий переход от ножки сосуда к корпусу, хорошая техника изготовления, плотный красный ангоб. Эти признаки, как мы увидим ниже, позволяют остановиться на указанной выше ориентировочной датировке описанного кубка из наслоений Афрасиаба — III—II вв. до н. э.

Лучше всего прослежены признаки изменения кубков при исследовании памятников долины р. Кафирнигана. Здесь они выявлены в наслоениях, датируемых со второй половины II в. до н. э. и до III—IV вв. н. э.; можно составить и шкалу постепенной эволюции этой керамической формы. Но если попытаться определить по этой шкале место кубка из Душанбе, то убедительной ему аналогии мы там не найдем. Н. Н. Забелина воздерживается от уточнения датировки опубликованного ею кубка, указывая, что эта керамическая форма широко представлена в слоях II—I вв. до н. э. Однако конкретные особенности именно данного кубка, не совпадающие с формами кубков из Туп-Ханы, дают основание прийти к выводу, что этот сосуд относится к более раннему времени — к III—II вв. до н. э. То же самое относится и к датировке кубка из одного погребения Кую-Мазарского могильника. О. В. Обельченко убедительно сравнивает свою находку с кубком из Душанбе; однако проводимая им аналогия с одним из кубков Туп-Хоны, найденным вместе с монетным кружком, битым в середине II в. до н. э., неверна. Различие в формах кубков очевидно: кубок из Туп-Хоны сильно вытянут, со смятыми стенками, тогда как кубок из Кую-Мазарского могильника приземистый, с ровными стенками [42]. Следующий кубок из Лявандакского могильника датирован О. В. Обельченко второй половиной II в. до н. э. Однако меч, найденный в том же погребении, дает, по словам Обельченко, «более раннюю дату» [43].

Выше было указано на сомнительность датировки кубка из Ура-Тюбе I в. до н. э.— I в. н. э.; судя по соотношению высоты сосуда и диаметра устья, этот кубок можно сблизить с душанбинским и датировать его также III—II вв. до н. э.

Все эти наблюдения дают нам основание из общей массы кубков выделить, как наиболее древний — подвид, отличающийся широким корпусом, небольшой высотой и устойчивой ножкой, и датировать его III—II вв. до н. э.

Выше было указано, что в раскопе № 6 на Афрасиабе найдены три почти целых кубка; один из них уже описан. Второй кубок (рис. 3, *5*; 4, *6*) — из глины желтого цвета, покрыт неравномерно наложенным ангобом различных оттенков от темно-коричневого до красного цвета. Он более вытянут, чем первый, ножка также вытянута и неустойчива. Найден кубок в более позднем слое, чем первый, в завале, вне древнего здания, но примерно на уровне его пола.

Третий кубок найден выше уровня древнего здания. Он еще более вытянут (рис. 3, *6*; 4, *7*), стенки корпуса незаметно утончаются к перехвату ножки; последняя фигурная, с глубоким выемом. Кубок покрыт ангобом черно-коричневого цвета, плотным внутри и плохо сохранившимся снаружи.

---

[42] М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда, стр. 160, табл. 83. 7; О. В. Обельченко. Кую-Мазарский могильник, стр. 214—225.

[43] О. В. Обельченко. Лявандакский могильник, стр. 163.

Таким образом, намечается определенная эволюция формы кубка: поздние из них делались более вытянутыми [44] и менее устойчивыми. Качество изготовления сосудов заметно ухудшалось. По своей форме только что описанные кубки возможно отнести к устанавливаемому А. И. Тереножкиным слою Афрасиаб IV, но некоторые кубки из этого слоя, на наш взгляд, следовало бы датировать не рубежом нашей эры [45], а I—III вв.

Собранные нами материалы о двух типах тонкостенной посуды, наиболее распространенных в древних земледельческих поселениях Средней Азии, уже позволяют, нам кажется, внести ясность в вопрос, поставленный в начале статьи: связаны ли между собой генетически две рассматриваемые древние керамические формы и каково было направление изменений в ходе развития этих форм?

Основная линия развития первой керамической формы — чаш с перегибом корпуса восстанавливается, на наш взгляд, с полной наглядностью. Исходной формой этого вида сосудов были распространенные в древнесогдийский период (VII—IV вв. до н. э.) сосуды с перегибом корпуса, в том числе и относительно тонкостенные, как чаша, найденная нами в древнейшем слое городища Афрасиаб. В дальнейшем, в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры, традиционная цилиндрическо-коническая форма чаш сохранилась и при выделке наиболее тонкостенных сосудов.

Обратимся теперь к обобщению данных относительно второй из рассматриваемых нами керамических форм — кубков. В известных нам формах гончарных изделий древнесогдийского периода (VII—IV вв. до н. э.) нет сосудов, которые можно было бы определить как прототип кубков. Объясняется ли это недостаточной изученностью древнесогдийской культуры, или же сосуды данного вида были привнесены в согдийскую среду извне — на этот вопрос с уверенностью ответить нельзя. Однако и в соседней Маргиане, древнейшие культуры которой изучены гораздо лучше, чем в Согде, формы кубков также не выявлены [46]. Это обстоятельство делает более вероятным второе предположение.

Для решения этого последнего вопроса следует вновь обратиться к факту появления сосудов рассматриваемого типа в Таксиле во II в. до н. э., после завоевания города бактрийскими греками. Нельзя ли предположить, что появление сосудов в виде кубков и в Согде связано с эллинистическими влияниями? Известно, что в гончарном искусстве древних греков были широко распространены сосуды с высокими ножками, например такие, как килик. Возможно, под влиянием местной гончарной традиции [47] эта греческая форма была видоизменена, сосуды стали делать более глубокими, и появилась синкретическая керамическая форма как своеобразное выражение синкретической эллинистической культуры.

Дальнейшее развитие формы кубков устанавливается достаточно четко. Вначале относительно приземистые (это характерно и для килика) они с течением времени становились все более вытянутыми. Формы ножек в силу их разнообразия, по-видимому, не могут являться достаточно надежным признаком при датировках кубков, но, как правило, с течением времени они делались более фигурными, сосуды становились менее устойчивыми. Качество изготовления кубков изменялось к худшему, так же как и чаш с перегибом корпуса.

---

[44] М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда, стр. 165.
[45] А. И. Тереножкин. Ук. соч., рис. 69, V, *1—2*, *8*.
[46] Л. М. Рутковская. Ук. соч., стр. 95.
[47] Заимствования из Ирана должны быть исключены; в памятниках, синхронных Афраспабу, таких сосудов нет. Похожие сосуды рассматриваемого нами времени (с середины I в. до н. э.) известны только в III тысячелетии до н. э. (см. L. V. Berg. Archéologie de l'Iran Ancien, 1959, стр. 11—14, 130—133). Отсутствие подобных форм в Маргиане начисто отвергает такое предположение, так же как и заимствование из района Анау.

Обе рассмотренные керамические формы в Согде уже выходят из употребления в период, близкий к рубежу IV—V вв. Их сменяет форма, широко известная в археологической литературе под названием «чашевидный кубок» [48]. Сосуды эти хорошего обжига, покрыты плотным красным пли серым ангобом; они несравненно лучшей выделки, чем чаши с перегибом корпуса или кубки в последний период их существования.

В Тохаристане еще в V—VII вв. продолжалась древняя гончарная традиция: там изготовлялись чаши с закругленным перегибом корпуса, без поддона, отдаленно напоминающие свой прототип [49].

Итак, на протяжении семи-восьми столетий существовало два типа сосудов, предназначенных для питья. Вероятно, чаши являлись обиходным сосудом повседневного пользования. Кубки, быть может, предназначались для случаев торжественных, праздничных, для напитков, которые нужно было сразу выпивать до дна. Использование кубков могло быть связано с некоторой обрядностью сакрального характера. Этот последний момент, очевидно, следует привлечь для объяснения фактов, подмеченных О. В. Обельченко. Последний провел значительные раскопки курганов в низовье р. Зеравшан. В курганах, датируемых последними веками до нашей эры, встречались кубки, но нет чаш рассматриваемой формы, а в более поздних курганах первых веков нашей эры встречались чаши, но нет кубков. Эти наблюдения были подкреплены материалами шурфа, заложенного на развалинах городища Лявандак, в нижних слоях которого были выявлены фрагменты кубка, но интересующих нас чаш с перегибом корпуса не обнаружено [50]. Материалов шурфа, конечно, недостаточно для обоснования выдвигаемого заключения, если даже они в какой-то мере и подтверждают материалы исследований курганов. Присмотримся к этим последним. Чаши из Лявандакского и Кую-Мазарского могильников характеризуются относительно низкой техникой изготовления, ангоб их разных оттенков коричневато-черного цвета, непрочный; эти особенности сближают их с более поздними чашами из Афрасиаба (II—IV вв.).

Выше нами высказано предположение, что кубки как керамическая форма являются синкретической формой, в создании которой принимали участие греки, занимавшие господствующее положение в Бактрии, быть может, и в Согде. Предметы в какой-то мере иноземного происхождения, да еще к тому же связанные с праздниками и торжествами знати, в глазах простого народа могли получить оттенок сакральности, почему их в некоторых случаях ставили в погребениях. В дальнейшем этот элемент был утрачен, быть может, даже в связи с этническими переменами; в погребения стали ставить простые сосуды повседневного обихода.

В VI—VII вв. древняя гончарная традиция прерывается, вместо кубковидных чаш появляются кружки. В это время прообразом для некоторых видов гончарных изделий, в том числе и сосудов для питья, становятся металлические изделия [51]. Это знаменательное изменение являлось косвенным показателем огромных сдвигов, социальных и этнических, происходивших на ранних ступенях развития феодализма.

---

[48] С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI веках. СА, 1963, I, стр. 223. Вернее было бы назвать этот сосуд кубковидной чашей, потому что диаметр даже самых высоких из них всегда больше их высоты.

[49] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. Ташкент. 1960, стр. 95.

[50] О. В. Обельченко. К вопросу о времени возведения стены Бухарского оазиса Кампир-дувала. ТТГУ. Археология Средней Азии, V, Ташкент, 1960, стр. 14.

[51] Литературу вопроса см.: Б. И. Маршак. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII веков. В сб.: «Культура и искусство народов Востока», 6, Л., 1961 стр. 177—201.

Т. И. АЛЕКСЕЕВА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ЭТНОГЕНЕЗУ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

В последние годы советская антропологическая наука обогатилась обширными материалами по этнической антропологии населения восточноевропейской части СССР. Прибалтийские группы обследованы Н. Н. Чебоксаровым и М. В. Витовым [1], а также Р. Я. Денисовой [2], белоруссы — Р. Я. Денисовой, В. В. Бунаком и В. Д. Дяченко [3]; украинцы — В. Д. Дяченко [4], мордва — К. Ю. Марк [5]. Неоднократному исследованию подвергалось и русское население [6], но последовательно и планомерно оно стало изучаться с 1955 г. Русской антропологической экспедицией Института этнографии АН СССР. На карте восточноевропейской части СССР почти не осталось белых пятен, так как ранее были уже изучены Г. Ф. Дебецом вепсы [7] и мордва [8]; Т. А. Трофимовой совместно с Н. Н. Чебоксаровым — татары [9] и манси [10]; П. И. Зенкевичем — мари [11] и удмурты [12]; Н. Н. Чебоксаровым — коми [13]; автором настоящей статьи — чуваши [14] и татары-мишари [15].

[1] М. В. Витов, Б. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Этническая антропология восточной Прибалтики. Тр. ПОКЭ, II, М., 1959.

[2] Р. Я. Денисова. К вопросу об антропологическом составе восточных латышей и восточных литовцев. ИАН ЛатвССР, 2, 1958.

[3] В. В. Бунак. Антропологические исследования в южной Белоруссии. Тр. ИЭ, нов. сер., XXXIII, «Антропологический сборник», 1, 1956; В. Д. Дяченко. Наслідки роботи Української антропологічної експедиції 1956 року. Матеріали з антропології України, I, Київ, 1960.

[4] В. Д. Дяченко. Ук. соч.

[5] К. Ю. Марк. Этническая антропология мордвы. Тр. ИЭ, нов. сер., XIII, М., 1960.

[6] Е. М. Чепурковский. Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Великороссии в связи с колонизацией ее славянами. ИОЛЕАЭ, XXIV, 2, М., 1913; Г. Ф. Дебец. Так называемый восточный великорус. «Антропол. ж.», 1933, 1—2; Н. Н. Чебоксаров. Русские севера европейской части СССР. Кр. сообщ. о научных работах НИИ и Музея антропологии при МГУ за 1938—39 гг. М., 1941; его же. Ильменские поозеры. Тр. ИЭ, нов. сер., 1, М.— Л., 1947.

[7] Г. Ф. Дебец. Вепсы. Уч. зап. МГУ, 63, М., 1941.

[8] Г. Ф. Дебец. Так называемый восточный великорус; его же. Антропологический очерк Лукояновского уезда бывш. Нижегородской губернии. Уч. зап. МГУ, 63.

[9] Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. Тр. ИЭ, нов. сер., VII, М., 1949.

[10] Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров. Североуральская экспедиция Музея антропологии. Кр. сообщ. о научн. работах НИИ и Музея антропологии МГУ за 1938—39 гг.

[11] П. И. Зенкевич. Характеристика восточных финнов. Уч. зап. МГУ, 63.

[12] П. И. Зенкевич. Антропологические исследования в Удмуртской АССР. Кр. сообщ. о научн. работах НИИ и Музея антропологии МГУ за 1938—39 гг.

[13] Н. Н. Чебоксаров. Этногенез Коми. СЭ, 1946, 2, 46.

[14] Т. И. Алексеева. Антропологический тип населения Чувашии. КСИЭ, 23, 1955.

[15] Т. И. Алексеева, Б. А. Васильев. К вопросу о генетическом родстве русской мещеры и татар мишарей. КСИЭ, 31, 1959.

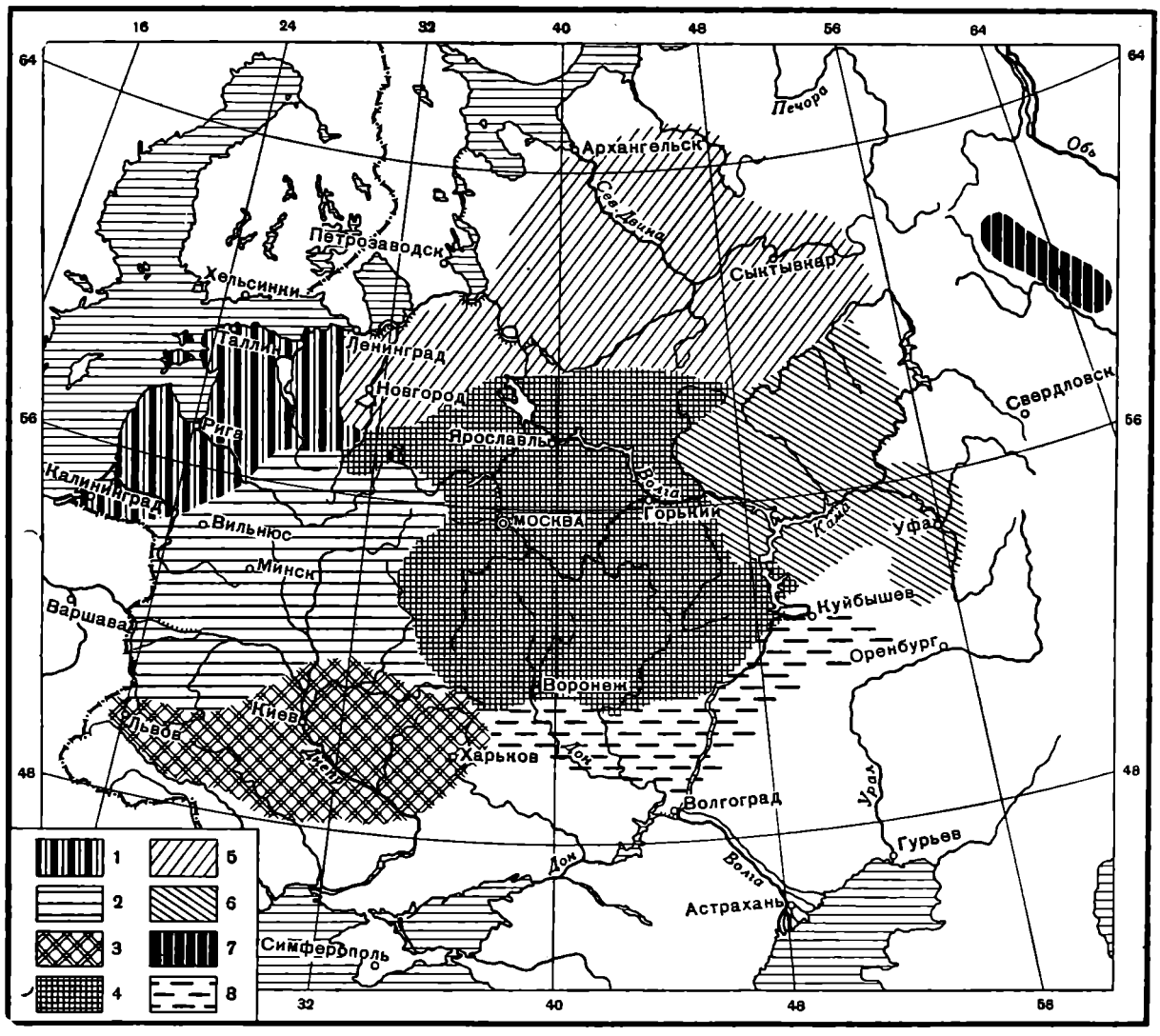


Рис. 1. Схема антропологических комплексов на территории Восточной Европы

1 — прибалтийский; *2* — валдайско-верхнеднепровский; *3* — приднепровский; *4* — восточноевропейский; *5* — белозерско-камский; *6* — волго-камский; *7* — приуральский; *8* — степной

Таким образом, население бассейнов Днепра, Немана и Западной Двины, Великой, Ловати и Волхова, Оки и Волги, Онеги и Северной Двины, Ветлуги, Вятки и Камы, Дона и Цны представлено в антропологических материалах сравнительно полно. Эта территория являлась зоной сложения восточнославянских народностей. Поэтому при освещении славянского этногенеза с точки зрения антропологии следует рассмотреть все материалы, относящиеся к характеристике физического облика населения восточноевропейской части СССР [16].

Анализ антропологических материалов основан на порайонном картографировании признаков по всем перечисленным выше группам. В результате сопоставления карт отдельных признаков была получена сводная схема антропологических комплексов, характерных для современного населения восточноевропейской части СССР (рис. 1). Названия комплексам даны в соответствии с географической локализацией. Антропологические комплексы, которые рассматриваются в данной статье, выделены на основании общих черт, присущих населению той или иной территории, и представляют собою в значительной мере обобщенную характеристику. Между отдельными типами нет четких границ. В зонах контактов прослеживаются промежуточные черты, да и сами комплексы нередко обнаруживают

[16] В настоящей статье используются многие неопубликованные материалы, собранные Русской антропологической экспедицией.

неоднородность. Однако определенная географическая локализация и данные о географической изменчивости признаков позволяют использовать их в качестве одного из источников при выявлении основных путей формирования различных этнических групп.

Прибалтийский комплекс локализуется в нижнем течении Немана, по Венте и нижнему течению Западной Двины, в бассейне Гауи, на побережье Финского залива, в районе Чудского озера и Нарвы. Для этого типа характерны такие особенности, как высокий рост, светлая пигментация волос и глаз, крупные размеры головы и лица, брахикефалия, средняя горизонтальная профилировка лица, сильное выступание носа и средний рост бороды. Этот комплекс под названием западнобалтийского был уже выделен Н. Н. Чебоксаровым и М. В. Витовым [17] в Эстонии и отнесен к атланто-балтийской группе антропологических типов.

Признаки, присущие атланто-балтийской группе, имеют широкий ареал распространения. Они отмечаются у населения почти всей Северо-Западной Европы: Финляндии [18], Скандинавских стран [19], Шотландии, Англии, Ирландии [20], Исландии [21] и Фарерских островов [22]. Деникер [23] находил подобные черты в Северной Германии и в некоторых районах Франции. На территории Восточной Европы этот тип выражен в наибольшей степени среди западных групп эстонцев и латышей. Среди восточных групп проявляется грацильный и мезокефальный вариант этого комплекса, который Н. Н. Чебоксаровым и Н. В. Витовым назван беломорским антропологическим типом и отнесен к беломорско-балтийской группе типов. Не возражая против отнесения этого варианта к беломорско-балтийской группе антропологических типов, я все же считаю необходимым отметить бóльшую связь беломорского типа с типами атланто-балтийской группы, нежели с восточнобалтийским типом, который наряду с беломорским отнесен к беломорско-балтийской группе. Мезокефальный вариант прибалтийского комплекса связывается с территорией Восточной Европы и, в частности, с наиболее северными районами. Он распространен среди карел, русских северо-запада, поморов и у некоторых групп северных коми.

Белозерско-камский комплекс локализуется в районе Белоозера, в верховьях Онеги, по Северной Двине и ее притокам, в среднем течении Вятки и Камы.

По цвету волос и глаз и головному указателю этот тип сходен с прибалтийским, однако он характеризуется меньшим ростом, меньшими абсолютными размерами головы и лица, некоторой уплощенностью лица, преобладанием прямых и вогнутых спинок носа, пониженным ростом бороды. Эти признаки распространены среди вепсов, ижор, води, некоторых групп русского населения севера. За пределами Восточной Европы этот тип встречается на востоке Финляндии [24]. Белозерско-камский комплекс под названием восточнобалтийского типа уже описан в антропологической литературе и отнесен Н. Н. Чебоксаровым и М. В. Витовым к беломорско-балтийской группе.

---

[17] М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Ук. соч.

[18] J. Kajava. Die anthropologische Untersuchung des finnischen Volkes. «Anthropol. Anz.», II, тетр. 4, 1925.

[19] H. Bryn. Die dolichokephale nordische Rasse. «Anthropol. Anz.», IX, 1932; H. Bryn, K. Schreiner. Die Somatologie der Norweger, Skrifter utw. av det Norske Videnskaps. I, Oslo, 1930; H. Lundborg, F. J. Linders. The Racial Characters of the Swedisch Nation. Uppsala, 1926.

[20] H. J. Fleure. The Races of England and Wales. London, 1923.

[21] L. Ribbing. On the Anthropology of the Island of Bornholm. «Nord. Stat. Tidskr.», V, 1921.

[22] F. Jörgensen. Anthropologiske Undersogelser fra Faroerne. 1902.

[23] J. Deniker. Les races de l'Europe. «L'anthropologie», IX, 1898.

[24] T. V. Roschier. Anthropologische Untersuchungen an Bewohner der Landschaft Karjala. «Acta Inst. Anat. Univers», IV, Helsinki, 1931.

Валдайско-верхнеднепровский комплекс широко распространен по всему Двинско-Припятскому междуречью. Он обнаруживается по берегам Западной Двины, особенно в среднем ее течении, в низовьях Немана, на левом берегу Припяти, в верховьях Днепра, по Березине, Сожу и Ипути. Этот комплекс в общих чертах сходен с прибалтийским, но отличается от него меньшим ростом, меньшими абсолютными размерами лица и головы и несколько более темной пигментацией волос и глаз. Подобная комбинация признаков описана в литературе под названием валдайского и ильменско-днепровского типов и сравнительно недавно отнесена Н. Н. Чебоксаровым и М. В. Витовым к атланто-черноморской группе антропологических типов.

Надо сказать, что характеристика атланто-черноморской группы, предложенная этими авторами, грешит чрезмерной обобщенностью. В эту группу включены литовцы и белорусы, украинцы, великорусы, мордва, молдаване и даже некоторые группы населения в Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии, Швейцарии, Франции и Италии. Факт проявления связи таких признаков, как брахикефалия, светлые глаза и темно-русые волосы у некоторых из отмеченных выше групп еще не дает права объединять в единый антропологический комплекс литовцев и итальянцев, русских и французов. По всей вероятности, и сами авторы видят искусственность подобного объединения. Они неоднократно подчеркивают, что и валдайский, и ильменско-днепровский типы занимают крайнее северо-восточное положение в пределах атланто-черноморской группы. Скорее всего оба эти типа следует отнести к кругу северных европеоидов, как, впрочем, это и было сделано в одной из ранних работ Н. Н. Чебоксарова [25]. Наиболее характерными представителями валдайско-верхнеднепровского комплекса являются литовцы, белорусы и русское население верховьев Днепра и истоков Волги.

Центрально-восточноевропейский комплекс распространен по Оке и ее притокам, в верховьях Дона, по Клязьме, в верхнем и среднем течении Волги, по Цне, Ворскле, верховьям Хопра и Медведицы.

По своим морфологическим особенностям этот тип сходен с грацильным, мезокефальным вариантом прибалтийского комплекса, но отличается от последнего несколько более темными волосами и глазами. Под названием восточноевропейского этот тип давно известен в антропологической науке. Еще Деникер [26] выделял его на востоке Европы, М. Хеш отмечал его в прибалтийском населении [27], Н. Н. Чебоксаров, М. В. Витов, Р. Я. Денисова, В. В. Бунак — у белорусов Полесья и у мордвы [28], Т. И. Алексеева — у русских Волго-Окского междуречья и П. И. Зенкевич — у русских Поветлужья и отчасти у мари и удмуртов. Все эти авторы приписывали этому типу наряду с отмеченными выше признаками также «лапоноидность». К лапоноидным особенностям могут быть отнесены, в первую очередь, ослабленное развитие третичного волосяного покрова, некоторая уплощенность лица и умеренное выступление носа. Следует, однако, отметить, что «лапоноидные» черты проявляются далеко не во всех группах центрально-восточноевропейского комплекса. Например, среди русского населения, для которого этот комплекс наиболее характерен, уплощенное лицо и ослабление выступания носа проявляются только в крайних северных и восточных районах зоны его преимущественного распространения. Правда, один из признаков лапоноидного комплекса, а именно понижен-

---

[25] М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Ук. соч.

[26] J. Deniker. Ук. соч.

[27] M. Hesch. Letten. Lithauer, Weissrussen. Wien, 1933.

[28] В. В. Бунак. Антропологический тип мордвы. «Русск. антропол. ж.», XIII, 3—4, 1924.

ный третичный волосяной покров, характеризует, за редким исключением, все группы русского населения.

Центрально-восточноевропейский комплекс отнесен Н. Н. Чебоксаровым и М. В. Витовым к восточноевропейской группе антропологических типов [29]. По пигментации эта группа занимает промежуточное положение между атланто-балтийской и атланто-черноморской группами, по развитию третичного волосяного покрова тяготеет к группе уральских антропологических типов. Такое положение центрально-восточноевропейского комплекса представляется убедительным.

Приднепровский комплекс (или центрально-днепровский, по В. Д. Дяченко) распространен в среднем течении Днепра и по его притокам — Десне, Суле, Пслу, Ворскле, Тетереву и Роси, а также по Сейму и в верховьях Северного Донца. Прослеживается этот комплекс и в верхнем течении Южного Буга, Стыри, Горыни, Случа и Збруча. Наиболее характерными представителями являются украинцы. Этот комплекс характеризуется такими признаками, как высокий рост, брахикефалия, умеренная депигментация, относительно широкое лицо, среднеразвитый третичный волосяной покров, преимущественно прямая форма носа. Сходная комбинация признаков давно известна под названием «альпийской» расы [30]. За пределами Восточной Европы эта комбинация отмечается на севере Балканского полуострова, в Венгрии, Австрии, Швейцарии, на юге Германии и севере Италии [31]. Так называемая «альпийская раса» отличается большим разнообразием и широким распространением. В. В. Бунак [32], помимо собственно альпийской, предлагает выделять «восточно-альпийскую» или карпатскую расу. Н. Н. Чебоксаров [33] также склоняется к мысли о выделении особой «альпо-карпатской» подгруппы в пределах атланто-черноморской группы. Украинцы, таким образом, могут быть отнесены к этой подгруппе.

Степной комплекс. К сожалению, население зоны степей в антропологическом отношении изучено чрезвычайно слабо. Поэтому при выделении степного комплекса приходится базироваться на весьма скудные данные о русском населении среднего течения Дона и Хопра и о некоторых тюркоязычных группах правобережья Волги, в частности мишарей. Население, относящееся к этому комплексу, характеризуется средним ростом, мезокефалией, небольшими абсолютными размерами головы и лица, умеренной депигментацией, средним развитием третичного волосяного покрова, средней горизонтальной профилировкой и сравнительно сильным выступанием носа.

Комбинация антропологических признаков, характерных для степного комплекса, описана в антропологической литературе под названием понтийского или черноморского типа [34]. Н. Н. Чебоксаров и М. В. Витов предлагают включить ее в качестве подгруппы в атланто-черноморскую группу типов [35]. Это предложение кажется вполне приемлемым.

Волго-камский и приуральский комплексы. Первый локализуется в Ветлужско-Вятском междуречье, в верховьях Камы, по Белой и, частично, в среднем течение Волги. Второй в основном распространен за Уральским хребтом, на территории Восточной Европы он выступает в Тавда-Кондинском междуречье. Для этих комплексов наиболее характерны низкий рост, слабое развитие третичного волосяного по-

---

[29] М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Ук. соч.

[30] J. Deniker. Ук. соч.

[31] C. S. Coon. The Races of Europe. New York, 1939; G. Montandon. L'Etnie francaise. Paris, 1935; М. Попов. Антропология на българския народ, I, София, 1959.

[32] V. Bunak. Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas. «Z. Morphol. und Anthropol.», XXX, тетр. 3, 1932.

[33] М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Ук. соч.

[34] V. Bunak. Ук. соч.

[35] М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Ук. соч.

крова, довольно темная пигментация, невысокое, несколько уплощенное лицо, средневыступающий нос с вогнутой спинкой. Эти особенности могут сочетаться как с мезо-, так и с брахикефалией. В приуральском комплексе все перечисленные черты заметно усилены. По своим морфологическим особенностям оба эти комплекса занимают промежуточное положение между европейскими и азиатскими расами. Промежуточный характер этих типов был отмечен еще Деникером [36] и С. И. Руденко [37]. Различные варианты этих типов были детально описаны В. В. Бунаком под названиями «обского», «средневолжского», «западноарктического» и «вятско-камского» и отнесены им к «северной протоазиатской большой расе» [38]. В классификации Н. Н. Чебоксарова и М. В. Витова эти типы отнесены к уральской группе [39]. Черты этих комплексов присущи многим этническим группам Поволжья и Приуралья — чувашам, марийцам, удмуртам, коми-пермякам и южным коми-зырянам, некоторым группам татар Поволжья, хантам и манси [40]. Эти черты характеризуют лопарей Кольского полуострова [41], Финляндии, Швеции и Норвегии [42].

Заканчивая обзор антропологических типов на территории Восточной Европы, еще раз укажу, что выделенные мною комплексы под теми или иными названиями уже фигурировали в литературе. Повторное рассмотрение антропологического состава населения Восточной Европы диктовалось двумя обстоятельствами: появлением обширных материалов по русскому населению и необходимостью найти ему место на антропологической карте Восточной Европы; существованием методических различий между отдельными исследователями и необходимостью найти критерий сравнимости их материалов.

Введение в науку обширных антропологических данных по русскому населению, учет и нивелировка имеющихся методических различий позволили внести важные коррективы в антропологическую карту Восточной Европы, хотя и не изменили самого ее существа. Я намеренно не пользовалась общепринятой терминологией, желая подчеркнуть обобщенный характер комплексов и, следовательно, не всегда полное совпадение их с уже известными антропологическими типами.

Какое же место занимают восточные славяне в антропологической классификации народов Восточной Европы?

Из всех перечисленных выше комплексов наибольшего распространения среди восточнославянского населения достигают три: валдайско-верхнеднепровский — у белорусов и их русских соседей, центрально-восточноевропейский — у русских и приднепровский — у украинцев. Если придерживаться введенной в науку Н. Н. Чебоксаровым и в настоящее время почти общепринятой классификации, то первый может быть отнесен к балтийской малой расе, третий — к индо-средиземной, а второй — к промежуточной между балтийской и индо-средиземной. Определяя место этих рас среди более крупных таксономических категорий, я включаю балтийскую расу в круг северных европеоидов, индо-средиземную — в круг южных. Центрально-восточноевропейский комплекс, соответственно, займет промежуточное положение. Остальные типы, отмечаемые на территории Восточной Европы, обнаруживаются в славянском населении преимущественно в контактных зонах. Так, прибалтийский комплекс присутствует в виде

---

[36] J. Deniker. Ук. соч.

[37] С. И. Руденко. Антропологическое исследование инородцев северо-западной Сибири. «Зап. Российск. Акад. наук по физ.-матем. отдел.», XXXIII, 3, 1914.

[38] V. Bunak. Ук. соч.

[39] М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Ук. соч.

[40] J. Deniker. Les races et les peuples de la terre. Paris, 1926; Г. Ф. Дебец. Селькупы. Антропологический очерк. Тр. ИЭ, нов. сер., II, 1947.

[41] Д. А. Золотарев. Кольские лопари, Л., 1927.

[42] J. Kajava. Ук. соч.; K. Schreiner. Zur Osteologie der Lappen. Oslo, 1935.

примеси среди русского населения Псковско-Ильменского поозерья, степной — у русских донохоперской зоны и прилежащих районов Поволжья. Особо следует остановиться на проявлении в восточнославянском населении так называемых «лапоноидных» черт, связанных в своем происхождении с уральской группой антропологических типов. Лапоноидные черты имеют, как уже отмечалось, широкий ареал распространения на территории Восточной Европы. По мнению некоторых авторов, эта слабая монголоидная примесь, возникая в глубокой древности, простирается далеко на запад, в пределы Центральной Европы [43]. У восточных славян эта примесь более всего видна среди русского населения.

Анализируя антропологический состав населения Восточной Европы и, в частности, славян, приходим к следующим общим выводам.

1. Восточные славяне по своему физическому облику относятся к большой европеоидной расе. Монголоидные черты присутствуют в весьма ослабленной форме и лишь в виде примеси. Проявляются они преимущественно в наиболее восточных группах славянского населения.

2. Восточные славяне неоднородны по своему антропологическому составу. Их западная группа (белорусская) относится к кругу северных европеоидов; юго-западная (украинская) — к кругу южных европеоидов; восточная (русская) занимает промежуточное положение между ними. И, наконец, еще один вывод частного порядка: западная группа восточных славян обнаруживает тесную связь с латгальским населением, юго-западная — с населением Прикарпатья, восточная — с восточнофинскими и тюркскими группами Поволжья и Волго-Донских степей.

Переходим к рассмотрению палеоантропологических данных,, относящихся к славянским племенам эпохи средневековья. Они неоднократно привлекали внимание антропологов. Еще в конце прошлого века в фундаментальных исследованиях А. П. Богданова[44] было показано, что для славянского населения различных территорий в основном характерен длинноголовый европеоидный тип. Исследования Н. П. Константинова-Шипунина [45] ввели в науку новый краниологический материал, но принципиально не изменили взгляда на место антропологического типа древних славян в расовой систематике. В. В. Бунак [46] впервые указал на роль восточно-средиземноморских, или, по его терминологии, понтийских элементов в сложении антропологического типа древнего славянства. Тщательная ревизия всех накопленных данных была проведена в 40-х годах XX в. Т. А. Трофимовой [47]. Ей удалось дифференцировать приднепровское население и восточные группы. На востоке ею была отмечена монголоидная примесь, в бассейне Днепра — наличие сравнительно широколицых типов. Материалы и заключения Т. А. Трофимовой были широко использованы Г. Ф. Дебецом в сводной работе по палеоантропологии СССР [48].

За время, прошедшее с момента исследований Т. А. Трофимовой и Г. Ф. Дебеца, данные по краниологии славянских племен эпохи средневековья увеличились в результате интенсивного изучения археологами славянских памятников. Одновременно в практику краниометрических

---

[43] Н. Н. Чебоксаров. Монголоидные элементы в населении Центральной Европы. Уч. зап. МГУ, 63, антропол. М., 1941.

[44] А. П. Богданов. Материалы для антропологии курганного периода Московской губернии. ИОЛЕАЭ, IV, 1, М., 1867; его же. Суджанское длинноголовое население по р. Пслу. ИОЛЕАЭ, XXXI, М., 1878; его же. Курганные жители Северянской земли по раскопкам в Черниговской губернии. ИОЛЕАЭ, XXXV, М., 1879.

[45] Н. П. Константинов-Шипунин. К краниологии древнего населения Костромской губернии. ИОЛЕАЭ, XVIII, 3, 1897.

[46] V. Bunak. The Craniological Types of the East Slavic Kurgans. «Anthropologie», X, Praha, 1932.

[47] Т. А. Трофимова. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии. СЭ, 1, 1946.

[48] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.— Л., 1948.

работ советских исследователей были введены некоторые новые приемы измерений уплощенности лица и выступания носа, отсутствующие в предыдущих публикациях. Это потребовало, наряду с исследованием нового материала, повторного изучения материала, опубликованного ранее. Таким образом, в моем распоряжении оказалось около полутора тысяч черепов. Для вычисления средних использованы также индивидуальные измерения черепов из утраченных во время Великой Отечественной войны некоторых коллекций музеев Украины, опубликованные Г. Ф. Дебецом [49].

Разбивка материала на этнические группы произведена в соответствии с общепринятыми в археологической литературе представлениями о границах различных племенных групп восточных славян. По кривичам использованы материалы П. Н. Третьякова [50] и Т. Н. Никольской [51], по полянам и северянам — Б. А. Рыбакова [52], по вятичам — А. В. Арциховского [53] и Г. Ф. Соловьевой [54], по радимичам — Г. Ф. Соловьевой [55] и А. В. Успенской [56], по дреговичам — Г. Ф. Соловьевой [57]. Славянские могильники, из которых происходят антропологические материалы, преимущественно располагаются по течению рек и более или менее равномерно — по всей территории расселения восточных славян (рис. 2).

В целом восточные славяне характеризуются долихомезокранией, узким или среднешироким невысоким и сильнопрофилированным лицом, довольно широким средне и сильно выступающим носом с высоким переносьем. Эти признаки характеризуют восточных славян как представителей европеоидной расы. Таким образом, тезис о европеоидной принадлежности восточных славян, полученный в результате анализа современного населения, подтверждается анализом палеоантропологического материала.

Однако, несмотря на определенную общность антропологических черт, между отдельными группами восточных славян намечаются различия, обладающие статистической достоверностью. Эти различия проявляются в основном по двум признакам — черепному указателю и скуловой ширине. Сочетание этих размеров позволяет наметить на территории восточных славян несколько антропологических типов: долихокранный узколицый, проявляющийся у вятичей; долихокранный среднелицый — у смоленских и тверских кривичей, северян, радимичей и дреговичей; долихокранный, относительно широколицый — у полоцких кривичей и древлян, мезокранный среднелицый — у черниговских и переяславских полян; суббрахикранный среднелицый — у словен новгородских и средневолжских кривичей (рис. 3). Особо следует остановиться на таком признаке, как угол выступания носа, важное таксономическое значение которого общеизвестно. Восточнославянские группы по углу выступания носа не обнаруживают заметных различий. Однако в распределении этого признака существует определенная географическая последовательность: величина его убывает по направлению с запада на восток. Это свидетельствует в пользу незначительной монголоидной примеси, идущей с востока. Палеоантропологические материалы и в этом случае подтверждают итоги изучения физического облика современного восточнославянского населения.

---

[49] Г. Ф. Дебец. Палеонтология СССР. М.— Л., 1948.

[50] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, 6, 1941.

[51] Т. Н. Никольская. Этнические группы Верхнего Поволжья. КСИИМК, XXIV, 1949.

[52] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, VI—VIII, 1947.

[53] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.

[54] Г. Ф. Соловьева. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV веков нашей эры (вятичи, радимичи, северяне). СА, 1956, XXV.

[55] Там же.

[56] А. В. Успенская. Курганы южной Белоруссии X—XIII веков. Тр. ГИМ, Археологич. сборник, М., 1953.

[57] Г. Ф. Соловьева. Ук. соч. Автор также пользовался консультациями различных специалистов-археологов, за что приносит им глубокую благодарность.

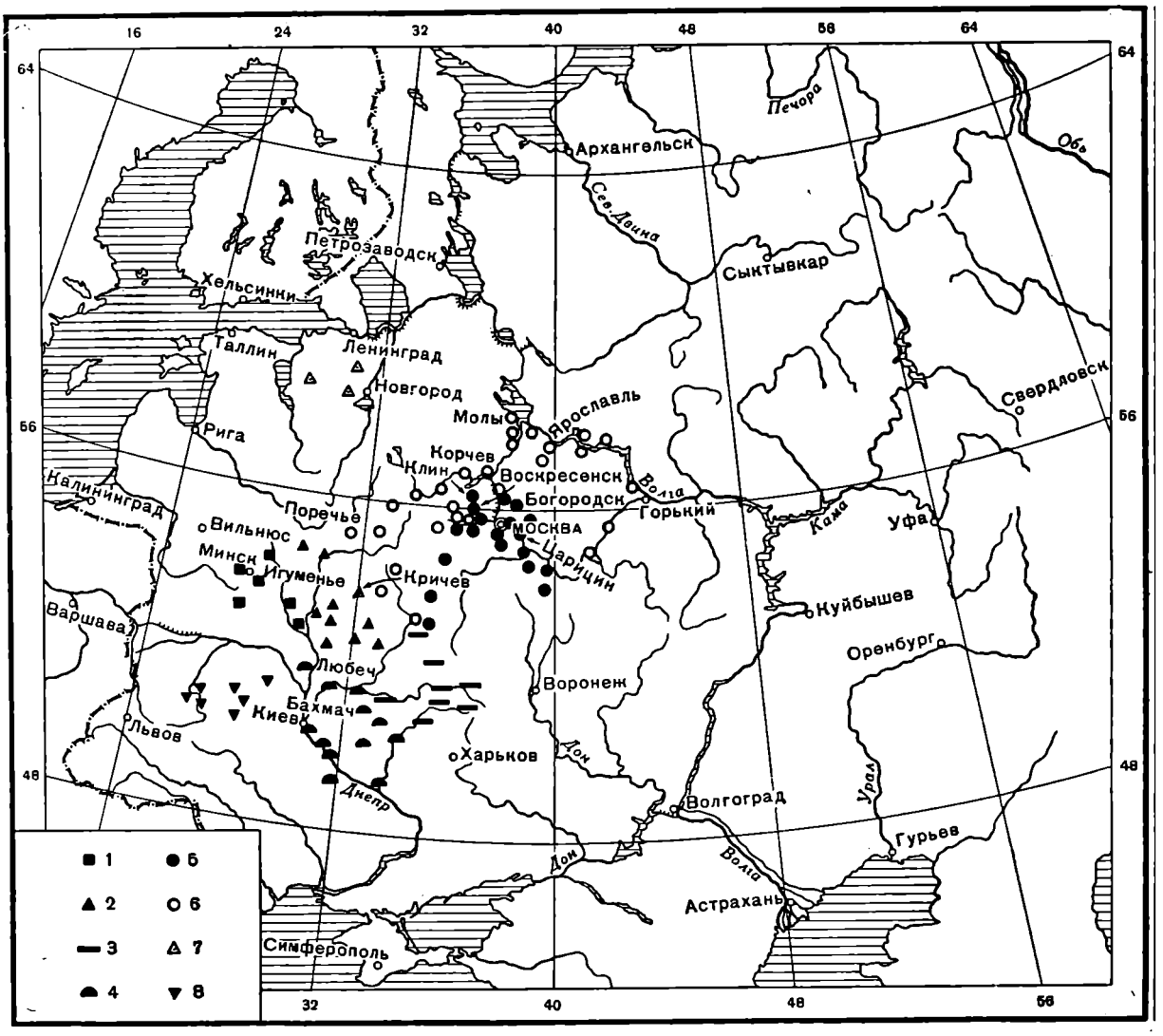


Рис. 2. Карта расселения восточнославянских племен в IX—XIII вв. Составлена на основании раскопок могильников с трупоположениями

1 — дреговичи; *2* — радимичи; *3* —северяне; *4* — поляне; *5* — вятичи; *6* — кривичи; *7* — словене; *8* — древляне

Что же представляют собою антропологические типы восточных славян и каково их место на антропологической карте Восточной Европы? По сути дела, это комплексы антропологических признаков, обнаруживающих связь не только с этносом, но и с территорией. Как уже отмечалось выше, все они могут быть отнесены к европеоидному кругу форм. Однако те признаки, по которым выделены эти типы, по своему таксономическому рангу ниже принимаемых для подразделения европеоидной расы на северную и южную ветви. При исследовании черепных серий мы сталкиваемся с трудностями разграничения южных и северных европеоидов. Поэтому непосредственно определить, проявляются ли в средневековом восточнославянском населении черты южных и северных европеоидов, мы не можем. Для этой цели следует прибегнуть к какому-то косвенному пути, и в данном случае это может быть путь сопоставления палеоантропологических и современных материалов с учетом их этнической и географической локализации.

Как уже было отмечено, в современном восточнославянском населении в более или менее чистом виде проявляются три антропологических комплекса — валдайско-верхнеднепровский, центрально-восточноевропейский и приднепровский. При сопоставлении схематических карт антропологических типов эпохи средневековья и настоящего времени обнаруживается

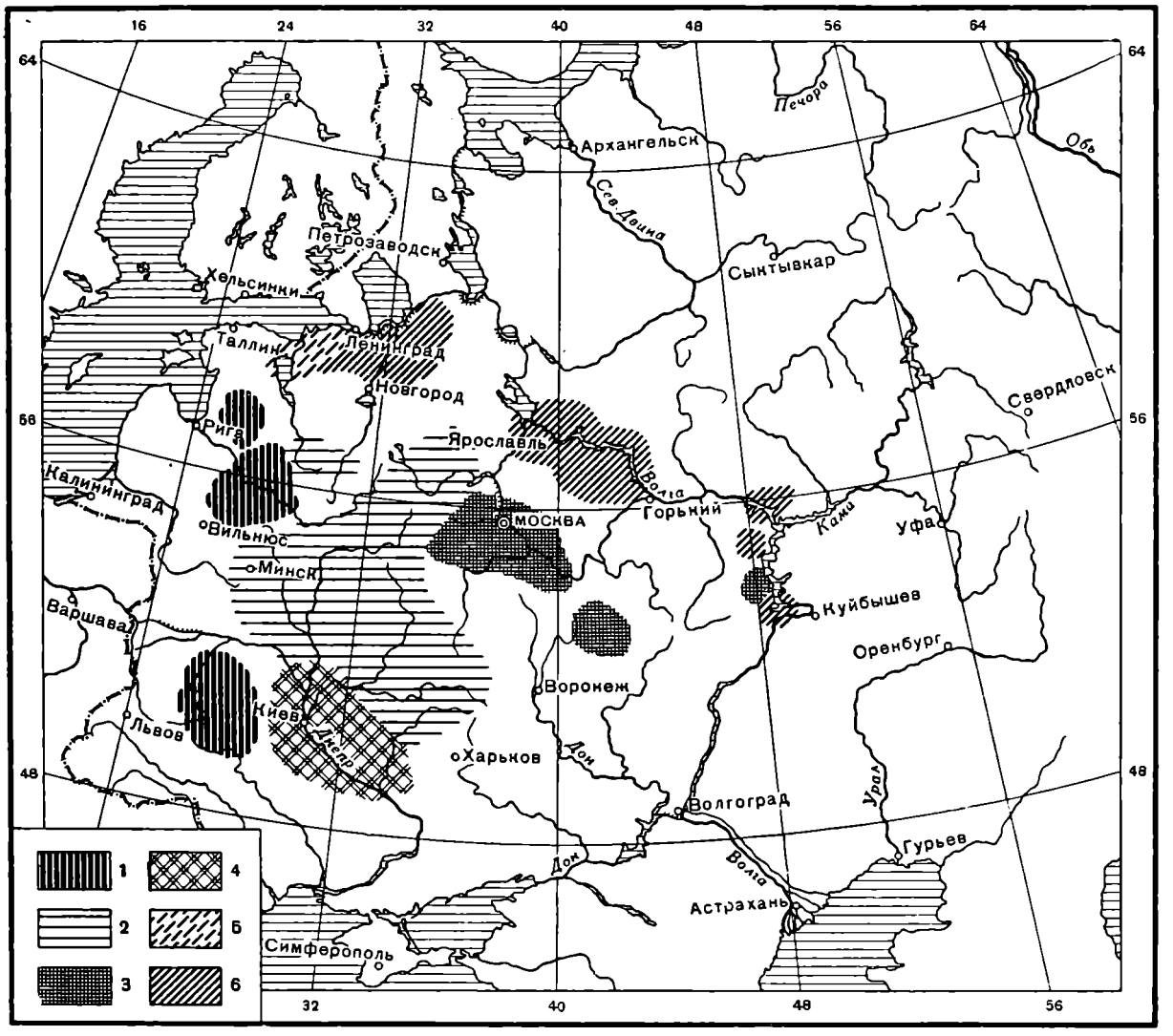


Рис. 3. Схема антропологических типов восточных славян и их ближайших аналогий

1 — долихокранный относительно широколицый; *2* — долихокранный среднелицый; *3* — долихокранный узколицый; *4* — мезокранный среднелицый; *5* — суббрахикранный среднелицый; *6* — суббрахикранный среднелицый с пониженным углом выступания носа

весьма заметное их совпадение. В зоне валдайско-верхнеднепровского комплекса преимущественно локализуется долихокранный среднелицый тип, характерный для тех славянских племен, которые легли в основу белорусов и западных русских групп. В зоне центрально-восточноевропейского комплекса проявляется долихокранный узколицый тип вятичей и суббрахикранный среднелицый восточных кривичей. На территории приднепровского комплекса в эпоху средневековья распространен мезокранный среднелицый тип, характерный для полян. Не следует, конечно, требовать полного совпадения антропологического состава населения различных эпох. Здесь всегда может иметь место элемент эпохальной изменчивости признаков и историко-географических сдвигов населения. Однако если мы воспользуемся теми признаками, на основании которых произведена дифференциация восточнославянских групп средневековья, и проследим их распределение среди современных славян Восточной Европы, то окажется, что характер этого распределения будет достаточно близок у тех и других. Это еще раз подтверждает реальность того факта, что в современном и средневековом восточнославянском населении проявляются одни и те же антропологические комплексы.

В свете данных о современном населении и известном совпадении антропологических характеристик современных и средневековых славян-

ских групп нуждается в уточнении тезис о значительном антропологическом единстве восточных славян [58]. По всей вероятности, он верен в своей первой части, когда речь идет о принадлежности восточных славян к европеоидной большой расе, и неверен тогда, когда дело касается дифференциации их на северных и южных европеоидов.

По-видимому, при анализе антропологического состава восточных славян и решении некоторых вопросов их этногенеза следует иметь в виду три направления связей — северо-западное, юго-западное и восточное. В конкретных формах в эпоху средневековья северо-западные связи проявляются в весьма заметном сходстве антропологического типа полоцких кривичей и древлян [59], с одной стороны, и латгальского населения, оставившего могильники Кристапени — Мердзене, Кална-Паукши и Яун-Пиебалга [60] — с другой (рис. 3). Эти связи проявляют себя и в антропологическом единстве дреговичей, радимичей, северян, смоленских и тверских кривичей и латгальских групп, известных по могильникам Нукши [61] и Люцинскому [62] (рис. 3). Восточные связи демонстрируются антропологическим сходством вятичей и мордовского населения, оставившего Цнинские [63] и Муранский [64] могильники; сходством средневолжских кривичей с чудью [65] и населением, известным по некоторым булгарским могильникам [66]. При выяснении конкретных южных связей восточных славян в эпоху средневековья мы сталкиваемся со значительными трудностями. Дело в том, что поляне по комплексу антропологических особенностей в общем не похожи ни на одну из групп своих ближайших южных соседей [67] (рис. 3). Правда, нельзя забывать, что палеоантропологические материалы по степной зоне очень немногочисленны. Ближайшие аналогии мезокранному, среднелицему типу восточнославянского населения мы находим за пределами Восточной Европы — в Силезии и Богемии [68].

Заканчивая обзор палеоантропологических материалов по восточнославянским группам, приходим к заключению, что эти материалы целиком подтверждают выводы, полученные в результате антропологического анализа современного населения. К числу этих выводов следует добавить соображение, что восточнославянское население формировалось на различных антропологических основах и что при решении некоторых вопросов этногенеза необходимо учитывать северо-западное, юго-западное и восточное направления антропологических связей.

---

[58] Т. И. Алексеева. Краниология средневекового населения верховьев Волги и Днепра. «Вопросы антропологии», 1, 1960.

[59] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР.

[60] J. Licis. Kraniologische Untersuchungen an Schädeln altlettischer Stämme. Rīgā, 1939.

[61] И. Дайга. Антропологический материал, Нукшинский могильник. МИА ЛатвССР, 1, Рига, 1957.

[62] Г. Ф. Дебец. Чарапы Моцынскага магільніку і старажытныіх славян Беларусі і месца апошніх у палеоантрополёгіі усходняй Эуропы. Працы БАН, Менск, 1932.

[63] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР.

[64] Т. И. Алексеева. Черепа из Муранского могильника. «Советская антропология», 1959, 1.

[65] В. В. Седов. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода. КСИИМК, XV, 1952.

[66] Т. А. Трофимова. Антропологический состав населения г. Болгары в X—XV веках. Тр. ИЭ, нов. сер., XXXIII, «Антропол. сборник», 1, М., 1956.

[67] Г. Ф. Дебец. Черепа з верхнесалтівського могильнику. «Антропологія», 4, 1931; В. П. Алексеев. Антропология Салтовского могильника. КСИЭ, XXXI, 1959; К. Н. Наджимов. О черепах Зливкинского могильника. КСИЭ, 24, 1955; Т. С. Кондукторова. Палеоантропологические материалы из средневекового каменного могильника. «Советская антропология», 1957, 1.

[68] J. Schwidetzky. Rassenkunde der Altslaven. Stuttgart, 1938.

СПИСОК МОГИЛЬНИКОВ, ОТКУДА ПРОИСХОДЯТ ИЗУЧЕННЫЕ ЧЕРЕПА [69]

Владимирская губерния

Муромский уезд: дер. Зиминки, Н. Г. Керцелли, 1878; Ф. Д. Нефедов, 1886.

Калужская губерния

Жиздринский уезд: села Петровка и Зыкеево, В. К. Лабунский (год раскопок не известен)

Киевская губерния

Каневский уезд: раскопки Д. Я. Самоквасова, 1878 (точное местоположение курганов не известно).

Киевский уезд: 1) г. Киев, Кирилловская ул. и Десятинная церковь, В. Б. Антонович, 1870; 2) г. Киев (древнее кладбище), Верхняя Юрковица, Лукьяновская ул. и Безымянный переулок, Т. В. Кибальчич, 1878; 3) г. Киев, берег р. Лебедь, Д. Я. Самоквасов, 1878; 4) г. Киев, Трехсвятительская ул., П. А. Трубецкой, 1878; 5) Китаевская пустынь, В. Б. Антонович, 1874.

Черкасский уезд: 1) Княжья гора, Н. Д. Беляшевский, 1881; 2) дер. Сагуновка, Э. А. Сымонович, 1957.

Костромская губерния

Кинешемский уезд: деревни Зиновьина, Ильинки, Конищева, Нукульцева, Ф. Д. Нефедов, 1895—1896.

Костромской уезд: 1) пустынь Гравица, Золотуха, Могильцы, Попово, Реутово, Сеча, Ф. Д. Нефедов, 1895—1896; 2) курганы на левом берегу р. Покши и на правом берегу р. Волги, Костромская архивная комиссия, 1894.

Нерехтский уезд: с. Городок, дер. Новоселки, окрестности г. Плеса, дер. Студенец, усадьба В. И. Королева, Ф. Д. Нефедов, 1895—1896.

Курская губерния

Дмитровский уезд: Моисеевское городище, А. Е. Алихова, 1955.

Курский уезд: с. Александровка, Д. Я. Самоквасов, 1875.

Льговский уезд: с. Коробкино, В. И. Сизов, 1885—1891; курганы на границе Дмитровского и Льговского уездов (год и автор раскопок не известны).

Обоянский уезд: с. Гочево, П. С. Рыков, 1913.

Суджанский уезд: Белогорско-Николаевский монастырь, Д. Я. Самоквасов, 1872.

Сумский уезд: 1) хутор Сетной, Д. Я. Самоквасов, 1875; 2) урочище Голубица, П. И. Засурцев, 1948.

Могилевская губерния

Гомельский уезд: 1) с. Вылёво (автор и год раскопок не известны); 2) имение Радуга, Е. Р. Романов, 1888.

Кричевский уезд: дер. Исподы, В. И. Сизов, 1890.

Оршанский уезд: дер. Грозовица, Н. Е. Бранденбург, 1889.

Сенненский уезд: М. Лукомля, дер. Хоминичи, 1886.

Лоевский уезд: 1) дер. Чаплин, Ю. В. Кухаренко, 1953; 2) дер. Глыбовская (автор и год раскопок не известны).

Московская губерния

Богородский уезд: 1) деревни Обухова, Осеево, с. Петрово-Павловское, А. П. Богданов, 1865; 2) с. Милет, И. К. Линдеман, 1907.

Бронницкий уезд: 1) дер. Головино и Хамыяново, А. П. Федченко и В. Ф. Ошанин, 1866; 2) с. Тихвинское-Авдотьино, С. Д. Нечаев, 1854.

Верейский уезд: с. Крымское, А. П. Богданов, 1865.

Воскресенский уезд: ст. Поворовка, А. В. Арциховский и М. В. Воеводский, 1940.

Дмитровский уезд: 1) Долгоруковская дача, Ю. Г. Гендуне, 1907; 2) дер. Лепешки, И. К. Линдеман, 1907; 3) дер. Шустино, Н. А. Елизарова, 1933.

Звенигородский уезд: 1) дер. Верхогрязье, А. Д. Чертков, 1838, 1845; 2) дер. Павловская, А. П. Федченко и В. Ф. Ошанин, 1805; 3) с. Ябедино, А. П. Богданов и Н. И. Кулаковский, 1805; 4) дер. Волково, А. В. Арциховский, 1940; 5) дер. Юдино, Н. Дубровин (год раскопок не известен).

---

[69] В списке кроме географических сведений даются фамилии исследователей и годы раскопок.

Кимрский уезд: дер. Пекуново, Н. П. Милонов, 1933.

Клинский уезд: дер. Попелкова, Н. А. Смирнов, 1902.

Коломенский уезд: 1) дер. Речка, А. М. Анастасьев, 1864; 2) с. Богдановка, с. Мячково-Луково, с. Никульское, дер. Пяти-Крестов, с. Тишково, А. М. Анастасьев, 1875—1876.

Можайский уезд: дер. Власова, А. П. Богданов, 1865.

Московский уезд: 1) дер. Митино, А. И. Кельсиев, 1878; 2) с. Косино, Н. И. Лыжин, 1886; 3) дер. Руднево, Н. Ю. Зограф, 1888; 4) с. Троицко-Кайнарджи, В. И. Сизов, 1889; 5) с. Коломенское, Л. К. Ивановский, 1889—1890; 6) с. Спас-Тушино, И. К. Линдеман, 1907; 7) с. Болшево, В. А. Городцов, 1919—1923; 8) с. Фили, В. А. Городцов, 1882; Б. А. Куфтин, 1920; 9) с. Листвяны, Б. А. Куфтин, 1920; 10) дер. Асеево, К. Я. Виноградов, 1923; 11) с. Никольское, А. П. Смирнов, 1927; 12) Москва (Александровский сад), Г. Е. Щуровской (год не известен); 13) с. Ильинское, С. А. Романов (год не известен); 14) с. Братцево, Н. С. Щербатов (год не известен); 15) дер. Черемушки, О. Н. Бадер и Б. С. Жуков, 1926; А. В. Арциховский, 1936—1938.

Ногинский район: ст. Фрязево, рабочий Калинин, 1934.

Орехово-Зуевский район: с. Подгорное (автор и год раскопок не известны).

Подольский уезд: с. Дубровицы, деревни Добрятино, Заболотье, А. П. Богданов, 1865; 2) села Потапово, Троицкое, А. А. Гатцук, 1865; 3) с. Покров, Н. Г. Керцелли, 1876; 4) дер. Барабино, В. А. Городцов, 1914; 5) с. Мещерское, М. Е. Арсакова, 1924; 6) с. Пузиково, А. Я. Брюсов, 1924; 7) Серафимо-Знаменский скит, 1924.

Рузский уезд: 1) деревни Новинки, Палашкина, И. И. Ильин, 1865; 2) с. Поречье, И. И. Ильин, 1867; 3) деревни Захряпина, Рыбушкина, Тимохина, Н. Г. Керцелли, 1876; 4) с. Волынщина, Н. Д. Долгоруков, 1875; Н. Г. Керцелли, 1876; 5) дер. Песошни, Н. Ю. Зограф, 1888; 6) с. Тихоново, А. В. Арциховский, 1926; 7) села Красный Стан и Савино, Воронцово, дер. Шишиморово, А. В. Арциховский, 1928.

Царицынский уезд: 1) дер. Сабурово, О. Н. Бадер и С. В. Романовский, 1937; 2) дер. Беседы, Дубки, А. В. Арциховский, 1944; 3) с. Царицыно, Т. В. Равдина, 1960.

Минская губерния

Бобруйский уезд: 1) с. Селище, В. З. Завитневич, 1892; 2) деревни Языль, Урегва, Н. А. Янчук (год раскопок не известен).

Борисовский уезд: 1) имение «Логойск», К. П. Тышкевич, 1866; 2) деревни Аздячищы, Мурава, А. Н. Лявданский, 1930.

Игуменский уезд: с. Гребень, К. П. Тышкевич, 1866.

Минский уезд: 1) с. Видогоще, К. П. Тышкевич, 1866; 2) м. Заславль, В. Свенцицкий (год раскопок не известен); 3) с. Соломоречье, Р. Г. Игнатьев, 1878.

Новозыбковский уезд: Курганы по рекам Снови и Ипути, П. М. Еременко, 1893—1894.

Слуцкий уезд: деревни В. Поозерье, Милковичи, села Мятивичи, Огородники, С. А. Дубинский, 1929.

Рогачёвский уезд: с. Курганье, дер. Песчанка, И. А. Сербов, 1926; дер. Федоровка (автор и год раскопок не известны).

Нижегородская губерния

Балахнинский уезд: деревни Боково, Торохово, с. Городище, П. Д. Дружинин, 1877.

Орловская губерния

Брянский уезд: 1) села Загорье, Пеклино, М. Е. Еременко, 1896; 2) дер. Ивановичи. М. Е. Еременко, 1926; 3) деревни Доброселье, Трашкевичи, Шуя, Н. И. Булычев, 1899.

Полтавская губерния

Гадячский уезд: дер. Броварки, В. В. Хвойко, 1903.

Кременчугский уезд: Ломаный хутор, В. М. Щербаковский, 1913.

Лубанский уезд: г. Лубны (Замковая гора), Н. Шмыткина, 1912.

Переяславский уезд: 1) г. Переяслав, Д. Я. Самоквасов и В. М. Щербаковский, 1877; 2) дер. Липлява, В. М. Щербаковский, 1913.

Роменский уезд: 1) с. Липовое, Д. Я. Самоквасов, 1876; Т. В. Кибальчич, 1878; И. Ф. Огнев и С. А. Мазараки, 1887; 2) с. Медвежье, Д. Я. Самоквасов, 1876.

Рязанская губерния

Касимовский уезд: урочище Великое, дер. Поповская, Ф. Д. Нефедов, 1877.

Пронский уезд: с. Селище, А. Черепнин, 1897.

Рязанский уезд: с. Алеканово, В. А. Городцов, 1897.

Спасский уезд: Старая Рязань, А. В. Селиванов, 1888; В. А. Городцов, 1926; А. Л. Монгайт, 1948.

Смоленская губерния

Бельский уезд: с. Сельцо, К. А. Горбачев, 1886.

Волоколамский уезд: деревни Жела, Жилые Горы, Ядрово, С. А. Гатцук, 1904.

Гжатский уезд: деревни Никольское, Полепиново, С. А. Гатцук, 1904.

Дорогобужский уезд: 1) хутор Трухново, В. М. Чебышева, 1879; 2) дер. Старая Рудня, В. И. Сизов, 1885—1891; 3) дер. Староселье, Н. Е. Бранденбург, 1889; 4) с. Волочек, А. А. Спицын, 1892; 5) деревни Березовка, Малый Починок.

Духовищинский уезд: раскопки К. А. Керцелли (точное местоположение и год раскопок не известны).

Ельнинский уезд: дер. Коханы, В. И. Сизов, 1890—1891.

Поречьский уезд: 1) деревни Варнавино, Зубово, Селище, В. И. Сизов, 1890—1891; 2) дер. Клименки, И. С. Абрамов, 1905.

Рославльский уезд: 1) деревни Блинные кучи, Ведерники, Литвиновка, В. И. Сизов, 1885—1891; 2) деревни Азобичи, Доброносичи, В. И. Сизов, 1890—1891.

Юхновский уезд: с. Желанье, дер. Заречья, с. Знаменское, дер. Мокрая, дер. Шипуны, г. Юхнов, Н. Г. Керцелли, 1875.

Тверская губерния

Корчевский уезд: 1) дер. Воробьева, В. А. Чагин, 1879; 2) с. Никольское, А. Н. Лодыжинский (год раскопок не известен).

Ржевский уезд: с. Петровское, окрестности г. Ржева, Д. Ф. Щеглов, 1878.

Старицкий уезд: 1) деревни Клеопина, Кокорева, Л. Н. Бастамов, 1879; 2) «Межевой курган», Л. Н. Бастамов, 1882.

Тверской уезд: 1) дер. Тухино, В. Я. Щербаков, 1878; 2) деревни Игрищи, Новосельце, В. Я. Щербаков, 1881.

Черниговская губерния

Конотопский уезд: 1) ст. Бахмач, Ландварово-Роменской ж. д., Д. Я. Самоквасов, 1876—1878; 2) г. Конотоп (усадьба С. И. Пономарева), С. Кошар, Т. В. Кибальчич, 1878.

Любечский уезд: г. Любеч, «Замковая гора», Б. А. Рыбаков, Т. И. Макарова, 1958.

Соснинский уезд: М. Стольное, Д. Я. Самоквасов, 1878.

Стародубский уезд: с. Мериновка, Д. Я. Самоквасов, 1874.

Суражский уезд: курганы по р. Ипути, П. М. Еременко, 1891, 1894.

Черниговский уезд: 1) дер. Гущино, роща Троицкого монастыря на Болдиных горах, Д. Я. Самоквасов, 1872; 2) г. Чернигов, древние кладбища, Д. Я. Самоквасов, 1877; 3) г. Чернигов, близ церкви Бориса и Глеба, Свято-Троицкий монастырь, Т. В. Кибальчич, 1878; 4) дер. Шестовицы, П. Смоличев, 1925.

Ярославская губерния

Моложский уезд: с. Семеново, Л. П. Сабанеев, 1878.

Мышкинский уезд: дер. Жукова, Д. А. Ушаков, 1878.

Ростовский уезд: дер. Дертники, Н. Г. Керцелли, 1878.

Рыбинский уезд: с. Елохово, дер. Юрьевец, Н. Г. Керцелли, 1871.

Угличский уезд: 1) деревни Воронова, Стромынь, А. И. Кельсиев, 1878; 2) дер. Кирьянова, А. И. Кельсиев, Д. А. Ушаков, 1878; 3) раскопки Д. А. Ушакова, 1878 (точное местоположение курганов не известно).

Ярославский уезд: 1) дер. Большое Тимерёво, А. И. Кельсиев, 1878; 2) окрестности г. Ярославля, Фогель (год раскопок не известен).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, НА ОСНОВАНИИ КОТОРОЙ СОСТАВЛЕНА КАРТА, И ЛЕГЕНДА К НЕЙ

А. М. Анастасьев. О раскопках курганов Коломенского уезда, ИОЛЕАЭ, XX, М., 1876.

А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.

А. В. Арциховский. Царицынские курганы. МИА, 7, 1947.

О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей. МИА, 7, 1947.

Л. Н. Бастамов. О раскопках курганов в Старицком уезде, ИОЛЕАЭ, т. XIX, М., 1886.

И. Д. Беляев. О раскопках курганов, произведенных в 1838 и 1854 гг. ИОЛЕАЭ, XX, М., 1876.

В. Н. Бензенгр. Доклад о раскопках в Касимове Ф. Д. Нефёдова (местная «Великая»). ИОЛЕАЭ, XXVII, 1878, стр. 320.

А. П. Богданов. Материалы для антропологии курганного периода Московской губернии. ИОЛЕАЭ, IV, 1, М., 1867.
А. П. Богданов. Суджанское длинноголовое население по р. Пслу. ИОЛЕАЭ, XXXI, М., 1878.
А. П. Богданов. Курганные жители Северянской земли по раскопкам в Черниговской губернии. ИОЛЕАЭ, XXXV, М., 1879.
С. К. Богоявленский. Материалы к археологической карте Московского края МИА, 7, 1947.
Н. Е. Бранденбург. Пояснительная записка к курганным черепам, препровожденным в январе 1890 г. в Антропологический отдел. ИОЛЕАЭ, XVIII, М., 1890.
И. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.
К. Я. Виноградов. О курганных раскопках Звенигородского уезда. (Из дневника археологических раскопок курганов на берегу реки Разводни (правый берег р. Сторожки) между селом Карауловым и дер. Днедьково на земле бывш. имения гр. Граббе, произвед. в 1925 г.). БЗОИМК, 3—4, 1926.
С. А. Гатцук. Отчет о раскопках, произведенных в 1902 г. в Тверской губ. ИАК, 6, СПб., 1904.
С. А. Гатцук. Отчет о раскопках в Смоленской, Московской и Тульской губерниях в 1904 г. ЗОРСА, VII, 1, СПб., 1905.
К. А. Горбачев. Поездка в Смоленскую губернию. ИОЛЕАЭ, XIX, М., 1886.
В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г. АИЗ, год VI, 7—8, М., 1898.
П. Д. Дружкин. Доклад о раскопках в Балахнинском у. Нижегородской губернии. ИОЛЕАЭ, XXVII, М., 1878.
С. А. Дубінскі. Досьледы культур жалезнага пэрыоду на БССР у 1929 г. ПАКБАН, II, Менск, 1930.
П. М. Еременко, А. А. Спицын. Радимичские курганы, VIII, 1, СПб., 1896.
А. К. Жизневский. Сообщение о раскопках близ г. Ржева. ИОЛЕАЭ, XXXI, 1878—1879.
А. К. Жизневский. Сообщения о раскопках в Тверской губернии. ИОЛЕАЭ, XXXV.
А. К. Жизневский. Сообщение протоколов раскопок в Бежецком у. (раскопки близ погоста Михайловского, произведенные А. Е. Гроздовым; раскопки В. Я. Щербакова при деревне Тухино; раскопки вблизи Торопецкого тракта). ИОЛЕАЭ, XXXV.
А. К. Жизневский. Курганы Тверской губернии. ИОЛЕАЭ, XIX, 1886.
Р. Г. Игнатьев. О памятниках древности в Минской губернии. ИОЛЕАЭ, XXXV. 1879.
В. И. Каменский, С. А. А. Раскопки Н. А. Смирнова в Клинском у. ЗОРСА, V, 1, СПб., 1903.
А. И. Кельсиев. Отчет о раскопках, произведенных в Ярославской и Костромской губерниях. ИОЛЕАЭ, XXXI.
А. И. Кельсиев. Отчет по раскопкам в Ярославской и Тверской губерниях, произведенных по поручению Комитета антр. выст. летом 1878. ИОЛЕАЭ, XXXV, 1879.
Н. Г. Керцелли. Отчет о раскопках курганов в Смоленской губернии. ИОЛЕАЭ, XX, 1876.
Н. Г. Керцелли. Отчет о раскопке курганов Рузского и Подольского у. Московской губ. ИОЛЕАЭ, приложение к т. XXXI, 1878.
Н. Г. Керцелли. Отчет о поездке для раскопки курганов во Владимирской, Костромской и Ярославской губ. ИОЛЕАЭ, XXXI.
Т. В. Кибальчич. Сообщение о черепах из древних погребений в Черниговской и Киевской губ. ИОЛЕАЭ, XXXI.
Т. В. Кибальчич. Сообщение о древних черепах из г. Чернигова. ИОЛЕАЭ, XXXI.
А. Я. Кожевников. Раскопки нескольких курганов в Бронницком у. Московской губ. АИЗ, 3—4, М., 1894.
И. К. Линдеман. Раскопки курганов летом 1907 г. Древности, XXII, 1, М., 1909.
А. Я. Ляўданскі. Раскопкі і археолёгічныя разьведкі ў Барисаўскім павеце. Зборн. інстытуту Беларусскай культуры. Менск, 1926.
А. Я. Ляўданскі. Археолёгічныя раскопкі ў м. Заслаўі, Менскай акругі. Працы каіэдры Археолёгіі Інстытуту Беларускай культуры, 1, Менск, 1928.
А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах р. р. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губ. Працы БАН, II, Менск, 1930.
А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледу у Барысаве. Працы БАН.
А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Смоленшчыне (Археолёгічныя досьледы С. М. Сакалоўскага ў былым Рослаўскім павеце. Дробныя весткі аб курганных знахадках і гарадзішчах был. Смаленскай губ.). Працы, III, Менск, 1932.
А. Н. Ляуданскі. Раскопкі курганоў у 1928, ў в. Бердыж, Гомельскае акругі (неопубликованные материалы).

С. Мазура. Археологические исследования на Сумщине. ХАМ, 1, Киев, 1930.
В. Ф. Миллер. Курганный могильник близ села Троицкого-Кайнарджи Московского у. ИОЛЕАЭ, XVIII, 1890.
А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, 49, 1955.
Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 гг. МАВГ, III, М., 1899.
Ф. Д. Нефедов. Отчет о раскопках в Касимовском уезде. ИОЛЕАЭ, приложение к т. XXXI.
Ф. Д. Нефедов. Отчет по раскопкам в Касимове. ИОЛЕАЭ, XXVII, 1878.
Отчет о состоянии и деятельности Московского археологического общества с 17 февраля 1890 г. по 17 февраля 1891 г., читанный в годичном заседании 26 февраля 1891 г. секретарем Общества В. Н. Трутовским. «Древности», XV, II, М., 1894, Приложения.
Протоколы заседаний Московского археологического общества. «Древности», XV, 2. 1894.
Протоколы заседаний Московского археологического общества. «Древности», XX, 2, М., 1904.
Протоколы заседаний Отделения русской и славянской археологии русского Археологического общества за годы 1901—1903. ЗОРСА, V, 2, СПб., 1904.
Е. Р. Романов. Курганы Могилевской губернии. ИОЛЕАЭ, XIX, М., 1886.
Е. Р. Романов. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 г. «Древности», XIII, 1, 1889.
П. С. Рыков. Юго-восточная граница Радимичей. (Раскопки курганного могильника близ с. Гочева Обоянского уезда Курской губ.). УЗСУ, 1, 3, Саратов, 1923.
Д. Я. Самоквасов. Сведения о раскопках курганов Черниговской губернии. ИОЛЕАЭ, XXXI, Антропологическая Выставка, 2, 1878—1879, стр. 243.
Д. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908.
Д. Я. Самоквасов. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского у. Курской губ., произведенных в 1909 г. М., 1915.
Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской черниговщины. М., 1917.
У. Сербаў. Раскопкі ў Магілеўскай акрузе (в. Папоука, пас. Горкі, Курганье, в. Абідавічы) у 1925—27 гг. (неопубликованные материалы).
С. М. Середонин. Историческая география. Птрг., 1916.
В. И. Сизов. Длинные курганы Смоленской губ. Тр. XI АС в Киеве в 1899 г., II, М., 1902. Протоколы.
Л. Смоличев. Розкопи сіверьянских могил в с. Шестовиці, на Чернігівщині, улітку, 1925 року. Украина, кн. 1, Київ, 1926.
М. Сперанский. Раскопки курганов в Рыльском уезде (Курской губ.). АИЗ, 1, 1894.
А. А. Спицын. Заметка о курганах Курской губернии. АИЗ, 1.
А. А. Спицын. Радимичские курганы («Раскопки курганов Новозыбковского уезда» П. Еременко. «Курганы, раскопанные П. М. Еременко в Суражском уезде»). ЗРАО, VIII, 1 и 2, СПб., 1896.
А. А. Спицын. Материалы по доисторической археологии России. ЗРАО, X, 1—2, СПб., 1898.
А. Спицын. Отчеты о раскопках С. А. Гатцука 1904 г. в Смоленской, Московской и Тульской губ. ЗОРСА, VII, 1, 1905.
А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, 15, СПб., 1905.
А. Спицын. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. ЗОРСА, VIII, 1, 1906.
К. П. Тышкевич. О раскопках курганов Минской губернии. ИОЛЕАЭ, XX, 1876.
П. Н. Третьяков. Костромские курганы. ИГАИМК, X, 6—7, 1931.
Д. А. Ушаков. Сообщение о раскопках курганов в Угличском у. Ярославской губ. ИОЛЕАЭ, XXXI.
В. А. Чагин. Протокол раскопок курганов в Тверской губернии. ИОЛЕАЭ, XXXV.
В. М. Чебышева. Отчет о раскопках курганов в Смоленской губ. ИОЛЕАЭ, XIX (протоколы заседаний), 1886.
В. М. Чебышева. Раскопки курганов Смоленской губернии Дорогобужского уезда летом 1879. ИОЛЕАЭ, XIX.
А. Черепнин. Раскопки Пронских курганов. АИЗ, год VI, 1, М., 1898.
Д. Ф. Щеглов. Сообщения о раскопках курганов в Ржевском у. ИОЛЕАЭ, XXXI.
Н. Шмыткина. Раскопки близ гор. Лубен Полтавской губ. летом 1912 года. «Древности», 24, 1914.

Н. В. ПЯТЫШЕВА

«ЗЕМЛЯНОЙ ПУТЬ» РАССКАЗА О ПОХОДЕ ВЛАДИМИРА НА КОРСУНЬ

По одной из версий сказания о взятии Корсуня Владимиром, а именно версии так называемого «Жития особого состава» [1], успешному завершению осады содействовало донесение о «земляном пути». Перекопав этот путь и прекратив тем самым доставку в город продовольствия, русские заставили город сдаться.

По другим версиям (летопись и Пространное проложное житие св. Владимира [2]) — решающую роль в сдаче сыграло донесение о водопроводе. «Перекопание» в том или другом случае решило исход военной операции в пользу осаждающих. Большинство исследователей склонно считать, что в основе повествований как «Повести временных лет», так и «Жития особого состава» лежит один источник [3].

Привожу выдержки из обоих документов:

Летопись

«В лето 6496/988/иде Володимер с вои на Корсунь, град греческий, и затворишася Корсуняне в граде и ста Володимер об он пол града в лимени, дали града стрелище едино, и боряхуся крепко из града, Володимер же обстоя град. Изнемогаху в граде людье, и рече Володимер к гражанам: «аще ся не вдасте, имам стояти и за три лета». Они же не послушаша того.

Володимер же изряди вои своя и повеле приступу сыпати ко граду. Сим же спущим корсуняне подкопавше стену градскую, крадуще сыплемую персть и ношаху к собе в град, сыплюще посреди града. Воини же посыпаху боле, а Володимер стояше. И се муж Корсуня-

Житие особого состава

«Князь же Владимир вборзе собра воя своя — варягы, и словене и кривичи и болгары черные и иде на Корсунь, град греческий, и затворишася Корсуняне в граде. И ста Владимир об он пол града в лимени, вдале града стрелище едино. И боряхуся крепко гражане.

И рече Владимир к гражанам: «аще ся не вдасте имам стояти сде за 3 лета». Они же не послушаша того.

И стояще Владимир 6 месяц и не истомишася гладом корсуняне. Бе же в Корсуни муж варяжанин именем Ждеберн. Сий же стрели в полк к варягам и рече: донесете строку сию князю Владимиру. Напьса же сице на стреле: «княже Владимире, приятель твой Жде-

---

[1] М. Г. Халанский. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем. ЖМНП, ч. 342, август, 1902; А. А. Шахматов. Корсунская легенда о крещении Владимира. «Сб. в честь В. И. Ламанского». СПб., 1906. По мнению А. А. Шахматова, эта версия представляется более первоначальной, чем версия летописи.

[2] «Слова о том, как крестися Володимер возма Корсунь». Сб. ОРЯС АН, 82, СПб., 1907; А. И. Соболевский. Пространное проложное житие св. Владимира в изд. Исторического О-ва Нестора Летописца. ЧИАНЛ, кн. 11, 1888, отд. 11, стр. 30.

[3] Сопоставления и разбор сведений летописи и Жития см.: С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. Приложение IV, стр. 125 сл.; Памятники христианского Херсонеса, III, М., 1908.

нин стрели именем Настас, написав сице на стреле: «кладязи, яже суть за тобою от восток, ис того вода идет по трубе, копав переими». Володимер же се слышав, возрев на небо, рече «аще се ся сбудет и сам ся крещу». А ту абье повеле копати преки трубам и переяша воду. Людье изнемогаша жажею и предашася...»

берн велику сягу имеет к тебе, но о сем ти извещаю: аще стоиши ты силою под градом год или два, или три, не имаши гладом истощити Корсуня: корабленици бо приходят путем земляным с питием и с кормом в град. Есть же путь той у твоего воинства от востока». Князь же Владимир, уведав путь Варяжанином, абие повеле и перекопати. Люди изнемогоша гладом и водною жажею и по трех месяцих предашася».

В настоящее время установлено, что дружина Владимира шла из Киева морским путем и, принимая во внимание расположение Херсонесского мыса по странам света, русская флотилия появилась в виду города с востока [4] и стала «об он пол-града в лимени». Но локализацию места русского стана можно считать бесспорной только в случае нахождения каких-либо следов этого стана. С наибольшей логической убедительностью эта локализация приведена в работе Б. Д. Грекова, предположившего место стоянки флота в Стрелецкой бухте и разбивку лагеря между Стрелецкой и Круглой бухтами к западу от города [5], «в дале града стрелище едино», т. е. на расстоянии дальности полета стрелы (около 200 *м*) (рис. 1). С наименьшей вероятностью определено место русского лагеря в работе А. Л. Бертье-Делагарда, поместившего стан Владимира в верховьях Карантинной бухты, т. е. на восток от города [6].

Локализация русского лагеря к западу от Херсонеса полностью согласуется как с наиболее выгодными для осаждающих условиями местности, так и с двумя фактами, сообщаемыми летописью и Житием. Водопровод, о котором говорится в «Повести временных лет», открыт на большом протяжении с наружной стороны крепостных стен [7] и внутри них [8]. Это открытие подтвердило достоверность сообщенного летописного факта (рис. 2).

В «Житии особого состава» указывалось, что к востоку от русского лагеря идет путь, которым корабельщики приносят в город продовольствие и который предлагалось «перекопать».

По поводу «перекопания» земляного пути у исследователей возникло много споров и недоумений. В работах Костомарова и А. А. Шахматова, посвященных вопросу взятия Корсуня русскими [9], самый факт донесения при помощи стрелы был отвергнут как недостоверный, относящийся к сказочным мотивам [10]. Однако А. Л. Бертье-Делагард, отлично знакомый с местной топографией, не мог пройти мимо такого конкретного факта и пытался найти ему объяснение. Но, локализовав лагерь у Карантинной бухты, он произвольно истолковал «земляной путь» как морской путь через бухту и «окопание» русского сторожевого отряда, заградившего этот

---

[4] А. Л. Бертье-Делагард. Как Владимир осаждал Корсунь. ИОРЯС, XIV, кн. 1, 1909, стр. 250. Там же приведена литература вопроса.

[5] Б. Д. Греков. Повесть временных лет о походе Владимира на Корсунь. ИТОИАЭ, III, Симферополь, 1929, стр. 119 сл.

[6] А. Л. Бертье-Делагард. Ук. соч., стр. 249.

[7] А. Л. Бертье-Делагард. Раскопки Херсонеса. МАР, 12, СПб., 1893, стр. 21. Бертье сообщает, что еще Потемкин посылал полковника Бальдани отыскивать этот летописный водопровод и Бальдани нашел его. Затем водопровод обнаружен был в 1881 г. у Кораньских высот Гераклейского полуострова, откуда он подавал воду в город, и в 1894 г. у юго-западных стен у главных городских ворот, см. М. И. Гарабурда. Оборонительная стена Херсонеса. ИТУАК, 43, Симферополь, 1909, стр. 95 сл.

[8] ОАК за 1898 г., СПб., 1900, стр. 11, сл. Раскопки Гос. Исторического музея в Херсонесе в 1958 и 1962 гг. Отчеты о раскопках в архиве ГИМ.

[9] А. А. Шахматов. Ук. соч., стр. 46.

[10] Опровержение этого взгляда см. Б. Д. Греков. Ук. соч., стр. 107 сл.

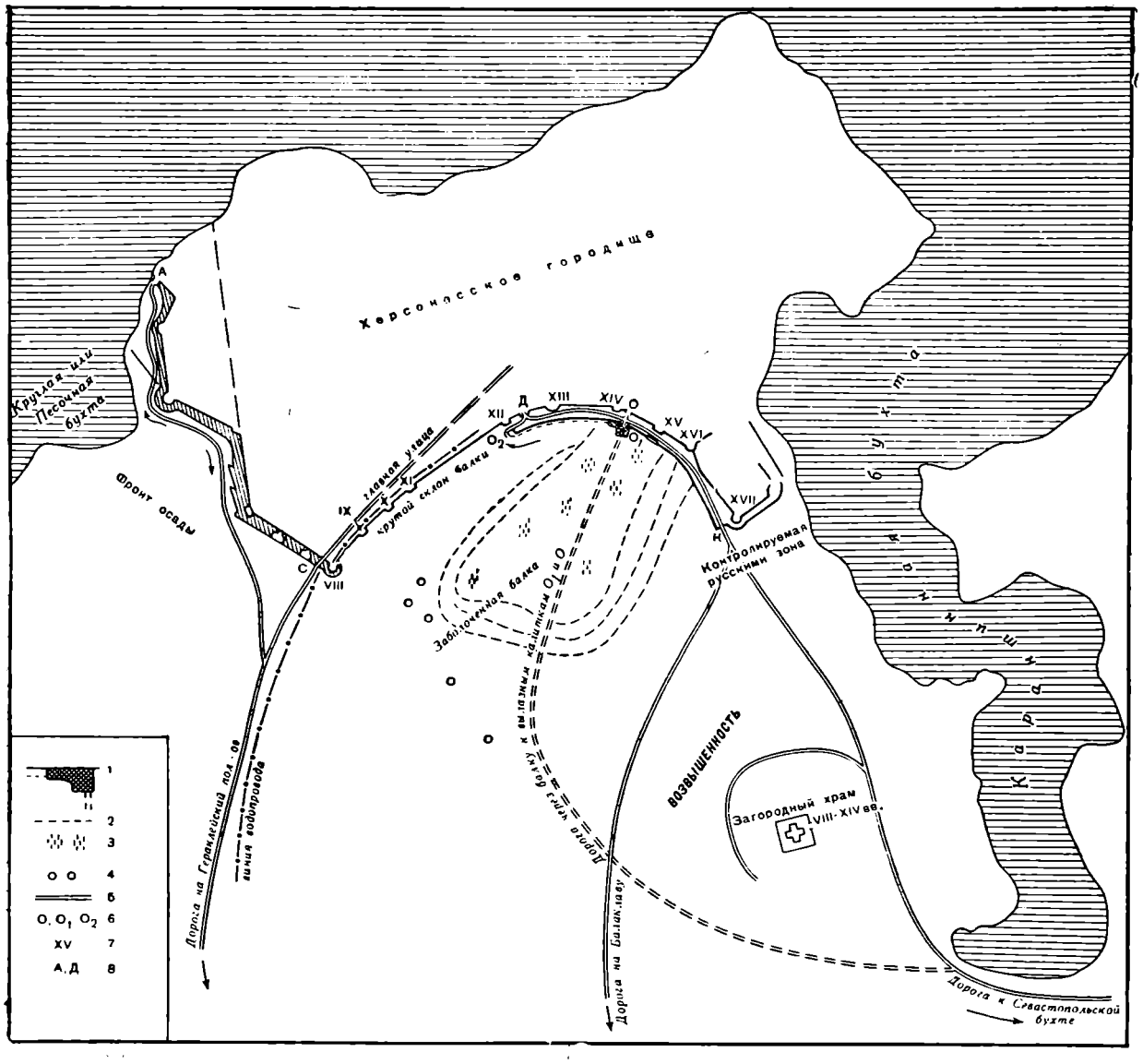


Рис. 1. Схематический план Херсонесского городища, крепостной ограды и древних дорог, ведущих в город

1 — место раскопок ГИМ в 1946 и 1948 гг. с наружной стороны протейхисмы у вылазной калитки O_1; *2* — граница наибольшей заболоченности; *3* — раскопки 1896 г. Стерильные слои без культурных остатков; морская вода на глубине 1—1,5 *м*; *4* — древние колодцы и водоем на склонах балки для бора пресной воды; *5* — древние дороги; *6* — вылазные калитки; *7*— номера башен; *8* — ворота

путь. Автор пишет следующее по этому поводу: «Суда незаметно, по ночам, входили в большую бухту (ныне Севастопольский рейд), там они останавливались в мелких заливчиках... Отсутствие хорошей сторожевой службы у Владимира позволяло судовщикам переносить все к мыску F карты (приложенной к работе Бертье.— *Н. П.*) по суху, а затем уже горожане перевозили доставленное через устье залива на маленьких лодках, спрятанных за стенами и потому не уничтоженных неприятелем. Весь этот путь шел именно с востока, как говорит рассказ «Жития особого состава». Узнав, Владимиру не трудно было прекратить эту тайную доставку, поставив с востока же, на мыске, достаточно сильный сторожевой полк, который, будучи отдаленным от стана верстой расстояния,— быть может и окопался, устроив временное укрепление. Только так можно понимать повеление Владимира «поуть... перекопати», так как в обыкновенном смысле понимания перекапывание пути ничему не могло здесь помешать, это не какая-нибудь узкая стезя над пропастью, перекопание, т. е. обрушение которой уничтожает и возможность прохода. Здесь место свобод-

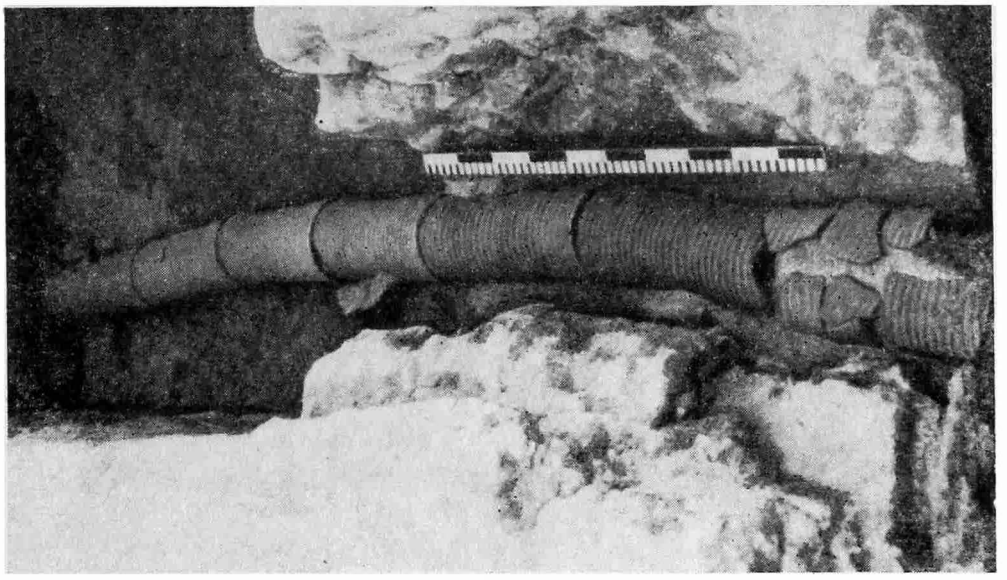


Рис. 2. Городской водопровод из керамических труб у южной крепостной стены. Раскопки ГИМ в 1958 г.

ное, широкое, перекопать его трудно и долго, а забросать малую часть перекопа, если он сделан, для прохода весьма просто и легко» [11].

Последнее утверждение автора основывалось на высказанном им же мнении, что засыпка болотистой ложбины на юго-востоке от города произведена в I в. до н. э. одновременно по всей площади до высоты современного уровня [12]. Затем это мнение вошло как непреложный факт в литературу вопроса об исторической топографии Херсонеса.

Б. Д. Греков, наиболее правильно определявший место русского лагеря в полном соответствии со всеми летописными и топографическими данными, также встает в тупик перед вопросом о «земляном пути». Вслед за А. Л. Бертье-Делагардом Б. Д. Греков считал современный рельеф местности у юго-восточных стен города не изменившимся с первого века до нашей эры, но вместе с тем он не мог согласиться с А. Л. Бертье, предложившим столь явно произвольное толкование слов летописца.

«Является загадочным «земляной путь»,— пишет Б. Д. Греков,— можно ли видеть в нем обычную сухопутную дорогу, противополагаемую морскому пути, при условии тщательной блокады с суши, как думает Бертье? Не заметили бы осаждающие такого подвоза раньше осажденных? Как, наконец, нужно понимать это «прекопание»? Не следует ли в земляном пути видеть хода подземного, не видимого снаружи и не известного Владимиру» [13].

Решению вопроса о загадочном «земляном пути» могут помочь материалы экспедиции Государственного Исторического музея в Херсонесе в 1946 и 1948 гг. По согласованию с Государственным Херсонесским музеем раскопки Исторического музея производились у юго-восточного участка крепостных стен: с наружной стороны дополнительной боевой стены — протейхисмы и в периболе, т. е. во внутреннем пространстве между глав-

---

[11] А. Л. Бертье-Делагард. Как Владимир осаждал Корсунь, стр. 260.

[12] А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. ИАК, 21, СПб., 1907, стр. 153 сл. Того же мнения придерживался и К. К. Косцюшко-Валюжинич (см. ОАК за 1899 г., стр. 11); К. К. Косцюшко-Валюжинич. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году. ИАК, 1, СПб., 1901, стр. 30.

[13] Б. Д. Греков. Ук. соч., стр. 108. Предположение о подземном ходе исключается при тех геологических и топографических условиях местности, по которой проходят крепостные стены на востоке и особенно на юго-востоке: здесь была глубокая заболоченная балка.

ной стеной и протейхисмой [14]. На вскрытом участке, несмотря на его небольшие размеры [15], обнаружены многочисленные архитектурные остатки, относящиеся к различным строительным периодам, начиная с III в. до н. э. и кончая XI—XII вв. Более поздних средневековых наслоений на этой территории в настоящее время не существует. Античная крепостная стена с воротами на юго-восточном участке проходила по низменной заболоченной, часто заливаемой водой местности, представлявшей в доисторические времена рукав Карантинной бухты [16], почему этот отрезок крепостной стены был построен, как выяснили раскопки 1948 г., на специальном фундаменте. Ширина его во много раз превосходила толщину крепостной стены, а глубина, в зависимости от рельефа материка, представляющего здесь морской песок и мергелевую глину, колебалась от 2 до 4 *м* (возможно, и более, так как в одном из двух раскопов, заложенных в периболе у главной стены, материк оказался на глубине более 3 *м* от современной поверхности, а в другом до материка не дошли и на глубине около 4 *м* из-за сильного напора воды, которую так и не удалось откачать). На этих участках уровень воды доходил до 3 *м* глубины. В других раскопах уровень воды не превышал 2 *м*, и раскопки там везде доведены до материка [17]. Мощная субструкция состоит из чередующихся слоев глины, мелкого бута и песка, в котором попадаются угли и многочисленные черепки. Среди них обломки фасосских амфор с характерными ножками IV — начала III в. до н. э. и черепки местной чернолаковой керамики с графитовым блеском — характерной посуды местного производства начала III в. до н. э. На основании этих находок оказалось необходимым отнести дату постройки главной крепостной стены с воротами и подстенным склепом к середине III в. до н. э., а не к началу IV в. до н. э., как считалось ранее [18].

Раскопки 1948 г. выяснили, что дорога, ведущая в то время в город через эти ворота, шла по юго-восточному склону балки, а отрезок ее, проходивший по ложбине, был укреплен фундаментом из громадных плит известняка высотой до 0,8 *м* (между плитами нашлась оброненная строителями монета III в. до н. э. [19]). На протяжении второй половины III—I в. до н. э. дорога неоднократно ремонтировалась, в связи с чем уровень ее повышался, но направление не менялось [20]. На рубеже нашей эры участок стены с воротами (у башни XIV на рис. 1) подвергся значительной переделке: ворота (*E*, над которыми была потом сделана калитка *O*) были

---

[14] Отчеты о раскопках не напечатаны. Рукописи хранятся в архиве ГИМ.

[15] В общей сложности около 200 $м^2$, на глубине до 7 *м* с наружной стороны стены и до 4 *м* в периболе, где междустенная насыпь снята была раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1898 и 1899 гг. лишь до уровня подстенного склепа № 1012, а до материка раскопки Косцюшко на этом участке перибола нигде не дошли.

[16] Блестящий историко-геологический экскурс дан в работе А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе, стр. 123—158 и др., с приложением плана местности.

[17] Характерно, что когда вода заполнила раскопы, заложенные в периболе у главной крепостной стены, уровень воды в раскопах у протейхисмы как с наружной, так и с внутренней ее стороны заметно понизился. Бертье сообщает, что под стены куртин 16, 17, 18 и 22 раскопки еще не проникли, так как там требуется откачка воды, но уже было известно, что фундаменты башни XV лежат в воде. А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе, стр. 125.

[18] Н. В. Пятышева. Ювелирные изделия Херсонеса. М., 1956, стр. 9 сл. Там же приведена литература вопроса.

[19] Керкинитида, III в. до н. э.— по определению нумизмата Л. Н. Беловой-Кудь.

[20] В 1958 г. экспедиция Государственного Херсонесского музея произвела раскопки перемычки в периболе, служившей дорогой для проезда на городище через пролом в стене (раскопки перибола в 1898 и 1899 гг. велись «без различения слоев», поэтому оставшийся небольшой участок засыпи оказался очень важным для изучения ее стратиграфии). Раскопки показали, что никакой одновременной засыпки перибола не было. Выявлены различные уровни дорог античного времени, проходивших по этому участку. См. А. М. Гилевич. Раскопки участка перибола у 17-й куртины оборонительных стен Херсонеса. «Сообщ. Херсонесского музея», 1, Симферополь, 1960, стр. 24—29, рис. 2.

заложены и, по-видимому, вскоре засыпаны [21]. Вместо них в более высоком месте южного участка крепостной ограды были устроены новые ворота (ворота *Д* на рис. 1), дорога к которым шла в прежнем направлении вдоль стены, но уровень ее был значительно повышен по сравнению с уровнем старой дороги [22] (на высоте около 2,5 *м* от подошвы угла древних ворот *Е*).

Общепринятым объяснением такой перестройки являлись два обстоятельства: неудобства главного въезда в город через болото и расположенная на юго-востоке возвышенность (рис. 1), с которой неприятель мог легко обстреливать находящиеся под ней ворота [23].

Однако, если с точки зрения современника болотистая местность перед въездом в город представляется неудобством, то с точки зрения древних это являлось преимуществом, так как затрудняло врагу подступ к городским стенам, о чем говорит Витрувий [24]. Что же касается высоты, с которой неприятель якобы мог вести эффективный обстрел, то опасность в данном случае была мнимой: в период III—I вв. до н. э. окружающие Херсонес племена тавров и скифов не обладали дальнобойной стенобитной техникой, пользуясь в лучшем случае таранами [25].

Таким образом, существующие предположения не объясняют установленного факта засыпки стены и перенесения ворот на более высокое место. Мне кажется, что в результате устройства в первой половине III в. до н. э. мощной субструкции, на которой возведена была стена с башнями и воротами (башни XV, XVI, ворота *Е* на рис. 1), естественный сток в море подпочвенных грунтовых вод из заболоченной балки был сильно затруднен и в течение столетий заболоченная ложбина превратилась, возможно, в настоящее озеро, что уже перестало быть удобным и с точки зрения древней фортификации. Вот это-то обстоятельство и вытекающие из него вредные для населения последствия (испарения стоячих болотных вод [26]) и явились главной причиной перестройки всего юго-восточного участка. Ворота заложили и засыпали, стену подняли на соответствующую высоту, а в I в. в искусственной насыпи у стены были устроены так называемые приставные склепы [27]. В I—IV вв. вся эта насыпь служила городским некрополем, о чем свидетельствуют многочисленные могилы, обнаруженные при раскопках перибола в 1898 и 1899 гг., и местом для устройства многих ремесленно-хозяйственных сооружений [28]. У подножия этой насыпи на расстоянии около 20 *м* от крепостной стены находилось открытое в 1946 г. производственное помещение с водостоком и пифосом, относящееся к рубежу I—II вв. Над помещением с пифосом обнаружены остатки строений III—IV вв., разрушенных при рытье траншеи для дополнительной стены-протейхисмы, а затем послуживших каркасом для насыпи-дамбы с наружной стороны протейхисмы.

В конце IV — начале V в. в связи с усилившимся напором кочевников на участке у башни XVII начата была постройка протейхисмы — второй линии оборонительных стен. Фундамент протейхисмы лежит в траншее, вырытой в насыпи, образовавшейся в течение столетий, начиная с рубежа нашей эры. (В фундаменте были заложены античные надгробные стелы,

---

[21] А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе, стр. 153 сл.

[22] К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического. «Херсонесский сборник», II, Севастополь, 1927, стр. 15.

[23] А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе, стр. 123.

[24] Витрувий Поллион. Об архитектуре. Русск. пер. М., 1936, стр. 34.

[25] Если сопоставить некоторые видимые в настоящее время повреждения в крепостной стене с осадой города скифами в конце II в. до н. э., о чем свидетельствует декрет в честь Диофанта, см. В. В. Латышев. IOSPE, I², 1916, № 352.

[26] Об этом также говорит Витрувий Поллион. См. Витрувий Поллион. Ук. соч., стр. 34.

[27] К. К. Косцюшко-Валюжинич. Извлечение из отчета..., стр. 9 сл.

[28] Отчеты за 1946 и 1948 гг. работ ГИМ в Херсонесе. Архив ГИМ; А. М. Гилевич. Ук. соч., стр. 25 сл.

обнаруженные раскопками ГИМ с внутренней стороны стены). Землю из траншеи выбрасывали во внутреннее пространство — перибол, чем значительно подняли его уровень по сравнению с уровнем подошвы протейхисмы с наружной стороны. В период VII — начала IX в. протейхисма между XII и XVII башнями была закончена [29]. О пригородной топографии этого времени на юго-восточном участке мы можем судить, сопоставляя данные А. Л. Бертье и К. К. Косцюшко. Бертье пишет: «...с юга боковой рукав Карантинной бухты, впоследствии частью засыпанной искусственно, частью заплывший естественными путями, далеко протягивался к Западу... Существование такого отвершка бухты определяется и раскопками 1896 г. и, еще более, нивелировкой, по которой дно балки у точки *У*, на месте бывшей бухты возвышается над уровнем моря менее метра» [30]. По словам К. К. Косцюшко-Валюжинича, в 1896 г. в разных пунктах балки, начиная от дороги против пробитых в древней стене ворот, были заложены в разведывательных целях девять траншей, которые «выяснили совершенное отсутствие в почве культурных наслоений и близость морской воды, которая появилась на глубине 2—$2^1/_2$ арш. Другим указанием на несомненное существование здесь бухты являются открытые на сравнительно небольшой площади раскопок пять колодцев (рис. 554, лит. в, е, ж, з, и), высеченные в скале от 2 до 5 арш. глубиной, и источник воды, собиравшейся в каменный бассейн (лит. г), теперь обрушившийся, в два ар. глубиной. Излишек воды вытекает из бассейна в балку по канаве в 3 арш. шириной и $^3/_4$ арш. глубиной, вырубленной в скале и наполненной щебнем и черепками простой глиняной посуды. Колодцы и бассейн расположены в начале подъема с южной стороны балки» [31].

Отсутствие культурных напластований, близость морской воды и грунтовых подпочвенных вод — несомненное свидетельство о наличии заболоченной низменности, подступавшей к городским стенам на юго-востоке, не только в период античности, но и в средневековье.

Сопоставляя стратиграфию наших раскопок с данными раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, начиная с 1896 г., удалось выяснить, что одновременной засыпки всей заболоченной низменности перед юго-восточными стенами не было. Засыпка происходила постепенно, на протяжении многих веков, и топография местности видоизменялась также постепенно [32]. После окончания постройки линии крепостных стен между башнями XVII (Зенона) и XII дорога в городские ворота (ворота *Д* на рис. 1) шла по периболу, в который можно было попасть через проезд у башни Зенона (ворота *К* на рис. 1). Эта дорога упоминается в работе К. Э. Гриневича, посвященной исследованию крепостных стен Херсонеса: «Уровень византийской эпохи в периболе был отмечен наличием древнего шоссе, созданного посредством отесков мелкого инкерманского камня. В настоящее время его не существует» [33].

В VII — первой половине IX в. на юго-западе были устроены еще одни ворота, ставшие главными городскими воротами [34] (*С* на рис. 1). К ним

[29] Полностью эта стена далеко еще не изучена и не обследована. В настоящее время можно с большей или меньшей определенностью говорить лишь о том ее отрезке, который находится на участке раскопок ГИМ 1946 и 1948 гг.

[30] А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе, стр. 124. Разрядка наша.— *Н. П.*

[31] К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 г. ОАК за 1896 г. СПб., 1898, стр. 173, рис. 544. Разрядка наша.— *Н. П.*

[32] Кроме раскопок ГИМ в 1946 и 1948 гг. раскопки Гос. Херсонесского музея в 1958 г. также подтвердили разновременность насыпи в периболе, см. А. М. Гилевич. Ук. соч., стр. 24 сл. Низменная местность хорошо видна на старых фотографиях, см. М. Н. Ремизова. Херсонес — древний город Корсунь. М., 1900, стр. 18.

[33] К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического. «Херсонесский сборник», II, стр. 13.

[34] Этот участок крепостных стен был исследован, хоть и очень бегло, военным инженером М. И. Гарабурдой перед постройкой батарей в начале 90-х годов XIX в. См. ИТУАК, 43, стр. 97, а также А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе, стр. 134.

шли дороги с разных сторон по удобному ровному плато на юго-западе, но ни одна из них не шла через балку. Следы этих дорог были отчетливо видны еще в конце XVIII в.[35], а столетием позже открыты раскопками. От главных городских ворот «выходила и разветвлялась древняя дорога, хорошо заметная и по сие время»[36]. Эта шоссированная дорога отличалась необыкновенной прочностью[37] и была огорожена с обеих сторон каменными стенками, благодаря которым ее можно было проследить на протяжении многих верст[38] (рис. 1).

Вдоль западной стены, проходившей по сравнительно пологой возвышенности, шла дорога к приморским воротам (ворота *А* на рис. 1). Придерживаясь направления стены и под защитой нескольких башен, «дорога эта соединялась с главной, шедшей от западных городских ворот»[39]. Вдоль южных стен, проходивших по крутому склону, возвышавшемуся над балкой, дороги не было. Это был самый безопасный участок крепостной ограды, поэтому здесь, как считает А. Л. Бертье-Делагард, «...ограда и сделана слабее, из одной более тонкой стены с тремя прямоугольными малыми башнями IX, X и XI»[40].

Таким образом, как выяснили раскопки, дороги в Херсонес вели по хребту возвышенности в главные ворота *С*, на юго-запад, приморские ворота *А* (на северо-западе) и по периболу от ворот *К* у башни Зенона в ворота *Д* (рис. 1). Эту последнюю дорогу А. Л. Бертье-Делагард считает единственной дорогой, ведущей в ворота *Д:* «Дорога к воротам *Д* пролегала именно по периболу между двумя стенами, ее остатки были найдены у этих ворот»[41]. При этом Бертье ссылается на К. К. Косцюшко-Валюжинича, который в 1903 г. действительно нашел дорогу, идущую по периболу с востока. Однако он нашел и другую дорогу, идущую в те же ворота и так же по периболу, но с запада. На приложенном к его отчету плане эта вторая дорога отмечена с такой же отчетливостью, как и первая. Если идти по этой дороге из города, то она приведет к западному концу протейхисмы, следовательно, этот конец протейхисмы не являлся глухим тупиком, как считал А. Л. Бертье-Делагард[42], а в нем также были ворота или, по крайней мере, калитка ($О_2$, рис. 1), через которую проходила дорога. Однако, кроме этих открытых в периболе дорог через ворота *К* и *Д*, потребность в дополнительном входе в город близ места старых засыпанных ворот *Е* (калитка *О* на рис. 1), очевидно, была. Может быть, это обусловливалось близостью пристани и портовых кварталов, расположенных в восточной стороне города, а может быть, и какими-то стратегическими соображениями, предусматривающими незаметную пешеходную дорогу к вылазной калитке. Поэтому-то в стенах здесь и были устроены калитки — одна над старыми засыпными воротами *Е* (калитка *О*), другая — наискось от нее (калитка $О_1$) — в протейхисме[43] (рис. 3). Но так как насыпь в периболе была на одном уровне с порогами обеих калиток, а наружный уровень земли был значительно ниже, то дорога, подводившая с наружной стороны к калитке в протейхисме (как это обнаружили

---

[35] П. Сумароков. Досуги Крымского судьи или второе путешествие в Таврию. СПб., 1803, стр. 205.

[36] К. К. Косцюшко-Валюжинич. Раскопки в Херсонесе. ОАК за 1893 г. СПб., 1895, стр. 58.

[37] До 0,8 *м* толщиной. См. М. И. Гарабурда. Ук. соч., стр. 96.

[38] ОАК за 1894 г. СПб., 1896, стр. 51.

[39] В. В. Латышев. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1895 г. В сб.: «Понтика». СПб., 1909, стр. 263 сл.

[40] А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе, стр. 134 сл.

[41] К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году. ИАК, 16, СПб., 1905, табл. III.

[42] А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе, стр. 135.

[43] К. К. Косцюшко-Валюжинич. Извлечение из отчета.., стр. 1; К. Э. Гриневич. Ук. соч., стр. 13.

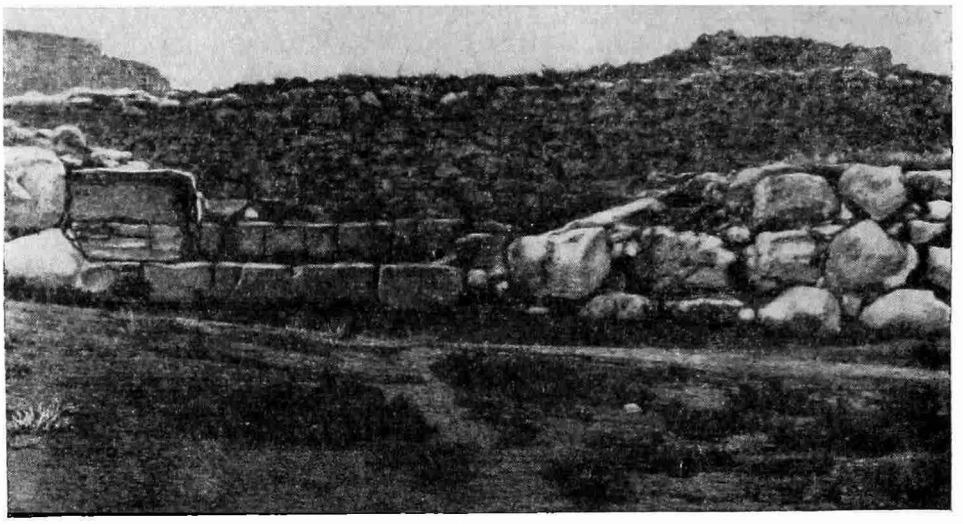


Рис. 3. Порог калитки в протейхисме. Вид перед началом раскопок 1946 г.

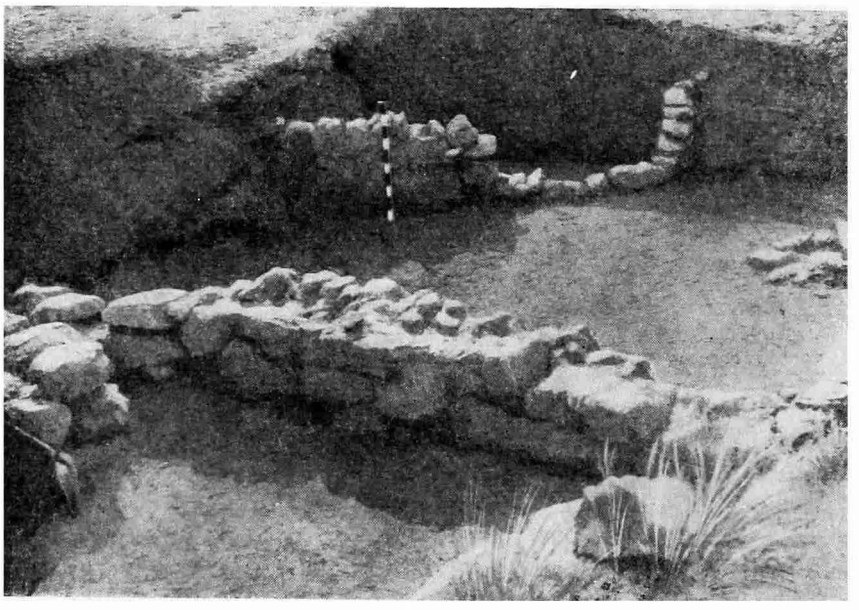


Рис. 4. Стены-крепиды дорожной насыпи на раскопанном участке у калитки O_1

раскопки 1946 г.), оказалась сооруженной на специальной насыпи-дамбе, подошва которой лежала на 2,2 *м* ниже порога калитки. Откосы дамбы во избежание осыпи были обложены каменной обкладкой — крепидой, а проходящая по ней дорога вымощена булыжником (рис. 4). Между стенами-крепидами находились остатки более древних сооружений, послужившие своего рода каркасом дороги (рис. 5). Ширина дорожной дамбы в открытом южном конце — 3 *м*, высота крепиды с восточной стороны (стена № 3) — около 2 *м* (рис. 6), высота крепиды с запада (стена № 4) — около 1,5 *м* (рис. 7). Так как выход материковой скалы на поверхность к западу заметно повышается, то и насыпь, по которой проходила дорога, была здесь ниже. Подводя к калитке, дорога поворачивала к западу и шла вдоль стены. В местах непосредственного соприкосновения дорожной насыпи с боковой поверхностью протейхисмы стена сохранила цемя́нковую расщебенку, сглаживающую неровности каменных глыб, на остальной же поверхности стены эта расщебенка не сохранилась, что

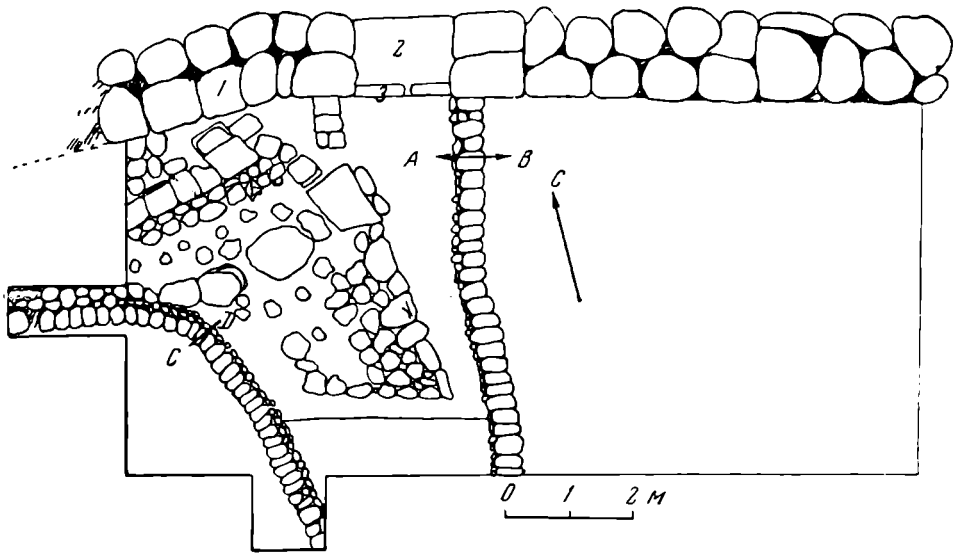


Рис 5. План архитектурных наслоений между стенами-крепидами, оставленными как «каркас» дорожной насыпи

1 — протейхисма; *2* — калитка; *3* — порог калитки; *А—В* — разрез стены № 3; *С — Д* — разрез стены № 4

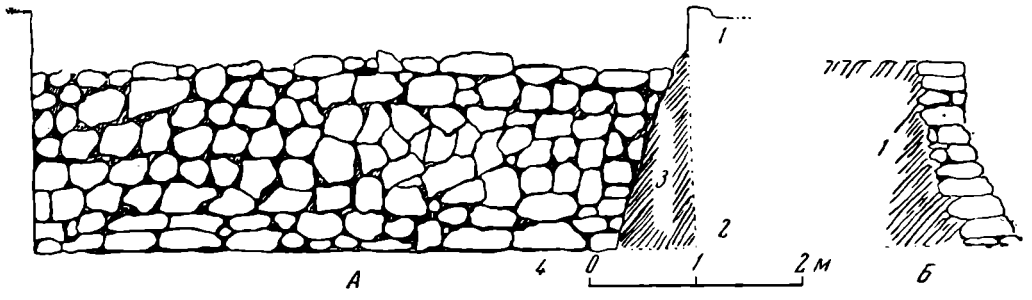


Рис. 6. Фас и разрез стены № 3 (восточная крепида насыпи)

А — фас стены № 3 (вид с востока): *1* — порог калитки; *2* — протейхисма; *3* — контрольный столб; *4* — подошва стены, лежащая на слое позднеантичного времени; *Б* — разрез стены № 3 по линии *А — Б*: *1* — дорожная насыпь средневекового времени

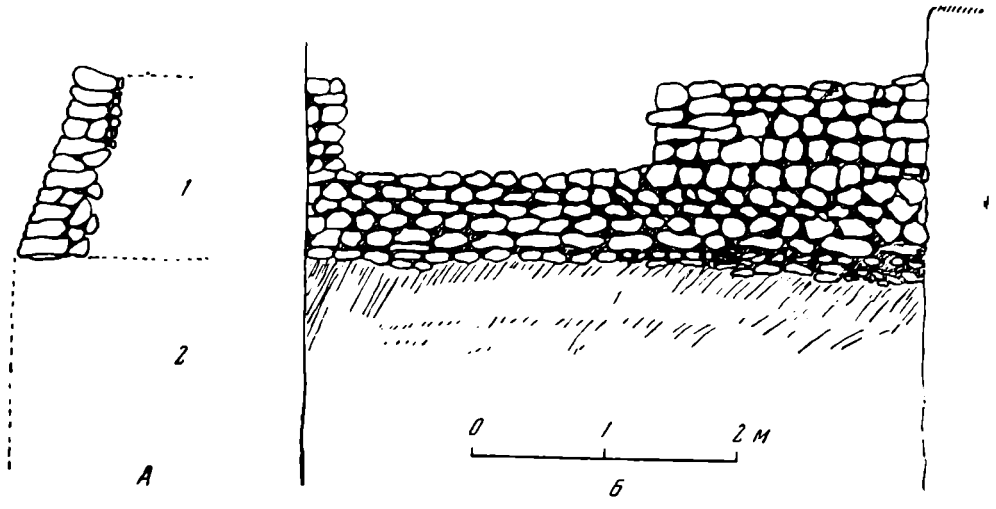


Рис. 7. Фас и разрез стены № 4 (западная крепида насыпи)

А — разрез стены № 4 по линии *С — Д*

1 — дорожная насыпь средневекового времени; *2* — слой позднеантичного времени; *Б* — фас стены № 4 в развернутом виде.

является доказательством того, что эти части стены стояли открыто, возвышаясь над уровнем поверхности земли [44].

Дорога к калиткам шла прямо по дну балки (рис. 1). То обстоятельство, что от калитки O_1 дорога поворачивает к западу вдоль протейхисмы, заставляет пересмотреть мнение А. Л. Бертье-Делагарда о том, что западный конец протейхисмы у башни XII был глухим и проезда через него в перибол не было [45]. Именно к этому концу стены ведут дороги, открытые в 1903 и 1946 гг. Предположительно помещаем здесь калитку O_2 (рис. 1).

Что касается отрезка дороги, пролегавшего на юг через болото, то не исключена возможность специальной маскировки его в стратегических целях. Задача эта облегчалась и тем, что в определенное время года — зимой и весной — уровень воды в балке заметно повышался, и тогда пройти по дороге могли только хорошо знавшие местность лазутчики, какими, вероятно, и были «корабленицы», о которых сообщает «Житие особого состава» [46].

Эта дорога и была тем «земляным путем», находившимся на востоке от стана Владимира, который он перекопал по совету Ждеберна [47]. Перекопание такой дамбы явилось эффективной мерой для прекращения подвоза воды, продуктов и боеприпасов (дорога шла близ открытых в 1896 г. древних колодцев с пресной водой). Разрыв жизненно важной артерии, какой являлась эта дорога, привел, по свидетельству «Жития», к сдаче города. Возможно, что в действиях Владимира это было первым этапом к успешному завершению осады, вторым и заключительным было перекопание водопровода.

---

[44] Дорожная насыпь существовала в течение длительного времени, более 300 лет (VIII—X вв.), подвергаясь многократному ремонту. В нижнем слое дамбы — материал эллинистического и позднеантичного времени, перемешанный с раннесредневековым материалом. В верхнем слое — черепки поливных сосудов IX—X вв. и херсоно-византийские монеты X в. (см. Ю. С. Крушкол. Монеты из раскопок Херсонеса в 1946 г. «Нумизматический сборник». М., 1958). Позднее, в XI—XII вв., по сторонам крепиды дорожной насыпи образовался мощный насыпной слой более 2 *м* высоты от ее подошвы.

[45] На плане Бертье западный конец протейхисмы значится тупиком. На плане Косцюшко он обозначен штрихами как неисследованный. См. К. К. Косцюшко — Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе..., стр. 50 сл., табл. III. Этот же план на табл. III приложен к кн.: E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 505. В плане работ ГИМ на 1964 г. стоит обследование этого не изученного в 1903 г. участка.

[46] Версия «Жития особого состава» указывает на девятимесячный срок осады, в отличие от других версий, говорящих о шести месяцах. Сопоставление этих данных см.: С. П. Шестаков. Ук. соч., стр. 83 сл. О времени осады литература вопроса приведена в статье: Д. Л. Талис. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв. ВВ, XIV, М., 1958. Если начало осады относится к концу августа — началу сентября 988 г., а взятие города (после трех месяцев перекопания пути, как сказано в «Житии особого состава») — к маю-июню, то осенне-зимнее время, сентябрь — февраль, являлось самым удобным для тайного пользования «земляным путем» благодаря темным ночам и дождливой погоде.

[47] Следует отметить, что в сообщении Ждеберна о «земляном пути» больше географической точности, чем в сообщении Анастаса о водопроводе, который находился по отношению к русскому стану на юге. На последнее обстоятельство обратил внимание еще Е. Е. Голубинский. См. Е. Е. Голубинский. История русской церкви. М., 1901, 1911, стр. 227, прим. 3.

Л. А. ГОЛУБЕВА

ОГНИВА С БРОНЗОВЫМИ РУКОЯТЯМИ

Огнива с бронзовыми рукоятями принадлежат к категории вещей, имевших короткую, но яркую историческую судьбу. Среди повсеместно распространенных стальных огнив, различных в разной этнической среде, эти огнива отличались необычайно широким ареалом. В конце I тысячелетия н. э. огнивами с одним и тем же рисунком нарядной литой рукояти высекали огонь в Прикамье, Приладожье, Финляндии и Скандинавских странах. С середины XI в. они исчезают из употребления почти так же внезапно, как появляются. Н. Клеве [1] и Э. Кивикоски [2] относили эти огнива к характерным изделиям эпохи викингов и, признавая восточное («пермское») их происхождение, не исключали возможности и других центров производства. Широкое проникновение этих огнив на Запад Клеве и Кивикоски связывали с деятельностью загадочных варяжских центров «южнее Ладожского озера», при посредстве которых якобы эти огнива из области Камы доходили до Швеции, Норвегии и Восточной Прибалтики. Норманистические увлечения названных археологов и ложный взгляд на исключительно транзитный характер торговли между Балтикой и Волго-Камьем в X в. помешали им правильно оценить значение местной угро-финской среды, бывшей основным производителем и потребителем интересующих нас огнив.

По рисунку рукоятей Н. Клеве разделил огнива на пять типов: *a* — человек между двумя птицами; *b* — стилизованное изображение двух обращенных друг к другу зверей; *c* — два всадника; *d* — козел, обернувшийся назад; *e* — стилизованное изображение зверя.

Н. Клеве справедливо отметил, что за пределами России встречены огнива только двух типов — *b* и *c*. Обобщив данные Н. Клеве, Э. Кивикоски [3], Я. Петерсена [4], мы приходим к следующим выводам о находках огнив типа *b* и *c* за рубежом:

Страны	Огнива типа *b*	Огнива типа *c*
Финляндия	2	12
Швеция	1	4
Норвегия	—	3
ФРГ	—	1
Итого	3	20

На территории СССР огнив типа *b* известно не менее 20, типа *c* — не менее 11. По данным Петерсена, распространение огнив типов *b* и *c* в Се-

[1] N. Cleve. Finlädska fornsaker. 2. Eldstål med bronsfäste. Finskt Museum, XXXVI, 1929, стр. 51—60.
[2] K. Kivikoski. Die Eisenzeit im Auraflussgebiet. SMA, XLIII, 1939, стр. 224.
[3] E. Kivikoski. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1951, стр. 28.
[4] J. Petersen. Vikingetidens Redskaper. Oslo, 1951, стр. 431—432.

№ пп	Погребальный комплекс	Обряд погребения и пол	Огнива															Височные кольца			Бусы	Бубенчики	Гребни	Конюшки
			Группы																					
			I						II							III	IV							
			Типы															проволочные: круглые, треугольные	литые: треугольные, трозедевидные	спиральные с грузиком				
			1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6	7	1	1							
1	Поломский мог., погр. № 134	т. м.	×																			0	0	
2	То же, погр. № 54	т. м.										×												
3	То же, погр. № 18	т. м.										×												
4	«Барсов городок», погр. № 29	т. м.							×									0						
5	То же, погр. № 69	т. ?				×																		
6	Крюково-Кужн. мог., погр. № 60	с. м.	×																	×				
7	Веселовский мог., погр. № 12	т. м.		×														×	×			×		×
8	То же, погр. № 4	т. ж.											×					×	×					
9	То же, погр. № 3	т. ж.															×	×				×		×
10	То же, погр. № 14	т. м.													×									
11	«Черемис. кладб.», погр. № VI	с. м.														×		×			×	×		×
12	То же, погр. № XII	с. м.										×						×			×	0		
13	Кочергинский мог., погр. № 5	т. м.											×						×				×	
14	Чёлмужи, кург. № 2, *1*	т. м. ж.									×							×			×	×	×	
15	Чёлмужи, кург. № 2, *2*	т. м.								×														
16	Подъяндебское, 1, *1*	? м.								×														
17	Валданика, 1, *3*	? м.								×			×									0		
18	Яровщина, погр. № 7, *1*	с. м.											×											
19	Карлуха, погр. № 17	с. м.											×											
20	Вахрушева, погр. № CXVI, *8*	с. м.											×											
21	Темеревский мог., погр. № 268	с. м.											×											
22	Киев, погр. № 118	т. м.														×					×			
23	Бирка, погр. № 644	т. м. ж.											×											
24	Бирка, погр. № 776	с. м.															×							
25	Туна, погр. № XI	т. м.															×						×	
26	Флемма, Тингволл	? м.															×							

Примечание: 0 — вещи IX — X вв., × — вещи X — XI вв., т — трупоположение,

Таблица

Гривны	Браслеты: круглые	Браслеты: многогранные	Браслеты: пластинчатые	Браслеты: проволочные завязанные	Перстни	Пронизки	Подвески: шумящие	Подвески: «Всадница со змеем»	Подвески: «Уточка»	Пряжки: скандинавские	Пряжки: восточнобалтийские	Поясной набор	Ножи	Шилья	Льячки	Топоры	Мечи, умбоны	Наконечники стрел	Наконечники копий	Монеты	Весы и весовые гирьки	Удила, стремена, шпоры	Дата
						0						0						0					к. IX в.
												0						0					н. X в.
												0		×				0					н. X в.
																							к. IX в.
			×		×	0			0				×					0					к. IX в.
					×								×			×						×	н. п. X в.
×		×	×		×		×					×	×	×	×	×							п. п. X в.
×	×	×	×		×		×					×	×	×		×							к. X в.
	×	×			×	×	×					×	×										в. п. X — п. XI в.
		×		×								×	×					×					
																				987 —997			п. п. XI в.
	×		×		×	×	×						×		×	×		×					
																				962 —967			в. п. X в.
						×	×					0				×		×					
																							п. п. X в.
	×	×								×		×				×		×					к. X в.
			×			×		×	×		×	×	×			×		×	×	к. X в.			к. X — н. XI в.
				×							×		×						×				к. X — н. XI в.
	×									×		×											к. X — н. XI в.
		×		×																			
									×	×									×				к. X — н. XI в.
												×				×		×	×				к. X — н. XI в.
																							в. п. X — н. XI в.
											×					×	×	×	×		×		в. п. X — н. XI в.
																		×			×		в. п. X в.
										×												×	в. п. X в.
										×		×	×			×	×	×	×	Подвески 921	×	×	в. п. X в.
													×								×		в. п. X — н. XI в.
												×	×					×					в. п. X в.
																	×	×	×				в. п. X — н. XI в.

с — трупосожжение, м — мужск., ж — женск.

верной Европе падает на вторую половину X в. Более ранних предшественников названные огнива на Западе не имеют. На территории СССР известно в настоящее время более 80 огнив с бронзовыми рукоятями. Новые материалы, накопившиеся со времени выхода в свет работы Н. Клеве и ознакомление с фондами музеев Москвы, Ленинграда, Перми, позволяют значительно видоизменить предложенную им классификацию огнив и раздвинуть ее хронологические рамки.

Рассматривая огнива в хронологической последовательности, можно по рисунку рукояти разделить их на несколько групп и типов.

I группа. Реалистически переданная фигура животного или часть его тела.

Типы: *1* — рукоять с головой лошади; *2* — крылатый конь; *3* — горный козел (тип *d* по Н. Клеве); *4* — барс; *5* — заяц; *6* — неясное изображение зверя (тип *e* по Н. Клеве).

II группа. Два зверя, обращенные друг к другу (тип *b* по Клеве).

Типы: *1* — реалистически выполненное изображение двух медведей в рост; *2* — схематическое изображение двух медведей в рост; *3* — медведи с поднятыми передними лапами в полкорпуса; *4* — схематические фигуры зверей в полкорпуса с медвежьими головами по сторонам двух круглых прорезей; *5* — схематические изображения двух звериных (медвежьих) голов с раскрытыми пастями, прорезь между которыми имеет форму одного или двух кругов или ромба; *6* — схематические изображения двух звериных голов в виде треугольных выступов; *7* — птицы по сторонам дерева.

III группа. Человек между двумя птицами (тип *a* по Клеве).

IV группа. Два всадника (тип *c* по Клеве). Почти все типы огнив имеют варианты.

Огнива с бронзовыми рукоятями начинают изготовляться в Прикамье в конце I тысячелетия. Они появляются почти одновременно в памятниках поломской и родановской культур, а также в Среднем Зауралье в конце IX — начале X в., что несомненно связано с развитием местной металлургии, в частности бронзолитейного дела. Украшения рукоятей ранних огнив развивают уже сложившиеся в искусстве предшествующей эпохи образцы пермского и западносибирского звериного стиля. Приуральское бронзовое литье VIII—IX вв. прекрасно отразило эти образы в скульптурных фигурках зверей (медведи, зайцы, кони и др.), в коньковых подвесках, бронзовых гребешках и пряжках. Известны они и на костяных гребнях.

В ранних образцах огнив реалистические черты зверя выступают отчетливо, в позднейших — превращаются в орнаментальную схему. Трактовка некоторых образов (горный козел) восходит к скифскому искусству или отражает сильное восточное влияние (крылатый конь), иногда же очень отдаленные сюжетные заимствования (человек между двумя птицами).

Ранние типы огнив имеют распространение главным образом в Прикамье. Здесь же происходит отбор и стандартизация образцов, ставших позднее предметами массового изготовления. Эти образцы и представляют те поздние типы огнив, которые во второй половине X — начале XI в. вывозились далеко за пределы Прикамья, достигая Большеземельской тундры и Скандинавского полуострова (рис. 1).

* * *

Из более чем 100 экземпляров огнив с бронзовыми рукоятями 30 происходят из археологически исследованных погребальных комплексов, остальные найдены на территории древних могильников или поселений; значительная часть попала в музейные собрания без указания обстоятельств находки. Последнее характерно для большинства (19 из 23) огнив, найденных в Северной Европе.

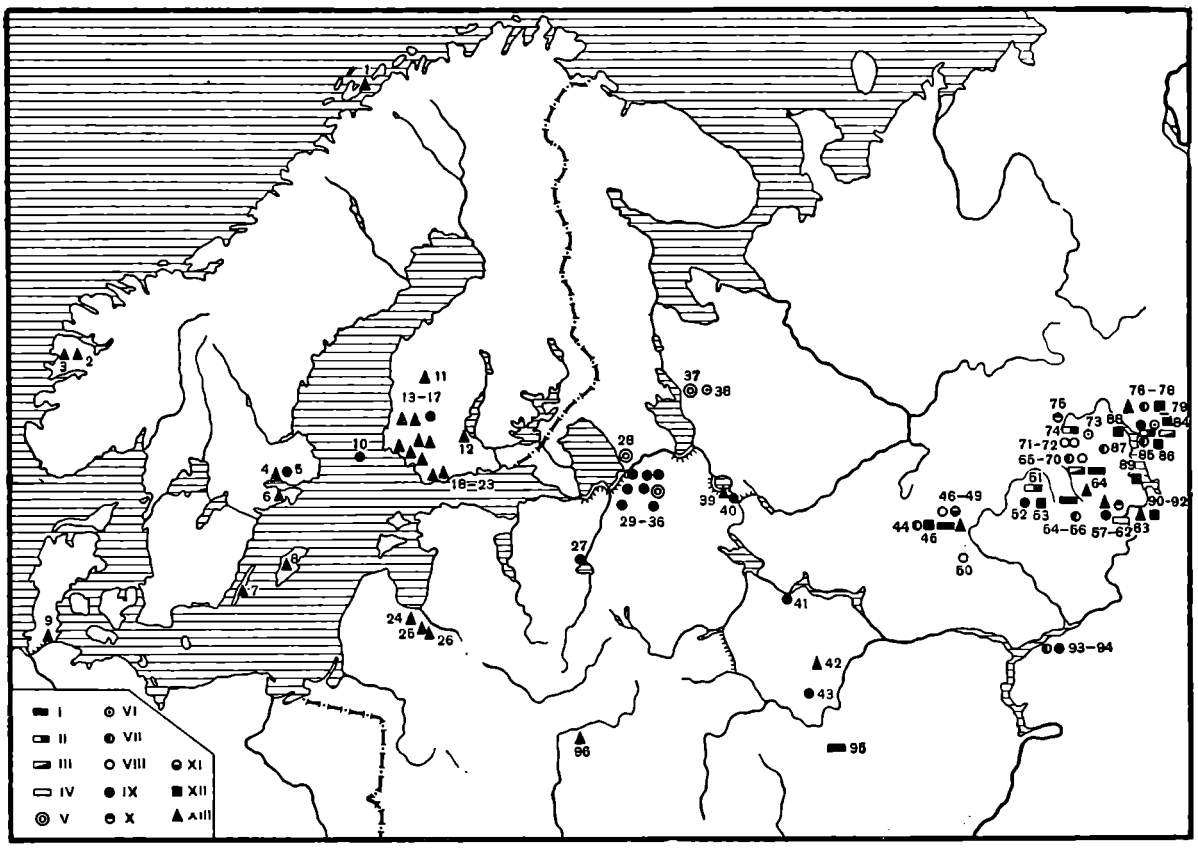


Рис. 1. Распространение огнив с бронзовыми рукоятями в конце IX — первой половине XI в.

Огнива первой группы: *I* — типы *1* и *2*; *II* — тип *3*; *III* — тип *4*; *IV* — типы *5* и *6*.
Огнива второй группы: *V* — тип *2*; *VI* — тип *3*; *VII* — тип *4*; *VIII* — тип *5*, первый вариант; *IX* — тип *5*, второй вариант; *X* — тип *6*; *XI* — тип *7*
Огнива третьей группы — *XII*. Огнива четвертой группы — *XIII*: *1* — Азе и Двербергс; *2* — Флемма, Тингволл; *3* — Вистдален; *4* — Бирка, погр. № 776; *5* — Бирка, погр. № 644; *6* — Туна, погр. № XI; *7* — о-в Эланд; *8* — о-в Готланд; *9* — Хайтхабу; *10* — Аландские о-ва; *11* — Саариярви; *12* — Мерола; *13—17* — Кокемеки — Кумо; *18—23* — собств. Финляндия; *24* — Даугмале; *25—26* — Межотне; *27* — Новгород; *28* — Подъяндебское; *29—36* — курганы юго-восточного Приладожья; *37—38* — Чёлмужи; *39—40* — Белоозеро; *41* — Темеревский могильник; *42* — Пирово селище; *43* — Подболотьевский могильник; *44—45* — «Черемисское кладбище»; *46—49* — Веселовский могильник; *50* — Кочергинский могильник; *51* — Донды-Кар; *52—53* — Салдырьский могильник; *54—56* — Поломский могильник; *57—62* — Рождественское городище и могильник; *63* — Пермь; *64* — Кудымкор; *65—70* — Загарский могильник; *71—72* — Каневский могильник; *73* — Мелехинский могильник; *74* — Харинский могильник; *75* — дер. Мысы; *76—78* — Чердынский уезд; *79—84* — Мало-Аниковский могильник; *85* — Нижнее Мошево; *86* — Плёховский могильник; *87* — дер. Федоровщина; *88* — Редикорский могильник; *89* — Пожвинский могильник; *90—92* — область Перми; *93—94* — Танкеевский могильник; *95* — Крюково — Кужновский могильник; *96* — Гнёздовский могильник

На территории СССР 26 огнив обнаружено при раскопках погребений и 4 — в стратиграфически точно датированных слоях древних поселений (Донды-Кар, Белоозеро, Новгород, Пирово селище). Еще 44 экземпляра огнив происходят из сравнительно хорошо датированных могильников, но не связаны с погребальными комплексами, потому что при раскопках были найдены вне погребений (Мелехинский, Подболотьевский экземпляры) и в силу других обстоятельств (утрата документации, случайность находки и пр.). Это огнива из Гнездовского, Салдырьского, Загарского, Редикорского, Пожвинского, Плёховского, Мало-Аниковского и других могильников. У семи экземпляров огнив место находки неизвестно.

Так как для установления хронологии интересующих нас типов огнив особенно важно проследить взаимовстречаемость огнив с другим вещевым инвентарем при условии точно документированного комплекса, приводим таблицу погребальных инвентарей, составленную на основании данных 26 погребений. См. таблицу на стр. 116.

Перейдем к обобщению данных по каждой группе огнив.

Огнива I группы. Тип 1. Рукоять трапециевидной формы передает схематически фигуру коня (рис. 2, *1*). На одном конце круглого стержня — конская голова с торчащими ушами и гривой, противоположный конец переходит в петлю. Условно переданные «ноги» коня стоят на прямоугольной орнаментированной насечками раме, в прорезь которой вставлена стальная пластина. Размер рукояти 9 × 3 *см*. Огниво происходит из погр. № 134 Поломского I могильника [5]. Вместе с огнивом найдено еще 15 предметов: костяной гребень с высокой спинкой, украшенной головами коней, смотрящими в противоположные стороны; бронзовый браслет, прокованный к концам на восемь граней; массивная пронизка с четырьмя сегментовидными прорезями и четырьмя вздутиями, пряжки и др. Все вещи типичны для поздней даты поломской культуры [6]. Огниво можно датировать концом IX в.

В собрании Пермского музея имеется огниво, повторяющее поломское по размерам и форме головы лошади, но не орнаментированное (рис. 2, *2*) [7]. Оно может быть одновременно поломскому экземпляру.

Сходное огниво, но уже с элементами схематизации (голова лошади в отливке исчезла) и с рамой, украшенной прямоугольными выпуклинами, известно из погр. № 60 с сожжением Крюково-Кужновского могильника [8]. Найденные там же длинные (9,5 *см*) спиральные серьги с грузиком, широкосрединный «усатый» перстень, пластинчатый браслет с расплющенными и отогнутыми концами, спиральный косник и крестовидные подвески к ожерелью принадлежат к числу украшений, появляющихся у мордвы только в X в. [9].

По наличию других вещей, характерных для IX—X вв., можно датировать данное погребение, а вместе с тем и огниво первой половиной X в.

Четвертый экземпляр — огниво из Загарского могильника можно рассматривать как схематизированный вариант огнив 1-го типа (рис. 2, *3*). Загарский могильник датируется X в. [10]. Трактовка лошадиных голов на огнивах и орнаментация рядами прямоугольных выпуклин те же, что на коньковых подвесках X в., этих характернейших для Прикамья изделий местного бронзового литья. Таким образом, дата огнив 1-го типа — конец IX — первая половина X в.

Тип 2. Рукоять огнива выполнена в виде крылатого коня с полусогнутыми передними ногами. Крылья короткие, торчащие вверх, со слегка загнутыми вперед концами, как у крылатых коней на серебряной посуде и бляхах восточного происхождения, найденных в Прикамье и Сибири [11]. Над задними ногами — два круга (один с точкой в центре), в которых можно видеть солярные знаки (рис. 2, *4*). Размеры огнива — 5,9 × 3,2 *см*. Описываемый экземпляр происходит из коллекции Зеликмана в кабинете археологии Пермского университета (инв. № 4010).

Очень близко к нему огниво из погр. № 12 Веселовского могильника на Ветлуге [12]. Крылатый конь лежит с вытянутыми передними ногами,

---

[5] МАЭ. Коллекция 1384, № 745.

[6] В. Ф. Генинг, В. С. Стоянов. Итоги археологического изучения Удмуртии. Сб. «Вопросы археологии Урала», I, Свердловск, 1961, стр. 84, 87.

[7] Пермский музей. Кочевская волость, собр. В. Тупицына, без номера.

[8] П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952, табл. XXVII, *3*.

[9] А. Е. Алихова. Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э. СА, 1958, 2, стр. 70—73, рис. 1, *30, 33, 38—39*.

[10] А. А. Спицын. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, 26, 1902, табл. XVIII, *5*.

[11] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения. СПб., 1909, табл. XVI, *39*; XXI, *48*; XXVII, *9*; XXV, *152*.

[12] А. Х. Халиков, Е. А. Безухова. Материалы к древней истории Поветлужья. Горький, 1960, рис. 39, *6*, стр. 44—48.

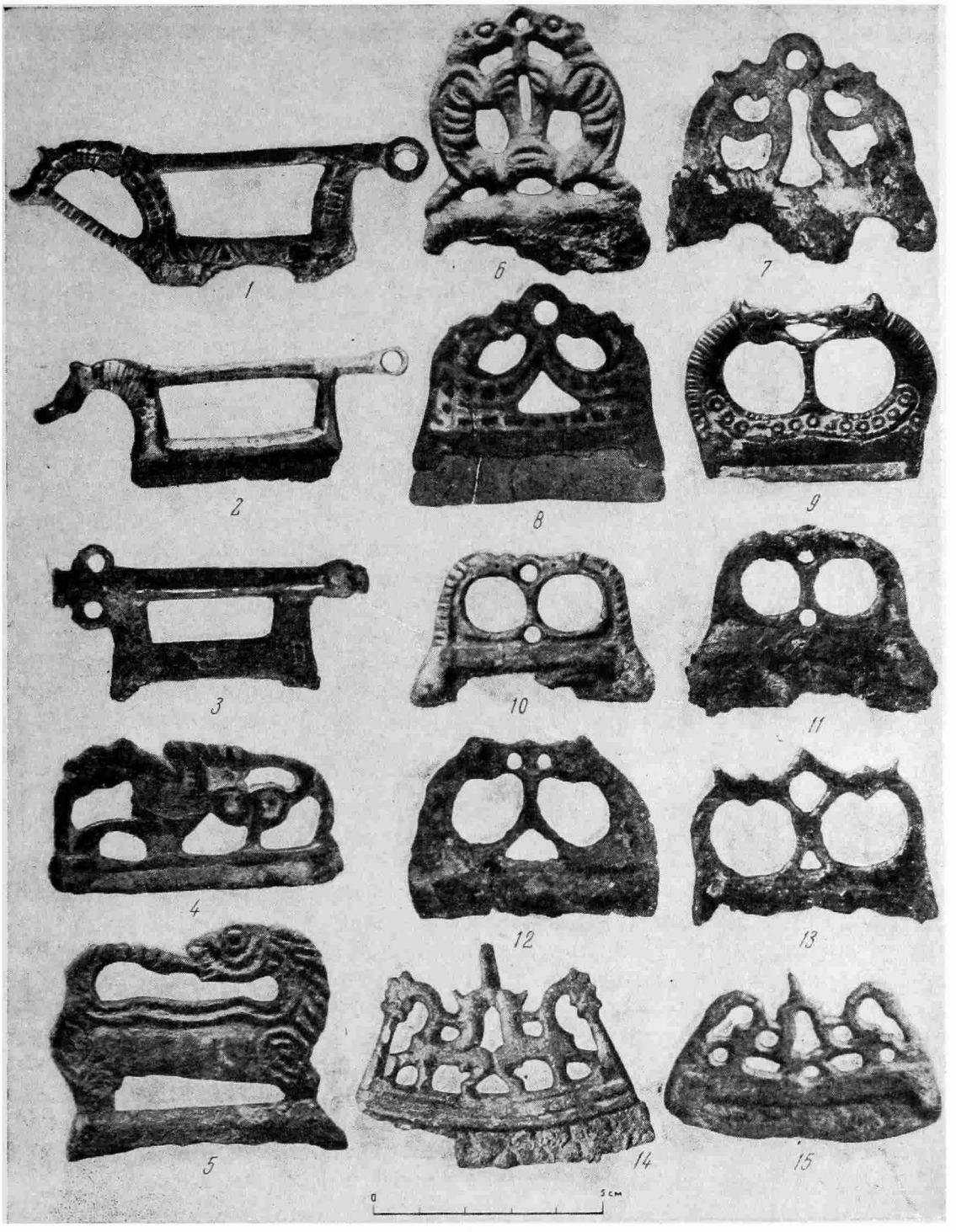


Рис. 2. Огнива I, II, IV групп

1 — Поломский могильник, погр. № 134; *2* — Кочевская волость, собр. Пермского музея; *3*, *12* — Загарский могильник; *4* — собр. Пермского университета; *5* — «Барсов городок», погр. № 69; *6* — там же, погр. № 29; *7* — Подяндебское, I, *1*; *8* — собр. Пермского университета; *9* — с. Нижнее Мошево; *10* — Поломский могильник, погр. № 18; *11* —«Черемисское кладбище», погр. № XII, *13* — Салдырьский могильник; *14* — Кумо (Финляндия); *15* — Пермь

на крупе у него, как и у пермского коня,— солярный знак. По найденным в том же погребении гривне глазовского типа, очковидной шумящей подвеске, восьмигранным браслетам с точечным орнаментом, имеющим распространение в IX—X вв., а также коньковым ажурным подвескам X в. огниво можно датировать первой половиной X в. А. Х. Халиков видит в крылатом звере веселовского огнива грифона, однако характерных признаков как львиного, так и орлиноголового грифонов здесь нет.

Изображение коня на рукояти огнива не случайно. У многих народов Востока огниво связано именно с конем, что объясняется «огненной при-

родой» последнего [13]. На связь коня с культом огня и солнца у народов Прикамья указывал М. Г. Худяков [14]. Со скульптурным изображением коня на солнечном диске (находка близ Томска, о которой он упоминает) перекликается полая литая фигурка бронзового коня с солярным знаком (круг с точкой) из погр. № 20 могильника «Барсов городок» [15]. Как символ солнца «небесный конь» изображается не только с солярным знаком, но и с крыльями. Рисунку наших огнив близки фигуры крылатых коней («небесных лошадей») на наскальных изображениях Минусинской котловины — Кунинских и особенно Оглахтинских [16]. Здесь на задней ноге лежащего коня также виден солярный знак. Верхняя дата этих изображений — VII—X вв. Крылатые кони упоминаются и в удмуртском предании о р. Вале.

Тип 3. Рукоять огнива изображает горного козла, обернувшегося назад. Огнива с оковками этого типа найдены в могильниках X в. Верхнего Прикамья — два в Мало-Аниковском [17], одно в Харинском [18] и одно на городище Донды-Кар близ р. Чепцы, в слое, датированном шестью дирхемами X в. [19]. Все четыре экземпляра огнив близки друг другу, но отлиты в разных формах. А. П. Смирнов подробно проследил истоки этого мотива, восходящего к скифской эпохе [20]. В Западной Сибири и Казахстане изображение горного козла встречается очень рано и является широко распространенным. Дата этого типа огнив — середина X в.

Тип 4. Барс (?), обернувшийся назад и кусающий собственный хвост. Известны два огнива с такой оковкой. Первое, реалистически трактующее зверя, происходит из погр. № 69 могильника «Барсов городок» на р. Оби (рис. 2, *5*) [21]. По бронзовым полым пронизкам архаического вида, напоминающим фигуру медведя, и подвеске-птичке это погребение можно отнести к концу IX в.

Второе огниво, из Мало-Аниковского могильника [22] представляет собой схематизированное изображение, перегруженное орнаментальными мотивами. Оба огнива воспроизводят очень распространенный в зверином стиле раннего средневековья образ.

Тип 5. Заяц (?). На рукояти огнива изображено небольшое животное, припавшее на передние лапы, которые явно короче задних. Голова и хвост зверя отбиты (рис. 3). Длина рукояти — 5,2 *см*. Нижняя часть ее украшена орнаментом из выпуклых прямоугольников. Огниво происходит из городища у с. Рождественского на Верхней Каме [23]. Фигурка зверя и его поза имеют самую близкую аналогию в бронзовой литой пластинке с изображением зайца из могильника у с. Ново-Никольского (Голая сопка) на Иртыше [24]. Пластинка (основание ее обломано), вероятно, также являлась оковкой огнива. В. Н. Чернецов датирует эту находку IX в. С изображением на огниве совершенно сходны также фигуры зайцев на бронзовой пряж-

---

[13] В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 178.
[14] М. Г. Худяков. Культ коня в Прикамье. ИГАИМК, 100, 1933, стр. 260.
[15] T. Arne. Barsoff gorodok. Stockholm, 1935, рис. 51.
[16] К. В. Вяткина. Наскальные изображения Минусинской котловины. Сб. МАЭ, XX, 1961, стр. 193—194, рис. 3.
[17] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, рис. 21, *2*, стр. 210. Второй экземпляр из Мало-Аниковского могильника опубликован в статье: А. А. Спицын. Археологический альбом, б. м. и г., рис. 24.
[18] А. А. Спицын. Древности Камской Чуди..., табл. XVIII, 2.
[19] А. П. Смирнов. Донды-Карское городище. Тр. Научн. о-ва по изучению Вотского края, М., 1928, табл. 19.
[20] Там же, стр. 55—56.
[21] T. Arne. Ук. соч., рис. 136.
[22] А. А. Спицын. Археологический альбом, рис. 23.
[23] Пермский музей. Коллекция Теплоуховых, без номера.
[24] В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, 58, 1957 табл. XXXVII, *1*.

ке из Тобольского музея [25]. Огниво из с. Рождественского, судя по превосходной, реалистической передаче облика животного, должно быть отнесено к ранним типам прикамских огнив — к концу IX — началу X в.

Тип 6. Огниво с неясным изображением зверя. Выделенное Н. Клеве в особый тип *е*, огниво известно в одном экземпляре, происходящем также из с. Рождественского [26]. Оковка, сохранившаяся частично (около 3 *см* в длину), напоминает голову клюющей птицы (?) влево. Если предположить, что полный размер оковки составлял 5—6 *см*, то на недостающей половине размещалось или изображение второй птицы или туловище и вторая нога зверя (?).

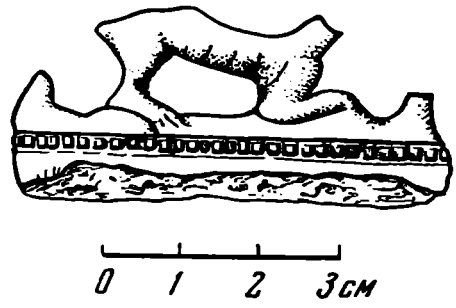


Рис. 3. Огниво с изображением зайца (?) из Рождественского городища

Все огнива 1—6-го типов отлиты по восковой модели. Дата огнив I группы — конец IX — первая половина X в.

Огнива II группы. 1 тип. Медведи в рост. Наиболее ранний экземпляр происходит из погр. № 29 могильника «Барсов городок» [27] (рис. 2, *6*). Медведи изображены в мирной позе: их морды и лапы разделены прорезями. Сходные по композиции изображения медведей известны на бронзовых бляхах (находки у дер. Шипицыной Чердынского уезда, которые А. А. Спицын датирует VIII—IX вв. [28]) и на серебряной бляхе, найденной у с. Губдор Чердынского уезда [29]. Образ медведя — один из древних и наиболее распространенных в искусстве народов Прикамья и Сибири, однако парные изображения медведей сравнительно редки.

Погребение № 29 не содержит вещей, облегчающих датировку (таблица, *4*). Судя по общей дате могильника (конец IX — начало X в.) и по характеру изображений зверей на рукояти, огниво выполнено в стиле огнив I группы и поэтому может быть отнесено к концу IX в. Рукоять огнива отлита по восковой модели.

Тип 2. Этот тип огнив с изображением медведей в рост является прямым развитием первого. Совпадают размеры и контуры фигур, количество и расположение прорезей, но сами фигуры зверей превращены в схему; рукоять огнива плоская. Все три экземпляра огнив найдены более чем за 2000 *км* к востоку от обской находки — в курганах Приладожской веси [30] у селений Подъяндебское на Свири (рис. 2, *7*), Валданика на Ояти и на северо-восточном берегу Онежского озера в кург. № 2 у дер. Чёлмужи. По сопровождающему инвентарю (гривнам глазовского типа, бронзовым сферическим и сферическим с оттянутыми концами пронизкам, появляющимся в приладожских курганах только с середины X в.; пряжкам: трехлистной и подковообразным, подвескам в виде всадницы со змеем и монетам второй половины и конца X в.) огнива датируются концом X — началом XI в. (см. таблицу, *14—17*).

Огнива отличаются друг от друга небольшими деталями. Отлиты они в односторонних жестких формах. Вероятно, в Прикамье можно ожидать находок промежуточного типа огнив, которые связали бы эти, так разнящиеся во времени и пространстве западные образцы с их восточным прототипом.

---

[25] H. Appelgren-Kivalo. Kansallisuusmääräyksistä muinaistieteessä. Finskt museum, XXII, 1915, рис. 28.

[26] А. А. Спицын. Древности Камской Чуди..., табл. XXXIX, 7.

[27] T. Arne. Ук. соч., табл. 112, *81*.

[28] А. Спицын. Шаманские изображения. ЗОРСАРАО, VIII, 1, 1906, рис. 318, 320.

[29] Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. CXXVII, *62*.

[30] Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере. СА, 1963, 3, стр. 62, рис. 5.

Тип 3. Огнива третьего типа в какой-то мере восполняют этот пробел, представляя собой, однако, самостоятельный вариант огнив с медведями. Фигуры зверей с поднятыми соединенными лапами изображены до половины туловища. Огнива орнаментированы с обеих сторон округлыми выпуклинами — «жемчужинами», прямоугольниками или врезанными линиями. Прорези имеют подтреугольную форму. Композицию рисунка на этих огнивах можно сопоставить с фигурами борющихся медведей на наскальных изображениях Кунинской горы.

Одно из огнив этого типа найдено совместно с огнивом 2-го типа в кург. № 2 у дер. Чёлмужи; остальные четыре происходят из Прикамья: два из могильников Чердынского района — Мало-Аниковского [31] и Мелехинского [32] X в.; у двух остальных место находки не уточнено (коллекция Зеликмана в Пермском университете; инв. № 3641 и 3643) (рис. 2, *8*). Пять экземпляров огнив отлиты в разных литейных формах, вероятно по восковой модели. Дата огнив этого типа — вторая половина X — начало XI в.

Тип 4. Первый вариант этого типа по реалистической трактовке головы зверя (медведя) стоит близко к 1-му типу. Условно переданные туловища зверей служат обрамлением двух больших круглых прорезей оковки. Все пять огнив этого типа отличаются друг от друга. Наиболее ранний образец — огниво из погр. № 54 Поломского I могильника [33]. Головы зверей здесь изображены с закрытой пастью, передние лапы соприкасаются. Инвентарь погребения беден и невыразителен. Огниво из погр. № 54 мы предположительно датируем началом X в. Огнива из Верхнего Прикамья (с. Нижнее Мошево, рис. 2, *9* [34] и Федоровщина [35]) прекрасно передают хищный облик зверя с раскрытой пастью, густую шерсть на шее и загривке, торчащие уши. Нижние части оковок орнаментированы различно, неодинаковы число и форма прорезей. Оковка огнива из Чердынского уезда покрыта рельефными поперечными валиками [36]. Этот экземпляр сближает с находкой из Танкеевского могильника [37] треугольный рисунок прорези у перемычки оковки. Дата этого варианта огнив — начало и первая половина X в. Рукояти огнив, орнаментированные с обеих сторон, отливались по восковой модели.

Второй вариант. Фигуры зверей превращаются в орнаментальную раму вокруг двух больших круглых прорезей оковки (всего прорезей 4). Сохраняются некоторые признаки звериных голов: выступы на месте ушей, лба; точечные углубления на месте глаз. Большие прорези обведены рельефным ободком, а наружный край оковки орнаментирован поперечными неглубокими нарезками. Нижняя часть оковки огнива имеет глубокий выем трапециевидной формы. При отливке рукояти пластина стали закладывалась в соответствующее углубление литейной формы и бронза рукояти охватывала ее с трех сторон.

Значительная схематизация рисунка оковки дает право отнести второй вариант 4-го типа огнив к более позднему времени, чем первый, однако инвентарь погр. № 18 Поломского I могильника, откуда происходит одно из огнив (рис. 2, *10*), беден и не содержит характерных для X в. вещей [38]. Здесь найдены трехгранные наконечники стрел из ребер-

[31] Раскопки А. А. Спицына в 1897 г. ГИМ, инв. № 35711.

[32] Раскопки Полякова в 1962 г. Пермский университет. Приношу благодарность В. А. Оборину за ознакомление меня с этой находкой.

[33] Гос. Эрмитаж. ОПК. Секция Северо-Востока. Колл. № 606/513.

[34] Там же. Колл. № 57/208. Случайная находка.

[35] А. А. Спицын. Древности Камской Чуди..., табл. XXXIX, *25*.

[36] Л. А. Голубева. Ук. соч., рис. 6, *7*.

[37] А. Х. Халиков. Отчет о полевых археологических исследованиях в Татарской АССР в 1961 г. Архив ИА АН СССР, р. I, 2383. Погр. № 21. Могильник датируется серединой X в. Приношу благодарность А. Х. Халикову за указание на эту находку.

[38] I Поломский могильник. Раскопки 1906 г., погр. № 18. Гос. Эрмитаж. ОПК. Секция Северо-Востока, инв. № 606/144.

ных костей, шило и железные пряжки обычных для IX—X вв. типов. Поэтому ориентировочно мы относим это огниво к первой половине X в. Второе огниво, очень близкое первому, происходит из погр. № XII могильника «Черемисское кладбище» на р. Ветлуге [39] (рис. 2, *11*). По крупному бубенчику с крестовидной прорезью, треугольному проволочному височному кольцу и бронзовым бляхам поясного набора — прямоугольным, сердцевидным, треугольным, широко распространенным и в IX в. [40], это погребение следует датировать первой половиной X в.

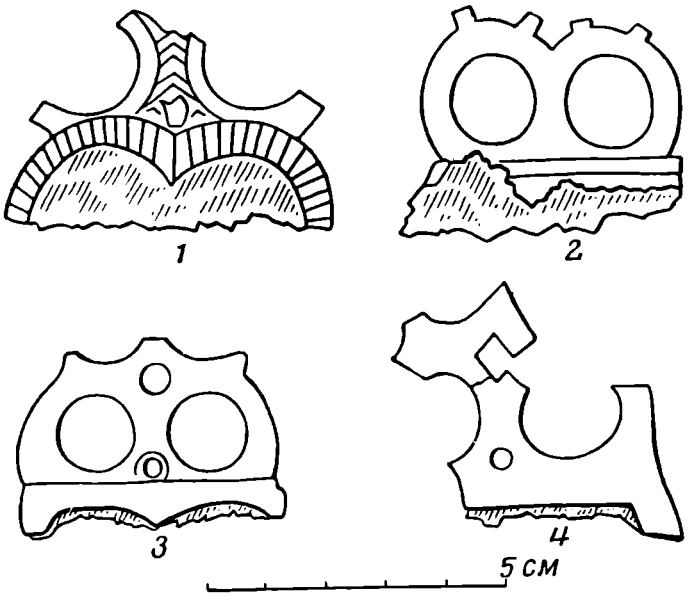


Рис. 4. Огнива II группы (4—6-й типы) из собрания Пермского музея

1 — местонахождение неизвестно; *2—4* — Рождественское городище

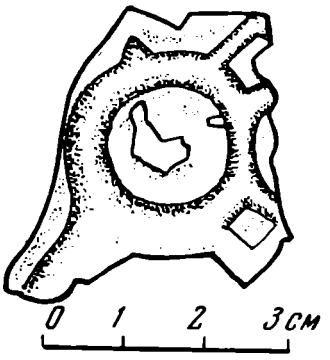


Рис. 5. Незавершенная отливка огнива из Рождественского городища

Третий экземпляр — из Загарского могильника [41] — отличается от предыдущих меньшими размерами.

Третий вариант. Контуры звериных голов едва различимы, сохраняются лишь небольшие выступы на месте ушей. Рукоять орнаментирована поперечными валиками. Один экземпляр найден в Загарском могильнике [42], второй — на жертвенном месте в Большеземельской тундре [43]. Отлиты в разных формах. Вероятная дата огнив третьего варианта — середина X в.

Четвертый вариант. Рукоять огнива орнаментирована с обеих сторон насечками, нижняя часть имеет глубокий вырез в виде двух полукружий, верхняя — обломана (рис. 4, *1*). Огниво хранится в Пермском музее [44]. Огнива 1—4-го вариантов отлиты по восковой модели.

Дата огнив 4-го типа — начало X — середина X в.

Тип 5. Схематизированное изображение двух звериных (медвежьих?) голов, соединенных раскрытыми пастями. Первый вариант. Раскрытые пасти зверей обозначены одним или двумя круглыми отверстиями. Четыре экземпляра таких огнив найдены в Верхнем Прикамье: два в Каневском [45] и по одному в Кочергинском [46] и Загар-

[39] МАЭ, инв. № 1265/367.

[40] В. Ф. Генинг. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай; Сб. «Вопросы археологии Урала», 3. Свердловск, 1962, табл. IV, *3*, *11*.

[41] Пермский музей. Загарье, инв. № 2973.

[42] А. А. Спицын. Древности Камской Чуди..., табл. XVIII, *3*.

[43] Г. А. Чернов. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре. СА, XXIII, 1955, табл. V, *2*.

[44] Пермский музей, инв. № 467.

[45] Каневский могильник IX—X вв. на р. Велве (Коми-Пермяцкий нац. округ). Приношу благодарность В. Ф. Генингу за ознакомление меня с этими находками.

[46] М. В. Талицкий. Кочергинский могильник. МИА, 1, 1940, стр. 167, табл. V.

ском (рис. 2, *12*) могильниках X в. Пятая находка происходит из погр. № 4 Веселовского могильника [47]. Все четыре экземпляра огнив близки друг другу по форме и размерам (4,5 × 3,5 *см*). Они плоские, отлиты в жестких формах. Инвентарь погребений из Кочергинского и Веселовского могильников: гривны глазовского типа, браслеты многогранные и пластинчатые с точечным орнаментом; «усатые» перстни, шумящие подвески разных типов: арочные, очковидные, умбоновидные, коньковые (см. таблицу, *8*, *13*) позволяют уверенно датировать эти погребения и найденные в них огнива второй половиной — концом X в.

На рукоятях огнив второго варианта раскрытые пасти зверей образуют прорезь в форме ромба. Эти огнива почти завершают собой процесс схематизации огнив рассматриваемой группы и принадлежат к числу наиболее поздних. Один экземпляр такого огнива происходит из Мало-Аниковского могильника [48]. В Пермском музее хранится одна разломанная оковка и незавершенная отливка третьего образца, найденные на Рождественском городище (рис. 4, *4*; рис. *5*). Отливка из темной бронзы обломана; затеки металла не вырублены [49]. Четвертая находка (рис. 2, *13*) происходит из Салдырьского могильника X в. на р. Чепце [50]. Пятое огниво обнаружено в погр. № 96 Танкеевского могильника вместе с дирхемом — подвеской 907—913 гг. [51] Еще два таких огнива известны из погр. № 268 Темеревского могильника [52] и в Подболотьевском могильнике [53].

Следующая область, где сосредоточены находки огнив этого типа,— земля веси. В 1960 г. обломок огнива с ромбовидной прорезью найден на древнем поселении веси у Белого озера, верхний горизонт которого датирован денариями Оттона и Адельгейды (конец X — начало XI в.) [54]. В юго-восточном Приладожье, в курганах веси найдено семь экземпляров огнив (у деревень Вахрушево, Яровщина (2 экз.), Карлуха, Мергино, Валданика) [55] и в районе г. Тихвина [56].

Как все огнива предшествующих типов, так и 20 экземпляров огнив 5-го типа найдены на территории, занятой в IX—X вв. народами угрофинской языковой семьи и только один экземпляр обнаружен на славянском поселении — в Новгороде начала XI в. [57].

Темеревское огниво и огнива Приладожских курганов происходят из погребений воинов, которые, судя по находкам весов и гирек для малых взвешиваний, занимались и торговлей. Найденные в погребениях топоры, наконечники копий и стрел относятся ко второй половине X в. Этим же временем можно датировать меч из комплекса 8 кург. № 116 у дер. Вахрушевой (А. Н. Кирпичников относит его к типу «Т2») [58]. Обзор погребальных инвентарей (см. таблицу, *17—21*) подтверждает стратиграфическую (Новгород, Белоозеро) и нумизматическую дату огнив второго варианта 5-го типа (вторая половина X — начало XI в.).

---

[47] А. Х. Халиков, Е. А. Безухова. Ук. соч., рис. 24, *8*.

[48] Гос. Эрмитаж. ОПК. Секция Северо-Востока, инв. № 571/117.

[49] Пермский музей. Инв. № 7650/МК845 и МОКМЕ 10/371. В. А. Оборин. Рождественское городище и могильник. Тр. Камской археологической экспедиции. Уч. зап. Пермского ун-та, IX, 3, Харьков, 1953, стр. 160.

[50] ГИМ. Инв. № 42360/2.

[51] А. Х. Халиков. Отчет о полевых археологических исследованиях в Татарской АССР в 1961 г.

[52] Сб. «Ярославское Поволжье в X—XI вв.». М., 1963, стр. 114—115. Погребение относится ко второй половине X в.

[53] Муромский краеведческий музей. Подъемный материал.

[54] Л. А. Голубева. Ук. соч., рис. 6, *1*. Монеты найдены в 1962 г.

[55] Там же, стр. 60, 61 и 75—76.

[56] N. Cleve. Ук. соч., стр. 56. Ссылка на собрания Псковского музея.

[57] Раскопки Новгородской экспедиции под руководством А. В. Арциховского на Неревском конце в 1954 г. Огниво (инв. № 3725) найдено в 26-м ярусе, который датируется 1006 г.

[58] А. Н. Кирпичников. Мечи Киевской Руси (IX—X вв.). СА, 1961, 4, стр. 197.

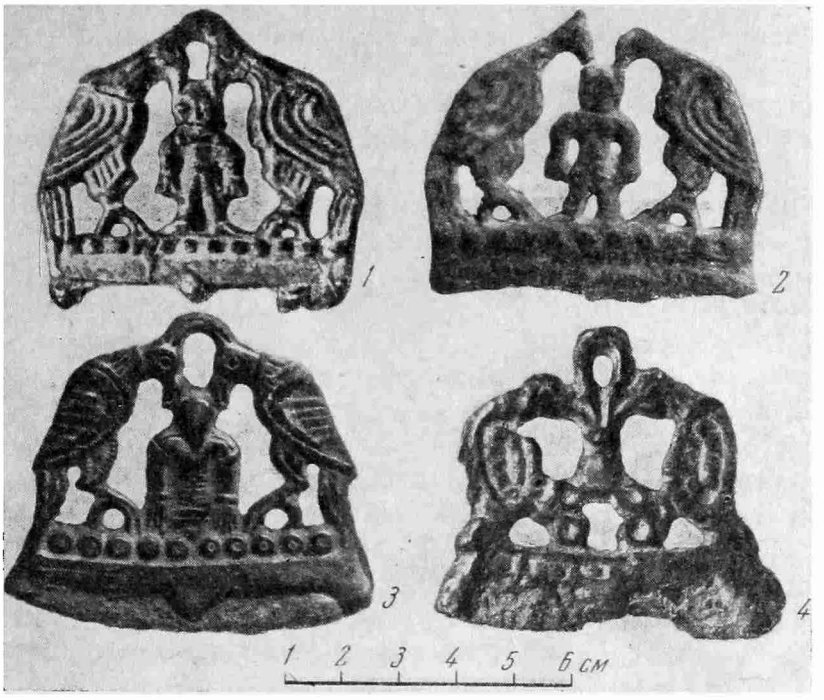


Рис. 6. Огнива III группы

1 — Пермь; *2* — *3* — Мало-Аниковский могильник; *4* — б. Чердынский уезд

Судя по характеру вещей, лишь курган № 116 у дер. Вахрушевой мог быть оставлен норманнами; все остальные погребения принадлежали местному населению.

В Северной Европе огниво 5-го типа (второй вариант) найдено в одном из богатейших погребений Бирки (№ 644) [59]. По овальным, двойным скорлупообразным фибулам типа Петерсен «51в», литой круглой пряжке с сильно стилизованным орнаментом, пряжке со звериными головами, топору с оттянутым молоткообразным обухом и мечу это погребение датируется второй половиной — концом X в.

Таким образом, дата огнив второго варианта 5-го типа, найденных на территории СССР и в Северной Европе, одинакова. Все эти огнива отливались в односторонних жестких формах, чем достигалась их стандартность. Так, огнива из Мало-Аниковского могильника, Белоозера, Вахрушевой и Валданика совершенно сходны как между собой, так и с тремя огнивами, происходящими из Финляндии и Швеции.

Тип 6 отличается гладкой рукоятью с тремя треугольными выступами и круглыми прорезями. В рисунке рукояти связь с ранними типами огнив II группы уже почти не ощутима. Различные по размерам три таких огнива найдены в Верхнем Прикамье: два на Рождественском городище [60] (рис. 4, *2*, *3*) и одно у дер. Мысы [61]. Как и огнива 5-го типа они отливались в жестких односторонних формах. Огнива с треугольными выступами можно поставить в самый конец эволюционного ряда огнив II группы и датировать началом XI в.

Н. Клеве объяснял разнообразие огнив типа *b* в Прикамье условиями местного кустарного производства. Внутри этого типа он выделял западную группу (находки в Приладожье, Финляндии и Скандинавских странах), стандартные огнива которой представляли собой, по его мнению, продукт более высоко организованного «фабричного производства» скандинавских центров, располагавшихся где-то восточнее и южнее Ладоги. Местное население — эти полудикие бродячие охотники и рыболовы, не

[59] H. Arbman. Birka I. Die Gräber. Text, 1943, стр. 221, рис. 183.
[60] Пермский музей. Коллекция из Рождественского городища, № VI/98 и I/229.
[61] А. А. Спицын. Древности Камской Чуди..., табл. XXXV, *8*.

только не могло, по его мнению, наладить ремесленное производство отнив типа *b*, но и было неспособно стать посредником в торговле между Прикамьем и Западом, если бы такие огнива производились в Прикамье.

Предвзятость этого взгляда очевидна. Стандартизация огнив, как результат развития местного производства, была достигнута в Прикамье во второй половине X в., о чем свидетельствуют находки самих огнив 5-го типа и их незавершенной отливки, а также огнива типа 6. Такие огнива изготовлялись в односторонних (вероятно, каменных) формах в больших количествах и предназначались для массового сбыта. Их производителями и основными потребителями были угро-финские народы Прикамья, Поволжья и Приладожья и лишь незначительная часть огнив этого типа вывозилась в Прибалтику и Скандинавские страны.

Тип 7 огнив представлен одним экземпляром из погр. № 14 Веселовского могильника [62]. На оковке огнива — две птицы, напоминающие гусей с распущенными крыльями по сторонам столбика. Изображение передает известный сюжет «две птицы по сторонам древа жизни». Оковка огнива сплошная, без прорезей, грубой работы, вероятно, местного литья. По найденным в погребении двум серебряным брактеатам 986—987 и 996—997 гг. огниво датируется первой половиной XI в.

III группа огнив — человек между двумя птицами. Птицы — орлиноголовые грифы с крупными клювами и мощными когтистыми лапами. С большой выразительностью переданы их сильные фигуры, превосходно вписанные в полукруг рукояти. Птицы со сложенными крыльями не терзают человека, а лишь касаются клювами головы, как бы тянут его вверх. Человек не борется с птицами, а, опустив руки, спокойно вверяет им свою судьбу. Отливка произведена по восковой модели. Одиннадцать огнив этой группы разделяются на три варианта. Первый вариант. Человек с опущенными руками, в рост. Одно огниво происходит из Мало-Аниковского могильника [63], второе — из Перми [64] (рис. 6, *2*, *1*). Огнива очень близки друг другу. Второй вариант. Человек изображен до пояса. Хорошо передана его одежда с длинными рукавами, пояс, лицо, пальцы рук. Четыре огнива этого варианта обнаружены в могильниках X в. Верхнего Прикамья: Мало-Аниковском (рис. 6, *3*), Плёховском, Пожвинском, Редикорском [65] и пятое — в области Перми [66]. Два экземпляра найдены в могильниках Салдырьском [67] и «Черемисское кладбище» и одно — в Киеве [68], в огромном дружинном кургане с сожжением.

Следует отметить, что эти огнива обнаружены в очень богатых воинских погребениях. В погр. № VI «Черемисского кладбища» помимо оружия найдены «усатые» перстни, браслеты, шумящие украшения и серебряный саманидский дирхем 962—967 гг., обрезанный по краям [69].

Третий вариант огнив отличается грубостью выполнения (рис. 6, *4*); фигура человека превращена в схему. Представлен одним огнивом из Чердынского уезда [70]. Дата этих огнив — вторая половина X в.

Сюжет огнив необычен. Он не имеет прямых аналогий в искусстве Прикамья и Зауралья, несмотря на обилие в последнем изображений, где птица и человек выступают вместе (летящая птица с человеческой головой или лицом человека на груди). Подобное сочетание образа птицы с изображением человеческой личины является, как указал

---

[62] А. Х. Халиков, Е. А. Безухова. Ук. соч., стр. 52, рис. 45, *8*.
[63] Л. А. Голубева. Ук. соч., стр. 62—63, рис. 5 и 75—76.
[64] H. Appelgren-Kivalo. Ук. соч., рис. 51.
[65] Л. А. Голубева. Ук. соч., рис. 5, *1*; 6, *6*, стр. 75—77.
[66] N. Cleve. Ук. соч., рис. 3, *3*.
[67] ГИМ. Инв. № 42360, 1.
[68] М. К. Каргер. Древний Киев, I, Л., 1958, рис. 39 *1*, *2*.
[69] МАЭ. Колл. 1265, погр. № VI, № 78—116.
[70] МАЭ. Коллекция Малахова, инв. № 1300/108.

1 *2*

Рис. 7. *1* — Прорись подвески по П. Лундстрёму; *2* — прорись заглавной буквы М из рукописи Клюнийского аббатства

А. В. Шмидт, особенностью Камского бассейна [71]. Оно связано с религиозными представлениями пермяков, чем и объясняется продолжительность бытования этого мотива. Образ птицы, в свою очередь, связан с огнем и небом. У телеутов есть легенда о птице «карболко», научившей людей добывать огонь при помощи трута, камня и железа [72]. Особо почитавшейся у народов Прикамья и Сибири птицей был орел — «птица хозяин неба». А. В. Шмидт предполагал, что именно орел изображался на прикамских птицевидных идолах с личиной человека, эволюцию которых он проследил от ананьинской эпохи до X в.

Однако, несмотря на то, что птицы на наших огнивах напоминают орлов, сюжетной связи между изображением на огнивах и птицевидных бляхах нет.

Привлечение к разгадке нашего сюжета образа индийской священной птицы Гаруда, уносящей человека, или греческого мифа об орле, похищающем Ганимеда, не объясняют нам присутствие двух птиц на рукояти огнив. Аппельгрен-Кивало, специально исследовавший происхождение сюжета данных огнив, выводил его из буддийских изображений богини с двумя священными животными (слонами) [73]. Н. Клеве допускал подобную трансформацию индийского сюжета на пермской почве. Однако на наших огнивах изображено не женское, а мужское существо. Наибольшую близость к сюжету наших огнив обнаруживают монетообразные подвески с изображением человека между двумя птицами, найденные во Владимирских и Гнездовских курганах с трупосожжениями, в Салтове, а также в Швеции (Бирка, погр. № 552, 762, 791, о-в Эланд) и Германии. Дата этих подвесок — IX—X вв. Т. Арне полагал, что эти подвески восточного происхождения отражают известный на арабском Востоке мотив «халиф Алнассир между двумя драконами» [74]. П. Лундстрём в работе, вышедшей в 1960 г., предложил новое истолкование содержания изображений на подвесках, сопоставив его с легендой о вознесении Александра Македонского на небо [75] (рис. 7, *1*). Мнение П. Лундстрёма мне кажется вполне убедительным. Вероятно и рукояти наших

[71] А. В. Шмидт. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. Сб. МАЭ, VI, Л., 1927, стр. 160—162.

[72] Н. П. Дыренкова. Культ огня у алтайцев и телеутов. Там же, стр. 65.

[73] H. Appelgren-Kivalo. Ук. соч., рис. 50.

[74] T. J. Arne. La Suède et l'Orient. Upsala, 1914, стр. 164—165.

[75] P. Lundström. The man with captive birds. A. A. XXXI, København, 1960, стр. 190—195.

огнив отражают тот же самый эпизод легенды об Александре, чрезвычайно популярной в искусстве и литературе средневековья. Еще Н. П. Кондаков считал возможным видеть в пермском бронзовом литье (птицевидные идолы) воплощение идеи вознесения Александра Македонского. Как на пример взаимопроникновения искусств греческого и восточного с его звериным стилем Кондаков указал на роспись палатинской капеллы в Палермо и на греческие рукописи X в., «где буквы принимают вид грифов, несущих человека (Александра Македонского)» [76].

Если мы сравним изображения на наших огнивах с трактовкой заглавной буквы М рукописи 1000 г. из Клюнийского аббатства во Франции [77], мы заметим между ними определенное сходство (рис. 7, *2*). Две птицы со сложенными крыльями возносят Александра на небо, ухватив его клювами за плечи. Александр, стоя, держит лапы птиц в опущенных руках. (Правда, птицы Клюнийской рукописи хохолками на головах и длинными хвостами напоминают больше павлинов, чем орлов).

Можно предположить, что эпизод этой легенды попал в Прикамье в пересказе или воплощенным в какое-либо изделие восточной или европейской торевтики. Сюжет оказался созвучным старому мотиву, сочетавшему образы птицы и человека в бронзовом литье. Сделанные, вероятно, на заказ отливки рукояти с этим сюжетом распространялись короткое время и почти исключительно в военно-дружинной среде Верхнего Прикамья. Возможно, через нее и проникла в Прикамье эта легенда, обошедшая весь свет.

IV группа огнив — два всадника. Три экземпляра огнив этой группы, отличающихся четким изображением всадников с длинными носами, на конях с крупными, хорошо профилированными головами, можно отнести к более ранним. Оковки этих огнив имеют закругленный нижний край, отделанный двумя валиками, «жемчужинами» или выпуклыми прямоугольниками. Огнива найдены в Финляндии [78] (Кума, рис. 1, *14*), Норвегии (Двербергс) [79] и Латвии (Даугмале) [80]. В Прикамье огнива первого варианта пока неизвестны. У огнив второго варианта изображения схематичны. Огнива из Гнездовского могильника [81], Белоозера [82], Пирова селища близ Владимира [83], а также пермское огниво (рис. 1, *15*) из коллекции Зеликмана [84] совершенно сходны с 17 огнивами второго варианта, найденными на Западе. Шесть остальных огнив: из б. Чердынского уезда, Кудымкора, Рождественского, а также из погр. № 3 Веселовского могильника [85] и из городища Межотне в Латвии [86] отличны друг от друга.

Для уточнения датировки данной группы огнив обратимся к нашей таблице. Огнива первого варианта представлены случайными находками или происходят из перемешанного слоя городищ. Огнива второго варианта найдены в четырех погребальных комплексах. Огниво из погр. № 3 Веселовского могильника (таблица, *9*) по гривнам глазовского типа, бронзовым шумящим подвескам (коньковой и трехспиральной), «усатым» перстням и др. хорошо датируется второй половиной X в.

---

[76] Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. СПб, 1897, V, рис. 16 и стр. 18.

[77] J. Evans. Cluniae art of the Romanesque Period. Cambrige University, 1950, рис. 1, *в*.

[78] N. Cleve. Ук. соч., рис. 1.

[79] Там же, рис. 15.

[80] Рига. Историч. музей. Раскопки городища Даугмале в 1936 г. инв. № 5428; V. Ginters. Séna Mezotne. Senatne un Maksla. IV, 1939, рис. 29.

[81] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, 28, 1902, табл. VII, *15*.

[82] Л. А. Голубева. Ук. соч., рис. 6, *3*. Огниво найдено в слое, датированном денариями Оттона и Адельгейды.

[83] В. В. Седов. Древнерусское поселение близ г. Вязники. КСИА АН СССР, 85, 1961, рис. 37, *1*. Огниво найдено в слое начала XI в.

[84] N. Cleve. Ук. соч., рис. 16.

[85] Л. А. Голубева. Ук. соч., стр. 64, сноска № 71, рис. 5 и стр. 75—77.

[86] V. Ginters. Ук. соч., рис. 29; Рига, Историч. музей, инв. № 1594.

Погребение воина с конем из могилы XI в Туне (Швеция) относится к этому же времени на основании подковообразной пряжки с гранчатыми головками, гребня, ланцетовидных наконечников стрел и рогового стержня с резным изображением головы медведя (?) [87]. Такие же стержни найдены в Приладожских курганах [88], в Гнёздове [89], и в погр. № 24 и 25 на усадьбе Десятинной церкви в Киеве [90]. Все эти погребения относятся ко второй половине X в.

Второе огниво из Швеции (Бирка, погр. № 776), кроме бронзовой весовой гирьки, не имеет в погребальном инвентаре опоры для датировки.

Погребение воина из Норвегии (Флемма, Тингволл) датируется по типам наконечников копья и стрел, а также по мечу типа V Петерсена [91] X—XI вв. Принимая во внимание стратиграфическую дату огнив из поселений (Белоозеро, Пирово селище), приходим к выводу о том, что дата огнив IV группы на территории СССР и Северной Европы одна и та же — вторая половина X — начало XI в.

Несмотря на численное преобладание западных находок, Клеве не сомневался в «пермском» происхождении и этой группы огнив. Таково же мнение норвежских археологов-медиевистов (А. Хертайг и др.), с которыми мне приходилось беседовать на эту тему в Осло и Бергене в августе 1962 г. Композиционно огнива с всадниками близки огнивам II и III групп. Тождественны и прием орнаментации («жемчужины», выпуклые прямоугольники). На их сюжет, возможно, оказал влияние известный мотив — «всадники по сторонам древа жизни».

* * *

Как уже отмечалось, огнива с бронзовыми рукоятями распространялись в основном на территории с угро-финским населением; лишь три экземпляра найдены в славянской среде — в Новгороде, Гнёздове и Киеве. Южнее Киева мне известно одно огниво в памятниках салтовской культуры [92], возможно местного происхождения; по форме рукояти оно стоит особняком.

Огнива с бронзовыми рукоятями занимают самостоятельное место среди археологических памятников конца I — начала II тысячелетия. Они не имеют аналогов средп одновременных изделий бронзолитейного производства славянских и других европейских народов или народов Сибири. Как сказано выше, своим появлением на свет они обязаны металлургии Прикамья, достигшей к этому времени высокого развития. Наиболее ранние огнива, отливавшиеся по восковой модели, представляют собой большое разнообразие типов. Нередко они являлись настоящим художественным произведением со сложной композицией и сюжетом. Такие огнива изготовлялись на заказ и во второй половине X в. Однако наиболее характерным для выделившегося в ремесло бронзолитейного дела Прикамья второй половины X — начала XI в. являлось литье в односторонних жестких формах. Благодаря этому приему достигалась стандартность и массовость производства не только рукоятей огнив, но и таких изделий, как коньковые подвески, арочные, умбоновидные, очковидные и другие украшения, снабженные шумящими привесками.

Эти украшения прикамских типов X — середины XI в. дошли до нас в огромных количествах, о чем свидетельствует хотя бы собрание Пермского музея. Только в Верхнем Прикамье (на территории родановской

---

[87] T. Arne. Das bootcräberfeld von Tuna in Aliske. Uppland. Stockholm, 1934, стр. 40—41.

[88] Н. Н. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. МАР, 18, 1895, табл. 1, *9*.

[89] В. К. Сизов. Ук. соч., табл. VI, *13*.

[90] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 144—145, табл. VI, *3*; VII, *6*.

[91] N. Cleve. Ук. соч., стр. 56.

[92] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры. МИА 62, 1958, рис. 21.

культуры) мне известно 102 коньковые подвески X — середины XI в., происходящие из 43 пунктов. Наибольшее количество находок этих подвесок совпадает с пунктами массовых находок огнив с бронзовыми рукоятями (Загарский могильник — пять коньковых подвесок и пять огнив; Мало-Аникovский могильник — девять коньковых подвесок и шесть огнив; Рождественский могильник и городище — соответственно, девять и семь). Вероятно, на поселениях близ этих могильников существовали ремесленные центры; с уверенностью это можно сказать о Рождественском городище, где зафиксировано местное производство огнив и найдено 18 подвесок (в том числе и поздних типов — XI—XII вв.). Характерно, что в трех этих могильниках, а также в Редикорском, Баяновском и др. встречены богатые дружинные погребения с большим количеством оружия и серебряными погребальными масками. Связанные с этими могильниками находки монет и крупных вещевых кладов свидетельствуют о значительной имущественной и общественной дифференциации. Несомненно, что сравнительно высокий уровень общественной и культурной жизни Верхнего Прикамья в X — середине XI в. в значительной мере связан с развитием бронзолитейного дела и широкими международными связями, которые благодаря этому были установлены.

Время проникновения огнив с бронзовыми рукоятями на Запад — вторая половина X — начало XI в. Н. Клеве необоснованно связывает это явление с транзитной варяжской торговлей. В это время приток восточного серебра в Европу уже резко сократился и транзитного пути с Балтики на Восток практически не существовало. Однако имено в эту эпоху наблюдается подъем металлургического производства в Прикамье и распространение стандартизованной продукции его бронзолитейных мастерских далеко за пределы Камского бассейна. Топография находок прикамских изделий, монетных кладов и монет X — первой половины XI в. от Прикамья до Приладожья [93] свидетельствует о расцвете внутренней торговли. Оседание западных денариев и византийских монет на всем пути от Приладожья до Прикамья и обилие этих находок в Приладожье — земле веси — говорит об активном участии местного населения и в торговле с Западом. Именно через посредничество веси ряд изделий прикамского происхождения, в том числе и огнива, став объектом торговли викингов, попадали на Запад: больше всего в Финляндию (куда прикамский металл проникал уже в эпоху бронзы), меньше — в Швецию и еще менее — в Норвегию.

Позже середины XI в. огнива описанных четырех групп не встречаются, хотя отдельные экземпляры огнив с бронзовыми рукоятями оригинальной формы попадаются в финских погребальных памятниках Поволжья даже в XIV в. [94].

Прекращение производства огнив с бронзовыми рукоятями в Прикамье не было явлением изолированным. Оно совпало с исчезновением других типов бронзовых изделий: подвесок с всадницами, коньковых, арочных, умбовидных, очковидных и других подвесок и украшений, имевших ту же дату и сходный ареал. Заключительный этап родановской культуры в Прикамье (середина XI—XII в.) характеризуется иными типами бронзовых украшений, а огнива с бронзовыми рукоятями повсеместно сменяются здесь стальными огнивами калачевидной и овальной форм. Распространение этих форм огнив шло с Запада и, вероятно, было связано с продвижением славян в Прикамье.

---

[93] Л. А. Голубева. Ук. соч., рис. 5 и стр. 75—77.
[94] А. А. Спицын. Археологический альбом, стр. 12.

С. А. ПЛЕТНЕВА

О ПОСТРОЕНИИ КОЧЕВНИЧЕСКОГО ЛАГЕРЯ-ВЕЖИ

«В давние времен, когда какое-нибудь племя останавливалось в какой-либо местности, оно [располагалось] наподобие кольца, а его старейшина находился в середине [этого] круга, подобно центральной точке; это и называли курень» [1],— так описывал древнее монгольское построение становища крупнейший историк и этнограф XIII в. хулагуидский придворный Газан-хана Рашид ад Дин.

Знак круга с точкой в центре является, как известно, одним из древнейших и характернейших символов солнца, неба. Большинство раскопанных в настоящее время языческих святилищ различных народов [2] построено по этому же принципу — «точкой в середине круга» был главный идол, вокруг него располагались изображения второстепенных богов.

В бурный период распада родо-племенных отношений, когда новая аристократия всячески старалась создать авторитет центральной власти князя-хана, этот последний выполнял функции не только военачальника и администратора, но и жреца [3]. Вполне вероятно, что именно в это время планировка княжеской ставки стала подобна планировке капища, посвященного богу неба Тенгри-хану [4]. Правомерно предположить, что впервые «куренное» построение возникло у кочевнических народов, которые поклонялись небу и солнцу [5] в период бурного разложения родо-племенного строя [6]. В IV в. эта планировка была известна кочевым народам Причерноморья, в частности аланам. По словам Аммиана Марцеллина, писавшего свою «Историю» в 90-е годы IV в., аланы, «придя на изобильное травою место... располагают в виде круга свои кибитки» [7].

К сожалению, письменных свидетельств о лагерях кочевников в длительный промежуток между гуннским и монгольским периодами не сохра-

[1] Рашид ад Дин. Сборник летописей, I, 2. М.— Л., 1952, стр. 86.

[2] В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище в Перыни. КСИИМК, L, 1953; П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины. СА, 4, 1958; К. А. Смирнов. Святилище в урочище Ага-Базар. МИА, 61, 1958.

[3] Соединение гражданских и религиозных обязанностей в руках одного лица характерно для всех народов периода становления классового общества — от вавилонских царей и египетских фараонов до хазарского кагана, русского князя и половецких и монгольских ханов включительно.

[4] У савир были специальные святилища Тенгри-хана (Моисей Каганкатваци. История Агвана. Пер. К. Патканова. СПб., 1861, стр. 200). К сожалению, до нас не дошли описания этих святилищ. Однако мы знаем, что монгольские «обо» — жертвенники сооружались в виде круга из камней, жертвенных амулетов и земли и вокруг этого основного сооружения располагалось 12 малых, подобных ему (Доржи Банзаров. Собр. соч. М., 1955, стр. 62).

[5] Поклонялись солнцу почти все кочевники, как ираноязычные, так и тюркоязычные: саки, масагеты, скифы, сарматы, аланы, хунны, сабиры, болгары и мн. др.

[6] Например, у хунну «курени» появились, вероятно, в эпоху Моэ-шаньюя и его ближайших преемников. Л. Н. Гумилев. Хунну. М., 1960, стр. 214—216.

[7] Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Пер. В. В. Латышева, II. СПб., 1960, стр. 341.

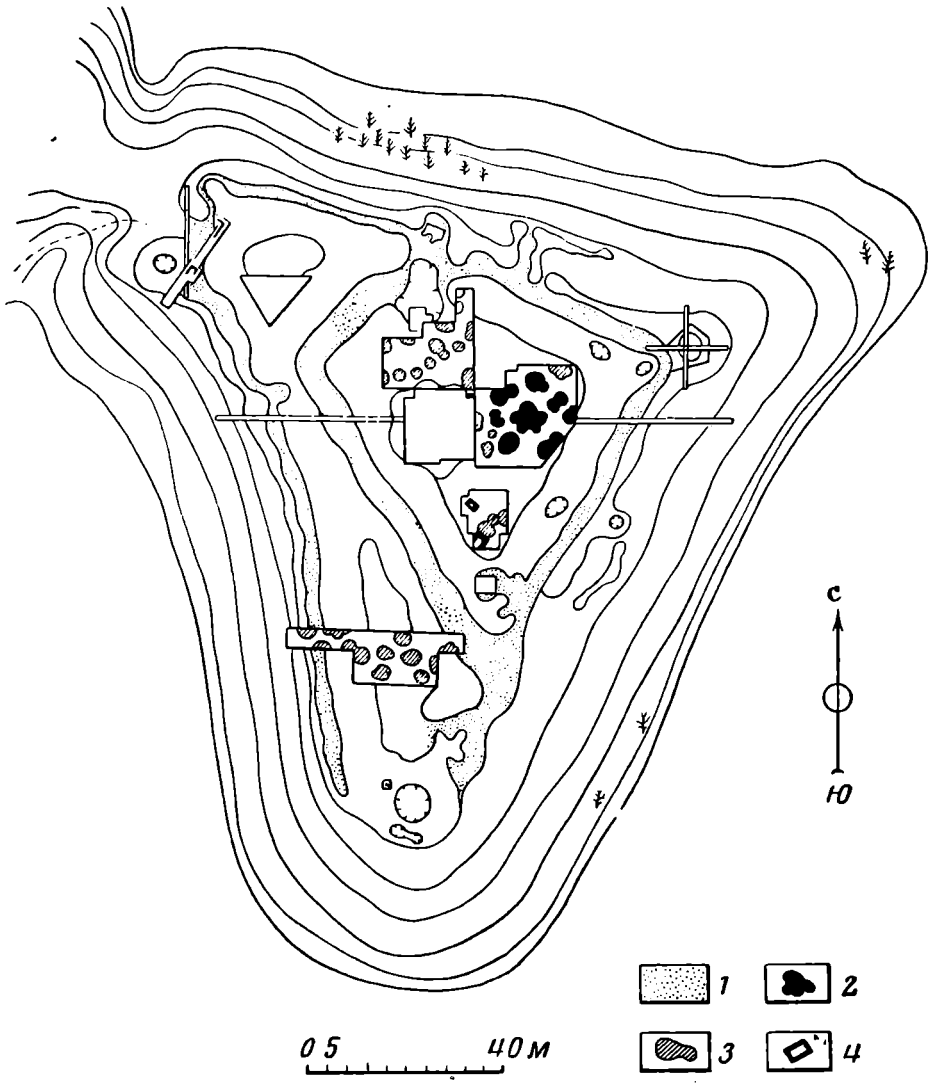


Рис. 1. План Правобережного Цимлянского городища с нанесенными на нем раскопами

1 — следы стен, *2* — юрты «куреня», *3* — остальные юрты, *4* — погреба

нилось. До последнего времени мы могли только предполагать (с большей или меньшей долей вероятности), что все евразийские кочевники V—XI вв. ставили свои ставки, или, как их называл русский летописец, «вежи», по одному, твердо установленному в глубокой древности плану — «куренем». Однако в 1958 г. нашими раскопками на Правобережном Цимлянском городище удалось обнаружить остатки княжеской ставки, спланированной куренем [8].

Городище представляет собой развалины белокаменной крепости — феодального замка VIII—IX вв., расположенного на одном из высоких мысов правого берега Дона (ныне северного берега Цимлянского водохранилища). С северо-запада мыс соединен с основным массивом берега узким перешейком, поперек которого в древности был прорыт ров. По периметру городища прослеживаются остатки мощных каменных стен. Такие же стены проходили внутри крепости, деля ее на три неравные части: восточную — трапециевидную и две треугольные небольшие площадки в южном

[8] Раскопки 1958—1959 гг. были продолжением работ, начатых на городище в 1939 г. И. И. Ляпушкиным. В настоящей статье мы не будем останавливаться на результатах исследования городища полностью, а опишем только лагерь, расположенный на восточной площадке крепости.

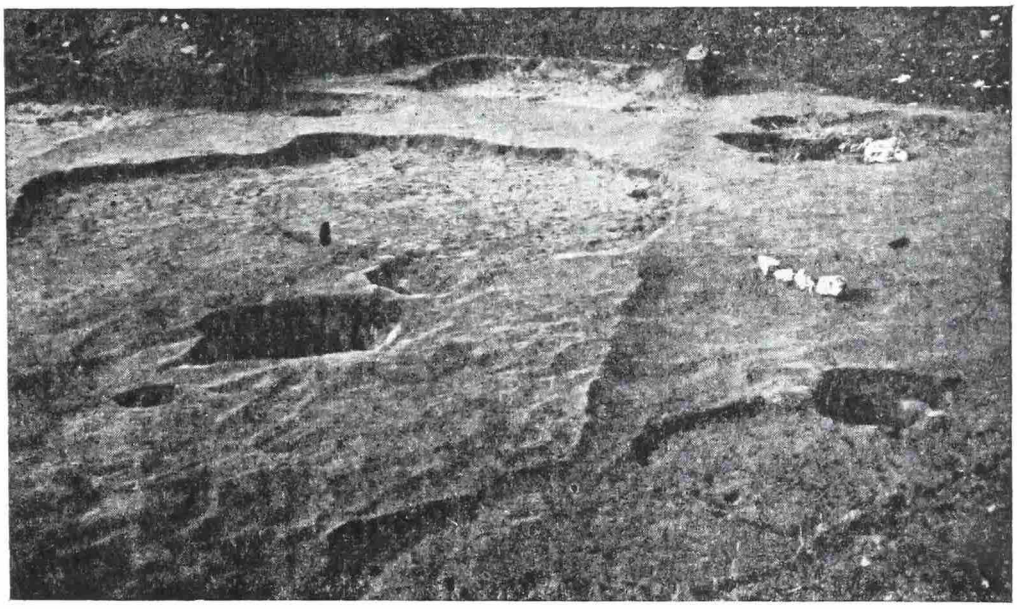


Рис. 2. Ставка «курень». В центре жилище князя

и северо-западном углах (рис. 1). Естественно было предположить, что именно на восточной, наиболее просторной и укрепленной части и находилось жилище феодала — владельца замка. Раскопки полностью подтвердили наше предположение. Именно здесь был обнаружен курень князя (рис. 2). Всего на восточной площадке в раскопках 1958—1959 гг. расчищено 26 жилищ, однако в ставку входило только восемь: семь по кругу и одно в центре (рис. 3). Остальные 18 расположены на раскрытой площади довольно беспорядочно. Сохранившиеся основания жилищ позволяют заключить, что это были углубленные в землю постройки с каркасным верхом. По-видимому, внешне они были совершенно аналогичны кочевническим юртам, хорошо известным нам как по описаниям древних путешественников, так и по современным этнографическим данным. По существу единственным отличием между обычными юртами и обнаруженными на Правобережном городище является некоторая заглубленность последних (на 20—30 *см*). В виде исключения встречаются на городище юрты-полуземлянки, углубленные в землю на 60—80 *см*[9]. Юрты, судя по форме основания, были однокамерные и двухкамерные (рис. 3). По кругу куреня располагались только двухкамерные жилища. Большая жилая камера (размером от 2,5 до 4 *м* в поперечнике) обычно круглая или овальная в плане. В центре ее находился очаг — неглубокое тарелкообразное углубление с обожженным дном и двумя или несколькими ямками от столбиков по краям. По периметру жилища в полу прослеживаются ямки от жердей перекрытия. Во второй камере, углубленной обыкновенно слабее, очага нет, иногда в ней помещалась хозяйственная яма. Впрочем, хозяйственные большие ямы находились и в жилой части — у очагов. Форма второй камеры в плане также круглая или овальная, в виде исключения — полукруглая. В юрте № 6 вторая, менее углубленная часть почти окружает основную — жилую камеру, что, несомненно, сильно утепляло жилище, так как у него было двойное перекрытие, как в современных тундровых ярангах. Центральная юрта отличается от всех описанных размерами, формой и устройством. В плане она делится на три части (северную, западную и

[9] Эти юрты-полуземляпки напоминают описанные Н. Харузиным степные кочевнические «постоянные жилища». Эти последние имели форму юрт, но нижняя их часть сооружалась из кусков дерна или сырца, т. е. так же, как в углубленной юрте, основание ее было земляное. Н. Харузин. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896, стр. 55—58.

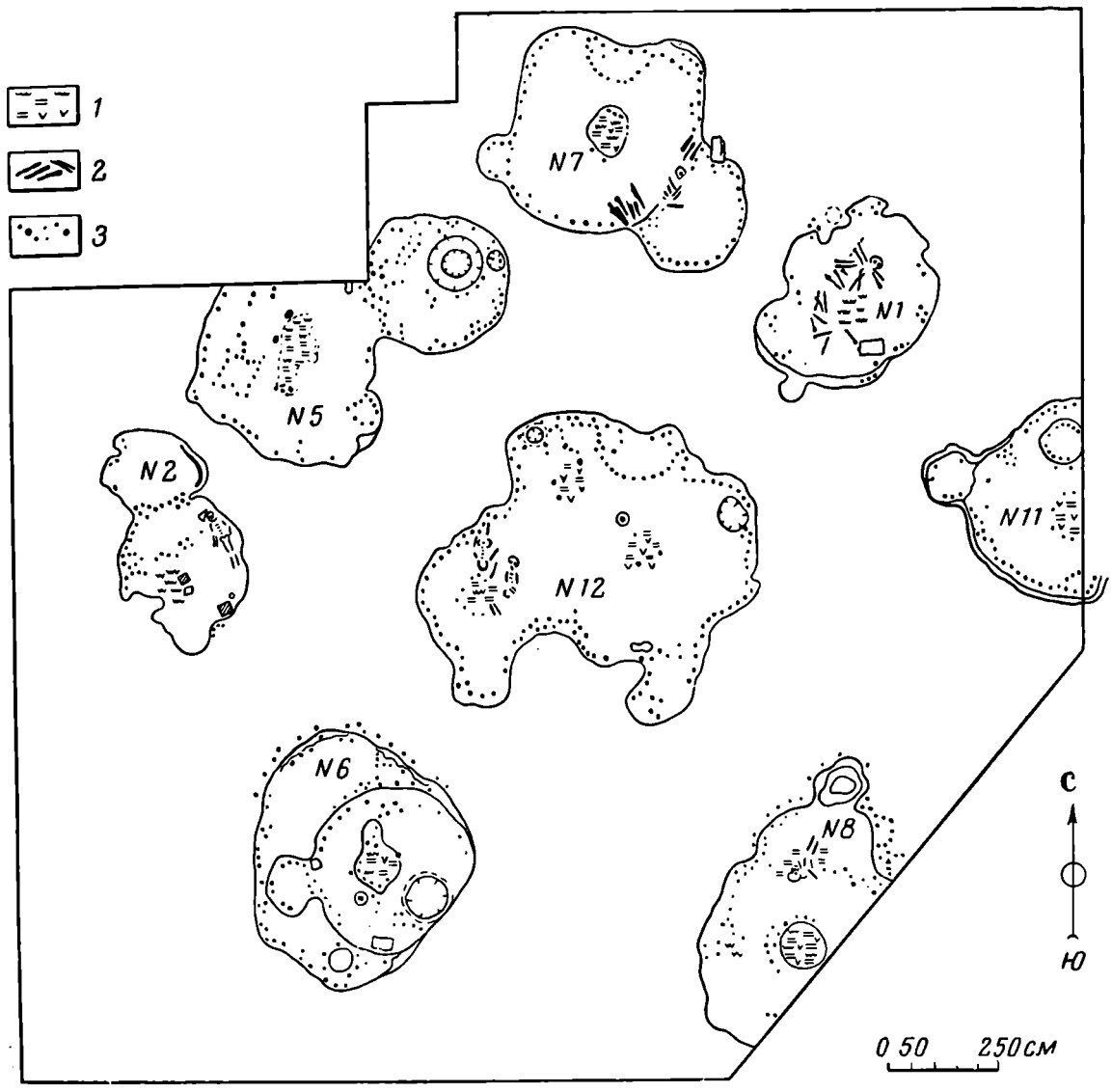


Рис. 3. План «куреня» на Правобережном Цимлянском городище

1 — очаги, *2* — обгоревшие жерди, *3* — ямки от кольев

восточную), выступающие тремя полукругами (рис. 3). Каждая из частей имеет свой очажок. Западное и восточное отделения были снабжены отдельными выходами, обращенными на юг. В северном отделении, помимо очага, была еще вырыта в полу конусовидная обогревательная ямка-камелек, заполнявшаяся горячими углями и раскаленными камешками [10]. Рядом с камельком у северной стены находилось какое-то полукруглое в плане сооружение, от которого сохранился ряд ямок от столбиков. Диаметр полукруга — 2 *м*. Интересно, что точно такое же сооружение и тоже у северной стенки было обнаружено в расположенном к северу от центральной юрты жилище № 7, в планировке основной части которого также наблюдается трехчастность (хотя очаг в ней один). Размеры сооружения в юрте № 7 несколько меньше (диаметр 1,2 *м*). Впрочем, и сама юрта пропорционально меньше (диаметр ее 4 *м*, тогда как размер центральной юрты в поперечнике 7 *м*).

Благодаря обстоятельным описаниям Рубрука и Плано Карпини нам хорошо известна планировка монгольского «дома»-юрты XIII в. [11]. Рас-

[10] Аналогичные камельки известны на Карнауховском поселении. И. И. Ляпушкин называет их «жаровыми» ямами. И. И. Ляпушкин. Карнауховское поселение. МИА, 62, 1958, стр. 272, рис. 9.

[11] Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957, стр. 27, 93, 94.

сказы обоих путешественников, дополненные сведениями этнографов XIX в., осмотревших и подробно описавших юрты современных им тюркских народов [12], помогают понять внутреннюю планировку ставки и отдельных вскрытых на Правобережном замке жилищ. Монголы и тюрки ставили юрты входом на юг, т. е. так же, как поставлена центральная юрта на городище. Ложе «господина» — хозяина дома — помещалось напротив входа, у северной стены, в северной наиболее важной части юрты (север по верованиям многих тюркских племен — обиталище умерших предков, при поминании их обращались обыкновенно лицом на север [13]). Оба полукруглые сооружения, обнаруженные нами в юртах, расположены в северной части жилищ и являются, вероятно, остатками ложа хозяина дома, своеобразными ханскими «тронами».

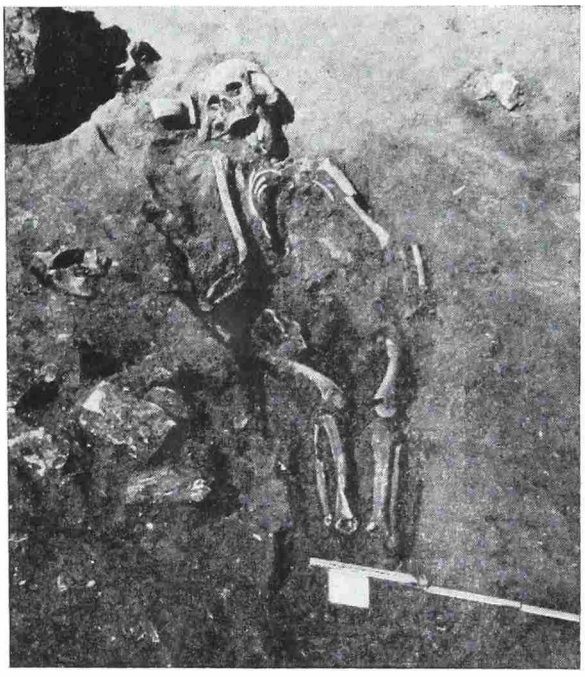


Рис. 4. Скелет женщины в жилище № 2

В юртах XIX в. это был бы «красный угол» жилища, называемый тюрками «тёр» [14]. Здесь находилась постель хозяина дома и немного слева от нее — «божница» со священными изображениями идолов. Интересно, что в центральной юрте на Правобережном городище, слева от полукруглого ложа, была обнаружена ямка-камелек, заполненная золой и углями. Возможно, в данном случае это было не только обогревательное сооружение, но и своеобразный жертвенный очажок, на котором обжигались, например, кости жертвенных животных, необходимые для гаданий, совершаемых обыкновенно самим ханом [15].

«Место женщин всегда с восточной стороны, то есть налево от хозяина дома, когда он сидит на своей постели, повернув лицо к югу. Место же мужчин с западной стороны, то есть направо» [16]. Как мы видели, в западную и восточную половины центральной юрты вели даже отдельные входы, в каждой из них был сооружен свой очаг. По-видимому, разделение мужской и женской частей было очень строгим. Недаром Рубрук писал, что «мужчины, входя в дом, никоим образом не могут повесить своего колчана на женской стороне». Интересно, что даже в момент гибели большинство женщин находилось на своей, восточной, стороне. Об этом мы можем судить благодаря сохранившимся в жилищах скелетам женщин, убитых и оставшихся погребенными под развалинами своих жилищ. Так, в жилище № 1 убитая лежала вдоль восточной стенки, вероятно, на постели (рис. 4), в жилище № 7 женщина прижалась лицом к восточной стене. Только в центральном жилище женщины были убиты не на своей стороне, а на мужской — непосредственно у мужского очага. Возможно, они пытались вы-

---

[12] Н. Харузин. Ук. соч., стр. 1—53.
[13] Г. де Рубрук. Ук. соч., стр. 94.
[14] Н. Харузин. Ук. соч., стр. 9.
[15] Г. де Рубрук. Ук. соч., стр. 149. Правда, Мангу-хан, о котором рассказывал Рубрук, гадая на лопатках баранов, приказывал обжигать их в специальных домиках, расположенных вне юрты. Здесь же для церемонии сожжения костей ограничились, по-видимому, сооружением отдельного очажка.
[16] Там же, стр. 93—94.

бежать через вход в мужскую половину в то время, как на их стороне уже хозяйничали враги. Позы убитых настолько выразительны, что, очевидно, они не погребены здесь и не принесены после смерти, а лежали на месте своей гибели под развалинами разрушенных и сожженных жилищ [17].

Для всех раскопанных нами жилищ характерна отмеченная Плано Карпини особенность — очаг расположен в центре пола. Объясняется это не только характером конусовидного перекрытия юрты, в котором отверстие для выхода дыма неизбежно должно было быть сверху в куполе. Основная причина этого кроется, несомненно, в значении очага, как объединяющего начала, вокруг которого собиралась вся живущая в юрте семья. Очаг был домашним святилищем, а богиня Ут у монголов считалась подательницей счастья и богатства, хозяйкой каждого дома [18]. Весьма существенно также, что очаг связывался в представлении алтайских тюрок с небесным огнем — солнцем. Солнечный луч, проходивший через верхнее дымовое отверстие и падавший на очаг, считался небесным столбом, удары по которому могут вызвать колебания небесного свода [19]. Это является, как мне кажется, подтверждением того, что планировка жилища-юрты в виде солнечного круга с точкой-очагом посредине также не случайна и ее нельзя объяснять только практической необходимостью помещать огонь подальше от легковоспламеняющихся стен. Значение очага для семьи можно сравнить со значением центральной юрты для ставки-куреня. Князь — хозяин центральной юрты был также хозяином всей ставки, объединяющей силой как данного куреня, так и всей подчиненной ему орды. Именно эта идея и была заложена в куренном построении лагеря.

Всего вокруг центрального жилища было поставлено семь юрт. Обитатели этих семи юрт принадлежали или к семье князя, т. е. находились с ним в кровном родстве, или были ближайшими его приближенными, связанными с князем вассальными отношениями. Кто из окружения был владельцем каждого отдельного жилища,— сказать трудно. Можно предполагать, что в юрте, расположенной к северу от центрального жилища, с таким же, как в большой юрте, троном-ложем для хозяина дома жила главная жена владельца замка. Известно, что малые приемы монгольские ханы нередко устраивали в «доме главной госпожи», т. е. старшей жены, игравшей большую роль в жизни ханской ставки [20]. Исходя из данных Рубрука о том, что юрта старшего сына Менгу-хана стояла с запада от ханского дома [21], мы с достаточной долей вероятности можем считать, что и в раскопанном нами лагере «яранговидная» хорошо утепленная юрта была сооружена специально для наследника князя.

Помимо описанного «куреня», на территории замка не было обнаружено никаких остатков другого, более фундаментального княжеского жилища. Все сооружения из белого камня связаны с системой укреплений, а из сырца были выложены стены погребов или арсеналов, расположенные в южном углу трапециевидной восточной площадки.

Таким образом, владелец ставки был типичным для Хазарского каганата феодалом, ведшим полукочевой — полуоседлый образ жизни. Зимой он отсиживался в замке, а летом кочевал всей своей семьей с чадами и домочадцами (аилом) на принадлежащих ему придонских левобережных пастбищах. Его почти неприступный, прекрасно укрепленный замок контролировал дорогу, связывающую центр каганата с северо-западными его окраинами. Занимавший этот важный стратегический и торговый пункт феодал был серьезным соперником самого кагана, и поэтому естественно, что каган захватил его и затем приказал построить напротив разрушенно-

---

[17] Некоторые из трупов сильно пострадали от диких зверей, почти полностью растащивших их. На многих костях видны следы зубов.

[18] Доржи Банзаров. Ук. соч., стр. 75—76.

[19] Алтайские сказки. Новосибирск, 1937, примеч. 94.

[20] Г. де Рубрук. Ук. соч., стр. 149.

[21] Там же.

го замка, на левом берегу, на землях непокорного феодала значительно более крупную и населенную крепость — Саркел [22].

В Саркеле, как и на других раскопанных или частично раскопанных средневековых хазарских поселениях, ни разу больше не встретилась планировка «куренем». В развитом феодальном городе или на широко раскинувшемся на берегу реки поселении вряд ли могло сохраниться это архаическое построение. Впрочем, у башкир такая планировка кочевий (летовок) была известна даже в XIX в. Это был наиболее древний и редкий тип планировки, в отличие от широко распространенного прямолинейного построения вдоль берега реки или опушки леса [23].

Акад. Б. Я. Владимирцев различает два вида кочевий у монголов: куренной и аильный [24].

Куренное кочевье характерно для периода разложения родо-племенного строя и раннего феодализма. Это кочевье-орда, состоящее иногда из нескольких сот семей. Аильное кочевье — кочевье одной большой семьи. Для куренных кочевий и была типична планировка по кругу с ханом в центре. Однако, когда богатые скотом аристократы выделились из орды и начали кочевать аилами, они по-прежнему сохранили привычное древнее куренное построение при сооружении своих ставок. Это был своеобразный символ власти, выделявший князя, подчеркивавший его высокое положение. Именно таким пережиточным куренем, ставкой аристократа князя и был раскопанный нами лагерь на Правобережном Цимлянском городище. С развитием феодальных отношений, разложением кочевой орды, с оседанием кочевников и в то же время распространением среди них иных религиозных представлений (христианства, мусульманства, отчасти иудейства) постепенно исчез и древний обычай ставить ставку по солнечному кругу — куренем. Поэтому в городах и земледельческих поселениях до сих пор и не было обнаружено куренной планировки.

О лагерях-вежах кочевнических орд, вторгнувшихся на территорию Хазарского каганата: в начале X в.— печенегов и в XI в.— половцев,— источники нам ничего не сообщают. Однако о том, что куренное построение было известно печенегам и половцам, говорит, по нашему мнению, факт широко применяемой ими так называемой «таборной защиты» [25]. Военное построение кочевников, названное П. Голубовским «таборной защитой», представляет собой передвижное укрепление из нагруженных возов, поставленных в один или два ряда в виде каре или круга. Внутри этого круга помещался наступающий отряд с военачальником или, в случае обороны,— женщины, старики, дети и имущество, т. е. семьи сражавшихся снаружи воинов. Повествуя о военных реформах Чингиз-хана, Рашид ад Дин прямо указывает на связь между куренным построением древнего лагеря и таборным военным построением: «И в настоящее время, когда вблизи находится вражеское войско, они [монголы] тоже располагаются в таком же виде (куренем.— *С. П.*) для того, чтобы враги и чужие не проникли внутрь [стана]» [26]. Иордан в рассказе о знаменитой Каталунской битве (451 г.) писал, что Атила с храбрейшими воинами находился в средине своего войска и тем самым «оказывался избавленным от наступающей опасности» [27]. В походе Джерраха в 20-е годы VIII в. арабы столкнулись с тем, что даже оборонительные укрепления одного из крупнейших хазаро-болгарских городов — Беленджера были сооружены из крытых и связанных между собой телег [28]. Эта тактика ограждения своего войска

---

[22] М. И. Артамонов. История хазар. М., 1962, стр. 321—323.

[23] Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, ч. 1. Уфа, 1957, стр. 100.

[24] Б. Я. Владимирцев. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 36—37.

[25] П. Голубовский. С какого времени можно проследить на юге Руси способ защиты табором. Тр. XI АС, II. М., 1902.

[26] Рашид ад Дин. Ук. соч., стр. 86—87.

[27] Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Пер. Е. Ч. Скрежинской. М., 1960, стр. 107.

[28] М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 207.

повозками была известна также печенегам и половцам в XI—XII вв. Их «табор» неоднократно описывался Анной Комниной в рассказах о многочисленных битвах ее отца Алексея Комнина со «скифами» (так она называет печенегов) и команами (половцами). Наиболее ясную и подробную характеристику «табора» она дает при описании сражения византийцев с печенегами между Дристрой и Преславом: «...они (печенеги.— *С. П.*) от самой природы наученные военному делу... связали свои ряды по правилам тактики и, оградив войско крытыми повозками, будто башнями двинулись на самодержца...» [29].

Итак, мы видели, что «табор» был известен гуннам, хазарам, печенегам и половцам, т. е. по существу всем кочевым народам восточноевропейских степей. В основе этого военного построения лежит все тот же «круг с точкой в центре», что и в планировке «куреня». Правда, внутренняя идея «куреня» в данном случае выступает уже не так отчетливо, как в построении жилой ставки-вежи, однако и здесь, особенно при наступлении, находившийся в центре хан-военачальник играл ту же роль объединителя — символа победы и знамени.

Таким образом, нам кажется весьма вероятным, что знакомые с «военизированным куренем» печенежские и половецкие орды ставили свои вежи по кругу — по солнцу. Впоследствии, в конце XII в., когда начался процесс выделения из орды семьи — чади [30], половцы, так же как и хазарские феодалы, планировали ставки по древнему, овеянному легендами обычаю — «куренем».

---

[29] Анна Комнина. Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина (1081—1118). Сб. «Византийские историки». СПб., 1859, стр. 327—328.

[30] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 1958, стр. 195.

А. С. МЕЛЬНИКОВА

О ЧЕКАНКЕ МОНЕТ В КУКЕНОЙСЕ В СЕРЕДИНЕ XVII В.

Причины и последствия неудачной денежной реформы Алексея Михайловича (1654—1663) достаточно широко и полно изучены историками и нумизматами. Нас интересует один из мало исследованных эпизодов этой реформы, а именно кратковременная чеканка монет в Кукенойсе, взятом у шведов во время русско-шведской войны 1656—1658 гг. и принадлежавшем русским с 13 августа 1656 г. по конец июля 1661 г.

О чеканке монет в Кукенойсе известно из сообщения Григория Котошихина о денежной реформе 1654—1663 гг. После попытки ввести новые серебряные деньги крупных додстоинств «...царь велел на Москве, и в Новгороде, и во Пскове, а потом и в Куконаузе, делати на дворех своих денги медные, алтынники, грошевики, копейки, против старых серебряных копеек...»[1]. Никаких других сведений о чеканке в Кукенойсе пока нет. До последнего времени не были известны и монеты Кукенойсского денежного двора, в то время как медные монеты Московского, Псковского и Новгородского денежных дворов очень полно представлены в монетных собраниях. Скудость сведений о Кукенойсском монетном дворе заставляла исследователей с некоторой осторожностью говорить о чеканке в Кукенойсе, хотя и отрицать сообщение Котошихина не было видимых оснований[2].

В настоящее время монеты Кукенойсского денежного двора «нашлись». Это несколько типов медной копейки с буквами «ЦА» или «Ц» под конем. Они были известны и раньше[3], но никто не пытался расшифровать, какой именно денежный двор скрывается под этим знаком. И. Г. Спасский предложил читать его как «царевичев». Так как Кукенойс сразу после взятия его русскими был переименован в Царевичев-Дмитриев город, то монеты со знаком «ЦА» с полным основанием можно отнести к продукции Кукенойсского денежного двора[4]. И. Г. Спасским издан один тип медной копейки Кукенойса[5]. В собрании Государственного Исторического музея обнаружено 259 экземпляров таких монет (рис. 1), связанных штемпелями лицевых и оборотных сторон. Связи по штемпелям объединяют эти монеты в единую группу и дают уверенность в том, что перед нами чеканка одного монетного двора (рис. 2). Это сравнительно небольшая цифра, если учитывать, что монет Псковского двора из 20-тысячного собрания медных монет в ГИМ насчитывается 16 тысяч, а московских монет — около 3,5 тысячи. Рисунок лицевой стороны имеет ряд своеобразных черт, отличающих

[1] Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, стр. 100.

[2] А. Маркевич. О чеканке русских денег в г. Кокенгузене в половине XVII в. Тр. X АС в Риге в 1896 г., I. М., 1899.

[3] Н. Булычев. Опыт классификации мелких медных монет царя Алексея Михайловича. М., 1910, № 38—44.

[4] И. Г. Спасский. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII века и реформа 1654—1663 гг. «Археографический ежегодник за 1959 г.». М., 1960, стр. 140.

[5] И. Г. Спасский. Ук. соч., табл. V, *10*.

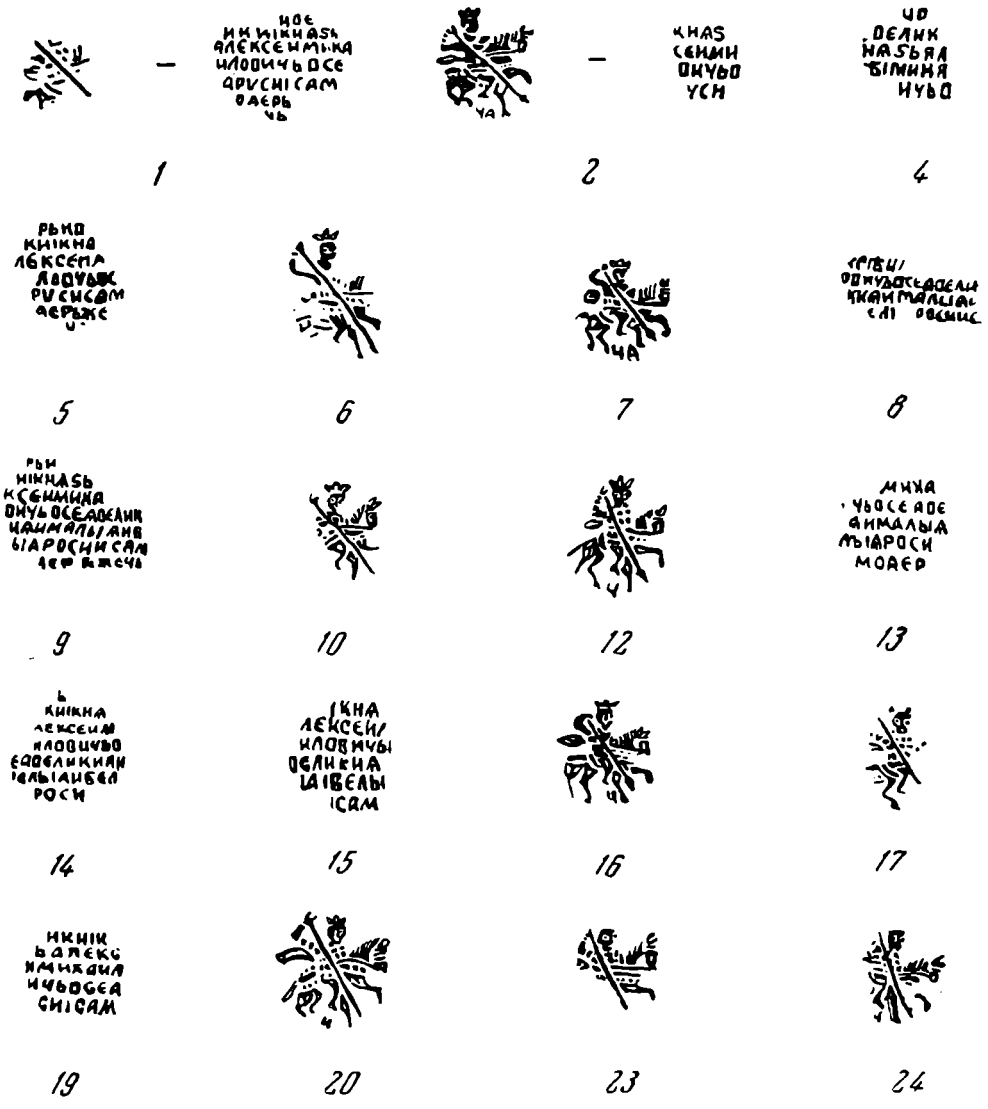


Рис. 1. Копейки Кукенойсского денежного двора (прорисовка)

эти монеты от московских, новгородских и псковских медных монет. Изображен всадник с копьем, в большой зубчатой короне, сидящий на большеголовой лошади. Под конем — буквы «Ц» или «ЦА». Оборотные стороны имеют две разновидности легенды: 1. Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси самодержец и 2. Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белыя Руси самодержец. Весовая норма монет обычна для медных копеек времени реформы. Она колеблется между 0,45—0,46 *г*. Нам известны только копейки Кукенойса; других номиналов, о которых говорит Котошихин, не встречено.

У исследователей, обращавшихся к изучению денежной реформы Алексея Михайловича, не вызывал недоумения факт создания дополнительного денежного двора именно в Кукенойсе — сравнительно небольшой крепости, расположенной на северо-западной окраине Русского государства, на границе с польскими и шведскими владениями в Прибалтике, где находился наиболее важный участок военных действий в войне России с Польшей (1654—1667) и Швецией (1656—1658). Необходимость в создании дополнительного денежного двора действительно существовала. Работа на денежных дворах велась крайне напряженно; денежные мастера жаловались на то, что «они живут на денежных дворах у государева денежного дела беспрестанно, и делают деньги днем и ночью наспех» [6]. Продукция всех денежных дворов должна была направляться в Москву.

[6] АМГ, 3, № 974, стр. 574—575.

Выбор именно Кукенойса местом дополнительного денежного двора нуждается в объяснении. Связывать появление Кукенойсского денежного двора только с нуждами денежной реформы 1654—1663 гг., на наш взгляд, недостаточно, так же как и с нуждами русских войск, действующих в Лифляндии в 1656—1657 гг. Факт существования денежного двора в Кукенойсе выходит за рамки чисто нумизматического значения.

Крепость Кукенойс (Кокенгаузен, Куконаус, Кокнесе, Куконос) расположена на правом берегу Западной Двины, юго-восточнее Риги. В Кукенойсе была удобная переправа через Западную Двину, здесь скрещивались пути, ведущие из Латгалии, Белоруссии и Литвы в Ригу [7]. В XIII в. Кукенойс, бывший центром русского княжества (удела Полоцка), как передовой форпост русских владений на Западе, первым столкнулся с Немецким Орденом. В 1208 г. он был захвачен немцами. С 1395 г. Кукенойс стал резиденцией рижского епископа; в нем был создан денежный двор, где чеканились монеты рижских епископов [8]. В 1577 г. Кукенойс был взят русскими, но в 1578 г. он перешел к полякам, а с 1608 г.— к шведам. Выгодное экономическое и стратегическое положение города, его ключевые позиции по отношению к Риге делали Кукенойс одним из важных опорных пунктов в борьбе за обладание Прибалтикой между Россией, Польшей и Швецией.

17 мая 1656 г. началась русско-шведская война. 13 августа русскими войсками взят Кукенойс. Дорога на Ригу была открыта, однако последнюю взять не удалось, так как у русских не было флота. В течение 1656—1657 гг. русские войска вернули принадлежавшие России до Столбовского мира земли в Ингрии и Карелии. В ноябре 1658 г. между Россией и Швецией было заключено Валиесарское перемирие сроком на три года, в течение которых все захваченные русскими земли оставались в их руках.

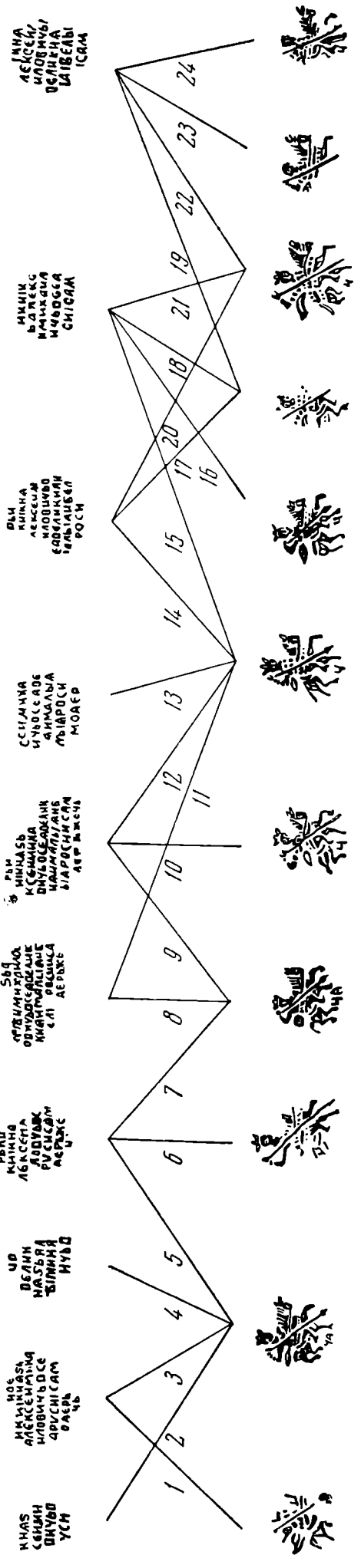


Рис. 2. Таблица соотношений штемпелей Кукенойсского денежного двора

[7] Н. Н. Харузин. Период господства русских в Кокенгузене во время шведской войны при царе Алексее Михайловиче. Тр. X АС, 3. М., 1900.

[8] А. Маркевич. Ук. соч.

В этот период особенно вырастает значение Кукенойса, который был сделан административным центром среди захваченных русскими лифляндских городов. 12 октября 1656 г. воеводой сюда назначается Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, крупнейший русский дипломат и государственный деятель XVII в., вдохновитель и руководитель русской внешней политики середины XVII в. Он находился на этом посту до конца июля 1661 г. Ордин-Нащокин был одним из наиболее последовательных и непримиримых сторонников борьбы за выход России к Балтийскому морю, лучше и полнее своих современников понимавший всю жизненную необходимость Прибалтики для России. Будучи наиболее ярким представителем политики меркантилизма, Ордин-Нащокин большое значение придавал развитию внешней торговли и главным образом балтийской. Он и сам имел прочные торговые связи с Ригой. В 1655—1656 гг. торговый оборот Ордина-Нащокина в Прибалтике составлял 3168 рублей [9].

Назначение Ордина-Нащокина воеводой в Кукенойс как нельзя более соответствовало его внешнеполитической программе; здесь он на практике осуществлял принципы меркантилизма. Ордин-Нащокин придавал большое значение укреплению и развитию пограничных городов, как в целях военной безопасности, так и для поддержания авторитета Русского государства в соседних странах [10].

Укрепив в военном отношении город, важность стратегического положения которого как передового форпоста в борьбе за Ригу Ордин-Нащокин прекрасно понимал [11], он стремился сделать из Кукенойса опору русской торговли в Прибалтике. Имеются сведения о том, что Ордин-Нащокин пытался построить флот в Кукенойсе [12]. Здесь, как и в других лифляндских городах, он оставил неприкосновенным местное самоуправление, оберегал жителей от произвола воеводской администрации, способствовал развитию ремесла и торговли, что также входило в его экономическую программу [13]. В годы воеводства Ордина-Нащокина оживляется торговля в прибалтийских городах, налаживаются торговые связи с Курляндией [14].

Имеются все основания предполагать, что учреждение в Кукенойсе денежного двора было выполнением столь последовательно проводимой Ординым-Нащокиным в прибалтийских городах политики меркантилизма. Привлечение драгоценных металлов, увеличение денежных запасов страны было одним из главных пунктов социально-экономической программы Ордина-Нащокина. Устройство для этой цели денежных дворов в пограничных торговых центрах было, по его мнению, крайне важно. В 1665 г. Ордин-Нащокин был послан воеводой в Псков. Там им был подготовлен проект городского устройства, в котором Ордин-Нащокин использовал опыт, накопленный им во время воеводства в Прибалтике, и где с наибольшей полнотой и последовательностью проводились принципы меркантилизма.

Одним из главных пунктов проекта было учреждение денежного двора, где сдаваемые иностранными купцами ефимки обменивались бы на русские серебряные копейки. Ордин-Нащокин обосновывает необходимость денежного двора в Пскове следующими соображениями: «...для беспомешные торговли и скорые розделки в товарех меж Русскими людми и к вели-

---

[9] Э. Д. Рухманова. Русско-шведская торговля на Балтике в середине XVII века. «Скандинавский сборник», II. Таллин, 1957, стр. 55—56.

[10] Е. В. Чистякова. Социально-экономические взгляды А. Л. Ордина-Нащокина (XVII век). Тр. ВГУ, XX. Воронеж, 1950.

[11] Ордин-Нащокин писал царю: «...Если бы шведы не боялись ратных людей из Царевичева-Дмитриева города, то съездов и перемирия не просили бы, а других твоих городов рижане не боятся, потому что далеко от них». С. М. Соловьев. История Россия с древнейших времен, 9—10, V. М., 1961, стр. 668.

[12] Е. В. Чистякова. Ук. соч.

[13] Там же.

[14] Очерки истории СССР. XVII в. М., 1956, стр. 751, 760—761.

кому сбору денежные казны быть во Пскове денежному двору... и сего ради приезжие Русские люди отвозить ефимков не учнут в розные порубежные городы, а для добрыя цены у кого сколко будет ефимков, и сверх указныя учнут отдавать ефимки во Пскове на денежный двор, и прибыль учинетца из фунтов великого государя казне большая...: а не быть денежному двору во Пскове, и торги добрые не будут» [15]. Надо полагать, что учреждение денежного двора в Кукенойсе диктовалось теми же соображениями.

К сожалению, архив Приказа лифляндских дел, который мог бы дать интересный материал о деятельности Кукенойсского денежного двора, не сохранился.

Некоторое представление о размахе и характере торговых операций кукенойсского воеводы дает отписка Ордина-Нащокина в Приказ тайных дел, датированная началом декабря 1660 г. [16].

27 мая 1660 г. по приказу царя было указано купить медь «ценою не в передачю». Ордин-Нащокин купил в Пскове «повольною ценою» лен и пеньку с крестьян дворцовых сел «в Лифлантех», продал весь товар в Риге и Ругодиве, а на полученные деньги купил медь.

В следующем году в Пскове он купил 900 берковцев льна и пеньки на медные деньги, по 10 рублей за берковец. Этот товар он перепродал любекскому купцу «на ефимки и на медь для прибыли на государевы денежные дворы», по 20 ефимков за берковец. Всего он выручил 18 тысяч ефимков. При переводе их на медные деньги (1 ефимок составляет 70 медных копеек) получается сумма, равная 12 600 рублям медью. По сравнению с затраченной суммой (9000 рублей), прибыль равна 3600 рублей. Половину вырученной суммы Ордин-Нащокин договорился взять 100 берковцами меди, по 90 ефимков за берковец. Ордин-Нащокин предлагает именно такой путь покупки меди: не непосредственно на деньги, а в обмен на лен и пеньку,— товары, пользующиеся большим спросом на внешнем рынке. Так как правительство запрещало купцам во время реформы 1654—1663 гг. пользоваться медными деньгами в торговле с иностранцами, Ордин-Нащокин предлагает использовать их с выгодой для покупки льна и пеньки внутри страны. Он приводит в качестве примера покупку новгородскими целовальниками 600 пудов меди, по 6 рублей серебряными деньгами за пуд. Это — невыгодная сделка, по мнению Ордина-Нащокина. В Лифляндии за лен и пеньку было куплено 1000 пудов меди, которые в переводе на медные деньги стоят всего 2700 рублей (Ордин-Нащокин высчитывает «чистую» цену для казны пуда меди, с вычетом пошлин, которые все равно идут в казну, равную 2 рублям 23 алтынам 2 деньгам (2 руб. 70 коп. медными копейками). Если бы истраченные новгородцами 6000 рублей серебряными деньгами перевести на медные деньги «по чему в порубежных городах выменивают серебряные деньги на медные» и полученные медные деньги использовать на покупку льна и пеньки, которые затем обменять на медь, то получилась бы тройная прибыль по сравнению с новгородской покупкой.

В цитируемом документе Ордин-Нащокин выступает горячим сторонником медных денег, которые в 1659 — начале 1660 г. еще сохраняли сравнительное равновесие с серебряными копейками. (Последние во время реформы не были изъяты из обращения, хотя не должны были чеканиться на денежных дворах.) Ордин-Нащокин указывает очень небольшой лаж на медные деньги — ефимок стоит 70 копеек медными деньгами, на серебряные деньги он стоил 64 копейки. Приблизительно такой же лаж, только для более раннего времени (с июля по сентябрь 1660 г.), указывает грамота от 15 июня 1663 г. с приложением донесения рядовых старост

---

[15] ДАИ, V, № 1, стр. 7.

[16] Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. «Сборник документов». М.— Л., 1960, № 134, стр. 194—195.

о курсе серебряной монеты на медную [17]. Для времени отписки Ордина-Нащокина (декабрь 1660 г.) грамота сообщает уже о «прибавке медных по пяти алтын».

В 1660 г. правительство уже понимало, что денежная реформа не удалась и предстоит возврат к старой серебряной копейке. Для возобновления ее чеканки необходимы были запасы серебра в казне. В этой связи кажется вполне целесообразным предложение Ордина-Нащокина использовать для покупки меди, которой требовалось огромное количество для денежных дворов, не дефицитное серебро, а лен и пеньку.

В той же отписке Ордин-Нащокин указывает на роль Кукенойса, как главного поставщика этих важных товаров. «А псковичам и всех торговых городов русским людем изо Пскова у гостина таможеннаго двора льну и пеньки прошлых годов цена по книгам пошлинным против нынешния цены, кои в государеву казну продают, в полы, и та им прибыль учинилась, что учали закупать ис Царевичева-Дмитриева города лен и пеньку, а русским торговым людям немецкие товары выменивать на задубныя кожи и юфти» [18], Ордин-Нащокин всячески старался направить торговлю из Пскова, Опочки, Себежа и других русских городов на Кукенойс через Лудзу и Резекне [19].

Деятельность Кукенойсского денежного двора обычно датируется периодом между 13 августа 1656 г.— концом июля 1661 г. И. Г. Спасский пишет, что «организация производства монеты здесь имела наибольший смысл в период активных военных действий, то есть вскоре после взятия крепости, в 1656 или в 1657 г.» [20]. На наш взгляд, чеканка в Кукенойсе началась, вероятно, после Валиесарского перемирия в ноябре 1658 г., когда появилась уверенность в том, что крепость будет оставлена за Россией. Косвенным доказательством нашей датировки может служить жалоба Ордина-Нащокина от 9 апреля 1658 г. на то, что ему не присылают жалование для солдат, «и в Царевичеве-Дмитриеве на апрель месяц кормовых денег нет же, и впредь без присылки денег на корм начальным людям и солдатам дать нечего» [21].

В приведенной выше отписке Ордина-Нащокина нет ни малейшего намека на какой-либо иной источник получения денег, кроме «присылки». Если бы в городе функционировал в 1658 г. денежный двор, вряд ли положение было бы столь отчаянным, да и характер переписки был бы иным. К тому же указание в письме, что денег для жалованья нет не только в апреле, но не будет и впредь, снимает, на наш взгляд, предположение, что здесь может идти речь о каких-то временных перебоях в работе денежного двора (если считать, что он работал в 1658 г.), например, из-за нехватки меди и т. п. Исходя из этих соображений, мы датируем открытие двора в Кукенойсе концом 1658 — началом 1659 г.; закрытие — концом июля 1661 г.

Учитывая обстановку, в которой появился Кукенойсский денежный двор, и значение Кукенойса в борьбе русских за овладение Прибалтикой, можно с уверенностью сказать, что Кукенойсский денежный двор был задуман надолго. Его существование было обосновано необходимостью развития торговли и привлечения в страну драгоценных металлов, что, по мнению А. Л. Ордина-Нащокина, удобнее всего было осуществлять на денежных дворах пограничных городов. В устройстве денежного двора в Ку-

[17] М. Деммени. Сборник указов по монетному и медальному делу в России СПб., 1887, стр. 4.

[18] Русско-шведские экономические отношения в XVII веке, стр. 195. Лен и пенька здесь объявляются как бы монополией казны, предваряя указ февраля 1662 г., когда была объявлена монополия казны до 1 сентября 1662 г. на пеньку, поташ, смольчуг, говяжье сало, юфть и соболи. Эти товары должны были сдаваться в государеву казну с выплатой за них медных денег. Собранные товары должны были продаваться иностранным купцам исключительно на ефимки и серебряные деньги.

[19] История Латвийской ССР, I. Рига, 1952, стр. 276.

[20] И. Г. Спасский. Ук. соч., стр. 140.

[21] АМГ, 2, № 1018, стр. 602—603.

Медные копейки Кукенойсского денежного двора

Номер таблицы и порядковый	Лицевая сторона	Оборотная сторона (восстановленная легенда)	Вес (в *г*) и количество экз.	Литература
1	Всадник с копьем в руках; монета стерта	Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси самодержавец	0,44	Не издана
2	Всадник с копьем в руках, в большой короне; плащ за спиной всадника в виде узкой петли; под конем буквы «ЦА»	То же, но другой штемпель	0,43	Не издана
3	См. № 2 (тот же штемпель)	См. № 1 (тот же штемпель)	0,35; 0,41; 0,43; 0,44—2; 0,45—5; 0,46—2; 0,47; 0,48; 0,50; 0,52 (17 экз.)	Не издана
4	См. № 2 (тот же штемпель)	То же, но другой штемпель	0,40; 0,44—2; 0,46; 0,48; 0,49 (6 экз.)	И. Г. Спасский *, табл. V, *10*
5	См. № 2 (тот же штемпель)	То же, но другой штемпель	0,35; 0,38; 0,40—3; 0,41; 0,42—4; 0,43—2; 0,44—7; 0,45—5; 0,46—6; 0,47—3; 0,48—2; 0,50; 0,52 (37 экз.)	Не издана
6	Всадник с копьем в руках, в большой короне, буквы не видно	См. № 5 (тот же штемпель)	0,47	Не издана
7	Всадник с копьем, в большой короне, плащ в виде кружка неправильной формы. Буквы «ЦА» под ногами коня	См. № 5 (тот же штемпель)	0,31; 0,40; 0,42—2; 0,43—5; 0,44—2; 0,45—2; 0,46; 0,47—4; 0,48; 0,49—2 (21 экз.)	Н. Булычев **, № 38—43
8	См. № 7 (тот же штемпель)	Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белыя Россия самодержавец	0,44—2	Не издана
9	См. № 7 (тот же штемпель)	То же, но другой штемпель	0,35; 0,42; 0,44—2; 0,49—2 (6 экз.)	Не издана
10	Всадник с копьем в руках; на лице всадника—борода; плащ в виде петли; буква «Ц» под ногами коня	См. № 9 (тот же штемпель)	0,41; 0,42; 0,44; 0,49; 0,54 (5 экз.)	Не издана
11	См. № 12 (тот же штемпель)	См. № 8 (тот же штемпель)	0,43—4; 0,45; 0,46; 0,48 (7 экз.)	Не издана
12	Всадник с копьем в руках, с большой головой; плащ в виде маленькой петли; буква «Ц» под ногами коня	См. № 9 (тот же штемпель)	0,25; 0,34; 0,35—2; 0,36; 0,38—4; 0,39; 0,40—3; 0,41—5; 0,42—5; 0,43; 0,44—5; 0,45—4; 0,46—4; 0,47—3; 0,48—5; 0,49—3; 0,51—2 (50 экз.)	Не издана

* И. Г. Спасский. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг.

** Н. Булычев. Опыт классификации мелких медных монет царя Алексея Михайловича.

Номер таблицы и порядковый	Лицевая сторона	Оборотная сторона (восстановленная легенда)	Вес (в г) и количество экз.	Литература
13	См. № 12 (тот же штемпель)	То же, но другой штемпель	0,40; 0,43—2; 0,44; 0,51—2 (6 экз.)	Не издана
14	См. № 12 (тот же штемпель)	То же, но другой штемпель	0,42; 0,43—2; 0,44; 0,46; 0,47; 0,48 (7 экз.)	Не издана
15	См. № 12 (тот же штемпель)	То же, но другой штемпель	0,37; 0,42; 0,43—2; 0,44—3; 0,45; 0,46; 0,47—2; 0,48—3; 0,49; 0,50; 0,56 (17 экз.)	Не издана
16	Подобна № 12, но другая форма короны, меньше размер зубцов, более вытянутый плащ	См. № 15 (тот же штемпель)	0,32; 0,38; 0,40—2; 0,41; 0,42—3; 0,43—3; 0,44—4; 0,45—5; 0,46; 0,47—5; 0,48—6; 0,49—2; 0,50; 0,52—3; 0,62 (39 экз.)	Не издана
17	Всадник с копьем в руках, с бородой; плащ в виде изогнутой петли. Буква не сохранилась	См. № 14 (тот же штемпель)	0,48	Не издана
18	См. № 17 (тот же штемпель)	См. № 15 (тот же штемпель)	0,46	Не издана
19	См. № 17 (тот же штемпель)	Царь и великий князь Алексей Михайлович всея России самодержавец	0,45	Не издана
20	Подобна № 17, но другая форма ноги всадника и задних ног коня; буква «Ц» под ногами коня	См. № 14 (тот же штемпель)	0,41; 0,43—2; 0,44—3; 0,45—3; 0,46; 0,48—2; 0,50; 0,55 (14 экз.)	Не издана
21	См. № 20 (тот же штемпель)	См. № 15 (тот же штемпель)	0,41; 0,44; 0,47 (3 экз.)	Не издана
22	См. № 20 (тот же штемпель)	См. № 19 (тот же штемпель)	0,51; 0,60 (2 экз.)	Не издана
23	Всадник с копьем в руках; форма плаща сходна с монетами № 17—20. Буквы под ногами всадника не видно	См. № 19 (тот же штемпель)	0,53	Не издана
24	Подобна № 17—23, но другой штемпель. Буква «Ц» под ногами коня	См. № 19 (тот же штемпель)	0,49	Не издана

+ 12 экз. плохой сохранности

кенойсе главную роль сыграла, очевидно, инициатива Ордина-Нащокина. Успехи русских войск в русско-шведской войне 1656—1658 гг. давали русскому правительству основание надеяться на то, что завоеванные лифляндские города останутся у России. Алексей Михайлович давал наказ посольству при переговорах в Валиесари: «Промышляй всякими мерами, чтобы у шведов выговорить в нашу сторону в Канцах (Ниеншанц) и под Ругодивом корабельные пристани и от тех пристаней для проезда в Кореле на р. Неве город Орешек, да на реке Двине город Кукенойс, что теперь Царевичев-Дмитриев, и иныя места, которые пристойны» [22].

Учреждение русского денежного двора в Кукенойсе является небольшим, но очень интересным эпизодом в многолетней борьбе Русского государства за экономическое преобладание в Прибалтике.

[22] С. М. Соловьев. Ук. соч., стр. 63.

Л. С. КИТИЦЫНА

ПРИМИТИВНЫЕ ФОРМЫ ГОНЧАРСТВА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Гончарство начала XX в. представляет интерес не только для этнографов, но также и для археологов, так как в некоторых примитивных формах, сохранившихся до нашего времени, оно уходит в глубокую древность. Изучение производства глиняной посуды на медленно вращающемся ручном гончарном круге может пролить свет и на изготовление древней лепной посуды.

Материал для настоящей работы собран в 1928—1929 гг. в западных уездах б. Костромской губ.: Костромском, Буйском, Галичском [1]. В исследованный район можно включить также б. Георгиевскую и Корцовскую волости Солигаличского уезда, где гончарный промысел описан Я. Козыревым [2].

В изученном районе встречались в указанное время обе разновидности налепной техники — кольцевая и спиральная, а также комбинирование этих двух способов налепа и переходная стадия от налепной техники к вытяжной. Таким образом, нерешенные в этнографии и археологии вопросы о соотношении и сосуществовании двух видов налепа, а также обусловленности применения той или другой техники могут быть в какой-то мере освещены на материале костромского гончарства.

В большей части обследованных селений промысел, существовавший исстари, не являлся главным занятием жителей, а служил лишь подспорьем в хозяйстве. При этом условии мастера не стремились к усовершенствованию грязного и малодоходного промысла, а работали в свободное время «по старинке». Благодаря этому гончарство сохранило здесь архаичные элементы.

Гончарство в Костромской обл.— мужской промысел. Участие в нем женщин ограничивалось помощью при посадке посуды в печь и выемке ее после обжига; иногда женщины помогали наносить глазурь. Сесть за круг женщина считала для себя позорным. Гончары называли себя горшечниками.

Добывание и подготовка глины. Большое значение для промысла имеет сорт глины. Гончары прекрасно разбираются в ее качестве и путем примесей и смешивания разных сортов глины получают наилучшую для работы массу. Сырьем для промысла служит исключительно

[1] Административное деление дано на момент обследования. Костромской у.; с. Сунгурово, дер. Абрамово Красносельской вол.; дер. Раково и починок Абросимов Судиславской вол.; дер. Митенькино Бычихинской вол.; деревни Погост, Немцовки, Сумароково Левашевской вол.; Буйский у.; дер. Петровское Андреевской вол.; деревни Жданово, Качалово Молвитинской вол.; деревни Толстопятово, Петрилово Ликургской вол.; дер. Бартенево Пригородной Буйской вол.; Галичский у.; дер. Гладышево Заозерной вол., дер. Пиногорово Игодовской вол.

[2] Я. Козырев. Гончарное производство. Тр. Солигаличского отд. Костромск. научн. о-ва, IV. Солигалич, 1925, стр. 25—34.

местная глина. Добывали ее зимой, обычно вдвоем: заступом копали яму, пока не доходили до слоя гончарной глины, затем брались за мотыгу. Выбрав весь годный слой глины в яме, подрывались в стороны, уходя в глубь стенок на 1 *м* и более. Это называется «рыть печуры». Выброшенную из ямы глину «окамывали», т. е. обухом топора сбивали в комья 20—30 *кг* весом. В дер. Абрамово для сбивания глины употреблялся деревянный молот.

Комья глины промораживали, после чего возили к дому, где складывали в «глинники» — ямы без сруба, или просто сваливали во дворе. В дер. Петровское глину сбивали большим комом, а после того как она промерзала, резали на куски лопатами и возили домой. В Заозерной волости вырытую глину тут же выкладывали пластом толщиной примерно в 30 *см* и утрамбовывали колотушкой, после чего надрубали квадратами и оставляли для промерзания [3].

В большинстве случаев гончары прибегали к смешиванию разных сортов глины. Так, в дер. Погост, где пласт гончарной глины состоит из двух слоев (желтой тяжелой и голубовато-серой эластичной), оба сорта смешивали еще при сбивании в комья. В дер. Митенькино глина каждого «глинища» имеет свои особенности: «болотная» супесчаная глина сероватого цвета «слаба для варки», «лопунья» — темно-синеватая глина — стойкая для варки, при обжиге лопается. Смешивая эти сорта, прибавляя в «лопунью» песку, опытный мастер улучшал качество глины. Иногда в слишком жирную глину прибавляли красную «печную» глину.

В Ликургской волости, где вырабатывалась исключительно серая (обварная) посуда, в «жировую» глину прибавляли значительное количество дресвы. Для этого «дресвяной» камень пережигали, толкли, просеивали сквозь решето и в смеси с речным песком добавляли к глине. Чем больше дресвы, тем прочнее считалась посуда.

Обычай примешивать дресву к глиняному тесту, сохранившийся в районах производства наиболее грубой посуды, восходит на территории Костромской обл. к очень раннему времени. Сосуды из костромских курганов XI—XIII вв. [4] и бытовая керамика, добытая при раскопках в г. Костроме [5], содержат значительную примесь дресвы. Несомненно, эта традиция имеет более глубокие корни. Так, в соседней Ярославской обл. примесь дресвы при выделке лепной посуды отмечена в памятниках мерянской культуры V—VII вв. (на Березняковском и Сарском городищах, Попадьинском селище и др. [6]).

* * *

Чтобы превратить глину в однородную массу, ее месили ногами. В дер. Митенькино заминка называлась «мятку мять», в дер. Раково — «топчище». В дер. Абрамово глину не только разминали, но и резали на мелкие слои серпом. В дер. Петровское, где глина «суровая», перед тем как мять, ее колотили обухом топора. Промятую глину скатывали трубкой или складывали кучкой и по мере надобности отделяли (рукой, проволокой, ножом или ниткой) небольшие куски, перемешивали руками на лавке, после чего пускали в работу.

Технические приспособления. Обычно работа производилась в жилой избе, в редких случаях для промысла имелось особое помещение — задняя изба. Под влиянием промысла у гончаров дольше, чем в других селениях, бытовала курная изба. Так, в дер. Митенькино каждый взрослый помнил, что он жил в избе «по черному». До 1929 г. там уцелела одна курная изба, в которой жили и работали, а в 1925 г. таких изб было

---

[3] Я. Козырев. Ук. соч., стр. 28—29.

[4] П. Н. Третьяков. Костромские курганы. ИГАИМК, X, 6—7, 1931, стр. 28.

[5] М. В. Фехнер. Раскопки в Костроме. КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 108.

[6] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского Междуречья. МИА, 94, 1961, стр. 73, 86, 107.

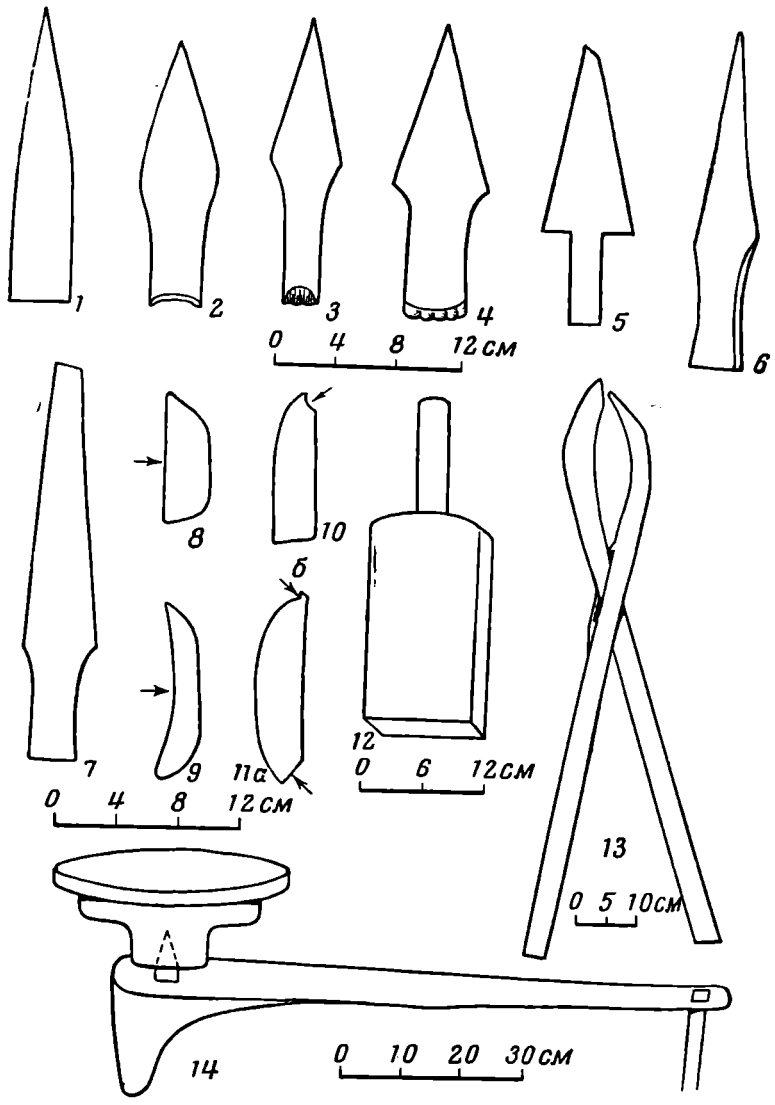


Рис. 1. Гончарные инструменты

1—11 — деревянные ножи (*8* — срезка, *9* — кривыш, *10* — поддонок карнизный, *11а* — поддонок красный, *11б* — поддонок черный); *12* — колотушка для изготовления дна; *13* — деревянные щипцы для обварки посуды; *14* — ручной гончарный круг

1 — дер. Раково; *2*, *14* — дер. Погост; *3*, *12* — дер. Митенькино; *4* — дер. Гладышево; *5* — дер. Петровское; *6*, *7* — дер. Сумароково; *8—11* — дер. Абрамово

две. Только в Красносельской волости для работы существовали специально оборудованные «заводы» — небольшие деревянные строения под соломенной крышей.

Во всех гнездах гончарного промысла бытовал ручной гончарный круг «легкого» типа [7] на деревянном ходу, с неподвижной осью и «грибовидным» [8] диском. В некоторых местах, с переходом молодых мастеров на вытяжную технику, стали появляться круги на железном стержне, по своим размерам приближающиеся к кругам «тяжелого» типа.

В разных районах круг отличается некоторыми конструктивными особенностями. Если принять во внимание высоту скамейки, от чего зависит поза сидящего за станком мастера, то все круги можно разделить на два вида: круг с низкой скамейкой (17—27 *см*), сидя на которой, гончар принужден работать согнувшись, и круг с высокой скамейкой (43—49 *см*). Круги первого типа (общая высота станка 35—45 *см*) были распростране-

---

[7] По классификации М. В. Воеводского (М. В. Воеводский. К истории гончарной техники народов СССР. «Этнография», 1930, 4).

[8] Термин «грибовидный» диск введен в научный обиход А. А. Бобринским (А. А. Бобринский. Древнерусский гончарный круг. СА, 1962, 3).

ны в юго-западных районах области. Второй тип (общая высота станка 53—59 *см*) бытовал в северо-западных районах. Гончарный станок из дер. Погост [9] состоял из низкой скамейки или «копани» (корневища), на одном конце которой неподвижно укреплен деревянный, конической формы стержень-«строек», на него надевался диск, под который подбита «головяшка» — чурбан цилиндрической или конусообразной формы (рис. 1, *14*). «Головяшка» может быть вытесана из одного куска дерева с диском. Мастер, сидя верхом на скамейке, работал в согнутом положении, вытянув ноги.

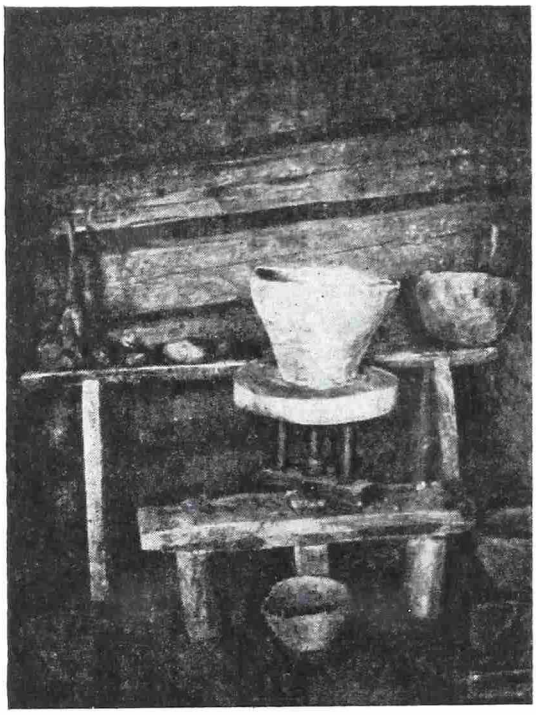


Рис. 2. Ручной гончарный круг (дер. Митенькино)

Круги с боковыми спицами, вделанными в крест, были распространены в Судиславской волости. Появились эти круги, по-видимому, довольно поздно. Старики свидетельствуют, что прежде все круги были со ступицами, т. е. грибовидные.

Несколько иную конструкцию имел гончарный станок из дер. Митенькино [10]. Он состоял из низенькой скамеечки с укрепленным посредине деревянным «штырем», на котором вращается диск со спицами. Общая высота станка почти соответствует высоте стоящей у стены скамейки (49 *см*), на которой сидит мастер (рис. 2). Во время работы ему нужно ставить ноги на скамеечку гончарного круга, так что колени поднимаются над кругом. Диаметр измеренных кругов на деревянном ходу колеблется от 29 до 42 *см*, толщина диска — от 2,5 до 4,5 *см*. Добавочных кружков на гончарных кругах не встречено. Посуду не клеймили, но иногда вырезали начальную букву имени мастера. Круги на железном ходу имеют металлическую четырехзубую вилку с втулкой, надевающейся на железный стержень. Иногда круги оковывались железной шиной (Красносельская волость). Диаметр их от 58 до 63 *см*, толщина диска от 5 до 8 *см*.

Круги на железном ходу внедрялись медленно, так как, по словам гончаров, на железном стержне труднее наладить правильный ход круга. Главным орудием гончара при формовке и отделке посуды служил деревянный нож. В большинстве случаев ножи копьевидной формы, плоские, с заостренным лезвием (рис. 1, *1—7*). Длина их с рукояткой — от 12 до 27 *см*. Для «подутаривания», т. е. отделки сосуда около дна и выведения поддона, у некоторых мастеров имелись особые ножи со скошенным кончиком — «подуторники» (рис. 1, *5*). Чтобы сделать выпуклый поддон, употреблялся нож с полукруглой выемкой на конце — «фигурная утора». Гончару, работавшему вытяжной техникой, не было нужды строгать ножом стенки сосуда так, как это делается при налепе, а потому ножи гончаров Красносельской волости отличались размером и формой от описанных выше. Все они тупые, так как служили для шлифовки посуды. Набор ножей состоит из «срезки» — ножичка с прямым лезвием, служащего для

---

[9] Размеры станка (*см*): диаметр диска 38, толщина 4, длина стержня 11, диаметр стержня 4, длина скамьи 100, высота ее 26, общая высота станка 45.

[10] Размер станка (*см*): диаметр диска 29, толщина 4,5, длина стержня 22, длина скамьи 64, высота 21, общая высота станка 46.

подчистки и шлифовки стенок, «кривыша» — ножичка с вогнутым лезвием для отделки выпуклых плечиков и трех «подденков», красного, черного и карнизного. Красным «подденком» выводился прямой поддон, черным — выгнутый, карнизным — округлый. «Подденки» красный и черный могут располагаться на концах одного ножа (рис. 1, *8—11*). Длина ножей 7—13, ширина 2—3, толщина 0,4 *см*.

Кроме ножа, каждый мастер пользовался мокрой тряпкой из поношенной новины (холста). Тряпку для работы складывали втрое или вчетверо полосой размером 35 × 8 или 25 × 5 *см* и называли «полизеня» или «помазенька». Иногда тряпку заменяли куском овчины с подбритой шерстью (Судиславская волость). Вытяжная техника дала новое название тряпке — «точильник».

Формовка и отделка посуды. Опишем процесс формовки крупного сосуда (ведерника), наблюденный в дер. Погост. Мастер садится за круг, подсыпает на его середину немного золы и выравнивает ее слой пальцем, затем отрывает от кома приготовленной глины кусок нужной величины и придает ему форму колоба. Положенный в центре круга колоб при медленном вращении круга (левой рукой) расколачивается правой рукой в лепешку [11] — это «зачин» горшка. Затем согнутым указательным пальцем водит по дну от центра к краям по радиусам, поднимая таким образом края дна и утончая его середину. Чтобы выровнять середину, на дно налепляется спиралью тонкий жгутик глины, который разглаживается. Другим тонким жгутиком дно примазывается к кругу. Затем мастер раскатывает кусок глины ладонью на лавке в цилиндрический валик, который носит название «скалка». «Скалку» «наводят», т. е. налепляют на дно с внутренней стороны: правой рукой мастер расплющивает «скалку», ладонью левой руки придерживая ее снаружи. Круг в это время вращается против часовой стрелки. После «наводки» «скалки» круг начинают быстро вращать в противоположную сторону, сглаживая при этом пальцем шов с внешней стороны. Затем подготовляют край для налепки следующего жгута: проводят концом пальца по краю с внутренней стороны, утончая и заостряя его. Это повторяется после наводки каждого жгута. Удлиняя каждый последующий жгут, наводят четыре ряда, с пятого горшок начинают суживать. После наводки пятого ряда сосуд изнутри подчищают согнутым указательным пальцем, вращая при этом круг справа налево. Следующие два ряда наводятся из укороченных «скалок», а третья, идущая на венец, делается тонкой. Если мастер намеревается сделать кувшин, то продолжает наводку тонких коротких жгутов, которые образуют горло.

Когда остов сосуда «совершон», «полизеней» выглаживается его внутренняя поверхность. Очертания остова крупного сосуда в это время имеют эллипсоидную форму. Для завершения формовки и отделки сосуда мастер при помощи осколка стекла точит нож и осторожно подчищает внешнюю поверхность остова, держа сначала нож кончиком вверх и меленно вращая круг. Подчистка начинается с средней части сосуда и передвигается постепенно вверх. Нож при этом неподвижен или передвигается по вертикали (точит). Держа нож плашмя, гончар обрезает его концом край остова и «затирает» венец тряпкой, перегибая ее через край сосуда. Следующая стадия формовки называется «пузить» сосуд. Для этого мастер опускает правую руку внутрь горшка, левой придерживает стенки снаружи и начинает их распирать, чтобы придать им выпуклую форму. После этого производится окончательная зачистка внешней поверхности, теперь уже в нижней части сосуда. Нож при этом обращен концом вниз. Выглаживают стенку мокрой тряпкой, причем крупные примеси «вычекивают», а пустоты замазывают глиной. Теперь остается кончиком ножа подрезать

---

[11] В дер. Митенькино для расколачивания дна на круге служит деревянная колотушка в виде валька.

примазку и слегка приподнять дно, после чего можно снимать сосуд с круга.

К отделанному сосуду, если это нужно, тотчас примазывают дужки или делают носики, наносят орнамент. Сосуд снимают с круга, захватывая его около дна обеими руками, и переставляют на стол или лавку. Формовка одного крупного сосуда занимает около часа.

Описанный способ формовки посуды при помощи кольцевого налепа применялся обычно для изготовления крупных сосудов. Чаще употреблялся смешанный налеп: нижняя часть сосуда делается спиралью, в широкой же части ряды накладываются кольцами. Мелкую посуду молодые мастера вытягивали. Начин при вытяжной технике тот же, что и при налепной. На дно наводят только одну «скалку», из которой и вытягивают сосуд при помощи тряпки. При выделке чашек отдельно дно не делают. «Скалку» наводят непосредственно на круг спиралью и затем тянут. Применение той или иной техники (налеп, вытягивание) зависит и от свойства глины. Некоторые ее сорта не поддаются вытягиванию.

При работе спиральным налепом жгут-«катыш» иногда делали очень тонкий и такой длинный, что конец его мастер клал себе на плечо. Обычно же свободный конец «катыша» засовывали в рукав рубахи.

В Бычихинской, Ликургской, Буйской и Заозерной волостях знали только спиральный налеп. В этих местах сформованный сосуд не только скоблили, но и строгали ножом снизу вверх. Для этого употреблялся более грубый нож (рис. 1, 7). Такой обработке подвергались обычно крупные толстостенные сосуды.

В дер. Петровское способы налепа у разных мастеров были различны. Одни применяли кольцевой налеп, считая, что он дает более ровную поверхность, другие — «винт», т. е. спираль, третьи — комбинированный способ: нижние ряды выводили спиралью, верхние — кольцами — «кто как привышен». Начин здесь несколько отличен от описанного. Гончар раскатывает на лавке круглый валик, берет его в правую руку, упирает в ладонь левой руки и, разминая, выкладывает спиралью круг для дна. Затем кладет его на середину гончарного круга и загибает, как у ватрушки, края. Жгуты здесь делаются очень толстыми. Налепляя друг на друга, их одновременно вытягивают. Остов горшка здесь выводится также «пузатым».

Дужки и рыльца приделывают после того, как посуда несколько завянет. Их врезывают, продырявливая ножом то место, где должна быть дужка. Снаружи вокруг дужки налепляют тонкий глиняный жгутик и размазывают его вокруг шва. Торчащий с внутренней стороны конец дужки также заравнивается. Чтобы сделать рыльце к рукомойнику, раскатанный глиняный жгут навертывают на веретено и катают по лавке. Вынув затем веретено, рыльце врезают в остов рукомойника.

В дер. Абрамово, где работали исключительно на вытяжку («на выточку»), в начине горшка чувствуется пережиток налепной техники. Гончар берет глину, раскатывает жгут и спирально наводит его на круг. Полученную неглубокую чашку обглаживает и вытягивает из нее сосуд. Продолжая левой рукой вертеть круг, правой, с надетой на нее мокрой тряпкой, мастер тянет сосуд, как бы вытачивая его. Правая рука с тряпкой находится на внешней стороне и, постепенно передвигаясь вверх, гонит волны тонких стенок сосуда. Левая рука мастера поддерживает стенки с внутренней стороны. Начинает вытяжку мастер сидя, но вскоре встает и работает стоя. Вытягивание сосуда на ручном гончарном круге требует большого физического напряжения. Когда сосуд достаточно вытянут (имеет форму цилиндра), мастер снова садится, «загибает край», расширяет бока, придавая сосуду нужную форму, подчищает и заглаживает стенки, а если нужно, выводит поддон. Вытянутую посуду обычно срезают с круга ниткой или проволокой, посуду же, сформованную налепом, снимают руками. Однако и при налепе посуду с узким дном срезают ниткой.

* * *

Данные о кольцевом налепе в костромском гончарстве расширяют известную ранее область распространения этого метода и подтверждают мнение ряда исследователей (Я. В. Станкевич [12], Г. С. Масловой [13]), что, вопреки утверждению М. В. Воеводского [14], считавшего спиральный налеп единственным способом жгутовой техники, кольцевой налеп — явление, далеко не редкое в Восточной Европе. Описанные выше способы выработки посуды позволяют сказать, что мнение Д. К. Зеленина [15] о тесной, органической связи двух налепных техник (кольцевой и спиральной) подтверждается на материале костромского гончарства, где оба вида налепа прослежены не только в пределах одного селения, но и при выделке одного сосуда. От чего же зависело применение того или иного способа? Д. К. Зеленин искал объяснение этому в свойствах глины. Эластичная глина допускает спиральный налеп, ибо при отсутствии этого качества длинные жгуты ломаются. Костромской материал дает иную картину. Спиральный налеп распространен по преимуществу в районах наиболее примитивного гончарства, где грубая глина не поддается вытягиванию. Жгуты раскатывают тонкие и длинные, остов горшка выводится с выпуклыми боками, с тем чтобы его как можно меньше приходилось распирать. Кольцевой же налеп в чистом виде и смешанный налеп встречены в пунктах, где глина хорошо поддается вытягиванию. Жгуты при этом способе делают толстыми и при налепе сильно расплющивают. Таким образом, предположение Д. К. Зеленина о связи кольцевого налепа с грубой глиной не подтверждается.

Вопрос о том, какой из двух видов налепа древнее, не нашел окончательного решения в археологической и этнографической литературе. Что касается обследованной части Костромской обл., то можно предположить, что оба вида налепа в прошлом существовали здесь параллельно.

С у ш к а и о б ж и г. После изготовления посуда просушивалась дня два, затем производилась «поправка» или «обделка»: горшок ставили на круг вверх дном и при медленном вращении круга обводили около дна мокрой тряпкой и скоблили стенки ножом, выравнивая их толщину. Крупную посуду обжимали руками, выправляя кривизну, образовавшуюся при просушке. Обработанную посуду ставили для окончательной просушки на печь, обычно кверху донья́ми, затем помещали в горячую печь для закалки. Однако далеко не везде посуду перед обжигом закаливали в горячей печи. «И закалишь, да в овраг свалишь,— рассуждали мастера (дер. Бартенево),— надо дресвы больше класть». Обжигали посуду в русских печах, черных или белых, предпочтительнее в черных. В тех случаях, когда у гончара имелось особое помещение (задняя изба, зимовка), печь в нем сложена по-черному. Если обжиг производился в жилой избе, то печь здесь несколько бо́льших размеров, чем обычно. Внутренний размер печи: длина 1,70; ширина 1,16; высота 0,77 *м* (дер. Митенькино). В такую печь усажи́вается до полсотни сосудов. В мастерских печи значительно бо́льших размеров. В дер. Погост внешний размер печи в мастерской: длина 3, ширина 2, высота 1,77 *м*. Печь без опечка, устье находится близко к полу.

Посуда обжигалась на дровах так: по бокам печи, во всю ее длину, укладывали круглые поленья («кладыши», «переклады»), под их концы помещали по кирпичу. На переклады поперек печи клали пластины, между которыми оставляли прогалы. На пластины сажали посуду — горшки вверх дном, кринки — набок. Между подом и дровами подсовывали «подпи́шки» (мелкие дрова). Топить начинали сзади, постепенно переходя к устью.

[12] Я. В. С т а н к е в и ч. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. СА, XIV, 1950.

[13] Г. С. М а с л о в а. Гончарство русского населения Восточной Сибири. КСИЭ, 1962, XXXVII, стр. 13—14.

[14] М. В. В о е в о д с к и й. Ук. соч., стр. 59.

[15] Д. К. З е л е н и н. Примитивная техника гончарства «налепом» (an colombin) в Восточной Европе. Этнография, 1927, 1, стр. 104.

В дер. Погост белая русская печь имела приспособление, которое роднит ее с горном: по бокам устья сделаны четырехугольные отверстия — «прогары», в которые при обжиге подбрасывают дрова. Посуда обжигалась не на дровах, а следующим образом: по поду печи рядами раскладывались половинки кирпичей — четыре ряда по ширине печи и рядов семь по длине. На каждый кирпич ставили вниз дном горшок средней величины, затем «распирали» печь горшками и кринками, которые клали в разных положениях поверх первого ряда и в промежутках между рядами (рис. 3, *1*). По окончании посадки печь закладывали «худьем» (черепками битой посуды). Горшечные дрова-«погнетины» представляют собой полуторааршинники, очень мелко наколотые. Дрова кладут в прогалы между рядами горшков. Топят печь часов шесть — восемь. Способ этот дает хороший обжиг. Горны в Костромской обл. появились не ранее конца прошлого столетия в связи с переходом на производство поливной посуды. Население помнит, что прежде вырабатывали серую и синюю посуду и обжигали в печах на дровах. Горны, встреченные в Красносельской, Судиславской и Молвитинской волостях, двухъярусные, с выносными топками [16].

В Красносельской волости «горно» помещалось в «заводе» и представляло собой круглый (в плане), слегка бочкообразный «чан», сложенный из кирпича. «Чан» врыт в землю, его верх находился на уровне пола. Внутренний диаметр верха «чана» 90 *см*, диаметр пода 1,27 *м*, глубина 1,23 *м*[17]. В поду восемь треугольных отверстий-«прогаров». Под опирался на кирпичные арки. Глубина топочного пространства 70 *см*. Над «чаном» был возведен «колпак» в виде ступенчатой пирамиды, заканчивающейся трубой (рис. 3, *2*). Топка производилась из четырехугольной ямы (1,80 × 1,85 *м*, глубина 2 *м*), куда выходило устье. Расстояние от устья топки до стенки «чана» — 80 *см*. Начинали топить в устье короткими дровами («пары выгоняют»), потом разводили большой огонь двухаршинниками под «чаном». «Горно» рассчитано на 250—300 шт. посуды.

В Судиславской и Молвитинской волостях горны наземные, открытые. В дер. Раково горны располагались за деревней на крутом склоне оврага. Здесь горн — круглый или овальный (в плане), несколько суживающийся кверху кирпичный «чан». Внутренний диаметр верха 123 *см*, диаметр пода 139 *см*, глубина «чана» 85 *см*[18]. Под центр пода подведен кирпичный столб высотой 30 *см*, от которого радиально отходят кирпичи. Промежутки между ними образуют треугольные отверстия (прогары). В измеренном горне было 20 прогаров. «Чан» огорожен бревенчатой заборкой, пространство между чаном и заборкой засыпано землей. Горн имел топки с трех сторон (рис. 3, *3*). Горны в починке Абросимове несколько отличались от описанных выше. Здесь «чан» четырехугольный, слегка суживающийся кверху. Размеры: верх — 135 × 95, под 155 × 111, высота 120 *см*. Под представлял собой кирпичную решетку с прямоугольными прогарами, держащуюся на кирпичах, поставленных на торец. Горн имел два топочных устья, расстояние между устьем топки и стенкой «чана» — 49 *см*. Костромские горны по своей конструкции весьма близки московским горнам XV—XVII вв., известным по раскопкам на р. Яузе [19].

Обварная посуда в разных местах носит названия: «серая», «черная», «пестрая», «рябая». Прежде она изготовлялась в Костромской обл. повсеместно, но постепенно была почти вытеснена поливной посудой.

Способ изготовления серой посуды состоял в том, что раскаленные докрасна горшки погружали в холодный мучной раствор. Для «обвары» или «обжиги» шла обыкновенно ржаная мука, жидко разболтанная на воде, или

---

[16] В Красносельскую волость горн занесен из с. Богородского б. Горбатовского уезда Нижегородской губ.

[17] Даны размеры горна, принадлежавшего М. К. Абрамову (дер. Абрамово).

[18] Даны размеры самого крупного горна в деревне.

[19] В. А. Мальм. Горны московских гончаров XV—XVII вв. МИА, 12, 1949, стр. 44—51.

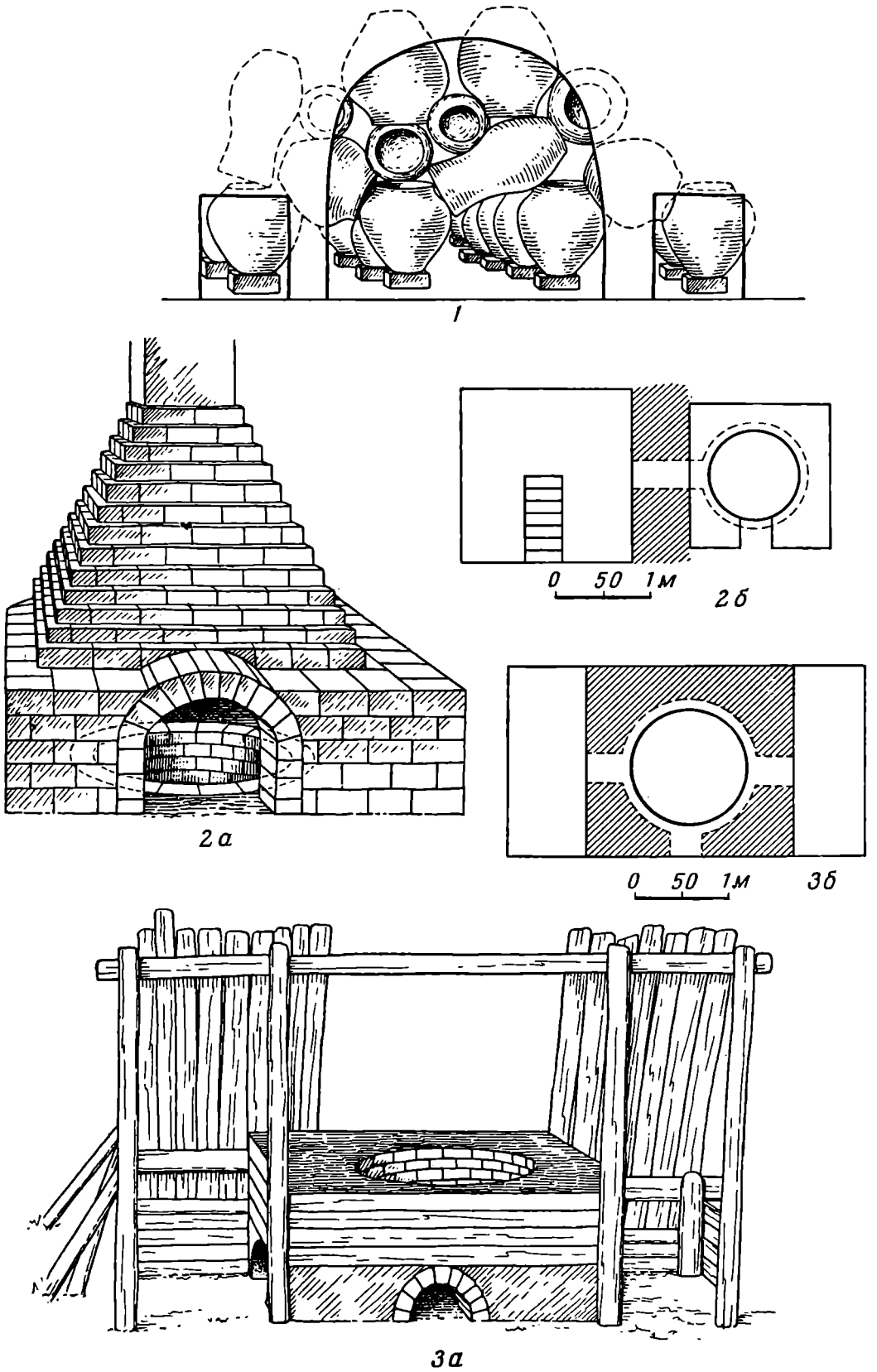


Рис. 3. Русская печь с приспособлением для обжига и горны

1 — русская печь с прогарами (дер. Погост); *2а, б* — внешний вид и план горна (дер. Абрамово); *3, а, б* — внешний вид и план горна (дер. Раково)

дуранда (льняной жмых). Для приготовления обвары дуранду распаривали, затем сушили, толкли в ступе и просеивали через решето. Часто для обвары смешивали муку с дурандой. В некоторых местах делали кислую «обвару», т. е. сначала ставили опару на закваске, затем разбалтывали ее в холодной воде. Раскаленные горшки вынимали из печи «жезлом» или «рожном» (шестом) и купали в «обваре». Реже для этого употребляли большие деревянные щипцы (рис. 1, *13*). Обваренная посуда становилась бурой, с темными подтеками и пятнами. Маслянистый жмых придавал веселую пестроту поверхности сосудов. Таким образом, обварка преследовала две цели: сделать горшок прочным, водонепроницаемым и украсить его.

Ассортимент серой посуды беден: корчаги, горшки и кринки. Существовало мнение, что для варки лучше серая посуда, а для холодной пищи — красная.

Способ обварки был известен в древней Руси, об этом свидетельствуют прекрасные образцы пестрых обварных сосудов в виде кувшинообразных голосников, найденные в Смоленске при раскопках храма конца XII в. [20]. На применение техники «обвара» не только для гончарной, но и для лепной посуды указывает Р. Л. Розенфельдт [21]. Однако вопрос этот в археологической литературе еще недостаточно освещен.

Синяя (мореная) посуда менее распространена в Костромской обл., чем обварная. Посуду, предназначенную для моренья, когда она несколько подсыхала, лощили или «светлили» гладким камешком или куском железного предмета, затирая при этом все свищики и царапины. По плечикам горшки орнаментировали зигзагообразной линией. Обжиг синей посуды продолжался часов пять, после чего в печь подбрасывали «смолье» (сухой сосновый пень) или осиновую кору и наглухо замазывали заслонку. Так посуда морилась еще несколько часов, приобретая за это время черный цвет с синеватым отливом.

Поливная посуда появилась в Костромской обл. не ранее второй половины XIX в. Для глазуровки употребляли свинцовый сурик, разведенный на воде. Глазурью покрывали хорошо просохшую посуду перед обжигом. Сурик наносили самодельной кистью или щеткой из конского волоса, кистью из льна, куском охлопка, тряпкой, овчиной. Окраска сосуда производилась следующим образом. Мастер ставил горшок на круг, на который для устойчивости положен жгут глины. Сначала горшок ставят вверх дном и при медленно вращающемся круге красят внешнюю поверхность, затем переворачивают на дно и красят изнутри. Реже применяют сухой способ глазуровки (дер. Абрамово). Для того чтобы свинец приставал, натирают посуду нефтью (прежде употребляли деготь). Гончар надевал на левую руку горшок, правой брал щепотку пережженного в порошок свинца и, поворачивая горшок, посыпал его снаружи густым слоем. Внутренняя поверхность глазуровалась сырым способом. Толстый слой свинца при сухом способе дает богатый красивый облив. Недостаток этого способа заключается в том, что тесно усаженные в горне горшки слипаются и портят друг друга. Иногда к свинцу прибавляли медную «опилину», которая придает поливе зеленый оттенок. Коричневый цвет достигался прибавлением марганца. В большинстве случаев сосуд покрывался глазурью не сплошь. Посуду для молочных продуктов (особенно масла) красили снаружи и изнутри; у крупных горшков снаружи красили только плечи, а внутри — нижнюю часть; кашники глазуруются снаружи по плечи, изнутри — сплошь (рис. 4, *4—15*).

Форма сосудов. В Костромской обл. в описываемое время бытовали в основном две формы горшков: «стоканистые» — узкие, с высокими плечиками и «кубастые» — широкие, близкие по форме к чугуну. К первому типу следует отнести также неуклюжую широкодонную «столбоватую»

[20] Раскопки Н. Н. Воронина 1962 г. Материал не опубликован.

[21] Р. Л. Розенфельдт. Заметки о древнерусском керамическом производстве. КСИА АН СССР, 1962, 87, стр. 110—111.

Рис. 4. Обварная и поливная посуда

1—3 — кринки обварные; *4—7* — кринки поливные; *8*, *9* — полевые горшки; *10—12* — сосуды для масла (*10* — сливник, *11* — топник, *12* — скрывень); *13—15* — горшки (*13* — полуведерник или мясной горшок, *14* — поспяк, *15* — кашник)
1 — дер. Митенькино; *2* — дер. Толстопятово; *3* — дер. Фатьяново; *4* — дер. Гладышево; *5*, *13—15* — починок Абросимов; *6*, *10*, *11* — дер. Жданово; *12* — дер. Качалово; *7—9* — дер. Абрамово

посуду Ликургской волости (рис. 5, *9*). Эти формы унаследованы от традиционной мерянской лепной посуды [22].

В дер. Петровское средние и мелкие горшки низкие, приземистые, ширина их превышает высоту. Отличительной их чертой является ребристость, подчеркиваемая многочисленными и разнообразными валиками и рубчиками на месте стыка граней. Наиболее простой горшок этого типа имеет биконическую форму, через острые плечики его проходит рубчик, разделяющий сосуд на две почти равные части (рис. 5, *1*). Нередко встречается усложненная многогранная форма, при которой контур горшка об-

[22] Е. И. Горюнова. Ук. соч., стр. 106, 107, 239.

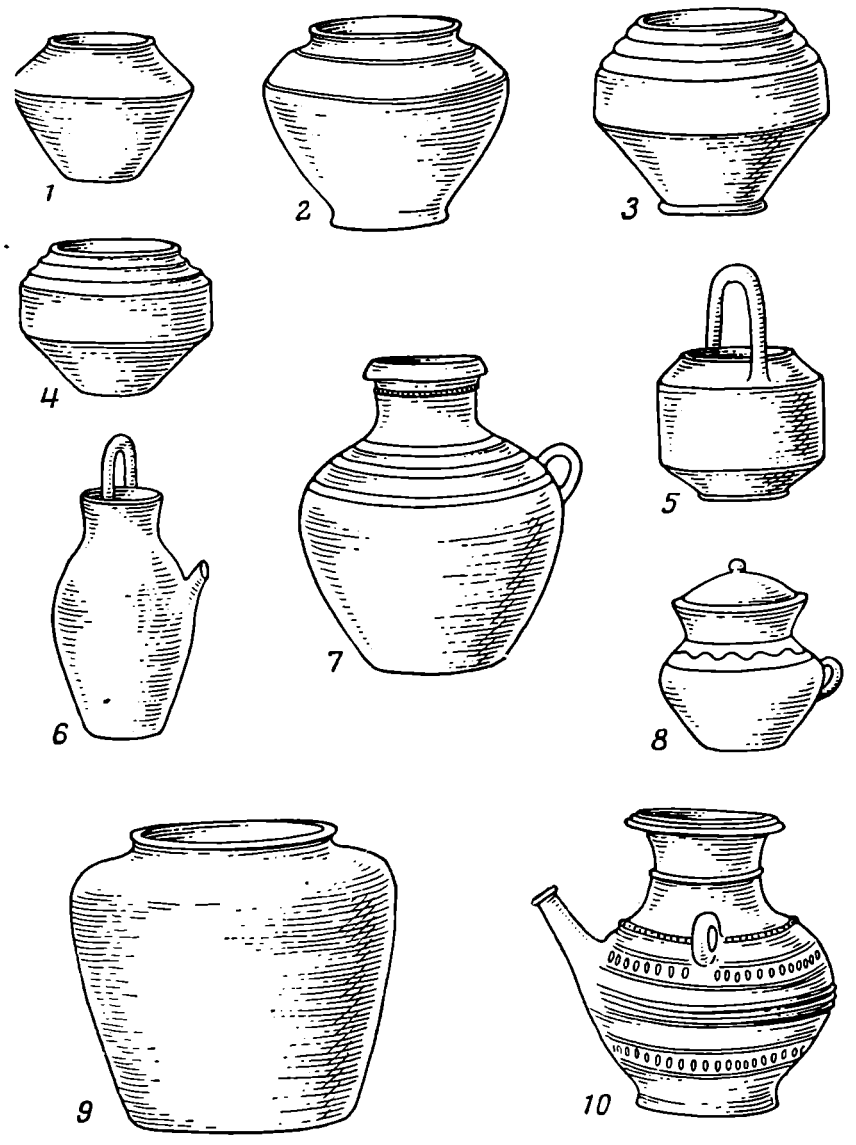


Рис. 5. Формы глиняной посуды

1—4 — горшки; *5* — висулька (полевой горшок); *6* — долгач (полевой кувшин); *7* — кувшин; *8* — двоекрайка (плошка для картофеля); *9* — корчага; *10* — рукомойник
1—5, 10 — дер. Петровское; *6* — дер. Абрамово; *7, 8* — дер. Погост; *9* — дер. Толстопятово

разует восьмиугольник (рис. 5, *5*). В тех случаях, когда линией ребра отделяется верхняя треть сосуда, она украшается добавочными гранями, вогнутостями и выпуклостями (рис. 5, *2—4*).

Чем многогранней горшок, тем он считался красивей. Если отбросить усложнения позднейшего времени, можно заметить, что рассматриваемая посуда по форме имеет сходство с восточнофинской керамикой. Многочисленные аналоги мы найдем в сосудах из костромских курганов XI—XIII вв. (Татариновский могильник), в керамике ряда мерянских памятников (Холуйский могильник, Дурасово и Попадьинское селища и др.) и памятников приладожской веси [23].

Кринки в Костромской обл. преимущественно кувшинообразные, без ручек. В каждом очаге промысла они имеют свои твердо установленные пропорции. Можно выделить три основные формы кринок: наиболее старая форма кринки в виде широкой банки с низкой прямой шейкой (рис. 4, *1*); кринка, имеющая горло раструбом (рис. 4, *3—4*), кринка

[23] Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. СА, XIV, 1950, стр. 193—194, рис. 2, *4* и 3, *4*.

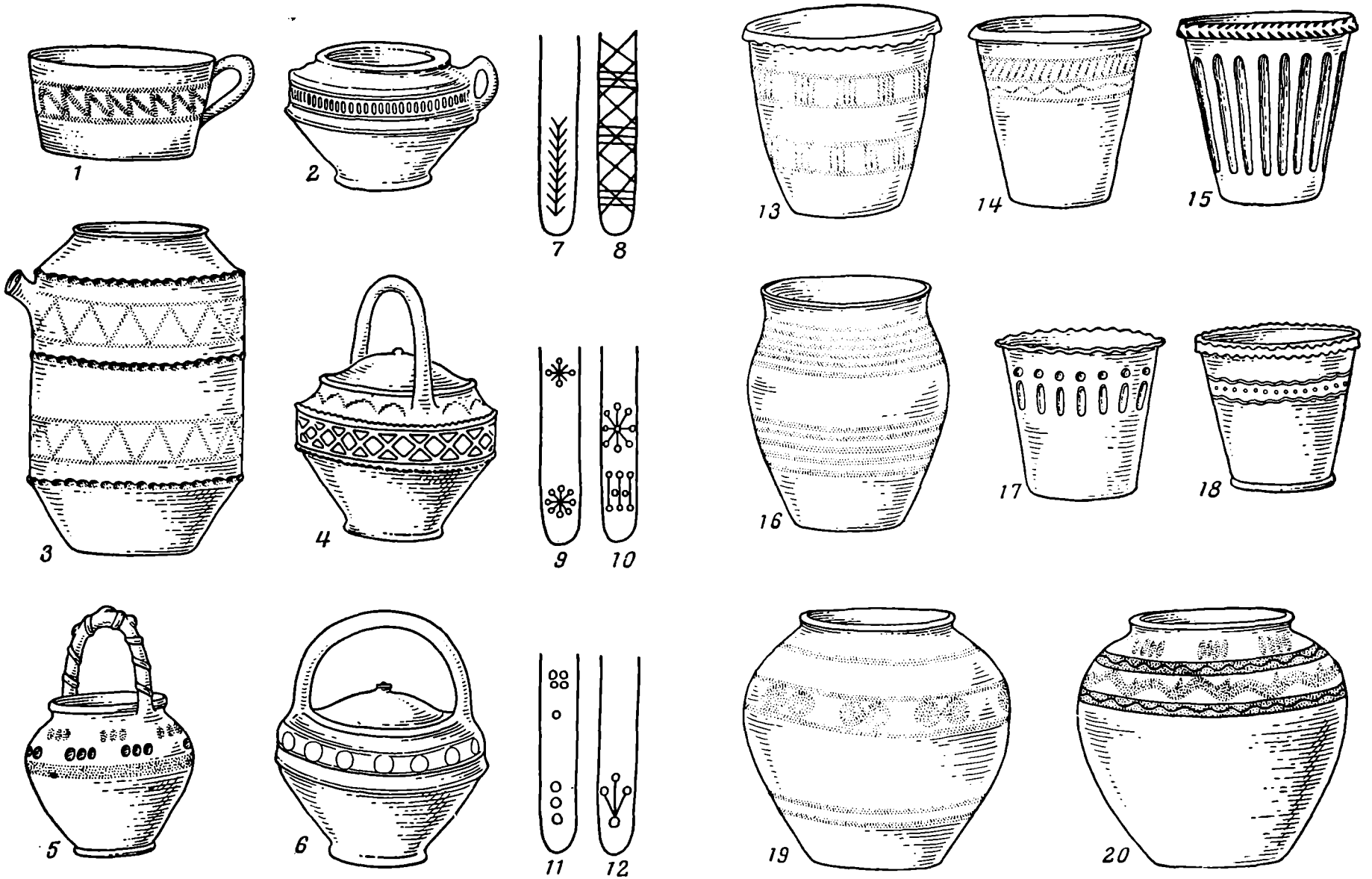


Рис. 6. Орнамент посуды

1 — полутаз; *2* — кашник; *3* — квасник; *4—6* — полевые горшки; *7—12* — дужки к полевым горшкам; *13—16* — опарницы; *17, 18* — цветочные плошки; *19, 20* — корчаги

1—6, 13, 14, 16, 19, 20 — роспись белой глиной или мелом (*1—4, 6—13, 16, 19* — дер. Петровское; *5, 14, 15, 20* — дер. Раково; *17, 18* — дер. Абрамово)

с длинным, более или менее прямым горлом (рис. 4, *5—7*). Необычная форма кринки с прямыми стенками встречается в дер. Гладышево. По форме она близка цветочной плошке и называется «шелапайка». Этот тип довольно точно воспроизводит форму древней лепной мерянской посуды [24]. Кринки двух первых типов распространены преимущественно в северных районах обследованной территории. Ассортимент глиняной посуды, особенно поливной, широк и разнообразен. Гончары старались удовлетворить все нужды домашнего обихода деревни и отчасти города [25].

Орнамент. В одних местах орнамент беден и прост (деревни Митенькино, Погост), в других он отличался пышностью и разнообразием (деревни Петровское, Раково, Абрамово). Чаще всего украшали плошки для студня и цветочные, блюда, опарницы, полевые горшки, кувшины, корчаги, т. е. посуду, не предназначенную для варки пищи. Печные горшки орнаментировались редко. Материал костромского гончарства дает представление почти о всех способах орнаментации посуды: резном, чеканном, лепном, расписном и печатном.

Все виды орнамента наносились на сырую посуду на медленно вращающемся круге. Основным орудием для нанесения орнамента служил нож. Кончиком деревянного ножа наносят прямые и волнистые линии (рис. 5, *7—8*; 6, *18*), косые насечки по плечикам горшка, по краю сосуда, узоры из звездочек, ямок и точек на дне студеных плошек. В дер. Петровское употребляли для этой цели также веретено: толстым его концом наносят ямки на дужках полевых горшков («висулек»), тонкие насечки, сделанные ножом, соединяют эти ямки, образуя узор елечки или звездочки (рис. 6, *7—12*). Путем надавливания пальцем наносят вертикальные и наклонные продолговатые вдавления, которые нередко сочетаются с ямками, сделанными также пальцами (рис. 6, *15, 17*). При помощи ногтя украшали мелкими насечками или гофрировали рубчики ребристой посуды.

Налепной орнамент представлен пуговками и продолговатыми бугорками на дужках полевых горшков (рис. *6, 5*). Наиболее интересным способом украшения посуды является нанесение узора при помощи штампов-чеканов. Способ этот был известен еще городским гончарам древней Руси [26]. До нас он сохранился в удаленных от городских центров деревнях. Простейшие «чеканки» представляют собой круглую деревянную палочку, на конце которой (иногда на обоих) вырезаны крест или звездочка. Штампы эти дают совершенно те же отпечатки, что и чеканки, употребляемые шорниками для тиснения по коже [27].

В дер. Петровское такие штампы назывались «писками». Они делались из глины или дерева. Глиняные писки покрывали суриком и обжигали. Формы штампов представлены на рис. 7, *1—16*. Распространенными мотивами писок являются: елочный, зубчатый и шашечный. Писками «писали» главным образом на «сковородках» для студня (рис. 7, *7—19*). Гончары обычно изготовляли штампы сами. Это давало возможность мастеру проявить художественные наклонности не только в пределах традиционного

---

[24] Е. И. Горюнова. Ук. соч., стр. 106, рис. 47, *3*.

[25] Вот перечень основных видов изделий костромских гончаров. Корчаги пивные и бельевые, горшки разных размеров: ведерник, трехчетвертной, полуведерник, четвертной, кашники разных размеров и форм, с ручками и без ручек, полевые горшки с дужкой и двояшки (рис. 4, *8—9*), кринки, кувшины (рис. 5, *6—7*), подойники, топники (горшки с рыльцем для перетапливания масла), масленки-опарницы для сливания топленого масла, тазы, полутазы для той же цели, скрывни-банки с крышкой для хранения масла (рис. 4, *10—12*), тазы с дырками на дне для откидывания творога (они же употребляются красносельскими ювелирами), рукомойники, опарницы — «прямые» и «пузатые» (рис. 6, *13—16*), сковородки для яичницы, плошки круглые и «долгие», плошки для студня — «студеные», плошки хлебные и цветочные, блюда, миски, кружки, крышки. В дер. Бартенево изготовляли «дегтярные горшки», большого размера, «столбоватые», с узким горлом.

[26] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 343.

[27] Е. М. Полянская. Костромской хомут. Тр. Костромск. научн. о-ва, XLI, Кострома, 1927, табл. VI—XII.

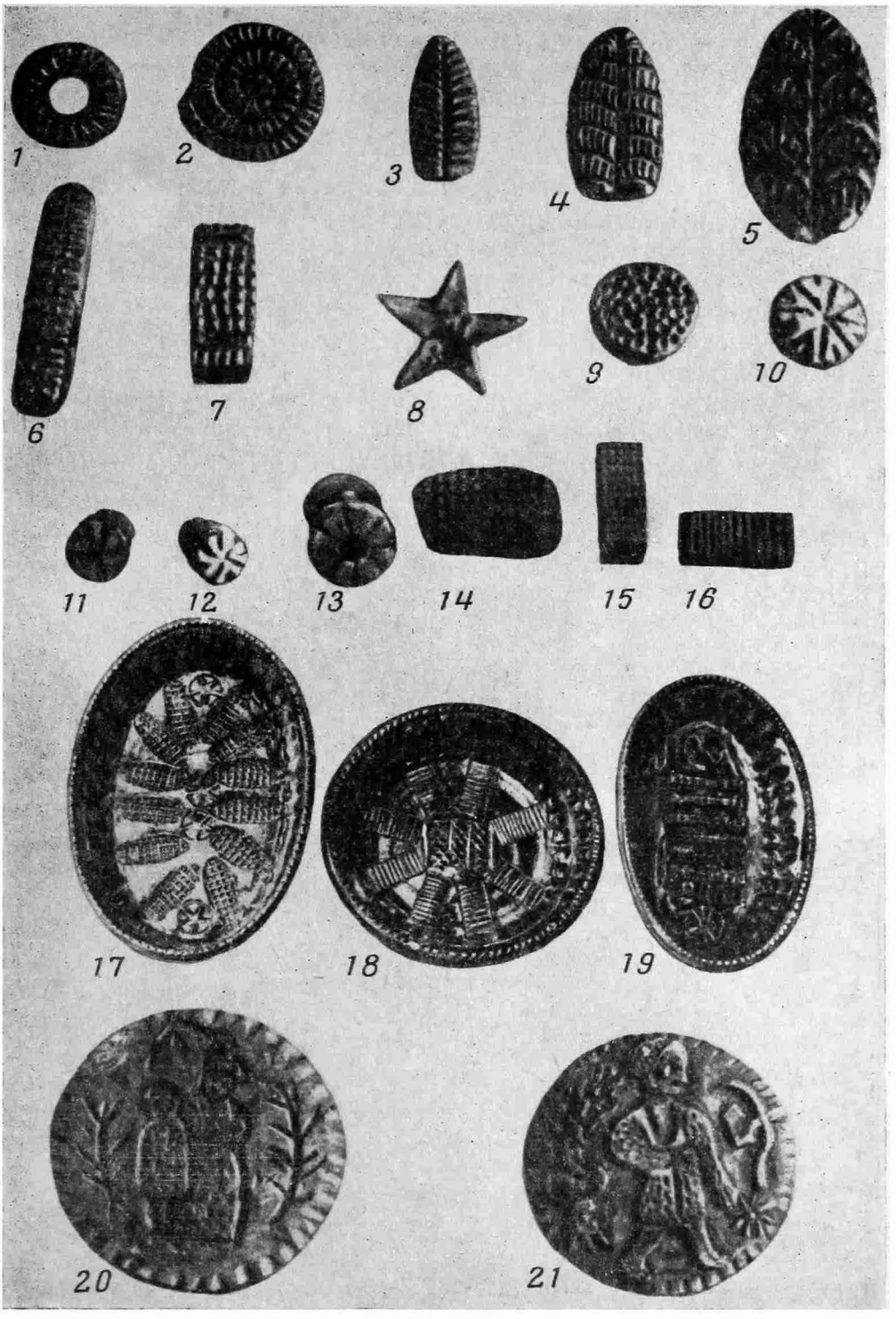


Рис. 7. Штампы для орнамента

1—10, 20, 21 — глиняные штампы; *11—16* — деревянные штампы; *17—19* — плошки для студня с отпечатками штампов; *1—19* — дер. Петровское; *20, 21* — дер. Глацышево

геометрического узора, но и в области сюжетного рисунка (рис. 7, *20—21*). Для росписи посуды пользовались белой («коломенской») глиной или мелом, разведенным на воде, а также медянкой, марганцем и железным суриком. Наиболее распространенные орнаменты представлены на рис. 4 и 6. На одном сосуде можно наблюдать несколько способов орнаментации.

В заключение можно отметить, что в гончарном промысле недавнего прошлого костромской деревни отчетливо наблюдаются древние традиции, восходящие не только к раннему славянскому гончарству, но и к более древнему периоду. Эти традиции проявляют себя как в формах посуды и ее

орнаментации, так и в деталях самого производственного процесса. Сохранившаяся до XX в. форма костромской посуды в ряде случаев совершенно точно воспроизводит древнюю форму лепной мерянской посуды. Элементы раннеславянского орнамента (линейный, волнистый, штриховой, ногтевой) и распределение этих элементов на сосудах перешли полностью в XX в. Способ приготовления глиняной массы и налепная техника формовки сосудов также уходят в глубокую древность. Остался неизменным и древний гончарный круг, появившийся в Костромской обл. в связи со славянской колонизацией. Это подтверждается тем, что самые ранние находки ручного гончарного круга с грибовидным диском сделаны в Новгороде, в слоях XI—XII вв. [28], откуда шла волна славянской колонизации в северо-западные районы Костромской обл. [29].

Детальное описание технических приемов и некоторых процессов изготовления гончарной посуды, данное в настоящей работе, может быть использовано для экспериментального исследования древней керамики и реконструкции ее производства с помощью этнографических параллелей.

---

[28] А. А. Бобринский. К изучению гончарного круга на территории СССР. СА, 1961, № 2, стр. 30.

[29] Е. И. Горюнова. Ук. соч., стр. 184, карта этапов и направления колонизации Ростово-Суздальской земли (X—XII вв.).

ЕВФИМИЙ СЕМЕНОВИЧ ТАКАЙШВИЛИ *

Академик АН Грузинской ССР Е. С. Такайшвили был одним из крупнейших историков и археологов Грузии, блестящим знатоком и исследователем как письменных источников, так и памятников материальной культуры, основоположником грузинского музейного дела, видным педагогом и общественным деятелем.

Евфимий Семенович родился 5 января 1863 г. в с. Лихаури Озургетского уезда (ныне Махарадзевский район) в семье мелкопоместного гурийского дворянина. В 1883 г., окончив с отличием Кутаисскую классическую гимназию, поступил в качестве кавказского стипендиата на историко-филологический факультет Петербургского университета. По окончании последнего с 1887 по 1918 г. работал преподавателем в гимназиях Тифлиса. Е. С. Такайшвили принимал активное участие в деятельности ряда общественных и научных организаций: Общества по распространению грамотности среди грузин, обладавшего первоклассными коллекциями древностей, Археологической комиссии (член-сотрудник с 1894 г.), Русского Археологического общества, Московского Археологического общества и его Кавказского отделения (член-учредитель с 1901 г., секретарь в 1904—1918 гг.), Комиссии по постройке Грузинского музея, Общества по созданию Грузинского университета и мн. др. Главным же его делом на этом поприще было основание в 1907 г. Грузинского Общества истории и этнографии (со своим музеем), которое возглавлялось им до 1921 г. В 1918—1921 гг. он заведовал организованной им же кафедрой археологии в Тбилисском университете, основанном при его активном участии, где он стал доктором honoris causa.

В феврале 1921 г. Е. С. Такайшвили выехал во Францию, считая своей целью охрану важнейших музейных ценностей, вывезенных с собой эмигрировавшим меньшевистским правительством. В 1945 г., после исторической победы Советской Армии над немецким фашизмом, ценности были возвращены Советской Грузии, а вместе с ними вернулся на родину и их маститый хранитель, прилагавший все эти годы огромные усилия для их сохранности. Сразу же по возвращении Е. С. Такайшвили был вновь избран профессором (при кафедре истории Грузии), а в 1946 г.— действительным членом АН Грузинской ССР. Скончался Евфимий Семенович 21 февраля 1953 г., на 91-м году жизни.

Е. С. Такайшвили, получивший в Петербурге солидную историко-филологическую подготовку, приступил к научной работе вскоре после начала педагогической деятельности в Тбилиси. Первую источниковедческую публикацию — «Три хроники», наметившую значительный поворот в грузинской историографии,— он издал в 1890 г. За нею последовали десятки

---

* В начале 1963 г. научная общественность Грузии широко отметила столетие со дня рождения Е. С. Такайшвили, посвятив этой дате две сессии: Академии наук и Тбилисского университета (25 марта 1963 г.) и Грузинского общества истории, археологии, этнографии и фольклора (23 апреля 1963 г.).

других работ, среди которых выделяются: двухтомное исследовательское «Описание рукописей Общества по распространению грамотности среди грузин» (446 рукописей, 1904 и 1912 гг.), первый том которого в 1907 г. был удостоен золотой медали Академии наук; «Картлис цховреба (История Грузии) по списку царицы Мариам» (1906) и «Распорядок грузинского царского двора» (1920, по единственной рукописи ценнейшего памятника XIV в., найденной самим издателем).

Вторым важнейшим направлением исследовательских трудов Е. С. Такайшвили становится продолжение изучения памятников древнегрузинских зодчества, живописи, церковной утвари и эпиграфики. С этой целью Е. С. Такайшвили неутомимо объезжает целые области Грузии, открывая много неизвестных науке памятников или заново интерпретируя их, спасая от гибели и забвения и оперативно публикуя отчеты своих «археологических экскурсий и экспедиций». Один из них, занявший весь XII том «Материалов по археологии Кавказа», был награжден большой золотой медалью Московского Археологического общества в 1910 г., а последний (об экспедиции в южные провинции Грузии), изданный посмертно (в 1952 г.),— премией им. акад. Джанашиа АН Грузинской ССР.

Отметим здесь же, что список опубликованных работ Е. С. Такайшвили на грузинском, русском, французском и английском языках содержит 280 названий.

Помимо археологических работ такого характера, Евфимию Семеновичу пришлось немало заниматься — ввиду отсутствия других специалистов в то время — и раскопками, вообще «подземными древностями». Настоящим основоположником и этой отрасли исторической науки в Грузии можно считать именно Е. С. Такайшвили.

Впервые он приобщился к исследованиям этого рода в 1889 г., когда под его руководством были раскопаны развалины единственного уцелевшего на поверхности сооружения в Багинети (где Мцхетская экспедиция в 1940-х годах вскрыла комплекс античного акрополя Армаз-цихе) и были обнаружены архитектурные детали, керамика, стекло и, что особо важно, уникальный фрагмент фресковой росписи с женским лицом позднеантичного времени [1].

Вторично раскопки на территории Мцхета Е. С. Такайшвили вел в 1902 г. Здесь им было раскопано свыше полусотни каменноящичных погребений и остатки сооружений в основном раннефеодальной эпохи (IV—VIII вв.), а частично и I—II вв. Из погребального инвентаря Е. С. Такайшвили выделил булавки определенного типа, отождествив их с неотъемлемыми деталями национального парадного костюма грузинки. Это была первая в археологии Грузии попытка привлечения этнографических параллелей к доказательству местного, а не импортного происхождения изящных изделий из древних погребений [2].

В 1894 г. по поручению Археологической комиссии Е. С. Такайшвили проводит раскопки Ворнакского могильника. Вскрытие им 40 погребений принадлежали к позднебронзовой и урартской эпохам. Обнаруженные в нижнем слое бронзовые тупоконечный меч (оружие, типичное для территории современной восточной Грузии), секира, тесловидный топор и т. п. нашли точные параллели в находках из Мцхетского могильника Самтавро. Тем самым впервые выяснилось теснейшее этно-культурное родство племен, населявших левобережье Куры и бассейн р. Кциа-Храми, и было опровергнуто поспешное заключение Ж. де Моргана об отсутствии бронзовых

---

[1] Е. Такайшвили. Воспоминания о грузинских писателях (инициатором проведения раскопок был выдающийся писатель и общественный деятель И. Г. Чавчавадзе.— *Г. Л.*). «Литературис Матиане», 6, 1952, стр. 42—43.

[2] Е. Такайшвили. Краткий отчет о раскопках, проведенных по поручению Археол. комиссии летом 1902 г. близ ст. Мцхета. «Изв. Кавказск. отд. Моск. Археол. о-ва», I, Тифлис, 1904, стр. 79—89; ОАК за 1902 г.

мечей в бассейне р. Дебеда. Е. С. Такайшвили правильно указал на социально-имущественную дифференциацию населения в эпоху поздней бронзы, определив особо богатое погребение с бронзовым панцирем в Ворнаке как могилу вождя [3].

В том же году Е. С. Такайшвили вновь по поручению Комиссии ведет небольшие разведочные раскопки в трех пунктах менее изученной тогда западной Грузии: в Хуцубани (ныне Аджарская АССР), Саджавахо (где он открывает остатки гончарной мастерской — первый памятник древнего ремесленного производства в Грузии) и в Вани. При раскопках в Вани вскрыты остатки раннесредневековой церкви и винохранилища, найдены золотые и бронзовые предметы, монеты (в том числе «колхидки») и свинцовые разновески античной эпохи [4]. Изучение ванского городища с акрополем дает ему основание усмотреть в них остатки значительного центра античной Грузии (что блестяще оправдалось позднейшими раскопками [5]). Среди множества находок он выделяет изящные золотые украшения, определив их местное происхождение, тем более что пески ванской речки золотоносны. Предположение Е. С. Такайшвили о наличии местных очагов художественного ремесла античной эпохи в Грузии также находит полное подтверждение в настоящее время. В средние века Вани, по мнению Е. С. Такайшвили, судя по отсутствию монет и крепости, типичной для феодальной Грузии, утрачивает былое значение, оказавшись в стороне от оживленных торговых путей с запада на восток [6].

В 1896 г. Е. С. Такайшвили провел небольшие раскопки недалеко от Гори, в Скра (два глиняных саркофага начала средневековья) и в шести пунктах Триалети (каменноящичные погребения в основном раннефеодальной эпохи), а также обследовал Цалкское плоскогорье, ставшее ныне одним из важнейших объектов раскопок советских археологов. Отметив обилие обсидиана в этом крае, Е. С. Такайшвили сделал вывод о том, что там в древности находились основные мастерские, снабжавшие весь Кавказ оружием и орудиями из этого камня [7]. Он упомянул также многочисленные циклопические сооружения, возведенные из глыб четвертичной лавы, покрывающей плоскогорье.

В 1902 г. в имеретинском селе Бори (недалеко от города-крепости античной эпохи Шорапани — Сарапанис) были случайно обнаружены богатые погребения, значительную часть инвентаря которых впоследствии приобрел Эрмитаж [8]. Е. С. Такайшвили обследовал место находки и дал краткую предварительную публикацию важнейшей из находок — серебряной чаши с изображением коня перед алтарем, на которой им отмечена «неизвестная надпись» [9]. В наше время выяснилось, что надпись выполнена «армазским» арамейским шрифтом и говорит о «Бузмихре, питиахше благом». Он дал также научную интерпретацию всего погребального инвентаря (в том числе 19 золотых предметов, 15 серебряных и т. д.). По монетам погребения относятся к I в. п. э.; армазисхевские аналогичные находки уточняют их время (на II в.— *Г. Л.*); часть находок напоминает греко-римские изделия, однако погребенные несомненно принадлежат местной знати, об одежде, украшениях, утвари и вооружении которой говорят мно-

---

[3] ОАК за 1894 г., стр. 14; Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 8, 64, 117—118 сл.

[4] ОАК за 1896 г., стр. 109—110.

[5] Работы экспедиции Института истории им. Джавахишвили в 1940—1960 гг.

[6] Изв. КИАИ РАН в Тифлисе, II, 1917—1925, Л., стр. 108—110.

[7] Е. С. Такайшвили. Археологические экскурсии, разыскания и заметки, IV, Тифлис, 1913, стр. 1. В работе Б. А. Куфтина (Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941) этот вывод получил дальнейшее развитие, и автор говорит о «транспортировке обсидиана в невулканические области Передней Азии» (стр. 123).

[8] Е. Придик. Новые кавказские клады. МАР, 34, стр. 3—16.

[9] Е. Такайшвили. Серебряная чаша из сел. Бори. «Изв. Кавказск. отд. Моск. Археол. о-ва», I, стр. 90—91.

гочисленные предметы, подтверждающие и пополняющие отрывочные письменные сведения о Грузии первых веков нашей эры [10].

В 1908 г. Евфимий Семенович совершает настоящий подвиг, спасая для Кавказского музея бо́льшую часть знаменитого «Ахалгорийского клада» — богатейшего инвентаря раннеантичной эпохи, значение которого выходит далеко за пределы археологии Грузии («клад», обнаруженный крестьянами в ущелье р. Ксани, разошелся было по рукам перекупщиков). Е. С. Такайшвили пишет, что эти искусные изделия из золота и других материалов происходят, видимо, из погребения женщины в сопровождении лошади и что некоторые золотые вещи имеют восточный облик [11]. Впоследствии изучением этой коллекции занялся Я. И. Смирнов, незаконченный труд которого был пополнен, отредактирован и издан Г. Н. Чубинашвили [12].

В том же году Такайшвили, осмотрев в окрестностях картлийского Ахалкалаки место находки многочисленных медных или бронзовых орудий и оружия, выделяет среди них «плоские топоры» («секиры восточнозакавказского типа».— *Г. Л.*) и «кельтообразные» («колхидо-кобанского типа».— *Г. Л.*) топоры и на основе многочисленности находок, наличия среди них неудачных отливок и «необработанного металла» впервые приходит к крайне важному в археологии Грузии выводу о том, что топоры этих типов не привозились в Грузию и на Кавказ, а изготавливались здесь на месте, в ряде подобных мастерских [13]. Спустя три года эта мысль была подтверждена В. А. Городцовым, открывшим бронзолитейную мастерскую в с. Цагвери [14].

В 1909 г. в основанный Е. С. Такайшвили Музей Грузинского Общества истории и этнографии поступило несколько архаичных медных топориков, найденных в Сачхере (Имерети). Евфимий Семенович доследовал почти разрытый курган, откуда они происходили, и, собрав коллекцию металла (комбинированные топорики, браслеты, большие булавки и т. д.) и керамики, датировал курган «медным веком на Кавказе, который быть может предшествовал кобанской культуре» [15]. Это впервые высказанное им положение о наличии в Грузии ранних этапов медно-бронзовой индустрии, впоследствии успешно развитое Б. А. Куфтиным на материалах Сачхере и Триалети, можно считать одной из важнейших научных заслуг Е. С. Такайшвили.

От пытливого взгляда Евфимия Семеновича не ускользнула еще одна категория археологических находок — бронзовые ажурные бляхи со стилизованными символическими изображениями животных и др. Он считал, что бляхи эти изготовлялись в верховьях р. Риони и в бассейне р. Квирила [16]. Многолетние раскопки некрополей античной эпохи в Горной Раче (экспедиция Института истории, начиная с 1930-х гг.) полностью подтвердили наличие первого из предполагавшихся центров изготовления блях.

В 1910 г., объезжая горные края западной Грузии — Лечхуми и Сванети, Е. С. Такайшвили попутно фиксирует и случайные археологические

---

[10] «Изв. Кавказск. отд. Моск. Археол. о-ва», III, 1913, протокол № 40; Сборник Груз. О-ва истории и этнографии «Дзвели Сакартвело», I, 1909, протокол № 10 (на груз. яз.).

[11] Е. Такайшвили. Ксанский или Садзегурский клад. «Изв. Кавказск. отд. Моск. Археол. о-ва», IV, 1915, стр. 139—144; Годовой отчет и протокол № 45 в вып. III, 1913.

[12] Я. И. Смирнов. Ахалгорийский клад. Тифлис, 1934.

[13] Е. Такайшвили. Мастерская медных топоров около Ахалкалаки Горийского уезда. «Археол. экскурсии, разыскания и заметки», IV, Тифлис, 1913, стр. 172—173.

[14] Отчет не опубликован. А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 120, М.— Л., 1935, стр. 140—141, прим.

[15] Е. С. Такайшвили. О Сачхерском кургане Шорапанского уезда Кутаисской губернии. «Археол. экскурсии, разыскания и заметки», IV, 1913 (доклад 1910 г.), стр. 167—172.

[16] «Изв. Кавказск. отд. Моск. Археол. о-ва», III, 1913, протокол № 55 (9.IX.1910).

находки, хранившиеся в основном в церквах. Эти предметы погребального и другого инвентаря дают ему основание отметить сходство бронзовой культуры Сванети с кобанской (ныне колхидо-кобанской.— *Г. Л.*) Частые находки иноземных золотых античных монет он считает «свидетельством тесных экономических связей с народами Передней Азии и Кавказа», однако допускает, что подражания статерам Александра Македонского и Лизимаха, столь частые в Грузии, чеканились в Сванети из местного золота. Там же он подчеркивает необходимость и перспективность раскопок дохристианских древностей в Сванети [17].

Какими бы скромными по объему ни были полевые работы перегруженного рядом других обязанностей Е. С. Такайшвили (в первую очередь, вследствие отсутствия должной материальной базы в дореволюционной Грузии), они всегда велись на высоком научно-методологическом уровне. Его глубокая интерпретация результатов полевых работ, исторические выводы и предположения вошли в основополагающий фонд современной археологии Грузии. Он прозорливо заострял внимание исследователей последующих поколений на ряд таких примечательных пунктов для раскопок, какими оказались на деле Ванн, Багинети, Сачхере, Цалка, Армазис-хеви и др.

Возглавив кафедру общей и грузинской археологии Тбилисского университета, Е. С. Такайшвили приступает к созданию двух соответствующих курсов, особенно подчеркивая в них все то новое, что было открыто и осмыслено в археологии Грузии за последние десятилетия и опровергало устарелые взгляды об отсутствии ряда древних культур на территории Грузии и Кавказа (палеолит, медно-бронзовая индустрия и т. д.).

Вернувшийся на родину уже в преклонном возрасте Евфимий Семенович был окрылен всесторонним прогрессом Советской Грузии, небывалым расцветом ее культуры и науки — в частности, науки археологической. Е. С. Такайшвили часто говорил своим молодым коллегам о «доброй зависти» к ним, работающим при всемерной поддержке государства, и об их большой обязанности «вести раскопки не покладая рук и не оставляя не исследованным ничего...».

Г. А. Ломтатидзе

---

[17] Е. Такайшвили. Археологическая экспедиция в Лечхуми и Сванети в 1910 г. Париж, 1937, стр. 436 (на груз. яз.).

К 60-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА МАРКОВИЧА БЕЛЕНИЦКОГО

24 марта 1964 г. Александру Марковичу Беленицкому, видному советскому археологу и востоковеду, исполнилось 60 лет.

Начав свою трудовую жизнь в первые годы Советской власти разнорабочим, он, закончив рабфак, стал учителем. Тяга к знаниям и особый интерес к истории Востока привели его на восточный факультет Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте. По окончании университета Александр Маркович в течение четырех лет преподавал в средней школе, работал методистом, готовил молодых учителей в педагогических институтах Душанбе и Ленинабада. Эти годы определили его научные интересы и навсегда связали его как ученого с Таджикистаном.

В 1934 г. он поступил в аспирантуру Исторического факультета ЛГУ. Здесь А. Ю. Якубовский заинтересовал его исследованиями в области социально-экономической истории народов Ближнего Востока. Под руководством своего учителя Александр Маркович написал интересную работу о движении сербедаров в Иране, основанную на глубоком исследовании рукописных источников, и защитил ее в 1938 г. в качестве кандидатской диссертации. С 1936 г. он работает в секторе Средней Азии ИИМК АН СССР. Вскоре выходит в свет ряд его талантливых статей, продолжающих исследования социально-экономических отношений: «К истории феодального землевладения в Иране в Тимуридскую эпоху» (1940), «Организация ремесла в Самарканде в XV—XVII вв.» (1940) и др. Великая Отечественная война прервала на несколько лет научную деятельность Александра Марковича. Он перенес все тяготы первой зимы блокады Ленинграда, а затем, поправившись, пошел на фронт. За боевые заслуги он был награжден орденом Красной Звезды.

Возвратившись после войны в ИИМК, Александр Маркович стал одним из постоянных и активнейших сотрудников Таджикской археологической экспедиции, организованной А. Ю. Якубовским. С этих пор археология и история культуры Таджикистана стали основной темой его работ.

Но приверженность к исследованию письменных источников не оставляет его: в течение многих лет параллельно с археологическими исследованиями и изучением истории материальной культуры он вел кропотливую и сложную работу по переводу и комментариям одного из замечательнейших памятников средневековой науки — «Минералогии» Бируни. Чтобы понять терминологию Бируни, пришлось много времени отдать занятиям геологией и минералогией, в чем большую помощь ему оказало содруже-

ство с известным минералогом Г. Г. Леммлейном. До сих пор об этой работе можно было судить только по небольшим заметкам, появлявшимся в различных изданиях, но теперь мы поздравляем Александра Марковича и всех востоковедов и историков с выходом в свет этой долгожданной книги.

С 1954 г. Александр Маркович руководит раскопками древнего Пенджикента. О результатах этих работ, замечательных памятниках живописи и скульптуры, обнаруженных там, хорошо известно как из статей Александра Марковича, опубликованных в различных изданиях, так и «Трудов» экспедиции, которая систематически издает свои работы: выходит в свет уже четвертый том «Трудов Таджикской археологической экспедиции», редактируемых А. М. Беленицким; издан второй большой сборник «Скульптура и живопись древнего Пенджикента» (1958). В Пенджикенте сплошными раскопками исследовано около 4 *га* — это самый большой участок города, какой когда-либо раскапывался в Средней Азии. Вскрыты улицы, площади, жилые кварталы, ремесленные мастерские. Все это позволяет по-новому поставить проблемы развития и жизни города в раннем средневековье и впервые дает в распоряжение историков Средней Азии вместо умозрительных гипотез — реальные данные о раннефеодальном городе. Главная заслуга в этом принадлежит Александру Марковичу, который приложил много энергии и сил для введения механизации наиболее трудоемких работ.

Большую работу ведет А. М. Беленицкий по подготовке научных кадров. Под его руководством прошли аспирантуру и защитили диссертации несколько молодых научных работников из Таджикистана. В Пенджикенте энергией Александра Марковича организована археологическая база, где под его руководством работают способные молодые археологи. Не зря в Пенджикенте начальника археологической экспедиции зовут «муаллим» (учитель)!

Александра Марковича Беленицкого глубоко уважают в институте и в республиках Средней Азии. Все товарищи по работе горячо поздравляют его с шестидесятилетием, желают ему многих лет здоровья, бодрости и дальнейшей успешной работы.

М. П. Грязнов

Публикации

ДЖ. ХАЙНД

ПАМЯТНИКИ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ ЮЖНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

(По данным поездки в 1962 г.)

На северном побережье Турции в античный период существовало не менее 90 городов, городков и крепостей, начиная от Фракийского Боспора и храма Зевса Урия до Фасиса, находившегося где-то вверх по течению Риона, может быть в 20 *км* от современного Поти. Наиболее полный список поселений южного побережья Черного моря мы находим в анонимном перипле, в перипле Марциана Гераклейского, а также в письме Арриана императору Адриану, где подробно описываются города и поселения, существовавшие на побережье от Трапезунта до Фасиса в первой половине II в. [1] Хотя первых два источника поздние, но они дополняются сведениями, почерпнутыми из более ранних источников, в том числе у Ксенофонта, Скилака, Полибия и даже у Геродота и Гекатея Милетского для доримского периода; мы встречаем их также у Страбона, Плиния, Помпония Мелы, Скимна и Птолемея в римский период. Большинство названий мелких поселений упоминаются только в поздних периплах, но нет сомнения в том, что многие из них существовали и раньше, если полагать, что Милет основал в Понте от 70 до 90 колоний [2]. Скилак [3] свидетельствует, что в IV в. до н. э. некоторые из них уже существовали. В ряде случаев им упоминаются и города, которые ко времени поздних периплов или уже не существовали, или были переименованы, например Ὠδεῖνιος, Βελειρικς, Σταμένεια, Τετράκις. Все они упомянуты лишь один раз как πόλεις Ἑλληνίδες. Уже для VI в. существование Σταμένη подтверждается фрагментом Гекатея [4], где она названа городом халибов. Несомненно, что многие из мелких поселений возникли в результате деятельности Милета, Мегары и других полисов. И хотя имена их впервые появляются в полных списках поздних периплов, они существовали уже не только в доримский, но и в классический период. Иногда речь идет о ранневизантийских крепостях или перестройках римского времени (ср., например, деятельность Арриана в Трапезунте и в Фасисе [5] или строительство новых крепостей Митридатом во II в. до н. э. [6]), но часто и в этих местах существовали более ранние поселения.

[1] K. O. Müller. Geographi Graeci Minores, I, Paris, 1855.
[2] Seneca. Consol ad Helv. VI; Plin. HN V, 112; Strabo. VII, 306.
[3] Skylak Cariand. 83, 84, 86, 89; GGM стр. 63 сл.
[4] Hecat. Фрагм. 196. FGH I, стр. 13.
[5] Arrian. Peripl. P. Eux, 12; GGM стр. 376.
[6] М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.— Л., 1956, стр. 196.

Остатки почти 100 поселений все еще скрыты землей на южном побережье Понта; поэтому можно говорить лишь о тех, топография которых уже установлена, или о тех, где находят интересный археологический материал (ср. материалы музеев в Анкаре, а также в местных музеях в Кастамону, Синопе и Самсуне).

В районе северного побережья Турции в последние годы было очень мало исследований по античной археологии. Несколько лет назад здесь работал Дж. Бин, издавший несколько надписей [7], и Д. Уилсон [8], пробывший здесь почти весь 1958 год. Его работы особенно интересны, так как он посетил и исследовал многие города и поселения северного побережья Турции. В диссертации и в личном письме ко мне он указал на существование небольшого музея на месте Амастрия (совр. Амасра), где хранится материал римского времени, преимущественно надписи на греческом языке. В Эрегли музея нет, но многие надписи римского времени выставлены в городском парке. Основной материал из поселений, расположенных западнее, попадает в музей Стамбула. Он сообщал также, что небольшой материал из раскопок в Синопе хранится в музее в Токате (вилайет), примерно в 90 *км* к юго-востоку от Амасии.

Интересные сведения дает Уилсон и о городе Тип, расположенном в устье р. Биллея (вероятно, совр. Боаз). По преданию, город был основан на земле кавконцев неким Патаром, вождем фракийцев [9]; уже в VII в. до н. э. Помпоний Мела называет его «колонией милетян» [10], но город впервые упоминается только в перипле Скилака в IV в. [11]; этим же временем датируются и первые серии монет городского чекана. Страбон называет его уже только городком (πολίχνιον) [12], хотя при римском полководце Г. Папирии Карбоне здесь чеканились монеты с изображениями рек Сардо и Биллея и с изображением Диониса с виноградными гроздьями или колосьями [13]. По-видимому, виноградарство и рыболовство в жизни местного населения играли значительную роль.

Гавань города, по Уилсону, расположена к западу от высокого мыса под защитой откоса, но даже здесь рейд остается открытым и мелким. Южный мол (6 × 40 *м*) сложен из циклопических блоков. Портовые здания находились у подножия акрополя, второй мол, по предположению Лемана Хартлебена, был на оконечности мыса [14]. Верхний город, как сообщает Уилсон, высоко поднимается над гаванью, и в его стенах местами видна хорошая эллинистическая кладка. Там же сохранились следы древнего некрополя, а также акведука, одеона и некоторых других общественных построек. На гребне за городом Кюль-Тепе — эллинистическое укрепление. Жаль, что находившийся в городе театр, хорошо сохранившийся, был уничтожен при постройке железнодорожной магистрали из Анкары в Зонгулдак.

В древней Гераклее (совр. Эрегли) Уилсон смог увидеть только часть городской стены и ничтожные остатки строительных фундаментов, хотя по более ранним сведениям мы можем иметь довольно хорошее представление об ее памятниках. Путешественник Эйнзуорт в середине прошлого века видел еще остатки храма римского времени у цитадели Баба Бурну и вблизи него — «прекрасные» мозаичные полы. Другой храм, тоже римского времени, к ЮВ от города, за пределами городских стен, был описан

---

[7] G. E. Bean. TTKB, XVII, 1953; TTKB, XXII, 1956.
[8] D. R. Wilson. Exploration in Pontus. British School at Ankara (1958).
[9] E. Wüst. Tius. RE.
[10] Pomp. Mela. 1, 19, 104.
[11] Ps.-Skylax. 90; GGM, стр. 67.
[12] Strabo. XII, 4, 7.
[13] W. Waddington, E. Babelon, Th. Reinach. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure, I, r. 4, Paris, 1908, № 67, 72, 74.
[14] K. Lehmann-Hartleben. Die antike Hafenlagen des Mittelmeeres. Klio, Beih. XIV, Leipzig, 1923, стр. 285.

Эйнзуортом и Ван Дийстом [15]. Пэрро [16] видел на равнине акведук. На монетах римского времени изображены маяк и амфитеатр [17], а экседра упоминается в надписи 167 г. [18]. Но еще и сейчас можно видеть древний мол (длиной 400 *м* с 10-метровыми блоками), выдающийся в море у конца Баба Бурну к с.-з. от города.

Этот город, существовавший на территории Мариандинов, уже ко времени Ксенофонта [19] имел крепкие городские стены. Хора Гераклеи, вероятно, простиралась к западу до эмпория Калеса и к востоку до Сандарака (совр. Зонгулдак).

В 1962 г. немецкие археологи произвели разведку в районе Гераклеи [20]. В предварительном отчете они опубликовали рисунки и фотографии римских (коринфских) колонн и капителей, использованных в мечети; часть стены большого здания хорошей сохранности, из крупных, великолепно отесанных блоков. Они нашли также надпись из Аккая, еще не опубликованную, которая позволяет точно определить местоположение ἐμπόριο Καλεσανῶν в долине Косамон Дере. Интересно отметить, что надпись сделана на дорийском диалекте, хотя и относится к позднему времени.

В музее Анкары античных материалов на выставке нет, все залы были заняты предметами хеттского или более раннего времени. Даже в фондах музея материал из Синопы и других мест северного побережья Турции очень незначителен. Большая часть неопубликованной еще керамики находится в университете и мне, к сожалению, не удалось ее видеть. Этот керамический материал из раскопок Э. Акургала и Л. Будде в Синопе [21] даже сейчас еще издан далеко не полно, и, как мне сообщили в Стамбуле, его издание пока не предвидится. В кратком отчете о раскопках, вышедшем из печати позже книги М. И. Максимовой [22], авторы подтвердили свои прежние сообщения о наличии там родосско-милетской керамики, коринфских арибаллов, обломков амфор стиля Фикеллюра, навкратийских кубков и аттической чернофигурной керамики середины VI в. Такие фрагменты, по словам Акургала, «появляются в большом количестве» [23]. Но из всего материала изданы лишь два фрагмента довольно поздней «родосской» керамики в «резервированном» стиле, два фрагмента с резьбой, арибалл с точечным и полосатым орнаментом и амфориск стиля фикеллюра. Издатели считают, что наиболее ранний материал относится уже к VII в., что подтверждает сообщение Евсевия и Скимна об основании Синоды в 632 г. до н. э.

Позже Ю. Бойсал [24], исследуя главным образом коринфский материал (т. е. 13 арибаллов и аттический килик), пришел к выводу, что пока нет оснований говорить о соответствии археологических материалов датировке литературных источников. По его мнению, самый ранний материал относится не ранее чем к 580 г.; к этому выводу он приходит исключительно на основании коринфской керамики, считая, что фрагменты «ориентализированной» (т. е. родосско-милетской) керамики трудно датировать. Поэтому очень жаль, что я не смог увидеть этот восточногреческий мате-

---

[15] W. Ainsworth. Travels and Researches in Asia Minor, I. London, 1842, стр. 39—40.

[16] G. Perrot. Galatié et Bithynie, I, Paris, 1862, стр. 15; L. Robert. Études Anatoliennes. Paris, 1937, стр. 245—259.

[17] W. Waddington, E. Babelon, Th. Reinach. Ук. соч., I, *2*, стр. 343—383, табл. XII, *6*, *7*.

[18] IGR, III, 1428.

[19] Xenoph. Anab. VI, 28.

[20] F. K. Dörner, W. Hoepfner. Vorlaüfiger Bericht über eine Reise in Bithynien. «Arch. Anz.», 1962, 3, стр. 564.

[21] E. Akurgal, L. Budde. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Sinope. TTKB, V, сер. 14, Ankara, 1956.

[22] М. И. Максимова. Ук. соч.

[23] E. Akurgal, L. Budde. Ук. соч., стр. 9.

[24] Jusuf Boysal. Turk Arkeoloji Dergisi, VIII, 2, 1958; его же. Über die Alteren Funde von Sinope und die Kolonizationfrage. «Arch. Anz»., 1959, 1—4, стр. 8 сл.

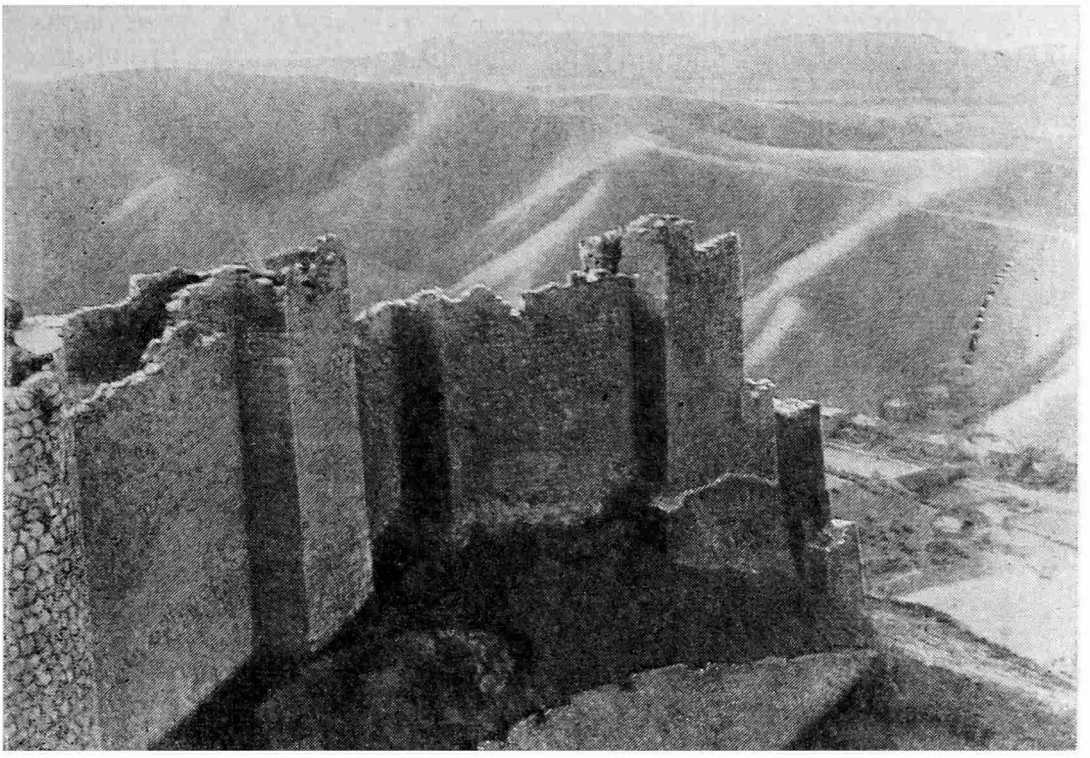


Рис. 1. Долина Гёк Ирмак и средневековый замок в Боябате

риал, по словам Акургала, очень многочисленный. То, что я видел в фондах музея, относилось ко времени около середины VI в. до н. э.: сетчатый амфориск стиля Фикеллюра (ок. 550 г. до н. э.), четыре кольцеобразные вазы (вторая половина VI в. до н. э.) и около 30 арибаллов. Некоторые из них коринфские из беловатой глины и с лотосовидным узором, другие, по мнению проф. Кука, «лаконские», с темными полосами на красноватой глине. Может быть, это — восточногреческие подражания коринфской керамике. Там же были представлены найденные в Синопе (но до раскопок 1951—1953 гг.) аттические чернофигурные, краснофигурные и чернолаковые сосуды (V—IV вв.) и сетчатые лекифы, датируемые III в. и позже. Там был только один аттический лекиф с белой облицовкой (V в. до н. э.), с сильно поврежденной поверхностью[25]. Таким образом, наиболее ранний материал, засвидетельствованный для Синопы,— это два фрагмента, изданных уже в 1956 г., и коринфский арибалл с фигурами воинов, изданный Бойсалом в 1958 г. Но этого для характеристики древнейшего поселения первой четверти VI в. до н. э. еще недостаточно.

Дорога, ведущая на север из Анкары по направлению к Синопе, даже сейчас трудна и извилиста. Она то пересекает горы, то проходит по долинам рек. В одной из долин расположена крепость византийского времени Кастомону[26]. Современный город теснится у отвесной скалы, на вершине которой возвышаются руины византийского и турецкого замка, а затем тянется узкой полосой вдоль р. Гёк Ирмак (древний Амний). В этой же долине на востоке находится и другой город-крепость — Боябат (рис. 1). Здесь некогда находился и древний Помпеополь, может быть, на месте современного Taşköprü, приблизительно в 40 *км* к востоку от Кастамону. Может быть, сюда, в Помпеополь и в Германикополь (Кастамону), позже

[25] В музее Анкары из Синопы были еще следующие предметы: 1) краснофигурный кратер; 2) краснофигурная пелика (конец V в.); 3) терракотовая статуэтка Эрота (эллинистического времени); 4) несколько глиняных лакримарий красноватой глины с фигурными аппликациями (пальметками) у горла и венчика; 5) маленькая амфора с двуствольными ручками.

[26] В римский период «Германикополь» (Germanicopolis). Ср. Отчет о деятельности русского археологического института в Константинополе в 1904 г. Экскурсия в Самсун. ИРАИК, XIII, 1908.

были переселены римлянами жители крепостей после третьей войны с Митридатом (deductio ad planum), но горный район в Боябате и в Кастамону был вновь заселен в византийский период.

Кастамону — довольно большой город и как местный центр (вилайет) имеет небольшой музей. Здесь, наряду с другим материалом (стелами, головами статуй римского времени II—III вв.) из Амасра, Инеболу, Бартина, Дадау и Филиоса [27], есть несколько терракот из Самсуна — маски, головы быков и статуэтка сидящей Кибелы. Амфоры представлены лишь одним большим сосудом — неклейменой и, по-видимому, гераклейской амфорой эллинистического времени. К сожалению, она попала в музей без паспорта. Несомненно, однако, что она происходит из района южного Черноморского побережья. В музее есть и материал из Синопы, главным образом рельефы и фрагменты статуй из мрамора и известняка. Здесь выставлены два надгробия первой половины V в. до н. э., найденные в Синопе в 1941 г. [28] Третий памятник — фрагмент довольно высокой и узкой стелы (начала V в. до н. э.) с изображением мужчины в длинном гиматии, с собакой, поднявшей к нему голову. Верхняя часть надгробия (голова и плечи фигуры) не сохранилась. Это одно из распространенных изображений на стелах поздней архаики и раннеклассического периода. Стилизованные складки одежды тоже указывают на раннее время.

Там же выставлены стелы с фрагментарно сохранившимися надписями некоего Λεῦκος Ἀντώνιος и Σαβεῖνος (обе надписи явно римского времени) и стела Εὐνημία, жены гражданина Синопы, имя которого не сохранилось; она относится, судя по характеру букв, к эллинистическому времени.

Главное место в музее занимает фронтонная группа с изображением двух львов, терзающих лань. Эта группа, найденная около сорока лет назад на северо-западной (т. е. материковой) стороне Синопы, вероятно, принадлежала надгробному памятнику IV в. до н. э. Известно, что цари Понта, в том числе и Митридат Евергет, строили в Синопе много общественных зданий. При раскопках Акургала и Будде были найдены остатки храма (так называемого храма Сераписа) II в. до н. э. [29] Другие памятники из камня представлены в музее гермами, головами статуй и фрагментами двух больших львов, все — из Синопы, но далеко не выдающейся работы, и все, вероятно, римского времени.

Современный Синоп (вилайет) — небольшой город с прекрасной естественной гаванью. Город расположен на перешейке маленького полуострова, представляющего восточную оконечность мыса Инджe Бурун. В самой узкой его части (вблизи западных ворот города) перешеек не шире 400 *м*, но дальше к востоку постепенно расширяется. За линией восточных городских стен полуостров постепенно повышается, становясь все более крутым, и заканчивается горой Боз-Тепе. Для развития древнего города положение Синопы было особенно благоприятным. Две гавани прилегали к узкому перешейку, одна — маленькая на северной стороне города, куда теперь пристают лодки рыбаков, а другая — большая, прекрасно защищенная от северных и западных ветров, на южном берегу перешейка.

Турецкая пословица ярко отражает исключительно выгодное положение Синопы на южном побережье Понта: «В Черном море существуют (на турецком побережье) только три гавани — Июль, Август и Синоп», т. е. два

---

[27] Инеболу — древний Абонутейх (Ионополь); в Бартине (Parthenium) в 1961 г. были исследованы турецким археологом. Н. Фиратли несколько богатых курганов; в них были найдены серебряные и золотые предметы, напоминающие находки в Южной России. Серебряная чаша и другие предметы находятся в музее Стамбула (M. J. Mellink. Archaeology in Asia Minor. AJA, 1962, 66, 1, стр. 85).

[28] Они опубликованы Акургалом в 1948 г. E. Akurgal. Anadoluda geç arkaik Junan eserleri. TTKB, 1948, сер. IX, 3, стр. 581—586; CXI Berliner Winkelmann's Programm, 1955; E. Akurgal, L. Budde. Ук. соч., стр. 15—23, табл. VI, VII.

[29] Часть этой группы издана в предварительном сообщении о раскопках в Синопе. E. Akurgal, L. Budde. Ук. соч., стр. 37, табл. XVII.

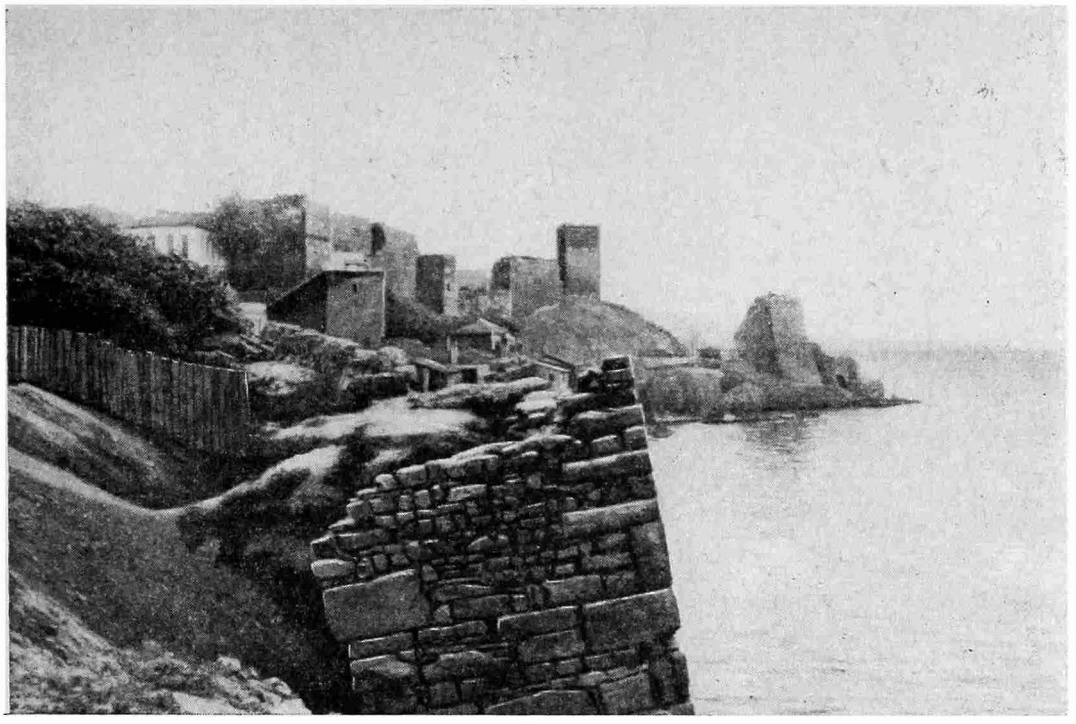


Рис. 2. Синопа. Северная линия оборонительных стен и цитадель. Вид с В

месяца вообще благоприятны для плаванья, а Синоп — единственный порт с хорошей естественной гаванью на всем северном побережье Турции.

Остатки городских стен разрушены теперь значительно сильнее, чем во время посещения города Гамильтоном [30] и Хоммер де Хеллом [31] в середине прошлого века. Стены относятся к византийскому и генуэзскому времени. Особенно хорошо сохранились стены и башни вдоль южного берега, хотя и здесь западная часть размывается морем. К востоку от города стены уже разобраны, и от них сохранились лишь незначительные следы. На северном берегу, возвышаясь над маленькой песчаной бухтой, тянутся на запад вплоть до крепостного замка стены, сильно размытые морем (иногда это просто груда обтесанных камней). В середине XIX в. стены были сильно повреждены, поэтому они легко поддаются разрушительному воздействию моря. На западной стороне города, обращенной к материку, находится крепость — акрополь генуэзского времени (рис. 2). В западной стене этой цитадели хорошо видны остатки трех арок римского времени, по-видимому, часть римского городского водопровода; согласно Плинию [32], во II в. в Синопе не хватало воды и поэтому был построен новый акведук. Его фрагменты в стене уже давно отождествлены с водопроводом Траяна. Римские карнизы и консоль вторично использованы в постройке восточных ворот цитадели, и античные облицовочные плиты еще хорошо видны в стенах. В разных районах города можно видеть барабаны и базы колонн, обломки кирпичей и посуды, даже пьедесталы статуй. Несколько колонн встроены в стены к югу от главной улицы, в крайней западной части города.

Не считая нескольких домиков и садов, выходящих за линию восточных стен, современный город сосредоточен в пределах стен средневекового города, а район заселения даже сократился по сравнению с античным временем. В большом саду за восточной линией стен находится громадное здание византийского времени [33]. Это, по-видимому, базилика с маленькой

[30] W. Hamilton. Researches in Asia Minor. Pontus and Armenia, I, London, 1842.

[31] Hommaire de Hell. Voyage en Turquie et en Perse, I, Paris, 1854, стр. 345—352.

[32] Plin. Minor, Epistulae. X, 93.

[33] E. Akurgal, L. Budde. Ук. соч., стр. 39, табл. XX, XXI.

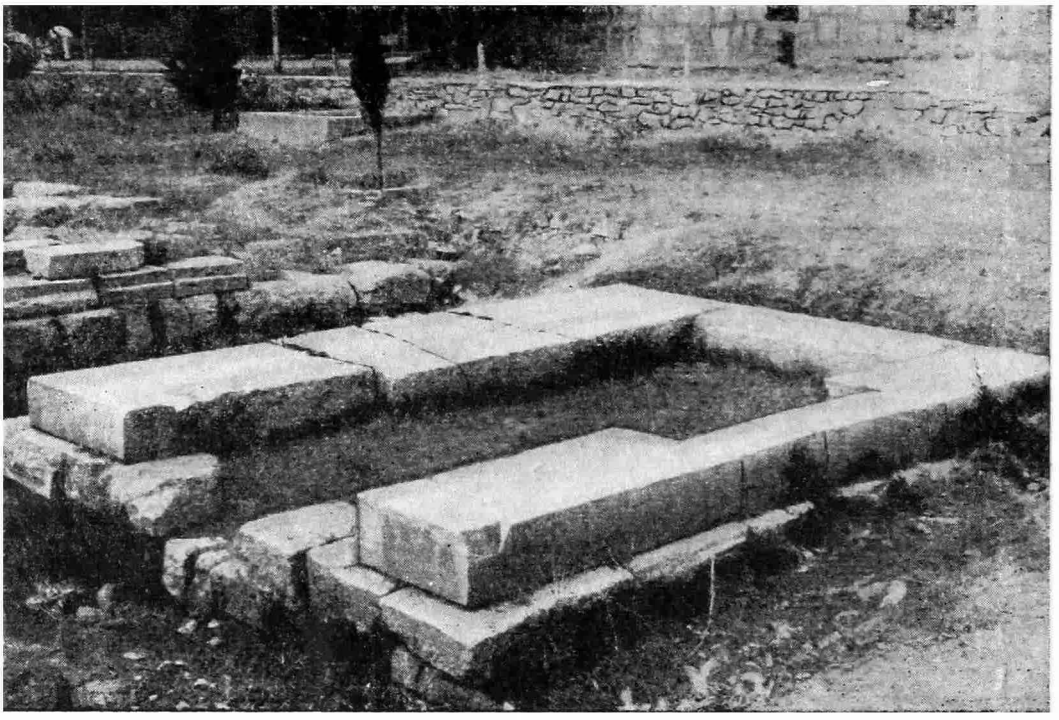


Рис. 3. Алтарь «Сераписа». Вид с Ю.-З.

часовней, фрески которой плохо сохранились. Помещение используется под дровяной склад, что сильно вредит фрескам. Высоко в западной внешней стене можно заметить мраморную плиту фриза с рельефным орнаментом стилизованного растительного мотива ранневизантийского времени, вторично использованного при постройке кирпичных стен.

На склоне Боз-Тепе находится пещера, свод которой поддерживается колонной, поставленной на капитель. В пещере сохранились следы водостока и четыре бассейна. Вероятно, пещера была священным местом. Эпонимом города была нимфа Синопа; возможно, что здесь и находился ее священный источник [34].

Так как современный город занимает далеко не всю площадь древнего поселения, значительная часть его территории может быть раскопана. Акургал и Будде производили здесь раскопки в течение трех сезонов (1951—1953 гг.) [35]. Раскопки велись в городском парке (раскоп «А»), где были обнаружены древний храм и алтарь, представляющие особый интерес в связи с недавними находками храмов и алтарей в Ольвийском теменосе. Но храм в Синопе несколько более позднего времени (II в. до н. э.); его цоколь частично покоится на мозаике из гальки с растительным орнаментом и изображением фантастического существа (IV в. до н. э.). Храм был небольшим (длиной 15 *м*, шириной 8,6 *м*); сейчас видны только его фундаменты, части стилобата и нижняя часть большого алтаря к югу от него (рис. 3 и 4). Исследователи пытались отождествить его с храмом Сераписа [36] на основании фрагментов терракотовых статуэток быков [37]. В 1952 г. в том же раскопе «А» были найдены остатки, отождествленные со стоей эллинистического времени, в том числе дорическая капитель, а в насыпи много клейменых фрагментов керамической тары с именами астиномов.

[34] Интересно отметить, что подобная пещера с колонной была открыта в Ольвии при раскопках Н. Аркаса и Ф. Бруна в 1870 г. Н. Аркас, Ф. Брун. Археологическая разведка некоторой части Ольвии. 300 ИД, VIII, 1872, стр. 412.

[35] E. Akurgal, L. Budde. Ук. соч., стр. 27—41.

[36] Это название, по-видимому, весьма условно, так как статуэтки быков и др. были найдены «почти во всех раскопках».

[37] Ср. для храма Сераписа в Синопе IGR, III, 96.

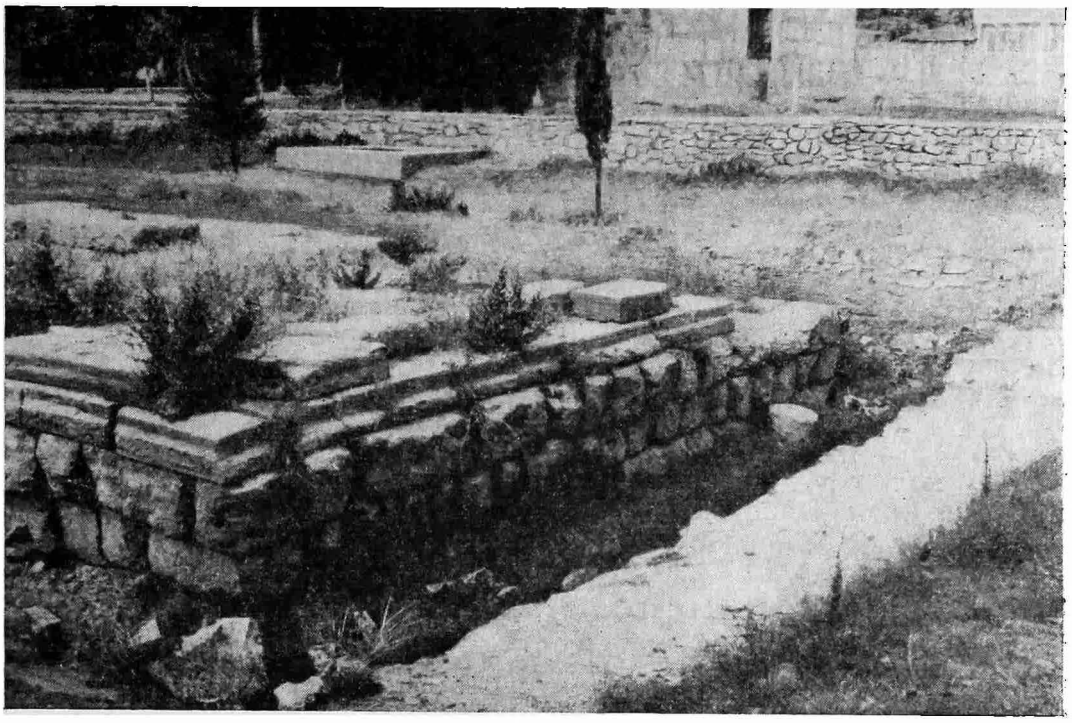


Рис. 4. Синопа. Фундамент храма «Сераписа»

В раскопе «В», вблизи северной бухты, найдены остатки фресок и капителей колонн из штукатурки, а в яме (βόθρος) — архаическая керамика, по словам Акургала, конца VII в. до н. э. В раскопе «С» обнаружены строительные остатки II в. до н. э. со следами росписи «первого помпеянского стиля», а в 1952 г.— жилой дом III в. до н. э. с мозаикой. В некрополе, в районе спичечной фабрики за западными стенами города открыли 92 погребения начала VI—IV в. до н. э. Из них только 21 погребение имело инвентарь, чаще всего простого характера [38]. Наиболее важен материал архаический: коринфские арибаллы, фрагменты позднего «родосско-милетского» стиля, коринфские вазы среднего и позднего стилей, амфориск стиля фикеллюра, аттический килик (около 560 г. до н. э.) и фигурные вазы в форме женских бюстов. В погребальной амфоре находился коринфский арибалл с широкой черной полосой и точечным орнаментом. Акургал считает его самым ранним сосудом из Синопы.

Пробные раскопки проводились в с.-з. районе города напротив Ак-Лимана [39], где лет 40 назад была найдена группа со львами, терзающими лань (теперь в музее в Кастамону). Пробные раскопки были также около акведука Траяна (у цитадели) и на месте культовой пещеры, о которой уже упоминалось. В раскопе «К» нашли остатки турецкого, византийского, эллинистического и классического времен. В раскопах «L», «M», «N» над южным портом обнаружены остатки эллинистического и римского времени, но здесь город так плотно заселен, что производство широких раскопок затруднено. Кроме того, раскопки велись во внутреннем дворе главной мечети (в 1953 г.), а также раскапывался ряд больших и плоских курганов римского некрополя, где нашли каменные саркофаги и стеклянные сосуды. Еще не раскопан ряд курганов на склоне Боз-Тепе над Дагмахаллеси (Dagmahallesi), где, как полагают, крайний западный большой курган может принадлежать Митридату.

В музее Синопы находятся около 40 надписей из раскопок как Акургала, так и более ранних. Большую часть их представляют надгробия,

---

[38] E. Akurgal, L. Budde. Ук. соч., стр. 5.

[39] Т. е. на стороне, обращенной к древнему поселению Армене.

открытые в некрополе в 1951 г.[40], но, кроме того,— посвящение Θεῷ ὑψίστῳ, римские мильные камни и части антаблемента общественных зданий с надписями на латинском языке времени Тиберия и Марка Аврелия. Особенно интересна одна надгробная стела раннеклассического периода лучшей работы, чем стелы местного стиля в Кастамону. Следовательно, ранняя Синопа тоже ввозила памятники такого типа из Средиземноморья. На стеле изображена женщина в длинной одежде со слегка стилизованными складками у рукавов. В левой поднятой руке она держит круглый неясный предмет; в нижнем правом углу — маленькая фигура раба-мальчика, стоящего с обращенной к женщине головой.

В небольшом зале музея хранятся две хиосские пухлогорлые амфоры, одна маленькая (протофасосская?) амфора, аттические сетчатые лекифы III в. до н. э., чернолаковые канфары, терракотовые маски, лампы и статуэтки, но в очень небольшом количестве. Основной материал музея — надгробные надписи, расположенные во дворе мечети-музея.

Современный Самсун расположен к востоку от высокого холма, называемого Кара Самсун. Город большой, промышленный, с хорошим портом, перестроенным года два назад. В результате этих построек море отошло еще дальше к северу, и современный Самсун, находящийся уже на дне гавани древнего Амиса, может расти дальше в направлении моря. В отличие от Синопы, в Самсуне нет древних строительных остатков, если не считать следов мола к с.-з. от современного города. Древний город занимал возвышенность западнее Самсуна (Кара-Самсун), где до сих пор можно собирать на поверхности почвы фрагменты краснолаковой посуды и керамической тары. Все, что осталось от древнего города,— это несколько фрагментарных колонн, цистерны, сейчас засыпанные (одна из них с четырьмя колоннами и сводом), и следы стен, окружающих довольно ровную и высокую площадь города. По мнению Гамильтона, Кара Самсун был только акрополем Амиса, но Хоммер де Хелл[41] возражал против этого, так как территория площади могла бы вместить целый город. Вероятно, существовали и верхний и нижний город, как, например, в Ольвии и в Пантикапее. Основанием для такого вывода служит не только древний мол (длиной 300 *м*, из блоков длиной 6 *м*), может быть, митридатовского времени, куда приставали корабли и где выгружались товары у низкого побережья, но и обнаруженные во время работ в гавани в 1956 г. погребения, терракотовые статуэтки, римская посуда и серебряные монеты вместе с надписью времени правления Нерона[42].

---

[40] На надгробных стелах (преимущественно в виде полуколонны) упоминаются следующие имена:
1) Ὀλυμπιόδωρος Εὐξένο Κυμαῖος;
2) Δημο[τί]ων Δημοκάρ[ους] Ἀθηναῖος,
3) Στρατοκλῆς Ἡγησαγορέω;
4) Ἰκεσίη Πασιχάρευς;
5) Ἀνθεστήριος Ῥόδωνος;
6) Πάταικος Δάφνιος;
7) Αὐρηλία Πρόκλα τῷ κυρίῳ καὶ θρέψαντι Φαρνάκῃ;
8) Μάνης, ἐλαιοπώλης;
9) [Μ]ικαλίων [Ῥ]αιχίου;
10) Ἡρακλείδης Ναύσωνος;
11) Νίκων Ἑρμοκλείδεω,
12) = = = = α Νυμφοδώρου Καλλιστράτου γυνή;
13) Ἡφαίστιος Ἡρακλείδεω;
14) μνῆμα τὸ Ἀθηναγόρεω Διογένεος;
15) Ἀντωνία Ῥηγεῖνα;
16) Οὐετουρία Ἀλεξανδρεία ἑαυτῇ καὶ Οὐετουρίῳ Καλλινείκῳ τῷ Ἀνδράμου,;
17) Γ. Σηστύλαιος Μάξιμος;
18) Τιβ. Κλαύδιος Ῥῆγλος Παύλου υἱός Ἀιλία Κορνηλία.

[41] Hommer de Hell. Ук. соч., стр. 355, 358.

[42] G. Bean. An Inscription of Amisos. TTKB, 1956, XX, стр. 215, 216.

Склоны, спускающиеся от Кара Самсуна к новому городу, довольно крутые. На севере скалистые склоны с пещерами ограждают городище, внизу простирается море, на западе — лощина. Только с юга нет хорошего естественного барьера. Еще дальше на запад на высоких холмах подымаются большие курганы, которые и имел в виду М. Ростовцев [43], сравнивая Амис с Пантикапеем. В 1946 г. в кургане около Самсуна был найден сводчатый каменный склеп с дромосом и со следами стенной живописи [44]. Ранее путешественники [45] еще видели здесь остатки общественных зданий и крепостных стен с полукруглыми башнями, развалины храма с колоннами и рельефами, от которых теперь не осталось и следа. Самсун издавна подвергался хищническим раскопкам; по существу, планомерных раскопок там и не производилось, если не считать раскопок турецкого археолога Макриди-Бея в первом десятилетии XX в. Материал из Самсуна рассеян по музеям Европы и Америки; некоторые бронзовые изделия попали в Берлин, некоторые ювелирные — в Британский музей [46]. Из местного материала интересно отметить находки архаической керамики.

Амис до некоторой степени выделяется из других греческих городов Причерноморья тем, что, по археологическим данным (т. е. по находкам ранней керамики), поселение здесь существовало раньше, чем об этом свидетельствуют литературные источники. В фондах музея Стамбула среди местной фригийской керамики мне встретился обломок родосско-милетского сосуда последней четверти VII в. до н. э. (из Ак-Алана в 18 *км* к ю.-з. от Амиса). Другой такой же фрагмент был издан в 1907 г. Макриди-Беем [47], в Стамбуле Шефольд видел и другие фрагменты [48]. Из самого Самсуна в Стамбуле среди многочисленных эллинистических обломков лагинов и ритонов находятся часть хиосского кубка (первой половины VI в. до н. э.), двуствольная ручка «родосско-милетской» энохои и три фрагмента аттических чернофигурных сосудов середины VI в. до н. э. Кроме того, в музее были выставлены в двух витринах терракотовые маски, а также фигурки быков и петухов из красноватой глины.

Поселение в Ак-Алане особенно интересно обнаруженными там архаическими архитектурными терракотами. Они позволили М. И. Максимовой прийти к интересному выводу, что выходцы из Фокеи были первыми поселенцами Амисы в первой половине VI в. до н. э. [49]. Но едва ли можно согласиться с тем, что Ак-Алан существовал, может быть, как военный форпост самих амисенцев, обеспечивая путь к Исскому заливу (у г. Тарса в Киликии). Ак-аланская крепость (или священный участок) расположена в труднодоступных горах в стороне от древней дороги. Вероятнее всего, это был центр, или один из центров, тех каппадокийцев, которые позже, по-видимому, где-то в V в., обладали и Амисом. Преобладание местной фригийской керамики в Ак-Алане [50] также указывает на местный характер этого поселения.

В современном Самсуне на склонах за городом имеется небольшой музей, который тогда был закрыт. Все же мне показали немногочисленный, но интересный материал. На полу музея находится большая мозаи-

---

[43] M. I. Rostovtzev. Pontus, Bythynia and the Bosporus. BSA, 1918, XXII, стр. 1, сл.

[44] Mahmut Akok. Les tumuli du village de Lerduge. TTKB, XII, 1948, стр. 835—854, табл. 168—181, 170—173.

[45] Ch. Texier. Asie Mineure. Paris, 1882, стр. 620.

[46] Золотые серьги, кольца, гемма-сердолик и серебряная булавка попали в Британский музей в 1809, 1901 и 1914 гг.

[47] Th. Macridy-Bey. Une citadelle archaïque du Pont, 1907, стр. 1—9; Mitteilungen der Deutsch. Vorderasiatischen Gesellschaft, 1907, 4, табл. X, стр. 169—175.

[48] K. Schefold. Arbeiten in Larisa 1932 und Frühjahr. «Arch. Anz.», 48, 1933, стр. 153.

[49] М. И. Максимова. Ук. соч., стр. 64; ср. стр. 65, примеч. 2.

[50] Там были найдены только единичные фрагменты греческой ориентализирующей керамики. Сам Макриди-Бей подчеркнул местный, негреческий характер поселения.

Рис. 5. Амис. Угол мозаик II в. Осень в венке из колосьев

Рис. 6. Угол мозаики II в.— Зима

ка (II в.), в центре которой изображены Ахилл и Фетида, а по углам — четыре времени года (рис. 5 и 6). Там же я видел мраморную голову молодого безбородого мужчины времени императора Траяна работы хорошего мастера (рис. 7), рельеф с изображением трех граций в «tabula ansata» (рис. 8) и довольно грубый рельеф с фигурами стоящей женщины, сидящей Кибелы со львами и юноши с «факелом» (рис. 7). На рельефе надпись: Περαθίων οὐάγ[γ]ελος εὐχαρίστει. Несколько терракот

Рис. 7. Амис. Мраморная голова времени Траяна. Кибела и слуги с факелами

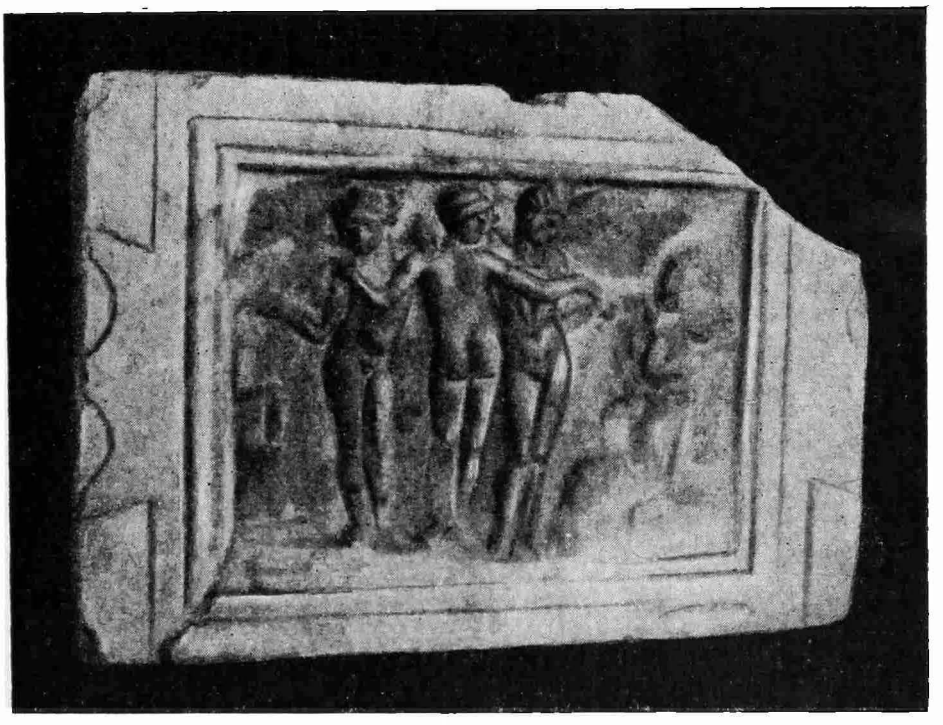


Рис. 8. Амис. Рельеф из известняка. Три грации

в Лувре [51] и в музее Стамбула [52] изображают Кибелу и Аттиса, культы которых, таким образом, хорошо засвидетельствованы в Амисе. У двери музея поставлена надгробная стела с латинской надписью и с изображением всадника, римского ветерана Гая Нумерия старшего из Энои (в 90 *км* к востоку от Самсуна, рис. 9).

Город Орду отстоит к востоку от Самсуна примерно на 130 *км*. Гамильтон первый заметил здесь следы древней гавани, высеченной в ска-

[51] Эллинистическая терракотовая фигура в Лувре. Erwerbungen des Musée du Luvre im Jahre 1911. «Arch. Anz.», XXVII, 1912, стр. 592.

[52] Статуэтка Аттиса в музее Стамбула: Musée de Constantionopole. Catalogue de terre-cuites, Истанбул, 1922.

Рис. 9. Амис. Стела [римского] декуриона Г. Нумерия старшего из Эноп

ле, и предположил, что это — древний Котиор (Κοτυωρα)[53]. Других строительных остатков не сохранилось, может быть, потому, что в этом лесном районе большинство зданий были деревянными. Не было неожиданностью узнать, что в Орду было найдено синопское клеймо[54], изданное в 1955 г.

Далее на восток (в 230 *км* от Самсуна и в 40 *км* от Орду) находится современный Гиресун, напоминающий в меньшем масштабе Синоп. Город расположен на низком и узком перешейке полуострова, тогда как сам полуостров — это высокая скала, покрытая лесом, с развалинами византийской крепости на вершине, а не огромный голый мыс, как в Синопе. Центр города — на западной стороне перешейка, где расположен и современный порт. Там не видно никаких древних остатков, кроме исодомической кладки, использованной в стенах византийской крепости. В настоящее время установлено, что Гиресун не тот Керасунт, о котором упоминает Ксенофонт. Гамильтон отождествил[55] последний с современным Fol Bazar в 60 *км* западнее Трабзона. Очевидно, Фарнак I Понтийский совершил своего рода συνοικισμός на этом участке берега[56], переселив жителей других городов, в том числе Котиора и Керасунта, в новую крепость Фарнакию. Это место исключительно благоприятно для древней гавани, так как при заселении всего перешейка можно было одновременно пользоваться двумя гаванями, как в Синопе. На обрывистой скале, выдающейся в море, возвышалась крепость-акрополь, где жители при отступлении могли переждать осаду. Скилак Кариандийский в Перипле упоминает город[57] Χοίραδες — πόλις Ἑλληνίς вместе в островом Ἀρητιάς уже в IV в. до н. э. Из других источников хорошо известно, что этот остров Ареса лежал несколько восточнее Фарнакии; здесь даже сейчас можно видеть низкий и лесистый остров с развалинами монастыря, наследника, если так можно сказать, древнего храма Ареса. Если в IV в. до н. э. на этом месте существовало поселение Хойрадес, то невероятно было бы предполагать, что в конце V в. до н. э. здесь мог быть Керасунт. Свидетельство Скилака только подтверждает соображения Гамильтона о том, что Керасунт был расположен на месте Kiresun Dere Su

[53] W. Hamilton, Ук. соч., стр. 367; ср. о Керасунте: L. Bürchner. Die Besiedlung der Küsten des Pontos Euxeinos durch die Milesier. Kempten, 1885, стр. 70.

[54] I. et L. Robert. Bulletin Epigraphique. REG, 71, 1958, стр. 329, N 482 J. D. Saltsi. Χρονικὰ Κοτυώρων. Ἱστορικὴ μονογραφία τὴν πόλη Κοτυώρα (Ὀρτοῦ) τοῦ Πόντου. Θεσσαλονίκη, 1955.

[55] W. Hamilton. Ук. соч., стр. 236.

[56] М. И. Максимова предполагает, что крепость Фарнакий была построена Фарнаком I против пиратов и против сильного в это время царства Армении (ук. соч., стр. 193—194).

[57] Скилак. 86; GGM, стр. 66. Скилак (89) также упоминает Керасунт (ксенофонтовский), но полностью ошибается в его местоположении (где-то между Арменой и Синопой).

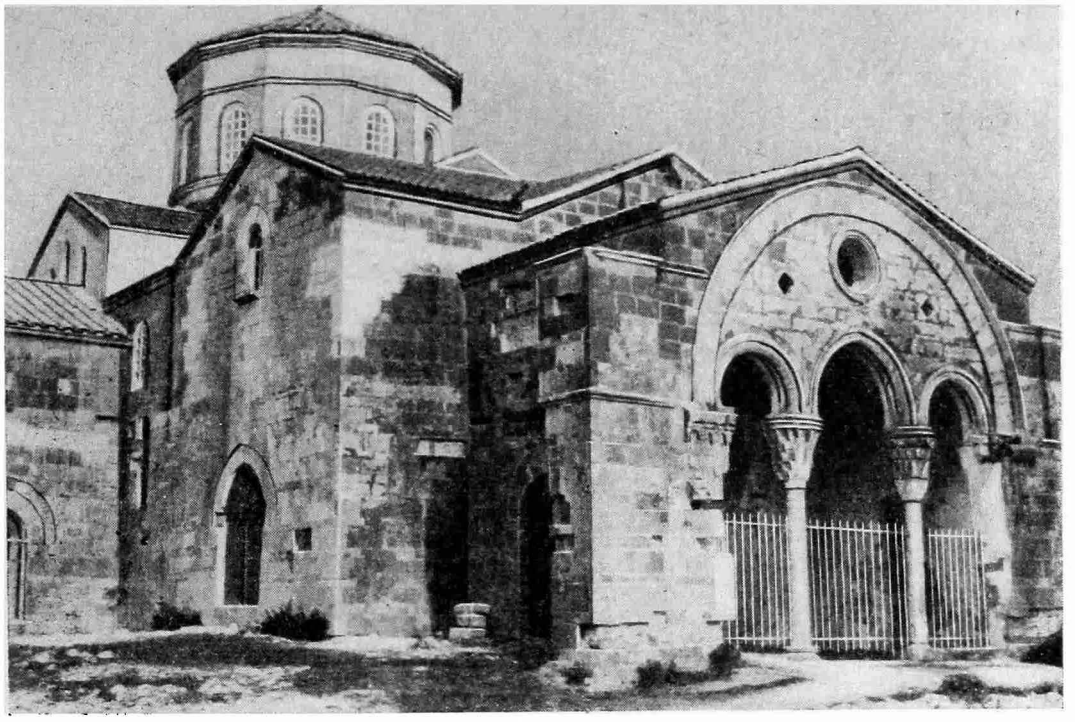


Рис. 10. Трапезунт. Византийская церковь Айа София к западу от Трапезунта

вблизи села Fol Bazar. Это совпадает и с маршрутом пути отряда Ксенофонта от Трапезунта. У Скилака мы находим указание, что еще до Фарнака греки отнюдь не игнорировали столь благоприятный пункт. Более поздние авторы отождествляли Керасунт с Фарнакией, откуда и могло произойти это отождествление.

Трабзон расположен на северных склонах гор, спускающихся непосредственно к Черному морю. Центр города и более древняя часть его разместились между двумя глубокими оврагами. Внешние городские стены, охватывающие большую площадь к западу и востоку от оврагов, еще более мощные стены верхнего города, расположенные за оврагами, и высокие развалины замка-дворца Комненов, царей Трапезунта, относятся к византийскому времени. В Трабзоне музея пока нет, но когда Д. Уинфилд закончит работу преимущественно по реставрации византийских фресок в церкви Айа София в 2 *км* к западу от порта, там будет создан городской музей (рис. 10). Хотя античных мелких изделий в городе сейчас нет, но бывали случаи, когда найденные предметы продавались за границу. Несколько бронзовых изделий хорошего качества хранится в Лувре [58]. Одно из них — фигурная ваза — голова Менады (спутницы Диониса); другое — статуэтка самого Диониса с пантерой. Издатель их Шарбонно датирует обе статуэтки III—II вв. до н. э. Он считает, что ваза происходит из александрийской мастерской, а группа с пантерой — из Малой Азии. Эти статуэтки наглядно свидетельствуют о существовании торговых связей со Средиземноморьем в период эллинизма, а также о распространении культа Диониса в греческий период; памятники такого раннего периода из Трабзона до недавнего времени не были известны. По изображениям на монетах можно судить и о наличии культов других богов, особенно культа Гермеса, о чем сообщает Арриан, а также культа Митры, храм которого открыли на склоне горы Боз-Тепе под монастырем Panaya Theoskepastos. Он находит-

[58] J. Charbonneaux. Greek Bronzes, 1962, стр. 69, 128 (англ. пер.). Несколько ювелирных изделий из Трапезунта хранятся в Британском музее. Ср. H. Walters. Catalogue of the Engraved Gems in the British Museum. No. 1395.

ся к востоку от гавани [59], на крутом горном склоне и, по свидетельству Кюмона, представляет собой пещеру с источником пресной воды; стены пещеры и свод покрыты византийскими фресками.

В современном городе можно видеть немногочисленные памятники римского времени: колонны в церкви Panaya Chrysokephalos, три колонны в церкви Ayos Basileios и античный фриз с меандром в крепостной стене у восточных ворот. До сих пор была найдена только одна надпись на греческом языке довизантийского времени — это надпись императора Адриана, лично посетившего этот город.

Ввиду полного отсутствия здесь раннего археологического материала особое внимание было обращено на свидетельства Павсания и Евсевия об основании Трапезунта. Ряд ученых скептически относится к датировке Евсевия — 756 г. до н. э. А. Р. Бэрн [60] в двух работах подвергает вообще сомнению датировку Евсевия; он выступил с соображениями о неправильности датировки Евсевия [61]. В пользу своего мнения он приводит ряд доводов, а именно: при исчислении поколений Евсевий ошибочно полагал, что на одно поколение приходится не 30, а 40 лет; отсюда и происходит его слишком ранняя датировка. В другой работе Бэрн высказал предположение, что в рукопись Евсевия вкралась ошибка, так как он относит основание Кизика, Трапезунта и Навкратиса в Египте к тому же самому году (756). Бэрн занимает крайнюю позицию, но многие другие ученые считают, что датировка серединой VIII в. до н. э. такой отдаленной колонии как Трапезунт очень сомнительна, так как основание самой Синопы (метрополии Трапезунта) твердо установлено только для последней трети VII в. до н. э.

Как мы уже видели, археологический материал пока не подтверждает даты основания даже так называемой Синопы № 3 в 632 г. до н. э. Однако нельзя согласиться с некоторыми учеными, высказавшими недавно предположение [62], что, может быть, греки заселяли западное побережье Черного моря до южного берега. Против этого можно выдвинуть обоснованные возражения, сопоставив географические условия и общую тенденцию греков к заселению Черного моря. Основанием для такого вывода, по-видимому, послужило то, что в планомерных раскопках Акургала и Будде не было найдено керамики ранее первой четверти VI в. до н. э. Но в Синопе раскопки велись всего три сезона (сами исследователи считали, что самая ранняя часть некрополя еще не найдена), и поэтому было бы поспешно делать вывод, что более раннего поселения здесь вообще не существовало. Пока еще преждевременно говорить о том, что Аполлония, Истрия и Березань были основаны раньше, чем Синопа, тем более, что отдельные фрагменты из Ак-Алана и Самсуна напоминают посуду, характерную для самого раннего этапа этих поселений. В других городах южного побережья раскопки не производились, поэтому невозможно делать никаких выводов по керамическому материалу.

Мне кажется, что разведочные и торговые рейсы вдоль южного побережья совершались греками еще до появления киммерийцев в Малой Азии (около 667 г. до н. э.), но прочно основанных поселений не было, как на это указывает ранняя гибель Синопы № 2 от рук киммерийцев вместе с ойкистом Хаброндом. Только во второй половине VII в. греки прочно обосновались сначала на южном, а затем (без большого перерыва во времени) на западном и северном побережьях Понта. Трапезунт как колония Синопы тоже не мог быть прочно заселен греками до основания новой Сино-

---

[59] F. Cumont. Studia Pontica, II, Bruxelles, 1906, стр. 367; Ф. И. Успенский. Отчеты о командировке в Трапезунт. ИАК, 1918, стр. 234.

[60] A. R. Burn. Dates in Early Greek History. JHS, LV, ч. II, 1935, стр. 130—146; The Lyric Age of Greece. London, 1960, гл. VI.

[61] Eusebius, II, 80 (ed. Schöne).

[62] J. M. Cook. Archaeological Reports for 1959—60 (add. JHS).

ны (Синопа № 3) около 632 г. до н. э. и, вероятно, был основан на рубеже VII—VI вв. до н. э.

Интересен рассказ Павсания (VIII, 27, 4) о том, что во время синойкизма Аркадии в новый город Мегалополь жители маленького городка Трапезунта, не желая терять своей самостоятельности, предпочли удалиться из Аркадии и переселились в Трапезунт на Евксинском Понте; этот рассказ предполагает существование более ранней взаимосвязи между этими городами. Павсаний, основываясь на идентичности названий городов, полагает, что Трапезунт Аркадский был метрополией Трапезунта Понтийского. Но когда была установлена эта связь? Скорее всего в конце V в., когда войска Ксенофонта, среди которых находился и большой отряд уроженцев из Аркадии, далеко, на восточной части южного побережья Понта с радостью увидели этот отдаленный город. Очень возможно, что среди греков были и граждане аркадского Трапезунта, которые увидели в названии города хорошее предзнаменование и подружились с местными греками. Предположение, что город Трапезунт получил свое название от горы, вершина которой имела форму трапезы [63], кажется нам очень сомнительным. В Трабзоне мне не удалось найти такую гору; даже гора Боз-Тепе имеет лишь самое отдаленное сходство со Столовой горой. Возможно, что название города представляет искаженную форму местного слова [64], но и это толкование не очень убедительно, и вопрос остается нерешенным.

---

[63] W. Ruge. Trapezus. RE, 2, Rh., т. 6, стр. 2212 сл.
[64] М. И. Максимова. Ук. соч., стр. 71, примеч. 4.

Н. М. НИКУЛИНА

ПЕРСТНИ ИЗ ФАНАГОРИИ

В послевоенное время при раскопках в Фанагории были найдены четыре перстня. Два из них относятся к эллинистическому времени, два других — к раннеримскому. Все четыре перстня найдены на территории некрополей, расположенных близ городища, и кратко описаны в отчетах экспедиций.

Художественное значение этих памятников примерно одинаково. Это те перстни-печати, которые были широко распространены в повседневной жизни населения и в большом количестве изготовлялись античными мастерами. Массовый характер этого материала нисколько не снижает его значения для истории античной глиптики. Интересен он и для изучения искусства Северного Причерноморья, так как происхождение рассматриваемых перстней связано, видимо, с этой областью античного мира.

I. Бронзовые перстни с изображением мужской и женской головы на шинках (рис. 1, *1, 2, 3*)

Два бронзовых перстня, рассматриваемых в этом разделе, происходят из разных комплексов находок, однако по форме, материалу, принципу размещения и стилю изображения они настолько близки, что нам кажется возможным объединить их в одну группу.

Первый перстень был найден в Фанагории в 1948 г. [1], второй — двумя годами позднее [2]. Сбоку на шинке первого перстня находится профильное изображение женской головы в шлеме, на шинке второго — изображение мужской головы в лавровом венке.

Оба перстня уже упоминались в статье М. М. Кобылиной [3]. В отчете И. Д. Марченко о раскопках восточного некрополя было обращено внимание на их своеобразие, приведены аналогии [4].

Свою задачу мы видим в более подробном исследовании названных предметов, в определении их даты, происхождения, стиля и, наконец, места в ряду других памятников глиптики, происходящих из Северного Причерноморья.

Поскольку размеры перстней почти совпадают и рассматривать их порознь не имеет смысла, остановимся лишь на форме одного из них (инв. № 404) (рис. 1, *1*). Подобный ему тип значится в каталоге Британ-

[1] Отчет М. М. Кобылиной. Архив ИА АН СССР, Р — 1, № 253, стр. 8. ГМИИ, инв. № 404. Перстень был найден в погр. № 29 некрополя «Е». Его размеры: диаметр внешний 2,2 *см*; диаметр внутренний 2 *см*; площадь щитка 1,1 × 1,7 *см*; ширина дужки 0,5 *см*.

[2] Отчет М. М. Кобылиной..., № 504, стр. 29, ГМИИ, инв. № 601. Найден при расчистке погр. № 65 некрополя «И». Размеры перстня: диаметр внешний 2,2 *см*; диаметр внутренний 2 *см*; площадь щитка 1,1 × 1,8 *см*; ширина дужки 0,6 *см*.

[3] М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, 57, 1958, стр. 42.

[4] И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг. Там же, стр. 116.

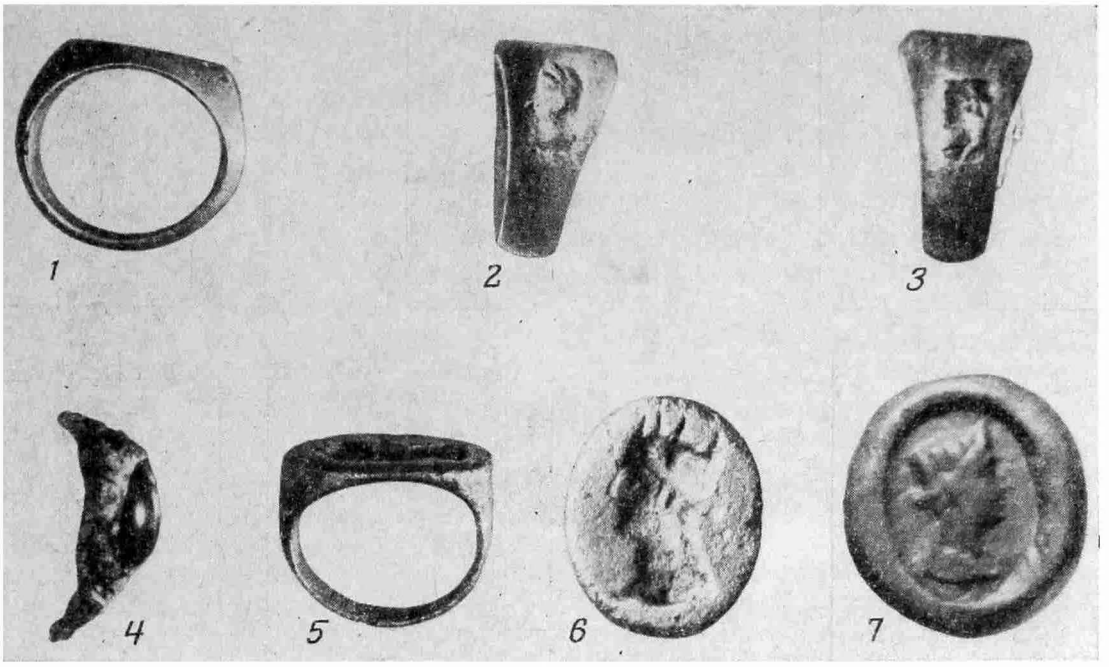


Рис. 1

1 — бронзовый перстень (инв. № 404), *2* — изображение мужской головы в лавровом венке на шинке бронзового перстня, *3* — изображение женской головы в шлеме на шинке бронзового перстня, *4* — железный перстень с гранатовой вставкой (инв. № 535), *5* — бронзовый перстень с изображением головы в короне, гравированным на щитке, *6* — изображение головы в короне на щитке бронзового перстня, *7* — изображение головы в короне на бронзовом перстне из собрания Исторического музея (инв. № 54791/920)

ского музея среди перстней IV—III вв. до н. э.[5] (рис. 2, *2*), но сохраняется он и во II в. до н. э., о чем свидетельствуют отдельные образцы золотых перстней в том же каталоге[6].

Как видно из аналогии, дата, которую можно установить, исходя из самой формы перстня (IV—II вв. до н. э.), слишком широка и неопределенна. Найти же перстень, который имел бы на шинке изображение, подобное фанагорийскому, нам не удалось. Очевидно, наши перстни очень своеобразны. Однако вещи даже такого рода всегда имеют определенные истоки или сами служат прототипом какого-то более распространенного вида. В данном случае внимание привлекает один из типов эллинистических перстней, который мы также находим в каталоге Маршалла[7] (рис. 2, *3*). Особенность его заключается в том, что само изображение находится на сферической поверхности, так как щиток отсутствует и заменен несколько расширяющейся к центру дужкой.

Кроме перстня, изданного Маршаллом, нам известны еще два подобного рода[8]. Оба они происходят из Керчи и имеют в средней части дужки близкие нашим профильные изображения голов (в одном случае — женской, в другом — мужской). Нам кажется вполне вероятной связь между данным типом перстней и фанагорийскими, где изображения также помещены на сферической поверхности (хотя и не в центральной части дужки, а сбоку, на шинке). Общие черты, которые нетрудно заметить, несмотря на различие самих перстневых форм, говорят о развитии или своеобразном варианте одного и того же типа. Если признать эту связь, то становится более определенной и дата изготовления наших перстней, так как названный тип относят к III—II в. до н. э. Подтвердить и уточнить

[5] F. H. Marshall, Catalogue of the Finger rings Greek, Etruscan and Roman in the British Museum. London, 1907, табл. XXXIII, *1458*; табл. XXXIV, *1561*; табл. IV, *95*.

[6] Там же, табл. XIX, *725*, *731*.

[7] F. H. Marshall. Ук. соч., № 1103, стр. 176 (на перстне — изображение растительного мотива).

[8] T. W. Kibaltchich. Gemmes de la Russie meridionale. Berlin, 1910, табл. XV, *431*; Собр. ГЭ, античный отдел, инв. № В. 1462 (из собр. Д. Шпака).

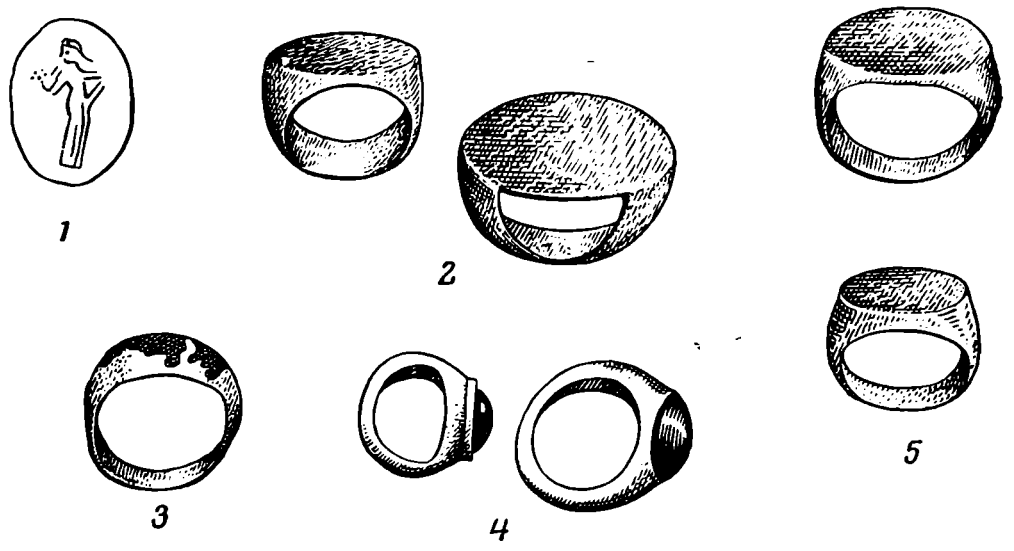


Рис. 2

1 — прорисовка с изображения, гравированного на гранате. (Железный перстень инв. № 535), *2* — форма перстней IV—III вв. до н. э., *3* — образец перстня с изображением, гравированным на сферической поверхности (по Маршаллу), *4* — форма перстней со вставками I в. до н. э.— I в. н. э. (по Генкелю), *5* — форма перстней I в. до н. э.— I в. н. э. (по Маршаллу)

эту дату может материал из погребений и анализ изображений на шинках. В погр. № 29 некрополя «Е» вместе с бронзовым перстнем была найдена пантикапейская монета с изображением на одной стороне лука и стрелы, а на другой — головы безбородого Сатира. Монеты подобного рода относят к первой половине — середине III в. до н. э. [9], поэтому мы считаем возможным датировать наш перстень примерно серединой III в. до н. э.

Оба изображения на фанагорийских перстнях очень миниатюрны и расположены в центре на самой выпуклой и широкой части перстня [10], они сильно стерты, поэтому детали не видны даже на увеличенных фотографиях. Мы видим контуры лба, носа, контуры губ, подбородка, шеи. Глаза и надбровные дуги едва намечены небольшим углублением, подчеркивающим мягко трактованные объемы щек, подбородка и довольно длинной шеи. Определить прическу затруднительно, но головные уборы видны достаточно ясно. Женскую голову увенчивает шлем коринфского типа, мужскую — лавровый венок. Эти детали позволяют предположить, что перстни были украшены изображениями голов Афины и Аполлона. Аналогии им (как это было уже отмечено И. Д. Марченко) можно найти среди пантикапейских монет этого времени. Наиболее близкими аналогиями для головы в лавровом венке является голова Аполлона на медных пантикапейских монетах середины III в. до н. э. [11]. Женская голова на перстне близка с изображением головы Афины в шлеме на медной пантикапейской монете, относимой к середине — третьей четверти III в. до н. э. [12]

Таким образом, временем изготовления описываемых нами перстней можно считать примерно середину III в. до н. э.

Аналогии среди пантикапейских монет, близость к находимым в Керчи перстням с резьбой на сферической поверхности, стилистическая общность с их изображениями наводит на мысль о местном боспорском происхождении описываемых нами перстней. Возможна даже их связь с позже распространенными в Северном Причерноморье бронзовыми перстнями, имеющими портретные изображения на щитках [13].

[9] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, табл. XLI, *4*, *5*.

[10] Размеры изображения на перстне инв. № 404—0,5 × 0,7 *см*; на перстне инв. № 601—0,6 × 0,9 *см*.

[11] А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XLI, *9*, *10*; Д. В. Шелов. Монетное дело Боспора, VI—II вв. до н. э., М., 1956, табл. VI, *68*.

[12] А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XLI, *14*, стр. 179.

[13] М. И. Максимова. Резные камни. В сб.: «Античные города Северного Причерноморья». М.— Л., 1955, стр. 443.

Бронзовые литые [14] перстни-печати становятся очень популярными в античном мире с IV в. до н. э. Они отличаются большой прочностью, внешне достаточно красивы (особенно если покрыты позолотой) и стоят много дешевле золотых и серебряных.

Уровень развития ремесла на Боспоре, и литейного дела в частности, позволяет предположить, что такие перстни делались и в местных мастерских (об этом свидетельствует и археологический материал) [15]. Уже сам факт чеканки на Боспоре прекрасных по качеству и совершенству художественного исполнения монет указывает на возможность изготовления в местных условиях и произведений глиптики. Трудно представить себе, что мастера, резавшие монетные чеканы, штемпели для амфорных и черепичных клейм, не были связаны с этой областью искусства. Сейчас мы хорошо знаем о существовании на Боспоре в I в. до н. э.— I в. н. э. своей камнерезной мастерской [16], существование ее было бы абсолютно невозможным без каких-то ранее установившихся традиций.

Нахождение в разных местах двух совершенно одинаковых по типу перстней приводит к мысли о происхождении их из одной мастерской. Говорить с полной уверенностью о Фанагории, как месте нахождения этой мастерской, нет пока оснований, но в самом этом предположении нет ничего невероятного. Фанагория — столица азиатской части Боспора, город, чеканивший, как и Пантикапей, свою монету, безусловно, имел и своих резчиков, и свои мастерские [17].

II. Железный перстень с резной гранатовой вставкой (рис. 1, *4*; рис. 2, *1*)

Перстень был найден при раскопках Фанагории в 1950 г. [18] Украшающая перстень гемма резана вглубь на выпуклом гранате овальной формы [19]. Поверхность камня, к сожалению, сильно стерта, и изображение удается восстановить только по увеличенной фотографии с гипсового слепка. Как это видно при рассмотрении прорисовки, на нем была изображена стоящая в полоборота женская фигура в длинном хитоне. В сильно согнутой правой руке женщина держит связку колосьев, левая рука, согнутая в локте, опирается на бедро. Голова с откинутыми назад волосами резко повернута в профиль, влево. Судя по атрибуту, можно предположить, что перед нами — изображение Деметры или римской Цереры.

В глаза бросается, однако, совсем не свойственная эллинистическим и римским камням удивительная схематичность и плоскостность изображения. Если в этих геммах пластическое начало всегда было определяющим, то здесь — наоборот, господствующим является начало графическое. Все изображение строится на пересекающихся кривых и вертикалях. Рисунок не отличается особой тщательностью и тонкостью, он настолько эскизен, что едва дает представление о той или иной части тела или детали.

Примитивная, небрежная манера резьбы заставляет нас искать аналогии нашей гемме не в эллинистических, а в римских камнях, причем связанных с римскими провинциями. В разделе «Греко-римские геммы эпохи Августа и ранней Империи» Фуртвенглер достаточно подробно останавливается на камнях подобного рода [20]. К тому же вопросу обращается и

---

[14] Изображения на наших перстнях, кажущиеся резаными вглубь,— также результат этого процесса (возможно, что после отливки такие изображения поправлялись и заканчивались уже с помощью резца).

[15] И. Д. Марченко. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея. МИА, 56, 1957, стр. 160—173.

[16] М. И. Максимова. Боспорская камнерезная мастерская, СА, 1957, № 4, стр. 75—82.

[17] В. Д. Блаватский, Архаический Боспор. МИА, 33, 1954, стр. 34.

[18] ГМИИ, инв. № 535. Найден в погр. № 28 некрополя «И»; Отчет М. И. Кобылиной..., № 504, стр. 18; И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории..., стр. 120.

[19] Размеры камня: 0,8 × 1,1 *см*.

[20] A. Furtwangler. Die antiken Gemmen, III, Berlin, 1900, стр. 300—301. Автор

М. И. Максимова [21]. Она выделяет несколько групп перстней со вставками из боспорских некрополей и приходит к выводу, что одна из этих групп является продукцией местной камнерезной мастерской [22].

Художественный стиль изображений на камнях местного производства отличается именно той плоскостью и эскизностью, которую мы наблюдаем в изображении на нашем камне. С этой группой нашу гемму сближает не только стиль изображения, такой же линейный и схематичный, но и сама порода камня и сюжет. Сюжетом для многих гемм боспорского происхождения, как и для большей части произведений римской глиптики в целом, являются изображения богов. Как правило, это отдельно стоящие фигуры, подражающие наиболее известным культовым статуям. Чаще всего мы встречаем среди них изображения Тихи, Афины, Немезиды, Ники, Деметры, Артемиды. Так что фигура на фанагорийском перстне вполне соответствует распространенному кругу образов.

Исключительная любовь к гранату, подчиненная роль изображения по отношению к камню, предельное упрощение рисунка и примитивная манера резьбы — все это объясняется видимо, варваризацией вкусов, присущей той эпохе.

М. И. Максимова, опираясь на анализ инвентаря тех погребений, в которых были найдены перстни, а также по форме их золотых оправ датирует всю группу концом I в. до н. э. — I в. н. э. [23] По формам оправ эти перстни ничем не отличаются от римских перстней указанного периода. Это подтверждают и многочисленные аналогии в перстнях, опубликованных Генкелем [24], датировки которого точно выверены изученным им материалом погребений Рейнской области.

Гранатовая вставка нашего перстня вставлена не в золотую оправу, характерную для выделенной группы боспорских перстней, а в железную [25]. Форма оправы та же, что и у многих перстней из только что названных аналогий [26], но материал иной. Нам хорошо известно, что железные перстни и оправы в этот период были не менее модны, чем золотые, и что делались они примерно тех же форм. В работе Генкеля среди железных перстней мы находим форму, чрезвычайно близкую нашей (автор датирует ее тем же временем начала Империи [27]) (рис. 2, *4*). Таким образом, в отношении даты нет никаких сомнений: она полностью соответствует той, которая определяет группу перстней, вышедших из боспорской камнерезной мастерской.

Материал перстня никак не меняет вывода о местном его происхождении. Такую оправу легко могли сделать и местные мастера. Еще одним доводом в пользу такого предположения являются частые находки железных перстней с гранатовыми, сердоликовыми вставками и литиками в некрополях Пантикапея [28] (см. отчеты В. Шкорпила о раскопках в Керчи и ее окрестностях).

обращает внимание на тот факт, что небольшие выпуклые гранаты (реже сердолики) с изображениями, вырезанными в эффектной, но весьма поверхностной манере (вовсе не известные в западных областях Римской империи), часто встречаются на юге России, особенно при раскопках Пантикапея.

[21] М. И. Максимова. Ук. соч., стр. 75—82.

[22] Отличительными признаками всей этой группы являются, с одной стороны, своеобразные по способу своего изготовления перстневые оправы из тонкого листового золота с пастовым заполнением, а с другой,— порода камня и стиль гравированных изображений.

[23] М. И. Максимова. Ук. соч., стр. 76.

[24] F. Henkel. Die römischen Fingerringe der Rheinlande und der benachbarten Gebiete. Berlin, 1913, табл. VII, VIII, IX.

[25] Размеры оправы перстня: диаметр внешний 0,2 *см*; диаметр внутренний 1,7 *см*.

[26] F. Henkel. Ук. соч., № 75, 76.

[27] Там же, табл. VI, *1454*.

[28] ИАК, 7, 9, 17, 25, 30, 35, 47, 56.

Массовое нахождение перстней подобного рода в земляных гробницах Пантикапея заставляет еще раз задуматься над вопросом о местном производстве. Возможно, что со временем, внимательно пересмотрев весь материал, можно будет расширить группу перстней боспорского происхождения.

Материал, найденный в одном погребении с описываемым нами перстнем, к сожалению, не может сузить хронологических рамок, которые удалось установить, исходя из стиля изображения и формы оправы перстня, однако он может лишний раз подтвердить правильность установленной даты. Датирующим в данном случае является керамический материал [29]. Найденные сосуды [30] по форме и по качеству лака могут быть отнесены ко времени никак не ранее конца I в. до н. э. — I в. н. э.

Предполагать существование в это время камнерезной мастерской в самой Фанагории пока нет никаких оснований. Количество найденных на Тамани перстней подобного рода крайне невелико. Местом происхождения перстня, как и всей группы боспорских перстней в целом, скорее мог быть Пантикапей, в мастерских которого и делали, вероятно, эти недорогие украшения.

III. Бронзовый перстень с изображением на щитке головы в короне (рис. 1, *5, 6*)

Этот перстень происходит из раскопок Фанагории в 1950 г. [31] Он представляет собой довольно массивную бронзовую печать, на которой резаное вглубь изображение занимает почти всю поверхность щитка в форме широкого овала, резко переходящего в плечи перстня [32]. Сохранность его достаточно хорошая. Материал, из которого он сделан, свинцово-оловянная бронза, типичен для античного времени.

Перстень был уже опубликован И. Д. Марченко [33], наметившей датировку этого памятника и высказавшей предположение о его происхождении. Свою задачу мы видим лишь в некотором уточнении и расширении данных этой первой публикации.

Прежде всего, необходимо решить вопрос о времени изготовления перстня, для чего обратимся к его форме. Она, безусловно, принадлежит к позднему виду и является дальнейшим развитием форм эллинистических перстней.

Аналогичные перстни, которые мы находим в каталоге Маршалла, в работах Генкеля и Фуртвенглера, датируются временем Августа и ранней Империи [34] (рис. 2, *5*).

Таким образом, судя по форме, дата изготовления нашего перстня может быть определена как конец I в. до н. э. — I в. н. э. Предметы, найденные в одном погребении с перстнем, относятся приблизительно к тому же периоду [35].

---

[29] Бусы и пастовый скарабей имеют для этого слишком широкие временные границы.

[30] В могиле были найдены: краснолаковая тарелка, небольшой веретенообразный флакон с уплощенным дном и двуручный сосуд с шаровидным туловом, покрытый в верхней части буроватым лаком.

[31] ГМИИ, № 562. Некрополь «И», погр. № 39; Отчет М. М. Кобылиной..., № 504, стр. 21—22.

[32] Размеры перстня: диаметр внешний 2,3 *см*; диаметр внутренний 2,1 *см*; площадь щитка 2,2 × 1,7 *см*.

[33] И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории..., стр. 121.

[34] F. H. Marshall. Ук. соч., табл. XXXIII, 1479; A. Furtwängler. Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium. Berlin, 1896, № 11065; F. Henkel. Ук. соч., табл. XXXIV, *887*.

[35] Это невысокий двуручный сосуд, такой же по величине красноглиняный кувшин с воронкообразным венчиком и веретенообразный флакон из серой глины, т. е. материал, датируемый не ранее I в.

Сложнее решается вопрос определения самого изображения и места, откуда мог произойти перстень. В позднеэллинистический — раннеримский период по всему Северному Причерноморью были распространены бронзовые печати с вырезанными на щитках портретными бюстами [36].

Однако изображение на нашем перстне с первого взгляда удивляет своей необычностью: своеобразием типа лица и головного убора, который далеко не сразу поддается определению. На щитке перстня изображена голова в короне, повернутая в профиль влево. Определение ее как мужской кажется нам ошибочным. Гораздо больше оснований считать изображение женским. Трактовка глаза, маленький рот, мягкие линии подбородка, шеи, сама лепка форм и, наконец, длинная коса, спускающаяся вдоль спины,— все это заставляет сделать такой вывод. Сильно изогнутая линия носа, который по размеру своему может показаться типично мужским, является лишь свидетельством восточного происхождения изображенной.

Рисунок в целом очень правилен, четок, но несет в себе тот едва уловимый налет суховатости, который всегда характерен для произведений римского искусства. То же можно сказать и о трактовке форм.

Далее следует определить головной убор изображенной. И. Д. Марченко в своей публикации указывает на близость его головным уборам армянских правителей [37]. Однако, несмотря на некоторые общие моменты, отождествить их все-таки вряд ли возможно. Головной убор женщины, изображенной на нашем перстне, скорее всего является своеобразным соединением так называемой «короны из лучей», которую носили в Малой Азии в эллинистическую эпоху и которая встречается на монетах римских императоров первых веков нашей эры [38], с каким-то местным головным убором. Он имеет, как нам представляется, жесткое дно (прямым углом своего контура скрывающего естественное очертание головы) и отогнутый кверху край, за который укреплены «лучи» короны; наличие последней свидетельствует о том, что перед нами — изображение правительницы.

Среди памятников глиптики в собрании ГИМ в Москве (изданных в каталоге А. А. Захарова) имеется бронзовый перстень, являющийся, без сомнения, прямой аналогией нашему [39] (рис. 1, *7*). Перстень этот той же формы и сделан из того же материала [40].

На щитке его, как и на нашем перстне, изображена повернутая в профиль влево (на слепке вправо) женская голова в короне. Тип лица, головной убор, композиционная схема — все как будто повторяет изображение на фанагорийском перстне. Почти тот же профиль с выгнутой линией носа, разрез глаза, очертание губ, шеи, спускающаяся по спине коса и выдвинутое плечо. Конечно, это портретное изображение совсем другого лица, но несомненен один этнический тип. Головной убор совершенно тот же по своим очертаниям, хотя «лучи» менее высоки. Судя по более пластичной, мягкой моделировке форм, это изображение, возможно, относится к несколько более раннему времени. Однако точной даты, которая помогла бы нам одновременно проверить датировку нашего перстня, мы не знаем. Известно, что перстень был передан графу А. С. Уварову

---

[36] ДБК, III, СПб., 1854, табл. XVIII, *12*; М. И. Максимова. Резные камни..., стр. 443.

[37] F. Imhoof-Blumer. Porträtköpfe auf antiken Münzen hellenischer und hellenisierter Völker. Leipzig, 1885, табл. IV, *13*; VI, *7*.

[38] Imhoof-Blumer. Kleinasiatische Münzen, I, Wein, 1901; его же. The Seleucid Coins of Syria in the British Museum. London, 1878, табл. XII—XIII.

[39] Инв. № 54791/920, ГИМ; А. А. Захаров. Геммы Государственного исторического музея. М., 1928, табл. V, *209*.

[40] Размеры перстня: диаметр внешний 2 *см*; диаметр внутренний 1,8 *см*; площадь щитка 2 × 1,5 *см*.

П. Д. Давыдовым в 1888 г., а тот получил его с городища Насахтрали в Гурии[41].

О Гурии и Грузии в целом можно, видимо, говорить как о вероятном месте происхождения перстня, изданного А. А. Захаровым. Изучение изображений и попытки найти нечто близкое на грузинских монетах не увенчались успехом. Сведения по грузинской нумизматике, которыми мы располагаем, крайне скудны. Из античных монет известны так называемые «колхидки» и монеты римских императоров, о существовании же в это время своей, оригинальной монеты можно только догадываться[42].

Таким образом, нумизматический материал не подсказывает, ни к какому времени точно относятся портретные изображения на наших перстнях, ни кому из местных правителей они могли принадлежать. Думается только, что римские монеты, получившие в связи с завоеванием Кавказа большое распространение в этих областях, оказали известное влияние и на местные монеты, и на произведения глиптики. Портретное изображение на щитке нашего перстня отражает это воздействие. Что касается даты (I в.), которую дает нам археологический материал, то, к сожалению, проверить ее и сузить хронологические рамки не удается.

Вопрос о происхождении фанагорийского перстня решается с помощью перстня из Насахтрали; видимо, он также происходит с территории Грузии, где с очень раннего времени было развито свое камнерезное искусство[43]. Традиции его сохранялись и развивались далее, вплоть до первых веков нашей эры, поэтому сомнения в том, что такие бронзовые перстни могли отливаться в Грузии, быть не может. В этом отношении вполне оправдывается предположение И. Д. Марченко о привозе нашего перстня на Боспор с Кавказа.

О связях, существовавших между этими областями, мы знаем сравнительно немного, но они, безусловно, существовали, что подтверждают частые находки на Кавказе и в Грузии, в частности, боспорских монет[44]. В римское время связи оживились еще более, поскольку этому способствовала и политика, проводимая Боспорским государством, и завоевательная политика самого Рима.

---

[41] Мы пытались найти сведения о городище с таким названием в археологической литературе, но ни «Материалы по археологии Кавказа», ни другие издания не могли в этом помочь. В Грузии как в Западной, так и Восточной довольно часто встречается название «Насахтрали» (в переводе это значит: «место, где находилась церковь»), но грузинские археологи не знают такого городища. К сожалению, приходится предположить, что данные, приведенные А. А. Захаровым в его каталоге, недостаточно точны и вещи «из городища „Насахтрали“» — не что иное, как случайные находки в одном из мест с таким названием.

[42] Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика. М., 1955, стр. 42.

[43] М. И. Максимова. Стеклянные, многогранные печати, найденные на территории Грузии. НИЯИМК. Тбилиси, 1941, стр. 75—92; М. Н. Лордкипанидзе. Геммы Государственного музея Грузии. I, III. Тбилиси, 1954—1958.

[44] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 348.

Ю. А. САВЕЛЬЕВ

БОСПОРСКИЕ ЧЕРЕПИЧНЫЕ КЛЕЙМА ИЗ РАСКОПОК ПАНТИКАПЕЯ И ФАНАГОРИИ В 1950—1960 гг.

Исследования Пантикапея и Фанагории в 1950—1960 гг. дали значительное число боспорских черепичных клейм. Подавляющее большинство их уже известно и тщательно исследовано [1], однако некоторые клейма встречены впервые.

В Пантикапее за эти годы было найдено 255 боспорских черепичных клейм; как и следовало ожидать, значительную часть их составили клейма с надписью βασιλική и βασιλικός (58 экз., т. е. 22% от общего числа [2]). Из них 45 относятся к I хронологической группе по каталогу В. Ф. Гайдукевича (первая половина III в. до н. э.[3]), клейм II группы — сигма с параллельными черточками — 7 экз. (около середины II в. до н. э.), четыре клейма имеют лунарную сигму, А и Λ с вогнутыми линиями. Примерно такое же соотношение отмечалось и раньше. Особо нужно выделить не встречавшиеся ранее клейма. Одним из таких является ретроградное клеймо Φανομά (χου) (рис. 1), которое по шрифту можно отнести к концу IV — началу III в. до н. э. Может быть, уже известное клеймо Φαν[4] является его сокращенной формой. Имя Φανόμαχος на Боспоре встречалось ранее [5]. Новая находка подтверждает соображения Д. Б. Шелова о сомнительности чтения Φαν как Φαναγορειτῶν.

Другое новое клеймо — Ἀκύλου (рис. 2). Имя Ἄκυλος — очень редкое; на Боспоре, да и вообще в Северном Причерноморье оно, насколько нам известно, не встречалось. В словаре Папе — Бензелера есть единственное указание на такое имя, его носил вольноотпущенник Мецената [6].

Шрифт нашего клейма аккуратный, буквы слегка апицированы, похожи на буквы клейм первой половины III в. до н. э., как, видимо, и нужно датировать его, несмотря на то что альфа имеет перекладину с переломом, вернее — состоит из двух пересекающихся черточек. Ха-

[1] Б. Н. Граков. Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции VI—IV вв. до н. э. ИГАИМК, 108, 1935; его же. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. ИГАИМК, 104, 1934; В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора, там же. Черепичные клейма из раскопок Пантикапея в 1945—1950 гг. и Фанагории в 1936—1937 гг. обработаны Д. Б. Шеловым. Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг. МИА, 56, 1957; его же. Керамические клейма из раскопок Фанагории. МИА, 57, 1956.

[2] Ср. В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 277 (21,6%). В сводке Д. Б. Шелова, часть βασιλική в общей массе значительно бо́льшая, из 356 экз. — 171 экз., стр. 222.

[3] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 278.

[4] Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах..., табл. VI.

[5] IOSPE, II, № 9, время Перисада I; И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.— Л., 1953, № 232, на сосуде IV в. до н. э.

[6] W. Pape. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1911, стб. 50.

рактер имени [7] говорит скорее всего о простом происхождении владельца мастерской.

Среди других находок есть обломок клейма с именем Спартока III, в сокращенной форме, шрифт надписи тот же, что уже в известных клеймах [8]. Исключение составляет альфа с изломом перекладины, встречавшаяся ранее только в тех клеймах, где имя этого правителя приводится полностью. Обломок клейма с сохранившимися буквами ι, φ и знаком

Рис. 1

Рис. 2

сокращения (. . . ιφ( ) может быть частью известной уже ретроградной надписи на черепице Καλλιφ [9], отличаясь от нее обычным порядком букв. Клеймо ⍜ [10] имеет новый вариант, ⍜, известное имя Метродора [11] есть в еще более сокращенном виде ⍜. Очень похоже по начертанию букв на известное ранее клеймо Νικο [12], вновь найденное, но с омегой — Νικω [13]. Возможно, это вариант написания Νικο и искать новое имя (Νίκων, Νικῶλαως) здесь не обязательно. Случаи вариации ο — ω известны [14]. Ранее был найден и более сокращенный вариант надписи, встречающийся довольно редко, NI [15], хотя утверждать, что это сокращение именно клейма Νικο, нельзя.

Клеймо (рис. 3) представляет во многих отношениях загадку. Его сокращенность позволяет высказать несколько предположений. Очевидно, средняя буква представляет собой ω, повернутую на 90° (ср. клейма Λεω — № 47, 48 по каталогу В. Ф. Гайдукевича), и надпись читается Πωλ . . . Λ с недоведенной левой палочкой очень напоминает Λ в надписи № 48 В. Ф. Гайдукевича, датируемую Э. О. Берзиным третьей четвертью IV в. до н. э. [16]. Общее сходство с клеймом № 48 несомненно, но характер П (выступающая горизонталь), курсивная омега (хотя ее наличие необязательно должно свидетельствовать о позднем времени надписи), заставляют с бо́льшим основанием датировать клеймо второй половиной III в. до н. э. Не являются ли и надписи № 47, 48 более поздними, чем их датировали ? Ведь они сильно отличаются от четкой и аккуратной надписи Λεω со знаком сокращения (№ 46 по каталогу В. Ф. Гайдукевича). Что касается содержания надписи, то, во-первых, это может быть

---

[7] ἄκυλος — съедобный желудь. См. H. G. Liddel, R. Scott. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1940, s. v.

[8] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 313, № 81, 82.

[9] Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Птг., 1917, стр. 131. В более сокращенной форме см. каталог В. Ф. Гайдукевича, № 39 — Καλλι (четвертая четверть IV в. до н. э.). В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч. стр. 305.

[10] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., № 71.

[11] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., № 57—59 (⍜ — М-57, № 1474).

[12] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., № 64 — Νικομάχου, Νικοστράτου.

[13] В. В. Веселов. Новые формы и вариации боспорских кровельных черепиц. В сб.: «Археология и история Боспора», II. Симферополь, 1962, стр. 350, рис. 7.

[14] IOSPE, I, стр. 57, прим.

[15] В. Ф. Гайдукевич. Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях. СА XXVIII, 1958, рис. 2.

[16] Э. О. Берзин. Из истории производства клейменой черепицы на Боспоре (IV — начало III в. до н. э.), СА, 1959, 4, стр. 58.

имя. В словаре Папе — Бензелера [17] почти все имена, начинающиеся с Πωλ . . ., относятся к первым векам нашей эры. Есть более раннее имя Πῶλος, встречающееся у Платона, очень редкое. Именно редкость его [18] дает возможность предполагать здесь нечто иное, например обозначение должностного лица — πωλητής.

В Афинах полетами было 10 должностных лиц [19], сдававших на откуп государственные доходы, продававших конфискованные состояния. В Эпидамне полетом было официальное лицо, ведавшее торговыми связями с соседними варварами. Название должностного лица на черепичном клейме вполне возможно: примером тому служат синопские и херсонесские штампы, на Боспоре известно клеймо κωμάρχου [20]. Однако настаивать на таком толковании, тем более определять конкретные функции этого чиновника и строить по этому поводу какие-либо предположения трудно из-за краткости надписи. Можно высказать еще одно предположение — может быть надпись имеет более непосредственное отношение к глаголу πωλέω «торговать» (πώληοις «продажа»; πωλητήριον «место для продажи») — в Херсонесе известно амфорное клеймо с надписью Ἀθαναίου. Εἰς ἐμπόριον [21].

Рис. 3

В Фанагории в 1950—1960 гг. черепичных клейм найдено значительно меньше. Всего их 23. Два клейма — средневековые (Θεοδωραίσο). Клейм βασιλική всего три, одно из них I группы по В. Д. Гайдукевичу, другое заключено между двумя горизонтальными чертами. Бóльшая часть остальных клейм уже хорошо известна: Диотима, Пантера и Неокла, Орхама, клейма с именем Спартока в сокращенном виде (Σπαρ), двустрочное клеймо Спартока (начало III в. до н. э.), Орхама, Местора. Некоторые клейма сбиты, и прочитать их невозможно. О новых клеймах будет сказано ниже. Здесь хотелось бы отметить только одно не известное ранее клеймо — с монограммой [22].

Некоторые клейма, находимые из года в год в Фанагории, в Пантикапее встречаются очень редко. Д. Б. Шелов справедливо выявил ряд фанагорийских клейм не только на основании изучения размеров и формы черепиц, но и по способу их написания, а также выделяя имена, встречающиеся главным образом в Фанагории [23]. Клейма Пантера и Неокла,

---

[17] W. Pape. Ук. соч., стб. 1294.

[18] Его нет ни в своде Згусты (L. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955), ни в каталоге Е. М. Придика, ни в каталоге фасосских клейм (A. M. Bon. Les timbres amphoriques de Thasos. Paris, 1957).

[19] H. G. Liddel, R. Scott. s. v.

[20] Клеймо κωμάρχου интересно само по себе. Во-первых, оно очень малоизвестно, только по каталогу Придика. Во-вторых, оно подтверждает наши представления о социальном положении боспорских комархов (В. Д. Блаватский. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье. В сб.: «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху». М., 1959, стр. 18). В своем ведении комархи, видимо, имели не только части хоры, но и черепичные мастерские.

[21] Р. Б. Ахмеров. О клеймах керамических мастеров эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1951, 3, стр. 79.

[22] Клеймо с монограммой из Пантикапея издано В. В. Веселовым. В. В. Веселов. Ук. соч., рис. 5.

[23] Д. Б. Шелов. К истории керамического производства на Боспоре. СА, XXI, 1954, стр. 127, 128.

Диотима типичны для Фанагории, а в Пантикапее редки. Характерна и форма штампа: имена заключены между двумя горизонтальными линиями, типичны для Фанагории двустрочные клейма — Πανθῆρος/Νεοκλέους; Βασιλέως / Σπαρτόκου; Βασιλική/трезубец, дельфин, даже имя Спартока пишется в две строки: Σπαρ/τόκου.

Мнение Д. Б. Шелова о фанагорийском производстве черепиц с указанными клеймами вполне подтверждается материалом из раскопок последнего времени: в общей массе клейм из Фанагории опять преобладают именно эти.

Рис. 4

Среди черепичных клейм из раскопок И. Д. Марченко на Майской горе, около Фанагории, преобладают клейма Пантера и Неокла (их семь из десяти). Черепицы с этими клеймами с Майской горы немного отличаются от обычных боспорских черепиц — они не имеют нижнего зуба, предназначенного для сцепления с валиком нижней черепицы. Кран солена утолщен (4 *см*), внизу сделан скос — плавный переход к остальной части черепицы. Вариации форм фанагорийских черепиц и их размеров отмечались ранее Н. Я. Мерпертом [24]. Этот скос, видимо, является еще одной из них.

Остальные черепицы — Θευδ, βασιλική I группы, по В. Ф. Гайдукевичу, и новое монограммное клеймо, совершенно аналогичное найденному в Фанагории в 1955 г.[25] Судя по форме Мс расходящимися палочками, это клеймо можно отнести еще к концу IV в. до н. э., может быть, к началу III в. до н. э.

В 1960 г. при раскопках кургана в ст. Сенной был случайно найден обломок черепицы довольно светлой красной глины (фанагорийской, по определению И. Д. Марченко) с сохранившейся частью клейма Αφρο (рис. 4). По форме оно напоминает фанагорийское клеймо Диотима: имя помещено между двумя горизонтальными чертами. Клеймо это ранее не было известно, однако оно не единственное. В Кепах была найдена черепица с таким же оттиском (φροδι. . . [26]).

Характер шрифта: некоторая нерегулярность; омикрон небольших размеров; φ и ρ кажутся вытянутыми, при этом палочки их несоразмерно длинны по сравнению с кружками; излом перекладины альфы; словом, много схожих черт со шрифтом клейма Спартока (№ 84—86 в каталоге В. Ф. Гайдукевича) — склоняют к датировке этого клейма второй половиной III в. до н. э.

В том же 1960 г. при раскопках кург. № 14 в остатках тризны была найдена небольшая тарелочка красной глины с клеймом Αφρο (рис. 5) меньших размеров, но с буквами, почти такими же по форме. Видимо, это клеймо одного керамевса, черепицы и тарелочка вышли из одной мастерской, скорее всего, очень небольшой, обслуживавшей ограниченный район.

В Северном Причерноморье, к сожалению, раскопано очень мало керамических мастерских эллинистического времени, однако известные нам были небольшими неспециализированными предприятиями, где вы-

---

[24] Н. Я. Мерперт. Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 года. МИА, 19. 1951, стр. 233.

[25] В. В. Веселов. Ук. соч., рис. 5.

[26] Н. И. Сокольский. Работы в Кепах в 1958 году. КСИА АН СССР, 83, 1961, стр. 66, рис. 25.

пускались разные виды продукции [27]. Известные керамические мастерские в Херсонесе [28] изготовляли амфоры, чернолаковую посуду, терракотовые статуэтки. Видимо, для каждого вида продукции была предназначена особая печь. Недавно исследованная херсонесская мастерская также изготовляла разные виды продукции — бытовую посуду, лутерии, амфоры [29].

Мастерская коропласта в Пантикапее невелика [30], производство в ней велось в небольших масштабах. Неразвитость, неразветвленность ремесленного производства в античных полисах Северного Причерноморья отмечает В. Д. Блаватский [31]. Мастерские по изготовлению посуды и черепиц на Боспоре не были найдены, но можно полагать, что эти виды продукции часто производились в одних и тех же эргастериях. Так, некоторые клейма на боспорских амфорах аналогичны черепичным [32]. По-видимому, такой же мастерской была и та, из которой вышли упомянутые изделия с клеймами Афро.

Рис. 5

Из другого кургана в окрестностях Фанагории происходят две подобные первой тарелки с клеймом Ηρο [33]. Может быть, его можно сблизить с клеймом на черепице Ηροφα, середины III в. до н. э. [34].

Чем отличались от этих небольших мастерских более крупные, давшие десятки черепичных клейм? Несомненно, в число крупных по тем временам предприятий входили царские черепичные эргастерии [35]. Крупные предприятия, вероятно, отличались от мелких размерами производства, количеством выпускаемой продукции, возможно, иногда ее лучшим качеством, но они были такими же неспециализированными мастерскими, объединявшими производство разных видов изделий.

Да и в количественном отношении выпуск продукции был не особенно велик [36]. Б. Н. Граков доказал, что количество амфор, производившихся ежегодно в таком крупнейшем центре античного производства, как Родос, было не столь велико, как может показаться на первый взгляд [37]. В боспорских клеймах βασιλική нельзя отметить большого разнообразия штампов; заметно, что одним штампом было оттиснуто много отпечатков. Так, из 39 клейм βασιλική I группы 12 оттиснуто одним штемпелем с одинаковыми отпечатками волокон древесины [38].

---

[27] В. Д. Блаватским было высказано уже мнение о большей степени специализации керамических мастерских Пантикапея по сравнению с другими частями Боспора. В. Д. Блаватский. О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э., СА, 1959, XXIX—XXX, стр. 49.

[28] Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 60; В. Ф. Гайдукевич. Античные обжигательные керамические печи. ИГАИМК, 80, Л., 1934, стр. 9—12.

[29] В. В. Борисова. Гончарные мастерские Херсонеса. СА, 1958, 4, стр. 152.

[30] М. М. Кобылина. Мастерская коропласта в Пантикапее. СА, XXVIII, 1958, стр. 179.

[31] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 47.

[32] Л. А. Ельницкий. О боспорских амфорных клеймах. ВДИ, 1940, 3.

[33] Хранятся в фондах ГМИИ, Ф., 1960, кург. № 13, № 382, 384.

[34] Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах..., стр. 19.

[35] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 47.

[36] Там же.

[37] Б. Н. Граков. Клейменая керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Рукопись в архиве ИА, № 538. В обычном керамическом эргастерии на Родосе было два-три гончарных станка и примерно 9 рабочих.

[38] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора, стр. 258, рис. 72.

Видимо, одним таким штемпелем клеймилась значительная часть продукции, и их было немного. Необходимо на основании тщательного сравнения характера написания букв выделить эти штемпели, используя уже известный материал из раскопок разных боспорских городов. В частности, из надписей βασιλική I группы нужно выделить отличающиеся от воспроизведенных на рис. 76а в работе В. Ф. Гайдукевича [39]. Некоторые из них выделяются довольно явственно: буквы — ниже, поставлены не столь свободно, их палочки толще, характерно написание сигмы — верхние и нижние палочки несимметричны,— верхняя почти горизонтальна, нижняя довольно сильно наклонена вниз. Таких оттисков пять из 39, отнесенных к I группе, они вероятно позднее остальных, воспроизведенных В. Ф. Гайдукевичем (рис. 76а). Хронологически их можно поместить перед клеймами βασιλική с параллельными горизонталями сигмы [40]. Изучение керамического производства городов Северного Причерноморья должно вестись в тесной связи с данными истории античного ремесла вообще; только таким путем можно выявить специфику производства в керамических эргастериях Боспора. Б. Н. Граков пришел к выводу о том, что по масштабам производства понтийские города не могли равняться с такими крупными центрами, как Родос и Фасос [41]. Владельцев родосских и фасосских мастерских, по мнению Б. Н. Гракова, вполне обеспечивал доход от изготовления и продажи сосудов, связанных с нуждами виноделия, главным образом амфор, тогда как Синопа, Гераклея, Херсонес изготавливали черепицу в тех же мастерских, что и амфоры. Таким образом, по Б. Н. Гракову, на Родосе и Фасосе получают развитие тенденции к специализации производства отдельных видов товаров. Однако глубоко исследуя керамическое производство эллинистического времени, сравнивая его с классическим, Б. Н. Граков приходит к чрезвычайно важному выводу о количественном, но не качественном развитии, происходившем в эллинистический период, о «простом расширении уже ранее существовавших частных или государственных мастерских тары без каких-либо изменений в их организации по существу» [42].

Этот вывод подтверждают новые черепичные клейма из раскопок на Фасосе [43], не известные ранее. Одни и те же имена, читающиеся на черепичных и амфорных клеймах, например Μέγων, Ἡρόδοτος, Κλεῖτος, Αἰσχρίων, указывают на наличие мастерских смешанного производства даже в этом крупнейшем центре.

К клейму Αφρο необходимо вернуться еще раз, чтобы установить имя владельца мастерской. В словаре Папе — Бензелера подавляющее большинство имен, начинающихся этим сочетанием, составляют имена Афродисий и Афродисия в разных вариантах написания. В недавно опубликованном аналогичном клейме из Кеп ясно читаются буквы ...φροδ...σ [44], что дает возможность прочитать и на нашем клейме то же имя, являющееся «типично рабским» [45]. Оно было распространено в Средиземноморье. В одной из дельфийских манумиссий [46] читаем — «Ἀφροδίσια Σύρα ἀπελευθέρα» т. е.— рабыню по имени Афродисия отпускают на волю посредством продажи Аполлону». В одной из ферских манумиссий [47]

[39] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора, стр. 258, рис. 72.

[40] Б. Н. Граков. Древнегреческие клейма с именами астиномов. М., 1928, табл. 2; сигма с симметрично расходящимися верхней и нижней черточками отнесена к более раннему периоду, чем сигма с горизонтальной верхней чертой.

[41] Б. Н. Граков. Клейменая керамическая тара..., стр. 143 сл.

[42] Там же, стр. 151.

[43] M. T. Lenger, V. Grace. Anses d'amphores et tuiles timbrées de Thasos. BCH, LXXXII, 1958, 1, стр. 375, 387.

[44] Н. И. Сокольский. Ук. соч., стр. 66, рис. 25; W. Pape. Ук. соч., стб. 181—182.

[45] Б. Н. Граков. Клейменая керамическая тара..., стр. 171.

[46] G. Dittenberger. Sylloge inscriptionum Graecarum. Lipsiae, 1915—1924, 861.

[47] IG, XII, III, № 1302.

рядом с именами отпускаемых стоит слово Ἀφροδείσιαν. Имена Афродисии и Афродисия приводит Б. Н. Граков [48]. На Боспоре оно также известно: к V в. до н. э. относится надпись на килике гетеры Афродисии [49].

Это имя отмечено и в лапидарных надписях II в. до н. э.; упоминаемые там люди являются, однако, привилегированными лицами [50].

Имя хозяина мастерской не совсем обычно для Боспора. Исследователи керамических клейм отмечали, что на Родосе, Фасосе, Синопе, Гераклее многие имена керамевсов типично рабские: керамевсы часто были вольноотпущенниками или метеками. От них сильно отличаются имена астиномов и чисто аристократические имена эпонимов на Родосе [51]. В Херсонесе наблюдается примерно такое же явление [52]. На Боспоре же владельцами керамических мастерских были часто лица весьма привилегированные —б оспорские правители, члены царствующего рода. Имен, свидетельствующих о рабском или варварском происхождении, здесь не встречалось [53].

Рис.6

Имя Афродисий вносит таким образом новое в наши представления о социальном составе владельцев керамических боспорских мастерских.

Возможно, Афродисию близок по своему социальному положению и другой керамевс — Акил, о котором говорилось выше.

Пожалуй, самым интересным является клеймо Ἰδιωτική, найденное в Фанагории в 1955 г. (рис. 6). Такая надпись на черепице, насколько известно, не встречалась не только на Боспоре, но и в других частях античного мира. Глина черепицы боспорская. Шрифт клейма очень четкий, изящный, окончания букв апицированы. Подобным шрифтом отличаются клейма βασιλική I группы (первая половина III в. до н. э.), особенно сходно оно по написанию с клеймом Σατυρίωνος, стоявшим на черепицах, обнаруженных в большом количестве в усадьбе, раскопанной В. Ф. Гайдукевичем (он датирует клеймо первой половиной III в. до н. э. [54]). Однако омега в нашем клейме курсивная, расположена она точно так же, как и омега лапидарной формы в клейме Сатириона, т. е. меньше остальных букв и подтянута к верху строки. Вообще курсивная омега распространяется во II в. до н. э., но мне кажется, что изучаемое фанагорийское клеймо этим временем датировать нельзя. Стоит его сравнить хотя бы с клеймом Εὐθεσίωνος второй половины II в. до н. э. курсивного шрифта [55]. В последнем особенно примечательно написание ε, ϑ, σ. В отличие от него фанагорийское клеймо еще полностью укладывается в традиции лапидарного шрифта первой половины III в. до н. э.; курсивная омега выглядит каким-то странным исключением в сравнении с другими буквами этой надписи. Характер шрифта, приведенные аналогии позволяют датировать клеймо первой половиной III в. до н. э. Вообще определять дату клейма только на основании появления отдельных курсивных букв нельзя. Б. Н. Граков отмечает довольно раннее появление лунарных

[48] Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, 3, № 93, 95, 116, 117.

[49] В. Д. Блаватский. Граффито Афродисии. Listy filologičke č 1. Praha, 1961.

[50] IOSPE, № 29*a*, 443, 445.

[51] Б. Н. Граков. Клейменая керамическая тара..., стр. 171.

[52] Р. Б. Ахмеров. О клеймах керамических мастеров эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1951, 3, стр. 79.

[53] Батак и Нумений — имена на черепицах более позднего времени конца III — начала II в. до н. э., к тому же это не владельцы, а арендаторы царских предприятий (В. Ф. Гайдукевич. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 24, 25).

[54] В. Ф. Гайдукевич. Новые эпиграфические данные, стр. 126, рис. 1.

[55] Там же.

эпсилона и сигмы, прямоугольной сигмы, курсивной омеги [56] (правда, в надписях на камне редкое; на монетах они встречаются уже в IV в. до н. э.). На Родосе в лапидарной эпиграфике известны случаи применения ϵ и C около 330 г. до н. э., на Фасосе эти формы встречаются уже на клеймах с Гераклом (начало IV в. до н. э.) [57]. Видимо, в фанагорийской керамической надписи мы имеем тоже довольно ранний, но не исключительный пример влияния курсивных форм, выработанных при письме на папирусе или пергаменте. Отмечено появление курсивной омеги в середине III в. до н. э. и в боспорской лапидарной эпиграфике [58].

Попытаемся установить смысл надписи ἰδιωτική. Буквальный перевод — «частная», конечно, не может удовлетворить; обычно на черепицах, вышедших из частных мастерских, ставилось имя владельца или полностью, или в сокращении, или в виде монограммы. Понятие ἰδιωτική, ἰδιωτικός как определение характера собственности известно в классическое и эллинистическое время, являясь противоположным категории δημόσιος, κοινός, ἱερός и т. п. [59]. В эллинистическую эпоху, когда создается строгая система классификации собственности, отразившаяся в официальной терминологии (например, категории земли по видам собственности в эллинистическом Египте), эти понятия становятся официальными терминами, определяющими принадлежность земли или иной собственности. В экономических трактатах греческих писателей веяния новой эпохи ощущаются ранее; так, автор псевдоаристотелевой «Экономики» строго подразделяет виды собственности на βασιλική, σατραπική (автор сочинения, видимо, использовал малоазийский материал), πολιτική, ἰδιωτική.

Наша надпись ἰδιωτική явно противопоставляется по смыслу понятию βασιλική и связана в первую очередь именно с ним. Хотя уже известны клейма городского черепичного эргастерия Пантикапея [60], клеймо с надписью ἱερή, они очень редки (последнее известно только из каталога Е. М. Придика) [61] и относятся к более позднему времени. Рассматриваемое клеймо ἰδιωτική одновременно клеймам βασιλική I группы, наиболее многочисленным в первой половине III в. до н. э. О намеренном противопоставлении можно судить и по тождественной грамматической форме. По характеру противопоставления и тождеству форм естественно предположить примерно одновременное возникновение обоих терминов. Как конкретно в данном случае следует понимать эту надпись, если на Боспоре известен обычай клеймения черепицы именами владельцев мастерских? Здесь могут помочь египетские папирусы. Из них известно о существовании царской казны в Египте (βασιλικόν), куда поступали основные государственные доходы [62]. В папирусах также упоминается ἴδιος λόγος, самое раннее упоминание о нем относится к 179 г. до н. э. [63]. По Страбону (XVII, 12), во времена Августа чиновник, стоявший во главе этого учреждения, отвечал за поступление в казну цезаря имущества, остающегося без хозяина (конфискуемого имущества умерших без завещания). Ἴδιος λόγος был особым разделом казны, доходы которого поступали в личное распоряжение царя. Во II в. до н. э. сюда поступали штрафы, наложенные за захват царских земель; деньги, вырученные за продажу конфискованной земли [64].

---

[56] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма..., стр. 74, 75, 78, 91.

[57] Там же.

[58] А. И. Болтунова, Т. Н. Книпович. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. НЭ, 1962, III, стр. 16.

[59] H. G. Liddel, R. Scott, s. v.

[60] Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 122, клейма с надписью ΠΑΝΤΙ.

[61] Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм, стр. 130, № 76

[62] M. I. Rostovtzev. Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941, стр. 440.

[63] B. P. Grenfell, A. S. Hunt. The Tebtunis Papyri, III, London, 1938; U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. Leipzig — Berlin, 1912, № 162 (162 г. до н. э.).

[64] Cl. Preaux. L'economie royale des Lagides. Bruxelles, 1941, стр. 409.

Институт, подобный ἴδιος λόγος Лагидов, видимо, существовал и в государстве Селевкидов, «cassette royale», как называет его Бикерман [65]. Известно из II книги Маккавеев, что Селевк IV из своих собственных доходов (ἐκ τῶν ἰδίων προσόδων) выделял значительные суммы для иерусалимского храма. Эта отличающаяся от общей государственной казны — басиликона «cassette royale» предназначалась, кроме того, для содержания царского двора.

Таким образом, папирусы знакомят нас еще с одним разделом царской собственности. На основании этих документов М. И. Ростовцев совершенно по-новому трактует термин οἰκονομία ἰδιωτική псевдоаристотелевой «Экономики», это, по его мнению, вариация ἴδιος λόγος египетских папирусов; собственность в личном распоряжении царя, отличающаяся от басиликона [66].

Все эти сведения об институте данного типа, существовавшего в эллинистических государствах, позволяют предположить: не является ли клеймо ἰδιωτική указанием на наличие такой же категории царской собственности на Боспоре в начале или середине III в. до н. э. Если клейма βασιλική и другие данные свидетельствуют о преобладающей роли царской собственности на Боспоре, то новая находка-оттиск ἰδιωτική — дает возможность более конкретно представить себе ее характер. Видимо, терминология собственности была здесь почти столь же точна и подробна, как и в Египте. Отличались ли мастерские, выпускавшие продукцию с клеймами ἰδιωτική, по своей организации от других сказать трудно, ибо и организация последних неизвестна. Возможно, одни эксплуатировались непосредственно царем, а другие — чаще через арендаторов [67]. Может быть, специальных мастерских такого рода не было и клейма ἰδιωτική ставились на определенную часть черепиц, сделанных в обычных царских мастерских (ведь это единственное пока клеймо [68]).

Возможность возникновения института типа ἴδιος λόγος на Боспоре в III в. до н. э. вполне реальна. Это будет ясно, если вспомнить некоторые стороны исторического процесса на Боспоре в сравнении с условиями развития эллинистических государств.

Известие об этом учреждении в Египте появляется в первой половине II в. до н. э.; возможно, что оно именно тогда и возникает в связи с необходимостью укрепления разрушающегося хозяйства во время ожесточенной классовой борьбы. Существовал ли он ранее — вопрос специального исследования, но нужно учесть, что в Египте царь по восточной традиции считался верховным потенциальным собственником земли и необходимости в специальной частной категории могло раньше и не быть. Возможно, что этот термин на Боспоре возникает раньше, чем в Египте. Положение Спартокидов не было таким устойчивым, как у Лагидов, унаследовавших древнеегипетскую традицию верховной собственности всей земли. Остальные виды собственности имели в Египте подчиненное значение. На Боспоре положение правителей было более сложным, особенно в V — начале IV в. до н. э., когда по отношению к городам они были только архонтами и не имели в своем распоряжении значительных земельных владений [69]. Создается своеобразный классовый союз правителей и городов, объединен-

---

[65] E. Bikerman. Institutions des Seleucides. Paris, 1938, стр. 130.

[66] M. Rostovzeff. Ук. соч., стр. 444.

[67] Об аренде царских керамических мастерских см.: В. Ф. Гайдукевич. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов, стр. 24, 25; Д. Б. Шелов. К истории керамического производства на Боспоре, стр. 124.

[68] На обломке калиптера, найденного В. В. Веселовым на южном склоне г. Митридат, читается: ... τικος. Очень вероятно, что это конец надписи ἰδιωτικός. По шрифту она очень близка нашей надписи ἰδιωτική. В. В. Веселов. Ук. соч., рис. 6.

[69] К. М. Колобова. Политическое положение городов в Боспорском царстве. ВДИ, 1953, 4, стр. 56, 59.

ных общими интересами эксплуатации завоеванной хоры[70], в котором и те и другие, конечно, имели и специфические, иногда противоположные стремления. В этом отношении Боспор более напоминал государство Селевкидов. Необходимость действовать в более сложной обстановке и могла вызвать раннее появление тенденции к более точному определению видов собственности, к разграничению отделов казны правителя.

Для первой половины III в. до н. э. характерно преобладание царского производства черепицы, нашедшее отражение в многочисленности клейм βασιλική. Однако вряд ли можно говорить о царской монополии, подобной той, что была установлена Птолемеями в масляном или полотняном производстве[71]. Преобладание царского черепичного производства не исключало частного: частные мастерские существовали даже в первой половине III в., когда наиболее многочисленными являются клейма βασιλική[72]. Тенденция к монополизации на Боспоре, вероятно, не получила юридического оформления; прямых запрещений и ограничений, типа тех, что мы видим в «Податном уставе» Филадельфа, здесь, скорее всего, не было. Аналогичное явление наблюдается и в других областях эллинистического мира: на черепице имеются оттиски царских штампов и имена владельцев частных эргастериев[73]. Возможно, отсутствие монополии в этой области отчасти объясняется особенностями организации античного керамического производства[74]. Кроме того, как уже отмечалось Б. Н. Граковым, весьма важную роль играли чисто практические соображения получения наибольшего дохода. Как известно, бурное возникновение черепичных эргастериев на Боспоре в конце IV в. до н. э. связано с интенсивным строительством, расширением Пантикапея, население которого увеличивалось не только за счет естественного прироста, но и в связи с большим притоком извне[75]. Выгода изготовления черепицы не могла не привлечь внимания правителей к этой области, захвативших в ней основные позиции.

Картина строительства Пантикапея во второй половине III в. до н. э. менее ясна, очевидно, оно не было столь интенсивным, как в период экономического подъема IV — начала III в. до н. э. и, вероятно, определялось естественным приростом населения. В связи с меньшей доходностью производства черепицы в это время участие правителей в нем становится более ограниченным. Во второй половине III в. до н. э. наблюдается

---

[70] К. М. Колобова. Ук. соч., стр. 70—71.

[71] В. Ф. Гайдукевич (Строительные керамические мастерские Боспора, стр. 295) отмечал, что в первые десятилетия III в. до н. э. установилась полностью или почти полностью царская монополия в производстве черепицы на Боспоре. В более поздней своей работе (Античные города Северного Причерноморья. М.— Л., 1953, стр. 110) В. Ф. Гайдукевич о монополии ничего не говорит, указывая, что значительное количество боспорских черепиц имело клейма βασιλική. Об установлении государственной монополии пишет Э. О. Берзин (Ук. соч., стр. 53). Более верным представляется мнение Б. Н. Гракова, отмечающего, что изготовление черепиц не было привилегией царей. Причины, побудившие правителей к созданию крупных черепичных эргастериев, заключались в доходности торговли этим товаром. Б. Н. Гракова. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее, стр. 209.

[72] К первой половине III в. до н. э. относятся клейма Сатириона (по шрифту сходные с клеймами βασιλική I группы), Эсхила, Пантера и Неокла, Диотима, Акила, также, по-видимому, одновременные с клеймами βασιλική.

[73] Пергам III в. до н. э.: наряду с царскими клеймами найдены частные Диодота, Александра, Характера (Die Inschriften von Pergamon, II, 1895, стр. 401). В Пелле найдены черепицы со следующими клеймами: βασιλικός, βασι(λέως) Φιλίππου, Εὐάρχου, Λυσιμάχου, Ἀριστοκράτου, Νικολάου, Σωσία, δημό(σιος). BCH, LXXXVII, 1958, II, стр. 765.

[74] В эллинистическом Египте ткацкая промышленность не была монополизирована именно в силу особенностей организации производства, хотя она и находилась под сильным государственным контролем (М. М. Хвостов. Очерки организации промышленности в греко-римском Египте. Казань, 1913, стр. 13). Может быть, какие-либо подобные особенности имелись и в античном керамическом производстве.

[75] В. Д. Блаватский. Об этническом составе населения Пантикапея в IV—III вв. до н. э., СА, XXVIII, стр. 98.

процесс, как бы противоположный тому, что имел место на полстолетие ранее: вновь появляются именные клейма правителей без обозначения титула. Наряду с частными появляются клейма городских керамических эргастериев (Ἐπὶ Γοργίου [76], Παντι). Последний факт, несомненно, связан с некоторым возрождением тенденций полисной независимости, отразившимся также в возобновлении фанагорийской автономной чеканки. Общее ослабление центральной власти могло явиться одной из причин уменьшения доли Спартокидов в производстве черепицы, хотя далеко не всегда интересы правителей и городов в Боспорском государстве были противоположны [77]. Царское и городское производство отнюдь не взаимоисключали друг друга. Клейма царских предприятий встречаются еще в начале II в. до н. э.[78]. Следует отметить, что, наряду с именными клеймами Спартокидов, во второй половине III в. до н. э. продолжает сохраняться и термин βασιλική. Очевидно, два типа царского клеймения черепицы отражают какие-то указания на различный характер собственности [79].

В терминологии боспорского черепичного клеймения, особенно со времени максимального преобладания царского производства черепицы, по-видимому, отразились попытки наиболее точно фиксировать различные оттенки царской собственности и владения ею. На это указывает как новое клеймо ἰδιωτική, так и сосуществование именного царского клеймения и клейм βασιλική во второй половине III в. до н. э., дополнительные указания имен арендаторов διὰ Βατάκου, διὰ Νουμηνίου [80] на поздних царских клеймах из Горгиппии. Трудно сказать, встречается ли подобное явление в более раннее время, еще до окончательного утверждения термина βασιλική. Может быть, некоторые клейма первых десятилетий III в. до н. э., например фанагорийские Σπαρ/τόκου, Βασιλέως/Σπαρτόκου, очень близкие друг другу по шрифту, являются не столько хронологически последовательными отражениями овладения Спартоком фанагорийским черепичным производством, сколько указанием на одновременно существовавшие различные виды царской собственности. Однако это лишь предположение, которое пока трудно подкрепить основательной аргументацией.

[76] В. Ф. Гайдукевич. Новые эпиграфические данные о боспорских эргастериях, стр. 428, рис. 2.

[77] К. М. Колобова. Ук. соч., стр. 70—71.

[78] В. Ф. Гайдукевич. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов, стр. 25. О царском производстве черепицы в более позднее время сказать что-либо трудно в связи с прекращением обычая клеймить черепицу.

[79] Аналогичное явление наблюдается в Пергаме — здесь наряду с клеймами βασιλική также засвидетельствованы: Ἀττάλου βασιλέως и сокращенная форма АВ (Die Inschriften von Pergamon, II, стр. 399, 401 сл.) и в Пелле: βασιλικός и βασι(λέως) Φιλίππου (BCH, LXXVII, 1958, II, стр. 765).

[80] В. Ф. Гайдукевич. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях, стр. 25; Д. Б. Шелов. К истории керамического производства на Боспоре, стр. 124.

В. В. ПАВЛОВ

ДВЕ ВОСТОЧНЫЕ ГЕММЫ

Две публикуемые здесь геммы, как мы полагаем, относящиеся к XI—XII вв. и сохраняющие традиции сасанидской глиптики, лишний раз подтверждают ту существенную роль, которую сыграло искусство Ближнего Востока этого времени в формировании средневекового искусства Европы и, в частности, рельефных декораций владимиро-суздальского зодчества. Одна из этих инталий неизвестного происхождения из моего собрания имеет овальную форму (15 *мм*, альмандин красно-фиолетового оттенка (рис. 1). Вырезанный на гемме лев изображен с поднятой кверху одной передней лапой. Подчеркнуты когти животного и большой выпуклый глаз. Пасть раскрыта, и из нее свисает язык. Интересна трактовка носа, заканчивающегося как бы шишкой или круглым наростом. Уши торчат; хвост с кисточкой на конце, закручиваясь вокруг ноги, поднят кверху. Характерен для данного типа изображения льва послесасанидского времени и общий силуэт животного с вогнутой линией спины, а также углубленность рельефа. Однако не вся форма трактуется одинаково компактно пластично. Передняя часть корпуса льва разработана суше и графичнее, жесткими параллельными линиями. Художник хотел этим передать гриву зверя.

Очень близкое изображение к нашей инталье видим мы еще на одной гемме Государственного исторического музея, в свое время изданной А. А. Захаровым [1] (рис. 2, *1*). Разница заключается лишь в материале (сердолик), в круглой форме геммы и еще одном дополнительном изображении — трезубца, возможно нанесенного позднее. В остальном изображения на обоих памятниках очень сходны (рис. 2, *1*, *2*). Полностью совпадает трактовка задних, как бы несколько свисающих ног, одной передней, поднятой кверху лапы; та же трактовка головы с носом в форме шарика, выполненного бутеролью, наконец, что очень существенно для датировки геммы, та же трактовка шерсти и гривы на передней части корпуса. Из большого числа известных мне гемм с изображением животных и особенно львов я не встречал столь идентичной по характеру композиции, позы животного и общему рисунку силуэта. Вот почему можно предполагать одинаковое происхождение обеих инталий и безусловную их принадлежность к кругу сасанидской глиптики. Для этого достаточно сравнить наши геммы хотя бы с бронзовой полусферической печатью, недавно опубликованной М. Н. Лордкипанидзе и относящейся к раннесасанидской эпохе [2]. Можно было бы указать далее на инталью из лазурита с изображением вепря, содержащую пехлевийскую надпись (в исследовании М. И. Максимовой) [3]; в известной мере следовало бы привлечь гемму

[1] А. А. Захаров. Геммы Государственного исторического музея, М., 1928, табл. II, *82* и стр. 13; из собрания Уварова, инв. № 53120.

[2] М. Н. Лордкипанидзе. Геммы Государственного музея в Грузии, II, Тбилиси, 1958, стр. 113—114, табл. VI, *31*.

[3] М. И. Максимова. Геммы из некрополя Мцхеты-Самтавро (раскопки 1938—1939 гг.). ВГМГ, XVI-В, 1950, табл. III, *81*, стр. 270.

на агате из Анапы, воспроизведенную у Т. В. Кибальчича [4], и многие другие геммы. Во всех приведенных здесь резных камнях наблюдается какая-нибудь одна из особенностей, имеющихся в наших интальях. Так, указанная гемма из Армазискеви с вырезанным львом во многом сходна с публикуемыми мною интальями по общей композиции изображения и отчасти трактовке лап. В изображениях же вепрей на геммах из некрополя Мцхеты-Самтавро мы встречаемся с деталировкой шерсти животных в виде параллельных штрихов, а также с четко выпуклым рисунком глаза животного, особенно заметным в отпечатке [5]. Наличие линейно-графической разработки шерсти в данном случае особенно интересно потому, что обе геммы датируются М. И. Максимовой началом III в. Следовательно, уже в столь ранний период можно встретить в глиптике ту сухо-графическую разработку формы, которая имеется и в издаваемых нами камнях позднесасанидского или скорее даже послесасанидского времени.

Рис. 1. Гемма. XI—XII вв. Частное собрание. Альмандин

Таким образом, отнесение обеих наших гемм к кругу сасанидского искусства не подлежит сомнению. Не сомневался, как будто, и А. А. Захаров, отнеся сначала изданную им инталью в раздел сасанидских резных камней, а затем при описании ее почему-то написавший: «восточная ли?» [6]. Это непонятное сомнение следует снять, ибо, кроме приведенных уже фактов, иконография льва на наших геммах особенно легко прослеживается на коптских памятниках, в особенности тканях V—VII вв. По мнению всех исследователей, теснейшая взаимосвязь искусства сасанидского Ирана с искусством коптского Египта была особенно заметна в это время. Пфистер посвятил данной проблеме специальное исследование [7]. Он выделял группы памятников сасанидского типа и в коптских тканях из Лувра [8]. То же делали О. Вульф и В. Фольбах, публикуя коптские ткани из собрания Берлинского музея [9], и многие другие исследователи. Интересно, между прочим, отметить, что у Пфистера многие мотивы на коптских тканях из музея в Лувре не только вызывают ассоциации с сасанидским искусством в целом, но с определенными памятниками, послужившими прототипами [10]. Меня же в данном случае интересует иконография в изображениях львов на тканях, точнее говоря — тот тип льва, который мы встретили в наших геммах. Я подчеркиваю понятие типа, ибо так же, как в находках из Грузии, мы имеем дело, разумеется, с разными вариациями изображения, часто с подчеркиванием какой-нибудь одной из особенностей, наличествующих в наших геммах, но в целом относящихся к одному и тому же иконографическому типу. Так, лев на фрагменте ткани из музея в Берлине [11], выполненный в очень условной манере, сходен с изображением на резных камнях в передаче позы животного,

[4] Т. В. Кибальчич. Южнорусские геммы. Берлин, 1910, табл. I, *1*, стр. 29.
[5] М. И. Максимова. Ук. соч., табл. III, *81*, *86*.
[6] А. А. Захаров. Ук. соч., стр. 13.
[7] R. Pfister. Le Rôle de l'Iran dans les Textiles d'Arsinoé. «Ars Islamica», XIII—XIV, 1948.
[8] R. Pfister. Les tissus Coptes du Musée du Louvre. Paris, 1932.
[9] O. Wulff, W. F. Volbach. Spätantike und Koptische Stoffe aus ägyptischen Grabfunden. Berlin, 1926.
[10] R. Pfister. Les tissus Coptes du Musée du Louvre...
[11] O. Wulff, W. F. Volbach. Ук. соч., № 6943, табл. 27; № 6682, табл. 36. С последней тканью очень сходна коптская ткань № 11637 из Гос. Эрмитажа, также, видимо, V—VI вв.

с торчащими ушами и четко обозначенным большим глазом. Одинаковые черты мы найдем и в ткани № 6682 с изображением всадников с собаками, преследующими львов. Что же касается изумительной ткани № 9165 с композицией золотисто-желтого льва в медальоне на палево-розовом фоне, то, отличаясь посадкой головы в три четверти, изображение имеет и сходство с геммами в конфигурации ног зверя, в особенности выброшенной вперед одной передней лапы с четко прочерченными когтями, закру-

1 *2*

Рис. 2

1 — гемма XI—XII вв. Государственный исторический музей. Сердолик (прорись); *2* — гемма XI—XII вв. Альмандин (прорись)

чивающимся вокруг ноги хвостом и большими, как бы выпукло обозначенными глазами. Отметим еще одну интересную особенность берлинского памятника. Грива льва, заполняющая всю переднюю часть корпуса, детально разработана как бы броскими насечками [12] (рис. 3). Узор этот, перенесенный в иную технику резного камня, превратился в жесткую штриховку параллельными линиями в наших интальях.

Из собраний же Луврского музея отметим ткань с изображением охотника, поражающего льва копьем,— композиция, явно навеянная сасанидским искусством (рис. 4). В голове льва тоже поражает подчеркнуто большой глаз [13]. На другом фрагменте ткани фигуры львов даны в той же характерной для сасанидского искусства позе, как и на публикуемых геммах — с высунутыми языками и закручивающимися кверху хвостами [14].

Тот же иконографический тип льва мы встречаем и на многочисленных тканях из собрания Государственного Эрмитажа (например, ткань № 11637), выполненных в гобеленной технике пурпурным узором коричневато-фиолетового тона [15]. Можно было бы далее увеличить число аналогий не только в тканях V—VII вв., но также и в коптском резном дереве [16]. Но и указанных примеров достаточно, чтобы отнести публикуемые здесь интальи к сасанидскому кругу искусства.

Кстати, следует заметить, что близость сасанидских тканей к тканям, выполненным в Египте по сасанидским мотивам, иногда настолько значительна, что они становятся неразличимыми. О том же говорил в свое время и Д. Тальбот Райс, сравнивая собственно сасанидские ткани с византийскими [17].

---

[12] O. Wulff, W. F. Volbach. Ук. соч., № 9165, табл. 37.

[13] R. Pfister. Les tissus Coptes du Musée du Louvre, табл. 47.

[14] Там же, табл. 46.

[15] М. Матье, К. Ляпунова. Художественные ткани коптского Египта. М.— Л., 1951, табл. XLV.

[16] H. Zaloscer. Une Frise Copte en Bois Sculpté. Alexandrie, 1958.

[17] David Talbot Rice. Iranian Elements in Byzantine Art. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. М.— Л., 1939, стр. 203—208. Д. Тальбот Райс указывал на то, что в «тканях иранское влияние еще сильнее и иногда трудно отличить византийскую ткань от иранской. Ряд тканей, фигурировавших на выставке персидского искусства в Лондоне в 1931 г., был

Рис. 3. Коптская ткань. Музей в Берлине. V—VII вв.

Рис. 4. Коптская ткань. Лувр. V—VII вв.

Со своей стороны укажу и на шелковую сасанидскую ткань из музея прикладного искусства в Берлине и Нюрнберге, где на круглой полосераме, обрамляющей композицию всадников на охоте, вытканы и фигурки львов, относящихся к интересующему нас иконографическому типу [18]. Словом, все указывает на то, что данные изображения были характерны для сасанидского искусства и широкого ареала культур, находившихся во взаимосвязи с сасанидами. Сказанное относится в особенности к V—VII вв., т. е. ко времени, которым датируются почти все приведенные здесь ткани.

Моя работа не предусматривает столь же детального рассмотрения генезиса и сложения многих образов сасанидского искусства, в том числе изображения львов и львинообразных грифонов. Вопрос этот к тому же глубоко и всесторонне освещен в ряде исследований советских ученых [19]. Ограничусь лишь несколькими примерами, доказывающими наличие интересующих нас изображений уже в древнейших периодах художественной культуры Месопотамии и Передней Азии. Как неоднократно указывалось, основным источником, вдохновившим сасанидских мастеров, явился ахеменидский Иран. «Искусство Ахеменидов, впитавшее в себя элементы древнейших культур Востока,— писал И. А. Орбели,— дало богатейшую пищу мастерам сасанидского Ирана» [20]. Анализируя же появление образа льва и львинообразного грифона в искусстве Средней Азии, Г. А. Пугаченкова писала: «Великолепная иконография львогрифона... слагалась в древнейших государствах переднеазиатского мира» [21], и далее: «Львы не водятся в Средней Азии и потому образ львогрифона был здесь пришлого, переднеазиатского происхождения. Очевидно, он проникает сюда в V—VI вв. до н. э. из Ирана, когда бо́льшая часть среднеазиатских территорий входила в состав Ахеменидского государства» [22].

В мою задачу не входит, разумеется, подробный анализ развития изображения львов и львинообразных грифонов, начиная с древнейших эпох месопотамской глиптики, тем более что этой проблемы я уже касался, издавая резной цилиндр № 110 из Государственного музея изобразительных искусств. Я писал в этой работе: «Иконография львов-грифонов восходит к шумеро-аккадскому периоду, в чем солидаризировались все без исключения исследователи, занимавшиеся этим вопросом» [23]. Сошлюсь лишь на некоторые памятники, в основном цилиндры-печати из Британского музея [24]. Речь идет здесь об изображениях сцен охоты, нападения львов на других животных или о мифологическом цикле с участием Гильгамеша и Энкиду. Однако можно найти и более близкие аналогии интересующего нас иконографического типа задолго до эпохи сасанидской

затем выставлен на Византийской выставке в Париже. Различия между ними очень незначительны и сводятся к более строгим и сдержанным формам и колориту в византийских образцах и к более яркой цветистости в иранских тканях».

[18] F. Sarre. Die Kunst des Alten Persiens. Berlin, 1922, табл. 99.

[19] И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.— Л., 1935; К. В. Тревер. Сэнмурв-Паскудж. собака-птица. Л., 1937; ее же. Серебряное навершие сасанидского штандарта. Тр. ОВГЭ, III, 1940, стр. 168—180; А. Я. Борисов. Эпиграфические заметки. Тр. ОВГЭ, I, 1939, стр. 135—242 и др.

[20] И. А. Орбели. Сасанидское искусство. «Восток», 1924, кн. IV, стр. 140.

[21] Г. А. Пугаченкова. Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии. СА, 1959, 2, стр. 70, 73.

[22] Там же, стр. 73.

[23] В. В. Павлов. Резной цилиндр из Гос. музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Тр. ГМИИ, М., 1960, стр. 13.

[24] W. J. Wiseman. Götter und Menschen im Rollsiegel Westasiens. Prag, 1958, табл. 17, 27, 33, 35, 50, 58, 62, 65, 100, 101, 112 и др. Здесь показываются резные камни, начиная с древнейшего периода и кончая нововавилонским периодом и Ахеменидами. Укажем далее на один из древнейших образцов львов-грифонов из музея в Лувре (O. Weber. Altorientalische Siegelbilder, II, Leipzig, 1920, № 297), воспроизведен также в названной моей статье, стр. 16. См. статью: Н. Д. Флиттнер. Охота и борьба с животным в искусстве Передней Азии и золотой перстень № 6652 Государственного Эрмитажа. Гос. Эрмитаж. Тр. ОВГЭ, III, стр. 49—71.

Рис. 5. Печать-цилиндр. Ассирия. IX—VII вв. до н. э. Серпентин. США. Частное собрание

глиптики. Отмечу хотя бы фигуру льва на цилиндрической ассирийской печати IX—VII вв. до н. э. из зеленовато-черного серпентина из частного собрания в Америке (рис. 5) [25].

Отмечу далее этрусскую инталью (400—200 гг. до н. э., Метрополитэн музей, Нью-Йорк), доказывающую очень широкое распространение той древневосточной композиции льва-грифона, которая, конечно, явилась и прототипом множества изображений в сасанидской глиптике (рис. 6) [26]. Раскрытая пасть льва на данной гемме, форма его головы, поза всей фигуры зверя, закручивающийся хвост, наконец, расположение ног очень напоминают уже композицию львов на издаваемых нами интальях. Есть, впрочем, и одно отличие, относящееся не столько к стилю этрусской интальи, сколько к ее техническим особенностям. Относящаяся к так называемому типу «a globolo» этрусская гемма характеризуется глубокой врезанностью всего силуэта фигуры, в силу чего при отпечатке получается очень сочное, выпуклое изображение. Форма при этом мало детализируется, она выглядит как компактное целое. Когти льва сведены, например, к кружкам, к выпуклым шарикам при отпечатке, свидетельствующим о работе рундперлем, столь характерным для техники данной группы этрусских резных камней [27]. При бесспорной иконографической близости этрусская инталья очень отличается от обеих наших гемм именно разработкой формы. Изображение льва на моей гемме из альмандина много суше, графичнее. Обтекаемая линия силуэта на этрусской инталье уступила место разорванному контуру, углубленная (при отпечатке выпуклая) форма всей фигуры животного заменена сухой штриховкой гривы льва.

Рис. 6. Этрусская гемма, 14 *мм*. Нью-Йорк. Метрополитэн музей. 400—200 гг. до н. э.

---

[25] E. Porada. Corpus of Ancient Near Eastern Seals in North American Collections. Pantheon Books. Ser. XIV, I, New York, 1948, табл. 90, *622*.

[26] G. M. A. Richter. Metropolitan Museum of Art. New York. Catalogue of Engraved Gems Greek, Etrusean and Roman. Roma, 1956, табл. XXXII, *207*.

[27] М. И. Максимова. Античные резные камни Эрмитажа. Путеводитель по выставке. ГЭ, 1926, стр. 50.

В особенности подчеркнуто острые когти придают зверю иной образ. Еще большее различие видим мы, сравнивая обе наши геммы с группой скарабеоидов так называемой греко-персидской школы конца V — начала IV в. до н. э., в большинстве случаев вырезанных в сапфирине и отличающихся необычайной восточноэллинской чистотой формы и красотой непрерывной линии контура (рис. 7)[28]. Ту же мало детализированную компактно-цельную форму унаследуют и малоазийские резные камни, выполненные с большей долей участия рундперла восточными мастерами III—I вв. до н. э.[29].

Рис. 7. Гемма. Скарабеоид, 14 *мм*. Сапфирин. Конец V — начало IV в. до н. э. Музей в Берлине

Доказывая сасанидский облик наших инталий, мы приводили резные камни из некрополя Мцхеты-Самтавро, опубликованные М. И. Максимовой. Мы отмечали уже в них зачатки той сухо-графической разработки формы, которая пойдет гораздо дальше в издаваемых нами геммах. Последние принадлежат уже к совершенно иному не только стилю искусства, но и к иному строю образов, выходящих за пределы собственно Сасанидской династии III—VII вв., что особенно заметно при сопоставлении их с теми прототипами в глиптике древнего Востока, которые здесь привлекались. Для этого достаточно сличить наши геммы с некоторыми памятниками позднесасанидской или даже хранящей только традиции сасанидского искусства торевтики. В особенности близка чаша, привлеченная среди других сосудов Я. И. Смирновым и отнесенная им «ко времени татарщины» (рис. 8)[30]. Выгравированная на ней фигура льва не только сходна по позе, по расположению ног с поднятой кверху одной лапой, четко обозначенными когтями, совпадающим рисунком гривы параллельными штрихами, наконец, общим силуэтом фигуры, но и всем стилистическим строем образа. Лев на чаше очень графичен и вместе с тем декоративен, в особенности в мотиве хвоста, заканчивающегося фигурно закрученной растительной ветвью, хорошо знакомой нам по еще более пышной орнаментации южных врат Суздальского собора XIII в., по скульптурным декорациям Георгиевского собора Юрьева-Польского и многим другим памятникам Восточной Европы, сохранившим традиции средневекового искусства Ближнего Востока[31].

Рис. 8. Чаша. Серебро. XI—XIII вв.

[28] G. Lippold. Gemmen und Kameen des Altertums und der Neuzeit. Stuttgart. 1922, стр. 81, табл. 81.

[29] В. В. Павлов. К вопросу о малоазийской глиптике. Сб. «Древний Восток». М., 1959, стр. 327—335.

[30] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909. Чаша № 225, табл. 103. Наряду с данной чашей в ту же группу памятников автор относит № 173—180, 194—198, 220—225, 227—240 и др., а также примыкающую к ним еще одну группу памятников, датируемых им XI — XIII вв.

[31] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси, II, М., 1962, стр. 39.

На названных памятниках древней Руси XIII в. пышность орнаментальной вязи достигла своей высшей точки развития. Я не буду специально касаться проблемы генезиса «звериных мотивов» владимиро-суздальской

Рис. 9. Киев. Роспись собора св. Софии, XI в.

пластики. Укажу только, что в вопросе о стилистической периодизации владимиро-суздальских декораций, в равной мере как и символическо-смысловом их истолковании, найдены новые и убедительные данные в последних исследованиях Н. Н. Воронина и Г. К. Вагнера [32]. Для меня важно лишь отметить, что более ранние, сдержанные и менее орнаментальные композиции в фресках Северной башни Софийского собора в Киеве ближе к изображениям на наших геммах. Таков львогрифон в медальоне из киевских росписей XI в. (рис. 9) [33]. «Грифоны владимиро-суздальской пластики не были новостью для древнерусского искусства,— писал Г. К. Вагнер,— мы видим их изображение уже на лестничных фресках Киево-Софийского собора (XI в.). Находка в Новгороде деревянной резной колонки с изображениями грифона и кентавра (XI в.) свидетельствует, что в XI в. эти образы стали частично переходить в область декорации. Следовательно, период, когда они полностью сохраняли свое древнее смысловое значение, относится ко времени до XI в.» [34].

---

[32] Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польский. М., 1958; его же. Зодчество Северо-Восточной Руси, I, М., 1961; II, 1962; Г. К. Вагнер. К изучению рельефов Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. СА, 1960, 1, стр. 102—110; его же. Грифон во владимиро-суздальской фасадной скульптуре. СА, 1962, 3, стр. 78—90; В. П. Даркевич. Подвиги Геракла в декорации Дмитриевского собора во Владимире. СА, 1962, 4, стр. 90—104.

[33] В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Киевской Руси. История русского искусства, I, М., 1953, стр. 174.

[34] Г. К. Вагнер. Грифон во владимиро-суздальской фасадной скульптуре, стр. 86; А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, 1956, 55, стр. 34.

Выше уже отчасти говорилось об образе львогрифона и о его проникновении из Ахеменидского Ирана, где несомненно монументальные изображения львогрифонов понимались как грозные стражи-охранители. Развивая эту мысль, Г. А. Пугаченкова писала в той же работе о грифонах: «Несомненно, что печати, серьги и сосуды для питья не украшались бы этим фантастическим украшением, если бы существо это рассматривалось как носитель зла. Грифон здесь несет определенную апотропеическую функцию; это оберег против зла, колдовства, тайных наветов» [35].

Несомненно, такими же апотропеями являлись и львы на наших геммах. Что же касается изображений львов и львогрифонов на многочисленных скульптурных настенных декорациях Владимиро-Суздальской Руси, начиная с более ранних композиций в церкви Покрова на Нерли и кончая пышно орнаментированными композициями Юрьева-Польского,— то здесь мы сталкиваемся с тем процессом развития мифотворчества, который характерен для разных культур и разных эпох. Идейно-символические функции одного и того же изображения меняются, переплетаются в самых разнообразных изобразительных сочетаниях, никогда, однако, не теряя своей смысловой основы. Это понимал и убедительно доказывал в свое время уже Н. П. Кондаков, рассматривая рельефные декорации Владимиро-Суздальских храмов [36]. В названных же работах Н. И. Воронина и Г. К. Вагнера изучение проблемы содержания и смыслового истолкования разных образов в скульптуре Владимиро-Суздальской Руси получило и свое дальнейшее глубокое развитие. Здесь следует подчеркнуть еще одну сторону в идейно-художественном развитии этой пластики.

Речь идет о тех чисто народных, фольклорных, исключительно образных представлениях, которые напластовались на заимствованные с Востока образы. Это касается прежде всего замечательных по их богатой декоративности рельефов Георгиевского собора Юрьева-Польского. По словам Н. Н. Воронина, лев у западного портала собора мирно укрылся в тени своего, превращенного в фантастическое древо, хвоста» [37]. Действительно, хвост у льва, оканчивавшийся обычно ветвью аканфа, как ее называл Н. П. Кондаков, превратился здесь в необычайное по своей витиеватости и декоративной прелести древо с пышной кроной.

В том же декоративно-орнаментальном стиле выполнена и фигура вздыбленного барса, вырезанного на щите стоящего в рост св. Георгия. Изображение это, помещенное на северном фасаде притвора, являлось эмблемой Владимирской династии и, по словам Н. Н. Воронина, «приобрело особое, демонстративное значение» [38].

Барс на щите св. Георгия также сближается по ряду его иконографических черт со львом на наших геммах. Типологически в еще большей степени приближается к интальям исключительный по своей сочности и красоте рельеф зверя на южном портале того же собора в Юрьеве-Польском (рис. 10). Зверя этого Н. П. Кондаков считал волком, другие же называли его пардусом, гепардом [39]. В изображении этого сказочно-геральдического зверя, в его пышно-декоративном обличье сохранены все те черты, которые мы считали характерными и в композициях львов на наших геммах, в особенности же на инталье из альмандина. Мы видим здесь и «хвост, продернутый под ногою (восточное изображение всяких хищников)»,— как об этом писал Н. П. Кондаков [40], и выброшенные вперед пе-

---

[35] Г. А. Пугаченкова. Ук. соч., стр. 73.

[36] Н. П. Кондаков. О научных задачах истории древнерусского искусства. СПб., 1899.

[37] Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польский, стр. 314.

[38] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси, II, стр. 91, рис. 59.

[39] Н. П. Кондаков. О научных задачах истории древнерусского искусства, стр. 35—36, табл. 7; И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, 6, СПб., 1899, стр. 45; М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств, 3, М., 1955, стр. 88.

[40] Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 35.

Рис. 10. Юрьев-Польский. Собор св. Георгия. Рельеф XIII в.

редние ноги с поднятой кверху одной лапой, и высунутый язык, и, наконец, «пятнистую шерсть, — по тонкому замечанию М. В. Алпатова, — переданную мелкими, отрывистыми ударами резца» [41].Здесь, разумеется, несуществен тот факт, что изображен в данном случае не лев, а обобщенный образ геральдически-хищного зверя. Композиция типична для поздней стадии развития образа. Более сдержанная и имеющая иную символику композиция на геммах, жившая еще образами сасанидского искусства, развернулась пышной вязью узорочья в выдающемся памятнике XIII в. Высунутый язык превратился в красивый мотив ветки, кисточка на хвосте — в еще более пышную и затейливую ветвь. Самое же интересное в данном случае — это разработка пятнистой шерсти, которую отметил М. В. Алпатов. Выше, при описании гемм, я указал на некоторую сухость и графичность разработки формы, не свойственных более ранним прототипам изображения животных в древневосточной глиптике и напротив развивавшихся в послесасанидском искусстве.

С другой стороны, и пышное узорочье русского памятника, явно хранящего еще на себе далекие отблески традиций сасанидской образности, чуждо стилю изображений на наших геммах, скорее всего выполненных в XI—XII вв. На ткани подобного типа в Армении, относящиеся к тому же времени после развала Сасанидской империи, указывала в свое время и К. В. Тревер [42]. Едва ли возможна более точная датировка наших инталий, в равной мере как и указание места их изготовления. Говоря о сложении ряда зооморфных образов Сасанидского Ближнего Востока, К. В. Тревер в своей интересной работе о Сэнмурве писала: «Это — тот мир, который никак не мог бы уложиться ни в границы необъятного Востока, ни, тем более, в тесные берега Эгейского моря» [43].

Проблема сложения той или иной культуры во взаимосвязи с другими культурами очень сложна. Метод сравнения двух памятников, приводящий к антиисторическим выводам о формировании одной культуры под влиянием другой давно изжит нашей наукой. Касаясь звериных мотивов во владимиро-суздальской пластике, В. Н. Лазарев совершенно правильно писал: «Обычно исследователи основывались на чисто внешних сопоставлениях, забывая о том, что звериный орнамент был широчайшим образом

[41] М. В. Алпатов. Ук. соч., стр. 88.
[42] К. В. Тревер. Сэнмурв-Паскудж..., стр. 57.
[43] Там же, стр. 65.

распространен по территории всего средневекового мира. Поэтому из факта установления сходства между звериными мотивами двух различных памятников еще отнюдь не следует, что один из этих памятников повлиял на другой. Звериные мотивы настолько прочно обосновались в народном искусстве, они были настолько понятны склонному к фантастике средневековому мышлению, их связь с жизнью и бытом средневекового человека была настолько тесной и органичной, что они могли складываться и развиваться в разных странах совершенно независимо».

С этой точки зрения прав В. Н. Лазарев, критикуя неприемлемые, как он их называет, компаративистские теории, в частности же и взгляд на владимиро-суздальскую пластику как на якобы лишь ответвление иранского искусства. «Это фантастическая теория,— заканчивает свою мысль В. Н. Лазарев, — особенно в свете новейших исследований, не выдерживает никакой критики» [44]. В этом отношении вопрос об использовании тех или иных сасанидских мотивов другими искусствами поставлен более правильно в ряде современных трудов, в частности в работе Р. В. Кинжалова и В. Г. Луконина. «Мы еще не знаем точно,— писали они,— какими путями добралось это искусство до Испании и Франции, проникло в орнамент на церквах в Суздали..., но твердо установлен и далеко не нов тот факт, что следы влияния сасанидского искусства можно найти на громадной территории от Китая до Атлантики» [45].

Я был далек, разумеется, от механически-прямолинейного объяснения влияния сасанидского Ирана на искусство древней Руси. Если же я коснулся этой проблемы, то только потому, что ряд памятников владимиро-суздальской пластики, в одном случае — иконографически, в другом — стилистически, помог косвенным образом определить издаваемые мною геммы.

Здесь важно, как мне кажется, подчеркнуть только два факта: принадлежность наших гемм к художественной культуре Ближнего Востока [46] и притом к искусству, развившемуся после распада Сасанидского государства, но претворявшему его традиции, т. е. примерно между VIII и XII вв. Искусство этой эпохи почти не изучено в глиптике, в равной мере как и область его распространения. Меж тем изображения на резных камнях в числе других видов художественного ремесла, конечно, тоже использовались монументальным искусством. Так, разбирая найденный близ Киева известный шиферный рельеф с изображением единоборства мужчины со львом, Б. А. Рыбаков писал: «Скульптор, изваявший этот рельеф из волынского шифера, очевидно, повидал на своем веку много памятников античного искусства» [47]. Конечно, и геммы среди других памятников восточных древностей попадали в руки русских мастеров, использовались ими и художественно переосмыслялись.

---

[44] В. Н. Лазарев. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. История русского искусства, I, М., стр. 425; J. Strzygowski. Die Baukunst der Armenier und Europa, II, Wien, 1918, стр. 722.

[45] Р. В. Кинжалов, В. Г. Луконин. Памятники культуры Сасанидского Ирана. Л., 1960, стр. 21.

[46] Иконография и стиль изображений львов и львогрифонов в искусстве Средней Азии кажутся мне отличными от широкого круга ближневосточных композиций. Поэтому я принимаю только как параллели и те интересные сопоставления, которые приводятся в исследовании Л. И. Ремпеля. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961, стр. 513, 515.

[47] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. «История культуры древней Руси», II. М.— Л., 1951, стр. 440—441.

В. И. КОЗЕНКОВА

ГАЙРАТ-ТЕПЕ

(К истории поселений Ферганы первой половины I тысячелетия)

В 1957—1961 гг. Андижанским областным музеем были проведены раскопки древнего холма [1] на землях бывшего колхоза Гайрат Курган-Тепинского района, в древнем Курган-Тепинском оазисе, находящемся в 50 *км* к северо-востоку от г. Андижана, на равнине, имеющей значительный уклон к р. Кара-Дарья, протекающей в 6 *км* к северу от него.

Центром древнего Курган-Тепинского оазиса было прямоугольное городище с мощными стенами и цитаделью. Расположенные вокруг него 19 отдельных тепе являются остатками жилых построек.

Гайрат-тепе входит в цепь из шести холмов, отстоящих на 1,5 *км* к северо-востоку от городища. По внешним очертаниям он имел форму усеченной пирамиды с крутыми склонами, с площадью основания примерно 35×40 *м*, вершиной 10×12 *м* и высотой 8 *м*. Холм ориентирован углами по странам света. За четыре года [2] в нем почти полностью раскопаны развалины массивного глинобитного здания (рис.1) с очень сложной планировкой (рис. 2) и еще более сложной стратиграфией [3] (рис. 3). В нем определились два больших строительных периода. К первому, более раннему, относятся развалины здания с сохранившейся планировкой помещений; от второго периода сохранились остатки построек (в основном площадки пола), без четкой планировки.

Для каждого строительного периода характерны несколько площадок пола с накопившимся на них слоем материальных остатков, обгорелой земли и пепла.

I СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Планировка и размеры здания

От здания, возведенного на высокой (5,8 *м*) глинобитной платформе, с косыми склонами, сохранилась нижняя, цокольная часть. В плане оно близко к пятиугольнику с четырьмя круглыми и одной подковообразной башнями по углам (рис. 2). Периметр внешних стен здания (без башен) 40 *м*. Ширина внешних стен на высоте 2 *м* (от нулевого репера) равна в

---

[1] Приношу искреннюю благодарность за помощь и поддержку в работе директору музея М. А. Могильниковой, сотрудникам музея А. И. Круглову, Р. А. Рахмагуллиной, а также Н. Г. Горбуновой, Е. Е. Неразик, Т. Г. Оболдуевой, С. С. Сорокину.

[2] Вся раскопанная площадь составила около 1500 $м^2$.

[3] Контрольные замеры велись от нулевого репера, поставленного на вершине холма.

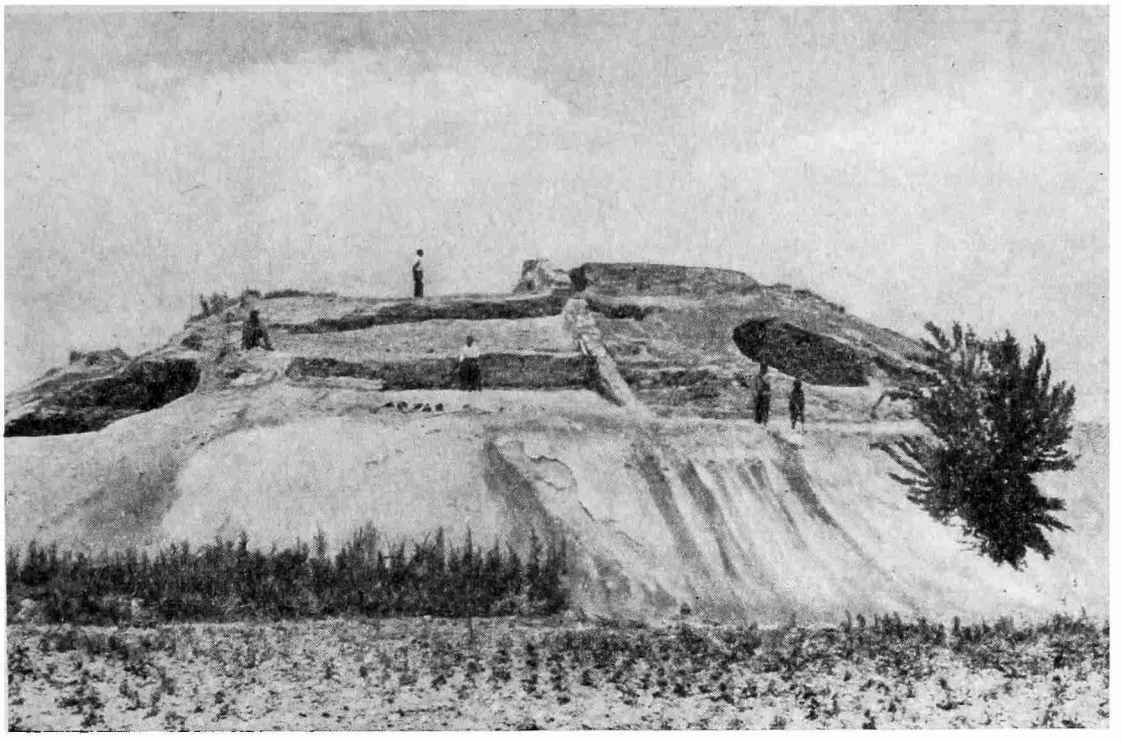


Рис. 1. Гайрат-Тене. Юго-восточная сторона здания

среднем 2,8—3,3 *м*. С внешней стороны стен на платформе были площадки (1—2 *м*) для прохода. С северо-западной стороны здание было укреплено глинобитным контрфорсом. Стены возвышаются над площадками всего на 0,6—1,5 *м*. Круглые башни, близкие по размерам, отличаются заметной индивидуальностью форм. Диаметр их в среднем равен 8,5 *м*; внутренний диаметр — 4,5 м. Исключение представляет подковообразная башня № 4, внутри имеющая вид трапеции со сторонами-стенами, равными 2,6; 3,55; 3,3; 3,6 *м*.

Внутри линии внешних стен были построены менее фундаментальные стены центральных помещений (шириной 1—1,25 *м*). Между внешними и внутренними стенами оставались небольшие коридоры в виде отсеков шириной от 1,2 до 2 *м*, не сообщавшиеся друг с другом. Длина их различна — соответственно 11,7; 8; 10, 35; 9,5 *м* (рис. 2).

Внутри центральной линии стен частично вскрыты два смежных помещения, условно обозначенных нами сектором «Е» и сектором «Д». С юго-западной стороны на площадку за внешней стеной вела узкая дорожка пандуса для подъема в здание. Кроме нее никаких следов входа не сохранилось. В северной стороне имелось специальное помещение с глубокой выгребной ямой (бадраб) (рис. 2).

Раскопанные помещения как бы впущены в монолит платформы, в результате чего внутренние фасады их стенок имеют значительную высоту. В коридорах она колеблется от 3,5 до 4,5 *м*, а в башнях достигает в среднем 5—6,5 *м*.

Абсолютная высота развалин от подошвы платформы до самой высокой точки стен равна 8,45 *м*. Размер здания по оси *АБ*—42 *м*, по оси *ВГ* — 38 *м* (рис. 2).

Конструктивные особенности здания

Основным строительным материалом при сооружении здания служила специально приготовленная глина с добавлением мелкорубленой соломы. Платформа сооружена из бесформенных глинобитных пластов темно-коричневой глины толщиной 10—12 *см*. Платформа углублена в землю на 1,5 *м*.

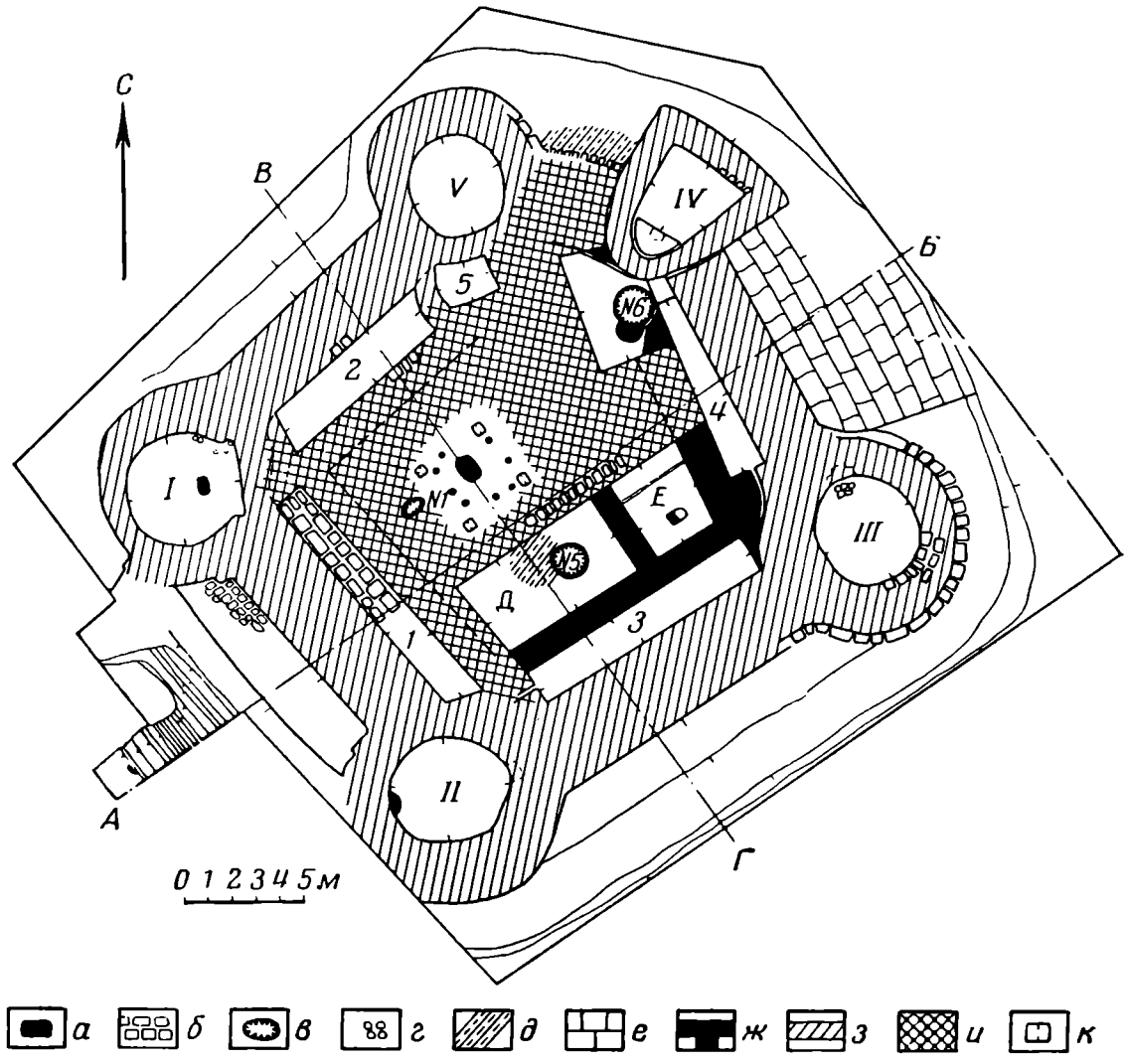


Рис.2. Общий план здания

а — очаг, *б* — регулярная сырцовая кладка, *в* — яма, *г* — камни, *д* — органические остатки, *е* — глинобитный контрфорс, *ж* — кирпичная стена, *з* — пахсовая стена, *и* — поверхность второго строительного периода, *к* — ямки от опорных столбов, *I—V* — башни; *1—4* — коридоры; *5* — батраб; *Д*, *Е* — центральные помещения

На платформе были возведены сначала внешние стены; башни и стены выкладывались в перевязку как единая монолитная конструкция (рис. 2). Стены внутренних помещений углами упирались в башни, в результате чего коридоры и получили вид отсеков, не сообщавшихся между собой. Внешние стены с башнями имели сложную конструкцию. Сторона, образующая внутреннюю плоскость стены, была сложена из сырцового прямоугольного кирпича размерами: 42 × 32 × 12; 44 × 25 × 7; 48 × 24 × 12; 50 × 25 × 10 см. Внешнюю облицовку стены составляли несколько рядов глинобитных блоков широной 35—45, высотой 47—65, толщиной 30—35 *см*. Между рядами имелась прокладка из глины толщиной 12—15 *см*. Все пространство между кирпичной и блоковой стенкой было забутовано пластами глины, комьями глины овальной формы (гуваляками), обломками и целыми кирпичами, уложенными без определенного порядка.

Внутренние стены Гайрат-Тепе сооружены только из кирпича цепной кладкой. Между кирпичами был проложен слой глиняного раствора толщиной 5—10 *см*. В отдельных местах здания полы были выложены кирпичом. Так, в коридоре № 1 пол был выложен сырцовым кирпичом следующих размеров: 48×26×9, 40×25×6, 51×26×8 *см*.

По находкам кусков алебастра (в башне II) и обломков глиняных деталей (в коридоре № 1) можно предположить, что здание имело какие-то

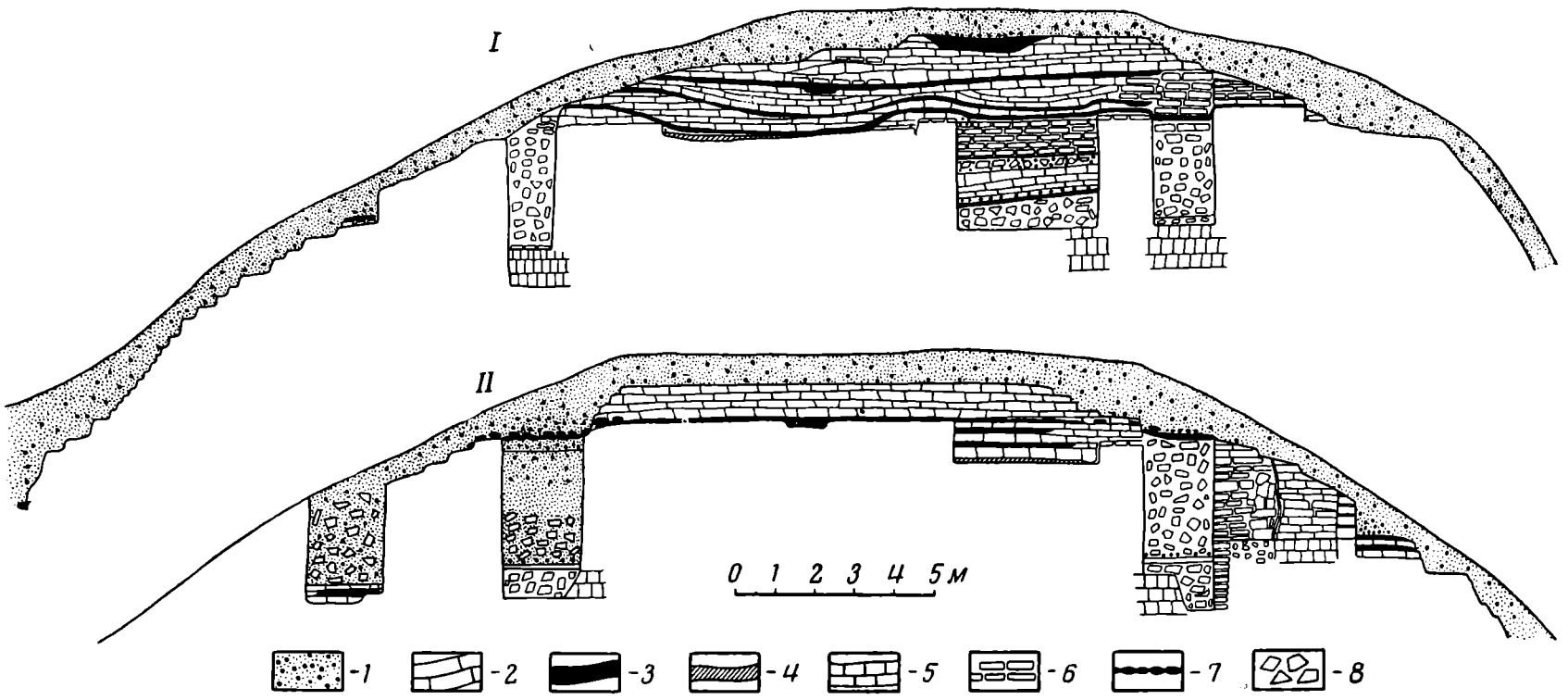


Рис. 3. *I* — разрез по линии *АБ*; *II* — разрез по линии *ВГ*

1 — мягкий лёсс с обломками керамики, *2* — глинобитные сырцовые пласты, *3* — зольный слой, *4* — органические остатки, *5* — нерегулярная кладка платформы, *6* — кирпичная кладка, *7* — вымостка из гальки, *8* — завал из сырца

архитектурные украшения. Стены помещений сохранили глиняную обмазку толщиной 1,5—2 *см* (башня IV).

Нам не удалось выяснить, каким образом попадали жители Гайрат-Тепе в башни и коридоры; возможно, с помощью деревянных лестниц, но никаких фактических данных у нас нет.

Культурный слой I строительного периода

Первая площадка пола выявлена в коридорах, башнях и в помещении «Е». В коридорах она находилась на разных глубинах от 4,5 до 6 *м*, что, вероятно, можно объяснить отсутствием точности расчета. В тонком (10—12 *см*) лёссовом слое на этом полу найдены немногочисленные обломки посуды. Башни были более обжитыми. На полу башни (глубина 6,8 *м*), почти в центре, расчищен овальный очаг (65×35 *см*) глубиной 6 *см*, заполненный прокаленной землей и пеплом. В очаге найден кусок железного шлака. На полу башни обнаружено несколько обломков красноангобированных сосудов, сделанных на кругу.

В башне II на полу (глубина 6,7 *м*) остались следы пожара, возможно от обгоревших конструкций. В слое земли, сильно прокаленной и перемешаной с сажей, найдены обломки станковых сосудов. Следы пожарища в виде сажи и пережженой докрасна земли прослежены и на полу башни III (глубина 6,8 *м*). В слое над полом найдены обломки сосудов, сделанных на кругу. В башне IV на полу (глубина 6,7 *м*), в слое пепла толщиной 10—15 *см* найдены обломки краснолощеных мисок и крышка от сосуда. На полу (глубина 6 *м*) башни V был тонкий слой лёсса. В помещении «Е» на плотной поверхности первого пола (глубина от нулевого репера 6,7 *м*), в тонком слое органических остатков и золы найдено много обломков сосудов, обломков зернотерки и бараний остragал с отверстием (рис. 4, *9*).

Второй пол в здании обнаружен всюду, кроме коридоров и башни V. Пол был обмазан поверх слоя пожарища и засыпки из обломков сырца. В башнях I—III, V толщина этой засыпки не превышала 30—50 *см*, а в башне IV и помещении «Е» она достигала 1,5 *м*. Стены помещения возвышаются над уровнем пола на 20—25 *см*. В слое над полом найдено пряслице, зернотерка и обломки красноангобированных сосудов. В смежном помещении «Д» (не расчищенном донизу) на поверхности пола находились зольные пятна. В центре помещения была вырыта круглая хозяйственная яма (№ 5) с обломками хума. Около ямы залегал слой зеленоватых органических остатков с включением костей животных. В слое над полом в помещении «Д» среди обломков сосудов найдена целая красноангобированная миска. Глубина второго пола в центральных помещениях 1,7—1,9 *м* от нулевого репера.

В коридорах вторая прослойка пола отсутствует. Возможно, что в это время они мало использовались обитателями Гайрат-Тепе. Зато в башнях на втором полу видны следы их сугубо хозяйственного использования. В башне I этот пол отмечен на глубине 6,6 *м* от нулевого репера. В мягком золистом слое над полом в северной стороне лежали камни от очага, обломки расписного баночного сосуда, бронзовый четырехгранный в сечении гвоздь(?), половина биконического краснолощеного пряслица и обломки мисок. В башне II поверхность второго пола отмечена на глубине 6,5 *м* от нулевого репера. В восточной стенке башни на этом уровне имелась очажная ниша с остатками золы и обломками жаровни внутри. Размеры ниши: высота 1,3; ширина 1,2; глубина 0,7—0,8 *м*. В завале очага ниши найдены два туалетных сосудика (рис. 4, *16*, *18*).

На полу лежал плотный слой белого пепла, над ним мягкий золистый слой с большим количеством обломков сосудов, а сверху последний был завален слоем толщиной 0,8 *м* хорошо утрамбованных обломков кирпичей. В башне III ко второму полу относится поверхность также с белым пеплом (на глубине 6,6 *м*). В северной стенке обнаружена ниша с об-

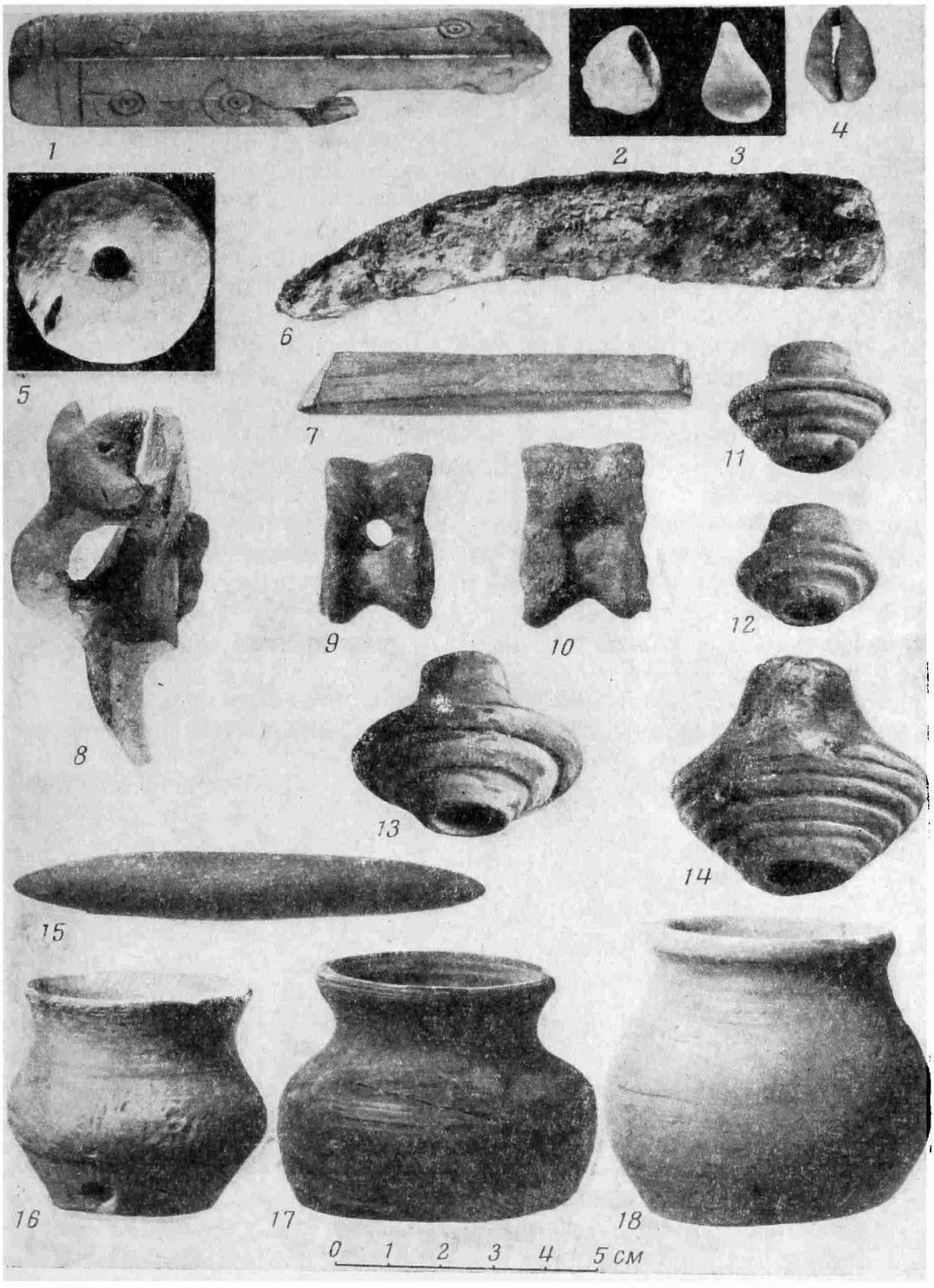


Рис. 4. Находки из слоя Гайрат-Тепе

1 — костяная рукоятка, *2* — бусина из голубой пасты, *3* — бусина из горного хрусталя, *4* — пронизка из раковины Cauri, *5* — прясло из известняка, *6* — железный нож, *7* — каменный оселок, *8* — обломок зооморфной ручки сосуда, *9*, *10* — астрагалы, *11* *14* — глиняные прясла, *15* — сурьматаш, *16*—*18* — туалетные сосуды

мазкой на стенках. Размеры ниши: высота 1,25; ширина 1,1; глубина 1,01 *м*. Внутри была зола, а перед нишей был сложен овальный очаг из обломков сырцового кирпича. В слое на полу найден сурьма-таш (каменная палочка) для подкраски бровей (рис. 4, *15*) и красноангобированный сосуд (рис. 5, *9*), такой же, как и под полом коридора № 3.

В башне IV второй пол намазан поверх полутораметровой засыпки из обломков сырца, на глубине 4,95 *м*. Площадка пола покрыта тонким (10—15 *см*) слоем мягкой земли, где было довольно много керамики и остатков разложившегося железного предмета.

Слой над полом в башнях III и IV состоял из свалки мусора (костей животных, золы, камней, массы битой посуды). Толщина этого слоя 1,5—2 *м*. Возможно, что верхняя часть этого зольника относилась уже ко второму строительному периоду. В башнях V, как и в коридорах, второй пол не прослеживался; возможно, к этому времени относится небольшой зольник у южной стенки башни с обломками сосудов. Уровни полов в башнях, коридорах и особенно в помещении «Е» не соответствуют друг другу, но по отдельным деталям конструкций, выявленных в процессе раскопок, а также по характеру находок можно определенно говорить о двух указанных жилых горизонтах в пределах одного строительного периода.

Первый строительный период от второго отделяют мощные глинобитные пласты (кроме башни IV), наложенные поверх разровненных развалин здания первого этапа.

Мастера, строившие Гайрат-Тепе, видимо, недостаточно владели методами точного расчета в строительстве, в результате чего здание получилось с большим нарушением пропорций и без строгой планировки как самого объекта в целом, так и отдельных помещений. Но все же им нельзя отказать в умении остроумно использовать имевшиеся в наличии строительные материалы. Для Ферганы описываемого периода это единственный археологический объект с почти полностью выявленной планировкой. По нему мы можем судить о том, что древние мастера были знакомы с приемами строительства, общими для всей Средней Азии. Они успешно применяли сочетание кирпичной и блоковой кладки, забутовки пластами глины. Древние мастера оценили фортификационные качества круглых башен и контрфорсов. Планировка, подобная Гайрат-Тепе, не известна в древней архитектуре Средней Азии, но по отдельным деталям конструкции Гайрат-Тепе можно сравнивать с некоторыми памятниками Ферганы, Туркмении и особенно Хорезма, где уже собран огромный материал по древнему строительству. Некоторые строительные приемы, применение пахсы и кирпича, отдельные детали планировки и конструкции (платформы, башни) возникли на этой территории очень рано [4] и сами по себе еще не могут служить основой для датировки. Но определенное сочетание приемов строительства и планировки, архитектурный стиль здания всегда характерны для какого-то одного сравнительно короткого периода. По этим признакам Гайрат-Тепе сближается с сооружениями, возведенными в период от рубежа нашей эры до раннего средневековья.

Внешняя стена Гайрат-Тепе имеет некоторое сходство со стенами зданий Хорезма в кушано-афригидское время. Так, в слое III—IV вв. городища Куня-Уаз стена одного из помещений имела конструкцию, близкую гайрат-тепинской [5]. Забутовка пластами глины и сооружение очажных ниш в помещениях, отмеченные при раскопках Гайрат-Тепе, имеют аналогии опять же в памятниках Хорезма II—III вв. (крепость Гяур-Кала) [6].

Пахсовая кладка из небольших и тонких блоков (высотой 45—60 *см*), примененная в стене Гайрат-Тепе, в других районах Средней Азии изве-

---

[4] Ю. А. Заднепровский. Земледельческие поселения Ферганы. Материалы II Совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 150—151; Т. Г. Оболдуева. Раскопки 1960 г. на городище Эйлатан. КСИА, АН СССР, 91, 1962, стр. 43—45; С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг. Тр. ХЭ, II, М., 1958, стр. 143—145; С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. МХЭ, IV. М., 1961, стр. 24—40.

[5] Е. Е. Неразик. Археологическое обследование городища Куня-Уаз в 1952 г. Тр. ХЭ, II, стр. 378.

[6] Ю. А. Рапопорт, С. А. Трудновская. Городище Гяур-Кала. Там же, стр. 349, 359.

стна только в памятниках раннего средневековья[7], что не позволяет очень удревнять время сооружения Гайрат-Тепе.

Круглые угловые башни в Гайрат-Тепе мало похожи на самые ранние из известных полукруглых башен (Кюзели-Гыр VI—V вв. до н. э.; Чирик-рабат IV—II вв. до н. э.) [8]; не похожи они и на полукруглые башни на углах зданий (Варахша) [9] и у входа (Кой-Крылган-кала) [10], строившиеся во II в. до н. э.— I—II вв. н. э. У них больше общего с вытянуто-эллиптическими башнями, известными в древнем строительстве Туркмении (Кишман-Тепе, II—III вв.) [11], но ближе всего к ним по форме башни позднекушанских крепостей Средней Азии (Аяз-Кала № 1; Базар-Кала, III—IV вв.) [12], Ирана (Истахр, III в.) [13] и Афганистана (крепость внутри города Беграм III, III—IV вв.) [14]. В настоящее время не вызывает возражений существующее в литературе мнение, что только к V в. круглые башни окончательно вытеснили прямоугольные [15]. Гайрат-Тепе представляет собой редкий пример, где обе формы башен — круглая и прямоугольная (вернее, подковообразная с вынесенной вперед прямоугольной частью) — сосуществуют вместе.

Можно полагать, что Гайрат-Тепе ближе всего к серии памятников архитектуры первой половины I тысячелетия и что по всем особенностям планировки и конструкций он был возведен не ранее II—III и не позднее IV—V вв.

II СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Стратиграфия и культурный слой

От второго строительного периода, возникшего на развалинах здания, не сохранилось следов планировки помещений. Он представлен четырьмя глинобитными прослойками пола. Отсутствие стен объясняется, видимо, не только долголетием и интенсивностью жизни на одном месте во второй период, не только частотой пожаров, следы которых отмечены между полами, но и тем, что, видимо, сами постройки уже не носили такого фундаментального характера, как раннее здание.

Каждая жилая поверхность отделена друг от друга не только слоем пожара, но и глинобитными слоями, уложенными поверх сгоревших остатков. Такие напластования создали довольно четкую стратиграфию культурного слоя второго строительного периода.

Первый пол — это поверхность, непосредственно возникшая на выровненных развалинах глинобитного здания; глубина его 1,85 *м* от нулевого репера на вершине холма. В этот период пластами глины были забутованы коридор № 4, башни III и V и выгребная яма.

---

[7] В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма. Тр. ХЭ, I, М., 1952, стр. 93.

[8] С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции 1949—1953. Тр. ХЭ, II, стр. 152, рис. 58; С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Ук. соч., стр. 24—26, рис. 16.

[9] С. К. Кабанов. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг. В сб.: «История материальной культуры Узбекистана», I, Ташкент, 1959, стр. 127—137.

[10] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. МХЭ, I, М., 1959, стр. 18; МХЭ, IV, стр. 348, 349, 366.

[11] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 54—55.

[12] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1949, стр. 103, 112.

[13] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. New York, 1941.

[14] R. Ghirshman. Begram recherches, archeologiques et historiques sur les Kouchans. MDAFA, XII, Caire, 1946, стр. 38, рис. 18, 19; стр. 42—43.

[15] Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии. М., 1948, стр. 23; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958, стр. 16.

Жилая площадка ровная, слегка обожженная. Из хозяйственных сооружений сюда относится яма № 6, круглая в плане, глубиной 0,7—0,8 *м*.

В слое над полом — значительное количество керамики, костей животных, обломков обгоревших сырцовых кирпичей.

Второй пол обнаружен на центральной площадке и в коридоре № 2, где он был намазан поверх завала. В слое над полом находились зольные очаги, обломки керамики, а в коридоре № 2 лежал слой зеленоватых органических остатков с большим количеством костей животных.

Третий пол зафиксирован на центральной площадке, в коридоре № 2, в башнях I и II. Глубина его 1,25—1,5 *м* от нулевого репера.

На центральной площадке прослойка третьего пола не имела ярко выраженных хозяйственных напластований. В западной стороне площадки очаги располагались следующим образом: в центре помещался большой прямоугольный очаг, углубленный на 5—6 *см* в землю (размером 1 × 0,7 *м*), заполненный плотным слоем белого пепла. Земля на дне его спеклась. Вокруг большого очага размещались восемь небольших, круглых в плане, очажков, похожих на плошечки диаметром 20—25 *см*, глубиной 3—4 *см*, с оплавившимися стенками. В одной из «плошек» в слое золы лежала обгорелая бусина. Углубленный в землю очажок-жертвенник, аналогичный гайрат-тепинским, был обнаружен при раскопках буддийского храма конца VII — начала VIII в. на городище Ак-Бешим [16]. При зачистке поверхности пола вокруг очагов выявлены четыре симметрично расположенные квадратные ямки (0,5 × 0,5 *м*; глубина 0,2 *м*) от столбов перекрытия с остатками перегнившего дерева и камнями-подпятниками (рис. 2). К юго-востоку от очагов сохранился ряд кирпичей тонкой сырцовой стены здания. Слои пепла в очагах башни I и особенно за внешними стенами старого здания на проходных площадках, относившиеся к первому периоду, были аккуратно замазаны слоем глины. Такой же обычай сохранения пепла из священного очага отмечен при раскопках храма огня на городище Джанбас-Кала. Зола из культового очага не выбрасывалась из помещения, а по мере накопления утрамбовывалась и обмазывалась сверху глиной [17]. Думается, что обычай сохранения пепла на Гайрат-Тепе также связан с культовым характером очагов, открытых на третьем полу остатков помещения второго этапа.

В коридоре № 2 пол имел галечную вымостку, покрытую сверху большим зольником, насыщенным керамикой. Там найдены обломки сосудов с гофрированными стенками и процарапанным орнаментом. Галечная вымостка прослеживалась и на центральной площадке, но сохранилась хуже, чем в коридоре. В слое над вымосткой, рядом с коридором № 2, был расчищен большой очаг, сложенный из камней и обломков сырца, с черепками от лепной жаровни внутри.

На примере галечной вымостки третьего пола прослеживается древняя традиция в строительстве Ферганы. До последнего времени стены домов и ограды (дувалы) в Ферганской долине строятся с применением гальки и камней для укрепления их нижней части. Неоднократно в кишлаках мы видели в домах полы, выложенные галькой и обмазанные сверху глиной. Древнее происхождение этого приема в строительстве отмечалось и в литературе [18].

В башне I к третьей жилой поверхности отнесен нами пол, намазанный на завале сырца, а также зольник, залегавший над полом и заполнявший башню до верха. В башне II такой пол находился на глубине

[16] Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 годах. Тр. КАЭЭ, II., М., 1959, стр. 181, рис. 24, 7; стр. 183.

[17] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 97.

[18] Л. Н. Воронин. Устройство оснований в памятниках архитектуры Средней Азии. В сб.: «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана». М., 1950, стр. 15; В. Л. Воронина. Народная архитектура Северного Таджикистана М., 1959, стр. 37.

1,8—2 *м* от края северо-восточной стены башни. Здесь на полу с остатками очага из обломков сырцовых кирпичей и зернотерок был слой, насыщенный золой, содержавший обломки керамики и прочие находки. Интересны многочисленные пряслица, обломки лепного горшка с росписью, часть сделанной на кругу кружки с зооморфной ручкой (рис. 4, *8*). Зольник заполнял башню до самого верха, так же как и в башне I.

Не исключено, что керамика из верхнего слоя зольника в обеих башнях относилась к позднему периоду второго этапа. И, наконец, к слою третьего пола нами отнесен частично слой зольника в башне IV. В последнем найдены железный нож (рис. 4, *6*), обломок костяной рукоятки с циркульным орнаментом (рис. 4, *1*), лепная кружка с петлевидной ручкой. Верхний слой зольника, видимо, как и в башнях I и II, относился к более позднему времени.

Четвертая жилая поверхность, самая поздняя во втором строительном периоде Гайрат-Тепе, занимала незначительную часть центральной площадки. Глубина от верха холма 0,65—1,15 *м*. Здесь сохранился слой мягкого лёсса с включением обломков сырцового кирпича, с большим кострищем-зольником, заполненным в основном обломками посуды. На полу найдено шесть зернотерок, точильный брусок, раковина каури (рис. 4, *4*), астрагал с отверстием, голубая пастовая бусина, каплевидная прозрачная бусина (рис. 4, *2—3*), железная овальная пряжка для ремня и часть подковы.

Находки, особенно посуды, из культурного слоя на разных полах Гайрат-Тепе на первый взгляд кажутся однородными, но их анализ показал, что каждая прослойка относилась, видимо, к различным этапам в жизни памятника.

Классификация и анализ керамики и находок Гайрат-Тепе

Описанию, характеристике форм сосудов, типологической и хронологической классификации ферганской красноангобированной керамики посвящена обширная литература [19]. Но и поныне вопросы, связанные с разработкой детальной классификации этой группы керамики, особенно раннего и позднего этапов ее существования, продолжают интересовать исследователей. Гайрат-тепинский комплекс в целом является рядовым комплексом периода красноангобированной керамики и имеет широкие аналогии в уже известных памятниках Ферганы. Задачей настоящего раздела является попытка не только уточнить на основе керамики датировку исследуемого объекта, но также классифицировать ее в пределах одного памятника, определить особенности выделенных в зависимости от стратиграфии групп сосудов и указать место этих групп в уже созданной ранее хронологической классификации. Решение этой задачи послужит дальнейшей разработке и уточнению вопросов, связанных с изучением красноангобированной керамики Ферганы.

За годы раскопок накоплен огромный материал, характеризующий разнообразие, оригинальность и обилие форм посуды, которой пользовались обитатели Гайрат-Тепе.

Всего фрагментов	В том числе сделанных на кругу	В том числе лепных	Соотношение, %
7820	5745	1075	Лепные 20 Круговые 80

На приводимой ниже табл. 1 показано количественное соотношение форм сосудов, определенных по обломкам и восстановленных из них,

[19] Б. А. Латынин. Некоторые итоги Ферганской экспедиции 1934 года. Археологический сборник Гос. Эрмитажа, № 3, Л., 1961, стр. 109—170; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. МИА, 26, 1952, стр. 217—232 и табл. IV; Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Канд. дис. Л., 1954; С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, 1954, XX, стр. 131—147, и др.

Таблица 1

№	Формы сосудов	Сделанные на кругу		Лепные		Орнаментированные		Всего	
		фрагменты	целые	фрагменты	целые	фрагменты	целые	фрагменты	целые
I	Котлы	—	—	286	1	—	—	286	1
II	Кувшины	595	3	9	1	5	—	604	5
III	Горшки	152	3	30	1	20	3	182	4
IV	Миски	1978	8	6	—	5	—	1984	8
V	Лохани	38	—	1	—	—	—	39	—
VI	Хумы	7	—	58	—	5	—	65	—
VII	Хумчи	2	—	—	—	2	—	2	—
VIII	Жаровни	—	—	41	—	—	—	41	—
IX	Кружки	1	—	—	1	1	—	1	1
X	Бокалы	13	—	4	1	7	—	17	1
XI	Плошки	6	—	—	—	—	—	6	—
XII	Туалетные сосудики	1	4	6	—	—	—	7	4

а также соотношение станковых и лепных сосудов и количество орнаментированных фрагментов.

Кроме выделенных по форме 12 групп сосудов необходимо отметить три лепные орнаментированные крышки от сосудов и 49 глиняных биконических красноангобированных пряслиц. Внутри отдельных групп сосудов отмечено различие в формах (особенно среди горшкообразных сосудов). В мисках, например, это различие в формах прослежено в зависимости от местонахождения в слое.

В целом же сосуды Гайрат-Тепе разделяются по технологическому признаку на две большие группы: сделанные на кругу и лепные.

Обломки круговых сосудов составляли 80% от всего числа черепков; выделяются следующие основные формы: кувшины, горшки с округлым туловом, горшки баночной формы, миски, лохани (тагоры), хумы (пифосы), хумчи (небольшие корчаги), кружки, плошки и туалетные сосудики. Все они были формованы частично на ручном гончарном круге, но в верхних слоях имелись фрагменты от сосудов с подрезкой дна ножом; видимо, они сделаны уже на ножном круге.

Все сосуды леплены в основном из тонкоотмученной глины с незначительным количеством примесей или толченой извести, или растительных остатков. Обжиг большинства сосудов хороший, ярко-красного кирпичного цвета, но есть и пережженные, бракованные экземпляры. Все сосуды покрыты ангобом разного цвета — от ярко-красного блестящего до тусклого сургучного, коричневого и черного цветов. Некоторые сосуды были покрыты двуцветным ангобом — бело-красным или бело-черным. Часто орнаментировались хумчи, баночные сосуды, горшки с округлым туловом, бокалы и, реже, миски. Орнамент процарапывался по ангобу до обжига сосуда. Сюжеты его разнообразны: стилизованные зооморфные и растительные изображения, геометрический узор в виде ломаных линий, заштрихованных треугольников, меандров, волют и др.

По назначению эта посуда являлась или столовой (миски, горшки, кружки), или тарой для хранения запасов пищи и воды.

Лепная посуда немногочисленна. Сосуды изготовлены небрежно из теста серого, красновато-серого и черного обжига. В качестве примесей применяли шамот и толченые раковины. Обжигали сосуды на костре. Поверхность сосудов имеет следы затирки и покрытия серым или белым ангобом. Лепные сосуды были следующих форм: котлы, хумы, горшки баночной формы, горшки с округлым туловом, кувшины, миски, кружки, жаровни и туалетные сосудики; сюда же мы причисляем и немногочисленные лепные крышки от сосудов (табл. 2).

Таблица 2

№	Формы сосудов	Высота, *см*	Диаметр, *см*			Толщина черепка, *см*
			устья	тулова	дна	
1	Котлы	28	36,5	—	—	0,8
2	Кувшины	15—27	8—13	14,5—26,8	6—12,5	0,8
3	Горшки с округлым туловом	11—16,5	7,3—16,5	11—18,5	9	0,5—0,7
4	Горшки-банки	10—20,5	11,2—14	10,2—15	7,8— 9	0,5—0,8
5	Банки с росписью	41	20,5	24	18,5	0,8—1
6	Миски	3,8—7,5	11—23	16—17	5.2— 8	0,3—0,6
7	Жаровни	4,5	?	?	?	1,2—1,5
8	Кружки	7—12	9—11	7,5—12	4,5	0,6
9	Бокалы	5,7	5,5	—	4,3	0,4
10	Плошки	3—3,1	8—9,6	—	4—5	0,3—0,4
11	Туалетные сосудики	2,7—6	3—5,2	5,4—7	3—4,5	0,4—0,6

Лепные сосуды в большинстве своем не орнаментированы, но все же на некоторых сосудах есть налепы, налепные волнистые валики, штампованные кружки. Почти все сосуды этой группы кухонные; поверхность их обильно покрыта сажей и нагаром. Малочисленны, но характерны сосуды с росписью красной и коричневой краской по светлому фону. Сюжет росписи стилизованно-растительный или геометрический (треугольники, ромбы, спирали).

Анализ керамики Гайрат-Тепе показал, что она различалась стратиграфически не только по строительным периодам, но в отдельных случаях и в зависимости от жилой поверхности.

Выделяются формы сосудов, которые можно считать более ранними в пределах одного памятника, формы, которые бытовали очень долго, и, наконец, формы с чертами, характерными для позднего гончарного ремесла Гайрат-Тепе.

Выделение форм сосудов и привлечение к ним аналогий помогло составить шкалу для гайрат-тепинской посуды, увязать ее с уже существующей классификацией и создать хронологическую периодизацию памятника.

Посуда первого строительного периода (рис. 5) немногочисленна и неразличима по жилым горизонтам. Из круговых сосудов имеются кувшины без ручки с широким горлом и грушевидным туловом, покрытым плотным блестящим красным ангобом; горшки с округлым туловом, широким устьем и отогнутым прямым венчиком и плотным блестящим ангобом (рис. 5, *4*, *8*, *9*); баночные сосуды с перегибом в нижней части тулова, с красным или коричневатым ровным ангобом и процарапанным орнаментом в виде стилизованных изображений дерева или геометрического узора из треугольников и ломаных линий (рис. 5, *5*—*7*). Миски отличались тонким, легким черепком и плотным ангобом и имели малые размеры, прямой венчик, неустойчивое дно и иногда налепные ручки-бугорки с отверстием (рис. 5, *1*, *2*).

В целом станковую керамику первого строительного периода отличает хорошее качество выделки и, особенно, хорошее качество ангоба. Некоторые формы, например горшки с перегибом в нижней части тулова и слегка отогнутым венчиком, встречались только в этом слое, позднее их нет. Многие станковые сосуды имеют аналогии в соответствующих слоях ряда поселений Ферганы и могильниках подбойно-катакомбного типа (могильники Джангаил [20], Коштепинский, Талмазарский [21], Янгиабадский [22]).

[20] Фонды Ферганского музея.

[21] В. Д. Жуков. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Тр. ИИА АН УзССР, IV, Ташкент, 1951.

[22] Фонды Ферганского музея.

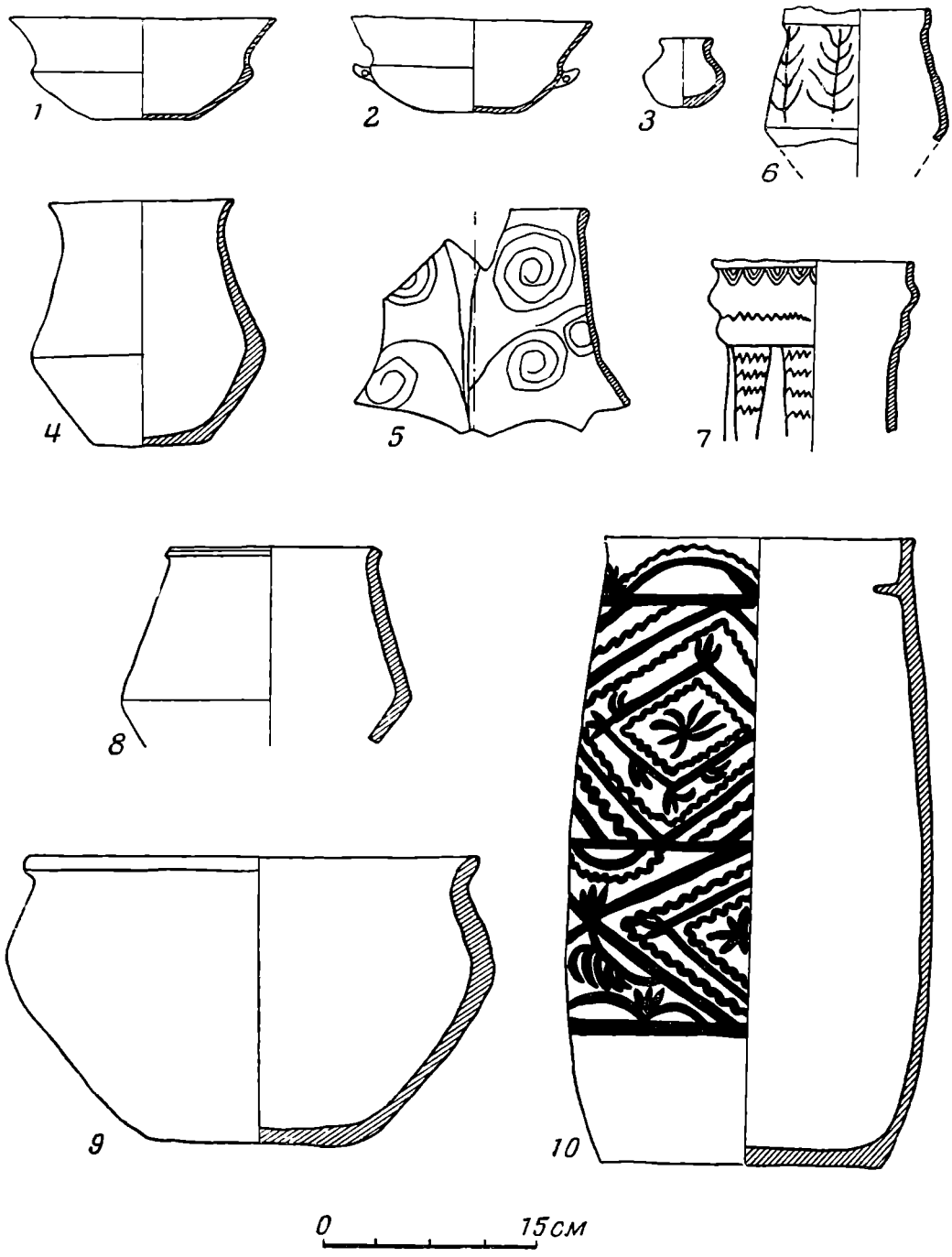


Рис. 5. Таблица керамики *I* строительного периода

Мисочка, сходная с гайрат-тепинскими, найдена нами в Пахтаабадском районе (Каламыш-Тепе) [23]. Весь этот круг памятников относится к последним векам до нашей эры — I—IV вв. н. э.

Для горшков у нас нет аналогий, но сам тип процарапанного орнамента не выходит за пределы последних веков до нашей эры и II—III вв. н. э. (сосуд с изображением деревьев из Коштепинского могильника).

Лепные сосуды первого строительного периода представлены обломками хума, обломками котла с налепом-ручкой, обломками жаровни овальной формы, миниатюрными туалетными сосудами, но все они мало значат для определения датировки комплекса. Исключение составляет большой баночный расписной сосуд с крышкой (рис. 5, *10*), имеющий пря-

[23] В. И. Козенкова. Раскопки Андижанского областного музея в 1956 г. КСИИМК, 76, 1959, стр. 61, рис. 25, *8*.

мые аналогии в керамике Шурабашата. По покрытию и цвету росписи он может быть отнесен к III периоду Шурабашата, датирующемуся от рубежа до III—IV вв. [24].

Лепные крышки с грубым, нанесенным пальцами орнаментом, похожие на крышку, найденную на полу башни IV Гайрат-Тепе, найдены в слое III—IV вв. городища Минг-Урюк около Ташкента [25].

Исходя из аналогий, считаем возможным датировать керамику первого строительного периода временем не ранее рубежа нашей эры и до II—III вв. н. э.

Косвенным и, возможно, спорным, но все же доказательством правильности установленной нами датировки может послужить также следующее: общеизвестно, что в точно датированных монетами слоях раннекушанского времени в Тали-Барзу, Афрасиабе [26] и особенно в могильнике Туп-Хона [27] характерной находкой были красноангобированные бокалы на тонкой ножке. Были такие сосуды и в синхронных памятниках Ферганы (Коштерек, Мунчак-Тепе около Папа, Дехкан-Туда, Касан, Муг-Пошо, в могильниках Муг-Хона) [28]. Считается твердо установленным, что находки этих бокалов датируют памятники временем не позднее II в.

При раскопках на Гайрат-Тепе среди обломков сосудов нет ни одного от тонкостенного красноангобированного бокала на ножке, это уточняет нашу датировку первой группы сосудов временем не ранее II—III вв.

Посуда второго строительного периода (рис. 6 и 7) делится на две большие группы. Первая — это сосуды из слоя I—III жилых поверхностей; вторая — сосуды с IV пола.

Первая группа самая многочисленная. Из станковых сосудов она представлена кувшинами без ручек, сходными по форме с кувшинами из первого строительного периода, но изготовленными более грубо, с покрытием в виде тусклого красного ангоба, нанесенного иногда на сосуд мазками (рис. 6, *15*). Они имеют широкие аналогии в могильниках подбойно-катакомбного типа, а также в слое городища Кугай [29] и датируются II—IV и даже V в. (Гурмирон) [30]. Горшки представлены экземплярами с округлым туловом, иногда с гофрированными стенками и баночной формы (рис. 5, *10*; рис. 6, *13*, *14*, *17*). Обломок сосуда с гофром, идентичный гайрат-тепинскому, был найден на строительстве Большого Ферганского канала [31]. Баночные сосуды имели процарапанный орнамент, на одном из них — идущие друг за другом лошади. По манере исполнения эта сцена сходна с изображением лошади и жеребенка на хуме из слоя Сым-Тепе (Фергана) [32].

Горшки с округлым туловом имеют аналогии в слое Кугая и могут быть датированы II—IV вв. [33].

---

[24] Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, стр. 21, рис. 7, *25*, стр. 30—31.

[25] Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 году на городище Минг-Урюк в Ташкенте. С сб.: «Археология Средней Азии». V, Ташкент, 1960, стр. 137, табл 3.

[26] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, 33, 1950, рис. 69.

[27] М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. МИА, 15, 1950, табл. 83, *3—11*.

[28] Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана, стр. 82; А. Н. Бернштам. Ук. соч., сводная таблица классификации № 118, 119; М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. Тр. Музея истории УзССР, II, Ташкент, 1954, стр. 72, рис. 20.

[29] Б. А. Латынин. Ук. соч., стр. 139, рис. 22, *4*; стр. 144.

[30] А. Н. Бернштам. Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии. КСИЭ, XXVI, 1957, стр. 20.

[31] Сосуд представлен в экспозиции музея истории в Ташкенте.

[32] Фонды Ферганского музея. Раскопки Н. Г. Горбуновой и Б. З. Гамбурга.

[33] Б. А. Латынин. Ук. соч., стр. 140, рис. 23, *1*, *2*.

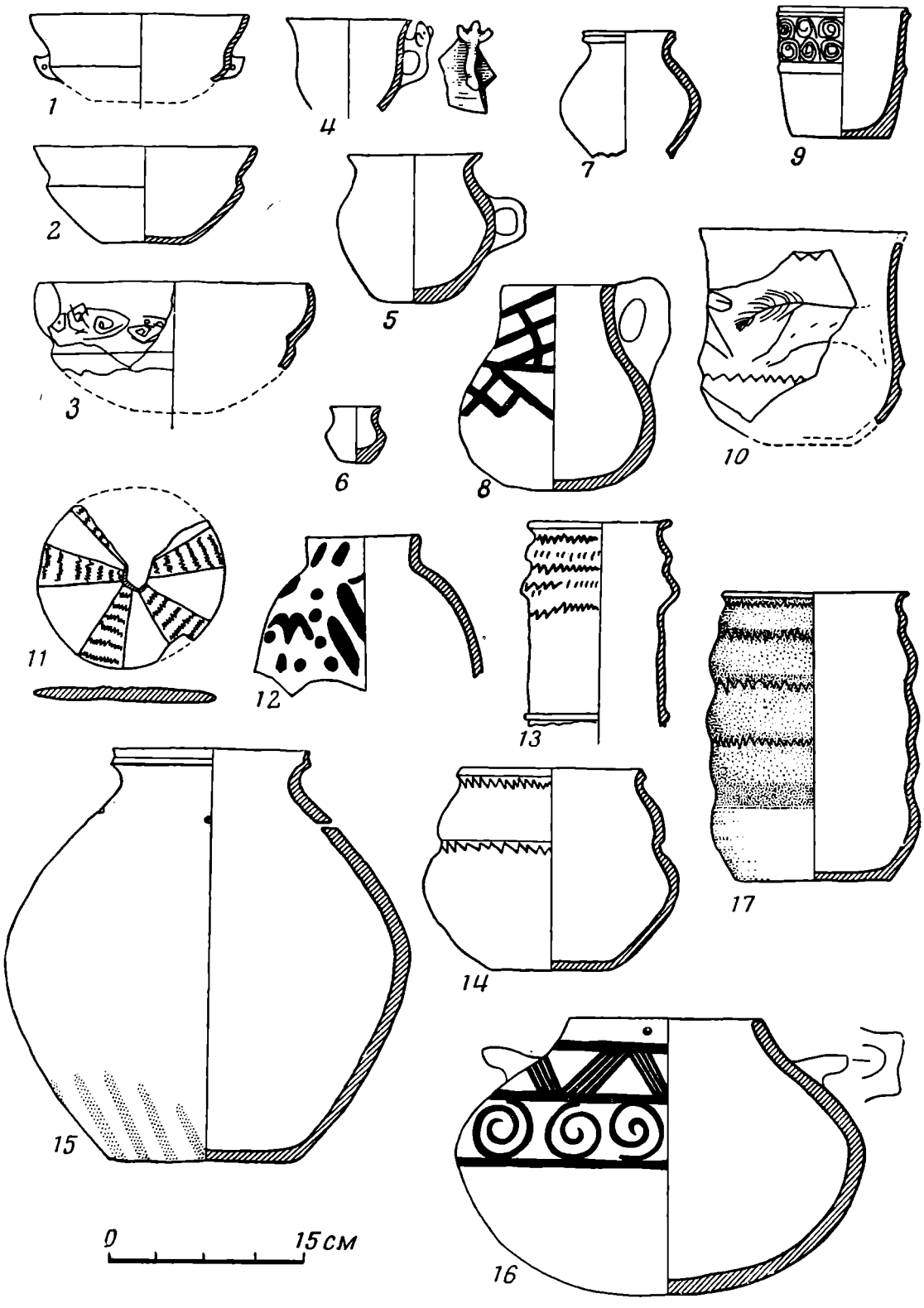


Рис. 6. Таблица керамики *II* строительного периода (*I—III* пол)

В первой группе по-прежнему много мисок, но более массивных, чем в нижнем слое; ангоб приобретает тусклый коричневатый оттенок. Наряду с прямым венчиком у мисок появляется вогнутый край. В нижнем слое их нет совсем.

Из станковой керамики интересен обломок кружки развитой формы, покрытой хорошим красным ангобом и имевшей ручку в виде стилизованного изображения барана (рис. 6, *4*). Кружки с зооморфными ручками, иной формы и лепные, широко были представлены в слое Каунчи II,

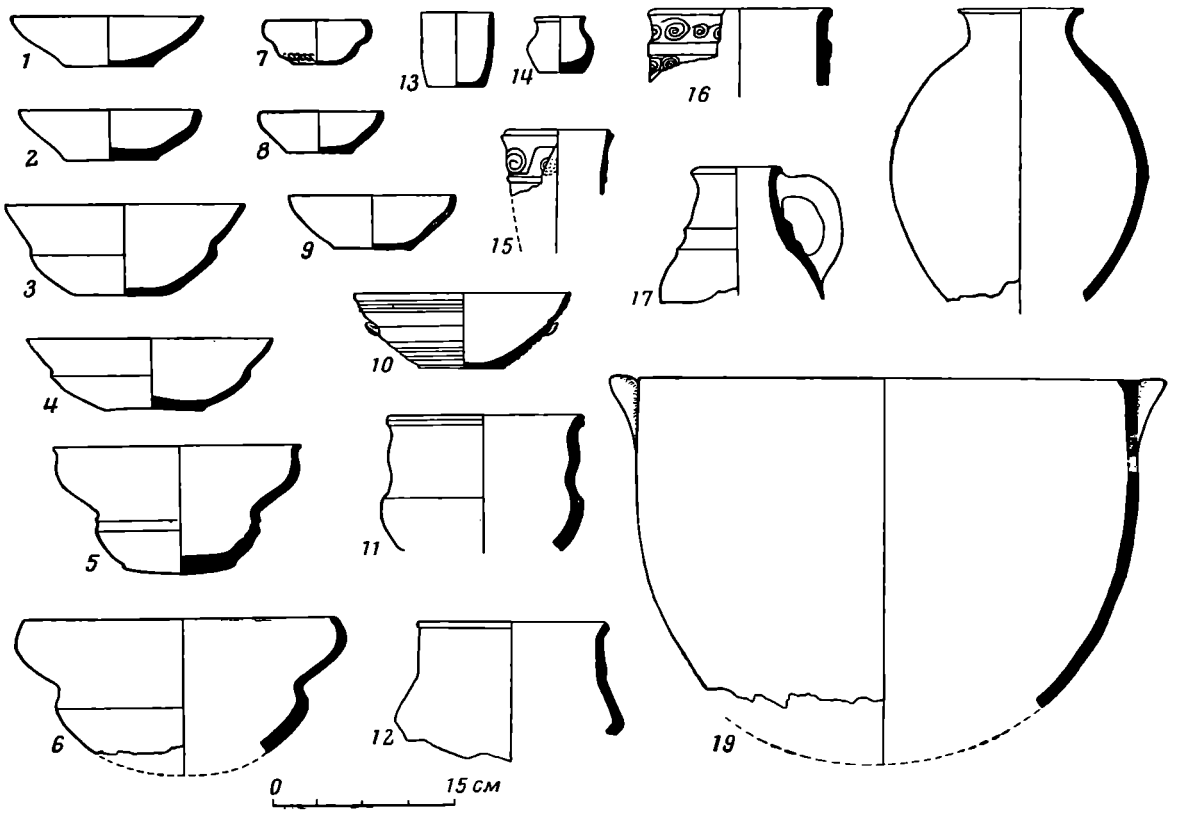


Рис. 7. Таблица керамики *II* строительного периода (IV пол)

в могильнике Ширин-Сай, в слое на трассе Ташкентского канала и датируются от рубежа до IV в.[34]. Наш экземпляр по форме близок к кружкам из замка Ак-Тепе и, видимо, относится к самой поздней группе сосудов с зооморфными ручками, возможно, не ранее IV — V вв.

Обломки станковых хумчей, украшенных красной полосой ангоба по плечикам и процарапанным орнаментом поверх ангоба, имеют столь разительное сходство с хумчами из Кувасайской пещеры[35], что возникает мысль о единой керамической мастерской.

Из лепной посуды в слое I—III полов много обломков котлов с широким плоским венчиком, дуговидными налепными ручками и круглым дном; обломков плоских жаровен, имеющих аналогии в слое Мин-Урюка (III—IV вв.)[36], лепная красноангобированная кружка с шаровидным туловом и петлевидной ручкой (рис. 6, *5*). Кружка сходна с найденными в могильнике Боркорбаз[37] в слое замка Ак-Тепе близ Ташкента[38], в слое Чаш-Тепе в Ташкенте[39] и довольно определенно датируется III—V вв. Как и в нижнем слое, здесь имеются единичные сосуды шурабашатского типа (горшок и кувшины; рис. 6, *8*, *12, 16*), несомненно относящиеся к серии поздних шурабашатских сосудов с росписью, датирующихся до III—IV вв.[40].

---

[34] А. И. Тереножкин. Ук. соч., рис. 69; В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширин-Сая. СА, 1952, XVI, стр. 345, рис. 13, *1*; 15, *2*.

[35] Фонды Ферганского музея. Материал не опубликован (автор раскопок Н. Г. Горбунова).

[36] Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Ук. соч., стр. 134, табл. 3.

[37] С. С. Сорокин. Беркорбазский могильник. Тр. ГЭ, V, Л., 1961, стр. 123, табл. IV.

[38] А. И. Тереножкин. Холм Ак-Тепе близ Ташкента. «Материалы по археологии Узбекистана». I, Ташкент, 1948, стр. 115.

[39] Н. И. Крашенинникова. Археологические наблюдения на Чаш-Тепе. В сб.: «Археология Средней Азии», V, стр. 156.

[40] Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, 118, 1962, стр. 138, 169.

Таким образом, основные аналогии керамике I—III полов относятся к периоду с III в., верхний рубеж колеблется в пределах IV—V вв. Вся группа по формам сосудов мало отличается от сосудов первого строительного периода. Различие проявляется в технологии (появление более грубых и небрежных сосудов), в появлении некоторых вариантов форм (миска с вогнутым краем), в многочисленности сосудов с процарапанным орнаментом. Как и в нижнем слое, процарапанный орнамент сосуществует с расписным шурабашатского типа.

Вторая группа посуды — комплекс форм IV пола (рис. 7) стратиграфически самая поздняя на Гайрат-Тепе. Имея много сходного с сосудами первой группы в формах, в технологии, эта керамика продолжает процесс деградации, отмеченный в первой группе. Стенки сосудов утолщаются, ангоб сургучного цвета покрывает сосуды отдельными мазками. Но в то же время в этом слое появляются приемы, свидетельствующие о том, что керамика не столько деградирует, сколько претерпевает какие-то изменения, связанные с технологией. На дне сосудов появились следы подрезки, что характерно для сосудов, изготовленных на ножном круге. Получают распространение и некоторые поздние приемы орнаментации сосудов, как, например, красная поперечная полоса ангоба, нанесенная посредине корпуса, возможно возникшая не без влияния древнего Согда, где на посуде IV —VI вв. (Пенджикент, Афрасиаб, Гали-Барзу) [41] можно видеть этот прием. В Фергане аналогичная отделка поверхности сосудов обнаружена в могильнике Гурмирон (IV—V вв.) [42], в слое Кугая (II—IV вв.) [43].

Обычная форма миски с перегибом на корпусе видоизменяется, преобладают миски с вогнутым краем; увеличиваются размеры, появляются формы с небольшим перегибом, близкие мискам III—V вв. Чаш-Тепе [44]; миски совсем без перегиба (рис. 7, *1*, *2*, *8*, *9*), иногда с отверстием на дне. Подобные миски имеют аналогии в слое VII в. в Афрасиабе [45]; в слое IV — V вв. в Аул-Тепе (Согд) [46]. Большие миски с перегибом из Гайрат-Тепе очень близки мискам из слоя Сым-Тепе, а также из погребений с северной ориентировкой Ташкурганского могильника. Последний датирован нами III—V вв. [47].

Претерпевает некоторые изменения по сравнению с первой группой и лепная керамика. Она становится более многочисленной, совершенно отсутствуют расписные сосуды. Преобладают котлы с закругленным дном и ручками или в виде двух дужек, или в виде дуговидных налепов, украшенных углублениями от пальцев (рис. 7, *19*).

Появляются орнаментальные мотивы в виде волнистого валика, валика с нарезками, что характерно для керамики раннетюркского времени (V—VI вв. в Касане [48]). Лепная посуда IV жилого горизонта близка касанской и по качеству шамотно-дресвяного теста. Кроме котлов (рис. 7, *19*), в указанном слое найдены обломки лепных жаровен, баночных сосудов и хумов.

Исходя из основных аналогий, считаем возможным датировать вторую группу керамики второго строительного периода временем не ранее начала V—VI вв.

---

[41] Г. В. Григорьев. Тали-Барзу. Журн. «Социалистическая наука и техника», 2—3, Ташкент, 1938, стр. 81, рис. 8; А. М. Беленицкий. Древний Пенджикент. СА, 1959, 1, стр. 196—197, рис. 2.

[42] Фонды Наманганского музея.

[43] Б. А. Латынин. Ук. соч., стр. 139, рис. 22, *2*, *3*.

[44] Н. И. Крашенинникова. Археологические наблюдения на Чаш-Тепе, стр. 154, рис. 4, *6*, *7*.

[45] А. И. Тереножкин, Согд и Чач, стр. 164, рис. 71, *7*.

[46] С. К. Кабанов. Согдийское здание V в. н. э. в долине Кашка-Дарьи. СА, 1958, 3, стр. 149.

[47] В. И. Козенкова. Погребения Ташкурганского могильника начала I тыс. н. э. (в печати).

[48] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 241.

По всем данным, красноангобированные сосуды Гайрат-Тепе бытовали между ранней группой такой посуды, хронологические рамки которой в Фергане еще до конца не установлены [49], и наиболее поздней группой, в которой ясно прослежены черты, присущие уже средневековой технологии (например, как в керамике VII—VIII вв. в слое (Дамкуля) [50].

На табл. 3 керамика Гайрат-Тепе занимает свое место в существующей ныне хронологической классификации ферганской керамики.

Таблица 3

Гайрат-Тепе		Классификация керамики		
	В. И. Козенковой	Б. А. Латынина	А. Н. Бернштама	Ю. А. Заднепровского
II строительный период	V—VI вв.	Ф III V—VIII вв.	Тюркский период VI—VII вв.	Касанский период середина I тысячелетия
	III—V вв.		Кашанский период II—V вв.	
I строительный период	I—III вв.	Ф II/3 II—V вв.	Гуннский период I в. до н. э.—II в. н. э.	Мархаматский период III—II вв. до н. э. III в. н. э.

Заканчивая характеристику керамики Гайрат-Тепе в целом, необходимо отметить, что с момента возникновения здания и до прекращения жизни на этом месте на основе изучения керамики воссоздается динамичный процесс развития гончарного ремесла. На смену старому малоподвижному ручному станку приходит ножной круг; мастера ищут новые формы и новую технологию посуды, происходит эволюция некоторых старых форм (красноангобированные миски).

Некоторые сосуды демонстрируют связи жителей Гайрат-Тепе с районами юго-восточной Ферганы или даже Согда и Шаша. Об этом свидетельствуют единичные находки расписных сосудов шурабашатского типа, позднего этапа, а также некоторые формы мисок, близкие мискам из Тали-Барзу и Афрасиаба. В связи с находками в слое Гайрат-Тепе сосудов шурабашатского типа позволю себе не согласиться с гипотезой Ю. А. Заднепровского относительно того, что в слое Гайрат-Тепе представлена картина смены в Фергане двух этапов — этапа расписной шурабашатской керамики этапом красноангобированной [51]. Привлеченные

[49] Попытки выделить такую группу и разрешить вопрос происхождения красноангобированной керамики не идут пока дальше гипотез. Б. А. Латынин наметил периоды для этой ранней группы, но отсутствие в ферганском материале бесспорно датирующих находок не позволило определить эти границы периодов достаточно четко.

Думается, что происхождение красноангобированной керамики необходимо рассматривать как результат непрерывного процесса развития гончарства в Фергане с древнейших времен. Возникнув на местной основе, впитав в себя традиции актамской станковой посуды (особенно форму) и чустско-дальверзинской (употребление красного ангоба), эта керамика, возможно, где-то на рубеже нашей эры обогатилась приемами, характерными отчасти для эллинистической традиции, отчасти для кушанской. В результате такого синтеза возникла посуда и похожая на так называемую кушанскую керамику из других районов Средней Азии, и в то же время глубоко самобытная. Но это, конечно, гипотеза.

[50] Раскопки Н. Г. Горбуновой. См. Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Археологические работы Ферганского музея в 1953—1954 гг. В сб.: «История материальной культуры Узбекистана», I, Ташкент, 1959, стр. 7.

[51] Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы, стр. 169.

аналогии красноречиво свидетельствуют о том, что даже в первом строительном периоде Гайрат-Тепе представлены развитые и сравнительно поздние формы красноангобированной керамики. В данном случае можно говорить (да и то с оговоркой из-за малочисленности материала) лишь о сосуществовании расписной (шурабашатской) и красноангобированной керамики на довольно позднем этапе развития первой. Речь может идти лишь о связях, но характер этих связей иной, чем это представляется Ю. А. Заднепровскому; вероятней всего, они носят характер торговых сношений.

Изменения в технологии гончарства верхнего слоя Гайрат-Тепе и параллельно с этим появление черт, присущих посуде кочевого населения, говорит о каких-то глубоких и сложных социальных изменениях, происходивших в Фергане в IV — VI вв., возможно связанных в первую очередь со становлением феодальной формации в Средней Азии, а также с проникновением сюда тюркского элемента задолго до завоеваний тюркского каганата, что отмечал и А. Н. Бернштам [52].

Остальные находки в слое Гайрат-Тепе немногочисленны.

Из железных предметов, относящихся ко второму строительному периоду, найдены овальная пряжка с подвижным язычком и серповидный нож с заклепкой для рукоятки (рис. 4, *6*).

Из бронзовых предметов найдены гвоздь (?) и обломок перстня, из кости — рукоятка с циркульным орнаментом (рис. 4, *1*) и астрагал (рис. 4, *9, 10*).

В обоих периодах Гайрат-Тепе много зернотерок (25 шт.) овальной формы. Аналогичные предметы часто находят в слоях поселений и городищ Ферганы от эпохи бронзы до раннего средневековья.

Из украшений в слое IV пола найдены две бусины и раковина каури с отверстием (рис. 4, *2—4*). Одна из бусин, прозрачная, каплевидная подвеска, имеет аналогию в комплексе бус Беркут-Калинского оазиса, датированных не позднее VI—VIII вв.[53].

В слое Гайрат-Тепе много пряслиц биконической формы (49 шт.), покрытых плотным красным ангобом. Размеры их различны — от больших, высотой 5 *см*, до миниатюрных, около 1,5 *см* (рис. 4, *11—14*). Аналогии им есть и в слоях городищ Ферганы, и в могильниках I—IV вв.[54].

Пока трудно решить, каково было историческое назначение изучаемого объекта.

После полного выявления планировки Гайрат-Тепе, когда проступали все черты этой пятибашенной крепости, появилась возможность предположить, что на первом этапе своего существования Гайрат-Тепе являлась крепостью, совмещавшей в себе какое-то культовое и сторожевое назначение. Правда, культовый очаг сохранился лишь во втором строительном периоде, но по косвенным признакам (находки несомненно такого же, как в очаге, слоя пепла, аккуратно уложенного и обмазанного сверху глиной за стенами на площадке здания первого строительного периода) он имелся, видимо, в центральной, пока не раскопанной части здания.

Возможно, что Гайрат-Тепе относилась к так называемым «сигналам» — варианту зороастрийского храма, сочетавшим культовые и практические функции, хотя по плану и отличалась от подобного типа храмов, известных в сасанидское время в Иране и служивших своеобразными маяками для караванов [55].

---

[52] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 192, 222.

[53] И. В. Пташникова. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма. Тр. ХЭ. I, стр. 113, табл. V, *5*.

[54] Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Ук. соч., стр. 19; С. С. Сорокин. Боркорбазский могильник, табл. VII, IX, X, стр. 150.

[55] В. Л. Воронина. Домусульманские культовые сооружения Средней Азии. СА, 1960, 2, стр. 49—50.

На первом этапе здание носило специализированный характер, поэтому здесь так мало хозяйственных остатков. Во второй период жизни Гайрат-Тепе, после разрушения крепости, на ее развалинах возникают какие-то хозяйственные строения. Оборонительные функции теряются, культовое и «сигнальное» место сохраняется в виде небольшого сооружения под перекрытием.

Основным занятием жителей становится земледелие и скотоводство, об этом говорят находки многочисленных зернотерок, обугленных зерен ячменя и массы костей животных. Кости, определенные В. И. Цалкиным, показывают преобладание в стаде мелкого рогатого скота (овцы и козы); на втором месте был крупный рогатый скот. Имеются также немногочисленные кости свиньи, лошади, оленя. Находки биконических пряслиц, каменных лощилок, черепков со следами скола поверхности для приготовления шамота свидетельствует также и о том, что жители во второй период занимались домашним ремеслом (ткачество, лепное гончарство). Хозяйственные постройки на развалинах крепости существовали длительное время, неоднократно подвергаясь разорению и пожарам.

В последний период существования Гайрат-Тепе постройки значительно уменьшаются в размерах, а затем жизнь в этом месте окончательно затухает.

Анализ архитектуры памятника и находок показывает, что возникновение и существование крепости относится ко времени не ранее I—III вв.

Период существования хозяйственных построек на развалинах крепости датируется III — началом VI в., причем довольно четко разделяются два основных этапа: более ранний — III — V вв. и самый поздний — V—VI вв.

Раскопки Гайрат-Тепе не только вводят в научный обиход бытовой комплекс оседло-земледельческой культуры Ферганы первой половины и середины I тысячелетия, но и доказывают возможность детального исследования хорошо сохранившихся здесь отдельных объектов монументальной сырцовой архитектуры.

Э. В. КИЛЬЧЕВСКАЯ, Н. Н. НЕГМАТОВ

НАХОДКИ ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ШАХРИСТАНА

В 1957 г. на территории селения Нижний Шахристан, расположенного на левом берегу Шахристан-Сая (Северный Таджикистан), в одном из промывов улицы местные жители обнаружили небольшой глиняный кувшин, который, к сожалению, был ими разбит. В кувшинчике оказался клад ювелирных украшений и золотых монет, впоследствии поступивших в фонды Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР [1].

В состав клада входили разнообразные предметы: три золотых перстня с камнями на двух из них; три золотые обручевидные серьги с характерным граненым ромбическим утолщением на конце; две золотые штампованные бляшки; две целые бронзовые колоколовидные розетки-подвески и два фрагмента их; две целые и семь обломков золотых монет; два небольших бирюзовых камня неправильной формы; снизка мелкого речного жемчуга из 99 штук; девять коралловых подвесок неправильной природной формы и пять стеклянных бусинок (рис. 1, *3*).

По определению Е. А. Давидович [2], одна целая монета [3] чеканена в Бухаре в 656 г. хиджры (1258 г.), другая целая монета [4] чеканена в Шафуркане в 657 г. х. (1258 г.) от имени великого монгольского хана Мункэ (1251—1259 гг.). На фрагментах двух монет прочитаны имя и титул аббасидского халифа Насира (1180—1225 гг.) [5].

В кладе особенно интересны ювелирные украшения, до сих пор мало известные в средневековом искусстве Таджикистана. Ювелирное дело народов Востока — это огромная, необычайно богатая и яркая, самобытная и в то же время «прихотливая» область декоративного искусства. Она связана со всем многообразием национальных костюмов, со множеством различных материалов и технических приемов выявления их красоты, со сменой стилей и художественных образов различных культур и эпох и многими другими факторами.

Наша находка является небольшим локальным фрагментом огромной еще не созданной истории ювелирного дела Средней Азии. Найденные в кладе бронзовые литые колоколовидные розетки-подвески (рис. 1, *1*), очевидно, были частью более сложного наборного предмета, вероятнее всего характерной восточной серьги, состоящей иногда из нескольких таких розеток разного размера, смонтированных одна над другой, причем у таких серег верхняя розетка чаще всего была самой маленькой. Возможно также, что эти тонкие детали принадлежали другой, не менее распространенной

---

[1] КП-520/1—7; КП-526/1—9.

[2] Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г. «Археологические работы в Таджикистане в 1957 году», V, Тр. АН ТаджССР, СIII, Сталинабад, 1959, стр. 158—159.

[3] КП-326/1.

[4] КП-326/2.

[5] КП-326/3—4.

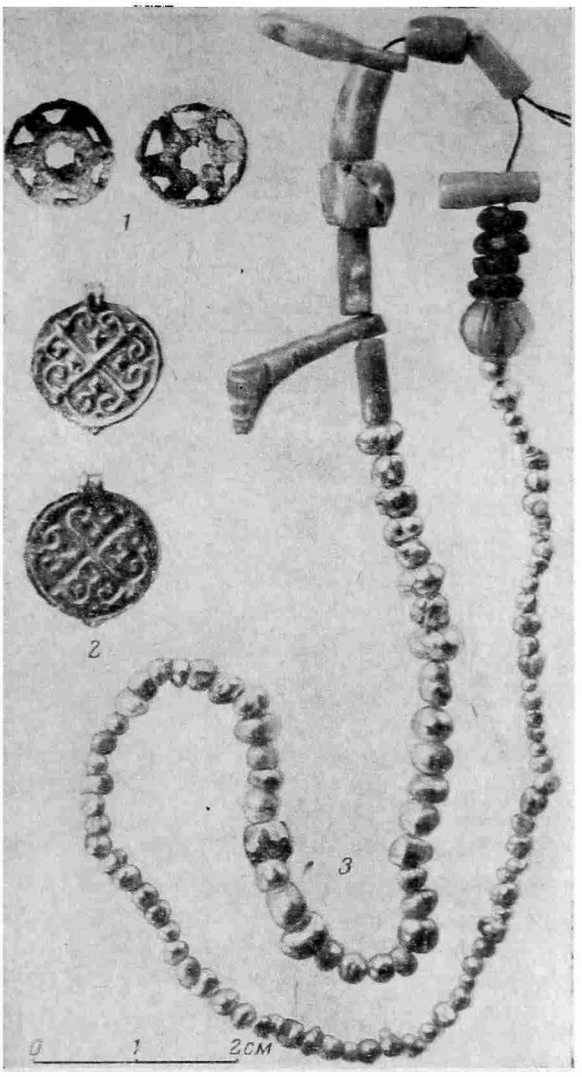


Рис. 1. Мелкие предметы клада:

1 — бронзовые литые розетки-подвески (с внешней и внутренней стороны); *2*—золотые штампованные подвески с напайными ушками; *3*—снизка жемчуга, коралловых и стеклянных бусин

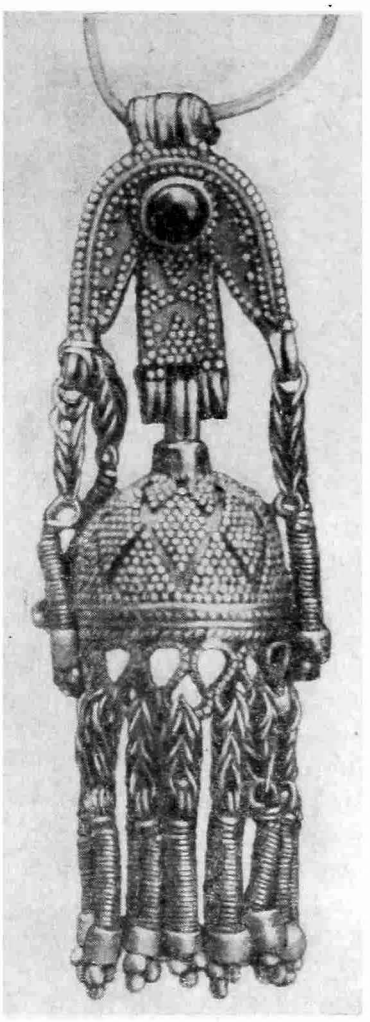


Рис. 2. Характерная восточная серьга с подвесками. Из собрания Отдела этнографии Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР

на Востоке серьге, состоящей из довольно крупной колоколовидной верхней части и подвесных более мелких розеток подобной же формы.

Наши крошечные розетки, таким образом, могли быть деталями характерной для Востока наборной зонтообразной двух- или трехъярусной серьги с подвесными шариками или розетками или с закругленными в спираль проволочками с мелкими бусинками.

Подобный тип серьги широко известен в ювелирном искусстве народов Средней Азии, Индии, Афганистана, Ирана, Азербайджана более позднего времени, но является глубоко традиционным (рис. 2). Известны два рельефа из Пальмиры [6] с изображением таких же серег и бронзовые серьги Кавказа [7]. Одна в принципе такая же ажурная золотая цилиндрообразная деталь серьги с пастовой бусиной внутри найдена в раскопках древнего Пенджикента. Все это, а также техника изготовления методом литья дает нам право говорить о более раннем их происхождении, нежели другие предметы клада. Одной из особенностей ювелирных украшений является

---

[6] H. T. Bossert. Altsyrien, Tübingen, 1951, рис. 541 и 551, где на рельефных изображениях из Пальмиры отчетливо видна форма подобной серьги.

[7] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, табл. CVII, *26*.

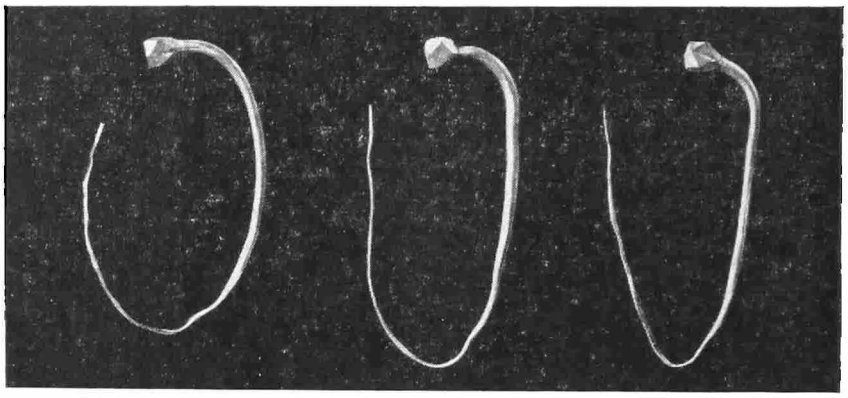


Рис. 3. Три золотые серьги с характерными гранеными утолщениями на концах

длительный срок их бытования. Иногда серьги, кольца, браслеты и т. п. передавались из поколения в поколение и подчас жили в народе не одно столетие. В данном случае надо полагать, что мы имеем дело именно с таким явлением.

Другие три серьги сделаны в виде золотых овальных обручей с многогранной головкой на одном конце и тонким заостренным другим концом[8] (рис. 3). Подобный, весьма своеобразный тип серьги в известных нам публикациях мелкой пластики Востока не встречается. Однако аналогией к ним может быть довольно часто встречаемая по соседству на Кавказе височная привеска точно с таким же многогранным утолщением на конце (или посередине обруча) и очень близкая по форме, но более массивная бронзовая серьга. Эти характерные для горного Кавказа бронзовые привески начала нашей эры доживают в некоторых районах до XI—XII вв.[9]. Выполнялись они также техникой литья с последующей зачисткой. Форма приведенного нами в качестве аналогии обруча-серьги и техника его изготовления (отливка в разъемной форме) дают нам некоторые основания думать о более раннем происхождении и этих предметов клада: вероятно, их форма передает характерные особенности более ранних бронзовых украшений, но повторенных уже в другом материале.

О том, что эти серьги были отлиты в форме, свидетельствуют некоторые детали обработки и отделки граненого утолщения и, в частности, наличие в некоторых местах образовавшихся при отливке заплывов металла по краям граней, плохая зачистка в некоторых местах ромбических граней и их поверхностей. На боковых гранях двух серег, например, видны незачищенные полоски-желобки — следы разъемной формы (см. обе крайние серьги на рис. 3). По-видимому, отделка производилась не очень тщательно и снимался лишь незначительный слой самых заметных шероховатостей из-за экономии золота.

Можно полагать, что вся серьга отливалась целиком, возможно даже в таком закругленном виде. На всех трех серьгах в верхней части имеются небольшие изгибы, сделанные для того, чтобы серьги в проколе уха всегда держались в одном положении. Две серьги имеют близкую форму вытянутого овала, третья серьга более округлая; не совпадают форма и размеры их граней, общая длина и толщина обручей. Все это позволяет думать, что все три серьги происходят от разных комплектов и отливались в разных формах.

---

[8] КП-520/4.

[9] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XIII, *5*; XXXIV, *6*; Д. М. Атаев. Галлинский могильник-памятник средневековой Аварии (сериа). Уч. зап. ИИЯЛ. Дагестанск. ФАН СССР, VI, Махачкала, 1959, табл. I, *9*; II, *1—4*; IV, *4*, *7—9*.

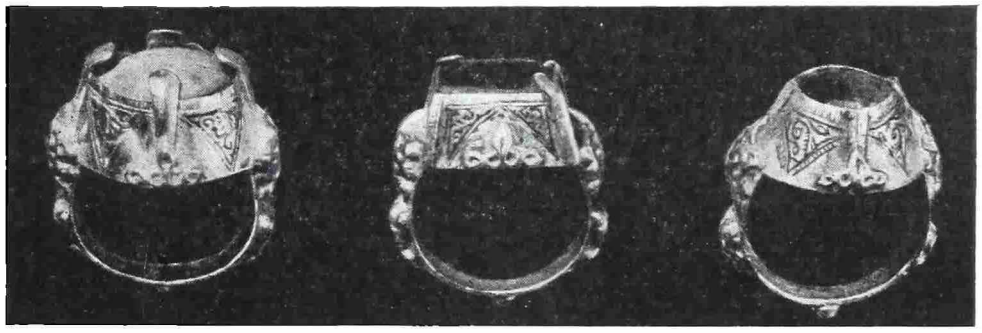


Рис. 4. Общий вид трех золотых перстней с рельефными напайными и гравированными узорами

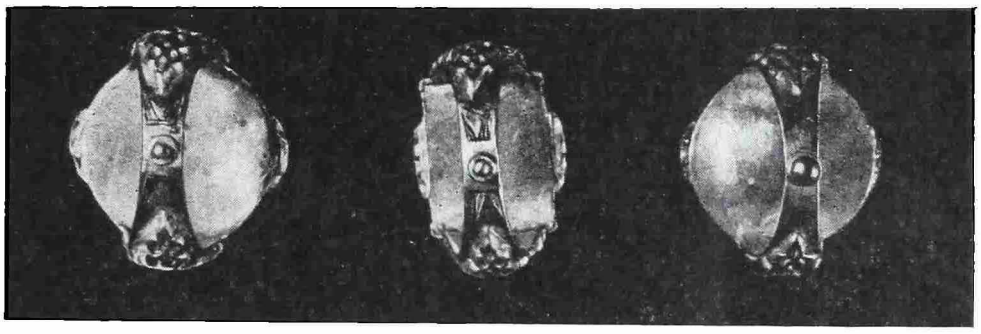


Рис. 5. Обратная сторона тех же перстней

Таким образом, можно предположить или наличие нескольких аналогичных литейных форм в одной мастерской, или же одинаковые изделия были сделаны несколькими мастерскими. А это, в свою очередь, свидетельствует о значительном развитии ювелирного дела Таджикистана в эпоху средневековья.

Для характеристики высоких художественных достоинств и яркого своеобразия местных локальных черт ювелирного искусства Шахристана особый интерес представляют три больших перстня [10], составляющие основную ценность нашей находки (рис. 4 и 5). Это довольно массивные на вид, но сравнительно легкие (полые внутри) золотые перстни с большими вставными камнями и рельефными орнаментальными деталями; два из них имеют круглые, конусообразные гнезда.

В одном перстне (КП-320/1) в гнездо вставлена бирюза естественной неправильной формы и не очень хорошего качества [11], причем неправильную форму камня повторяет верхний край оправы. Во втором перстне с круглым гнездом (КП-320/3) камень не сохранился, но по верхнему краю гнезда видно, что он также имел неправильную округлую форму [12].

Интересна система крепления камней при помощи четырех длинных пластинок-лапок из листового золота, напаянных по всей высоте гнезда. Скульптурность декора перстней придает им выразительность и красоту, определяющие своеобразие местной школы ювелирного искусства эпохи

---

[10] КП-320/1—3.

[11] По любезному определению проф. Ф. Я. Мишукова, оба найденных отдельно бирюзовых камня и вставленный в перстень от времени утратили свой обычный цвет и приобрели тусклый зеленоватый оттенок.

[12] Найденные отдельно два бирюзовых камня несколько меньшего размера, чем отверстие верхнего края каста рассматриваемого перстня, они, видимо, принадлежали другим, несохранившимся изделиям.

средневековья. Весьма характерно, что напаянные рельефные медальоны, различные по общему силуэту и плетеным узорам, служили основанием и декоративным завершением также рельефных пластинок-лапок крепления.

Напаянные медальоны рельефной орнаментальной плетенки — штампованные. Возможно, что иногда для подправки отштампованных деталей применялась очень незначительная подчеканка с лицевой стороны рельефа. Пайка медальонов и отдельных частей гнезд производилась очень тщательно. Подобный прием создания скульптурной формы тот же, что и на некоторых сасанидских серебряных блюдах, где отдельные детали высокого рельефа также напаивались [13]. Это позволяет говорить о высоком уровне мастерства и большом своеобразии локальной школы ювелирного дела, об устойчивости ряда традиционных технико-декоративных и выразительных средств искусства торевтики на Востоке.

Общее пластически-узорное решение формы рассматриваемых перстней усиливалось введением гравированных узоров, помещенных на всех перстнях между рельефными деталями гнезда. В обоих круглых перстнях (рис. 4) гравированные растительные узоры в виде свободно, асимметрично брошенной веточки заключались в треугольники, сужающиеся книзу.

У третьего перстня (КП-320/2) в прямоугольное гнездо вставлен альмандин (или гранат) [14] той же формы. Здесь полоски крепления помещены по углам гнезда, а рельефные узорные медальоны между ними имеют уже чисто декоративное значение. Гравированный орнамент на этом перстне также размещен иначе, узоры заполняют свободные треугольные плоскости между рельефными лапками крепления и напаянными рельефными медальонами. По стилю общего декоративного решения и техническим приемам выполнения все три перстня, безусловно, относятся к одной локальной школе ювелирного искусства.

Однако при более тщательном рассмотрении этих трех перстней можно сделать вывод о производстве их в двух разных мастерских. Перстень с бирюзой и перстень с альмандином выполнены в одной манере и их рельефные узоры сделаны одним штампом (это очевидно и по характеру пышного растительного орнамента, и по приемам гравировки). О несомненном стилистическом единстве этих двух перстней говорят и штампованные, напаянные медальоны, совершенно аналогичные по орнаменту и четкости проработки форм. Можно даже предполагать, что они выполнены одними и теми же штампами.

Третий перстень (без камня), при том же общем стиле в решении рельефных штампованных узоров, отличается совершенно иным уровнем мастерства их выполнения, так же как и иным почерком гравированных орнаментов (рис. 6).

Силуэт узора медальонов такой же, как и на двух первых перстнях, но сам плетеный орнамент и детали его решения совершенно иные. Линии штампованного узора на этом перстне менее четки и логичны по прорисовке. Можно полагать, что они оттиснуты другими штампами, вырезанными мастером, не столь совершенно владевшим техникой резьбы и не так тонко и искусно выполнявшим в основном те же, по-видимому, глубоко традиционные орнаментальные формы.

Особенно обращает на себя внимание грубоватая, небрежная гравировка растительных форм узора. Мастер часто применяет условно-геометри-

---

[13] И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 3, 5, 6, 8.

[14] Определение камня сделано Ф. Я. Мишуковым, которому приносим глубокую благодарность. Камень — вишнево-красного цвета, грани и полировка верхней выпуклой поверхности от времени несколько стерлись, что свидетельствует о долгом их бытовании. В районе Шахристана, в предгорьях Туркестанского хребта, ближайших окрестностях наших археологических памятников, очень часты выходы сланцевых пород, может быть и слюдяных сланцев, по-видимому, не лишенных пегматитовых жил, в которых встречаются альмандины. Возможно, что альмандин нашего перстня происходит из этого же района.

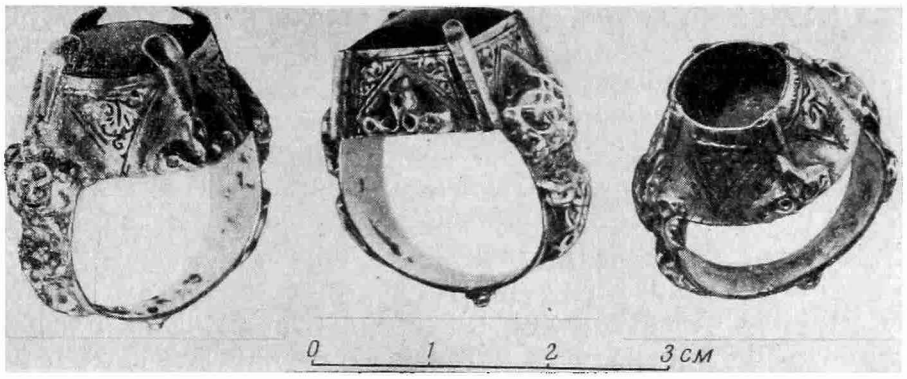


Рис. 6. Детали рельефных напайных украшений, лапок-креплений и гравированных узоров

ческие штрихи в виде параллельных порезок, создающих совершенно иной ритмический строй узора. Если мастер, создавший первые два перстня, чтобы подчеркнуть гравированный узор, применяет черную пасту, втертую в глубокие порезки, то второй мастер прибегает к игре фактуры, создавая дополнительными штрихами более размытые очертания узора и достигая таким образом той же техникой гравировки уже иного декоративного эффекта.

Все три перстня, безусловно, следует относить к одной локальной школе ювелирного мастерства. Их объединяет характерная для эпохи средневековья рельефная декоровка и некоторые детали отделки; в частности, на нижней части обруча каждого кольца напаян плоский кружочек с шариком поверх него, а по сторонам выгравированы несложные геометрические штриховые узоры (рис. 5). Мы можем предполагать наличие в этом районе значительного и весьма развитого ювелирного производства; возможно, действовало несколько мастерских, вырабатывавших свои изделия не только по заказу, но и на широкий местный рынок.

Нельзя не обратить внимание и на то, что общий характер плетеных узоров в рельефных медальонах и растительный гравированный орнамент описываемых перстней, да и приемы их композиционного построения имеют много общего с средневековым архитектурным орнаментом Средней Азии, особенно VI—XII вв. Такие орнаментальные рельефные медальоны с плетенкой и гравированные растительные завитки узора между медальонами — излюбленный, очень распространенный мотив в памятниках резьбы по ганчу (Варахша, Афрасиаб, Хульбук), по дереву (Пенджикент, Фальгар, Матча, колонны Хивинской мечети Джума). Несколько реже они встречаются на резной неполивной и поливной терракоте [15]. То же можно встретить на керамических очажках X—XII вв., на керамических неполивных облицовочных плитках XII — начала XIII вв. (например, на плитках из Ахсыкета) [16].

Пока мы не знаем аналогий, сколько-нибудь близких нашим кольцам, но надеемся, однако, что по мере изучения ремесленного производства народов Востока и накопления памятников ювелирного дела эпохи средневековья они появятся и помогут нам определить место и значение ювелирного искусства средневекового Таджикистана в общем развитии этой области декоративного искусства на Востоке.

По-видимому, к иному кругу культуры следует отнести золотые штампованные бляшки из этого же клада (рис. 1, *2*). Своими характерными ро-

---

[15] Например, на фрагменте портала мавзолея Ибрагима ибн Хасана из Самаркандского музея, на щеке арки мечети XII в. Намозгох в Бухаре (причем в последнем случае мы имеем точную копию рельефной плетенки).

[16] Л. И. Рempель. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961, рис. 28, *4*; 33, *1*; 46, *1*; 56, *2*, *4*; 57, *1*, *3*; 58—60; 70, 71, *2*; 76, 88, *1*; 104, *4*; 110, *14*; 113, *3*.

гообразными узорами, самой формой и назначением предмета они, безусловно, тяготеют к тюркским художественным традициям. Это обычные штампованные из тонкого листового золота нашивные бляшки, широко применявшиеся для украшения одежды большинства тюркских народов Востока (Средней Азии и Кавказа). Однако внимательное их обследование позволяет сделать одно любопытное наблюдение. На обычных нашивных бляшках, как правило, для их прикрепления к одежде делались маленькие, едва заметные (просеченные) отверстия у краев, в данном же случае мы видим припаянные сверху специальные ушки довольно значительного диаметра. Ширина отверстия ушка, его ориентация вдоль плоскости бляшек и, наконец, подчеркнутость нижней части круглой формы в виде совсем небольшого выступа-треугольника дают все основания предполагать, что набор данных бляшек, нанизанных на толстую нить или шнур, скорее всего мог служить либо диадемой, либо своеобразным ожерельем. Декоративная выразительность нашивных бляшек одежды тюркских народов в данном случае была использована для создания совершенно нового собственного ювелирного украшения. Такое активное претворение весьма традиционной и широко распространенной формы, надо полагать, могло произойти уже при обоюдном взаимодействии культур тюркоязычных и ираноязычных народов Средней Азии.

Следовательно, можно предполагать либо их широкое ремесленное производство тюркскими народами для массового сбыта в городах, либо активное, творческое восприятие местными ювелирами наиболее характерных в художественном отношении и наиболее выразительных форм этого искусства у соседних тюркских народов.

В районе места нахождения изделий, т. е. современного поселка Шахристан, находятся развалины крупного многочастного городского центра VIII—XII вв. (городища Калаи Кахкаха I, II, III) и группа примыкающих к ним одиночных памятников. Многолетние археологические раскопки [17] все более и более убеждают нас в возможности отождествления этих развалин с известным по письменным источникам [18] значительным средневековым городом, столицей крупной области Усрушаны — Бунджикатом [19].

В результате археологических раскопок в настоящее время довольно определенно вырисовывается высокий уровень материальной и художественной культуры Бунджиката с его развитым зодчеством, характеризующимся различными конструктивно-планировочными решениями, с остатками живописи и обуглившихся многочисленных образцов превосходного резного дерева, некогда украшавшего стены, колонны и потолки помещений, с остатками первого для этого времени потолка с так называемым «дарбазным» («кассетным») перекрытием.

Не менее блестяще представлены предметы прикладного декоративного искусства и художественных ремесл. Еще в 90-х годах XIX в. В. В. Бартольд отмечал случайные находки здесь превосходных стеклянных графинов с изображениями куропаток [20]. В 1950 г. Усрушанскому отряду Тад-

---

[17] Н. Н. Негматов. Археологические раскопки в Шахристане. «Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии». М.— Л., 1959, стр. 205—216; Н. Негматов, Т. И. Зеймаль. Усрушанский замок в Шахристане. СА, 1959, 2, стр. 205—217; их же. Раскопки на Тирмизак-Тепе. ИООН АН ТаджССР, 1(24), 1961, стр. 67—83, и др.

[18] Эти данные письменных источников собраны в кн.: Н. Негматов. Усрушана в древности и раннем средневековье. Тр. АН ТаджССР, LV, 1957, стр. 33—34.

[19] До развертывания археологических раскопок Н. Негматов считал более возможной точку зрения тех исследователей, которые Бунджикат помещали на месте современного Ура-Тюбе. Там же, стр. 29—33.

[20] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. ЗИАН ОИФ, сер. VIII, 1, 4. СПб., 1897, стр. 76; его же. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии. «Среднеазиатский вестник», 1896, июнь, стр. 15.

жикской археологической экспедиции был передан поливной водолей в виде фигурки животного[21]. В 1961 г. Северо-Таджикистанским отрядом той же экспедиции найдена коллекция бронзовых предметов, в том числе чеканные блюда и кувшины. Не хуже представлена и посуда, среди которой имеются хорошие образцы поливных чаш, блюд, блюдец и пр.

Словом, Бунджикат (Шахристан) выступает как развитый городской центр с высоким уровнем материальной и художественной культуры. Судя по археологическим данным, подтверждаемым некоторыми свидетельствами письменных источников, высокого уровня достиг здесь ряд ремесел: металлообрабатывающее (кузнечное, бронзо-литейное), ткацкое, керамическое, строительное, художественная (архитектурно-декоративная) резьба по дереву, чеканка по металлу и пр. Совершенно очевидно, что не последнее место занимало здесь и ювелирное дело.

Заметим, что находка нашего клада не единственный случай в Шахристане. Еще в конце прошлого столетия побывавший там П. С. Скварский среди прочих случайных находок отмечал наличие женских украшений — бус, обломка серьги[22]. Несколько лет назад житель Шахристана продавал золотую лягушку в виде подставки; находили там и золотые монеты[23]. По словам побывавшего в Шахристане во втором десятилетии нашего века И. А. Кастанье, местными жителями там же были выпаханы различные предметы и украшения[24].

Подобные находки еще позже отмечали и другие исследователи[25]. Бронзовый несомкнутый, с утолщающимися концами и овальный в сечении браслет, кольцо, бусы и бронзовый колокольчик в форме вытянутого полуовала (в вертикальном сечении), увенчанный сердечковидной петелькой из толстой проволоки, обнаружены в могильных ямах первых веков нашей эры кургана Тепаи Пир-Мухаммад на юго-восточной окраине поселка Шахристан[26]. Весьма интересная бронзовая серьга обнаружена в 1960 г. в зале № 3 комплекса IX—XI вв. Чиль-Духтарон на другой нагорной окраине Шахристана[27]. В 1962 г. здесь был вскрыт большой зал (21), разделенный на отдельные секции с остатками металлических мастерских, в том числе, видимо, связанных и с ювелирным производством[28]. При раскопках обнаружены хорошо сохранившаяся железная наковальня, различные ювелирные изделия, включая серебряную серьгу в форме полумесяца с подвесками, изящную ажурную серебряную ручку зеркала, медные нагрудные подвески и ряд мелких заготовок для различных поделок, бусы и пр.

Таким образом, все эти данные, а также наличие в Шахристане весьма крупного столичного ремесленно-торгового города со своей разнообразной художественной традицией, видимо, дают нам основание публикуемые изделия клада считать продукцией местного, бунджикатского пропзводства.

---

[21] О. И. Смирнова. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г. МИА, 37, 1953, стр. 200—201.

[22] П. С. Скварский. Несколько слов о древностях Шахристана. ПТКЛА за первый год его деятельности. Ташкент, 1896, стр. 41, 43, 44.

[23] Там же, стр. 44.

[24] И. А. Кастанье. Древности Ура-Тюбе и Шахристана. ПТКЛА, XX, I, Ташкент, 1915, стр. 43.

[25] А. А. Семенов. Материальные памятники арийской культуры в Средней Азии. В сб.: «Таджикистан». Ташкент, 1925, стр. 131; Н. Г. Маллицкий. Учебное пособие по географии Таджикистана. Ташкент — Самарканд, 1929, стр. 119.

[26] Н. Негматов, Е. Д. Салтовская, Т. П. Кияткина. Изучение погребальных памятников кочевников на территории Усрушаны. «Археологические работы в Таджикистане». VI (1958). Тр. И.И. АН ТаджССР, XXVII, Сталинабад, 1961, стр. 139, рис. 1, *142*. Очень близкие по форме бронзовый колокольчик и браслет обнаружены в погребении II—III вв. на душанбинских холмах (Б. А. Литвинский. Предметы из погребания на [душанбинских] холмах. Сообщ. РИКМ ТаджССР, III, Душанбе, 1958, стр. 45).

[27] Н. Негматов, Е. Д. Салтовская. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1960 г. «Археологические работы в Таджикистане», VIII (1960). Тр. И. И. АН ТаджССР, XXXIV, Душанбе, 1962, стр. 83.

[28] Материалы мастерских еще камерально не обработаны.

Что же касается вопроса датировки клада в целом и отдельных его предметов в частности, то нам хочется подчеркнуть следующее. Как уже было сказано, монеты, найденные в составе клада, относятся к 1258—1259 гг. и указывают на датировку клада 50-ми годами XIII в. Однако по общим стилистическим признакам, декоративным и техническим приемам все рассмотренные ювелирные изделия не могут быть отнесены к одному кругу художественной культуры и к продукции одной ювелирной мастерской. В этом смысле мы выделяем две золотые бляшки с чертами, несколько тяготеющими к тюркской художественной среде. Остальные предметы клада по всем данным можно отнести целиком к оседлой среднеазиатской, таджикской культурной среде. Однако и среди них выделяется продукция отдельных мастерских (или мастеров), несколько разнящихся как будто и хронологически. К наиболее ранним, очевидно, относятся описанные бронзовые розетообразные подвески, следующими по времени, видимо, являются золотые серьги. Перстни мы склонны считать одновременными с монетами (XII—XIII вв.).

В. П. ДАРКЕВИЧ, И. И. ЕДОМАХА

ПАМЯТНИК ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ТОРЕВТИКИ XII ВЕКА

В 1957—1958 гг. в Чернигове при земляных работах на углу улиц им. Щорса и Комсомольской, в разных местах этого участка были найдены драгоценные вещи домонгольского времени: массивная золотая крышка, покрытая рельефным орнаментом, серебряная чаша с чеканными и литыми изображениями на черневом и позолоченном фоне [1], подвеска из золота от диадемы и золотая цепь. Археологические работы, проведенные Черниговским историческим музеем в 1958 г. на месте находки этих вещей [2], обнаружили следы богатой княжеской усадьбы, существовавшей в XI—XIII вв. в западной части черниговского «передгородья», по направлению древней дороги на Любеч. По-видимому, усадьба погибла во время нашествия татар на Чернигов в 1239 г. [3] и тогда же были зарыты эти драгоценности.

Наша статья посвящается анализу золотой крышки, найденной летом 1957 г. Крышка изготовлена из чистого золота пробы 999,9, ее вес 368 *г*. У нее полусферическое тулово с низким цилиндрическим основанием и прямой трубчатой ручкой в виде отростка наверху (рис. 1). Стенки крышки двойные, скрепленные в основании четырьмя золотыми заклепочками. Внутренняя стенка выступает на 0,6 *см* из-под нижнего края внешней. Эта выступающая часть плотно входила внутрь горловины сосуда (через лупу видны слабые вертикальные царапины на ее гладкой наружной поверхности). Трубчатый отросток скреплен изнутри с наружной стенкой крышки и в месте скрепления значительно расширен. Он слегка расширяется кверху, заканчиваясь ровным срезом. Вставляющаяся сюда деталь, которая увенчивала крышку, потеряна. Несколько механических вмятин слегка искажают внешний вид изделия. Диаметр крышки в основании 12,4 *см*, высота с отростком 10 *см*, без него — 6 *см*, высота цилиндрического основания внешней стенки 1 *см*, внутренней — 1,6 *см*; толщина внутренней стенки у основания 0,75 *мм*, внешней — 1 *мм*, в остальных местах, покрытых орнаментом,— 0,3—0,5 *мм*.

В древней Руси металлические сосуды с подобными крышками неизвестны, тогда как в утвари романских церквей они употреблялись с XII в. Это сравнительно мало распространенная разновидность дарохранитель-

[1] Н. Холостенко. Новый памятник древнерусского прикладного искусства. Журн. «Искусство», 1958, 9. Почти тождественная чаша, найденная в Приуралье (хранится в Гос. Эрмитаже), определена И. Орбели как киликийская и датирована концом XII в. И. Орбели. Киликийская серебряная чаша конца XII в. В сб. «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938, табл. 47, 48.

[2] Археологическая экспедиция Черниговского музея работала в качестве отряда Южно-Русской археологической экспедиции АН СССР под руководством Б. А. Рыбакова.

[3] И. И. Едомаха. Отчет об археологических раскопках 1958 г. в Чернигове в районе древнего «предгородья» (хранится в архиве Института археологии АН УССР).

Рис. 1. Золотая крышка из Чернигова (общий вид)

ниц (франц. *ciboire*, лат. *ciborium*), состоящих из чаши на поддоне и полусферической крышки того же профиля, которая завершается трубчатым стержнем с «яблоком» на конце (на нашем экземпляре утрачено). Сосуд в целом имеет форму сферы, сдавленной у полюсов. Иногда яблоко снабжалось маленькой цепочкой для подвешивания дароносицы под сводом церкви. При помощи особого приспособления ее можно было поднимать и опускать[4]. От XII—XIII вв. дарохранительницы в форме чаши с крышкой сохранились в единичных экземплярах. Краткие сведения о некоторых из них приводим ниже.

1. Две дарохранительницы, украшенные эмалью, по-видимому, лиможской работы. XII в. (частные собрания в Англии, 1904[5]).

2. Дароносица из ризницы аббатства Сен-Морис д'Агон — 1872 г. (Франция, верхнее течение Роны на границе со Швейцарией), называемая «Чашей св. Сигизмунда». Общая высота 29 *см*; серебро, местами позолоченное. Дароносица украшена гравированным орнаментом в виде 12 арок с шишечками на концах. Конец XII в.[6].

3. Вторая дароносица из той же ризницы (1872 г.), называемая «Чашей Карла». Общая высота 30,2 *см*. Позолоченное серебро. На чаше и крышке по пять медальонов с рельефными изображениями сцен, связанных с жизнью Христа. В промежутках между медальонами — рельефные фигуры ангелов. По наружному краю чаши идет фриз из гравированных листьев на заполненном точками фоне. XIII век.[7].

4. Судя по форме, размерам и орнаменту, романской дарохранительницей (крышка потеряна) следует считать меньшую из двух серебряных

---

[4] Didron Aîné. Manuel des oeuvres de bronze et d'orfévrerie du moyen âge. Paris, 1859, стр. 168.

[5] O. v. Falke, H. Frauberger. Deutsche Schmelzarbeiten des Mittelalters. Frankfurt am Main, 1904, рис. 31, 32.

[6] É. Aubert. Trésor de l'abbaye de Saint-Maurice d'Agaune, I. Paris, 1872, стр. 175, 176; II, табл. XXXV.

[7] Там же, I, стр. 172—173; II, табл. XXXIV.

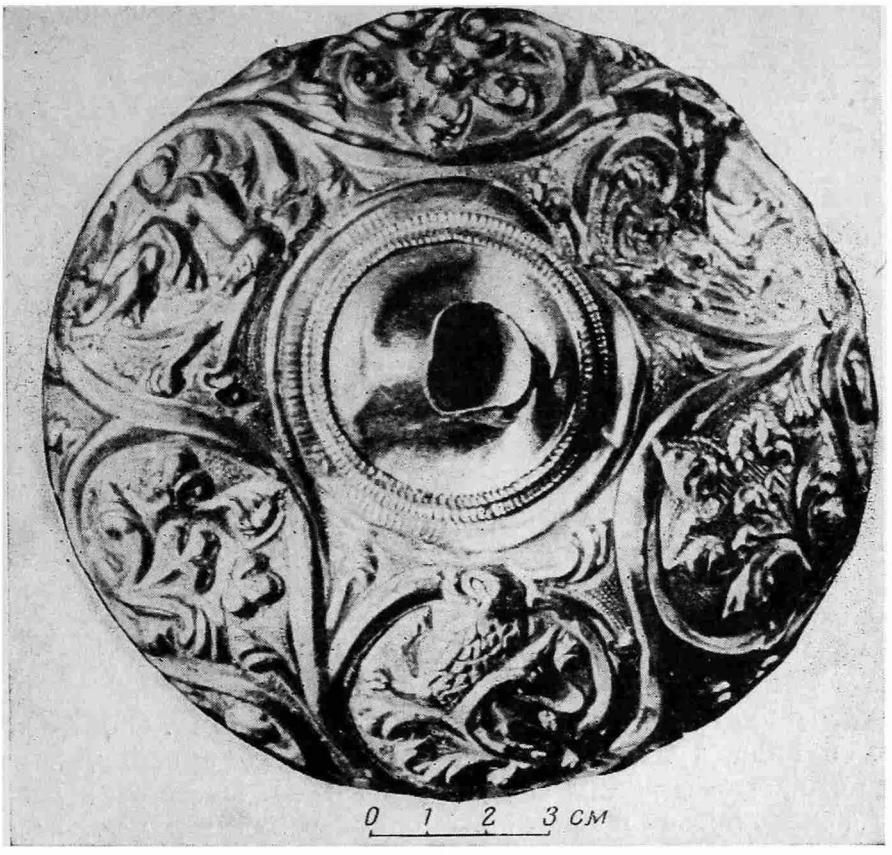


Рис. 2. Золотая крышка из Чернигова (вид сверху)

чаш Киевского клада 1876 г. с усадьбы Ю. Чайковского[8]. (Гос. Эрмитаж, Отдел Востока, инв. № 799). Диаметр 15,5 *см*, высота 10,8 *см*. Низкопробное серебро[9]. Идущий по внешнему краю орнамент из свернутых листьев в форме полупальметки, выгравированных на точечном фоне, аналогичен бордюру «Чаши Карла». Первая треть XIII в. (?)

5. Дароносица из Лувра. Общая высота 30 *см*, наибольший диаметр 15 *см*. Лиможская эмаль с инкрустацией из драгоценных камней. Покрыта гравированными изображениями пророков, апостолов и ангелов (головы даны в рельефе). Начало XIII в.[10].

6. Дароносица из ризницы собора Санса. Общая высота 30 *см*, больший диаметр 18 *см*. Позолоченное серебро. Гравированный орнамент в виде арок из растений. XIII в.[11].

7. Дароносица из собора Мюнстера (1859 г.) в Весфалии[12].

Таким образом, все известные нам дароносицы в форме чаши второй половины XII—XIII в. происходят из Франции или пограничных с ней областей Германии.

Переходим к рассмотрению орнамента на лицевой стороне черниговской крышки. Он выполнен в высоком рельефе техникой выпуклой чеканки с последующей детализацией рельефного рисунка при помощи резца. По тулову широкой полосой нанесен сочный растительный узор в виде плавно изгибающегося волнистого стебля с листьями в форме полупаль-

[8] Первой чаше с латинской надписью посвящено интересное исследование Г. Ф. Корзухиной. По ее мнению, эта чаша южноитальянского происхождения и датируется концом XI — первой половиной XII в. Г. Ф. Корзухина. Серебряная чаша из Киева с надписями XII в. СА, 1951, XV, стр. 64—81, рис. 4, 5.

[9] Там же, стр. 72—73.

[10] Didron Ainé. Ук. соч., стр. 166, рис. 131; É. Molinier. Histoire générale des arts appliquées à l'industrie, IV, Paris, 1902, стр. 191 с рис.

[11] Didron Ainé. Ук. соч., стр. 167, рис. 132; É. Molinier. Les arts du metal. Paris, рис. на стр. 35.

[12] Didron Ainé. Ук. соч., стр. 166.

метки и сдвоенной полупальметки [13] (рис. 2). От этого замкнутого стебля ритмически влево и вправо отходят шесть спиральных завитков с такими же листьями. Этим приемом орнаментируемая поверхность как бы разбивается на шесть округлых звеньев, в которые помещены опутанные листвой изображения человека, льва и оленя. Они перемежаются с пышными цветами [14].

В одном из спиральных ответвлений изображен стоящий в воинственной позе обнаженный мужчина могучего сложения в широкой набедренной повязке (рис. 3, *1*). У него безусое лицо с полными губами и выступающим округлым подбородком. На голове повязка, ниспадающая на плечи и свободно обвитая вокруг шеи. Корпус почти фронтален, а голова повернута влево (от зрителя вправо). В правой вытянутой руке он держит сферическую булаву, левая упирается в бедро. Согнутая в колене правая нога выставлена вперед, а левая резко откинута назад. Мужчина обращен к бегущему на него оленю с ветвистыми рогами (в следующем завитке слева направо) (рис. 3, *2*). Олень в свою очередь оглядывается на преследующего его разъяренного льва (рис. 3, *3*). Лев с густой пышной гривой стоит на задних лапах. Профильная постановка и агрессивная поза сближают его с геральдическими фигурами львов.

Эти показанные во взаимодействии фигуры чередуются с тремя цветами в виде пальметок, которыми оканчиваются остальные спиральные ответвления. Пальметки повторяют одну и ту же схему. Они пятичленные, с цветком в виде трехлепестковой пальметки на оси, двумя парами листьев по сторонам и одним вверху (рис. 3, *4*). Пальметки различаются строением своих листьев и цветков. У одной верхняя пара листьев в форме трехчленной полупальметки обращена поверхностью внутрь, нижняя — наружу; цветок оформлен в виде трехлепестковой пальметки (рис. 3, *4*). У другой цветок и верхняя пара листьев представляют собой трехлепестковые лилейные пальметки на тонком стебле. У третьей верхняя пара листьев образована спирально закрученными усиками.

Промежутки между рельефным орнаментом густо заполнены точечными углублениями, расположенными параллельными линиями. Они нанесены острым резцом. На этом приглушенном, слабо мерцающем фоне живее выступает стебель с фигурами, создается богатая игра светотени. Орнаментальное поле крышки сверху и снизу ограничено гладкими валиками. По цилиндрическому основанию, на точечном фоне, выгравирована двойная геометрическая плетенка. По краю крышки дан неширокий гладкий валик. Основание трубчатого завершения охватывает гофрированный обручик (покрыт частыми поперечными бороздками).

Главный мотив орнаментации черниговской крышки — волнистый растительный побег с человеческими и зооморфными фигурами в спиральных ответвлениях — одно из звеньев наследия античной культуры в средневековом романском искусстве [15]. В конце XI—XII вв. центром процве-

---

[13] Полупальметки — один из главных элементов восточной арабески. Из искусства ислама она проникла в каролингскую и романскую орнаментику. L. Kalinowski. Tréści ideowe i estetyczne Drzwi Gnieźnieńskich. «Drzwi Gnieźnieńskie», II, Wrocław, 1959, стр. 61, примеч. 2.

[14] По технике обработки золотого листа, пластичности узора и принципу его построения (конные рыцари, реальные и фантастические животные, вписанные в медальоны) нашу крышку можно сравнить с тисненым по золоту фризом реликвария трех царей — волхвов работы Николая Верденского (около 1200 г.). O. v. Falke. Der Dreikönigenschrein des Nicolaus v. Verdun im Kölner Domschatz, Kühlen, 1911, табл. XXV, верх.

[15] L. Kalinowski. Ук. соч., стр. 84. Мотив растительного побега со спиральными ответвлениями известен в микенском искусстве (II тысячелетие до н. э.), в древнегреческой керамике VI и V вв. до н. э. Аканфовая разновидность этого мотива возникла в Греции в VI в. до н. э. и достигла полного развития в позднеэллинистический период и в искусстве Римской империи. Вторая разновидность с виноградными гроздьями, происходящая из Месопотамии и Ирана, распространилась в христианском искусстве, сначала в Сирии и Египте, затем в Византии и Западной Ев-

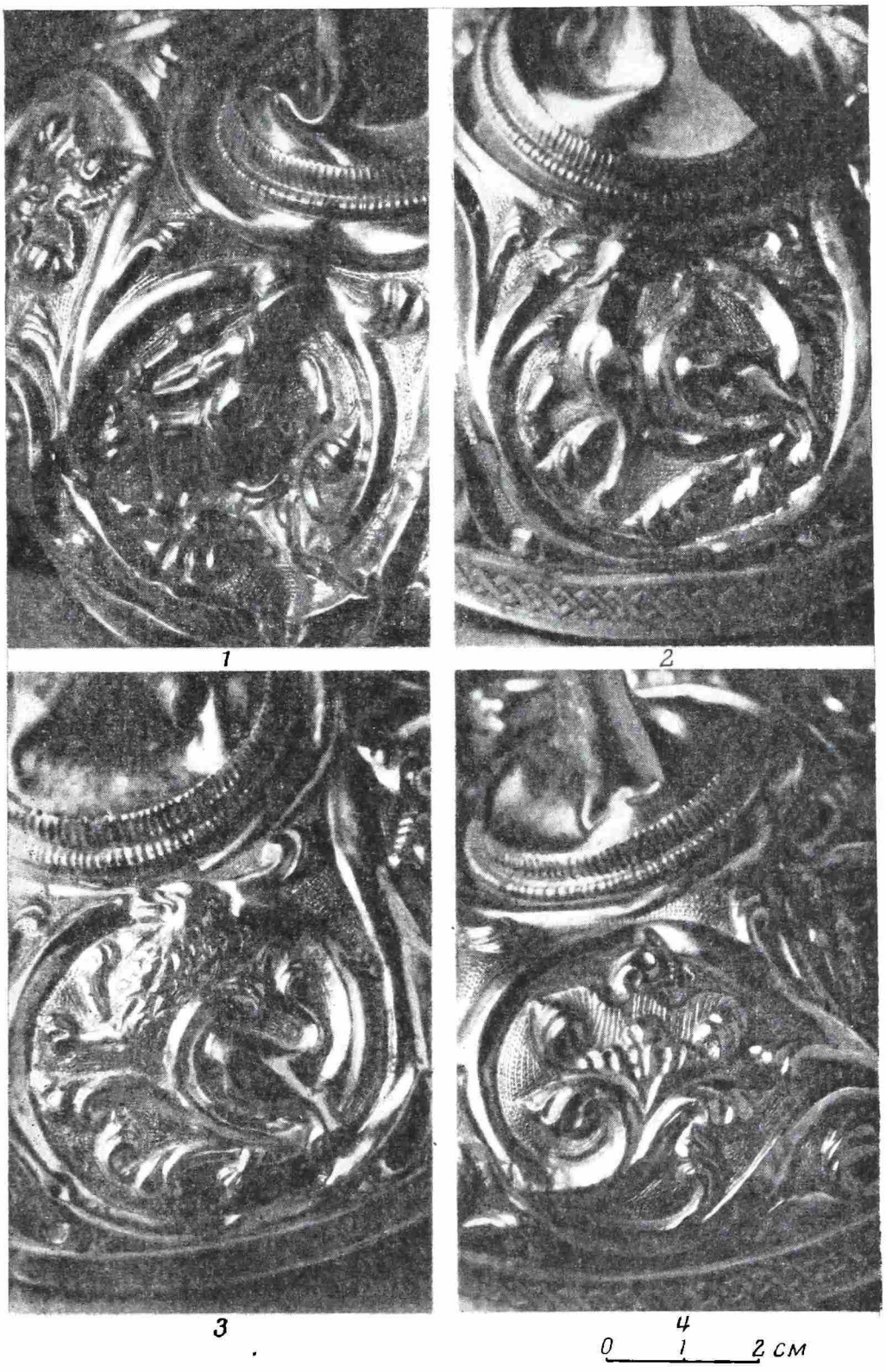


Рис. 3. Детали черниговской крышки

1 — человек с булавой, *2* — олень, *3* — лев, *4* — цветок

тания этого орнамента была Северная Италия (архитектурная резьба, особенно декорация портала). Отсюда вьющийся стебель с фауной в растительных завитках в XII в. распространяется к северу от Альп (Фран-

ропе. С начала нашей эры этот стебель в обоих вариантах обогащается зверями и птицами, помещенными в спиральных ответвлениях (искусство Римской империи, затем византийское, откуда этот мотив перешел в каролингскую и оттоновскую орнаментику). L. Kalinowski. Ук. соч., стр. 77—79.

ция Германия [16]). В период готики этот орнамент уступает место другим декоративным мотивам [17].

Особое развитие мотив волнистого стебля с ритмическими ответвлениями, обратными движению самого стебля, получает в искусстве областей, лежащих над Маасом и Мозелем (Лотарингия). Здесь он появляется в рукописях ранее, чем во французской архитектурной резьбе, где распространяется только после 1150 г. [18].

Этот орнамент широко применяется в произведениях знаменитого маасского ювелира Годфруа де Клера (вторая половина XII в.) и мастеров его круга (тиснение на металле или эмалевые пластины реликвариев и переносных алтарей). Волнистый стебель с фигурами людей, животных и птиц в спиральных завитках украшает жезл из рога нарвала второй половины XII в., изготовленный в бельгийской мастерской [19]. Подобный узор находим и в оформлении портала Самсона в соборе св. Гертруды в Нивеле [20]. Но наиболее развитый орнамент этого типа представлен на бордюре бронзовых врат из Гнезно — произведении маасской школы литейщиков (Льежская епархия в границах Лотарингии). Наиболее вероятная дата изготовления врат — конец третьей четверти XII в. (1170—1175 гг. [21]).

Мотивы бордюра гнезненских дверей стоят в несомненной связи с орнаментом черниговской крышки (рис. 4). Родство обоих памятников отчетливо выражено в тождестве общей орнаментальной системы (волнистый стебель с фигурами людей и животных в спиральных ответвлениях), в сходстве фигур животных (льва и оленя [22], который на обрамлении врат спасается от волка, как на крышке от льва), цветов-пальметок [23], листьев в форме полупальметки и сдвоенной полупальметки [24], деталей одежды и атрибутов персонажей (головная повязка мужчины [25], булава [26]), а также в превосходной моделировке полных движения фигур, в реалистической передаче их пропорций и жестов, наконец, в некоторой сюжетной и идейной близости (см. ниже).

Очевидно, оба памятника родились в одной художественной среде, а именно в Нижней Лотарингии, которая в XII в. шла в авангарде европейского искусства обработки металла. Именно Лотарингия и особенно Маасская область с центром в Льеже в течение столетия вместе с Лиможем во Франции и областью среднего Рейна в Германии удерживала монополию искусства металла в Европе [27] (художественное литье, тиснение, гравировка, эмали). Мастера валлонских территорий над Маасом и Мозелем в XI—XII вв. были крупнейшими специалистами по металлу, а их влияние простиралось до Саксонии, Польши, Чехии и Венгрии. Особое развитие искусства обработки металла в Валлонии объясняется, во-первых, минеральными богатствами этого края и, во-вторых, последовательным прогрессом этого искусства с римского времени, причем в XII в. оно достигает своих вершин [28].

[16] Например, орнамент накладной пластинки от переносного алтаря (Айхштетт, первая половина XII в.). O. v. Falke. Eine spätromanische elfenbeinpyxis. «Pantheon», тетр. 4. München, 1932, рис. 2*а*, 2*в*.

[17] L. Kalinowski. Ук. соч., стр. 80—84.

[18] M. Morelowski. Drzwi Gnieźnieńskie, ich zwiazki ze sztuką obcą a problem rodzimości. «Drzwi Gnieźnieńskie», I, Wrocław, 1956, стр. 96.

[19] Там же, рис. 27.

[20] L. Kalinowski. Ук. соч., стр. 83.

[21] M. Morelowski. Ук. соч., стр. 195—200.

[22] L. Kalinowski. Ук. соч., рис. 67, 92.

[23] Там же, рис. 113.

[24] Там же, рис. 55, 58, 60, 62 и др.

[25] Аналогичный головной убор видим у трубящего в рог обнаженного мужчины на бордюре левой створки дверей. Там же, рис. 53.

[26] Такой же сферической булавой вооружен кентавр на бордюре правой створки. Там же, рис. 120.

[27] S. Collone-Gevaert. Histoire des arts du métal en Belgique. Bruxelles, 1951, стр. 133—135.

[28] M. Morelowski. Ук. соч., стр. 48—50.

Рис. 4. Общая схема орнамента и отдельные мотивы бордюра гнезненских врат (XII в.)

1 — воин с мечом и щитом, *2* — цветок, *3* — олень, *4* — лев

Бордюр гнезненских дверей с орнаментацией на нашей крышке связывает и глубокое понимание антика. Оно проявляется в характере растительного узора, своими корнями уходящего в искусство античности, в пластичности и динамизме трактовки образов, в хорошей моделировке нагого человеческого тела. В XII в. именно в Лотарингии пробуждается интерес к интеллектуальной и художественной культуре античного мира, опиравшийся на каролингский проторенессанс (эта территория входила в родовой домен Карла Великого) и древние позднеантичные традиции маасско-мозельского междуречья [29]. Творчество знаменитых мастеров по металлу — литейщиков и ювелиров XII в.— Рейнера из Гюи, Годфруа де Клера, Николая Верденского,— впитавшее в себя элементы культуры древней Греции и Рима, Византии и каролингского предренессанса, как бы вновь возрождает гуманистические традиции античного искусства.

В искусстве Рейнской и Маасской областей в XII в. вновь оживают сюжеты мифологии древней Эллады. Особую популярность получает цикл подвигов Геракла, который в средневековье считался прообразом Христа — победителя князя тьмы. В его трудах усматривали родство с символами христианства [30]. На бордюре гнезненских дверей Геракл встречается дважды: в битве с лернейской гидрой и стимфалийскими птицами, что символизировало мистическую победу св. Войцеха над сатаной, т. е. прусскими язычниками [31]. Подробный перечень подвигов Геракла находим в резьбе шашек из слоновой кости, изготовлявшихся во второй половине XII в. в монастырских мастерских Кельна и Турне [32].

По-видимому, и на черниговской крышке от дароносицы представлены эпизоды истории Геркулеса. Обнаженный мужчина с булавой, выступающий против оленя, заставляет вспомнить его четвертый подвиг — пленение золоторогой керинейской лани. По античному мифу, эта прекрасная лань, опустошавшая поля, была послана богиней Артемидой в наказание людям. Геракл долго преследовал ее, и, наконец, ранив стрелой в ногу, живой принес царю Еврисфею. В античном искусстве эта лань часто изображалась рогатой [33], что перешло в средневековую иконографию. Погоня Геркулеса за керинейской ланью вместе с другими подвигами вырезана на костяной шашке второй половины XII в., вышедшей из мастерской при монастыре св. Мартина в Турне [34]. Как доказал З. Кепинский, сражение Геркулеса с керинейской ланью представлено на подножии большого бронзового подсвечника льежской работы конца XII в. (на обратной стороне того же подсвечника видим поединок двух воинов в доспехах с палицами и щитами, т. е. схватку Геракла с Герионом) [35]. Геракл, принявший здесь облик рыцаря, замахивается палицей на лань с большими ветвистыми рогами. В левой руке героя круглый щит. Над этой сценой изображен Христос с Евангелием — символом спасения и вечной жизни [36]. Тем самым композиция приобретает символическую значимость. Сцены на подсвечнике и крышке из Чернигова поясняют мраморный рельеф XIII в. в соборе св. Марка в Венеции, который подражает хранящемуся там же римскому рельефу III в. с изображением Геркулеса, несущего Эриманфского каба-

---

[29] Там же, стр. 78.

[30] Z. Kępiński. Symbolika Drzwi Gnieźnieńskich. «Drzwi Gnieźnieńskie», II, стр. 246—247.

[31] Там же, стр. 243—244, 287, 289, рис. 59, 81, 141, 145.

[32] Там же, стр. 246.

[33] Таковы изображения керинейской лани в греческой вазовой живописи, в резьбе на метопе святилища Зевса в Олимпии, в известной античной бронзовой скульптуре из Палермо. Z. Kępiński. Ук. соч., стр. 246 и примеч. 294, рис. 27, 31, 32.

[34] Там же, рис. 138.

[35] Сражение двух воинов, вооруженных палицами и щитами, вместе с погоней охотника за оленем украшает пиксиду для святой воды (первая четверть XII в.) — возможно, произведение льежских мастерских. Там же, стр. 247.

[36] Там же, рис. 25, 60, 35, 41.

на [37]. На романском рельефе Геркулес несет на плечах оленя (керинейскую лань), а ногами попирает дракона (лернейскую гидру). Так как олень в христианской символике — устойчивый символ души, ищущей спасения [38], а дракон — олицетворение демонических сил, то здесь фигура Геракла может быть истолкована как аллегория Христа-Спасителя. Геркулес, добывающий живую лань,— это образ человека, в борьбе со злом достигающего спасения, т. е. вечной жизни [39].

Если на льежском подсвечнике злое начало олицетворяется Герионом, на рельефе из собора св. Марка — драконом, то на черниговской крышке его воплощает яростный лев, нападающий на оленя (символ сатаны — губителя христианской души). Видимо, это немейский лев, которого сокрушил Геракл (первый подвиг). Единоборство Геракла с немейским львом видим на костяной шашке второй половины XII в. (мастерская при монастыре св. Мартина в Турне) [40]. Геркулес, несущий за хвост убитого немейского льва, изваян Бенедетто Антелами в обрамлении портала собора Борго Сан Доннино (начало XIII в.) [41].

Таким образом, на крышке объединено два подвига Геракла, связанных общей дуалистической идеей о борьбе добродетели с силами ада и греха, столь характерной для западного христианства в XI—XII вв. Вероятно, в нижней части драгоценной дарохранительницы, от которой сохранилась только крышка, были изображены другие подвиги Геракла. Но и сама по себе (с точки зрения художественной и смысловой) крышка является вполне законченным памятником. Ее орнаментация — любопытнейший пример христианизации античного сюжета при сохранении верности античным изобразительным формулам.

Найденная в Чернигове крышка золотой дарохранительницы работы ювелиров Нижней Лотарингии (Маасская область), которую можно датировать второй половиной XII в. (вероятно, концом третьей четверти XII в., по аналогии с вратами из Гнезно), не стоит особняком среди других импортных произведений романского художественного ремесла. Территории по Рейну, Маасу и Мозелю — родина многих других предметов литургического и светского обихода, попадавших на Русь во второй половине XII — первой трети XIII в. в результате торговых, культурных и династических связей с западными странами. Таковы произведения лотарингской эмали, литые бронзовые аквамanилы в виде животных и алтарные подсвечники, бронзовые гравированные чаши, костяные шашки с резными изображениями и пр. Подобные изделия часто служили образцами для древнерусских камнерезов и ювелиров. Например, подвиги Геракла, высеченные на западном фасаде Дмитриевского собора во Владимире (1194—1197 гг.), являются переработкой романского оригинала, видимо, резной шкатулки, изготовленной где-то на берегах Рейна [42].

---

[37] Там же, рис. 28, 29.

[38] В христианской иконографии олень часто выступает как враг змея-дьявола и является символом крещения. L. Réau. Iconographie de l'art chrétien. I. Paris, 1955, стр. 82.

[39] L. Kępiński. Ук. соч., стр. 245—248.

[40] Там же, рис. 65.

[41] Там же, рис. 160.

[42] В. П. Даркевич. Подвиги Геракла в декорации Дмитриевского собора во Владимире. СА, 1962, 4.

П. А. ШОРИН

АНОНИМНЫЕ ПЕЧАТИ НОВГОРОДСКИХ АРХИЕПИСКОПОВ

Анонимные печати новгородских архиепископов представляют собой большую и интересную группу. На одной стороне этих печатей изображена богоматерь типа «Знамение», а на другой — крест различной формы. Нам известны 89 экземпляров этой группы, происходящих от 42 пар матриц. Как увидим ниже, почти все анонимные печати датируются XIV—XV вв. и наибольшую трудность вызывает вопрос о времени их появления.

Безусловно древнейшими являются две печати варианта № 1. По своему оформлению они отличаются от всех других анонимных владычных печатей, представляя собой печати как бы полуанонимного вида, так как вместо изображения богоматери они имеют строчную надпись о своей принадлежности новгородским владыкам. Одна из них найдена при раскопках в Новгороде в слое с дендрохронологической датой 1340—1369 гг. Но мы датируем их второй половиной XIII в., так как, отличаясь от обычного типа анонимных владычных печатей XIV—XV вв., они по своему облику сближаются с печатями XIII в.

Все остальные печати можно разделить по форме креста на три группы:

1. Печати с изображением простого восьмиконечного креста на простом или ступенчатом подножии.

2. Печати с изображением креста сложной формы, концы которого имеют точечные или копьевидные завершения. Концы большой горизонтальной перекладины перечеркнуты короткими вертикальными линиями, также с завершениями. Основное перекрестие иногда обрамлено линейной ромбовидной фигурой.

3. Печати, на которых крест сопровождается изображением орудий страстей и многочисленными титлами.

Рассмотрим первую группу печатей. Нам известны 24 экземпляра этой группы, происходящие от 11 пар матриц. Только одна из них сохранилась при грамоте Новгорода Риге с требованием возврата награбленного товара и выдачи разбойников, составленной в архиепископство Феоктиста (1303—1307 гг.) [1]. Этим временем и датируется печать № 3. В пользу такой датировки говорит изображение креста в его простейшем варианте, а также то, что эта печать еще имеет следы огрубения, характерные для печатей XIII в.

Две печати варианта № 2 производят впечатление несколько более древних, чем печать № 3. На них сохранились следы каких-то букв — по сторонам креста в кружках (рис. 1, *2*), а по сторонам изображения богоматери — неясные буквы, кажется Δ) Χ Что они означают, остается пока,

[1] ГВНиП, стр. 64, 65, № 36.

Рис. 1. Надписи и буквы на печатях

1 — печать № 1; *2* — печать № 2; *3*, *4* — печать № 3; *5*, *6* — печать № 4; *7* — печать № 7; *8*, *9* — печать № 17; *10* — печать № 18; *11* — печать № 19; *12* — печать № 21; *13* — печать № 23; *14* — печать № 24; *15*, *16* — печать № 29; *17* — печать № 30; *18* — печать № 32; *19*, *20* — печать № 33; *21*, *22* — печать № 34; *23*, *24* — печать № 35; *25*, *26* — печать № 36; *27*, *28* — печать № 37; *29*, *30* — печать № 38; *31*, *32*— печать № 39; *33*, *34* — печать № 40; *35* — печать № 41; *36*, *37* — печать № 42

до находки лучшего экземпляра неясным. Так как эти печати, безусловно, моложе печатей варианта № 1, мы датируем их временем архиепископства Климента (1274—1299 гг.).

Изображение богоматери на печатях варианта № 4 очень близко ее изображению на именных печатях Моисея[2]. Обращают на себя внимание высоко поднятые руки богоматери и сходство в элементах ее одежды. Изображение креста на этих печатях такое же, как на не совсем обычной для известного типа печатей новоторжских наместников, печати, опубликованной А. В. Орешниковым[3]. Крест на новоторжской печати явно не пропорционален окружающей его надписи; что-то общее есть в изображении св. Василия на этой печати и богоматери на печатях варианта № 4 — высоко поднятые руки, особенно левая, и элементы одежды. Кроме того, эти печати имеют одинаковый размер. Здесь, безусловно, мы имеем дело с переделкой матриц этой печати с каких-то других, а таковыми могли быть только матрицы анонимной владычной печати. В пользу такого варианта говорит и то, что Моисей занимал кафедру два раза, непосредственно до и после Василия. Вероятнее всего, печати варианта № 4 следует датировать временем, когда Моисей впервые занял кафедру.

Две печати варианта № 8, очень близкие именным печатям Моисея, мы датируем временем, когда Моисей вторично занял кафедру, так как

---

[2] ЛСА, XLII, 3; две неизданные печати из собрания Новгородского музея (инв. № 3992 и 12414); неизданная печать из раскопок 1957 г. на Неревском конце в Новгороде; печать, хранящаяся у С. Н. Орлова (Новгород).

[3] А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике. Тр. МНО, III, 1, М., 1903, стр. 148, табл. II, *20*.

они очень близки печатям вариантов № 9 и 10, которые ниже датированы нами временем Алексея (1359—1388).

Печати вариантов № 5—7 мы суммарно датируем временем Василия (1331—1352) и Моисея, когда последний занимал кафедру вторично. Печати № 9 и 10 очень близки печатям варианта № 50 второй группы, как по изображению креста с характерными точечными завершениями, так и по изображению богоматери. Вероятнее всего, их следует датировать временем Алексея. Они очень близки печатям варианта № 8, которые выше мы датировали временем вторичного занятия кафедры Моисеем, и представляют вместе с последними пример последовательного копирования матриц с постепенным их усложнением.

Богоматерь на печати № 11 очень близка ее изображению на печати № 10, и мы датируем печать № 11 на этом основании временем Алексея.

Печати варианта № 12 отличаются исключительно изящной работой. Изображению богоматери на них мы находим ближайшие аналогии на именных печатях Алексея[4] и на именной печати Иоанна[5]. Кроме того, изображение богоматери на этих печатях сходно с ее изображением на печатях варианта № 16 второй группы, которые мы датируем временем Иоанна (1388—1415) на том основании, что, в свою очередь, изображение богоматери на этих печатях до того сходно с изображением богоматери на печати Иоанна, что можно предполагать копирование матриц. (На этих печатях даже ободок касается нимба богоматери так же, как на печати Иоанна.) Эту датировку подтверждает одна из печатей варианта № 16, найденная при раскопках в Новгороде в слое с дендрохронологической датой 1396—1409 гг. Итак, в конце архиепископства Алексея или в начале архиепископства Иоанна, т. е. в 80-е годы XIV в., происходит переход к употреблению печатей второй группы.

Нам известны 37 печатей этой группы, происходящих от 21 пары матриц. Ни одна из них не сохранилась при датированной грамоте, что, затрудняет их датировку. Для определения относительной хронологии этих печатей необходимо обратить внимание на их размеры. Для владычных печатей Новгорода, как именных, так и анонимных (в расчет принимались более или менее хорошо датированные печати), характерны следующие размеры: именные печати XII и самого начала XIII в. имеют диаметр 20—22 *мм*. Для печатей XIII в. характерно увеличение размеров до 26—30 *мм*, но чаще всего они имеют размер 24—26 *мм*. Размер до 28—29 *мм* имеют печати XIV в. Диаметр всех печатей XV в. больше 30 *мм*. Печати второй группы четко делятся на печати диаметром до 30 *мм* и больше 30 *мм*. Первые мы датируем XIV в. (№ 13—24) — всего 23 печати, происходящие от 12 пар матриц, а последние — XV в. (№ 25—33) — всего 14 печатей, происходящих от 9 пар матриц. Две печати варианта № 48 (размер 28 *мм* и около 30 *мм*) как бы связывают эти две группы между собой. Правильность такой общей датировки подтверждается, во-первых, тем, что мы уже независимо от размеров датировали XIV в. печати вариантов № 13 и 16, а во-вторых, ее подтверждают печати, найденные при раскопках в слоях с дендрохронологической датой 1422—1429 гг. (№ 25—1 и 27) и 1446—1462 гг. (№ 28—3). В пользу такой датировки говорит и то, что именно печати, датированные нами XV в., непосредственно смыкаются с печатями третьей группы.

Небезнадежны и попытки датировать печати второй группы относительно друг друга внутри намеченных хронологических рамок. Временем Алексея мы уже датировали печати варианта № 13. Этим же временем датируются очень близкие им две печати варианта № 14. Особенно характерны для печатей этих вариантов точечные завершения концов креста. При этом, вероятно, печати варианта № 13 несколько древнее, так как

---

[4] ЛСА, XI, 12; XI, 13; XXXVIII, 11.
[5] ЛСА, LI, 14.

изображенный на них крест еще не имеет ромбовидной фигуры на центральном перекрестии, столь характерной для остальных печатей этой группы. Печать № 15, близкую печатям Алексея, мы датируем этим же временем или самым началом владычества Иоанна. Остальные печати, датированные выше XIV в., относятся ко времени Иоанна. Среди них выделяются печати вариантов № 17 и 18, очень близкие между собой и представляющие, вероятно, пример копирования матриц. Для них характерны титлы по сторонам креста (рис. 1, *15*). Безусловно, хронологически замыкают эту группу печати вариантов № 29—33, причем печати варианта № 33 непосредственно примыкают к печатям третьей группы, так как они уже несут на себе титлы, характерные для последних (рис. 1, *19*). Эти печати следует датировать временем Евфимия I (1423—1429), так как древнейшие печати третьей группы датируются временем Евфимия II (1429—1458), что будет показано ниже. Этим же временем датируется и печать № 32, так как ее оборотная сторона до деталей совпадает с оборотной стороной печатей варианта № 33 (может быть, даже они оттиснуты одной матрицей), а лицевые стороны этих печатей оттиснуты одной матрицей, только на печатях варианта № 33 она усложнена титлами. Печати вариантов № 29 и 30, очень близкие между собой, и № 31 мы суммарно датируем временем Симеона (1415—1421), Феодосия (1421—1423) и Евфимия I, отметив, что во время архиепископства Симеона в Новгороде был кризис свинца и, вероятно, большинство печатей оттискивалось на воске, ярким примером чему является единственная именная печать этого владыки [6]. Печати вариантов № 25—28, отнесенные выше к XV в., следует датировать временем Иоанна, причем печати вариантов № 25 и 26 — самым началом XV в.

Отметим, что намеченные нами ранее две линии копирования матриц (№ 9—10—13 и № 17—18) продолжаются. Первую линию продолжают печати вариантов № 14, 21 и 23, а вторую — № 29 и 30. Следовательно, здесь мы наблюдаем одновременное бытование печатей, происходящих от различных матриц. Это наблюдение вызывает вопрос о принадлежности и употреблении анонимных владычных печатей, но поставить его следует несколько ниже, после анализа печатей последней третьей группы.

Нам известны 27 печатей этой группы, происходящие от девяти пар матриц (варианты № 34—42). Безусловно, древнейшими из них являются печати варианта № 34, известного в четырех экземплярах. По своему оформлению они близки печатям варианта № 33 второй группы. Особенное сходство наблюдается в изображении богоматери, но говорить о непосредственном копировании матриц в данном случае не приходится. Эти печати датируются временем Евфимия II, так как две из них сохранились при грамотах, составленных в его архиепископство [7]. Недавно датировка этих грамот была уточнена, но внутри тех же хронологических рамок времени Евфимия II [8]. Сравнивая эти печати с другими печатями третьей группы, приходим к убеждению, что тем же временем надо датировать печать № 35, и настолько близкие между собой печати вариантов № 36 и 37, что трудно заметить различие их матриц. Правильность наших наблюдений подтверждается тем, что печать № 36—1 сохранилась при грамоте, датированной, правда, издателями 1415—1521 гг. [9], но недавно убедительно передатированной В. Л. Яниным 1430—1437 гг. [10]. Мы принимаем последнюю датировку потому, что наши наблюдения над печатью заставляют усомниться в правильности первой. Печать № 37 найдена при раскопках в Новгороде в слое с дендрохронологической датой 1429—1446 гг., что также подтверждает нашу датировку. Что касается

---

[6] ЛСА, XXXVI, 9.
[7] ГВНиП, стр. 115, 116, № 70 и стр. 150, 151, № 95.
[8] В. Л. Янин. Новгородские посадники, М., 1962, стр. 281, 288, 289.
[9] ГВНиП, стр. 147, № 90.
[10] В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 279—281.

печати № 36—3, найденной в слое с датой 1409—1422 гг. (противоречащей нашей датировке), то вряд ли стоит придавать ей большое значение, так как она могла быть найдена на рубеже двух ярусов или еще в древности каким-либо образом попала в более древний слой. Отметим, что все эти печати несут на себе меньше титлов, чем остальные печати третьей группы, что также говорит о их хронологическом единстве.

Пять печатей варианта № 39 датируются временем Ионы (1458—1470), так как все они сохранились при грамотах, четыре из которых датируются 1459—1469 гг.[11], а одна, не имеющая более или менее точной даты,— XV в.[12]. Этим же временем датируется печать № 41, также сохранившаяся при грамоте, составленной в архиепископство Ионы[13].

Шесть печатей варианта № 42 датируются временем Ионы и Феофила (1470—1482), так как две из них сохранились при грамотах, составленных во время первого[14], а одна при грамоте времени второго[15]. Четвертая печать этого варианта сохранилась при грамоте, датированной XV в.[16]. Печать № 40 очень близка этим печатям, но в то же время она как бы связывает их с печатями варианта № 39, датированными временем Ионы, что позволяет нам датировать ее временем последнего.

Что касается печати № 38, то ее следует датировать временем Евфимия II ввиду ее сходства с печатями варианта № 36. Особенно их объединяет изображение богоматери — элементы одежды, двойной нимб, расположение титлов и характерный ободок из крупных точек.

Исключительный интерес представляет тот факт, что одна и та же матрица (№ 42) применялась и во время Ионы и во время Феофила. Казалось бы, что столь долгое употребление одной пары матриц (максимально от 1459 до 1480 г., т. е. 21 год) должно вызвать сомнение в правильности датировки грамот и нашего хронологического определения печатей, но, во-первых, датировка наиболее важной для нас грамоты времени Феофила не вызывает сомнений, а во-вторых, известны случаи более длительного употребления одних и тех же матриц. Например, печати Людина конца Новгорода, оттиснутые одной парой матриц[17], сохранились при грамотах 1450, 1459—1469 и 1475 гг.[18], т. е. матрицей пользовались 25 лет.

Картина одновременного бытования в конце XIV в. печатей, происходящих от разных матриц, не изменяется и в XV в. Опять перед нами встает вопрос о принадлежности и употреблении анонимных печатей.

Н. П. Лихачевым было высказано предположение, что эти печати не являлись личными печатями новгородских архиепископов, а только прикладывались от их имени специальными должностными лицами[19]. В. Л. Янин, соглашаясь в общих чертах с этим предположением, не распространяет его на весь длительный период существования анонимных печатей, отмечая отсутствие именных владычных печатей на протяжении конца XIV и всего XV в. и указывает на то, что помещение на анонимных печатях зашифрованного в титлах имени архиепископа Феофила говорит о том, что они являлись личными печатями владыки, хотя и могли прикладываться от его имени какими-то доверенными лицами[20]. В этой связи

---

[11] ГВНиП, стр. 296—298, № 299, 301, 302, 303.
[12] ГВНиП, стр. 308, № 320.
[13] ГВНиП, стр. 297, № 300.
[14] ГВНиП, стр. 295, 296, № 297, 298.
[15] ГВНиП, стр. 307, № 318.
[16] ГВНиП, стр. 312, № 328.
[17] ЛСА, XXV, 4; Н. С. Чаев, Северные грамоты XV в. ЛЗАК, XXXV, 46, табл. 3 и 4; ЛСА, XV, 8.
[18] ГВНиП, стр. 150—152, № 95, 96, стр. 155, 156, № 101.
[19] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, I, Л., 1928, стр. 34; его же. Печати Пскова. СА, 1960, 3, стр. 233.
[20] В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. МИА, 55, 1956, стр. 146.

Рис. 2. Новгородские владычные анонимные печати (5/6 н. в.)

Рис. 3. Новгородские владычные анонимные печати ($^5/_6$ II. в.)

Рис. 4. Новгородские владычные анонимные печати (5/6 н. в.)

Рис. 5. Новгородские владычные анонимные печати ($^5/_6$н. в.)

отметим, что вопрос расшифровки титлов, помещенных на печатях третьей группы, на наш взгляд, остается пока открытым. Мнение исследователей, считающих титлы θω — θΛ зашифрованным именем Феофила, не находит себе подтверждения. Ему противоречат даты актов, при которых сохранились эти печати, и стилистические особенности самих печатей. По нашему мнению, с момента своего появления и до исчезновения именных владычных печатей анонимные печати прикладывались от имени владыки какими-то специальными должностными лицами. Почему, например, договорную грамоту Новгорода с тверским великим князем Михаилом Ярославичем скрепляет именная печать Феоктиста [21], а при грамоте от Новгорода к Риге, составленной в это же время, привешена анонимная печать [22]? Можно предположить, что печати прикладывались в зависимости от характера грамот, так как первый акт касается отношений Новгорода с князьями, а второй — международных отношений. Но это предположение очень сомнительно, так как не подкрепляется другими фактами, да и вряд ли было необходимо такое деление печатей по функциональному признаку.

Во всяком случае, после исчезновения в архиепископство Иоанна в конце XIV в. именных печатей, анонимные принадлежали как самому архиепископу, так и каким-то другим должностным лицам. В пользу этого мнения говорит резкое увеличение с конца XIV в. анонимных печатей, одновременное бытование печатей, происходящих от различных матриц, и, наконец, характер скрепленных ими актов. Анонимными печатями скреплены грамоты, различные по своему характеру,— грамоты, касающиеся международных отношений [23], акты внутреннего управления Новгорода [24] и частные грамоты — купчие, данные, духовные и т. п.— Обонежья [25], Двинские [26] и Важские [27]. Еще одним подтверждением нашего мнения является исключительно интересный факт скрепления одной грамоты двумя анонимными печатями [28]. К сожалению, подлинники этих грамот не сохранились, но списки с них XVII в. сообщают о существовании при них печатей, у которых «воплощение пречистые богородицы, а назади кресты».

ПРИЛОЖЕНИЕ

СВОД НОВГОРОДСКИХ ВЛАДЫЧНЫХ АНОНИМНЫХ ПЕЧАТЕЙ [29]

Печати со строчной надписью

1. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Надпись в четыре строки (рис. 1, *1*), 2 экз.

1—1. *Д.*— 25 *мм*. *М. н.*— не известно. *Хр.*— не известно; фотография в фотоархиве ЛОИА АН СССР (фонд Н. П. Лихачева), № 1 8447—8448. *Не издана.*

1—2. *Д.*— ок. 25 *мм* (половинный обломок). *М. н.*— Новгород, 1953, раскопки на Неревском конце в слое девятого яруса (пл. 5, кв. 667); дендрохронологическая дата яруса 1340—1369 гг. *Хр.*— НЭ. *Изд.*— В. Л. Янин. МИА, 55, 1956, стр. 146, № 17.

[21] ГВНиП, стр. 19, 20, № 9.
[22] ГВНиП, стр. 64, 65, № 36.
[23] ГВНиП, № 36, 70, 72.
[24] ГВНиП, № 90, 95.
[25] ГВНиП, № 218, 297—303, 320, 328.
[26] ГВНиП, № 252 и может быть 128.
[27] ГВНиП, № 279, 280; печати не сохранились, но они были.
[28] ГВНиП, № 279, 323.
[29] За помощь в собирании материалов «Свода» приношу сердечную благодарность В. Л. Янину.

2. *Л. с.* Изображение креста, по сторонам буквы (рис. 1, *2*).

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, по сторонам следы каких-то букв, 2 экз.

2—1. *Д.*— 24—26 *мм. М. н.*— Новгород, до 1906 г. *Хр.*— Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. *Изд.*— ЛСА, XII, 3.

2—2. *Д.*— 27 *мм. М. н.*— Новгород, 1935 г. *Хр.*— Лих.; не разыскана. *Не издана.* Описана Н. П. Лихачевым в рукописи текста к сфрагистическому альбому.

3. *Л. с.* Изображение креста; по сторонам буквы (рис. 1, *3*).

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, по сторонам буквы (рис. 1, *4*). *Д.*— 27 *мм. М. н.*— сохранилась при грамоте Новгорода Риге с требованием выдачи разбойников, 1303—1307 гг. ГВНиП, стр. 64, 65, № 36. *Хр.*— Рижский Государственный городской архив. *Изд.*— Соболевский и Пташицкий, № 43-б; ЛСА, XII, 2.

4. *Л. с.* Изображение креста; по сторонам буквы (рис. 1, *5*), под крестом изображение «головы Адама».

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, по сторонам буквы (рис. 1, *6*), 4 экз.

4—1. *Д.*—26—28 *мм. М. н.*— Новгород, до 1912 г. *Хр.*— Собрание С. И. Чижова; не разыскана. *Изд.*— ЛСА, XXXVII, 7.

4—2. *Д.*— 26 *мм. М. н.*— Новгород, до 1912 г. *Хр.*— Лих., ЛОИИ. *Изд.*— ЛСА, XXXVII, 8.

4—3. *Д.*— ок. 27 *мм* (обломок). *М. н.*— Новгород, до 1941 г. *Хр.*— Новгородский музей, инв., № 3998. *Не издана.*

4—4. *Д.*—26—29 *мм. М. н.*— не известно; приобретена в Москве около 1932 г. *Хр.*— собрание Н. В. Гудкова-Белякова, ЛБ, ОН ГИМ, № 97257/1017415. *Не издана.*

5. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост.

Д.— ок. 25 *мм* (обломок). *М. н.*— сохранилась при купчей Филиппа Григорьева у Нефеда и Семена Яковлевых детей, однако связь ее с этой грамотой весьма сомнительна. ГВНиП, стр. 185, № 128. *Хр.*— утрачена. *Изд.*— ЛСА, XIX, 11.

6. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост.

Д.—27—30 *мм. М. н.*— Новгород, до 1941 г. *Хр.*— Новгородский музей, инв. № 3996. *Не издана.*

7. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, по сторонам буквы (рис. 1, *7*).

Д.—25—27 *мм. М. н.*— Новгород, 1940 г. *Хр.*— Новгородский музей, инв. № 3993. *Не издана.*

8. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, 2 экз.

8—1. *Д.*—25—26 *мм. М. н.*— Новгород, до 1906 г. *Хр.*— Лих., ОНГЭ. *Изд.*— ЛСА, XII, 5.

8—2. *Д.*—24—26 *мм. М. н.*— Новгород, до 1912 г. *Хр.*— Лих., ЛОИИ. *Изд.*— ЛСА, XXXVII, 10.

9. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост.

Д.—26—28 *мм. М. н.*— Новгород, до 1917 г. *Хр.*— Лих., ЛОИИ. *Изд.*— ЛСА, LVI, 6.

10. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост. *Д.*— 26 *мм. М. н.*— Новгород, до 1917 г. *Хр.*— Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. *Изд.*— ЛСА, LVI, 7.

11. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост. *Д.*—25—26 *мм. М. н.*— Новгород, 1963 г. *Хр.*— НЭ (от Г. М. Штендера). *Не издана.*

12. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, 8 экз.[30].

12—1. *Д.*—24—26 *мм* (половинный обломок). *М. н.*— Новгород, до 1906 г. *Хр.*— Лих., ОНГЭ. *Изд.*— ЛСА, XII, 4.

12—2. *Д.*— ок. 26 *мм* (половинный обломок). *М. н.*— Новгород, до 1912 г. *Хр.*— Лих., ЛОИИ. *Изд.*— ЛСА, XLII, 1.

12—3. *Д.*— 25 *мм. М. н.*— Новгород, около 1908 г. *Хр.*— Лих., ЛОИИ. *Изд.*— ЛСА, LVI, 5.

12—4. *Д.*—26—28 *мм. М. н.*— Новгород, 1953 г., раскопки на Неревском конце в слое седьмого яруса (пл. 3, кв. 706); дендрохронологическая дата яруса 1382—1396 гг. *Хр.*— НЭ. *Изд.*— В. Л. Янин. МИА, 55, 1956, стр. 145, № 15.

12—5. *Д.*—25—26 *мм. М. н.*— Новгород, 1955 г., раскопки на Неревском конце в слое пятого яруса (пл. 6, кв. 1311); дендрохронологическая дата яруса 1409—1422 гг. *Хр.*— НЭ. *Изд.*— В. Л. Янин. МИА, 65, 1959, стр. 299, № 47.

12—6. *Д.*— 28 *мм. М. н.*— Новгород, 1946 г. *Хр.*— Новгородский музей, инв. № 3997. *Не издана.*

12—7. *Д.*— 26 *мм. М. н.*— Новгород, 1957 г., раскопки на Неревском конце в слое седьмого — восьмого ярусов (пл. 10, кв. 1568); дендрохронологическая дата ярусов 1369—1396 гг. *Хр.*— НЭ. *Не издана.*

12—8. *Д.*— 25—26 *мм. М. н.*— Новгород, 1947 г., раскопки на Ярославовом Дворище (пл. 13, кв. XXXIV). *Хр.*— ГИМ, инв. № 82582, опись 1143/55. *Не издана.*

Печати с изображением сложного креста

13. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост. 3 экз.

13—1. *Д.*—26—27 *мм. М. н.*— Новгород, до 1917 г. *Хр.*— Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. *Изд.*— ЛСА, LVI, 8.

13—2. *Д.*— 27 *мм. М. н.*— Новгород, до 1941 г. *Хр.*— Новгородский музей, инв. № 3994. *Не издана.*

13—3. *Д.*—23—26 *мм. М. н.*— Новгород, 1962 г., берег Волхова, у Кремля. *Хр.*— НЭ (от Г. М. Штендера). *Не издана.*

14. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, 2 экз.

14—1. *Д.*— ок. 26 *мм* (половинный обломок). *М. н.*— Новгород, до 1906 г. *Хр.*— Лих., ОНГЭ. *Изд.*— ЛСА, XII, 6.

14—2. *Д.*— ок. 27 *мм* (обломок). *М. н.*— не известно. *Хр.*— Лих., ЛОИИ. *Не издана.*

15. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост.

Д.— 26—27 ***мм. М. н.*** — Новгород, до 1917 г. *Хр.*— Лих., ЛОИИ. *Изд.*— ЛСА, LVI, 9.

16. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, вокруг линейный ободок, 6 экз.

16—1. *Д.*— 26 *мм. М. н.*— Новгород, до 1906 г. *Хр.*— Лих., не разыскана. *Изд.*— ЛСА, XXVI, 13.

16—2. *Д.*— 27 *мм. М. н.*— Новгород, до 1912 г. *Хр.*— Лих., ЛОИИ. *Изд.*— ЛСА, XXXVII, 6.

---

[30] В начале XX в. М. И. Полянским среди слушателей Археологического института была распространена таблица, на ней под № 3 изображена анонимная владычная печать, которую необходимо сравнить с № 7, 8 и 12. Небрежный рисунок этой печати не позволяет отнести ее с определенностью к какому-либо из этих номеров.

16—3. *Д.*— 26 *мм. М. н.*— Новгород, 1955 г., раскопки на Неревском конце в слое шестого яруса (пл. 8, кв. 1306); дендрохронологическая дата яруса 1396—1409 гг. *Хр.*— НЭ. *Изд.*— В. Л. Янин. МИА, 65, стр. 301, № 48, рис. 1, 2.

16—4. *Д.*— 29 *мм. М. н.*— Новгород, 1940 г. *Хр.*— Новгородский музей, пнв. № 3995. *Не издана.*

16—5. *Д.*—27—28 *мм. М. н.*— Новгород, 1959 г., раскопки на Неревском конце в слое пятого — шестого ярусов (пл. 6, кв. 1907); дендрохронологическая дата ярусов 1396—1422 гг. *Хр.*— НЭ. *Не издана.*

16—6. *Д.*—23—25 *мм. М. н.*— Новгород, 1963 г. *Хр.*— НЭ (от Г. М. Штендера). *Не издана.*

17. *Л. с.* Изображение креста; по сторонам буквы (рис. 1, *8*).

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, по сторонам буквы (рис. 1, *9*), 2 экз.

17—1. *Д.*—26—27 *мм. М. н.*— Новгород, до 1906 г. *Хр.*— Лих., ОНГЭ. *Изд.*— ЛСА, XII, 8.

17—2. *Д.*—25—27 *мм. М. н.*— не известно. *Хр.*— Собрание П. С. Уваровой, ОН ГИМ. **Изд.**— ЛСА, XII, 9.

18. *Л. с.* Изображение креста; по сторонам буквы (рис. 1, *8*).

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост.

Д.—27—28 *мм. М. н.*— Псков, до 1912 г. *Хр.*— Собрание Ф. М. Плюшкина, ОНГЭ. *Изд.*— ЛСА, XXXVII, 9; В. Л. Янин. Вислые печати Пскова. СА, 1960, 3, стр. 254, рис. 6, № 60.

19. *Л. с.* Изображение креста; под крестом изображение «головы Адама».

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, по сторонам буквы (рис. 1, *11*), 2 экз.

19—1. *Д.*—25—27 *мм. М. н.*— Новгород, до 1906 г. *Хр.*— Лих., ОНГЭ. *Изд.*— ЛСА, XII, 7.

19—2. *Д.*—27—29 *мм. М. н.*— Новгород, до 1908 г. *Хр.*— Лих., не разыскана. *Изд.*— ЛСА, XXIX, 14.

20. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, 2 экз.

20—1. *Д.*— 27 *мм. М. н.*— Новгород, до 1906 г. *Хр.*— Лих., не разыскана. *Изд.*— ЛСА, XXVI, 14.

20—2. *Д.*— 28 *мм. М. н.*— сохранилась при купчей Петра у Трофима, Харитона и Дементия, XV в. ГВНиП, стр. 263, № 252. *Хр.*— ГПБ, собрание актов, карт. 1, № 32. *Не издана.*

21. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, по сторонам буква (рис. 1, *12*).

Д.— ок. 30 *мм* (половинный обломок). *М. н.*— Новгород, до 1906 г.

Хр.— Лих., ОНГЭ. *Изд.*— ЛСА, XII, 13.

22. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост.

Д.— ок. 30 *мм* (половинный обломок). *М. н.*— Новгород, до 1908 г. *Хр.*— Лих., не разыскана. *Изд.*— ЛСА, XXIX, 15.

23. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, по сторонам буквы (рис. 1, *13*).

Д.— 29 *мм. М. н.*— не известно. *Хр.*— Лих., ЛОИИ. *Не издана.*

24. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, по сторонам буквы (рис. 1, *14*).

Д.—24—25 *мм. М. н.*— Новгород, 1947 г., раскопки на Ярославовом Дворище, выброс. *Хр.*— ГИМ, № 82582, опись 1143/94. *Не издана.*

25. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, 2 экз.

25—1. *Д.*— ок. 32 *мм* (половинный обломок). *М. н.*— Новгород, 1955 г., раскопки на Неревском конце в слое четвертого яруса (пл. 6, кв. 1296); дендрохронологическая дата яруса 1422—1429 гг. *Хр.*— НЭ. *Изд.*— В. Л. Янин. МИА, 65, стр. 301, № 50, рис. 1, *4*.

25—2. *Д.*— 28 *мм*. *М. н.*— Новгород, 1962 г., возле церкви Петра и Павла в Кожевниках. *Хр.*— Новгородский музей, инв. № 14589. *Не издана.*

26. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост.

Д.—28—31 *мм*. *М. н.*— Новгород, 1960 г., на берегу Волхова, против Владимирской башни Кремля. *Хр.*— Новгородский музей, инв. № 13075. *Не издана.*

27. *Л. с.* Изображение креста. (На рис. 4 Л. С. ошибочно изображена перевернутой.)

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост.

Д.—29—35 *мм*. *М. н.*— Новгород, 1955 г., раскопки на Неревском конце в слое четвертого яруса (пл. 6, кв. 1196); дендрохронологическая дата яруса 1422—1429 гг. *Хр.*— НЭ. *Изд.*— В. Л. Янин. МИА, 65, 1959, стр. 301, № 49, рис. 1, *3*.

28. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, 3 экз.

28—1. *Д.*—27—32 *мм*. *М. н.*— Новгород, до 1917 г. *Хр.*— Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. *Изд.*— ЛСА, LVI, 10.

28—2. *Д.*—27—31 *мм*. *М. н.*— Новгород. *Хр.*— НЭ. *Изд.*— В. Л. Янин. МИА, 55, 1956, стр. 145, № 16.

28—3. *Д.*—29—31 *мм*. *М. н.*— Новгород, 1959 г., раскопки на Неревском конце в слое второго яруса (пл. 2, кв. 1923); дендрохронологическая дата яруса 1446—1462 гг. *Хр.*— НЭ. *Не издана.*

29. *Л. с.* Изображение креста; по сторонам буквы (рис. 1, *15*).

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, по сторонам буквы (рис. 1, *16*), 2 экз.

29—1. *Д.*—27—30 *мм*. *М. н.*— Новгород, 1947 г., раскопки на Ярославовом Дворище (пл. 10, кв. CXIX). *Хр.*— ГИМ, № 82582, оп. 1143/1564. *Не издана.*

29—2. *Д.*— 29—33 *мм*. *М. н.*— Новгород, 1961 г., берег Волхова у Кремля. *Хр.*— НЭ. *Не издана.*

30. *Л. с.* Изображение креста; по сторонам буквы (рис. 1, *17*).

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост; по сторонам у локтей по звездочке.

Д.—30—32 *мм*. *М. н.*— Новгород, до 1917 г. *Хр.*— Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. *Изд.*— ЛСА, LVI, 4.

31. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост.

Д.— ок. 32 *мм* (половинный обломок). *М. н.*— Новгород, до 1906 г. *Хр.*— Лих., ОНГЭ. *Изд.*— ЛСА, XII, 14.

32. *Л. с.* Изображение креста.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост; по сторонам буквы (рис. 1, *18*).

Д.—31—33 *мм*. *М. н.*— Новгород, до 1906 г. *Хр.*— Лих., ОНГЭ. *Изд.*— ЛСА, XII, 11.

33. *Л. с.* Изображение креста; по сторонам буквы (рис. 1, *19*).

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, по сторонам буквы (рис. 1, *20*), 2 экз.

33—1. *Д.*—31—33 *мм*. *М. н.*— Новгород, до 1917 г. *Хр.*— Лих., ЛОИИ. *Изд.*— ЛСА, LVI, 11.

33—2. *Д.*— 30—32 *мм*. *М. н.*— Новгород, 1961 г., на берегу Волхова у Кремля. *Хр.*— Собрание В. М. Ковалевой (Новгород). Слепок сделан Г. М. Штендером. *Не издана.*

34. *Л. с.* Изображение креста; по сторонам буквы (рис. 1, *21*).

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, по сторонам буквы (рис. 1, *22*). Вокруг точечный ободок. 4 экз.

34—1. *Д.*— ок. 32 *мм* (половинный обломок). *М. н.*— сохранилась при жалованной грамоте Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю на беспошлинный провоз товаров по Двине, 1450 г. ГВНиП, стр. 150, 151, № 95. *Хр.*— ЦГАДА, отд. 1, рубр. IV, № 6. *Изд.*— А. Лакиер. Русская геральдика, кн. I, СПб., 1855, табл. XIII, 1; ЛСА, XXVIII, 1.

34—2. *Д.*—32—34 *мм*. *М. н.*— сохранилась при договорной грамоте литовского великого князя Казимира с Великим Новгородом о мире. 1440—1447 гг. ГВНиП, стр. 115, 116, № 70. *Хр.*— ЦГАДА, разряд XXVI, № 3. *Изд.*— РИБ, т. XXII, стр. 18, табл. 3.

34—3. *Д.*—30—34 *мм*. *М. н.*— Новгород, 1962, на берегу Волхова у Владимирской башни Кремля. *Хр.*— Новгородский музей, инв. № 14597. *Не издана.*

34—4. *Д.*— 30—32 *мм*. *М. н.*— Новгород, до 1912 г. *Хр.*— Лих., Ник., ОНГЭ. *Изд.*— ЛСА, XXXVII, 5.

35. *Л. с.* Изображение креста; по сторонам буквы (рис. 1, *23*). Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост; по сторонам буквы (рис. 1, *24*). Вокруг точечный ободок.

Д.—32—36 *мм*. *М. н.*— Новгород, до 1917 г. *Хр.*— Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. *Изд.*— ЛСА, LVI, 12.

36. *Л. с.* Изображение креста, по сторонам буквы (рис. 1, *25*). Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, по сторонам буквы (рис. 1, *26*). Вокруг точечный ободок, 7 экз.

36—1. *Д.*—32—35 *мм*. *М. н.* сохранилась при грамоте Толвуйской земли Палеостровскому монастырю на Палий остров с малыми островами. 1415—1421 гг. ГВНиП, стр. 147, № 90. *Хр.*— ЦГАДА, собрание Мазурина, № 1697. *Изд.*— ЛСА, XII, 10.

36—2. *Д.*—30—34 *мм*. *М. н.*— не известно. *Хр.*— ГБЛ, ОН ГИМ. *Изд.*— ЛСА, XXXVI, 10.

36—3. *Д.*—30—32 *мм*. *М. н.*— Новгород, 1951 г., раскопки на Неревском конце в слое пятого яруса (пл. 7, кв. 73); дендрохронологическая дата яруса 1409—1422 гг. *Хр.*— НЭ. *Изд.*— В. Л. Янин. МИА, 55, 1956, стр. 145, № 12.

36—4. *Д.*—34—36 *мм*. *М. н.*— не известно. *Хр.*— Лих., ЛОИИ. *Не издана.*

36—5. *Д.*—34—37 *мм*. *М. н.*— Новгород, 1927 г. *Хр.*— Лих., ЛОИИ. *Не издана.*

36—6. *Д.*—31—35 *мм*. *М. н.*— Новгород, 1959 г., на левом берегу Волхова, почти против истока М. Волховца. *Хр.*— Новгородский музей, инв. № 12856. *Не издана.*

36—7. *Д.*—34—37 *мм*. *М. н.*— Новгород, 1961 г., берег Тарасовца за церковью Петра и Павла на Славне. *Хр.*— собрание В. М. Ковалевой (Новгород). Слепок сделан Г. М. Штендером. *Не издана.*

37. *Л. с.* Изображение креста; по сторонам буквы (рис. 1, *27*). Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост; по сторонам буквы (рис. 1, *28*). Вокруг точечный ободок.

Д.— 34 *мм*. *М. н.*— Новгород, 1952 г., раскопки на Неревском конце в слое третьего яруса (пл. 8, кв. 243); дендрохронологическая дата 1429—1446 гг. *Хр.*— НЭ. *Изд.*— В. Л. Янин, МИА, 55, 1956, стр. 145, № 13.

38. *Л. с.* Изображение креста; по сторонам буквы (рис. 1, *29*). Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост; по сторонам буквы (рис. 1, *30*). Вокруг точечный ободок.

Д.—32—34 *мм. М. н.*— Новгород, 1959 г., на берегу Волхова у Владимирской башни Кремля. *Хр.*— Новгородский музей, инв. № 12772. *Не издана.*

39. *Л. с.* Изображение креста; по сторонам буквы (рис. 1, *31*). Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост; по сторонам буквы (рис. 1, *32*). Вокруг точечный ободок, 5 экз.

39—1. *Д.*—32—37 *мм. М. н.*— сохранилась при данной Никиты Ивановича Соловецкому монастырю 1459—1469 гг. ГВНиП, стр. 296, № 299. *Хр.*— ЛОИИ. Соловецкие акты XV в., № 5. *Не издана.*

39—2. *Д.*—30—37 *мм. М. н.*— Сохранилась при данной Семена Климова Соловецкому монастырю, 1459—1469 гг. ГВНиП, стр. 297, № 301. *Хр.*— ЛОИИ. Собрание актов до 1613 г., № 9. *Не издана.*

39—3. *Д.*—31—37 *мм. М. н.*— сохранилась при купчей Соловецкого монастыря у Фомы Максимовича Менуева, 1459—1469 гг. ГВНиП, стр. 298, № 302. *Хр.*— ЛОИИ. Соловецкие акты XV в., № 9. *Не издана.*

39—4. *Д.*—30—37 *мм. М. н.*— сохранилась при купчей Соловецкого монастыря у Григория Давыдова, 1459—1469 гг. ГВНиП, стр. 298, № 303. *Хр.*— ЛОИИ. Соловецкие акты XV в., № 7. *Не издана.*

39—5. *Д.*—30—35 *мм. М. н.*— сохранилась при духовной Григория Гавриловича Кякши, XV в., № 16. *Не издана.*

40. *Л. с.* Изображение креста; по сторонам буквы (рис. 1, *33*).

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост; по сторонам буквы (рис. 1, *34*).

Д.—33—36 *мм. М. н.*— Новгород, до 1912 г. *Хр.*— Лих., ЛОИИ. *Изд.*— ЛСА, XLVIII, 16.

41. *Л. с.* Изображение креста; по сторонам буквы (рис. 1, *35*). Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, по сторонам трехточечные фигуры. Вокруг точечный ободок.

Д.—32—35 *мм. М. н.*— сохранилась при данной Клима и Ивана Михайловых детей Соловецкому монастырю на участки в реках Кеми, Шуе и Выге, 1459—1469 гг. ГВНиП, стр. 297, № 300. *Хр.*— ЛОИИ. Соловецкие акты XV в., № 6. *Изд.*— ЛСА, XLIV, 2; Н. Г. Порфиридов. Именные владычные печати Новгорода. СА, 1958, 3, стр. 225, рис. 1, *6*.

42. *Л. с.* Изображение креста; по сторонам буквы (рис. 1, *36*). Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение богоматери «Знамение» в рост, по сторонам буквы (рис. 1, *37*), 6 экз.

42—1. *Д.*—30—34 *мм. М. н.*— Новгород, до 1906 г. *Хр.*— Лих., ОНГЭ. *Изд.*— ЛСА, XII, 12.

42—2. *Д.*—32—36 *мм. М. н.*— сохранилась при данной Онцифора Осипова сына Соловецкому монастырю, 1478—1480 гг. ГВНиП, стр. 307, № 318. *Хр.*— ЛОИИ. Соловецкие акты, XV в., № 18. *Изд.*— ЛСА, XLIV, 1.

42—3. *Д.*—31—34 *мм. М. н.*— сохранилась при купчей Кирилла и его детей у Макария, не позднее 1459 г. ГВНиП, стр. 295, № 297. *Хр.*— ЛОИИ. Соловецкие акты XV в., № 8. *Не издана.*

42—4. *Д.*—33—35 *мм. М. н.*— сохранилась при данной Федосьи Харитоновой жены Соловецкому монастырю, 1459—1469 гг., ГВНиП, стр. 296, № 298. *Хр.*— ГПБ. Собрание актов, карт. 1, № 10а. *Не издана.*

42—5. *Д.*—31—36 *мм. М. н.*— сохранилась при духовной Григория Ивановича, XV в., ГВНиП, стр. 312, № 328. *Хр.*— ЛОИИ. Соловецкие акты XV в., № 30. *Не издана.* (Указание ГВНиП на издание ошибочно.)

42—6. *Д.*—32—35 *мм. М. н.*— Новгород, 1947 г., раскопки на Ярославовом Дворище (пл. 9, кв. CIX). *Хр.*— ГИМ, № 82582, кол. опись 1143/1561. *Не издана.*

Заметки

М. Н. КЛАПЧУК

ПЕРВЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

В 1960—1962 гг. в Центральном Казахстане был обнаружен ряд палеолитических памятников. Приводим их описание.

Кенжебайсай 7. Палеолитическая стоянка Кенжебайсай расположена в одноименном логу в 8 *км* к востоку от могилы Кентобе. Здесь на поверхности коренных пород геолог В. С. Танцырев нашел в 1960 г. 13 кремневых предметов. Цвет кремня серовато-желтый. Между находками особого внимания заслуживают два небольших рубильца. Первое из них (рис. 1, *1*) имеет размеры 69 × 55 × 22 и второе — 68 × 51 × 16 *мм*. Рубильца имеют удлиненно-миндалевидную форму. Они обработаны грубыми сколами, направленными на обеих поверхностях от краев к середине. Все грани, за исключением небольшого участка, предназначенного для упора в первую фалангу указательного пальца, острые.

Ближайшими палеолитическими памятниками являются стоянки хребта М. Каратау, но их древнепалеолитические и мустьерские рубящие орудия слишком крупные и массивные [1], чтобы их можно было сравнивать с кенжебайсайскими. Каратауские орудия имеют почти круглую форму, что также резко отличает их от кенжебайсайских.

Кроме рубилец, на стоянке Кенжебайсай 7 было найдено скребловидное орудие (рис. 1, *2*) размерами 78 × 52 × 25 *мм*. Оно изготовлено из гальки, которая была расколота поперек и тщательно обработана по поверхности раскола.

Кроме того, найдено грубо обитое орудие с рабочим концом в виде резца и отщепы случайных очертаний. Следы окатанности отсутствуют. Судя по всему, находки на стоянке Кенжебайсай следует датировать средним палеолитом и скорее всего ранней стадией его развития.

Сары-Су. На галечнике в месте пересечения песков Моинкум и р. Сары-Су, к западу от селения Апакай, в 1962 г. В. С. Танцырев собрал восемь кремневых предметов. Кремень молочного, серого и коричневого цвета, покрытый местами патиной. Окатанность значительная.

Между находками имелась галька с краевой обработкой (рис. 1, *3*), три пластинки и два отщепа, но особого внимания заслуживают типичный мустьерский остроконечник (рис. 1, *4*) и небольшое орудие типа скобеля, датирующие весь комплекс находок средним палеолитом.

Кзыл-Джар 3. В 7,3 *км* к западу от пос. Кзыл-Джар имеется ничем не заметный участок левобережной террасы р. Сары-Су. В обнажениях она имеет следующий разрез:

[1] Х. А. Алпысбаев. Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане. СА, 1961, 1, стр. 133—134.

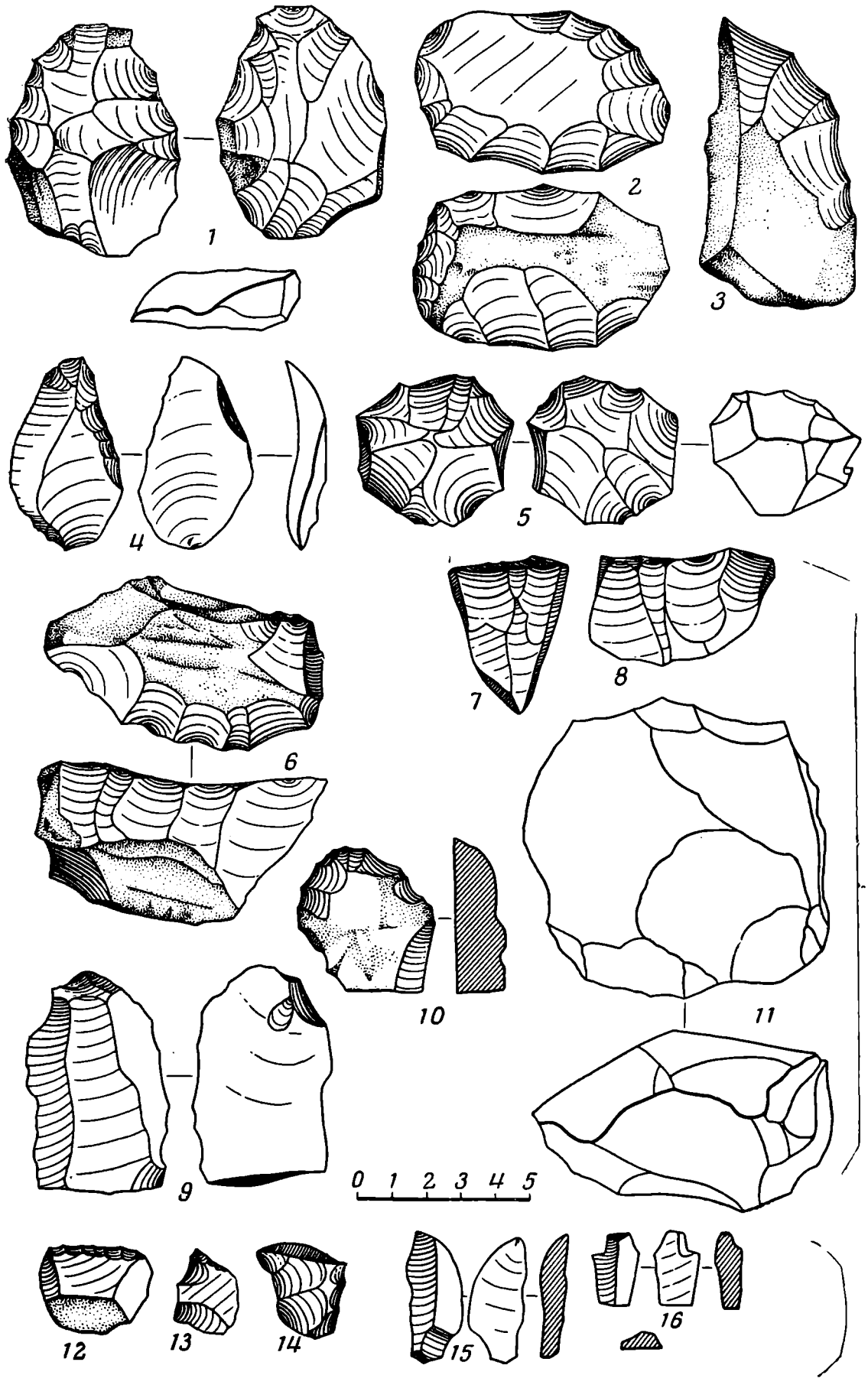


Рис. 1. Палеолитические орудия труда из Центрального Казахстана

1, 2 — стоянка Кенжебайсай; *3, 4* — место нахождения на Сары-Су; *5* — Кзыл-Джар 3; *6—10*—стоянка Джаман-Тау, *11—16* — стоянка Батпак 8

Глубина, (*м*)	Описание пород
0,00—0,04	Песок темно-серый, мелкозернистый, пылеватый
0,04—0,08	Песок темно-серый, мелкозернистый, тонко-слоистый
0,08—0,15	Супесь серая, пылеватая
0,15—0,40	Супесь желтовато-серая, пылеватая, с примесью мелкозернистого песка
0,40—1,25	Песок желто-бурый, мелкозернистый, с примесью гравия
1,25—1,35	Светлый карбонатный горизонт

На поверхности карбонатного горизонта был обнаружен небольшой дисковидный нуклеус (рис. 1, *5*), характерный для мустьерских культурных комплексов. Его размеры 5,2 × 4,7 × 4,1 *см*. Одна его сторона почти плоская, другая конусная. На обеих сторонах нуклеуса имеются негативы коротких отщепов с большими ударными бугорками, идущих во всех направлениях с краев к центру.

Первые надпойменные террасы р. Сары-Су датируются верхним плейстоценом (Q_3). Спорово-пыльцевые данные уточняют эту дату. Проба из карбонатного горизонта, на поверхности которого был найден нуклеус, дала пыльцевой комплекс, характеризующий эфемерную пустынную растительность, произраставшую в период аридного климата, способствовавшего образованию карбонатного горизонта. Пыльцевой комплекс из песка, залегающего над карбонатным горизонтом и над нуклеусом, говорит об изменении климата в сторону его увлажнения и похолодания, что имело место во время последнего оледенения. Таким образом, время обитания первобытного человека в Кзыл-Джар 3 следует отнести к концу последнего межледниковья перед самым началом последнего оледенения, т. е. к концу мустьерской эпохи.

Джаман-Тау. На южной стороне горы Джаман-Тау геолог Л. С. Симутин нашел в 1960 г. 30 каменных предметов. Изготовлены они из серого фельзита и окремненного грубозернистого песчаника желтовато-коричневого цвета. Между находками имелись нуклеусы, часть из которых представлена призматическими формами и часть — грубыми обломками породы со следами скалывания пластин (рис. 1, *6*). Ряд находок представлен пластинами и отщепами (рис. 1, *9*). Кроме полуфабрикатов, были найдены скребки. Они больших размеров, обработаны грубой ретушью. Один из них изготовлен из фрагмента массивной пластины и второй — из отщепа с большой пяткой и параллельными поверхностями спинки и брюшка. Найдена также проколка. Находки на стоянке у подножья горы Джаман-Тау носят верхнепалеолитический характер.

Батпак 8. Верхнепалеолитический возраст имеют также находки со стоянки Батпак 8, расположенной на правом берегу р. Батпак в 3 *км* к северу от одноименного селения. Они представлены крупным нуклеусом грубой дисковидной формы (рис. 1, *11*), небольшими трехгранными пластинками, сечениями ножевидных пластинок (рис. 1, *15, 16*), небольшим скребком из отщепа (рис. 1, *12*) и проколкой (рис. 1, *13*). Некоторые из находок имеют архаичные формы, но наличие на стоянке сечений почти микролитических пластинок, а также залегание их на поверхности желтобурого монотонного суглинка, отложившегося в верхнем плейстоцене (Q_3), говорит о верхнепалеолитическом возрасте стоянки, а точнее об обитании здесь первобытного человека в самом конце палеолита.

Выводы. Описанные палеолитические находки из Центрального Казахстана пока еще очень немногочисленны и фрагментарны. В основном они представлены подъемным материалом и, за исключением нуклеуса из стоянки Кзыл-Джар 3, лишены стратиграфии. Но тем не менее они бросают свет на вопрос о заселении первобытным человеком севера Азии и дают возможность коснуться решения некоторых спорных вопросов палеолита на конкретном материале.

Палеолитические находки в Центральном Казахстане сконцентрированы в бассейне р. Сары-Су. Древнейшие из них имеют раннемустьерский возраст.

Пойма р. Сары-Су имеет тугайную растительность. Это способствовало проникновению человека через полынно-солянковую пустыню в бассейн рек Нура и Ишим. Дальше к северу имеется множество речек, текущих в меридиональном направлении и с интразональным характером растительности. Связанные с лесной зоной луга проникали (как и сейчас [2]) в степи и полупустыню Центрального Казахстана и сюда же направлялись с севера сибирские эласмотерии и мамонты [3]. Навстречу последним на север продвигался первобытный человек и осваивал постепенно пространства Северного Казахстана и Сибири. Таким образом, можно считать, что через Центральный Казахстан проходил по крайней мере один из путей расселения первобытного человека на север Азии из его прародины на юге.

Материалы из Кзыл-Джар 3 подсказывают, что одним из возможных моментов, способствовавших проникновению человека с юга на север, был теплый, возможно начавший уже увлажняться, период непосредственно перед оледенением. Тогда имелись оптимальные условия для преодоления первобытным человеком песков Моинкум и пустыни Бетпак-Дала [4].

[2] Н. В. Павлов. Ботаническая география СССР. Алма-Ата, 1948, стр. 190.

[3] По р. Батпак и верховьям р. Ишим наблюдается большое скопление остатков плейстоценовой фауны. В. С. Бажанов, Н. Н. Костенко. Атлас руководящих форм млекопитающих антропогена Казахстана. Алма-Ата, 1962, карта на стр. 62.

[4] Считаю долгом поблагодарить А. А. Формозова за ценные советы при просмотре рукописи.

О. К. БЕРДЫЕВ

СТРАТИГРАФИЯ ТОГОЛОК-ТЕПЕ В СВЯЗИ С РАССЕЛЕНИЕМ ПЛЕМЕН ДЖЕЙТУНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Поселение Тоголок-Тепе находится в 4—5 *км* к северу от Чопан-Тепе на землях селения Орта-Яйлы Геок-Тепинского района Туркменской ССР. Поселение представляет оплывший холм, почти полностью перекрытый развалинами раннесредневекового замка, имеющими вид характерного плоскогорья, с крутыми склонами диаметром более 50 *м* и высотой около 10 *м*. В 2 *км* к северу от городища начинаются первые песчаные гряды Кара-Кумов. Поблизости его в древности протекал один из протоков канала Секиз-Яба, следы которого прослеживаются и сейчас. В настоящее время окрестности поселения Тоголок-Тепе распаханы. Так что в бороздах на значительной территории встречается большое количество фрагментов керамики, каменных поделок и кремневых отщепов.

Поселение Тоголок-Тепе впервые обнаружено в 1939 г. А. А. Марущенко [1]. В 1946 г. А. А. Марущенко вторично обследовал холм, с поверхности которого им был собран довольно большой керамический материал. В 1950 г. поселение было осмотрено С. А. Ершовым, которым, помимо сборов подъемного материала, было сделано описание холма и его окрестностей. В это время местное население начало разбирать почву с южной стороны холма на удобрение полей.

С целью установления стратиграфии этого неолитического памятника весной 1961 г. у южного подножья холма, где колхозниками был снят ран-

[1] Материал хранится в секторе археологии Института ИАиЭ АН ТуркмССР.

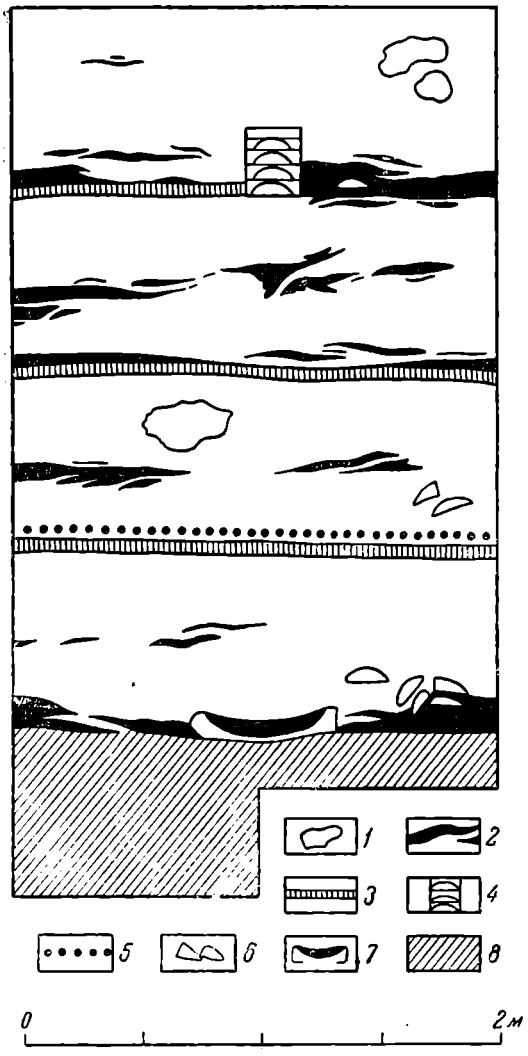


Рис. 1. Разрез шурфа

1 — камни; *2* — зола; *3* — обмазка пола; *4* — стены; *5* — алебастровая штукатурка; *6* — завалы; *7* — очаги; *8* — материк

несредневековый слой, был заложен стратиграфический шурф размером 3×2 *м*^{2}.

В шурфе были зачищены хорошо сохранившиеся полы, по которым выделены четыре строительных горизонта (рис. 1). Пол самого нижнего строительного комплекса почти сплошь был покрыт золой. В центре пола обнаружены остатки разрушенного очага, конструкцию которого установить не удалось. В этом горизонте найдено всего лишь несколько обломков керамики, из которых три расписных, и кости мелкого рогатого скота. Обломки настолько невыразительны, что судить о форме сосудов затруднительно. Орнаментальные мотивы состоят из переплетающихся друг с другом вертикально-волнистых линий (рис. 2, *10, 11*).

Пол следующего второго строительного горизонта состоит из глиняной обмазки, покрытой сверху алебастровой штукатуркой. В юго-восточном углу шурфа удалось расчистить остатки стены, сложенной из так называемых глиняных «булок». В синхронных Тоголок-Тепе поселениях Джейтуне[3], Чопан-Тепе[4], Чагыллы-Тепе[5] и Бами[6] вскрытые дома также сложены из аналогичных «булок». В разрезе эти булки имеют овальную форму шириной 20—22 *см*. Южнее стены находится очаг в виде углубления в полу, а рядом отмечены отпечатки тростниковой циновки. Материал, обнаруженный во втором строительном горизонте, представлен в основном фрагментами керамики, по которым можно наметить формы сосудов. Это различные варианты плоскодонных корчаг и чаш.

Корчаги имеют цилиндрическое, а в некоторых случаях слегка сужающееся кверху тулово; венчик прямой, с легким заострением кверху (рис. 2, *8*), иногда плавно отогнут наружу (рис. 2, *12*). Также встречаются венчики с утолщением в верхней части (рис. 2, *2*), в редких случаях они приобретают форму выкружки (рис. 2, *4, 12*). Толщина стенок варьирует от 1 до 3,5 *см*, диаметр горла — от 20 до 35 *см*. Эти сосуды служили, вероятно, для хранения запасов пищи.

Чаши отличаются более тонкой выделкой, имеют глубокую полусферическую форму; венчики заостренные и прямые (рис. 2, *5*). Толщина

---

[2] В раскопках участвовали: А. А. Марущенко (руководитель раскопа), Д. Дурдыев, Е. Атакаррыев, Х. Юсупов и О. К. Бердыев. Пользуюсь случаем принести благодарность А. А. Марущенко за любезно предоставленные материалы для настоящей заметки.

[3] В. М. Массон. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1961, стр. 41.

[4] Там же, стр. 64.

[5] О. Бердыев. Чагыллы-Тепе. ИАН ТуркмССР, 1, 1964, стр. 89.

[6] О. К. Бердыев. Стратиграфия Бамийского поселения. СА, 1963, 4, стр. 188.

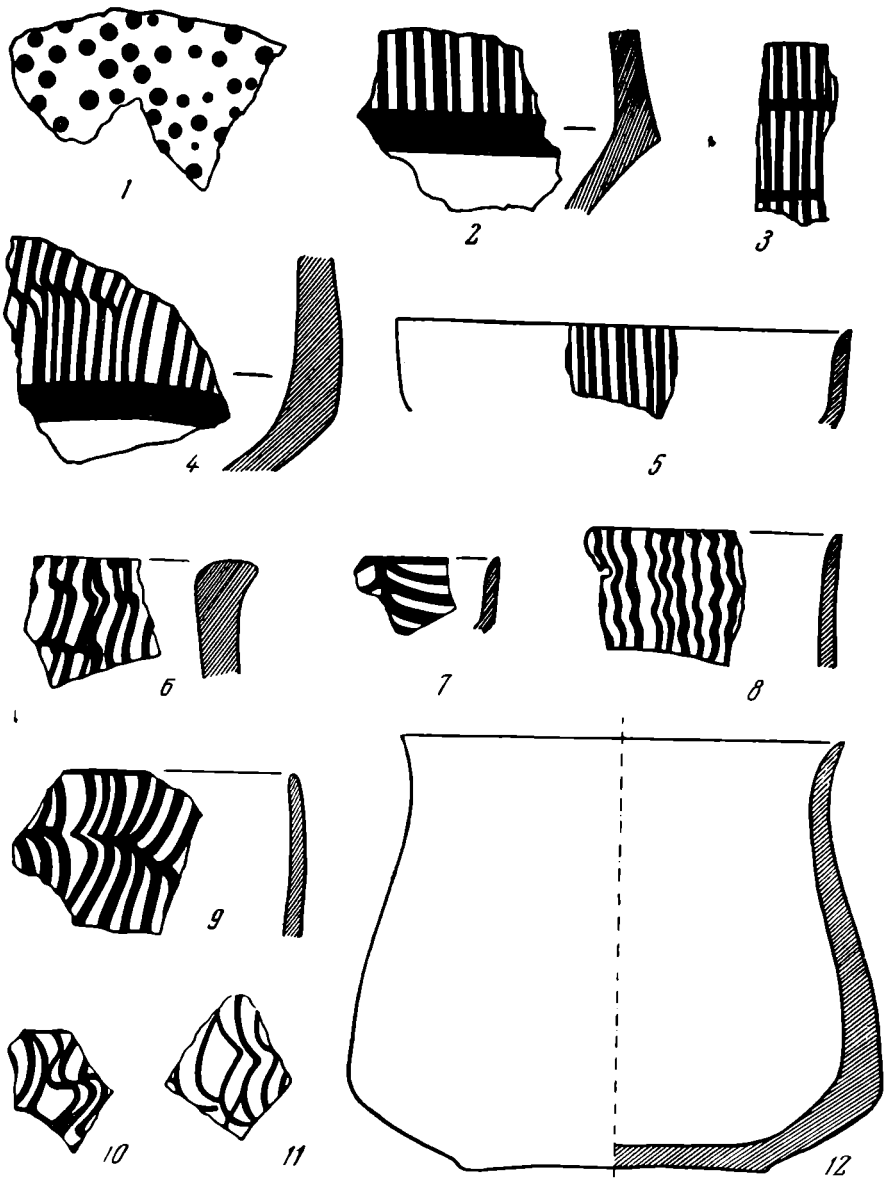


Рис. 2. Керамика из Тоголок-Тепе

стенок колеблется от 0,5 до 1,5 *см*, диаметр венчика не превышает 35 *см* при диаметре дна 15—25 *см*.

Орнаментальные мотивы в основном состоят из вертикальных волнистых линий и рядов небольших дуг в различных вариациях. Первый тип орнамента представлен волнистыми вертикальными линиями по гладкому фону (рис. 2, *8*), а в некоторых случаях переплетающихся друг с другом (рис. 2, *6*). Ряды дуг в основном расположены вертикально (рис. 2, *9*). В редких случаях дуги расположены горизонтально (рис. 2, *7*). Эти мотивы росписи характерны для нижних слоев Чопан-Тепе[7] и Джейтуна[8]. Большинство обломков глиняных сосудов имело орнамент в виде частых прямых вертикальных линий с редкими горизонтальными перехватами (рис. 2, *2—4*). В единственном экземпляре встречен орнамент в виде точек (рис. 2, *1*). Кроме керамики найдено два вкладыша жатвенного ножа и один обломок ножевидной пластинки без дополнительной обработки. Оба вкладыша изготовлены из пластинки с двумя рабочими краями.

Пол лежащего выше третьего строительного горизонта толщиной 5—7 *см* состоит из глиняной обмазки с примесью мелкорубленой соломы. Поверхность пола почти сплошь покрыта небольшим слоем золы.

---

[7] С. А. Ершов. Чопан-Тепе. ТИИиЭ. АН ТуркмССР, II, Ашхабад, 1956, стр. 18.
[8] В. М. Массон. Ук. соч. ТЮТАКЭ, X, стр. 60.

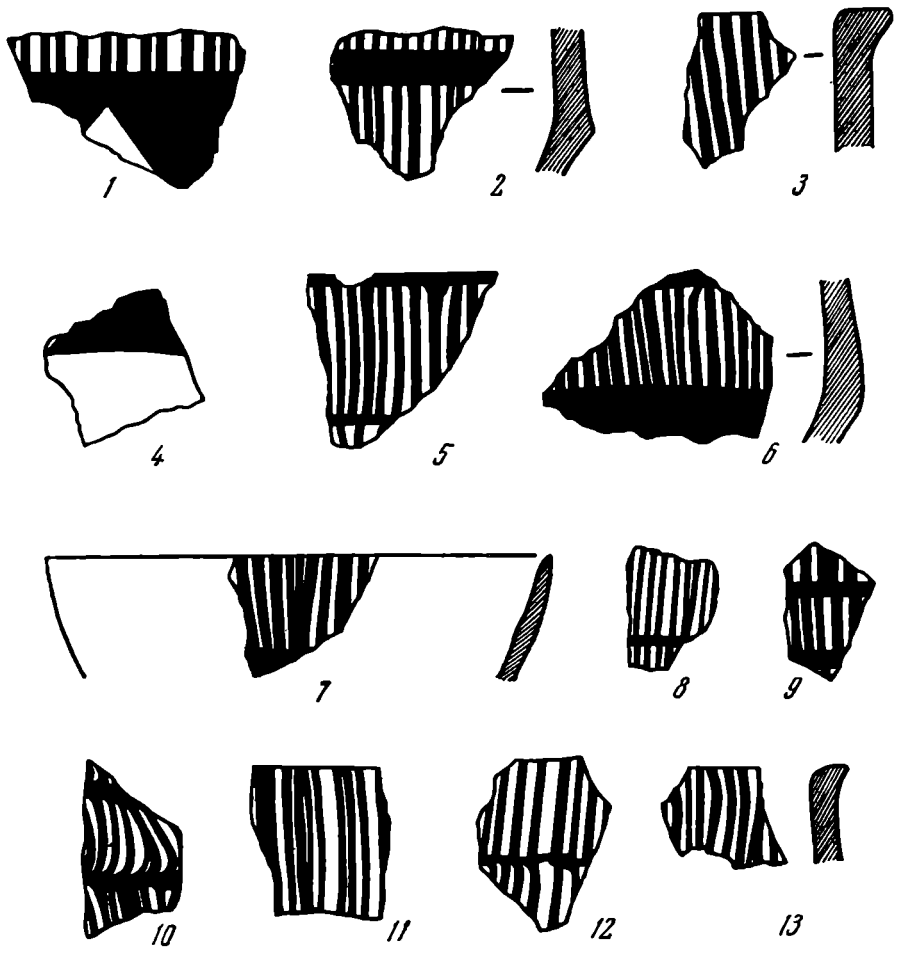


Рис. 3. Керамика из Тоголок-Тепе

Бо̀льшая часть керамики расписная. Основным мотивом росписи является орнамент в виде частых прямых вертикальных линий, пересеченных редкими горизонтальными (рис. 3, *7—9, 11—13*). Встречен рисунок, состоящий из закрашенных треугольников (рис. 3, *1*). Один фрагмент имел орнамент, состоящий из вертикальных рядов дуг (рис. 3, *10*). Найдено два целых и один обломок от односторонних вкладышей жатвенных ножей с крутой ретушью; кроме того, найдены две ножевидные пластины без дополнительной обработки. Особо следует отметить костяное орудие, изготовленное из лопатки животного. Подобные орудия в большом количестве обнаружены на Джейтуне [9] и определяются как скобели, предназначавшиеся для обработки кожи [10]. В небольшом количестве встречены кости мелкого рогатого скота.

В самом верхнем, четвертом строительном горизонте шурф прорезал стену шириной 20 *см*, сложенную из «булок». Пол был покрыт глиняной обмазкой с примесью соломы, на которой обнаружены отпечатки тростниковой циновки. В северо-западной части шурфа находились довольно мощные золистые слои с включением древесных угольков; здесь найдено небольшое количество керамики. Вся керамика покрыта росписью в виде частых прямых вертикальных линий с редкой горизонтальной чертой (рис. 3, *2*, *3*). Кроме керамики найдены обломки жатвенных ножей.

В связи с тем, что слои поселения Тоголок-Тепе не раскапывались на больших площадях, количество форм посуды, мотивов росписи и кремневых орудий, известных сейчас на этом памятнике, довольно ограничено.

---

[9] В. М. Массон. Ук. соч., стр. 59.

[10] Г. Ф. Коробкова. Определение функции каменных и костяных орудий с поселения Джейтун по следам работы. ТЮТАКЭ, X, стр. 127.

Украшения и предметы искусства вовсе не встречены. Вся глиняная посуда сделана от руки ленточным способом. Внешняя и внутренняя поверхность дополнительно обмазывалась слоем глины с примесью соломы; обжиг черенка умеренный. Сосуды в основном покрыты светло-коричневым, красным и желтовато-красным ангобом; роспись наносилась темно-красной и коричневой краской. Все указанные выше материалы с несомненностью свидетельствуют о принадлежности поселения Тоголок-Тепе к неолитической джейтунской культуре.

Среди раннеземледельческих памятников Южного Туркменистана наиболее древнейшими являются поселения Джейтун и нижние слои Чопан-Тепе. Мотивы росписей ранней стадии джейтунской культуры состоят из вертикально-волнистых и скобчатых рисунков. С VI яруса Чопан-Тепе начинается поздняя фаза этой культуры, которая отсутствует на самом Джейтуне. Здесь скобчатая роспись при стремлении к выпрямлению линий превращается в сеточный рисунок[11] (частые вертикальные линии с редкими горизонтальными перехватами). Появляются новые орнаменты в виде точек и закрашенных треугольников.

Как было указано выше, в самом нижнем строительном горизонте поселения Тоголок-Тепе сосуды в основном были нерасписные, что указывает на принадлежность этого слоя к времени Джейтуна. Во втором строительном горизонте наряду с волнистыми вертикальными линиями появляется орнамент в виде точек и частых прямых вертикальных линий с редкими горизонтальными перехватами, которые характерны для посуды верхнего слоя Чопан-Тепе[12] и нижних слоев Бами[13], Чагыллы-Тепе[14], Сиалк[15].

В третьем горизонте явно преобладает роспись в виде частых вертикальных линий с горизонтальным перехватом, а орнамент в виде рядов дуг и волнистых линий заметно уменьшается. В самом верхнем, четвертом строительном горизонте орнамент из волнистых линий и рядов дуг полностью исчезает и господствующими мотивами становятся частые вертикальные линии с редкими горизонтальными перехватами.

Все это свидетельствует об одновременности материала трех верхних горизонтов с керамикой Чопан-Тепе, начиная с VI яруса и позднее. Это подтверждается и толщиной соответствующих культурных слоев обоих этих памятников.

Неолитическая джейтунская культура на основании ряда признаков датируется V тысячелетием до н. э.[16]. Как было показано выше, материал Тоголок-Тепе относится к поздней фазе этой культуры, что позволяет ориентировочно отнести наш памятник ко второй половине V тысячелетия до н. э.

В настоящее время известные неолитические памятники джейтунской культуры распространены вдоль большей части подгорной полосы Копет-Дага. Раскопки и обследования территории позволяют уже сейчас предварительно разделить эти памятники на три крупные области, которые соответствуют современным ирригационным районам Южной Туркмении (Аркач, Ахал, Этек).

Западный район (Аркачский оазис) тянется от Кизыл-Арват до Бахардена. Все пункты с неолитическими материалами, по-видимому, относятся к поздней фазе джейтунской культуры. Керамика этого типа встречена на Найза-Тепе (между станциями Бами и Кодж), у колодца Бага (30 *км*

---

[11] В. М. Массон. Ук. соч., стр. 60.
[12] С. А. Ершов. Ук. соч. ТИИАиЭ, II, Ашхабад, 1956, стр. 18.
[13] О. К. Бердыев. Ук. соч. СА, 1963, 4.
[14] О. Бердыев. Чагыллы-Тепе, стр. 92.
[15] R. Ghirschman. Foulles de Sialk, I, Paris, 1938, табл. XLII, *9*
[16] В. М. Массон. Ук. соч., стр. 75.

северо-западнее Кизыл-Арват) и на поселении Бами. Раскопки последнего выявили керамику со своеобразными мотивами росписи, возможно, свидетельствующими о локальном варианте общей джейтунской культуры [17].

Центральный район (Ахал) расположен между железнодорожными станциями Бахарден и Анау. Известные пункты с материалом джейтунской культуры — это поселения Джейтун, Чопан-Тепе, Тоголок-Тепе. Кроме того, отдельные находки зарегистрированы в западном углу крепости Новая Ниса, в окрестностях колодцев Кепеле, Кантар, Ярты Гумбез севернее Анау, около станции Келята, в 3 *км* северо-западнее Геок-Тепе, а также между Изгантом и колхозом им. Чапаева Геок-Тепинского района. В этом районе представлены памятники как поздней, так и ранней фазы джейтунской культуры.

Восточный район (Этек) тянется от Анау до низовьев р. Теджен. Памятники интересующего времени здесь пока не отмечены, что отчасти объясняется плохой изученностью самого района.

За последние годы поселения типа поздней фазы джейтунской культуры обнаружены и на юго-востоке между селениями Миана и Чаача на холмах Чагыллы-Тепе и Монжуклы-Тепе. Особенностью керамики этих памятников прежде всего является редкость расписных экземпляров. Так, если в Бами и Тоголок-Тепе орнаментированная посуда составляет около 20%, то в Чагыллы-Тепе она не превышает 2%, а в Монжуклы-Тепе было найдено всего два фрагмента с рисунками. Кроме того, сами росписи на керамике этого района отличаются определенным своеобразием (мотивы лесенки, сетки, дерева и др.). Все указанные отличия дают право выделять три локальные группы памятников джейтунской культуры.

В настоящее время, видимо, можно говорить о постепенном освоении подгорной равнины раннеземледельческими племенами, которые продвигались из центрального района одновременно на запад и на восток. Расселение по новым данным относится ко времени поздней фазы джейтунской культуры. Предшественники джейтунцев, являющиеся охотниками и собирателями, видимо, спустились с гор на равнину и в низовьях горных ручьев перешли к искусственному орошению полей. Вполне можно согласиться с В. М. Массоном, который считает, что «с увеличением населения началось расселение в поисках невозделанных пространств» [18], в результате чего были освоены западные и юго-восточные районы.

Естественно возникает вопрос, были ли заселены человеком те места, которые потом начали осваивать носители джейтунской культуры?

В результате раскопок Кизыл-Арватского поселения [19] была обнаружена керамика, отличающаяся от крашеной керамики древних земледельцев Южного Туркменистана. Это грубая лепная посуда серого или черного цвета с примесью толченых раковин. Венчик сосуда гладкий, с округленным сверху краем, в профиле имеется легкий выгиб в наружную сторону и легкая выпуклость брюшка; некоторые сосуды имели утолщенный венчик. Часть их на внешней стороне имеет орнамент в виде нарезных узоров.

Культурный слой толщиной 15—20 *см* с описанной керамикой близко напоминает посуду прикаспийского неолита (Джебел и Кизыл-Лай) и находится ниже слоя с лощеной керамикой красного фона типа Анау II. Между этими слоями имеется стерильная прослойка, свидетельствующая,

---

[17] О. К. Бердыев. Ук. соч. СА, 1963, 4.

[18] В. М. Массон. Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур. ТЮТАКЭ, X, стр. 17.

[19] Холм впервые был обнаружен А. А. Марущенко в 1930 г., в 1950 г. С. А. Ершовым был собран подъемный материал. В 1959—1960 гг. произведены раскопки под руководством А. А. Марущенко. Материалы хранятся в секторе археологии АН ТуркмССР.

видимо, о большом разрыве. Незначительность слоя и характер находок не оставляют сомнения, что кизыл-арватцы были бродячими охотниками и собирателями; подобный материал был встречен и в окрестностях Келята [20]. Наличие этих стоянок в районах, которые позднее были освоены потомками джейтунцев, указывает, что эти районы были вначале заселены охотниками и собирателями еще до прихода земледельцев.

Носители джейтунской культуры пришли в западные и юго-восточные районы уже с опытом возделывания земли. Переход от собирательства к земледелию и от охоты к скотоводству был завершен задолго до начала жизни в Тоголок-Тепе, Бами и Чагыллы-Тепе. В пору поздней фазы джейтунской культуры на всех поселениях наблюдается резкое увеличение земледельческого инвентаря, в частности кремневых вкладышей жатвенных ножей и зернотерок, что указывает на развитие земледелия и на его основную хозяйственную роль в жизни насельников этих мест. Земледелие, судя по расположению поселений в полосе выноса затухающих русел, являлось примитивным, основанным на лиманном способе орошения. На данном этапе наряду с земледелием определенную роль играло и скотоводство. Изучение остеологического материала памятников, синхронных Тоголок-Тепе, позволило установить, что в составе стада преобладал мелкий рогатый скот. По-видимому, немалую роль по-прежнему продолжала играть и охота. Дальнейшее изучение неолитических памятников, несомненно, приведет к новым интересным открытиям.

[20] Материалы находятся в секторе АН ТуркмССР.

А. Л. НИКИТИН

ФАТЬЯНОВСКИЙ МОГИЛЬНИК У С. ХАЛДЕЕВО

В 1958 г. в Ростовский краеведческий музей поступило несколько предметов от шофера тов. Соловьева [1]. По его словам вещи (рис. 1, *2*, *4*) были найдены вместе с человеческими костями, встречавшимися здесь и ранее, в стенке гравийного карьера у с. Халдеево. Они оказались принадлежащими к фатьяновской культуре; возникло предположение, что карьером разрушается могильник.

Небольшой круглодонный сосудик с вертикальным венчиком, тонкостенный (рис. 1, *2*), был покрыт светло-коричневым лощением. По плечикам и венчику сосуда нанесен орнамент из двух зон вертикально поставленных оттисков мелкозубчатого штампа. Край венчика слегка отогнут, венчик отделен от всего сосуда прочерченной полосой. Дно сосуда украшено небольшим вдавлением. В качестве примеси к глиняному тесту использованы песок и шамот (?). На наружной стенке сосуда виден отпечаток зерна злака. Вместе с сосудом было доставлено костяное кинжаловидное орудие (рис. 1, *4*), имеющее на поверхности следы прежней заполированности.

Обследование места находки подтвердило существование могильника в этом месте. В 600 *м* на запад от с. Халдеево в сторону дер. Олебино, в 200 *м* от дороги, их соединяющей, среди пашен, на водоразделе между р. Устье и р. Луть находится небольшой холм (местное название — «горушка»), откуда открывается широкий вид на Ростовскую приозерную котловину, окружающую местность, и на ряд высоких холмов — Чудинов, Благовещенский и Ильинский. На последнем холме в карьере тоже было

[1] А. Л. Никитин. Отчет об археологической разведке 1958 года в Ростовском районе Ярославской области. Архив ИА АН СССР, Р — 1, д. № 1772.

найдено фатьяновское погребение [2]. В наивысшей точке холм поднимается над окружающей местностью до 7—8 *м* и вытянут с севера на юг, постепенно понижаясь. Поверхность его покрыта густым кустарником и отдельными высокими деревьями. В северной части холма находится неглубокий искусственный (?) водоем прямоугольной формы, сплошь заросший; среднюю часть холма, где бульдозер снял слой более 1 *м*, занимает гравийный карьер, в котором и были сделаны находки.

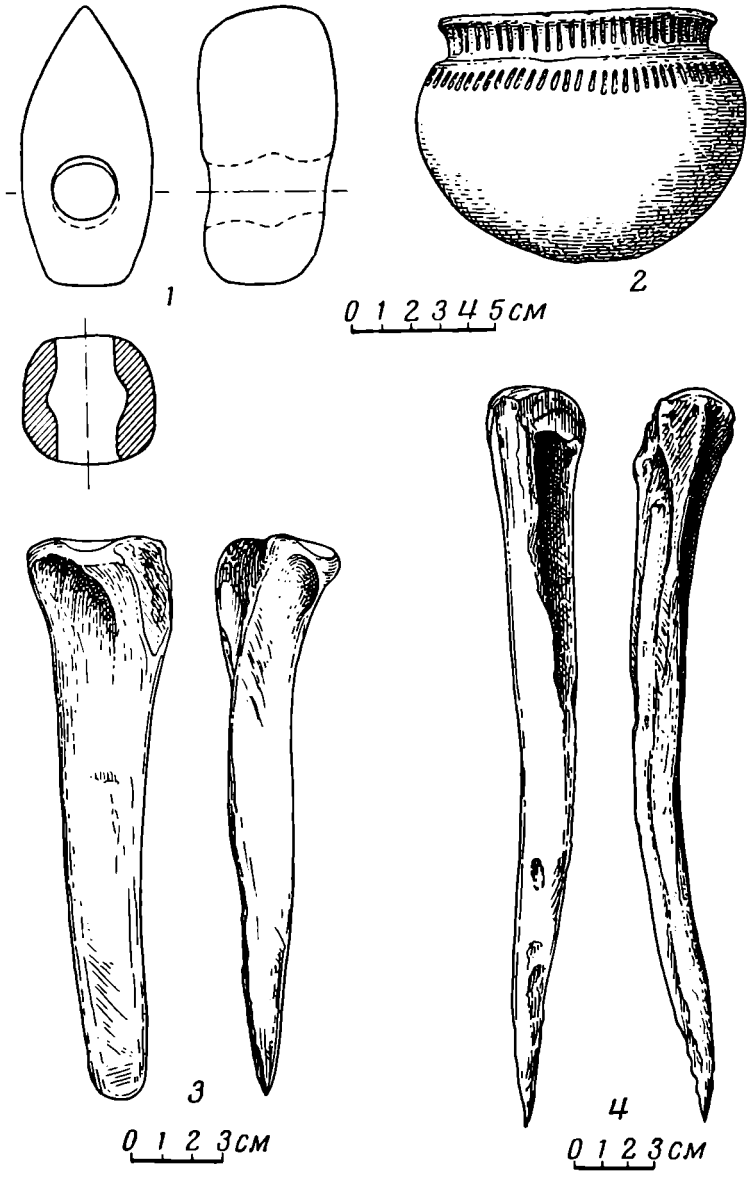


Рис. 1. Предметы, найденные на Халдеевском могильнике
1 — камень; *2* — глина, *3—4* — кость

Халдеевский холм оставлен мореной, в значительной мере смытой и сохранившейся в виде шапки лишь в северной части. Основное тело холма сложено из слоев гравия, подстилаемых крупнозернистым песком с валунами. Карьер размером 60 × 40 *м* (рис. 2, *1*) выработан до глубины 4—5 *м*. Наиболее сохранилась северо-западная часть. Местные жители уже давно пользовавшиеся этим местом для добычи песка, показали, что на всей площади существующего карьера неоднократно встречались человеческие кости и черепки от сосудов. Однако находкам значения не при-

[2] Со слов находчика — экскаваторщика. Упомянуто также в отчете Д. А. Крайнова за 1958 г. Архив ИА АН СССР, Р — 1, д. № 1819.

давали, относя их к недавнему времени. В связи с находками, позволявшими предполагать здесь могильник, земляные работы на холме были прекращены.

Осмотр и зачистка стенок карьера не дали результатов, хотя в осыпях было найдено еще одно костяное долотовидное орудие с заполированным концом (рис. 1, *3*) и каменный боевой топор из зеленоватой кристаллической породы, похожей на оливин (рис. 1, *1*). Топор простого типа[3] сохра-

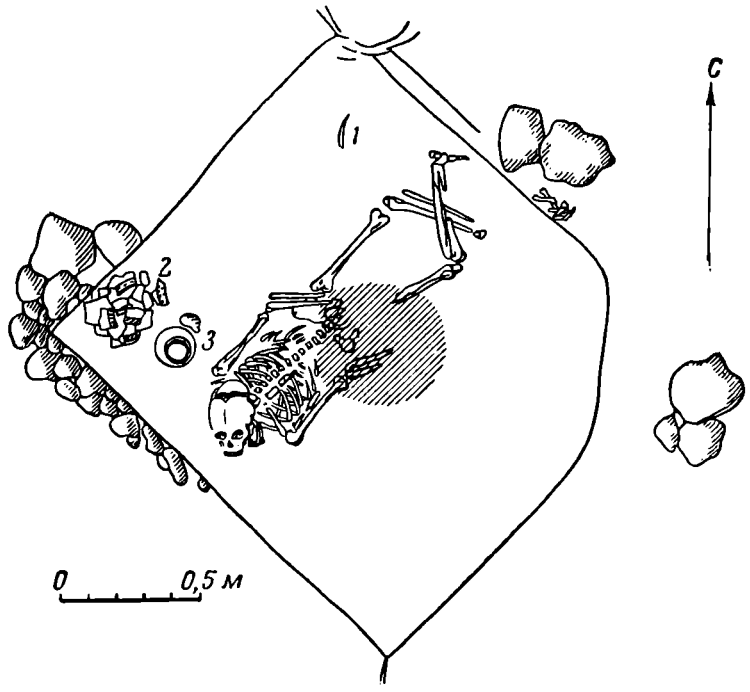


Рис. 2. Халдеевский могильник. Погребение № 1

1 — костяной кинжал, *2* — сосуд № 2, *3* — сосуд № 1

нился хорошо, имеет круглый обушок, слабо намеченную лопасть и косонаправленную двустороннюю полую сверлину.

В 1959 г. на Халдеевском могильнике Д. А. Крайновым и автором были произведены раскопки[4]. Изучение примыкающей к карьеру площади подтвердило изложенную выше стратиграфию отложения: морена с карманами и западинами, напоминающими ямы, перекрывает северо-западную половину холма, в то время как в юго-восточной части над гравийными отложениями находится лессовидная супесь бежевого цвета.

К западу от карьера бульдозером был снят с холма почти весь поверхностный слой мощностью до 1,2 *м* и здесь работы были сосредоточены на останцах. На глубине 0,9 *м* от современной поверхности останца на участках 1—2 траншеи № 4 (рис. 2, *1*) появились очертания ямы в виде глинистого пятна четырехугольной формы размером 2,8 × 3,6 *м*. Над этим пятном было встречено несколько угольков. На глубине 1,1 *м* от сохранившейся поверхности пятно сократилось до квадрата размером 2,2 × 2 *м* и внутри его появилась черная полоса тлёна от 2 до 4 *см*, значительно утолщавшаяся по углам. Это были остатки погребального сооружения.

---

[3] Такой тип не выделен В. А. Городцовым. Придерживаясь его классификации, этот топор можно определить как короткообушковый. В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Имп. Исторического музея за 1914 год, М., 1916.

[4] А. Л. Никитин. Отчет о работе Ростовского отряда ВВАЭ ИА АН СССР в Ростовском районе Ярославской области летом 1959 года. Архив ИА АН СССР, Р — 1, д. № 1896. Там же приведен список сотрудников, участвовавших в раскопках.

Расстояние между стенками ямы и погребальным сооружением колебалось от 0,2 до 0,5 *м*. Такая же черная полоска отходила от южного угла сооружения; от северного — две двойных (рис. 2, *2*). Этот плохо растиравшийся в пальцах черный тлен имел включения песка; под черной полосой песок был слегка известкован. Пол сооружения вогнутый, наклонно уходящий к центру; под полом заметна подсыпка песка. Западный угол могильного сооружения стоял на каменной вымостке (рис. 2, *2*); на месте восточного угла лежали три валуна. На глубине 1,15 *м* появились сосуды и череп погребенного. На глубине 1,22 *м* открылось все погребение.

Скелет, головой направленный на юго-запад, лежал на спине со слегка раздвинутыми и скрещенными в области голени ногами. Череп смещен и вывернут, черепной свод раздавлен. Шесть шейных позвонков вдвинуты в череп; нижняя челюсть смещена, глазницы смотрят на юг. Правая рука погребенного вытянута, левая согнута в локте и положена на кость таза; бедра несколько раздвинуты; часть правой руки, кисть левой, правое бедро и правая часть таза разрушены без остатка. Черное пятно, в зоне которого кости почти совсем не сохранились, по-видимому, следует объяснить воронкой, образовавшейся от провала наката могилы: следы ее были замечены еще при расчистке погребения.

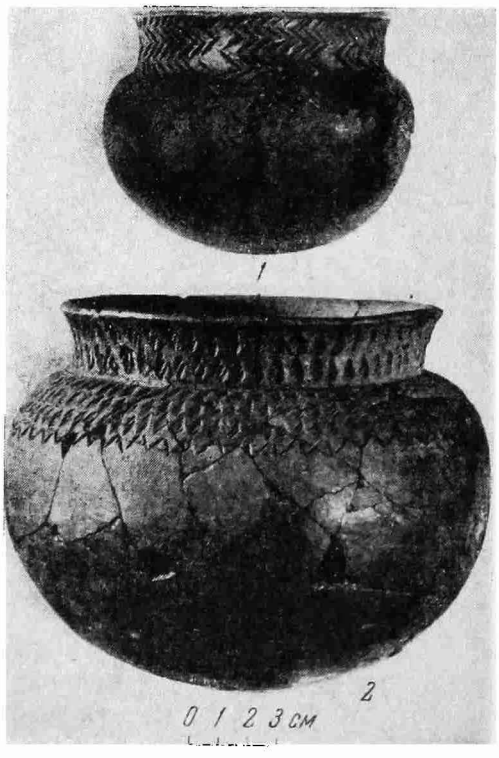


Рис. 3. Сосуды из погребения № 1

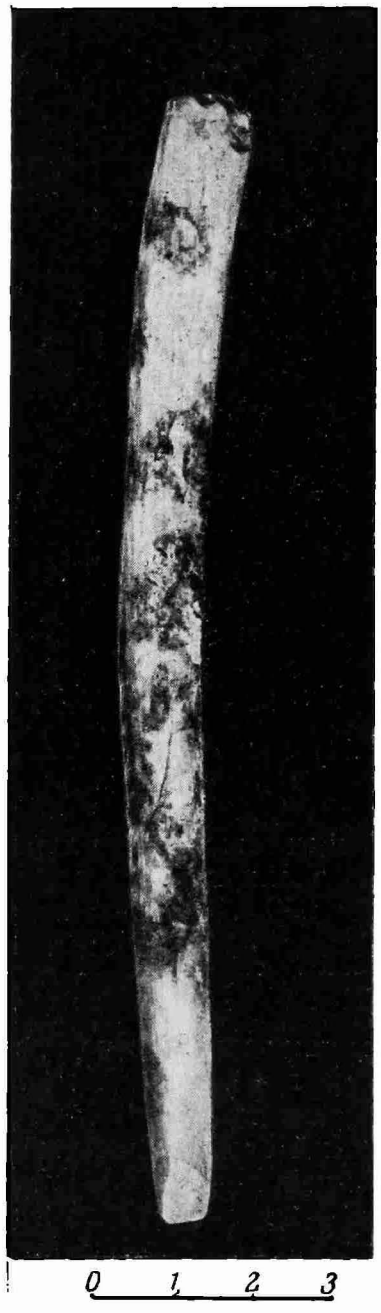


Рис. 4. Костяное долотце из погребения № 1

В западном углу погребального сооружения было найдено два сосуда (рис. 2, *2*). Сосуд № 1 (рис. 3, *1*) круглодонный, небольшого размера,

имеет черно-коричневое лощение и хорошо сохранился. В центре дна находится ямка без орнамента диаметром 2,4 *см*. Сосуд № 2 (рис. 3, *2*) значительно больший по размерам имеет как бы вдавленный венчик и большую бомбовидность. Он найден разбитым; среди его обломков лежал крупный камень и находились кости мелкого грызуна. Сосуд тонкостенный (0,25 *см*), красный, лощеный. Орнаментирован по шейке двумя рядами ромбов, нанесенных отступающей лопаточкой; на плечиках сосуда расположены три пояса таких же ромбов, ограниченных снизу зигзагом из оттисков торца лопаточки. На дне сосуда видна ямка без орнамента диаметром 3,2 *см*.

В 0,3 *м* к северо-западу от правой стопы погребенного лежало костяное долотце (рис. 4). Хотя долотце было сильно заполировано от употребления, на поверхности кости были хорошо видны следы строгания при обработке. За пределами погребального сооружения у северо-восточной стенки могилы находились кости жертвенного животного.

Кроме этого погребения других могил не удалось обнаружить. Тем не менее, нельзя утверждать, что Халдеевский могильник исчерпан полностью и не даст в дальнейшем новых могил. Единственное, найденное в 1959 году погребение [5] как по обряду захоронения, так и по инвентарю ничем не выделяется из ряда известных фатьяновских погребений Ярославской области. Юго-западная ориентировка, наличие погребального сооружения, воронка от провала перекрытия, наконец, инвентарь — все это повторяет уже известное по другим памятникам. Форма и орнамент на сосуде № 1 (рис. 3, *1*) имеют аналогии на посуде Уткинского могильника. Сосуд № 2 (рис. 3, *2*) чрезвычайно схож с сосудом из погребения № 1 Мытищинского могильника [6], напоминает сосуд из Великосельского могильника [7] и близок некоторым сосудам из Вауловского могильника [8].

Костяное долотце (рис. 4), так же как и костяные орудия, найденные в 1958 году (рис. 1, *3*, *4*), могут быть сравниваемы с такими же орудиями Тимофеевского [9], Вауловского, Милославского [10] и Великосельского могильников.

Несколько необычное положение костей скелета позволяет нам воспроизвести позу, в которой был погребен умерший. По-видимому, покойник находился в полусидячем положении, с приподнятой головой, опираясь затылком и правой теменной костью о стенку погребального сооружения так, что лицо его было обращено на юг; руки скрещены на животе, ноги согнуты в поднятых коленах, голени связаны. Дальнейшие изменения в положении скелета следует, вероятно, связывать с провалом перекрытия погребальной камеры и заполнением ее землей. Обкладка погребального сооружения камнями также известна по раскопкам других могильников [11].

Заслуживает внимания отпечаток зерна злака (ячмень?) на стенке сосуда 1958 г. Хотя хозяйство фатьяновских племен обычно считалось скотоводческим, некоторые исследователи в последнее время допускали суще-

[5] Вещи, найденные в 1958 г., судя по их местонахождению, принадлежат двум погребениям: к первому относится сосуд (рис. 1, *2*) и костяной кинжал; ко второму — топор и костяное орудие. Погребение 1959 г., таким образом, третье.

[6] О. Н. Бадер, Мытищинский могильник фатьяновского типа, КСИИМК, 75, 1959.

[7] А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье, ЗОРСА РАО, V, стр. 91, рис. 69, табл. XXIV, *2*, *3*.

[8] Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Тр. ГИМ, XII, М., 1941.

[9] Д. А. Крайнов. Отчет о раскопках в 1959—1961 гг. в ИА АН СССР.

[10] Д. А. Крайнов. Новые памятники фатьяновской культуры, КСИА, АН СССР, 84, 1961.

[11] В великосельском могильнике (В. А. Городцов. Раскопки могильника на Черной горе в окрестностях с. Великого Ярославской губернии и уезда, Ярославль, 1898), Тимофеевском могильнике (раскопки Д. А. Крайнова) и др.

ствование в них земледелия [12]. Не исключено, что впервые земледелие на Верхнюю Волгу было принесено именно фатьяновцами, особенно если принять гипотезу А. Я. Брюсова о происхождении культур «боевых топоров» из южных степей [13]. Подобные отпечатки и сами зерна злаков были найдены в тесте сосудов из могильника «Дикариха» [14]. Важность этой находки заключается в том, что в слое поселения, прорезанном могильником, встречено большое количество фатьяновской керамики.

По всей видимости, Халдеевский могильник был типичным памятником ярославской группы фатьяновской культуры [15], содержавшим (судя по показаниям находчиков) до 10—15 погребений, материал которых отчасти повторял инвентарь других известных могильников, привлеченных для сравнения, и, вероятнее всего, был синхронен им. Поскольку материал Халдеевского могильника сам по себе не является датирующим, то приведенные аналогии позволяют, как мне кажется, отнести его к фазе наибольшего распространения фатьяновской культуры в этих районах. Абсолютная датировка могильника будет зависеть от уточнения датировок памятников, упомянутых в качестве аналогий [16].

[12] О. Н. Бадер, Лихачевский могильник, СА, 2, 1937, его же. К истории первобытного хозяйства на Оке и в верхнем Поволжье в эпоху металла. ВДИ, 1939, 3; Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Тр. ГИМ, XII, 1941.

[13] А. Я. Брюсов. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тыс. до н. э. СА, 1961, 3.

[14] Культура ложно-текстильной керамики, вторая половина II тыс. до н. э. Отчеты в раскопках за 1959—1961 гг. в Архиве ИА АН СССР, А. Л. Никитин, Дикариха. МИА, 110, 1963.

[15] Сосуды Халдеевского могильника имеют типичный двузонный орнамент, выделяемый О. А. Кривцовой-Граковой в качестве одного из характерных признаков этой группы. О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, 16, 1947.

[16] Наиболее вероятную абсолютную дату для этой группы фатьяновских могильников, по-видимому, дает бронзовый браслет Мытищинского могильника — вторая четверть II тысячелетия до н. э. О. Н. Бадер. Мытищинский могильник фатьяновского типа. КСИИМК, 75, 1959.

Т. А. КРАВЧЕНКО

К ВОПРОСУ О ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ ТИПА «ХУЛА-СЮЧ»

История Чувашского Поволжья на рубеже поздней бронзы и раннего железа представляет значительный интерес для исследователей. На протяжении всего II тысячелетия до н. э. эта область являлась местом соприкосновения самых различных племенных групп, что, несомненно, наложило отпечаток на археологические культуры. К такой своеобразной культурно-исторической общности нам кажется возможным отнести памятники племен с так называемой керамикой типа «Хула-сюч». Среди них основную массу составляют поселения на мысах и открытых площадках надпойменных террас. Сейчас количество поселений достигает около трех десятков [1]. Они расположены на водоразделе р. Суры и частично захватывают Сурско-Волжское междуречье, занимая довольно компактную территорию [2].

[1] Наиболее полная сводка памятников типа «Хула-сюч» и библиография по данному вопросу дана в работе: А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Ср. Поволжья и нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы; Труды Марийской археологической экспедиции, 1961 г., I, Йошкар-Ола, стр. 140, карта 4.

[2] П. Д. Степанов. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья. МИА, 111, 1962, рис. 3.

Благодаря работам Чувашской археологической экспедиции в 1962 г. к указанной выше группе памятников присоединилась значительная коллекция из городища М. Яуши Вурнарского района Чувашской АССР [3]. Этот материал важен потому, что содержит ненарушенный сравнительно мощный слой изучаемого времени. До сих пор основная масса керамики типа «Хула-сюч» происходила из незначительного по мощности разрушенного нижнего культурного слоя поселений городецкого времени, частично сползшего на склоны, частично перекопанного в более позднее время. Исключение составляет Чебаковское [4] и Янымовское [5] селища, где сохранился чистый слой с керамикой типа «Хула-сюч». Своеобразие этих керамических комплексов состоит в том, что наряду с местными чертами форм сосудов и орнаментальными мотивами здесь имеются несомненные южные (срубные) компоненты в материальной культуре этих поселений.

Имеющиеся материалы с Чебаковского, Янымовского селищ и М. Яушского городища позволят в ближайшее время создать относительную хронологию памятников этого типа. Существенный недостаток комплексов заключается в почти полном отсутствии других определяющих вещественных находок и погребальных памятников, что не только осложнило дальнейшее исследование, но и внесло некоторую пестроту суждений в вопрос об их культурной и этнической принадлежности [6]. Эти вопросы смогут быть решены только при их совокупном изучении. За последнее время были введены в научный оборот материалы кургана у дер. Медякасы [7] и ритуального места Хонки-сет [8]. В 1962 г. вскрыт еще один курган данного типа с весьма своеобразным погребальным обрядом [9]. Публикация этого кургана пополнит фактический материал времени «Хула-сюч» и даст также возможность частично решить некоторые неясные вопросы.

Исследуемые курганы расположены в 1,5 *км* к югу от дер. Мамалаево Вурнарского района Чувашской АССР. Местному населению они известны под названием Богатырские. Старожилы помнят их еще до начала тракторной распашки, когда высота их доходила до 2 *м*. В настоящее время они сильно распаханы и имеют высоту немногим более 1 *м*.

Для раскопок был выбран курган № 1, наибольший из двух, немного удлиненный по линии север — юг при высоте 1,16 *м*. Дерновый слой мощностью 20—30 *см* — пахотный, рыхлый, темно-коричневого цвета с небольшими вкраплениями угля; ниже залегал культурный слой в виде темно-серой, местами черной супеси с обилием угля и углистыми прослойками. Слой этот имел толщину 60—95 *см* и составлял насыпь кургана. Более

---

[3] Доклад Н. В. Трубниковой, прочитанный на секции финно-угорской археологии института археологии 28 января 1963 г.

[4] О. Н. Бадер. Чебаковское поселение эпохи бронзы на р. Суре. «Уч. записки НИИ языка, истории, экономики», XIX, Чебоксары, 1960, Материал хранится в Чебоксарском краеведческом музее, коллекция № 8005.

[5] Н. В. Трубникова. Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 г. Селище Хоран-Сор-Сăрче у дер. Янымово. «Уч. зап. ЧН ИИ», XIX, Чебоксары, 1960, стр. 44—49. Материал хранится в Чебоксарском краеведческом музее, коллекция № 8002.

[6] П. Д. Степанов, выделивший впервые поселения типа «Хула-сюч», связывает их с восточным вариантом фатьяновской культуры. П. Д. Степанов. О фатьяновских поселениях. СА, 1958, 2, стр. 132 и 135. Ряд исследователей (О. Н. Бадер, А. Х. Халиков) трактуют их как поздний этап балановской культуры. О. Н. Бадер. Ук. соч., стр. 139—141; А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 141—142. А. П. Смирнов ставит вопрос о связи памятников типа «Хула-сюч» с абашевскими памятниками, а не с фатьяновскими. А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, 97, 1961, стр. 50 сл.

[7] Н. В. Трубникова, Ук. соч., стр. 39—43.

[8] П. Д. Степанов. Новые фатьяновские памятники на территории Чувашской АССР. СА, 1953, 4, стр. 201. Приношу благодарность П. Д. Степанову за возможность использования материалов его раскопок.

[9] Раскопки Чувашской археологической экспедиции 1962 г. Руководитель Н. В. Трубникова. Пользуясь случаем выразить глубокую благодарность Н. В. Трубниковой за разрешение опубликовать материалы из ее раскопок.

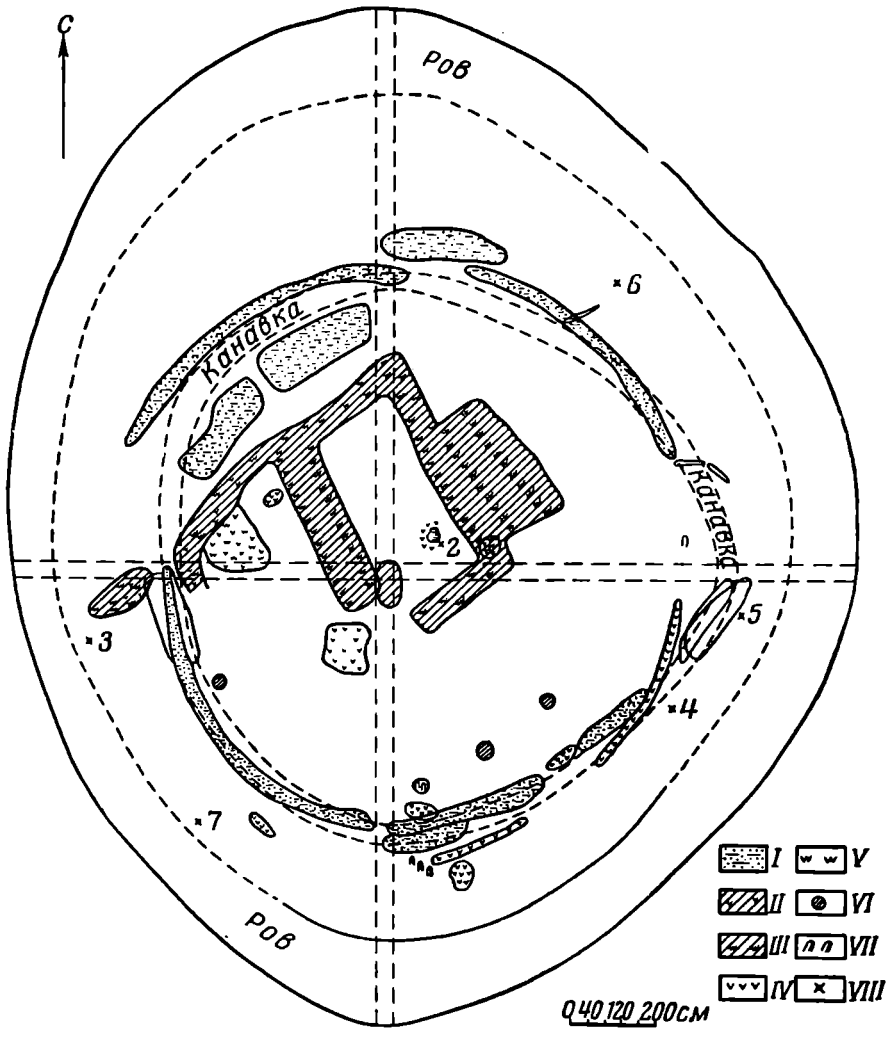


Рис. 1. План кург. № 1 у дер. Мамалаево

I — песок с глиной; *II* — насыпная земля с углем; *III*—золистый слой; *IV* — уголь; *V* — зола; *VI* — ямки от столбов; *VII* — остатки дерева; *VIII* — находки: *1* — кремневый наконечник стрелы, *2* — горшок, *3—7* — черепки

четко удалось проследить только две прослойки. В юго-западном и юго-восточном секторах на глубине 40 *см* от современной поверхности обозначилась прослойка 10—12 *см*, в которой встречались маленькие полуобгоревшие веточки и небольшие угольки. Эта прослойка была нами частично отмечена в северо-восточном секторе (рис. 1, *1*). Такая же углистая прослойка наблюдалась и на глубине 60 *см*. Вблизи от нее в плане выявились три пятна, заполненные древесным тленом. Это были ямы от столбов изгороди, которая таким образом прослежена с южной стороны (рис. 1, *1*). Интересно заметить, что все обломки посуды найдены вблизи от прослоек тоже в южной части насыпи [10]. В юго-восточном секторе был обнаружен ров, опоясывающий курган полосой в 2 *м* ширины (рис. 1, *2*).

Конструкция погребального сооружения стала выявляться уже при снятии насыпи. Встречались небольшие линзы песка, смешанного с красной материковой глиной, которые располагались вокруг центра кургана на расстоянии 5 *м*, и на глубине 40—80 *см* от современной поверхности. Линзы постепенно сужались, образуя своеобразный барьер. Возможно, он был насыпан из канавки шириной 40—45 *см*, которая отмечалась только по профилю бровки кургана, но в плане не обнаруживалась. Эта система

[10] Очень похожий обычай отмечен Д. А. Крайновым при раскопках Кухмарского могильника. Д. А. Крайнов. Кухмарский курганный могильник. КСИА АН СССР, 88, стр. 57.

ограждала площадку в центре кургана размером 12 × 13 *м*. Здесь до сооружения насыпи были сделаны канавки, которые углублялись в предматериковый песок на 20 *см*. Ширина их колебалась от 30 до 100 *см*. Они не везде сохранили свои очертания, расплываясь в пятна неопределенной формы. В северной половине кургана канавки образовывали прямоугольную площадку размером 2 × 2,4 *м*, вытянутую в направлении северо-запад — юго-восток. Заполнение их везде одинаково — земля, перемешанная с золой, небольшими угольками и глиной. В северо-западном секторе была найдена одна неопределимая кальцинированная косточка. Вокруг площадки располагались небольшие зольные пятна. На всей поверхности площадки был золистый слой толщиной 40 *см*. Под ним на погребенной почве (местами весьма хорошо отличимой) выявилось сильно прокаленное пятно размером 108 × 50 × 40 *см*. В этом слое ничего кроме углистой твердой земли не было найдено. Его происхождение может связываться с кострищем. Вблизи пятна был найден горшок, стоявший на деревянной подставке (рис. 3), а южнее площадки в небольшом зольном пятне на этом же уровне найден кремневый наконечник стрелы (рис. 4). К описанному погребальному сооружению следует отнести и открытую к западу от центра овальную яму размером 1,4 × 0,7 × 0,15 *м*. Расчистку ямы производили тонкими слоями, но ни тлена, ни костных остатков не удалось обнаружить. Заполнение ее такое же, как и в канавках. Все это позволяет объяснять ее как ритуальную, а сам курган отнести к кенотафам.

Культурную и хронологическую принадлежность данного кургана определяет тот небольшой керамический материал, который собран в насыпи и под ней. В керамике можно выделить два типа.

Первый тип связан с углистыми прослойками насыпи. Это небольшие глиняные плоскодонные сосуды с прямым венчиком из светло-желтой глины с примесью шамота. Поверхность сглажена, толщина стенок 0,4—0,9 *см*. На нескольких стенках очень слабо выявился орнамент в виде прочерченных палочкой полос и вертикальных линий, выполненных мелкозубчатым штампом. Подобная посуда по форме, составу теста и характеру орнаментации может быть отнесена к керамике типа «Хула-сюч», распространенной широко в этих районах среди памятников поздней бронзы (например, керамический комплекс ритуального места Хонки-сет [11] и городища Малые Яуши [12]). Описанный выше орнамент очень близок к рисунку сосуда из Синцовского кургана, раскопанного А. Х. Халиковым в Кировской области в 1957 г. [13].

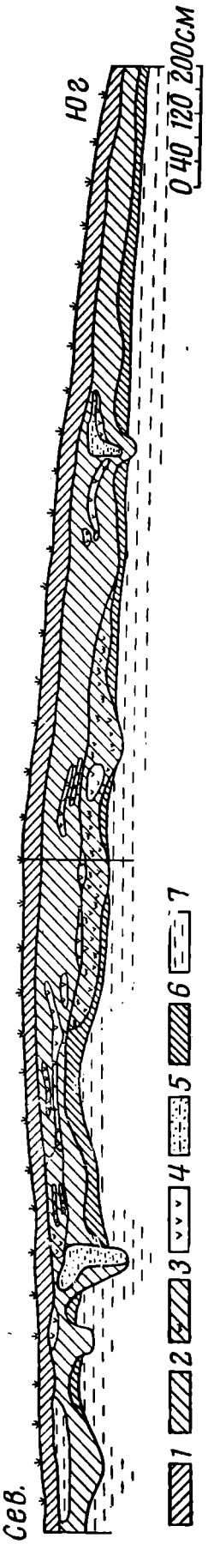


Рис. 2. Профиль бровки кург. № 1 у дер. Мамалаево

1 — супесь под дерном; *2* — насыпь; *3* — прокаленный золистый слой; *4* — уголь; *5* — выброс глины с песком; *6* — погребенная почва; *7* — глина

[11] Саратовский музей краеведения, коллекция С/1954 (раскопки П. Д. Степанова).
[12] Раскопки Н. В. Трубниковой в 1962 г. в ЧАССР.
[13] Архив Института Археологии, д. № 1470.

Второй тип представлен горшком, обнаруженным в северо-восточном секторе на глубине 95 *см* от современной поверхности. Он имеет невысокое прямое цилиндрическое горло, слегка выпуклое тулово, несколько сплюснутое книзу, и уплощенное дно. Горшок лепной, поверхность тщательно оглажена и залощена, тесто хорошо промешано, имеет небольшую примесь толченых ракушек и равномерно обожжено; поверхность горшка черного цвета. В расположении узора заметна некоторая закономерность, которая отмечалась для черной лощеной посуды этого типа на поселениях «Хула-сюч». Орнамент украшает горло сосуда и верхнюю часть тулова; к донцу сосуда спускаются четыре заштрихованные полосы. Следует отметить стремление выделить здесь каждый орнаментальный мотив, который отличается от предыдущего и располагается отдельно. Так, по горлу располагаются три широкие полосы, под ними — круглые жемчужины, ниже — сетка из перекрещивающихся нарезанных линий, которая опирается на линию жемчужин.

Рис. 3. Сосуд из мамалаевского кург. № 1

Верхняя часть тулова покрыта неглубокими вертикальными каннелюрами; ниже идет ряд треугольных вдавлений; следующий элемент орнамента — сетка из перекрещивающихся нарезанных линий отделена от треугольников прочерченной полосой. От этой полосы, окаймляющей орнаментальную зону тулова, отходят радиально ко дну четыре полосы, украшенные поперечными штрихами. Уплощенное дно обведено кругом и заштрихованным резным веером из «сетки» (перекрещенных линий).

Черная лощеная посуда, подобная описанной в слоях городищ и селищ, очень редка. Однако интересно отметить, что встречается она именно с керамикой первого типа, обнаруженной в насыпи мамалаевского кургана. Лощеные черные сосуды известны нам, кроме того, в нижнем слое городища Ош-Пандо [14]. На этом городище форма и тесто сосудов аналогичны керамике кургана около Мамалаева, но несколько различаются орнаментальные мотивы и техника исполнения орнамента. Появление «жемчужного» орнамента, сетки из широко проведенных перекрещивающихся линий, а также каннелюр связывается с поселениями типа «Хула-сюч» [15], где эти орнаментальные мотивы становятся основными на горшках, формы которых мы встречаем в небольшом количестве в слоях некоторых памятников Среднего Поволжья синхронных Ош-Пандо [16].

Рис. 4. Кремневый наконечник стрелы

Керамическому комплексу из кургана у Мамалаева ближе всего ритуальное место Хонки-сет и материалы из селища у Янымово. Здесь

---

[14] Саратовский музей краеведения, коллекция 0/2650, 531 и 212 (раскопки П. Д. Степанова, 1946 г.).

[15] А. Х. Халиков. Ук. соч., табл. LIX, LX: Саратовский музей краеведения, коллекция С/385.

[16] Горьковский областной музей, коллекция № 1402/736, Васильсурское городище (раскопки 1959 г.).

имеются небольшие чернолощеные сосуды с маленькими «жемчужинами» и узкими полосами, заштрихованными внутри, которые окаймляли низ сосуда [17]. Найдено много фрагментов сосудов описанной выше формы, но сделанных из светло-желтой глины с примесью шамота. Эта форма сравнительно часто встречается среди сосудов поселений «Хула-сюч» [18]. Янымовский комплекс одновременен, в свою очередь, и кургану у дер. Медя-Касы, где были найдены горшки, полностью схожие с горшком из кургана у дер. Мамалаево.

Произведенный анализ позволяет считать оба типа керамики хронологически одновременными. Они должны быть отнесены ко времени бытования памятников типа «Хула-сюч». Частично эту дату подтверждает и кремневый наконечник стрелы. Наконечник сделан из прозрачного кварцита, тщательно отретуширован, имеет листовидную форму, линзовидный в сечении. Подобный тип наконечника широко известен со времен неолита [19] вплоть до поздней бронзы на территории Среднего Поволжья. Так, в верхнем слое Чирковской стоянки было найдено четыре экземпляра подобных стрел. Автор раскопок датирует их последней четвертью II тысячелетия до н. э. [20], что близко и нашему памятнику.

Итак, подведем некоторые итоги.

1. Раскопки кургана у дер. Мамалаево представляют значительный интерес для дальнейшего накопления фактического материала, одновременного комплексам поселений типа «Хула-сюч». Нам представляется возможным говорить о памятниках этого типа как о культурно-исторической общности определенной племенной группы. В состав ее погребальных комплексов следует включить курганы у Медя-Касы, Мамалаево, ритуальное место Хонки-сет и, возможно, курган у Синцово Лебяжского района Кировской области (раскопки А. Х. Халикова, 1957). Исследователь рассматривает его на основании керамического комплекса, как курган атли-касынского типа балановской культуры [21]. Однако следует отметить, что ни один из курганов Атли-Касы не имеет погребального сооружения подобного мамалаевскому [22]. Погребальное сооружение в Синцовском кургане весьма похоже на сооружения в Мамалаево, Медя-Касы и памятников типа «Хула-сюч». Нет такого обряда и в балановских могильниках [23]. Посуда Синцовского кургана также аналогична посуде в Хонки-сет и М. Яуши.

Выделенная курганная группа имеет много общего с синхронными культурами Поволжья.

Курганная насыпь, включающая небольшие углистые прослойки остатки кострищ и зол под насыпью — все это сближает наши памятники с поздняковскими [24] и фатьяновскими [25] могильниками.

В более раннее время этот обычай с большой точностью соблюдали племена среднеднепровской культуры, у которых был обычай класть умерших на уровне древней почвы или в материковой яме на золу и окружать погребение небольшими кострами [26]. С другой стороны, система изгородей

---

[17] Чебоксарский краеведческий музей, коллекция № 80002/1536.

[18] Чебоксарский краеведческий музей № 8002/17, 685; № 8005/80 и 1379.

[19] М. Е. Фосс. Неолитические культуры Севера. СА, IX, 1947, табл. III.

[20] А. Х. Халиков. Ук. соч., табл. LIV.

[21] Там же, стр. 80.

[22] В. Ф. Каховский. Раскопка кургана у др. Кумак-Кассы Ядринского района Чувашской АССР. «Уч. зап. ЧНИИ», XIX, 1960.

[23] О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре, СЭ, 1950, 1.

[24] Т. Б. Попова. Доклад, прочитанный на археологической сессии ГИМ, 11 февраля 1963 г.

[25] Д. А. Крайнов. Новые памятники фатьяновской культуры. КСИА АН СССР 84, 1961.

[26] Приношу глубокую благодарность И. И. Артеменко за ценные сведения относительно среднеднепровской культуры.

из столбов под насыпью, ритуальное осыпание керамикой и угольками с определенной стороны кургана значительно сближают эту группу с раннеабашевскими памятниками, которые в северо-восточной части Чувашии и Ярославской области [27] граничат с ними, но не совпадают по территории.

Остается необъясненным происхождение и смысл погребального обряда. Курганы-кенотафы неизвестны в фатьяновских и абашевских могильниках. Они известны пока лишь в срубных курганах на р. Буле Чувашской АССР. В 1959 г. Чувашская археологическая экспедиция раскопала три кургана у дер. Уразмаметово, где погребальный обряд похож на описанный выше. Их дата — XVI—XV вв. до н. э. [28]. Значительное влияние срубной культуры прослеживается и в самой керамике. Это закономерно, так как территории распространения срубной культуры и памятников типа «Хула-сюч» соприкасаются. Дальнейшие раскопки подобных памятников, несомненно, выявят большое влияние срубных племен на ее формирование.

2. Наличие кенотафов среди памятников типа «Хула-сюч», в которых сохраняются аксессуары погребального обряда на уровне древней почвы, характерные также и для более раннего балановского времени, отражает переходный характер этапа существования самих памятников типа «Хула-сюч». Это косвенно определяет и их дату. Изученный памятник из Мамалаево позволяет отнести все памятники типа «Хула-сюч» к последней четверти II тысячелетия или к рубежу II и I тысячелетий до н. э.

[27] Д. А. Крайнов, Кухмарский курганный могильник. КСИА АН СССР 88, 1962, стр. 62.

[28] Н. Я. Мерперт. Срубная культура южной Чувашии, МИА, 111, 1962, стр. 8 сл.

М. А. РОМАНОВСКАЯ

НАХОДКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ПОСЕЛЕНИИ УЛЬМА

Во время раскопок 1960 г. на поселении Ульма (правый берег р. Ботна, Котовский район МолдССР) на глубине 60—65 *см* в слое чернозема было найдено два скопления обломков сосудов эпохи поздней бронзы. Основной слой памятника относится ко II—I вв. до н. э. Этим же временем датируется и комплекс сооружений — два жилища и шесть ям. Слой эпохи бронзы не выделяется. Явление это типично для Молдавии [1]. По-видимому, период обитания на поселении в эпоху поздней бронзы был настолько кратковременным, что не оставил слоя. Черепки из скоплений в северной части раскопа III принадлежат семи сосудам.

Был восстановлен почти полный профиль небольшого горшочка коричневато-серого цвета со следами лощения и тонкими стенками. Тесто хрупкое, с примесью шамота. Обжиг хороший. У горшочка слегка отогнутый венчик, немного суженное горло и выпуклые бока (рис. 1, *2*). Диаметр венчика 10 *см*, высота сохранившейся части 8 *см*.

По форме сосуд несколько напоминает описанные А. И. Мелюковой горшки из зольников у сел Гиндешты и Тудорово [2]. Близок по форме к описанному сосуд, также найденный в раскопе III и украшенный вертикальными налепами, сгруппированными по три (рис. 2, *1*). Сосуд серовато-розового цвета с темными пятнами на сглаженной поверхности. Обжиг неполный, тесто хорошо промешано с небольшой примесью песка и шамота. В сосуде

[1] При раскопках в 1957 г. средневекового южнославянского поселения Кринично вне слоя обнаружено несколько сосудов эпохи поздней бронзы.

[2] А. И. Мелюкова. Культура предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, 96, 1961, стр. 15, рис. 5, *1*, *2*, *4*.

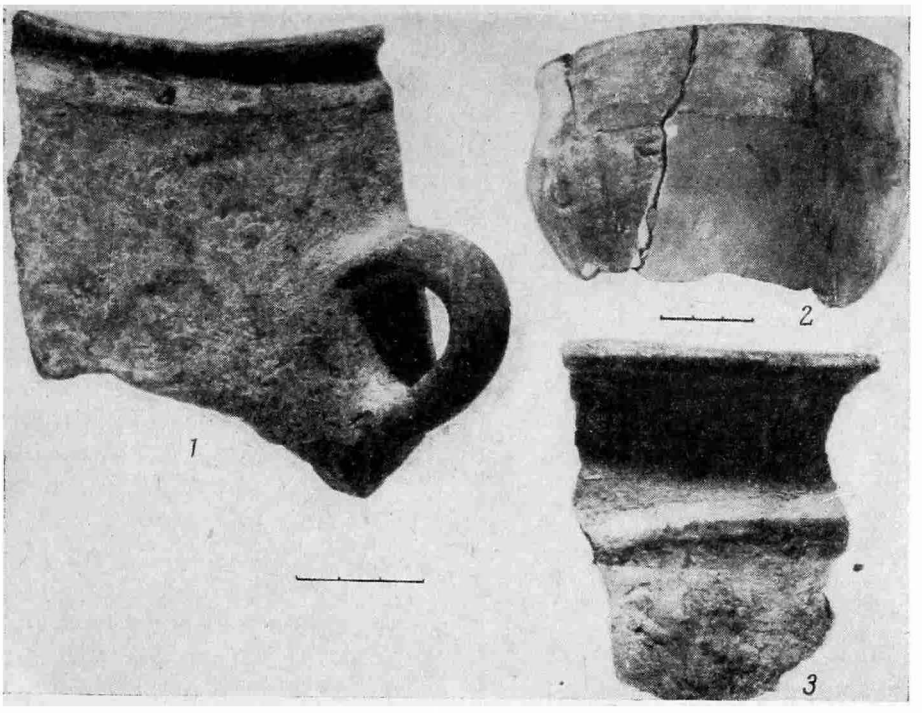


Рис. 1. Черепки из поселения Ульма

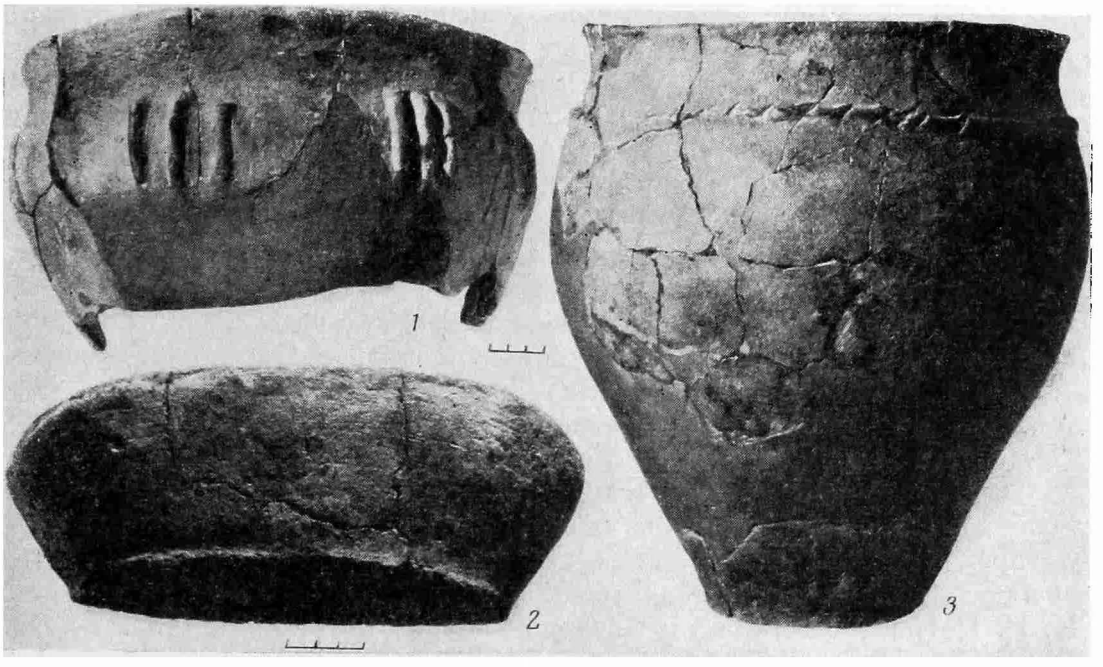


Рис. 2. Посуда из поселения Ульма

три круглых отверстия для починки. Диаметр венчика 32 *см*, высота сохранившейся части 13 *см*. Прием орнаментации вертикальными налепами существовал в это время у населения нижнедонских городищ (Кобяково и Елизаветинское городище) [3]. Этот прием орнаментации Т. Н. Книпович определенно относит к доскифскому времени [4].

Ваза из погр. № 1, кург. № 12/14 в Мастюгино [5] украшена вертикальными налепами, но гораздо сильнее выступающими и имеющими прямо-

[3] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. ИГАИМК, 104, М.— Л., 1935, стр. 174, рис. 53.

[4] Там же, стр. 172.

[5] П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы, СА, 1961, 3, стр. 156, рис. 4.

угольную форму. Из верхнего слоя поселения Ушкалка происходит горшок с вертикальным налепом, однако по форме он тоже мало похож на сосуд из Ульмы [6].

Третий сосуд из раскопа III, найденный на глубине 60 *см*, представляет собой половинку конической миски, овальной в плане и разрезанной еще до обжига (рис. 2, *3*). У этой половинки пологий бортик и дно со следами подсыпки проса (рис. 3, *1*). Поверхность сглаженная, желтовато-серого цвета. Тесто с примесью шамота и соломы. Обжиг неполный. Диаметр венчика 26,5, высота миски 7, диаметр дна 19,5 *см*.

Рис. 3. Отпечатки проса на дне сосуда

Фрагменты сосудов, похожих на наш, найдены И. А. Рафаловичем на Красной косе Староказачинского района Одесской области, а также изданы Д. Я. Телегиным [7], В. А. Ильинской [8] и Е. Н. Симоновой [9]. Авторы публикаций считают их жаровнями. О. А. Кривцова-Гракова считала, что они имеют культовое назначение, но это мнение в печати не высказала. Половинку миски из Ульмы трудно отнести к жаровням, так как она слабо обожжена. Имея в виду подсыпку проса на дне и слабую обожженность сосуда, приходится склониться к мнению о его культовом назначении. Был восстановлен полный профиль горшка со слегка отгибающимся наружу венчиком и прямой шейкой, отделенной валиком от тулова. Книзу тулово сильно сужается. Валик украшен косыми насечками. Он незамкнут и спускается вниз двумя усами, один из которых скруглен, а конец его загнут кверху. Поверхность сосуда серая, со следами сглаживания травой или зубчатым штампом. Следы эти лучше заметны на внутренней поверхности стенок. Тесто сухое, с большой примесью шамота. Излом ровный темно-серый. Диаметр венчика 25, диаметр дна 12, высота сосуда 32 *см*. Валик на 5 *см* ниже венчика (см. рис. 2, *2*).

По форме горшок похож на сосуды из Каир, опубликованные Д. Я. Телегиным в качестве аналогий сосудам верхнего слоя Ушкалки [10]. Фрагменты сосудов этого типа найдены на поселении Бабино IV [11] и поселении на Белозерском лимане [12].

Скифская степная экспедиция МГУ под руководством Б. Н. Гракова и Н. Н. Погребовой в 1956 г. исследовала ряд памятников эпохи поздней бронзы по течению р. Ингул. В материалах этих памятников можно найти обломки сосудов с такой же орнаментацией, как в Ульме [13]. К эпохе поздней бронзы скорее всего относятся три фрагмента горшков баночной

---

[6] Д. Я. Телегин. Питання відносноі хронологіі памъяток пізньоі бронзи Нижнього Подніпровъя. «Археологія», XII, Київ, 1961, стр. 10, рис. 5, 9.

[7] Д. Я. Телегин. Ук. соч., стр. 10, рис. 5, *8*.

[8] В. А. Ильинская. Поселение времени поздней бронзы у с. Бабино. КСИА, 5, 1955, стр. 21, табл. 1, *5*.

[9] Е. Н. Симонова. Керамика предскифского времени на Ингуле. ВМГУ, 4, 1958, табл. 1, *5*.

[10] Д. Я. Телегин. Ук. соч., стр. 13, рис. 7, *1*, *2*.

[11] В. А. Ильинская. Ук. соч.

[12] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 121, рис. 27, *4*, *5*, *9*; ее же. Поселение бронзового века на Белозёрском лимане. КСИИМК, XXVI, стр. 83, рис. 33.

[13] Е. Н. Симонова. Ук. соч., стр. 35, 41.

формы, также найденные в раскопе III (см. рис. 1, *3*). Они имеют желтовато-серую и коричневато-серую поверхность со следами сглаживания травой или зубчатым штампом. Венчик слегка отогнут наружу, бочок более или менее выпуклый. Все три имеют гладкий валик, на 2 *см* отстоящий вниз от венчика. Тесто имеет примесь шамота и песка, сухое и хорошо обожженное.

Керамика такого рода преобладает в материале поселений с зольниками на территории Молдавии. Обломки найденных в Ульме сосудов, по-видимому, можно отнести ко второму варианту баночных горшков, по классификации А. И. Мелюковой [14]. Сосуды, аналогичные этим, встречаются в эпоху поздней бронзы в Румынии. Отдельные фрагменты горшков с нерасчлененными валиками есть в Белозерске [15] и Сабатиновке [16], а также на поселениях по Ингулу [17].

В яме № 6 (раскоп III) кроме нескольких фрагментов горшков найден обломок венчика сосуда баночной формы с желобком чуть ниже края и одной ручкой (см. рис. 1, *1*). Поверхность сосуда серого цвета, со следами лощения. Тесто сухое, с примесью шамота. Обжиг полный. В изломе черепок также серого цвета. Ручка небольшая петельчатая, расположена на 4 *см* ниже края венчика. Возможно, что это — обломок венчика двуручного сосуда баночной формы, которые известны на территории Молдавии [18] и Румынии [19], но почти не встречаются на Украине.

Небольшая коллекция керамики, найденной на поселении Ульма, судя по формам сосудов, технике выделки и приемам орнаментации, может быть отнесена к эпохе поздней бронзы, точнее к ее бабинскому этапу, или времени верхнего слоя Ушкалки. Типологически она ближе всего стоит к памятникам культуры Ноа в Румынии и Молдавии. С другой стороны, ряд черт: наличие половинки миски с подсыпкой проса на дне, форма горшка с узким дном и украшенного несомкнутым валиком, расчлененным насечками,— сближают эту керамику с керамикой таких поселений, как Бабино IV, Ушкалка, и другими памятниками эпохи поздней бронзы на Нижнем Днепре. Именно эти формы полностью отсутствуют в памятниках культуры Ноа.

Сочетание черт, характерных для юга Украины, северо-запада Молдавии и восточных районов Румынии, хорошо заметно на поселении Тудорово [20], и, судя по подъемному материалу, они существуют также на поселении Красная коса.

Таким образом, поселение Ульма с уверенностью можно отнести к южной группе памятников эпохи поздней бронзы в Молдавии, на облике культуры которых отразилось их промежуточное положение между югом Украины с его особенностями и районами Румынской Молдовы и Молдавии.

---

[14] А. И. Мелюкова. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, 96, стр. 16, рис. 4, *2*, *4*.

[15] О. А. Кривцова-Гракова, Ук. соч., стр. 121, рис. 27.

[16] Там же, стр. 125, рис. 28, *17—20*, *23—25*.

[17] Е. Н. Симонова. Ук. соч., стр. 34, 35.

[18] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 17, рис. 16, 17; стр. 19, рис. 8.

[19] Dorin Popescu. Cercetare archeologice in Transilvania, MSCA, II, 1956, стр. 69, рис. 29.

[20] Раскопки А. И. Мелюковой. Материал хранится в ИА АН СССР.

ИРЖИ ФРЕЛ

НОВЫЙ СКИФСКИЙ ПАМЯТНИК ИЗ ЛУВРА

Луврский музей в Париже недавно приобрел памятник античной торевтики первостепенного значения (рис. 1): серебряный золоченый ритон в виде кабаньей головы. Верхняя часть ритона украшена рельефом с изображением скифских воинов. Ж. Шарбонно посвятил ему краткую заметку [1], которая и явилась отправной точкой настоящей публикации [2], претендующей лишь на то, чтобы уже сейчас, до появления исчерпывающего исследования, привлечь внимание читателей «Советской археологии» к памятнику, заслуживающему особого интереса.

Рис. 1. Ритон из Лувра

Происхождение ритона неизвестно; между 1910 и 1920 гг. он находился в одной из частных коллекций в Германии. Сохранность его превосходна, несмотря на то, что поверхность металла местами пробита, а позолота частично исчезла. Время частично хлорировало серебро (AgCl), что является гарантией подлинности. Ваза состоит из трех частей. Массивная кованая серебряная ручка припаяна к вазе. Голова кабана выбита из тонкой серебряной пластины (некоторые детали, например щетинистый гре-

[1] J. Charbonneuax. La revue du Louvre et de Musées de France, 12, 1962, стр. 295—296.

[2] В январе 1962 г. я имел возможность изучать этот объект благодаря любезности г-на Шарбонно.

бень между глазами, выполнены тонкой чеканкой). Уши и клыки, отлитые особо, припаяны. Цилиндрическое горло сделано из более толстой серебряной пластины, к которой прикреплен тонкий лист с выбитым рельефом. Край устья украшен жемчужным орнаментом.

Сцена на горле ритона изображает пятерых воинов в характерных одеждах. Слева, частично под ручкой,— великолепная лошадь с блестящей сбруей: она принадлежит вождю. Конюх держит повод лошади, но внимание его приковано к другой сцене: он наклонился над плечом своего господина, чтобы лучше видеть.

Бородатый вождь, опираясь на дротик, рассматривает лежащую перед ним на земле отрубленную голову с лицом, закрытым длинными волосами. Какой-то стилизованный цветок обозначает землю. Напротив вождя другой скифский воин протягивает правую руку к срубленной голове — жест этот очень выразителен. Помимо дротика в левой руке, он вооружен луком, а горит его полон стрел. Как тонко заметил Ж. Шарбонно, сцена эта отражает обычаи скифов, описанные Геродотом: «Каждый скиф, впервые убивший человека, пьет его кровь. И он приносит своему царю головы всех врагов, убитых им в сраженье. Ибо за каждую принесенную голову он получает свою долю добычи; если же он не принесет их, то не получит ничего» [3]. Позади этого воина изображены двое других; обнявшись, они пьют из одного рога с металлической оковкой; возможно, они пьют кровь врага, согласно переданному Геродотом обычаю.

Мастерское исполнение рельефа вплоть до малейших деталей напоминает фигурный орнамент знаменитого электрового сосуда из Куль-Обы. Возможно, оба сосуда вышли в середине IV в. до н. э. из одной мастерской, а может быть, и из рук одного гениального мастера. Реализм, с которым переданы одежда скифов и их обычаи, свидетельствует о ближайшем знакомстве с их средой, о том, что мастер непосредственно участвовал в жизни их общества.

[3] Her. IV, 64.

В. Ф. ПЕТРУНЬ

О ВУЛКАНИЧЕСКИХ ПОРОДАХ ИЗ ЭМПОРИЯ БОРИСФЕНИТОВ НА О. БЕРЕЗАНИ

В октябре 1961 г. при посещении раскопок на о. Березани автор настоящей заметки обратил внимание на гальки и обломки необычных для степного Причерноморья вулканических (эффузивных) пород, залегавших либо непосредственно в культурном слое третьего раскопа В. В. Лапина [1], либо на поверхности почвы у самого раскопа среди разнообразного археологического материала, происходящего из поселения VII—VI вв. до н. э. Тяготеющие к одному небольшому участку, макроскопически явно неодинаковые, эти породы являлись благодарным объектом для петрографического исследования. Поэтому были взяты образцы для шлифов, в том числе геологически наиболее интересная вулканическая бомба из раскопа IV. Детальный осмотр остальной части острова позволил убедиться, что для сооружения современных зданий подобные породы на о. Березань не завозились. Собранные образцы чуждых для острова пород могут быть подразделены на три большие группы.

1) Вулканические породы — порфиролиты, кайнотипные, т. е. свежие по виду и степени сохранности, и палеотипные, с измененным обликом, что

[1] В. В. Лапин. Раскопки поселения на острове Березань 1960 г. КСИА, 11, 1961. стр. 47—49.

1 — биотитовый трахит с порфировыми вкрапленниками опацитизированного биотита (темное) и санидина (белое). Основная масса светло-серая, ортофировой структуры. Микрофотография. Проходящий свет. Увеличение × 25; *2* — корродированные фенокристаллы оливина белые, трещиноватые в диабазовом порфирите. Микрофотография. Проходящий свет. Увеличение × 25; *3* — авгитовый андезито-базальт с вкрапленниками полисинтетически сдвойникованного плагиоклаза в гломеросростках и крупным фенокристом пироксена вверху. Основная масса — черное гиалопилитовой структуры. Микрофотография. Скрещенные николи. Увеличение × 25

обусловливается разложением фенокристаллов-вкрапленников или основной массы. Всего эффузивных пород было отобрано девять образцов.

2) Зеленовато-серые до бурых осадочные туфогенные, с примесью пирокластического материала песчаники псаммитовой и алевропсаммитовой структуры в виде галек и плитчатых обломков (всего четыре образца). Один образец интенсивно изменен процессами вторичной эпидотизации и карбонатизации.

3) Известняк плотный серый, с обломочно-оолитовой различимой под микроскопом структурой. Содержит многочисленные остатки организмов (обломки колоний мшанок, кораллов, раковин остракод, фораминифер, моллюсков, членики криноидей). Цемент соприкосновения, местами базальный, вторично перекристаллизованный (от микрозернистого до гетерогранобластового). Присутствуют отдельные обломки жильного кварца и кварцита. Одна из поверхностей штуфа выщелочена растворяющим действием морской воды и просверлена многочисленными ходами камнеточца-протравливателя *Petricola lithophaga,* внутри которых сохранились ажурные раковины этого ныне живущего в Средиземном и Черном морях пластинчатожаберного моллюска. Замочный аппарат изученных раковин несколько редуцирован (характерна почти полная атрофия кардинальных зубов). Последнее обстоятельство указывает, очевидно, на материковое расположение прибрежного обнажения известняков, атакованных камнеточцами, скорее всего, рядом с устьем какой-то достаточно большой реки, опресняющее действие вод которой могло обусловить наблюдаемое изменение замка. По внешнему виду и структуре порода заметно отличается от привозных анатолийских (?) известняков Ольвии, изучавшихся нами в 1962 г., но несколько напоминает некоторые разновидности известняков Крыма.

Из эффузивов Березани наибольший интерес в археолого-петрографическом отношении представляет собой обломок вулканической бомбы уплощенной формы. В изломе бомба обнаруживает отчетливую первичную зональность: центральная часть пористая, светло-серого цвета; за ней следует тонкая периферическая зона (10 *мм*), более темная и

плотного сложения. Вкрапленники представлены редкими таблитчатыми кристаллами бесцветного санидина до 20 *мм*, мелкочешуйчатым (1—2 *мм*), опацитизированным по периферии черно-коричневым биотитом и несколько замутненным плагиоклазом (кислый лабрадор). Основная масса под микроскопом обнаруживает ортофировую структуру и состоит из плагиоклаза (андезин или олигоклаз), калиевого полевого шпата и тонкочешуйчатого биотита. В ничтожных количествах присутствуют апатит, магнетит, циркон. Вторичные минералы — хлорит и глинистое вещество. Название породы — биотитовый (слюдяной) трахит (рисунок, *1*). Среди изученных галек еще одна относится к семейству трахитовых пород, но представлена палеотипным, вторично измененным бескварцевым порфиром с флюктуационной трахитовой структурой основной массы.

Палеотипной породой оказался неокатанный обломок оливинсодержащего диабазового порфирита черного цвета. Фенокристаллы породы представлены плагиоклазом, пироксеном типа пижонита, оливином-гиалосидеритом. Основная цементирующая масса состоит из тех же минералов и обнаруживает микродиабазовую структуру (рисунок, *2*).

Наиболее распространенными породами березанского комплекса являются, однако, кайнотипные андезиты, представленные несколькими разновидностями. Так, черный двупироксеновый андезит, слагающий небольшую угловатую плитку, характеризуется порфировой структурой с редкими вкрапленниками стекловатого зонального плагиоклаза (лабрадор-битовнит) и зеленых пироксенов (пижонит и гиперстен), погруженных в базис пилотакситовой микроструктуры. Другая черная порода в виде гальки диаметром до 55 *мм* оказалась авгитовым андезито-базальтом и содержит крупные (5 *мм*) вкрапленники зеленого пироксена-диопсида и мелкие фенокристаллы черного авгита с серым плагиоклазом-битовнитом (рисунок, *3*). В третьем образце биотитово-роговообманковый андезит (андезито-дацит) образует включение, ксенолит в валуне диоритового порфирита. Основные объективные признаки изученных пород представлены в таблице.

Структурно-минералогическая характеристика порфиролитов

Порода	Вкрапленники		Основная масса (базис)			Акцессории		Вторичные минералы
	состав	количество, %	состав	количество *, %	структура	состав	количество *, %	
Трахит биотитовый	Лабрадор Биотит Санидин	10,5 7,5 1,5	Андезин Биотит Санидин	80,0	Ортофировая	Циркон Апатит Магнетит	0,5	Хлорит Каолинит
Порфир	Олигоклаз Биотит (?)	10,5 6,8	Альбит Ортоклаз Рудный	82,0	Трахитовая	Апатит Титаномагнетит	0,7	Эпидот Серицит Хлорит Арагонит
Диабазовый порфирит	Битовнит-лабрадор Пижонит Оливин	21,4 9,7 1,2	Битовнит Пироксен Оливин	67,0	Микродиабазовая	Апатит Магнетит	0,7	Серпентин Иддингсит Хлорит Альбит
Двупироксеновый андезит	Лабрадор Пижонит Гиперстен	22,9 2,5	Стекло Битовнит Пироксен	74,0	Пилотакситовая	Апатит Магнетит	0,6	
Андезито-базальт	Лабрадор-битовнит Диопсид Авгит	19,4 15,8	Стекло Битовнит Авгит	64,0	Гиалопилитовая	Магнетит	1,8	

* Количество определено в процентах к объему породы планиметрическим методом.

Хотя общее количество эффузивов с о. Березани невелико, но они достаточно своеобразны и по ряду признаков отличаются, например, от изученных в 1962 г. вулканических пород Ольвии. Особенно показательно повышенное содержание в комплексе щелочных пород, двупироксеновых андезитов и андезито-базальтов. Среди строительных камней Ольвии, где количество привозных пород достигает 2—5% (что составляет несколько тысяч штуфов), щелочные и двупироксеновые породы представлены всего несколькими образцами эффузивов, а вулканических бомб и вовсе нет. Это позволяет объединить березанские эффузивы во вполне самостоятельный комплекс, в котором двупироксеновые лавы и трахитовая бомба могут рассматриваться как ведущие породы для определения вулканической области, из которой происходит большая часть образцов коллекции. Р. А. Прендель, первым обративший внимание на своеобразные «кремнекислые породы» о. Березани еще около века назад, ограничился общим предположением об их южноевропейском происхождении [2]. Однако анализ современной геологической литературы позволяет утверждать, что на черноморском и азовском побережьях вулканических бомб трахитового состава до сих пор не было известно [3]. Отсутствуют они и на берегах Мраморного моря, хотя южнее, на побережье материковой Греции, в Западной Анатолии и особенно на островах Эгейского архипелага [4] описаны и трахиты и двупироксеновые основные лавы, идентичные встреченным в устье Борисфена.

Обломки и гальки эффузивных пород с о. Березани оказались там не случайно. Они были, конечно, сознательно привезены сюда издалека, а вовсе не подобраны где-то на полпути между Элладой и устьем Борисфена в условиях каботажного плавания. По химическому составу эти гальки соответствуют породам не «левого» и не «правого» берегов Понта (здесь невозможно привести полный перечень подтверждающих это положение геологических источников, но он содержит около пятидесяти работ), а именно эгейского побережья, что доказывает закономерный характер доставки их в VII—VI вв. до н. э. на о. Березань.

Такой геологический вывод подтверждается и наблюдениями В. В. Лапина: им описана не только своеобразная «булыжная» вымостка и перекрытое небольшими яйцевидными камнями-гладышами кострище, на котором был кремирован труп девочки, но и необычная конструкция очага в одном из помещений раскопа, под подовой плитой которого также залегали два голыша (доклад на научной конференции Института археологии АН УССР в апреле 1962 г.). Последнее обстоятельство не может быть объяснено какими-либо практическими соображениями и, несомненно, носит обрядовый характер, так же как и неоднократно засвидетельствованный для наиболее древних погребений Березани и Ольвии обычай включения в погребальный инвентарь одной или нескольких привозных галек. В небольшой заметке нет возможности проанализировать большую литературу, посвященную аналогичному обряду у других племен и народов, например скифов, чукчей, остяков. В быту и погребальном обряде эмпория борисфенитов VII—VI вв. до н. э. голыши выступают не как случайные, а по-видимому, строго осмысленные объекты, происходящие из различных точек средиземноморского побережья, откуда были родом обитатели бере-

---

[2] Р. А. Прендель. Археологические расследования на острове Березань. Тр. VI АС, Одесса, 1886, стр. 219.

[3] М. В. Муратов. История тектонического развития альпийской складчатой области Юго-Восточной Европы и Малой Азии. ИАН СССР, сер. геол., 2, 1962, стр. 3—15; В. И. Лебединский. Н. И. Макаров. Вулканизм Горного Крыма. Киев, 1962, стр. 1—207; С. Димитров. Состояние и очередные задачи изучения магматических и метаморфических комплексов Болгарии. ИАН СССР, сер. геол., 1, 1955, стр. 10.

[4] А. Н. Заварицкий. Введение в петрохимию изверженных горных пород. М., 1944, стр. 303.

занского поселения. Описываемые камни представляли собой материализованную память о каких-то других оставленных в Элладе родовых очагах или даже о родине вообще. Захваченный перед отплытием в далекую Скифию голыш мог играть роль личной реликвии, доступной даже самому бедному переселенцу. Функционально он соответствовал той «горсти земли», «щепотке родного праха», «ладонке с землицей», которые и сейчас еще живут в обычаях разных народов. Для уроженцев Эллады, особенно ее островной части, со скалистыми и почти лишенными почвы берегами, взять на память гальку родного берега перед отъездом «на край света» было так же естественно, как и для переселенцев конца XIX в., уходивших с семьями искать счастья где-нибудь в далеком Семиречье, зашить в тряпицу горсть полтавской или рязанской земли, чтобы на новом месте посыпать ею могилы умерших.

Что же касается фрагмента трахитовой вулканической бомбы, которая происходит из раскопанного В. В. Лапиным помещения архаической (VII в. до н. э.) кузницы, то ее появление здесь приобретает особый смысл, если учесть, что в древнегреческом пантеоне именно Гефест (Вулкан римлян) был богом-покровителем кузнецов. Мощные же извержения и землетрясения в конце II — начале I тысячелетия до н. э., захватившие обширные районы Средиземноморья, в настоящий момент являются окончательно доказанным фактом, так или иначе влиявшим на судьбу если не первых березанских колонистов, то их ближайших предков.

К. С. ГОРБУНОВА

ЧЕРНОФИГУРНЫЙ КРАТЕР МАСТЕРА ЛИДОСА

Коллекция чернофигурных ваз, происходящих из раскопок Ольвии, обогатилась в 1962 г. первоклассными фрагментами большого сосуда. Они обнаружены в прослойке слоевого фундамента здания, ограничивавшего агору с юга (участок Е-8). При устройстве этого фундамента было, очевидно, использовано заполнение какой-то ямы культового назначения, куда и был сброшен разбитый чернофигурный кратер прекрасного качества.

Кратер имел форму column-kraters: почти шаровидный, суживающийся книзу открытый сосуд с невысоким горлом и двумя ручками, над которыми помещены пластины — выступы венчика. Среди найденных фрагментов кратера наиболее значительна одна из таких пластин с изображением бородатого мужчины, видимого по плечи (рис. 1).

Лицо представлено в профиль, а плечи развернуты в фас. Изображение занимает всю высоту пластины, и форма головы несколько уплощена из-за округлого очертания горла кратера. Четкая, энергичная линия профиля с длинным прямым носом, с глубоко вырезанной почти полукруглой ноздрей, с плотно сжатыми губами завершается выступающей клиновидной короткой бородой. Волосы сплошной шапкой покрывают всю голову, оставляя открытым ухо, и спускаются на плечи густой волнистой массой. Волосы прически непрерывно переходят в узкие баки и соединяются с бородой, образуя острый угол на щеке. Своеобразно переданы усы. Они отходят от ноздри и, сужаясь, заканчиваются немного выше выступа бороды на щеке.

Изображение чрезвычайно интересно в цветовом отношении: черный силуэт четко выделяется на фоне оранжевой глины, а волосы прически и бороды окрашены густым слоем пурпура, перекрывающего черный лак.

Рис. 1. Изображение головы человека на кратере из Ольвии

Отдельные детали процарапаны резцом: граница шапки волос и бороды, бровь, крыло носа, линия рта и ключицы. Резьбой обозначены усы, глаз, составленный из окружностей, от которых влево и вправо отходят процарапанные уголки: глубоко врезанные, они также способствуют усилению цветового эффекта, увеличивают выразительность глаза. Очень своеобразен рисунок процарапанного резцом уха, имеющего как бы двойную мочку.

Рисунок сделан очень уверенной рукой и, несмотря на некоторую непропорциональность головы и плеч, производит законченное и очень монументальное впечатление.

На втором фрагменте, представляющем часть горла и плечиков, под орнаментом, столь характерным для этой формы ранних сосудов — чередующиеся чернолаковые и пурпурные лепестки, обведенные разбавленным лаком,— голова юноши в профиль с длинными волнистыми по краю волосами. Несмотря на небольшие размеры головы, тип лица, форма глаза и даже уха с утолщенной мочкой аналогичны изображению на пластинке над ручкой. Обломок так мал, что о композиции в целом говорить очень трудно (рис. 2).

Третий маленький фрагмент этого же кратера, на котором сохранились лишь незначительные части рисунка, труден для определения: здесь можно различить часть крыла или хвостов коней и ниже — ноги коней. Возможно, на кратере была изображена колесница, которой управлял (или перед которой мог стоять) длинноволосый юноша.

Остальные фрагменты представляют собой части горла (черный лак с обеих сторон) и один — от низа кратера с прорисованным лучом, отходящим от ножки. Среди обломков есть также и часть ствола ручки, составляющей единое целое с пластиной с изображением бородатого мужчины.

Как уже отмечалось, высокое качество исполнения рисунка заставляет обратиться в поисках аналогий к творчеству крупнейших мастеров чернофигурного рисунка. По характеру формы и стилистическим особенностям кратер близок к чернофигурным вазам середины VI в. до н. э., а следова-

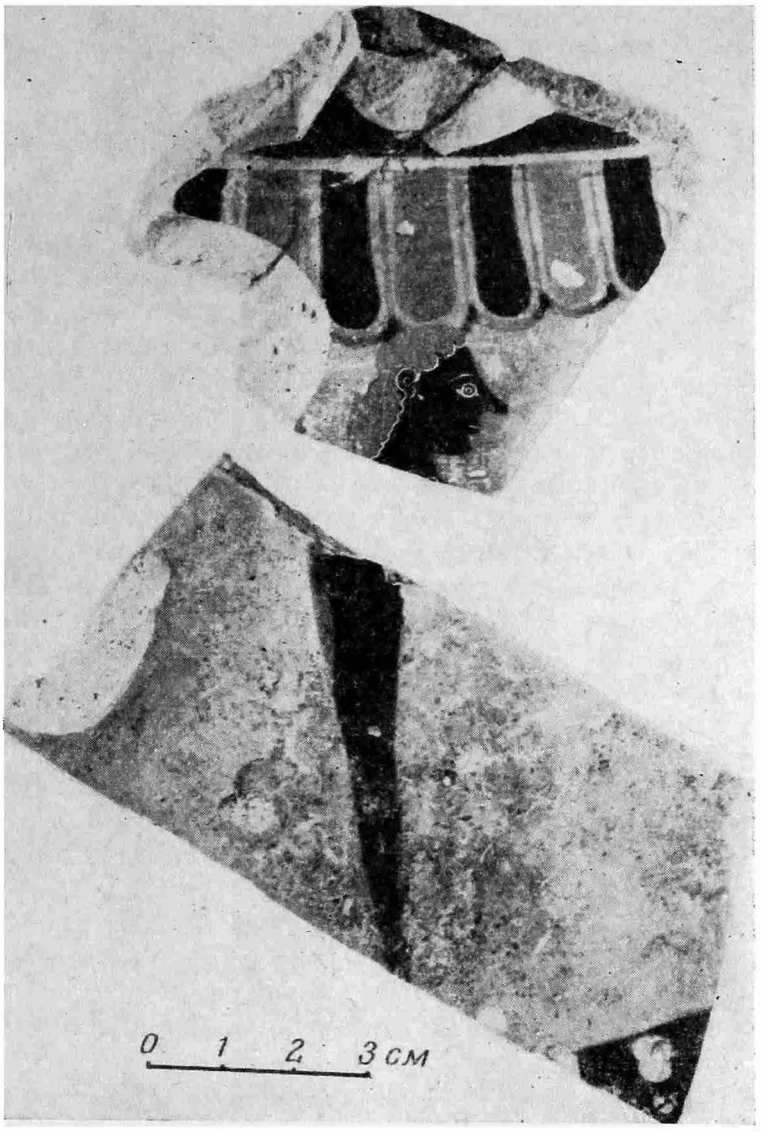


Рис. 2. Обломки кратера из Ольвии

тельно, прежде всего приходится сравнивать рисунок на ольвийском кратере с работами мастера Лидоса.

Лидос — один из крупнейших мастеров чернофигурного рисунка середины VI в. до н. э. Мастер яркой индивидуальности, смелых и разнообразных композиций, прекрасный рисовальщик, умело сочетавший четкий силуэт с тонкой резьбой и обильным применением пурпура. Имя его встречается на двух вазах, причем оба раза с глаголом «расписал». По стилистической близости ему в настоящее время приписано 85 ваз и фрагментов, причем наряду с крупными вазами Лидос расписывал и мелкие вещи: чаши, тарелки, ойнохои. Однако первые преобладают. Более того, ему приписывают также и фрагменты двух пинак, что характеризует Лидоса как автора больших монументальных композиций. Имя Лидоса свидетельствует, очевидно, о том, что он был выходцем из Малой Азии и, вероятно, как об этом замечает Дж. Рихтер [1], был одним из тех талантливых жителей Востока, который эмигрировал в Афины, привлеченный расцветом этого города в период правления Писистрата, акклиматизировался в Афинах и вместе с подобными ему пришельцами внес свой вклад в развитие аттического ремесла, аттического искусства.

[1] G. M. A. Richter. Lydos. MMS, VI, ч. 2, 1933, стр. 178.

Д. Бизли приводит в списке произведений Лидоса три целых кратера [2], обломки других четырех кратеров, среди которых один обломок такой же пластины с мужской головой, как и наша (не издан). Аналогичная голова изображена и на пластинах кратера Британского музея [3], однако фрагментированный кратер издан лишь с лицевой стороны, а пластины не опубликованы.

Наиболее близким кажется монументальное произведение Лидоса Пинака из Spata (Афинский национальный музей, коллекция Vlasto). Эта плакетка высотой 35 *см* представляет собой часть целой серии подобных и, по-видимому, некогда украшала какое-то надгробное сооружение [4].

Очертание профиля лица, рисунок носа и его частей, форма уха, прическа и борода близки к изображению на ольвийском фрагменте. Одинаково трактован и глаз, но на обломке кратера он прорисован более тщательно. Иной тип прически и несколько отличная форма головы (уплощенное темя и выступающий затылок) свидетельствуют лишь о многообразии творчества мастера, об отсутствии штампа в трактовке фигур. Кроме того, качество исполнения рисунка на ольвийском фрагменте, несомненно, более высокое, чем на афинской пинаке. Очевидны черты стилистической близости рисунка мужских голов на пластине ольвийского кратера и в композиции на тулове афинского кратера [5], связываемого Д. Бизли с Лидосом. Та же форма головы, тот же профиль, очертание носа, рисунок ноздри, губ, усов, глаза и уха, та же прическа с пышными локонами, спускающимися на плечи, тот же рисунок ключиц. Аналогичные особенности можно видеть и в композиции суда Париса на кратере Британского музея [6], и на амфоре из Национальной библиотеки в Париже [7]. Несомненно единство стиля рисунка и с подписным диносом, хранящимся в Афинском национальном музее [8].

По качеству исполнения наиболее близок к ольвийскому фрагменту рисунок на кратере Метрополитен-музея [9]. Несмотря на обилие гравировки и иной тип мужского лица (на нью-йоркском кратере изображены силены), рисунок глаза, брови, особенно ключиц, непропорционально большие головы при узких плечах — все роднит эти два произведения одного мастера.

Чрезвычайно интересны маски медузы-горгоны на пластинах над ручками [10]. Четко прорисованные, с большими круглыми глазами, они по уверенному рисунку более всего напоминают мужскую голову ольвийского кратера. Интересно и однообразие в передаче раковины уха, снабженного у горгоны еще и серьгой. Несомненно, оба кратера, ольвийский и нью-йоркский, не только исполнены одной рукой, но и относятся к одному периоду творчества Лидоса — к концу первой половины VI в. до н. э. Лишним доказательством принадлежности ольвийского кратера к творчеству Лидоса является сравнение фрагмента плечиков, на которых изображена голова юноши, с другими произведениями мастера. Под обычным для Лидоса орнаментом из чередующихся пурпурных и черных лепестков изоб-

---

[2] J. D. Beazley. Attic •Black-Figure Vase-Painters. Oxford, 1956, стр. 108, рис. 5, 8, 9.

[3] J. D. Beazley. The Development of Attic Black-Figure. Berkley, California, 1951, табл. 15, *1*.

[4] Там же, табл. 19, 48.

[5] B. Graef. Die antiken Vasen von der Akropolis zu Athen, I, Berlin, 1903, табл. 39, *631в*.

[6] J. D. Beazley. The Development of Attic Black-Figure, табл. 15, *1*.

[7] CVA, France, Bibliothèque nationale, I, табл. 34, *1, 2, 8*.

[8] J. D. Beazley. Attic Black-Figure Vase-Painters, стр. 107, № 1; B. Graef. Ук. соч., табл. 32—35.

[9] G. M. A. Richter. Ук. соч., табл. I, *2*.

[10] Там же, рис. 4.

ражена голова, по стилю очень близкая к голове на кратере из Салоник [11], хотя волнистый край волос, обозначенный резьбой, еще более напоминает уже упомянутый кратер Метрополитен-музея или голов сфинксов и сирен того же мастера [12].

В творчестве Лидоса, по-видимому, впервые на аттических вазах появляется изображение мужской головы на выступе венчика над ручкой кратера. Начиная с этого времени, ученики и подражатели его создают многочисленные кратеры с мужскими головами на пластинах над ручками [13], но ни один из них никогда не поднимался до тех высот художественного мастерства, которое было присуще Лидосу и ярким свидетельством которого является ольвийский кратер.

Большой, монументальный, возможно, украшенный на лицевой стороне композицией с колесницей, ольвийский кратер Лидоса представляет собой одно из лучших произведений этого одаренного мастера ранней эпохи чернофигурного рисунка. Ценность и значение кратера для нас успливаются благодаря его находке в одном из городов Северного Причерноморья.

---

[11] Эрмитаж. Инв. № НФ-47. 4; В. М. Скуднова. Фрагменты чернофигурного кратера мастерской Лидоса из Нимфея. СГЭ, IX, Л., 1956, стр. 45—46; CVA, 9, Oxford, ч. 2, табл. XII, *6*, *7*, *8*, *10*; F. P. Johnson. Eight Pieces of Pottery. AJA, 1949, LIII, 3, стр. 242.

[12] D. Robinson. Excavations at Olynthus, ч. V, Baltimore, 1933, табл. 55, *66*.

[13] Hoppin and Gallatin Collections. CVA, ч. I, табл. 3, *2*; B. Graef. Ук. соч., табл. 35, *v*.

Я. И. СУНЧУГАШЕВ

ПАМЯТНИКИ ГОРНОГО ДЕЛА И МЕТАЛЛУРГИИ ПОЗДНЕГО ЭТАПА УЮКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 1962 г. нами исследованы древние горные разработки и медеплавильня, расположенные по ключу Кызыл-Торг Каа-Хемского района Тувинской АССР. Кызыл-Торг впадает слева в р. Бурен-Хем, которая в свою очередь является правым притоком Каа-Хема (Малый Енисей). Этот район археологически до сих пор не был исследован. Впервые в 1960 г. здесь геологическим маршрутом прошел В. Б. Агентов, который зафиксировал отвалы древних разработок. Потом геологи М. А. Жуков и А. А. Гуменюк здесь же обнаружили отвалы медных шлаков [1].

Древние медные разработки расположены тремя группами в 7 *км* к северо-востоку от устья Кызыл-Торга и в 50 *км* к северу от правого берега названного ключа.

Горные разработки имеют вид воронкообразных ям и продолговатых карьеров, на отвалах которых ныне растут большие лиственницы и густая трава. Отвалы содержат обломки пустой породы с налетом медной зелени и сини, комки красной охры и силикаты меди.

Ниже приводим описание трехъярусной штольни, расположенной в третьей группе разработок (рис. 1). На месте древнего карьера был пробит разведочный шурф 1 × 1,2 *м* для исследования геологической структуры и выяснения формы и глубины древней штольни. Раскоп доведен до коренных пород, где обнаружен древний забой. В результате этого выяснена сложная система штреков. Выработка имеет три яруса или горизонта, которые отмечены № I, II и III.

Горизонт I. Разведочный шурф № 1 на глубине 1,5 *м* попал на сечение древней штольни, которая имеет две длинные горизонтальные рас-

---

[1] Пользуемся случаем принести нашу благодарность геологам М. Жукову, А. Гуменюк и доценту МГУ Л. Р. Кызласову, способствовавшим появлению этой работы.

сечки. Рассечка № 1 ориентирована на ЮВ 110° и соединена с рассечкой № 2 узким проходом, верх которого имеет сводообразную форму. Это сводообразное сечение штольни и являлось приспособлением, удерживающим кровлю от обвала (рис. 1, *а*). Его размеры: высота 1,25, ширина у основания сечения — 0,75 *м*. Наибольшее расширение сечения в рассечке 1,9 *м* при наибольшей высоте 1,6 *м*.

Рассечка № 2 ориентирована на ЮЗ 205°. Наибольшее расширение рассечки около 2,4 при высоте 1,40—1,56 *м*. На боковых стенках кое-где видны слабые налеты малахита. При вычистке земляного заполнения в штольне встречены мелкие обломки трубчатой кости овцы, окрашенные в зеленый малахитовый цвет, а также половинки скорлупы кедровых орехов.

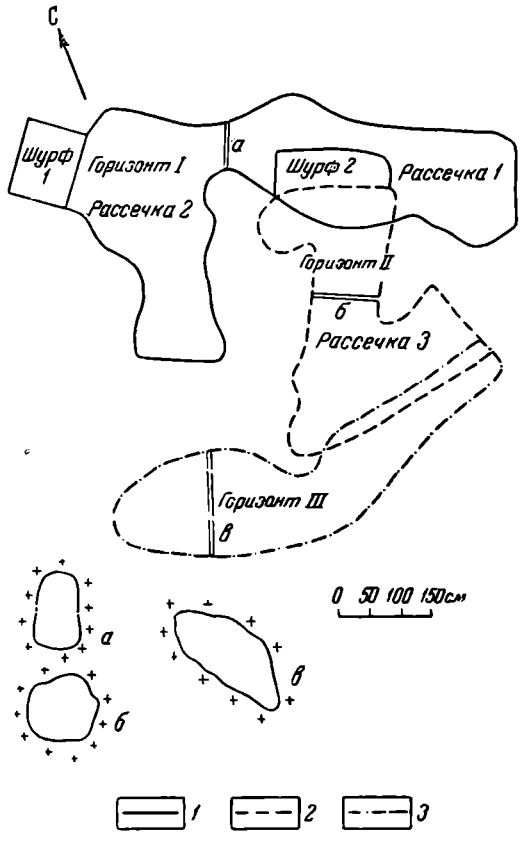


Рис. 1. План трехъярусной выработки

1 — граница горизонта I; *2* — граница горизонта II, *3* — граница горизонта III; *а*, *б* и *в*—сечение горизонтов

Горизонт II. При зачистке нижней части горизонта I выявилось сечение шахты, идущей почти вертикально вниз. На этом месте был заложен шурф № 2. После выемки земляного заполнения оказалось, что шахта имеет вертикальный спуск высотой 4,15 *м* при среднем сечении 1,10 *м* и соединяется со вторым горизонтом, т. е. переходит в горизонтальную штольню. Длина горизонта II — 3,25 *м* при высоте 1,1 *м*. В середине штольни оставлен круглый в сечении проход диаметром 1,1 *м* (рис. 1, *б*). Этот проход в виде кольца, вероятно, удерживал кровлю от обвала. Аналогичные способы крепления отмечены нами на выработках в Хову-Аксы и на горе Бош-Даг [2]. Горизонт № 2 пройден по кварцевым порфирам, которые содержали медную руду. Стенки горизонта II и шахты почернели от дыма. В самой штольне найдены альчик и ребро овцы, а также мелкие куски древесного угля и золы. Здесь же дважды найдены на боковых стенках выработки огарки от лучин, освещавших штольню во время работы. Один конец обуглен. Аналогичные осветительные лучины были обнаружены в древних выработках на Алтае и Урале [3].

От горизонта № 2 отходит рассечка № 3 по азимуту СВ 80°, которая была заполнена обломками пустой породы. Вероятно, рассечка была заполнена еще тогда, когда разрабатывался нижний горизонт III, так как вынос пустой породы был слишком трудоемким.

Горизонт III лежит на 3 *м* ниже горизонта II и ориентирован на СЗ 285° (рис. 2). В целом горизонт представляет сравнительно большую щелевидную выемку (рис. 2, *в*). Длина ее 7 *м*, высота южной боковой стенки, переходящей в кровлю, 5 *м*. Выемка завершается в северо-запад-

---

[2] Я. И. Сунчугашев. Древние горные выработки в Хову-Аксы. Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ, IX, 1961, стр. 230—234.

[3] Г. Гесс-де-Кальве. Несколько слов о древних рудниках Сибири. «Отечественные записки», ч. 22, № 62, СПб., 1825, стр. 387; Д. Н. Лев. Древнейшие орудия горного дела в Музее Института антропологии и этнографии. ВАН СССР, 1, 1934, стр. 48.

ном углу древним забоем. Северо-западная половина выработки расположена наклонно (падение на юг 35°). На северной стенке горизонта III, состоящей из сцементированного щебня и красноватой глины, хорошо сохранились следы — царапины и выбоины от кайл или других добывающих орудий на площади 0,72 *м*^{2}. Об этом свидетельствуют следующие данные обмера следов орудий: а) бороздка, имеющая в сечении форму трапеции. Размеры ее — глубина 10 *мм*, ширина по верхнему краю 13 *мм* и по нижнему — 7 *мм*; это, вероятно, след металлической кайлы; б) отпечаток на мягкой породе, выбитый круглым и тупым концом орудия. Такие следы могут оставлять только роговые кирки. Размеры его: глубина 15 *мм*, ширина по верхнему краю 20 *мм*.

В дополнение приводим еще один пример, свидетельствующий о применении рудокопами металлических орудий. При проходе сравнительно глубокого шурфа в другой группе древних выработок на глубине 8 *м* был найден обломок деревянной рукоятки, той ее части, которая входила, судя по форме и следам на ней, в металлическую втулку. Один конец рукоятки исщерблен от ударов, а другой конец имеет излом. Размеры ее: длина 50 *мм*, ширина 35 *мм* при толщине 22 *мм* [4]. Следует заметить, что в кызылторгских выработках в отличие от хову-аксынских не найдены каменные и костяные орудия труда. Отсюда следует, что здесь основными добывающими орудиями были металлические. Добытая медная руда выплавлялась на левом и правом берегах Кызыл-Торга. Всего здесь мною обнаружено восемь отвалов медных шлаков в виде куч диаметрами от 5 до 15 *м* высотой от 0,15 до 0,60 *м*.

На отвале медных шлаков № 2 нами был заложен разведочный раскоп, давший значительный материал, который позволил установить хронологию для древних горных выработок и медеплавилен Тувы, а также сделать некоторые заключения о развитии металлургии меди в древней Сибири.

Отвал № 2 представляет собой продолговатое в плане, заросшее лесом малозаметное возвышение. Длина его с севера на юг 56 *м*, с запада на восток 46 *м*. Он покрыт тонким дерновым слоем, под которым залегают «линзы» медных шлаков, толщиной до 0,2 *м*. Местами шлаки выступают наружу. Вес больших застывших кусков шлаков достигает 3 *кг*. В изломе шлака хорошо просматривается окись меди. На указанной площади обнаружены три чашевидные ямы, расположенные по одной линии с СЗ на ЮВ. Нами раскопана яма № 1, имеющая на поверхности глубину 0,6 *м* при диаметре 3,5 *м*. Над ЮЮЗ половине полукольцом лежали песчаниковые плиты небольших размеров, некогда составлявшие наземную часть плавильни.

Особого внимания заслуживает изученная нами плавильная яма, которая сооружена в глинистом грунте и представляет собой в плане правильное округлое углубление (рис. 2). Диаметр ямы в середине 1,1 *м* при глубине 0,8 *м*. Стенки ее имеют темно-коричневый цвет и местами сохранили следы прокала от высокой температуры, дно ямы упирается на коренные породы. Яма-плавильня была покрыта тонким дерновым слоем (от 7 до 10 *см*) и заполнена кусками медных шлаков, мелкими кусками древесного угля и забросана еще в древности отходами. В пределах раскопа на различных глубинах найдены глиняные необожженные сердечники-заготовки литейных форм: круглые валики (рис. 3, *5, 7*), уплощенные, ромбические в сечении (рис. 3, *1, 3*), треугольные (рис. 3, *4*), трапециевидные (рис. 3, *6*) и плохо сохранившиеся полукруглые. Литейные формы, возможно, служили для отливки ножей, тесел, втоков, украшений оружия. Среди них оказалась валиковая глиняная форма, имеющая на уплощенной поверхности прямой желобок длиной 107 *мм* (рис. 3, *8*). На форме хорошо видны отпечатки пальцев изготовлявшего ее древнего мастера. Форма слу-

---

[4] Описание представлено нам геологом Ю. И. Быковым. Рукоятка им утрачена.

жила, вероятно, для изготовления медной или бронзовой проволоки. Наряду с ними имеются отдельные мелкие фрагменты глиняных форм с явными отпечатками плоского, вероятно, металлического предмета. В яме также встречены остатки от мясной пищи: трубчатые кости, ребра и альчики овцы, а также фрагменты ребра, видимо, от особи крупного рогатого

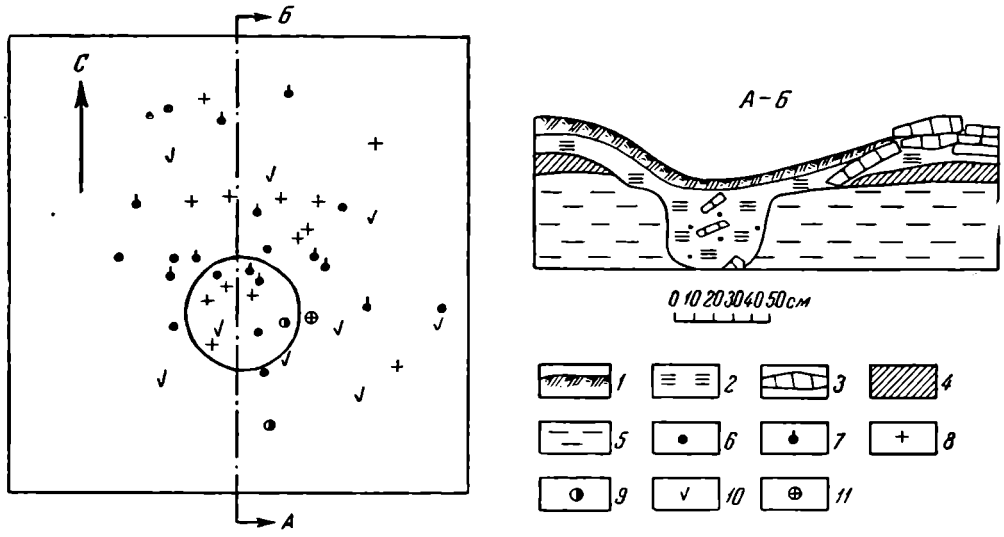


Рис. 2. План раскопа и разрез медеплавильной ямы:

1 — дерн; *2* — шлак и древесный уголь; *3* — камни и плиты; *4* — древний дерн; *5* — глина; *6* — обломки сопла; *7* — литейные формы; *8* — обломки глиняных сосудов; *9* — кости животных; *10* — кусок руды; *11* — сплав металла

скота. В яме и за ее пределами встречены окислившиеся медные сплески, сплав железа, оставленный древним металлургом из-за ненадобности, и небольшие куски (диаметр 40—50 *мм*) пустой породы с налетом медной зелени. Кроме того, здесь же найдено 11 обломков от воздуходувных сопел (четыре из них очень малы). Все они сделаны из глины с примесью песка и в изломе имеют черный цвет. Наружная и внутренняя поверхности сопел имеют красный цвет от обжига (слой до 3 *мм*). Узкие концы сопел, вставлявшиеся в плавильню, в изломе имеют темно-красный цвет, и их поверхности покрыты черной стекловидной коркой шлака. На одном из обломков видны следы красного стекловидного шлака, вероятно, от красной охры, добавленной в шихту в качестве флюса. На наружной поверхности сопел заметны следы сглаживания от руки по сырой глине и вдавления пальцев при формовке. Внутренние вогнутые стенки сопел гладкие. На них заметные незначительные продольные царапины — следы выструганной поверхности круглой палки. Эти признаки позволяют представить способ изготовления сопел следующим образом. Сперва изготовлялся конусовидный деревянный стержень, на котором и формовалось глиняное сопло. Ниже приводим таблицу размеров сопел [5].

Размеры сопел

№№ пп	Внутренний диаметр, *мм*	Толщина стенки сопла, *мм*	Длина обломка, *см*	Примечание
1	45—30	7	7	Сохранилась только широкая часть сопла
2	23	4	2,5	
3	24	4	5	
4	24	7	3	Сохранился ошлакованный конец
5	24	9	4,7	Сохранился ошлакованный конец

[5] Фрагменты № 2 и 3 слишком тонки и не обожжены, вероятно использовались для других целей.

Из приведенных размеров видно, что сопла конусовидные и трубка обычно суживается к тому концу, который вставлялся в горн. Это особенно хорошо видно на примерах фрагментов № 1, 4 и 5.

Наряду с обломками сопел найдены различные куски глиняной обмазки горна. Среди них толстые «венчики» окаймлявшие, вероятно, верхний край плавильни, диаметр которых составляет 0,38 *м* (рис. 3, *12, 13*). Кроме

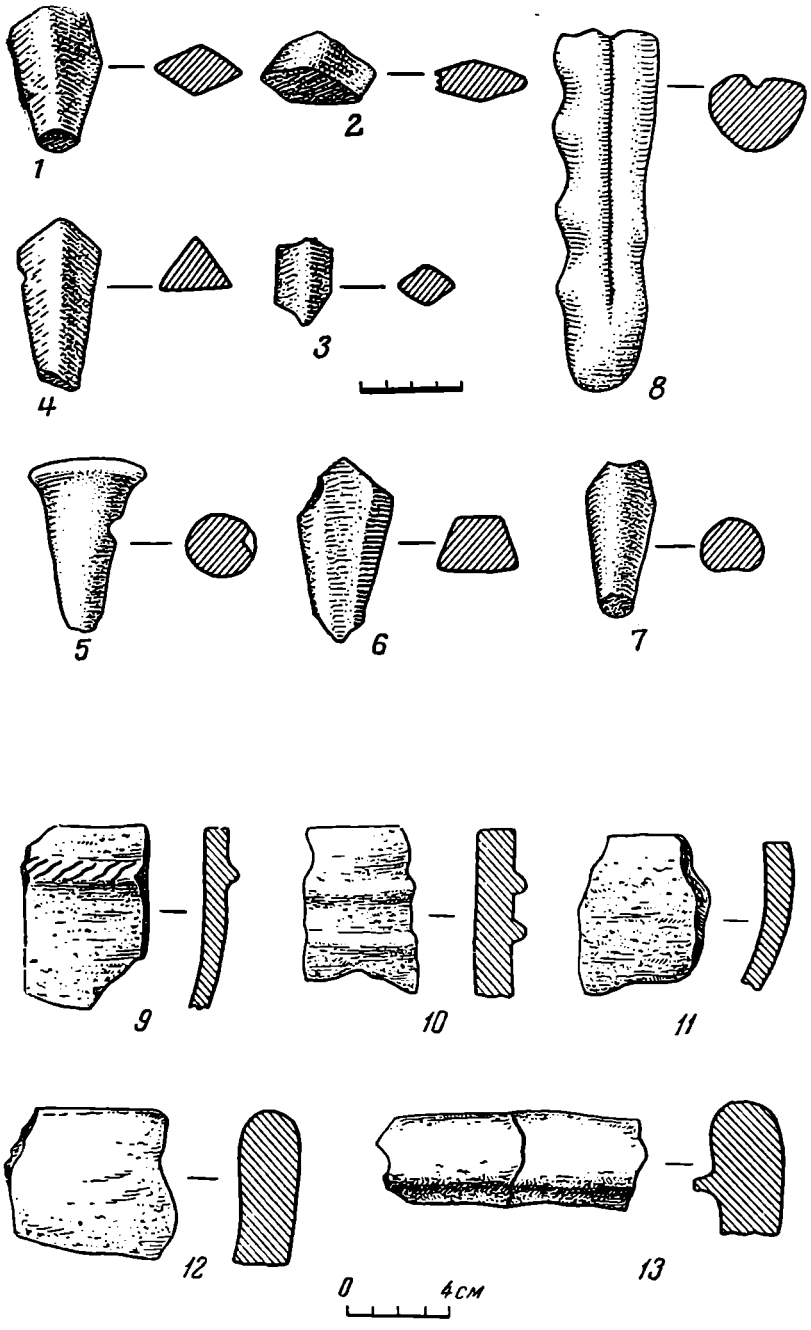


Рис. 3

1—8 — литейные формы; *9—11* — венчики глиняных сосудов; *12, 13* — венчики горнов

того, найден обломок венчика большого чашевидного слабообожженного сосуда (диаметр венчика 0,75 *м*). Среди найденных здесь обломков керамики выделяются фрагменты сосудов трех типов: 1) обломок баночного сосуда желто-серого цвета, с налепным валиком, покрытым косыми насечками; 2) фрагмент толстостенного сосуда темно-серого цвета с двумя параллельными налепными валиками по венчику и 3) фрагмент венчика небольшого чашевидного сосуда (рис. 3, *9—11*).

Эти типы сосудов характерны для уюкской культуры Тувы и хронологически относятся к ее позднему этапу (V—III вв. до н. э.) [6].

Таким образом, древние горные выработки, расположенные по Кызыл-Довураку, и отвалы древних медных шлаков могут быть датированы последним этапом уюкского времени, чему не противоречат все приведенные выше факты и наблюдения.

Подводя некоторые итоги, отметим следующее. Яма-плавильня, как уже указывалось, была заполнена медным шлаком, мелкими кусками древесного угля и мусором (кости, битые черепки, сплески металла и т. п.). Очевидно, плавильня была заброшена и закидана мусором в то же уюкское время, когда здесь происходила интенсивная выплавка металла.

Наша плавильня по конструкции и заполнению приближается к медеплавильне, изученной в 1916 г. в Бай-сюте (Тува). Единственная в своем роде медеплавильня в Бай-сюте, ранее относимая к эпохе бронзы [7], судя по аналогии с кызыл-довуракской плавильней, очевидно, относится к эпохе железа (уюкская культура).

Рассмотренные ямы-медеплавильни Тувы, близкие к типу сыродутных горнов раннего железного века [8], свидетельствуют о том, что на основе подобных медеплавилен произошел переход к добыче железа сыродутным способом. Такие плавильни бытовали, вероятно, и в Хакасско-Минусинской котловине, о чем свидетельствуют совместные находки медных и железных шлаков [9] и реконструированные наземные древние медеплавильни Урала, относящиеся к первой половине I тысячелетия до н. э. [10].

Сыродутный горн для получения железа, надо полагать, создан опытом многих поколений древних рудознатцев-металлургов, с учетом плавки меди в эпоху бронзы. Тогда же человек изобрел кожаный мех для нагнетания воздуха в горн [11], научился применять при плавке металлов древесный уголь и сооружать плавильни довольно значительной емкости.

Указанный период знаменателен и тем, что накопились значительные геологические знания по поиску меди, железа и других полезных ископаемых. Уже сооружались глубокие шахтообразные горные выработки, карьеры сравнительно больших размеров и горизонтальные сложные штольни. Подобные горные сооружения известны в Туве по северному склону Танну-Олы в Хову-Аксы [12] и недалеко от устья р. Чыргакы [13], а также на р. Барлык, впадающих справа в р. Хемчик.

---

[6] Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. В МГУ. Ист.-филол. сер., 4, 1958, стр. 74—75.

[7] Д. Н. Лев. К истории горного дела. Л., 1934, рис. 32; В. И. Равдоникас. История первобытного общества, II, Л., 1947, рис. 109, стр. 291; Б. А. Литвинский. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Сталинабад, 1954, рис. 4, стр. 14; Г. М. Асланов, Р. М. Вандов, Р. И. Ионе. Древний Мингечаур. Баку, 1959, стр. 134.

[8] Б. А. Шрамко. Новые данные о добыче железа в Скифии. КСИА АН СССР, 91, 1962.

[9] Л. В. Громов. Исторические исследования на службу поиска полезных ископаемых. Уч. зап. ХакНИИЯЛИ, VIII, Абакан, 1960.

[10] Е. М. Берс. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1954, стр. 75.

[11] А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1954, стр. 104.

[12] Я. И. Сунчугашев. Ук. соч., стр. 231.

[13] Г. Д. Курочкин. На берегах Улуг-Хема (записки геолога). М., 1955. К. И. Иваницкий. Медные руды в Урянхае. Сб. «Естественные производительные силы», IV, вып. VII, Птг., 1920, стр. 167.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

ИГРАЛЬНО-СЧЕТНЫЕ ЖЕТОНЫ НА ПАМЯТНИКАХ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Группа характерных для памятников черняховской культуры находок игрально-счетных жетонов не получила специального освещения в русской археологической литературе [1]. Между тем нахождение этих вещей не только на поселениях, но и в могилах заставляет к ним отнестись внимательно, так как говорит о достаточно широком распространении и использовании жетонов местным земледельческо-скотоводческим населением. Кроме того, описываемые находки характеризуют еще одну линию связей с провинциально-римским миром.

Найденные жетоны представляют собой небольшие кружочки обычно диаметром 1,5—2,5 *см*. Они имеют плоскую нижнюю сторону и выпуклую верхнюю. Игрально-счетные жетоны сделаны обычно из непрозрачного стекла, хотя, как мы увидим ниже, не исключается применение и других материалов для их изготовления. Цвет жетонов обычно черный, темно-синий или молочно-белый. Известные находки на землях, занятых памятниками культуры полей погребений, происходят в основном из областей как Среднего, так и Нижнего Поднепровья, что, безусловно, следует объяснить степенью исследованности памятников.

Вот перечень опубликованных находок, который может быть дополнен неизданными материалами музейных фондов: Августиновка [2], Балка Яцевая [3], Вербичная [4], Журавка, Кантемировка [5], Кринички [6], овчарня совхоза «Приднепровского» [7], Переяслав-Хмельницкий [8], Привольное [9], Рудки [10] (рис. 1, *1—27*).

Превосходный набор жетонов-шашек найден в могиле № 5 в Переяславе-Хмельницком. В богатом, частично разрушенном погребении с трупоположением были найдены жетоны — 11 белого и 11 черного цвета (рис. 1, *1—22*). Они лежали около головы мужчины и сохранялись в шкатулке, остатки металлических деталей которой были тут же обнаружены [11]. Этот набор явно говорит о том, что здесь мы имеем дело с игрой для двух партнеров. Большинство подобных находок, надо думать, служило именно для этой цели [12]. Только для этих целей допускает их использование, напри-

[1] Г. Ф. Корзухина в статье «Из истории игр на Руси» (СА, 1963, 4, стр. 85—102), посвященной находкам подобного же рода в средневековье, материалов позднеримского времени почти не касается.

[2] А. Т. Брайчевская. Черняховские памятники Надпорожья. МИА, 82, 1960, стр. 190, табл. V, *13*.

[3] А. В. Бодянский. Археологические находки в Днепровском Надпорожье. СА, 1960, 1, стр. 275, рис. 1, *11*.

[4] T. Piętka-Dąbrowska. Plryczynki do znajomości okresu od I do VI w. n. e. z. międzyrzeczia Dniepru i Bugu. WA, XXVII, 2, Warszawa, 1960, стр. 225, табл. LI, *20—26*.

[5] М. Рудинський. Кантамирівські могили римської доби. Зап. ВУАК, I, Київ, 1931, стр. 145, табл. II, *10*.

[6] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры в с. Кринички. МИА, 82, 1960, стр. 248, рис. 7, *1*.

[7] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Приднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 294, 299, рис. 13а, *11*.

[8] В. К. Гончаров, Е. В. Махно. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького. Археологія, XI, Київ, 1957, стр. 136, табл. II, *1*.

[9] Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном. СА, XXII, 1955, стр. 144—145, табл. IV, *28*.

[10] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, 4, стр. 191—192, рис. 17, *2*.

[11] В. К. Гончаров, Е. В. Махно. Ук. соч., стр. 134, табл. II, *1*. Пользуюсь случаем принести благодарность авторам раскопок за предоставленную возможность опубликовать весь набор жетонов из погр. № 5.

[12] Еще один набор жетонов из могилы в Херсонесе, датируемой III в., описал К. К. Косцюшко-Валюжинич. Набор состоял из 15 черных и 15 молочного цвета жетонов-шашек диаметром 2,0—2,5 *см* (К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году. ИАК, 4, СПб., 1902, стр. 109).

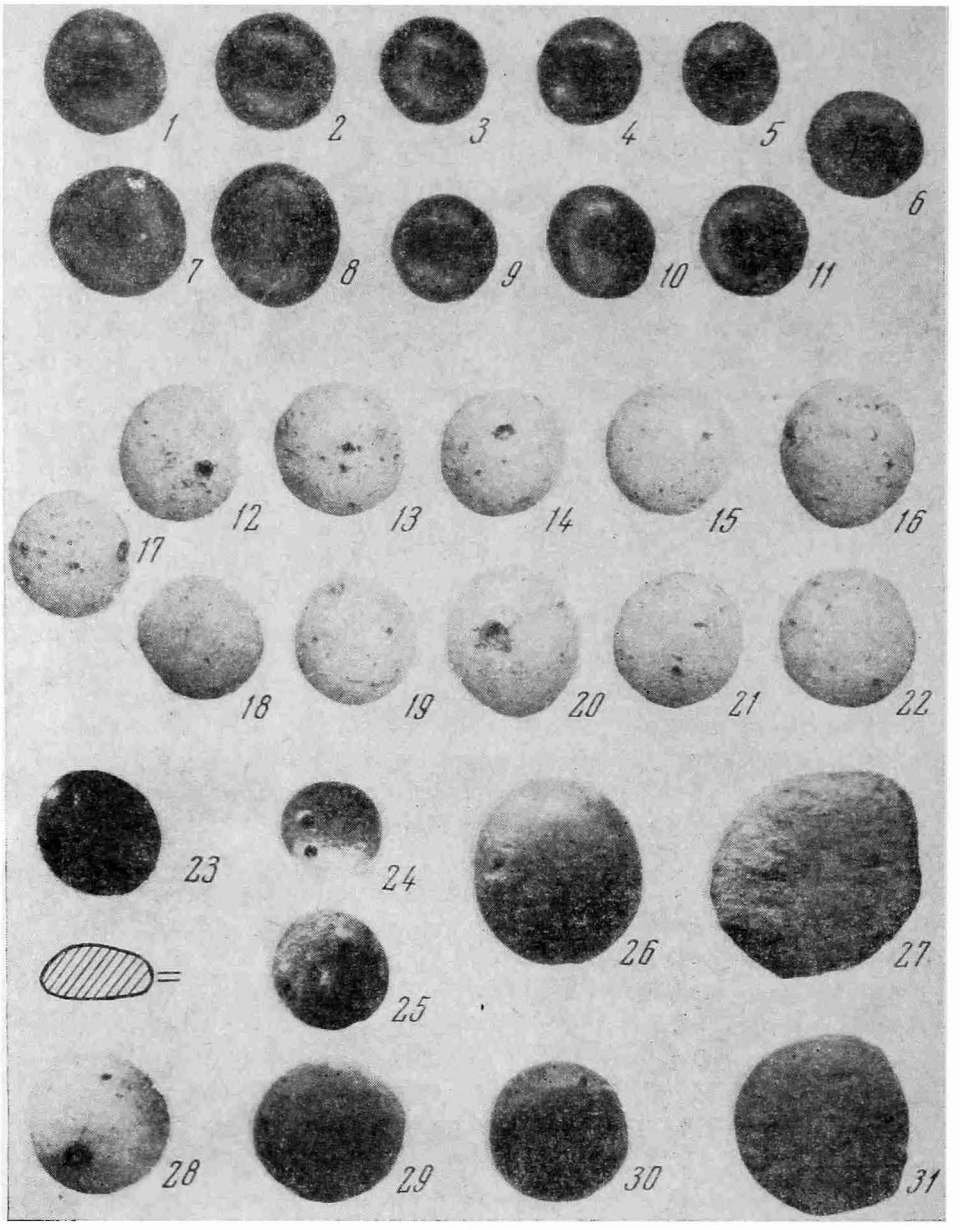


Рис 1. Игрально-счетные жетоны из стекла (*1—25, 28—30*) и из глины (*26, 27, 31*)

1—22 — набор шашек (Переяслав-Хмельницкий); *23—28* — Кантемировка; *24—27, 29—31* — Журавка

мер, Г. Коссина [13]. Однако, если учесть, что эти вещи привозные и отражены в сводках римских импортных вещей К. Маевского и В. Лега, найденных в Польше [14], и Г. Эттерса, охватившего Германию и прилегающие страны Европы [15], то допустимо и другое их использование. В словарях, посвященных античным памятникам, описывается назначение жетонов, называемых calculi или πεσσοί. Они употреблялись для: 1) настольной игры, 2) счета и 3) голосования [16]. Правда, в более позднем справочнике

[13] G. Kossina. Das Reitergrab von Kommerau in Westpreußen und die germanischen Trinkhörner, Spielsteine und goldenen Schlangenkopfarmspiralen der Keiserzeit. Mannus, 14, Leipzig, 1922, стр. 122—126.

[14] K. Majewski. Importy rymskie w Polsce. Warszawa — Wrocław, 1960, стр. 72, 79; W. Lega. Handel między państwem rzymskin a Pomorzem nadwiślanskim od I w. przed n. e. do VI w. n. e. PA, X, 29—31, Poznań — Wrocław, 1958, стр. 5—87.

[15] H. J. Eggers. Der römische Import im freien Germanien. Textband. Hamburg, 1951, стр. 50, 78—158.

[16] DAGR, VI, стр. 820.

последняя функция жетонов опущена [17]. Во всяком случае роль calculi в играх и в подсчетах является бесспорной. О них упоминают древние авторы. Такие жетоны в античном мире изготовляли из кости, камня, металла, но чаще из стекла белого и черного цвета. Жетоны в форме сегмента найдены в Помпее. Могила возле Кум содержала трехцветный набор жетонов [18]. М. Эберт показывает древность настольных игр, в которые играли еще в древнем Египте и странах Востока. До нас дошли доски и камни для игры, являющиеся предшественниками шахмат [19]. По описанию В. Лега, камни для игры были распространены в Риме еще во времена Республики. В Империи игрой с доской и жетонами-шашками увлекались легионеры, которые, видимо, разнесли ее по свету. Игра представляла собой что-то вроде наших шашек. В процессе игры на доске, разделенной на клеточки, надо было окружить фишки противника [20]. Разнообразные шашки-жетоны находили и в Северном Причерноморье [21]. В среде не подвластных Риму племен некоторые подобные игры являлись обычным времяпровождением. По свидетельству Тацита, германцы «играют в кости и, что удивительно, занимаются этим как серьезным делом и трезвые, и с таким азартом и при выигрыше и проигрыше, что когда уже ничего не осталось, при самом последнем метании костей играют на свободу и тело. Побежденный добровольно идет в рабство и хотя бы он был моложе и сильнее, дает себя связать и продать» [22]. Это описание отчетливо показывает значение игры в жизни древних германцев. На основании этого описания Г. Коссина игры, связанные с метанием костей и с жетонами-шашками, счел присущим только древним германцам и собрал все случаи находок жетонов на территории Германии и ближайших к ней государств. Для западных германцев Г. Коссина называет 11 мест находок. Большинство находок связано с могилами, датируемыми III в. Число жетонов в могилах разное. У восточных германцев, говорит Г. Коссина, жетоны или камни для игры в раннее время мы не находим. Распространяются они с III в. и существуют непрерывно вплоть до времени викингов [23]. Находки жетонов в могилах позднеримского времени в Скандинавии публикует Б. Штьернквист [24]. Тем не менее нахождение подобных жетонов в более ранние периоды в Риме и римских провинциях делает неосновательным мнение о германском или скандинавском происхождении этих игр. Перечень богатых захоронений римского времени в Западной Европе, в которых содержались находки жетонов, дан в книге В. Ондроуха. Этого рода находки известны и в Северной Италии, Галлии, Германии, на Готланде и в Повисленьи. Число жетонов в некоторых могилах достигает почти 60 (Леуна) [25]. В Западной Европе жетоны, как правило, встречаются в мужских погребениях, но небезынтересно отметить случаи их нахождения и в женских могилах, причем даже таких богатых, как погребения в Сакрау [26].

На территории Польши, судя по сводкам К. Маевского, В. Лега и Ю. Костжевского, число местонахождений жетонов очень невелико [27]. На

---

[17] RE, III, стр. 1345.

[18] Там же.

[19] RV, XII, стр. 342—344.

[20] W. Lega. Ук. соч., стр. 44—45.

[21] М. И. Ростовцев. Древние костные шашки с юга России. ИАК, 10, СПб., 1904, стр. 109—124; В. Д. Блаватский. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, стр. 127.

[22] Сб. «Древние германцы». М., 1937, стр. 69.

[23] G. Kossina. Ук. соч., стр. 123—126.

[24] B. Stjernquist. Simris on Cultural Connections of Scania in the Roman Iron Age. AAL, серия 4°, 2, 1955, табл. XXVII, *9*.

[25] V. Ondrouch. Bohaté hroby z doby rimskej na Slovensku. Bratislava, 1957, стр. 164—165, табл. 51; W. Schulz. Ein germanischer Bestattungsplatz der spätrömischen Kaiserzeit. Berlin, 1953, стр. 67—73.

[26] G. Kossina. Ук. соч., стр. 125.

[27] K. Majewski. Ук. соч., стр. 72, 79, рис. 52, 114; W. Lega. Ук. соч., стр. 45; J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wrocław, 1955, стр. 210, 245, рис. 721, 722, табл. XV, *1*.

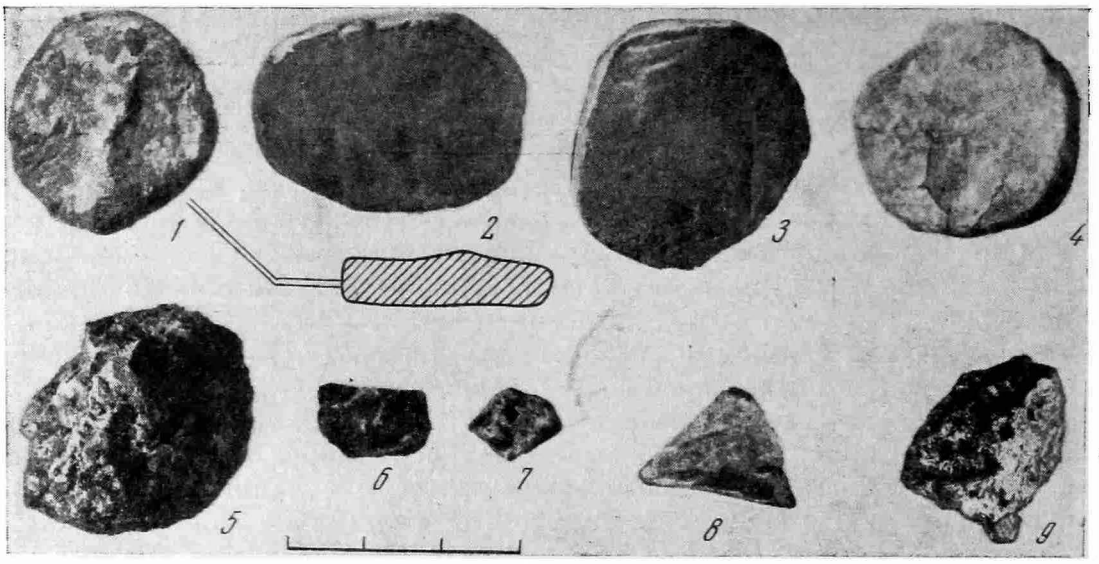


Рис. 2. Принадлежности для игр, сделанные из глины
1, 5, 9 — Журавка; *2, 4* — Викторовка-II; *3* — Лески

территории Советского Союза, как мы уже видели, пунктов, где они найдены, значительно больше. В странах к северу от Римской Империи жетоны использовались почти всеми племенами Восточной Европы, до которых доходило влияние античной цивилизации.

Говоря о назначении жетонов, еще раз следует подчеркнуть необоснованность рассмотрения их только в качестве фишек для игры. Не случайно в словарях по античной археологии названы обязательными две их функции. Использование их для счета на землях вне Римской империи, конечно, доказано быть не может. Однако мы можем предполагать употребление жетонов для счета и племенами соседних с Империей стран [28]. Крупные торговые сделки с использованием монеты, которые осуществлялись черняховским населением, о чем говорит большое число привозных вещей на памятниках культуры полей погребений, требовали соответствующих расчетов [29]. Применение клетчатых досок и стеклянных жетонов в таких случаях представляется вполне вероятным. На наши земли жетоны попадали или от римских легионеров и сопровождавших их купцов, проникавших в Дакию, Крым и Ольвию, или от соседних черняховцам племен, уже подвергшихся влиянию Рима.

В связи с рассмотрением жетонов уместно поставить вопрос о назначении глиняных кружков, выточенных из стенок сосудов и часто встречаемых на поселениях римского времени юга СССР (Капустино на Тилигульском лимане, Викторовка II на Сасицком лимане, на городище Гниловское, в Кононовке на Левобережье, в Лесках, в Журавке, на Правобережье Днепра и др.). Полная сводка подобных находок пока не составлена (рис. 1, *27, 29, 31*; рис. 2, *1—4*).

Все известные нам подобного рода находки происходят из поселений. В этнографии известно употребление обломков разбитой посуды для производственных целей. В археологической литературе глиняные кружки, выточенные из черепков, принимаются обычно за заготовки пряслиц. Между тем еще М. Эберт предложил этим находкам другое истолкование. Справедливо считая, что асимметричность отверстия в кружке делает использование его в качестве пряслица невозможным, он говорит об использовании обточенных обломков сосудов или в качестве игрушек, или в качестве фи-

[28] DAGR, стр. 820.

[29] Слово *калькуляция* (польск. *kalkulacja*, болгарск. *калкулация*), происходящее от названия жетонов в латинском языке *calculi*, говорит об их счетных функциях, хотя нам и неизвестно время проникновения этого слова в славянские языки.

шек или жетонов при игре в кости. Отверстие в таких кружках могло быть предназначено для того, чтобы хранить жетоны в связке, на шнурке. М. Эберт приводит мнение П. Вирхова, который просто называет эти изделия денежными черепками (Geldscherben), имея в виду предварительный условный расчет такими жетонами во время игры [30]. Ю. Костжевский глиняные кружки из лужицкого поселения в Бискупине описал в разделе, посвященном древним детским игрушкам, усматривая в них игрушечные миниатюрные тарелочки [31].

В русской археологической литературе, как нам известно, эти предположения не нашли поддержки. Однако сомнения М. Эберта в том, что глиняные кружочки являются заготовками пряслиц, вполне основательны. Мы уже знаем, что игральные жетоны изготовляли не только из стекла, но и из камня, кости и даже металла [32]. Безусловно, глина также могла быть подходящим материалом. Глиняные кружочки, находимые на черняховских поселениях, нельзя признать заготовками пряслиц, во-первых, потому, что нередко эти кружочки имеют неправильную форму (например, находка из Лесок, рис. 2, *3*); во-вторых, многие из них вовсе не имеют отверстий; в-третьих, в эпоху расцвета гончарного искусства в III—IV вв. широкое распространение получили пряслица правильной формы, хорошо изготовленные, лощеные и нередко орнаментированные. Пряслица из стенок сосудов делали в виде исключения. Например, в Журавке из 76 обломков и целых пряслиц, найденых за три сезона сравнительно больших раскопок, только девять условных пряслиц было изготовлено из стенок сосудов. Между тем на поселении были встречены обточенные глиняные кружки без дырочек и стеклянные жетоны, а также явные подражания им с выпуклым верхом и плоским низом, сделанные из глины (рис. 1, *29*). Кружочки вытачивали из стенок сосудов разного цвета, и они вполне могли заменять стеклянные жетоны при играх в шашки или при игре в кости и при подсчетах. Следует заметить, что глиняные кружки нередко имеют диаметр 2—3 *см* и превосходят по размерам стеклянные жетоны. Но и жетоны из стекла в княжеском погребении в Стражах, например, имели диаметр 2,75 [33] *см*. Один жетон из Кельна имел диаметр примерно 2,5 *см*, а опубликованный жетон из Журавки—2,4 *см* (рис. 1, *26*) и т. д. [34]. Окончательно решить вопрос о применении глиняных кружков в качестве жетонов для игры, пожалуй, может только нахождение их в погребальном комплексе, подобно находке из могилы № 5 в Переяславе-Хмельницком, где был набор стеклянных жетонов [35]. Однако в черняховское время жетоны клали в могилу вообще очень редко. Набор жетонов из могилы № 5 Переяслава-Хмельницкого является в некотором роде исключением. Тем не менее предположение об использовании глиняных кружков при играх или подсчетах имеет, как нам кажется, право на существование [36].

В заключение упомянем о чрезвычайно любопытных остатках игры, найденных при раскопках черняховского поселения в Журавке. В четырех

---

[30] RV, стр. 342.

[31] J. Kostrzewski. Osada bagienna w Biskupinie w pow. żnińskim. PA, V, 2—3, 1935—1936, стр. 137, табл. XXXVII, *4—8*.

[32] W. Lega. Ук. соч., стр. 44—45.

[33] V. Ondrouch. Ук. соч., стр. 116, 226.

[34] F. Fremersdorf. Das Naturgefarbene sogennaute blau-grüne Glas in Köln. Das Denkmäler der römischen Köln, IV, 1958, табл. 134 (внизу: этот предмет автором упомянут в числе туалетной утвари, хотя вполне мог служить и для игры).

[35] В. К. Гончаров, Е. В. Махно. Ук. соч., стр. 134, табл. II, *1*.

[36] Если принять это предположение, излишним окажется изобретать во второй раз игры с жетонами-шашками, которые, как думает Г. Ф. Корзухина, исчезли в позднеримское время (см. Г. Ф. Корзухина, Ук. соч., стр. 99). Вполне вероятно, что в середине I тысячелетия, когда выходит из употребления стекло, для изготовления шашек стали применять деревянные и глиняные кружки-фишки. В таком случае другое мнение Г. Ф. Корзухиной о неполноте имеющихся в нашем распоряжении материалов окажется более правильным.

местах в небольших ямках, близких к уровню древней поверхности, были обнаружены скопления мелких кусочков окатанной глиняной обмазки и обточенных по краям черепков. Число их в каждом скоплении достигало нескольких десятков (рис. 2, *5—9*). Всего вероятнее предположить, что это были остатки каких-то игр. Забавлялись ли этими играми дети или взрослые, определить невозможно, но иное употребление подобных находок, как нам представляется, вовсе исключено. Многостороннее изучение всех особенностей культуры полей погребений черняховского типа должно помочь лучше ее понять. Распространение среди населения, оставившего эту культуру, стеклянных жетонов и их глиняных подражаний, предназначенных для игр и для подсчетов, является характерным признаком для племен, вступивших в тесный контакт с провинциально-римским миром.

Более самобытные игры местного населения, в которых бы нашли отражение верования оседлых земледельцев и скотоводов, оставивших черняховскую культуру, к сожалению, нам неизвестны. Тем не менее описанные выше находки добавляют еще один штрих к характеристике культуры, заставляют обратить внимание на группу интересных находок, обычно публикуемых без всяких комментариев об их назначении [37].

---

[37] После сдачи заметки в печать нам стали известны еще три пункта, где найдены игрально-счетные жетоны: 1) у с. Огрипь близ Днепропетровска в урочище Подкова найдены два жетона из стекла белого цвета; 2) в погребении черняховского времени у с. Матлашево в Днепропетровской области (обе находки сделаны А. В. Бодянским); 3) у с. Фрунзовка Одесской области (раскопки А. А. Кравченко, выставлены в экспозиции Одесского археологического музея).

Д. П. ВАРХОТОВА

ОБ ОДНОМ КЕРАМИЧЕСКОМ БЛЮДЕ VII—VIII вв. ИЗ КУВЫ

При раскопках городища Кува [1] на холме, расположенном к северу от шахристана, был вскрыт буддийский храм [2], а юго-западнее храма — комплекс жилых и хозяйственных помещений, принадлежавших, видимо, к храмовому хозяйству. Оно датировано монетами второй половины VII — началом VIII в.[3]. Комплекс керамики с этого объекта дает примерно такую же датировку.

Среди керамического материала обращает на себя внимание уникальное декоративное блюдо, найденное в одном из помещений жилого комплекса. Оно сделано из розовато-желтой глины равномерного обжига. Бортик блюда низкий (диаметр 25,5 *см*), с утолщенным широким и плоским венчиком, оттянутым наружу. Пологие стенки незаметно переходят в донце. Дно срезано ножом по сырой глине и заглажено. Блюдо сделано на гончарном круге и затем доформовано руками. Внутри и снаружи оно покрыто красным легко смывающимся ангобом. Блюдо асимметрично — одна его сторона выше на 2 *см*. На высокой стенке снаружи при обрезке оставлен плоский выступ в виде равнобедренного треугольника, обращенного вершиной к центру блюда; на нем частично сохранилась петля для подвески. Наличие этой петли позволяет предположить, что блюдо использовалось как настенное украшение (рис. 1).

---

[1] Городище Кува расположено в Ферганской области УзССР, на окраине одноименного райцентра.

[2] В. А. Булатова-Левина. Буддийский храм в Куве. СА, 1961, 3, стр. 241—250.

[3] Монеты определены О. И. Смирновой.

Асимметричность стенок и наличие петли придавали блюду, висевшему на стенке, наклон, удобный для обозрения. Внутри по центру блюда имеется круглый, слегка приподнятый над общей поверхностью и оконтуренный рельефным бортиком медальон (диаметр 9 *см*), на котором вырезана восьмилепестковая розетка с заостренными концами лепестков и выпуклой кольцевидной сердцевинкой. От центрального медальона к краю блюда отходят пять пучков по пять волнистых линий в каждом. Между ними гладкие сектора, в одном из которых налеплены три шарика (диаметр 1,5 *см*), прикрепленных барботином. Расположены они над выпуклым выступом на внешней плоскости. Такое совпадение вызывает аналогию с техникой крепления деталей на металлических предметах при помощи заклепок.

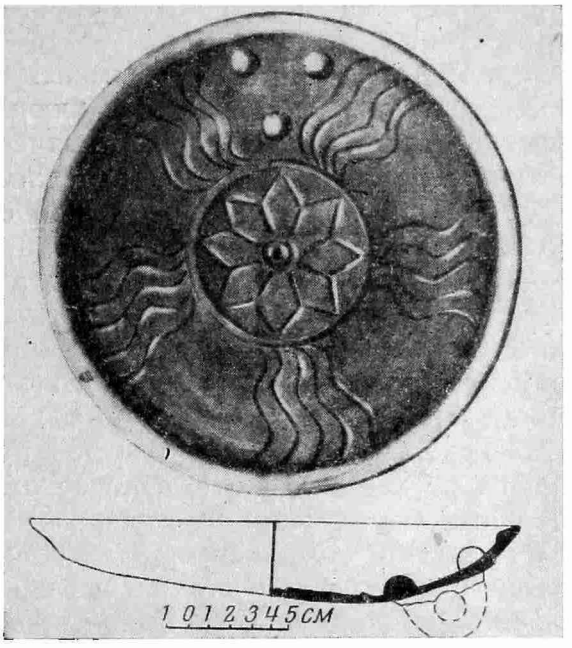


Рис. 1. Декоративное блюдо из Кувы (Узбекская ССР)

Блюдо сохранилось настолько, что возможна полная реконструкция его формы и орнамента. Это уникальное блюдо по технике изготовления ничем не отличается от основного комплекса кувинской керамики доарабского времени. Орнаментированная керамика представляет в Куве незначительный процент и тем бо́льшую ценность имеет блюдо с подобным, пока единственным для Кувы орнаментом, хотя мотив восьмилепестковой розетки существовал в Средней Азии и за ее пределами с глубокой древности. Его основой было изображение солнца или цветка лотоса.

Небесные светила, в том числе солнце, издавна занимали огромное место в системе древнейших религий [4]. Солярная символика разработана и использована в религиозных сюжетах манихейцами, сабеистами, буддистами и др.

Если сравнить орнамент нашего блюда с изображением солнечного диска в руках шиваистских божеств на деревянных иконах, росписях и серебряных блюдах [5], то мы убедимся, что солнце здесь представлено в виде круга, внутри которого расположены радиально расходящиеся лучи или многолепестковые розетки.

Особенно интересно серебряное блюдо, происходящее из Индии [6], в центре которого изображен пирующий Кувера, а от центрального круга к бортику расходятся выгравированные волнистые лучи. Я. И. Смирнов опубликовал несколько блюд, по характеру орнамента в некоторой степени перекликающихся с орнаментацией нашего блюда [7].

Лучевая розетка кувинского блюда, безусловно, связана с солнечным культом и так же, как декоративные очажки X—XII вв., напоминает нам о домусульманских религиях в Средней Азии.

---

[4] А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда. (По материалам Пянджикентских храмов). В сб. «Живопись древнего Пянджикента». М.—Л., 1954, стр. 79.

[5] Н. В. Дьяконова. Материалы по культовой иконографии центральной Азии домусульманского периода. Тр. ГЭ, V, Л., 1961, стр. 267. рис. 4.

[6] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. VIII; XVII, 41.

[7] Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. VIII, *22, 23*.

В огромном керамическом материале, накопленном за долгие годы археологических исследований в Средней Азии, до сих пор не встречалось настенных блюд. Есть сведения о существовании таких объектов в античной Греции[8]. В Средней Азии известная группа произведений торевтики — блюда и плоские чаши из золота и серебра — может быть отнесена к чисто декоративным. Это довольно низкие с диаметром 18—30 *см* блюда, украшенные глубоким рельефным орнаментом. Некоторые из них имеют у бортиков небольшие сквозные отверстия, за которые они могли быть подвешены к стене.

Знаменитое богато орнаментированное Аниковское блюдо имеет с внешней стороны петлю. Эти блюда едва ли могли использоваться в качестве столовой посуды. Керамические же декоративные блюда появляются как подражание металлическим.

К таким подражаниям можно отнести плоское керамическое блюдо, украшенное внутри геометризованным орнаментом из налепных жгутиков, найденное в Пянджикенте[9], а также чаши-тарелки Кафыр-Калы со штампованным орнаментом на внутренней поверхности[10]. Еще более ярким примером полного подражания металлическим блюдам является кувинское блюдо, где передана даже техника прикрепления петли при помощи заклепок.

Поскольку глина является хрупким материалом, то керамические блюда не дошли до нас, а на обломки их, встречавшиеся при раскопках, не обращали внимания.

Известно, что интерьеры монументальных зданий украшали росписями, резным штуком, деревянной и глиняной скульптурой. Судя по настенным росписям Пянджикента, Балалык-Тепе, Варахши и других древних городов, где имеются изображения сцен из жизни того времени, мы можем говорить о том, что в украшении интерьеров также играли большую роль ткани, ковры и, видимо, различные мелкие произведения искусства, в том числе блюда из серебра, золота и глины. Примером использования настенных металлических блюд могут служить некоторые росписи Балалык-Тепе, где на стенах над головами пирующих изображены не понятые до сих пор круги желтого или серого цвета[11].

Это, видимо, не что иное, как декоративные металлические блюда (желтые — золотые, серые — серебряные).

Керамическое блюдо, найденное в Куве,— неизвестный ранее образец прикладного искусства Средней Азии VII—VIII вв. Выполненное руками древнего мастера, оно является свидетельством высокого уровня культурного и технического развития Ферганской долины в VII—VIII вв., когда наряду с другими ремеслами больших успехов достигло и гончарное.

---

[8] В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, табл. VIII, 101, стр. 51.

[9] А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пянджикента. Тр. ТАЭ, III, МИА, 66, 1958, стр. 131.

[10] Б. И. Маршак. Влияние торевтики на Согдийскую керамику VII—VIII веков. Тр. ГЭ, V, стр. 179, табл. 1.

[11] Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, рис. 103, 126.

М. А. ИЛЬИН

К ИЗУЧЕНИЮ ИКОНЫ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ ИЗ НИКОЛО-ПЕШНОШСКОГО МОНАСТЫРЯ

В Московском музее имени Андрея Рублева находится икона Иоанна Предтечи, которую можно поставить в ряд лучших произведений древнерусского искусства начала XV в. Икона поступила в музей А. Рублева из краеведческого музея г. Дмитрова Московской обл. и реставрирована в 1960 г. Сюда она, в свою очередь, попала в 20-х годах текущего столетия из Николо-Пешношского монастыря, расположенного недалеко от Дмитрова, где, по словам видевшего ее Н. Н. Померанцева, висела на столбе собора, относящегося, видимо, к первой половине XVI в.

При расчистке иконы обнаружилось, что она отпилена в нижней части. Следовательно, теперешняя поясная фигура Предтечи первоначально была выполнена в рост. Характер ковчежной рамки вокруг живописного поля иконы (широкий в торце и узкий по продольным сторонам) указывает на то, что рамка входила верхней и нижней частью в пазы тябл иконостаса. О том же свидетельствует и молитвенная поза пророка и поворот его фигуры влево. Поэтому можно уверенно считать эту икону происходящей из деисусного чина крупного по размеру иконостаса (рис. 1).

Не касаясь атрибуции и высоких художественных достоинств иконы [1], посвятим наше внимание выяснению особенностей ее композиционного построения, определению состава всего деисусного чина, а также попытаемся точнее определить первоначальное местонахождение этого выдающегося памятника. Последнее весьма необходимо, поскольку в процессе расчистки иконы было установлено, что в XVIII в. изображение Предтечи было заменено изображением Спаса. Следовательно, икону ценили за ее древность, стремились приспособить к каким-то возникшим нуждам монастыря, но мало считались с ее хорошо сохранившейся живописью. Все это настораживает, заставляет предполагать неместное происхождение памятника, тем более что существующий монастырский собор не был рассчитан на помещение того иконостаса, в который входила икона Иоанна Предтечи.

В настоящее время размер иконы равен 85 × 105 *см*. Первоначальная же ее высота может быть установлена на основе применявшихся в живописи рубежа XIV—XV вв. пропорций [2]. Поскольку человеческая фигура композиционно вписывалась в чиновых иконах в три друг на друга поставленных квадрата, поскольку фигура пророка занимает собой всю ширину поля живописной плоскости иконы, то мы имеем право взять этот размер за исходный для определения общей высоты произведения (рис. 2). Таким образом, при ширине живописной плоскости иконы в 74 *см*, мы получаем ее первоначальную высоту, равную 222 *см*. К этому размеру следует прибавить ширину верхней и нижней рамок, т. е. примерно 18 *см*, так как существующая верхняя равна 9 *см*. Таким образом, первоначальная общая высота иконы достигала 2,4 *м*. Сопоставим этот размер с размерами близкими ей по времени чиновых икон: деисусный чин Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря 1,89 *м*; деисусный чин Благовещенского собора в Кремле 2,10 *м;* деисусный чин Успенского собора во Владимире 3,14 *м* (Васильевский чин) [3].

Из этого сопоставления видно, что икона Иоанна Предтечи из Николо-Пешношского монастыря принадлежала к одному из самых больших чинов, занимая второе место после икон Владимирского Успенского собора.

---

[1] Исследование иконы ведется Н. А. Деминой.

[2] А. А. Тиц. Некоторые закономерности композиции икон Рублева и его школы. В сб.: «Древнерусское искусство XV — начала XVI века», М., 1963, стр. 22—53

[3] В. Н. Лазарев. Андрей Рублев и его школа. История русского искусства, III, М., 1955, стр. 140.

Рис. 1. Икона Иоанна Предтечи из Николо-Пешношского монастыря

Исследование А. А. Тиц дает возможность сопоставить пропорциональные построения икон Иоанна Предтечи перечисленных чинов, что вместе с отдельными иконографическими чертами позволяет уточнить предлагаемые наблюдения. Построение икон деисусного чина Благовещенского собора выполнено Феофаном Греком с таким расчетом, что по сторонам фигур находятся ничем не заполненные полосы фона. Фигуры как бы окружены воздухом. Этот композиционный прием придает его иконам особую художественную ценность. Фон, окружающий фигуры, играет определенную роль в общем построении произведений. Такое построение фигур, особенно полно выраженное в иконе Иоанна Предтечи, сделалось возможным благодаря применению редкого для русской иконописи соотношения ширины и высоты живописного поля, равного 1 : 2 [4]. Эта же схема позволила применить здесь для построения всей композиции две полуокружности. Последние определили как ось симметрии фигуры Предтечи, так и плавность линий его наклона в сторону центральной иконы иконостаса — к Христу. Пропорциональное построение, композиционные приемы и размер икон

[4] А. А. Тиц. Ук. соч., стр. 33.

Феофана Грека были, можно думать, согласованы с общими размерами первоначального Благовещенского собора.

Иные условия сложились у Андрея Рублева и Даниила Черного при выполнении ими иконостаса Владимирского Успенского собора. Собор был больше и выше московского придворного храма. Помимо этого, обилие крещатых столбов вводило в его архитектуру большое количество вертикальных линий, игравших немаловажную роль в его внутреннем облике. Совокупность всех этих архитектурных элементов собора заставила мастеров-живописцев прибегнуть к невиданному размеру деисусного чина, иконы которого достигли, как мы знаем, 3,14 *м*. Такой колоссальный размер икон позволял хорошо видеть изображенные на них фигуры с большего расстояния — от западной стены и входа в собор.

Художникам, конечно, ничего не стоило заказать иконные доски, руководствуясь композиционной схемой, предложенной Феофаном Греком. Однако они отказались от нее, избрав для своего деисусного чина иную систему композиции. Фигура Иоанна Предтечи(как и других икон) строится на основе соотношения 1 : 3. Она полностью вписывается в живописную плоскость иконной доски, не оставляя места фону так, как это было у Феофана. Лишь над головой остается узкая полоска фона. Благодаря такому построению фигуры ей даже тесно в отведенных ей границах. Это впечатление усиливается, если рассматривать каждую икону в отдельности. Но если представить себе рублевский иконостас стоящим на месте в соборе Владимира, то эта стесненность, нет сомнения, во многом зрительно исчезнет. Ведь вертикализм этого рода огромных, тесно стоявших фигур находил бы себе соответствие в многочисленных вертикальных линиях столбов, лопаток и стен собора.

Естественно, что А. Рублев и Даниил не могли при принятой ими схеме построения икон воспользоваться системой полукружий Феофана для определения линий рисунка и наклона фигуры. Они вышли из положения, согнув слегка ноги Иоанна Предтечи и наклонив его голову и плечи. Наклон плечевого пояса подчинен кривой линии четверти окружности, построенной на нижней стороне верхнего композиционного квадрата. Таким образом, если у Феофана вся фигура Предтечи плавно наклонялась влево, то у Рублева и Даниила наклон осуществлялся за счет лишь верхней части фигуры. Однако урок, преподанный Феофаном, все еще продолжал оказывать воздействие на художников, что сказалось в нарочитой изогнутости фигуры Предтечи, как бы вписанной в дугу, центр которой находится за пределом иконной доски.

Позднее в иконостасе собора Троице-Сергиева монастыря Рублев и Даниил, внеся изменение в соотношение высоты и ширины иконных досок деисусного чина, в известной степени вернулись к системе Феофана, предоставив место фону по сторонам фигур. Но одновременно они сохранили как вписанность фигур в три друг на друга поставленные квадрата, так и наклон плечевого пояса. Последнее с особой полнотой нашло себе место в иконе Иоанна Предтечи. Иными словами, мастера стремились сохранить достигнутые ими во Владимире стройность и вертикальность фигур. Прав А. А. Тиц, увидевший в этих изменениях икон Троицкого собора зависимость от архитектуры здания[5]. Ведь внутри храм кажется более широким, нежели высоким, как бы рассевшимся. Поэтому вертикализм фигур деисусного чина играл здесь большую роль, преодолевая это свойство архитектуры собора.

Сопоставим нашу икону с только что рассмотренными. Вписанность фигуры Иоанна Предтечи из Николо-Пешношского монастыря в живописную плоскость иконной доски необычайно близка к тому, что осуществлено в чиновых иконах из Владимира. Различает их лишь наличие фона над го-

---

[5] А. А. Тиц. Ук. соч., стр. 37.

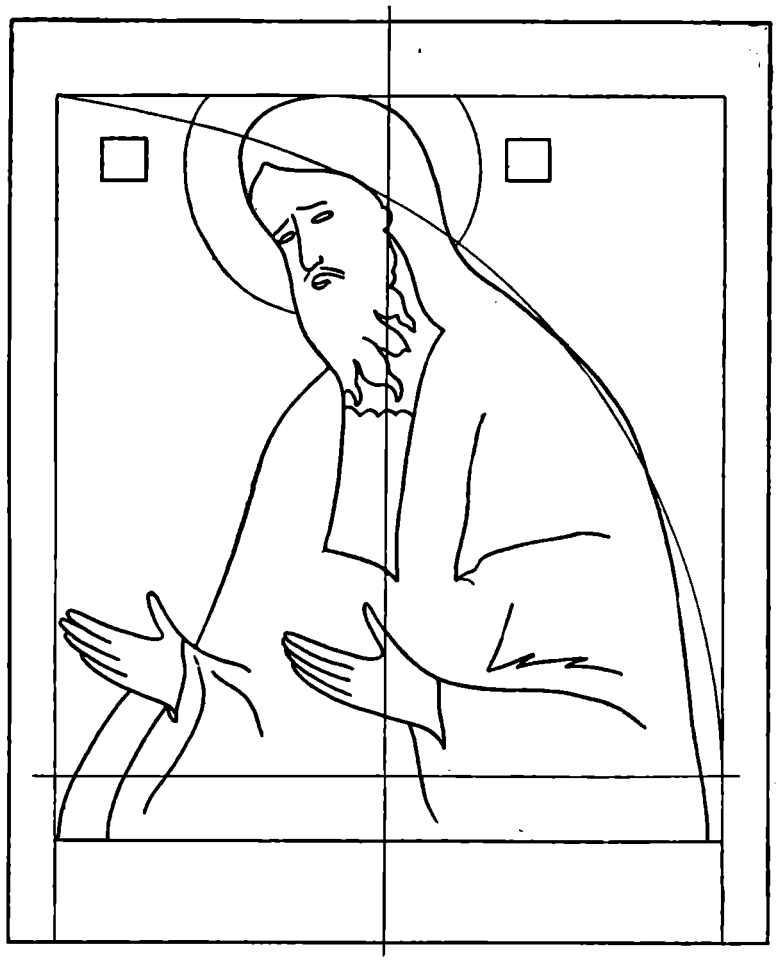


Рис. 2. Схема композиции иконы Иоанна Предтечи

ловами фигур у владимирских икон, в то время как в нашей иконе голова Предтечи касается ковчежной рамки[6]. Последний прием, как мы знаем, был применен в деисусном чине Троицкого иконостаса. Такая вписанность фигуры Предтечи в живописную плоскость иконы объясняется большими размерами чина, рассчитанного, несомненно, на помещение в большом храме.

Отмечая известную близость к композиционным приемам владимирских икон, следует вместе с тем указать на то, что рисунок нашей иконы, при всей ее вписанности в живописное поле достаточно свободен. Фигуре пророка не тесно в отведенных границах. Она не похожа на те вытянутые фигуры очень узких икон деисусных чинов, которыми стремились уже в конце XV в. заполнить иконостасную стенку, чтобы соблюсти полюбившееся большое число икон с фигурами, написанными в рост.

Нестесненность фигуры Предтечи, ее спокойное, естественное, сказали бы мы, положение заставляет обратить внимание на некоторые черты ее иконографии. На чиновых иконах Рублева и Даниила Иоанн Предтеча изображен во власянице, поверх которой его сравнительно плотно охватывает плащ-гиматий. У Феофана же он изображен в обычных для апостолов античной одежде — в хитоне и гиматии, ниспадающим широкими спокойными складками. Руки пророка молитвенно слегка приподняты. Сохранившаяся часть иконы Предтечи из Николо-Пешношского монастыря может быть сопоставлена с феофановским произведением. Накинутый поверх власяницы гиматий свободно драпируется, руки пророка слегка приподняты в том

[6] Возможно, голова первоначально не должна была упираться в рамку, о чем можно судить по следам графьи второго более низко расположенного нимба.

же молитвенном жесте, хотя раздвинуты они не столь широко, что объясняется принятой композиционной схемой. Фигуре Предтечи свойственны, как уже отмечалось, сосредоточенность и спокойствие, что также сближает ее с феофановским произведением. Следовательно, мы можем сделать вывод, что автор иконы из Николо-Пешношского монастыря был хорошо знаком с композиционными приемами своих выдающихся современников. Он внимательно изучал приемы Феофана и Рублева с Даниилом Черным. Изучая их произведения, он выбирал среди них то, что соответствовало поставленной перед ним художественной задаче.

Изложенное выше заставляет не только задуматься над вопросом о первоначальном составе деисусного чина, в который входила наш икона, но и высказать некоторые предположения о храме, который был им украшен.

Мы мало осведомлены о составе и размерах русских иконостасов, относящихся к более ранним годам, чем иконостас Благовещенского собора 1405 г. Иконостасы первой трети XV в. с чиновыми иконами (деисусными), изображавшими фигуры в рост, как правило, принадлежат каменным храмам, в то время как чины Высоцкого монастыря и Звенигорода с полуфигурами в составе семи икон следует, по всей видимости отнести к деревянным храмам. К этой последней группе примыкает «облачный» чин середины XV в. из Никольского единоверческого монастыря, хранящийся ныне в Третьяковской галерее. Их общий размер по ширине соответствует длине бревен, из которых строились древние деревянные храмы. Так, Высоцкий чин имеет общий размер всех своих икон около 6,86 *м*; Звенигородский — около 7,56 *м;* «облачный» — 4,27 *м*. Деисусные чины в рост, упомянутые выше, рассчитывались на храмы, общая ширина которых составляла не менее 12—13 *м*. Эта ширина каменных храмов, видимо, предопределила развитие деисусных чинов, состоявших из большего количества икон (от 11 до 15). Поскольку наша икона, очевидно, относится к первой четверти XV в. (датировка Н. А. Деминой), то мы вправе сопоставить ее с близкими ей по времени другими чиновыми иконами, чтобы в совокупности всех данных решить вопрос о составе и, следовательно, общей ширине иконостаса, в который она входила.

Наиболее сопоставимыми оказываются 15 икон деисусного чина Троицкого собора. Их ширина колеблется от 1,35 *м* (икона Спаса) до 0,81 *м*. Ширина же нашей иконы равна 0,85 *м*. Исходя из этого, мы вправе предполагать, что иконостас, куда входила наша икона Иоанна Предтечи, состоял также из 15 икон, достигая общей ширины примерно 13,25—13,50 *м* (0,85 × × 14 = 11,90 + 1,35 или 1,60 *м*). Бóльшая высота по сравнению с троицкими чиновыми иконами объясняется принятой композиционной схемой (1 : 3), зависевшей, в свою очередь, от высоты и ширины храма, для которого был выполнен этот иконостас.

Существующий сравнительно небольшой собор Николо-Пешношского монастыря, как уже говорилось выше, по-видимому, относится в своей древнейшей части к началу XVI в. Об этом говорят видные под слоями красок терракотовые с рисунком плитки, применявшиеся в архитектурном убранстве этого времени (например, трапезная Андроникова монастыря 1504 г., церковь в Старом Симонове 1509 г. и др.). Некоторые исследователи склонны относить собор даже к середине XVI в., связывая его с постройкой каменного храма в недалеко расположенной Медведевой Пустыне [7]. Однако, принимая во внимание богатые вклады, полученные монастырем в 1465 г., среди которых находилось известное кадило с шатровым верхом [8], каменный собор мог появиться и в это время, т. е. при князе Юрии Васильевиче, брате Ивана III. В каменной палате, построенной в Угличе почти одновременно (так называемый дворец царевича Дмитрия), имеются аналогичные

[7] А. И. Некрасов. Проблема происхождения древнерусских столпообразных храмов. Труды кабинета истории материальной культуры МГУ, V, М., 1930, стр. 36.

[8] М. М. Лосева. Образец русского серебряного мастерства XV века. «Сборник Оружейной палаты». М., 1925, стр. 113—117.

терракотовые плитки с растительным орнаментом. Предполагать более раннюю постройку каменного собора в Николо-Пешношском монастыре нет пока основания, тем более большого храма, который по своему объему и величию мог бы вмещать иконостас с нашей иконой. Какой же храм был украшен этим превосходным произведением, близким по столь высоким художественным качествам к произведениям Рублева?

Еще в 1928 г. в заметке о соборе г. Дмитрова мною высказывалось предположение, что нижний белокаменный ярус подклета собора, видимо, относится ко времени княжения Петра Дмитриевича (1389—1428), брата Василия I и Юрия Звенигородского [9]. Конечно, вряд ли возможно думать, что такой храм мог быть построен в Дмитрове в последнем десятилетии XIV в. в малолетство князя. Скорее всего, это произошло тогда, когда братья Петра, князья Юрий и Андрей Можайский, развили энергичную строительную деятельность, т. е. в конце 10-х и в 20-х годах XV в.[10]. Именно к этому времени — скорее всего к 20-м годам — и следует отнести постройку белокаменного собора в Дмитрове с его убранством. Особенности письма иконы также говорят о 20-х годах XV в.

Дополнительным подтверждением возможной принадлежности нашей иконы собору Дмитрова служит внутренний размер белокаменного подклета. Его ширина равна примерно 13 *м*, что позволяет предполагать, при счете уменьшения толщины стен верхней части храма, ширину собора примерно 13,5 *м*. Приведенные выше соображения об общей ширине иконостаса, куда входила наша икона, дают тот же размер. Именно это совпадение подкрепляет предлагаемую гипотезу, чему также служит наличие подклета. Храм на подклете обычно всегда несколько выше, стройнее, величественнее, нежели храм без подклета. Собор Дмитрова, наделенный подклетом, видимо, был похож на собор конца XIV в. в Коломне. Именно такому храму, как нельзя более, подходил иконостас, деисусный чин которого мог достигать 2,40 *м* высоты.

Но каким образом икона Иоанна Предтечи попала в Николо-Пешношский монастырь? Монастырь был основан в 1361 г. Мефодием, учеником Сергия Радонежского [11], пережив неоднократные взлеты и падения своего благосостояния. Особенно неблагоприятным был для монастыря XVIII в. В 1756 и 1764 гг. происходит раздел его имущества и вывоз ценных церковных предметов в Дмитров и Переславль-Залесский [12]. Эти вещи частично были возвращены в 1767 и 1784 гг. [13]. Можно предположить, что с возвращаемыми предметами из Дмитровского собора была передана древняя икона Иоанна Предтечи, не представлявшая большого интереса для Дмитровского собора, потому что в конце XVII в. иконостас начала XVI в. в Дмитрове был заменен новым, выполненным в стиле «московского барокко». Древним иконам начала XV в. места уже не находилось. В то же время эта икона, по-видимому, считалась ценной, что не противоречило тогдашнему отношению к древнерусской живописи [14].

Однако икона Иоанна Предтечи, привезенная в Николо-Пешношский монастырь, естественно, не находила и здесь себе места, потому что ее размер не соответствовал размерам ни местных икон иконостаса, ни отдельно

---

[9] М. А. Ильин. Успенский собор в Дмитрове. Материалы по истории русского искусства, I, М., 1928, стр. 8—10.

[10] М. А. Ильин. Из истории московской архитектуры времени Андрея Рублева. «Вопросы истории», 1960, 12, стр. 93. Более ранняя датировка можайских храмов Н. Н. Ворониным представляется мне маловероятной. Н. Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси, II, М., 1962, стр. 289.

[11] В. Руднев. Историческое описание мужского общежительного монастыря святого чудотворца Николая, что на Пешноше. М., 1893, стр. 8.

[12] В. Руднев. Ук. соч., стр. 62 и 67.

[13] В. Руднев, Ук. соч., стр. 69—70 и 76.

[14] О. П. Бояр. К вопросу о «Звенигородском чине». В сб.: «Древнерусское искусство XV — начала XVI века», стр. 93.

стоящим или висящим на стенах небольшого монастырского собора. В 1786 г. произошло «поновление» Преображенской церкви в монастыре. Новый иконостас для нее был выполнен в 1788—1790 гг.[15] Не тогда ли отпилили часть древней иконы, превратив Иоанна Предтечу в Христа, чтобы поместить ее в ряд местных икон?

Как бы ни объяснять все перипетии судьбы иконы, ясно, что она относилась к большому по составу чину, украшавшему высокий и величественный каменный храм. Чин был выполнен выдающимся мастером. Этот художник, бесспорно, был связан с Рублевым и его школой, что подтверждают композиционные приемы написания иконы. Помимо этого следует иметь в виду, что князь Петр Дмитровский, как и Юрий Звенигородский, был крестником Сергия и, следовательно, так или иначе был близок к Троице-Сергиевому монастырю. Он, как и старший брат, видимо, обращался к выдающимся мастерам-художникам своего времени, поручая им живописное убранство возводимых на его средства зданий. Год смерти князя Петра, как состоятельного заказчика,— 1428 г. становится крайней датой появления этого замечательного произведения древнерусской иконописи.

Следует обратить внимание на то парадоксальное положение, когда междоусобная феодальная борьба первой половины XV в. определила появление в небольших центрах, какими были Можайск, Звенигород и Дмитров, первоклассных произведений русского искусства. Это обстоятельство может быть уподоблено положению, сложившемуся в политической жизни и искусстве древней Руси в XI—XII вв., т. е. в эпоху феодальной раздробленности[16]. Однако следует подчеркнуть, что искусство перечисленных феодальных центров XV в. не обособлялось от искусства Москвы, а образовывало вместе с ним крепкое ядро, которое заслуженно занимает такое большое место в истории русского средневекового искусства XV столетия.

Н. Д. МЕЦ

ДАТИРОВКА «ДЕНЕГ МОСКОВСКИХ» С ИЗОБРАЖЕНИЕМ РОЗЕТКИ

Одну из наиболее многочисленных групп монет великого княжества Московского составляют монеты, которые получили наименование монет с розеткой. На лицевой стороне их обычно изображены розетка и две звездочки; вокруг надпись с именем правителя, чеканившего монеты: «князя великого Ивана» или «князя великого Василия». На оборотной стороне пятилепестковый цветок, вокруг надпись: «денга московская» (рис. 1, *2, 7*).

Монеты с именем Ивана считаются принадлежащими чекану великого князя Московского Ивана III (1462—1505), а с именем Василия — чекану его сына Василия III Ивановича (1505—1533).

При изучении монет удельного периода из собрания Эрмитажа наше внимание привлекла монета, описанная А. А. Ильиным под № 496 в рукописном каталоге русских монет Отдела нумизматики. Она заставила нас вернуться к вопросу о времени чеканки этих монет с розеткой. Приведем описание монеты:

1. Лицевая сторона. В центре изображение двух звездочек и розетки в ободке из точек; кругом надпись + КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ ВАСИЛИЙ (рис. 2, *1*). Оборотная сторона. Изображение Самсона, раздирающего пасть льву. Круговая надпись в линейных ободках + КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ ВАСИЕ (рис. 2, *2*). Вес 0,35 *г* (рис. 1, *1*).

---

[15] В. Руднев. Ук. соч., стр. 78—79, 81.

[16] В. Н. Лазарев. Культурное наследие Киевской Руси. История русского искусства, I, М., 1953, стр. 299.

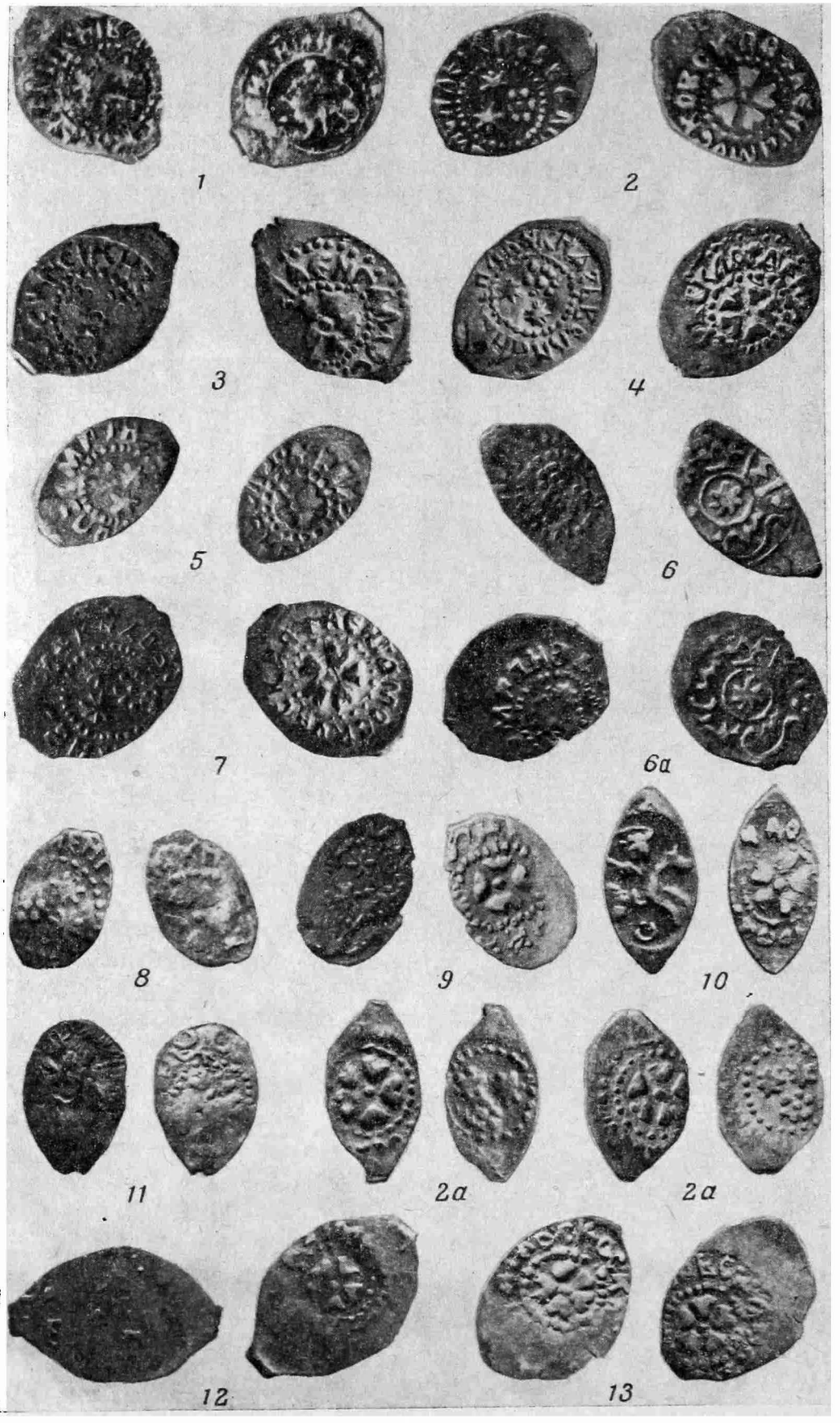


Рис. 1. Деньги московские

1—6, 2а — монеты с надписью «князь великий Василий»; *7—13* — монеты с надписью «князь великий Иван»

По изображению на лицевой стороне монета принадлежит хорошо известному типу с розеткой и надписью «денга московская» [1]. Поэтому монету Эрмитажа можно было бы определить как принадлежащую Василию Ивановичу. Однако оборотная сторона ее, также имеющая имя «князя великого Василия», как и лицевая, принадлежит чекану Василия II Темного, а не Василия Ивановича. Изображение борьбы Самсона со львом — одно из наиболее характерных для монет Василия Темного и позже его княжения не встречалось. Как же могло произойти, что монета отчеканена штампами двух разных княжений, отстоящих друг от друга почти на целых полстолетия? Какому же из двух Василиев она принадлежит?

Что касается стороны с изображением Самсона, то она, повторим, непосредственно связана с чеканом Василия Темного общностью штемпелей, которыми отчеканена как наша монета, так и ряд других несомненных монет Василия Темного с изображением Самсона [2]. На основании чекана двух штемпелей на одной монете мы вправе монеты с розеткой приписать Василию Темному, а не Василию Ивановичу, как было принято до сих пор. Но есть ли другие доказательства этого? Может быть, существует такая же связь между бесспорными монетами Василия Ивановича (с отчеством князя) и лицевой стороной монеты Эрмитажа?

Обратимся непосредственно к монетам Ивана III и Василия III типа «денга московская». Монеты эти разобраны нами по штемпелям в количестве 1563 экземпляров. Несмотря на такую большую цифру, различных штемпелей оказалось немного. Основная масса чеканена двумя парами штемпелей с надписями «Ивана» и «Василия», остальные, как правило, принадлежат отдельным экземплярам монет, часто дефектным. Приведем полностью описание всех типов монет.

Монеты с надписью «князь великий Василий»

2. Л. с. Две звездочки и розетки из семи точек (одна в центре). Вокруг ободок из точек. Круговая надпись КНЗЬ ВЕЛИКИЙ ВАСИЛЕЙ (рис. 2, *3*).

О. с. Пятилепестковый цветок. Круговая надпись (рис. 2, *4*) среди двух ободков из точек (наружный ободок иногда не виден): ДЕНГА МОСКОВСКАЯ. Орешников № 672, рис. 519—520. 831 экз. Средний вес 0,37 *г* (рис. 1, *2*).

3. Л. с. Две звездочки и розетка, как на предыдущей монете, но розетка крупнее. Вокруг ободок из точек. Круговая надпись по содержанию та же, но начертание букв иное КНЗ..... И ВАСИЛЕЙ (рис. 2, *5*).

О. с. Пятилепестковый цветок, как на предыдущей монете. Круговая надпись ДЕНГА МОСК... (рис. 2, *6*). 1 экз. Вес 0,33 *г* (рис. 1, *3*).

Имеется вариант — надпись стерлась (рис. 1, *2а*).

4. Л. с. Сходна с предыдущей, но рисунок иной. Круговая надпись КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ ВАСИЛЬИ (рис. 2, *7*).

О. с. Сходна с предыдущей, но рисунок иной. Круговая надпись ДЕНГА М...ОВСКАЯ (рис. 2, *8*). 1 экз. Вес 0,33 *г* (рис. 1, *4*).

5. Л. с. Две звездочки и розетка в ободке из точек, как на предыдущих монетах, но круговая надпись, как на оборотных сторонах («денга московская»), выгравирована неверно справа налево, в зеркальном отражении (рис. 2, *9*).

---

[1] А. В. Орешников. Древнейшие русские монеты до 1547 г., М., 1896, № 671—672, рис. 518—520.

[2] Там же, № 590, 591, 593—597, рис. 435, 436, 438—441. Систематизация монет Василия Темного по штемпелям дана в работе: Н. Д. Мец. Монеты великого княжества Московского середины XV в. Канд. дис. Рукопись хранится в архиве ИА АН СССР, ф. Р-2, № 1316.

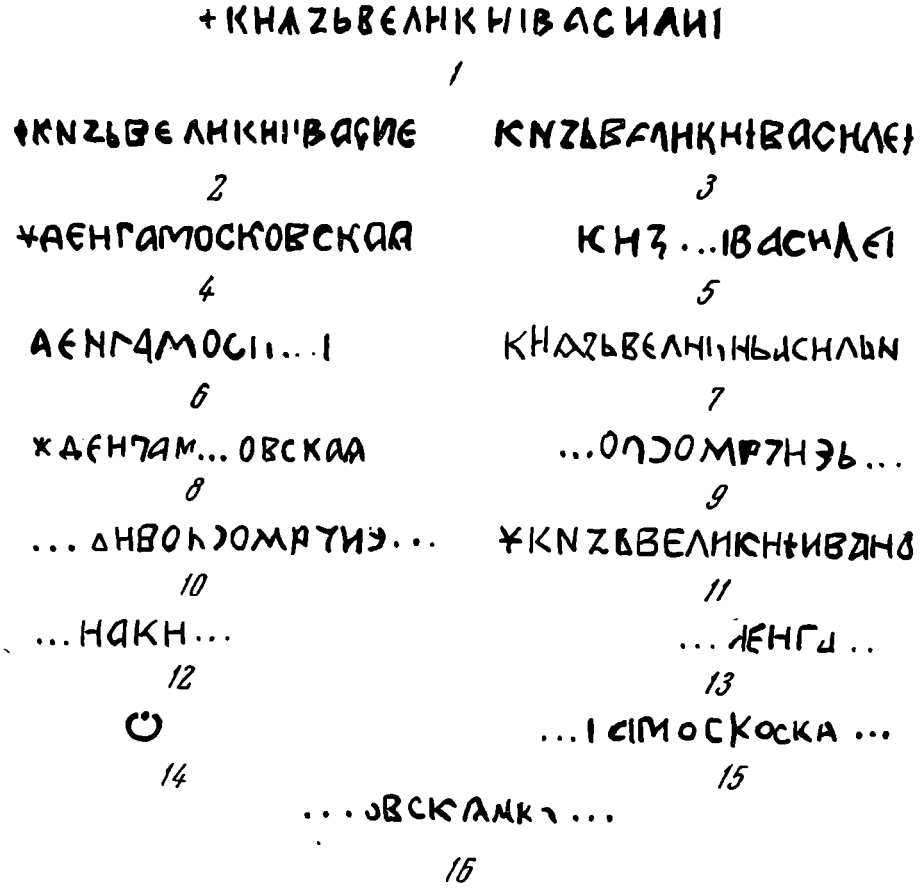


Рис. 2. Надписи на деньгах московских

О. с. Пятилепестковый цветок. Круговая надпись, как и на лицевой стороне, справа налево (рис. 2, *10*). 1 экз. Вес 0,22 *г* (рис. 1, *5*).

6. Л. с. Две звездочки и розетка из семи точек в ободке из квадратных точек. Кругом неразборчивая надпись.

О. с. В середине звездочка. Кругом, между двумя линейными ободками, татарская надпись: ЭТО ДЕНГА МОСКОВСКАЯ. Того же типа, что изданная А. В. Орешниковым под № 649, рис. 496, среди монет Ивана III [3]. Рисунок на нашей монете несколько иной. 2 экз. Вес 0,21; 0,18 *г*; обе обрезаны (рис. 1, *6*).

Монеты с надписью «князь великий Иван»

7. Л. с. Две звездочки и розетка из девяти точек (одна в центре). Вокруг ободок из точек. Круговая надпись КНЗЬ ВЕЛИКИЙ ИВАНО (рис. 2, *11*).

О. с. Пятилепестковый цветок. Круговая надпись ДЕНГА МОСКОВСКАЯ. Выбита тем же штампом, что и оборотная сторона № 1.

Орешников, № 671, рис. 518, 717 экз. Средний вес 0,37 *г* (рис. 1, *7*).

8. Л. с. Две звездочки и розетка из семи точек (то же изображение, что на лицевой стороне № 1). Круговая надпись +КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ ВАСИЛИЙ... ДЕНГА (рис. 2, *12*)

О. с. Пятилепестковый цветок, как на предыдущей монете, но надпись... НА КН... Ивана князя (рис. 2, *13*). 1 экз. Вес 0,23 *г*., обрезана (рис. 1, *8*).

9. Л. с. три звездочки в ободке из точек. Кругом следы надписи.

О. с. Четырехлепестковый цветок в точечном ободке. Следы круговой надписи того же начертания, что и на лицевой стороне 1 экз. Вес 0,32 *г* (рис. 1, *9*).

---

[3] А. В. Орешников. Ук. соч., стр. 120.

10. Л. с. Всадник вправо с занесенной саблей, под конем знак (рис. 2, *14*). Сходную лицевую сторону, но с головой под конем имеет монета, изданная А. В. Орешниковым под № 682, рис. 529 [4], среди монет времени Ивана III и Василия III. Прямых аналогий для нее нет.

О. с. Подобна оборотной стороне № 1, но надпись иная, неразборчивая. 1 экз. Вес 0,22 *г*; обрезана (рис. 1, *10*).

11. Л. с. Трехлепестковый цветок; изображение видно плохо. То же изображение имеет оборотная сторона монеты Ивана III, изданная А. В. Орешниковым под № 669, рис. 516 [5].

О. с. Пятилепестковый цветок, как у № 1, но круговая надпись неразборчива, как на № 8. 1 экз. Вес 0,17 *г*; обрезана (рис. 1, *11*).

12. Л. с. Надпись в несколько строк, искажена (двойной удар?). Начертание букв то же, что на оборотной стороне монеты «мастера Олександро» Ивана III, изданной А. В. Орешниковым под № 668, рис. 515 [6].

О. с. Сходна с оборотной стороной № 1, но лепестки цветка и буквы надписи иного рисунка. 2 экз. Вес 0,30; 0,25 *г*; обрезана (рис. 1, *12*).

13. Л. с. Пятилепестковый цветок в точечном ободке. Круговая надпись ...ГА МОСКОСКА... (рис. 2, *15*).

О. с. Подобна лицевой. Круговая надпись ...ОВСКЯ (рис 2, *16*) 1 экз. Вес 0,29 *г*; обрезана (рис. 1, *13*).

К основным типам описанных нами монет принадлежат № 2 и 7. Оборотные стороны их чеканены одним штемпелем, лицевые имеют общий рисунок, но различные надписи. Отметим, что в тех случаях, когда надписи на монетах не отчеканились, эти два типа легко отличить по количеству точек, составляющих розетку. Монетам с именем «Василия» сопутствует семиточечная розетка, а с именем «Ивана» — девятиточечная.

Среди монет, не составляющих основной тип, нас прежде всего будут интересовать те, что связывают монеты с надписью «денга московская» с другими монетами рассматриваемых княжений. Это монеты № 6, 11 и 12. Две из них (№ 11 и 12) связаны непосредственно с чеканом Ивана III и на этом основании отнесены к нему. От № 6, т. е. типа монет с надписью «князя великого Василия» (с семью точками в розетке), можно было бы ожидать связи с монетами Василия Ивановича. Между тем этого не произошло. Монета тоже связалась с монетами Ивана III.

На основании изложенного мы резюмируем, что монеты с именем «князя великого Василия» связаны с монетами Василия Темного (эрмитажный экземпляр) и никакого отношения не имеют к монетам Василия Ивановича, а следовательно, должны принадлежать Василию Темному. Связь их с монетами Ивана III удивлять не может, так как это была связь со смежным княжением.

На каком же основании А. В. Орешников приписывал монеты с именем «князя великого Василия» типа «денга московская» Василию Ивановичу? «Чертков, Чапский и др.,— пишет А. В. Орешников,— приписывали эту монету Василию Темному, гр. И. И. Толстой при описании Басихинского клада отнес ее и, по-видимому, вполне основательно, Василию Ивановичу» [7]. Каковы же соображения были у И. И. Толстого, чтобы передатировать данную деньгу? Обратимся к нему. Интересующую нас монету он описывает в Басихинском кладе под № 19: «Две звезды с розеткой на одной, и розетка с другой стороны с надписью денга московкая (у Черткова №№ 77 и 87, у Чапского №№ 478 и 497) — 109 экземпляров, из них на 14 можно было прочесть имя Ивана (III), на 19 — имя Василия (как думали до сих пор все — Василия Темного, но, может быть, и Василия Ивановича?)» [8]. В конце описания клада И. И. Толстой возвращается

[4] А. В. Орешников. Ук. соч., стр. 128.
[5] Там же, стр. 124.
[6] Там же, стр. 124.
[7] Там же, стр. 126.
[8] И. И. Толстой. Три клада русских денег XV и начала XVI века. ЗРАО, IV, нов. сер., СПб., 1890, стр. 34.

еще раз к этим монетам и делает по их поводу следующее заключение: «Мне,— пишет он,— показалось уместным ввиду общего состава клада поставить вопрос о том, следует ли считать доказанным, что монета с надписью «деньга московская» с именем Василия принадлежит Темному, а не Василию Ивановичу. Ввиду тесной связи, существующей между чеканом этого последнего с чеканом отца его, которому несомненно принадлежат подобные «деньги московские», и присутствия в кладе, при немногочисленности денег Темного, других типов, довольно значительного числа (109) именно этих денег, сомнения в верности существующих определений являются возможными. Разрешится вопрос,— кончает И. И. Толстой,— главным образом, новыми счастливыми находками» [9]. Вот и все доказательства. Аргументация И. И. Толстого явно недостаточна для передатировки большой и важной группы монет [10].

Кроме приведенных выше данных, фиксирующих связь монет «князя великого Василия» с монетами Василия Темного и отсутствие их с монетами Василия Ивановича, приведем еще другие, также опровергающие точки зрения И. И. Толстого и следующего за ним А. В. Орешникова. Их дают клады монет.

В нашем распоряжении имеются два клада. Оба найдены в Казани, один в 1861 г. в Кремле у Казанского кафедрального собора. К. В. Савельев [11], опубликовавший клад, описал 320 монет, из них: Василия Темного — 38, Ивана III — 267, можайского князя Ивана Андреевича —2, верейского князя Михаила Андреевича —1, рязанского князя Василия Ивановича — 7, новгородских — 7 экземпляров. Кроме того, 60 монет плохой сохранности определено суммарно. Основная масса их принадлежит Ивану III, часть — Василию Темному.

В кладе, как мы видим, нет ни одной монеты Василия Ивановича и, между тем, присутствуют монеты интересующего нас типа с именем «Василия» и надписью «денга московская». Описаны эти монеты Савельевым среди монет Василия Темного.

Другой клад был также найден в Казанском Кремле в 1878 г. К. В. Савельев и А. О. Лихачев [12] описали 181 монету: Василия II — 14, Ивана III — 141, рязанского Василия Ивановича — 2, Великого Новгорода — 6, московских монет без имени князя — 16, неопределено — 2 экземпляра.

В этом кладе, как и в предыдущем, нет монет Василия Ивановича, но имеются монеты с именем Василия типа «денга московская». Авторы публикации описали их как монеты Василия II.

Как мы видим, оба клада содержат монеты с розеткой и именем Василия, тогда как ни одной монеты Василия III в них нет, что лишний раз подтверждает их принадлежность времени Василия Темного. Любопытно отметить, что клады были известны до публикации И. И. Толстым Басихинского клада.

Восстановление даты чеканки монет, отвергнутой И. И. Толстым в 1890 г., имеет для нас важное значение. Она определяет новое время для датировки денежной реформы, приведшей к единому знаменателю московскую и новгородскую денежные системы. Изучение монет с надписью

---

[9] И. И. Толстой. Ук. соч., стр. 36.

[10] Единственное соображение — большое количество монет с надписью «денга московская» по сравнению с другими типами монет Василия II может быть объяснено и тем, что эти монеты должны были чеканиться последними при Василии Темном, так как они одного типа с монетами Ивана III и имели, очевидно, хождение наравне с монетами последнего. Следует также отметить, что среди 109 монет, о которых пишет И. И. Толстой, имеются монеты и Ивана и Василия, как мы можем судить по первому цитируемому нами отрывку из его работы.

[11] К. В. Савельев. Описание нескольких древних русских монет. ИРАО, 5, СПб., 1875, стр. 375—382.

[12] Изв. Общества археологии при Казанском ун-те, т. I, Казань, 1878, стр. 55, 60, 66—68, 107—109; т. II, 1880, стр. 18, 23, 112—120.

«денга московская» проливает некоторый свет на этапы проведения реформы и даже некоторые ее детали.

Напомню вкратце, каким было состояние денежного дела великого княжества Московского к моменту проведения реформы.

К середине XV в. в результате феодальной войны и хозяйничания в Москве Дмитрия Шемяки денежное дело было в весьма плачевном состоянии. Вес денги упал по сравнению с начальным весом денег Василия Темного вдвое. После возвращения его на престол налаживается денежное дело. Проводятся мероприятия по стабилизации веса монет. Последние деньги Василия Темного, как нами определялось ранее, чеканятся с надписью «осподарь» и изображением головки, что и на государственной печати [13]. Вес этих денег близок $^1/_2$ денги новгородской (около 0,79 *г*) и как бы объединяет московскую и новгородскую денежные системы.

Рассматриваемые нами монеты, время чеканки которых восстанавливается княжением Василия Темного, показывают, что не только вес монет установился к весу новгородских как 2 : 1, но объединение московской и новгородской систем было проведено осмысленно уже при Василии Темном. Не случайное соотношение веса привело постепенно к бытованию в Русском государстве двух монет — московской и новгородской. Новые монеты в $^1/_2$ новгородской денги получили свое название «денга московская», что отныне фиксировало и их вес и их отличие от новгородской денги и ее веса.

Интересно обратить внимание на такую деталь. Проводя реформу, правительство Василия Темного и Ивана III — а к середине XV в. Иван III стал соправителем Темного — вспомнило старое время, когда была проведена первая денежная реформа Василия Темного при вступлении его на престол в 1425 г. Тогда, как нами в свое время доказывалось, проводилась унификация денежной системы Московского княжества. Для этого был выработан для удельных княжеств единый вид и вес монеты. На одной из сторон было помещено изображение Самсона со львом, то самое, того же штампа, что мы видим на монете Эрмитажа с розеткой. Теперь, предпринимая реформу по унификации денежной системы всего Русского государства, вспомнили об этом старом штампе с Самсоном. Его откуда-то вытащили, и этим штампом, довольно сработанным и сослужившим в свое время хорошую службу московским князьям, отчеканили какую-то часть, очевидно пробных монет. Одной из них и является монета Эрмитажа. Она помогла вскрыть интереснейший момент в истории создания единой денежной системы Русского государства. Завершение денежной реформы по унификации денежного обращения было проведено уже в правление Ивана III. Мы определяем это время моментом первого выпуска так называемых «сабляниц», т. е. монет московских весом с новгородскую денгу.

Новая датировка монет имеет для нас важное значение и в другом аспекте. Она существенным образом меняет представление о составе денежного обращения второй половины XV — первой четверти XVI в. Переход большой группы монет из XVI в середину XV в. меняет картину денежного обращения в это время, что очень важно для дальнейшего изучения денежного кризиса первой трети XVI в., предшествовавшего реформе Глинской в 1534 г.

---

[13] Н. Д. Мец. Ук. соч.,

Библиография

И. Н. Хлопин. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. Энеолит южных областей Средней Азии. ч. I, САИ-Б3-8, М.—Л., 1963.

В. М. Массон. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. Энеолит южных областей Средней Азии, ч. II, САИ-Б3-8, М.—Л., 1962.

Со временем Намазга I (Анау IБ) связывают начало энеолитической культуры Южной Туркмении. Изучение этого узлового момента в истории анаускнх племен развивалось более медленно, чем исследование предшествующей джейтунской культуры («джейтунский неолитический период» по И. Н. Хлопину) и последующих периодов. Это связано с объективными трудностями исследования: на крупных поселениях слои периода Намазга I перекрыты по большей части мощными позднейшими напластованиями; мелкие поселения, культурные слои которых относятся только к периоду Намазга I [1], были изучены мало. Положение резко изменилось после раскопок на снос небольшого холма Дашлыджи-Тепе в Геоксюрском оазисе, произведенных И. Н. Хлопиным, в результате чего автору удалось наметить основные направления исследования культуры раннего энеолита [2], сформулированные в рецензируемой работе. Однако количество изученных жилых планировок все же еще крайне мало (Яссы-Тепе, Кара-Тепе, Дашлыджи-Тепе, Анау), и автор, сведя воедино все данные по памятникам со слоями периода Намазга I, вполне обоснованно обращается к керамическому материалу как основному объекту исследования.

Автор, как показывают его предшествующие работы [3], большой знаток керамики, делает массу ценных наблюдений на этом материале. Фактически они охватывают весь комплекс вопросов, связанных с историей раннего энеолита Южной Туркмении. Классифицировав все типы и элементы керамических орнаментов, результатом чего явилась специальная таблица XXV, автор попытался выделить группы геометрических орнаментов, свойственных отдельным районам в пределах анауской культуры времени Намазга I. Однако, если выделение типов и деградации схем для основных орнаментальных мотивов, обоснованных отчасти стратиграфическими наблюдениями, являются большой заслугой автора (рис. 7, табл. XXV, *1*), то выделение некоторых типов на основании редко встречающихся орнаментальных мотивов проведено менее четко. Для того чтобы принцип выделения типов по схеме орнамента, который лежит в основе таблицы (ведь даже крайне специфические разновидности первого типа не включены в общую таблицу [4]), был выдержан последовательно, необходимо исключить из нее ряд элементов. Они в хорошей графической форме представлены на табл. XXV: № 11, может войти в общую линию изменений элемента № 1; № 20, 25, 41, 51—54, 57, 60, 61 идентичны по схеме образцам, предшествующим каждому из них, а № 35 совершенно не типичен. Кроме того, таблица совместной встречаемости элементов на различных памятниках должна быть сопровождена оговоркой, что малочисленность орнаментальных схем в рубриках, относящихся к таким памятникам, как Ак-Тепе, Серманча-Тепе, Геоксюр I, Илгынлы-Тепе,

---

[1] Автор принимает систему различения материалов на «комплекс», «тип» и «время» Намазга I, предложенную для периода Намазга II В. М. Массоном (Энеолит южных областей Средней Азии, ч. II).

[2] И. Н. Хлопин. Дашлыджи-Тепе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. Тр. ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1961.

[3] И. Н. Хлопин. Изображение коровы на сосуде из Кара-Тепе. КСИИМК, 69, М., 1957; его же. Дашлыджи-Тепе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана.

[4] Принципиальный интерес представляет линия развития этого типа в восточных районах, где автору удается доказать генетическую связь этого орнамента с более поздней ялангачской орнаментацией.

связана со слабой изученностью на них соответствующих слоев. Следует также отметить, что 13 элементов орнамента (включая № 50—54 в качестве одного элемента), встречающиеся не менее чем на трех памятниках каждый, распределены довольно равномерно по всем памятникам Южной Туркмении.

Пользуясь типологическими наблюдениями, случаями совместной встречаемости типов росписи и данными стратиграфии, автору удается создать удачную схему синхронизации и относительной хронологии основных исследованных памятников периода Намазга I (рис. 4, стр. 19). Тщательный анализ орнаментации и форм керамики приводит автора к убедительному и плодотворному заключению о том, что стиль керамической орнаментации периода раннего энеолита и формы керамики восходят непосредственно к джейтунской посуде (стр. 20—21), «минуя своеобразный стиль росписи Анау IA» [5]. На этих основаниях делается естественный вывод об автохтонном развитии раннеэнеолитической культуры Южной Туркмении, а также о сложении на ее основе культуры развитого энеолита в восточных районах. Хотя аналогичное заключение сделано на материалах западных памятников [6] («центральный район» по И. Н. Хлопину), автор со свойственной ему осторожностью отмечает необходимость более тщательного исследования в этой области.

Наименее подробно освещен вопрос о технике керамического производства. Выдвинув крайне интересное предположение о связи между возникновением полихромии и «керамических обжигательных печей» (стр. 22), автор, может быть, чрезмерно настаивает на применении при выделке столовой посуды ленточной техники, следов которой ему не удалось увидеть (стр. 15, 24).

В заключение разбора части работы, посвященной керамике, следует отметить, что, может быть, не стоило решительно объявлять элементы № 67—70 на табл. XXV мотивами дерева. Во-первых, потому, что семантика элементов орнаментации, как мы знаем из этнографических материалов, крайне неустойчива и формальное сходство может служить основанием для крайне разнообразных, подчас неожиданных ассоциаций, а во-вторых, потому, что элемент № 26 стоит значительно ближе к изображениям деревьев того типа, который очень отчетливо проявляется в более поздний период в форме изображений «людей-деревьев» или «людей-птиц» [7].

Остальные категории вещественного материала крайне малочисленны, кроме значительной коллекции керамических пряслиц («напрясел»), из числа которых следовало бы выделить серию с несквозными отверстиями (табл. XXII, *2—4, 7*) [8] и один экземпляр, напоминающий модель колеса от повозки (табл. XXII, *16*). Не рассматривая остальной инвентарь [9], ограничусь лишь замечаниями об архитектуре и возможностях районирования территории культуры Анау времени Намазга I.

Даже, если считать, что помещение № 1 второго и третьего строительных периодов на Дашлыджи-Тепе не является сооружением «особого общественного характера», что в нем проявилась лишь «тенденция» к возникновению такого рода построек [10] (стр. 15), оно все же представляет большой интерес для выяснения преемственности населения поселка. При том высоком уровне строительной техники, который был достигнут ко времени Намазга I и который выразился, прежде всего, в создании немногих стандартов кирпича [11], в использовании стен прежних построек не было технической необходимости. Единственной причиной такого рода повторений могла быть привычка данной группы населения к определенной форме планировки, т. е. это явление должно быть связано с непрерывным проживанием на данном холме одной группы населения. Между нижними горизонтами заметно соответствие и в принципах общей планировки, что дало возможность И. Н. Хлопину восстановить последовательность застройки. Отличие принципа планировки верхнего

---

[5] Автору свойственно чрезмерное увлечение словом «своеобразный», заменяющим у него часто более точные и развернутые характеристики. Специфика орнаментальных схем Анау IA (табл. III, рис. 1—5) позволяет хотя бы предположительно ставить вопрос о связи их с орнаментами, легшими в основу так называемого «геоксюрского стиля полихромии». Лаконичные экскурсы в период Анау IA (стр. 7, 21) заслуживают пристального изучения.

[6] В. М. Массон. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. Энеолит южных областей Средней Азии, ч. II, САИ-Б-3-8, стр. 20.

[7] Там же, стр. 19.

[8] Их форма, размеры и то, что, судя по следам, в них вставлялся намертво деревянный или тростниковый стержень уже после обжига, позволяют предполагать применение их в качестве ручек или балансиров какого-то простого сверлильного устройства.

[9] Попутно следует отметить несколько странную трактовку автором термина «энеолит» (стр. 6) и неправильное употребление выражения «стеатопигия» (стр. 11).

[10] В данном случае автор, пожалуй, слишком осторожен, ибо в синхронном, по его схеме, втором слое Яссы-Тепе помещение 16 несомненно являлось общественно-культовым сооружением. В. И. Сарианиди. Культовые здания поселений Анауской культуры. СА, 1962, 1.

[11] В. М. Массон. Историческое место среднеазиатской цивилизации, СА, 1964, 1.

горизонта от нижних, несмотря на его плохую сохранность, позволяет ставить вопрос о нарушении традиции или о появлении на холме другой группы населения, т. е., возможно, о двукратном заселении холма в период Намазга I. К сожалению, повторяющиеся постройки в разных строительных горизонтах исследованы пока мало, но очень четкий случай мы имеем на Кара-Тепе в период Намазга II, когда во втором и третьем строительном горизонте постройки полностью повторяют друг друга. Ясно, что стены на базе более ранних могли быть возведены лишь вскоре после разрушения предшествующих сооружений и до того, как они подверглись действию эрозии. Можно полагать, что и здесь перестройка происходила в течение жизни одного коллектива.

Уже из обзора керамики ясно, что предложенная автором система районирования керамическими материалами обоснована быть не может. Если же мы обратимся к принципу выделения районов, то оказывается, что он основан на том, что они «совпадают с современными ирригационными районами». Однако ирригация всей подгорной зоны (включающей «западный» и «центральный» районы по И. Н. Хлопину) основана на использовании мелких стекающих с гор потоков, в то время как «восточный» и «геоксюрский» районы тяготеют к бассейну Теджена. Даже если признать, что «геоксюрский район» заселен позднее «восточного», мы не найдем в его материалах каких-либо существенных особенностей, которые позволили бы говорить о его заселении непосредственно из «центрального района», минуя восточный. Такого рода данных не приводит И. Н. Хлопин. Допуская его трактовку как гипотезу, имеющую право на существование в силу недостаточной еще исследованности памятников, все же следует признать возможность объективного выделения лишь двух районов, причем и это выделение строится скорее на косвенных признаках (различии ирригации), но не на археологическом материале. Ведь даже отмеченный еще в статье о Дашлыджи-Тепе «провинциализм» Геоксюрского оазиса основывается не на принципиальных отличиях в архитектуре, а лишь на различиях в деталях оформления.

Поскольку свод «Энеолит южных областей Средней Азии» задуман как коллективная монография [12], можно было бы ожидать от работы И. Н. Хлопина большего соответствия в смысле композиции и монтировки таблиц с прежде вышедшей работой В. М. Массона (на некоторых таблицах рабочее поле определенно не заполнено. Особенно жаль, когда это делается за счет изделий ранее опубликованных в работах экспедиции Р. Пампелли (табл. IV, *15;* XV, *3*). Английское резюме в конце текста дает зарубежным читателям подлинное представление о работе, не искаженное популяризаторами и интерпретаторами.

То, что в связи с данной работой, являющейся по сути первым обобщением фактического материала и теоретических соображений, связанных с ранним энеолитом, возникает большое число побочных вопросов, которые могут способствовать дальнейшему изучению времени Намазга I, является большой заслугой автора, который смело и принципиально вынес на суд читателя все свои взгляды, убеждения и сомнения по данной проблеме.

* * *

После публикаций Б. А. Куфтина [13] и В. М. Массона [14] стало ясно, насколько безнадежно устарели интерпретации малочисленных данных по энеолиту Южной Туркмении, которые были изложены в работах экспедиции Р. Пампелли. Б. А. Куфтин предложил новую более дробную, но и более объективную стратиграфию, а В. М. Массон — типологию керамики, основанную на материалах шурфов Намазга-Тепе. Дальнейшая более полная разработка стратиграфии, типологии, хронологии, истории хозяйства, этнических и общественных группировок нашла свое отражение в работах В. М. Массона, В. И. Сарианиди, И. Н. Хлопина и др.

В рецензируемой книге В. М. Массона рассматривается лишь небольшая часть той стратиграфической колонки, которая установлена на Намазга-Тепе (табл. I),— период Намазга II (развитой энеолит). Этот период, наиболее полно изученный на Кара-Тепе, характеризуется сложением на территории культуры Анау двух в значительной степени обособленных областей: восточной и западной. Автор свел воедино большой материал поселений, раскопанных в западной области (Намазга-Тепе, Кара-Тепе, Анау), и создал уникальное в своем роде обобщение, значение которого не ограничивается одним только подведением итогов прежних исследований.

---

[12] Видимо, по недосмотру на обложке папки стоит в обоих случаях фамилия автора и общее заглавие серии, как будто два автора (В. М. Массон и И. Н. Хлопин) написали работу на одну и ту же обширную тему.

[13] Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956.

[14] В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956.

В западной области наиболее отчетливо прослеживается прямая линия автохтонного развития раннеземледельческой культуры от неолита (джейтунская культура) до эпохи бронзы. Из западной области заселились в раннем энеолите восточные районы [15]. Поэтому при описании памятников западной области было необходимо привлечение сравнительного материала из восточных районов. Кроме того, сопоставлением с памятниками восточных областей более отчетливо выявляется культурное своеобразие обоих районов энеолитической культуры, а также устанавливаются критерии для синхронизации отдельных комплексов. Ряд сопоставлений с древневосточными памятниками (Иран, Афганистан, Месопотамия) важен не только для установления культурной самобытности анауских племен, но и для создания более четкой картины исторического развития соседних с Южной Туркменией областей раннеземледельческих культур.

Автор наглядно показывает на большом фактическом материале, что вопросы стратиграфии и типологии, которые являются самоцелью в ряде исследований буржуазных ученых, могут служить лишь фоном для воссоздания сложной картины хозяйственного и общественного строя древних земледельцев и скотоводов Южной Туркмении.

Труд В. М. Массона является лишь одной из пяти частей серии под общим заголовком «Энеолит южных областей Средней Азии», поэтому развернутую характеристику ее необходимо отложить до появления остальных выпусков. Однако ряд вопросов, поставленных автором впервые или пересмотренных в последнее время, несомненно, представляет принципиальный интерес.

Впервые предложено отчетливое разграничение понятий для обозначения хронологической и культурной близости комплексов («время» Намазга II и «тип» Намазга II). Вновь и более конкретно сформулировано различие между условным стратиграфическим «ярусом» и «строительным периодом» [16]. Именно благодаря изучению на больших раскопочных площадях архитектурных комплексов и выявлению смены однокомнатных домов многокомнатными удалось обосновать тезис о зарождении и развитии в Южной Туркмении большесемейной общины. Весьма показательно, что автор более осторожно, чем в предыдущих работах [17] говорит о сложении в этот период патриархальных отношений: «Вопрос о степени развития патриархальных отношений внутри этих (т. е. западноанауских.— *П. К.*) общин требует особого исследования» (стр. 23). Дело в том, что в этом вопросе у исследователей южнотуркменского энеолита нет единства взглядов. Мнение И. Н. Хлопина [18], признающего, с одной стороны, что женщина была главой «хозяйственного коллектива», но в то же время «наверняка решающий голос в межродовых, внутриплеменных и межобщинных» отношениях «принадлежал уже мужчине», оригинально, но основано на односторонней оценке эклектически подобранных этнографических данных. В. И. Сарианиди на материалах коллективных погребений в толосах убедительно доказывает, что геоксюрский период (начало III тысячелетия до н. э.) является переходным временем от матриархата к патриархату [19]. Впрочем это явление можно отнести и за счет специфического развития восточной области или даже подозревать в чем одно из проявлений «культурного отставания Геоксюрского оазиса» (стр. 23).

Но если вопрос о возникновении большесемейной общины можно считать решенным благодаря выявлению крупных архитектурно-хозяйственных комплексов, то вопрос о сложении в ней патриархальных отношений необходимо решать на иных фактических материалах. Изучение погребального обряда и тех элементов материальной культуры, которые отражают идеологические представления (глиняные статуэтки, смысловые композиции на посуде), многое может прояснить в этом вопросе. Конечно, идеология первобытного общества крайне консервативна и отражает социально-экономические изменения с некоторым запозданием. Однако на примере тех изменений, которые происходят в месопотамском пантеоне божеств, жестокой борьбе верховного бога с чудовищем Тиамат, в котором слились воедино представления о более древних женских и змееподобных божествах, можно наблюдать те явления, которые указывают на сложившийся патриархат. Смена матриархата патриархатом зафиксирована и эпосом о Гильгамеше, где женщина-жрица в Уруке обращается к Гильгамешу с просьбой убить змею, живущую в корнях священного дерева. Но змея ведь один из основных символов богини матери. Змея — первоначаль-

---

[15] В. М. Массон. Первобытно-общинный строй на территории Туркмении (энеолит, бронзовый век и эпоха раннего железа). Тр. ЮТАКЭ, VII, стр. 17; И. Н. Хлопин. Дашлыджи-Тепе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана, там же, стр. 174, 175; В. М. Массон. Кара-Тепе у Артыка, там же, стр. 299—300.

[16] В. М. Массон применяет еще один термин, который в контексте воспринимается как стратиграфический — «этап». Расшифровка его отсутствует (стр. 9).

[17] В. М. Массон. Первобытно-общинный строй..., стр. 27; его же. Кара-Тепе у Артыка, стр. 398.

[18] И. Н. Хлопин. Дашлыджи-Тепе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана, стр. 198.

[19] **В. И. Сарианиди.** Земледельческие племена Юго-Восточной Туркмении (в эпоху энеолита и бронзы). Автореф. канд. дис., М., 1963, стр. 15.

ный образ этой богини. И Гильгамеш убивает змею бронзовым топором. Так погибает матриархат в борьбе с мужскими богами, вооруженными металлическим оружием [20].

На памятниках анауской культуры мы не можем выявить пантеон божеств. Единственное известное нам божество — богиня-мать [21] процветает здесь и в позднем энеолите. Даже если понимать ее только в качестве абстрактного символа плодородия, как это делает И. Н. Хлопин [22], то отсутствие противостоящих ей мужских божеств становится аргументом в пользу развитого матриархата [23]. Не свидетельствует о сложившемся патриархате и погребальный обряд. Женские костяки снабжены более богатым инвентарем, они никогда не занимают подчиненного положения. Малочисленные кости животных встречаются как при мужских, так и при женских захоронениях. Нет свидетельств, что мужчина становится владельцем стад [24]. Этот аргумент для обоснования патриархальных отношений здесь неприменим. Вероятнее всего, в период развитого энеолита мы имеем дело лишь с зарождением патриархальных отношений при господствующем еще матриархате.

Самый обширный раздел книги посвящен исследованию керамического материала. Здесь представлена сложная, но строго выдержанная классификация. Основой ее является подразделение керамики по способам оформления внешней поверхности на пять групп. Для двух первых групп (керамика с полихромной и монохромной росписью) помимо подразделения на формы выделено еще по десять основных типов орнаментальных композиций. Первые беглые наброски этой схемы сделаны еще в статье В. М. Массона «Кара-Тепе у Артыка», и благодаря им становится понятна та огромная работа, которая завершилась созданием этой классификации керамики всей западной области (стр. 11—12). Приходится, правда, сделать одно замечание.

В основу классификации типов орнаментов положен «орнаментальный мотив», который обычно состоит из нескольких простых элементов. Построение классификации на сложных фигурах лишает ее гибкости, затрудняет включение в нее новых данных. Для них необходимо будет постоянно приискивать новые подгруппы. Уже сейчас пришлось выделить «дополнительные элементы» и «варианты» (стр. 11 и др.). В частности, «мотив креста» включает «фигуры полукрестов» (стр. 13) и даже «четвертей крестов» (стр. 14). Кроме того, классификация, построенная на сложных фигурах, не годится для статистической обработки материала. Только классификация, в основе которой лежат элементы орнамента, поможет разрешить крайне важный вопрос о прототипах керамической орнаментации. Эта тема представляет особый интерес в связи с тем, что «этнографические особенности культуры» западной и восточной областей проявляются «в первую очередь в орнаментике керамики» (стр. 6).

Из сравнительных таблиц (табл. II, XIX) становится ясно, что различия кроются в системе построения орнаментального поля. Основные элементы также различны. Причем резко заметны различия в орнаментальных композициях между монохромной и полихромной росписью. Весьма показательно, что все аналогии орнаментам раннего кельтеминара восходят именно к монохромной росписи (табл. XVIII). Установление прямой связи на смежных территориях керамики с нарезной и штампованной орнаментацией, с одной стороны, и крашеной,— с другой, позволяет по-новому поставить вопрос о соотношении этих двух способов нанесения узора. Это тем более важно, что со времени издания методически неполноценной работы К. Шухардта исследования в данном направлении почти прекратились [25].

Малочисленность керамики с монохромной орнаментацией в ранний период Намазга II, вероятно, связана с недостаточной исследованностью комплексов этого времени, представленных в основном недокопанным слоем Кара 4 на первом раскопе и в значительной мере гипотетически выделяемым слоем Кара 5 (стр. 9, 16—17). Ведь именно элементы и схемы монохромных узоров находят близкие аналогии в памятниках предшествующих периодов (Джейтун, Анау I).

В. М. Массон, как и большинство исследователей, признает, что прототипами орнаментов на глиняной посуде могли являться узоры на плетеных и тканых изделиях [26]. Руководствуясь методикой, предложенной И. Чалогом и до сих пор широко применявшейся лишь для материалов эпохи неолита и бронзы в Венгрии, можно воспроизвести первоначальный плетеный узор. Следует отметить, что полихромная геометрическая орнаментация посуды Геоксюрского оазиса, формально близкая ков-

---

[20] Д. Томсон. Первые философы. М., 1959; A. Deimel. Pantheon Babylonicum. Roma, 1914; В. К. Афанасьева. Одна шумерская песня о Гильгамеше и ее иллюстрации в глиптике. ВДИ, 1962, 1.

[21] В. М. Массон. О культе женского божества у анауских племен. КСИИМ, 73.

[22] И. Н. Хлопин. Дашлыджи-Тепе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана, стр. 200.

[23] Д. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958.

[24] В. М. Массон. Кара-Тепе у Артыка, стр. 397—398.

[25] K. Schuchhardt. Das technische Ornament in den Anfängen der Kunst. «Praehistorische Zeitschrift», I—II, Berlin, 1909—1910.

[26] В. М. Массон. Первобытно-общинный строй..., стр. 24.

ровым орнаментам, может восходить к системе спирального плетения на горизонтальной основе (coiled-basket) [27].

Можно надеяться, что отсутствующий в работе раздел о технологии керамического производства будет включен в последующие выпуски серии. Это тем более важно, что на ряде памятников можно зафиксировать применение особого приема выделки сосудов, так называемой техники «наковальни и лопатки», подробно описанного на более позднем материале среднеазиатского гончарства Е. М. Пещеревой [28]. Значение навыков керамического производства для изучения этнической и культурной истории очень велико. Керамика, как массовый и хорошо сохранившийся материал, дает много объективных данных о производственных отношениях в древности.

Рассматривать детально корреляционные таблицы керамики, хронологию керамических типов, а также значение отдельных элементов росписи для установления относительной хронологии, принципы разделения керамического материала периода Намазга II на два подпериода (время ранней и поздней Намазга II), данные о керамическом импорте нет необходимости: текст говорит сам за себя.

Раздел об анауском металле может быть теперь значительно пополнен благодаря специальному исследованию Е. Н. Черных, построенному целиком на новых материалах [29].

Слабой частью работы приходится признать описание погребений. Здесь автор не смог отрешиться от положений своей более ранней статьи «Кара-Тепе у Артыка», хотя не все возможности для интерпретации могильника там были учтены. Следует обратить внимание на стратиграфию могил. Глубина раскопа № 1, где сосредоточена большая часть погребений, нигде не указана, так же как и мощность слоев, относящихся к различным культурным периодам. Судя по профилю [30], глубина раскопа не превышает 1,5 *м*. Считается, что «погребения относились не к тому слою, в котором они были найдены, а к тому, из которого они были опущены» [31]. Т. А. Трофимова и В. В. Гинзбург трактуют это так: «Время захоронения определялось той эпохой, в которой закладывалась могильная яма» [32]. Однако могильные ямы нигде не описаны. Очевидно, в культурном слое их невозможно было проследить. Разница в глубине залегания могил сама по себе не является стратиграфическим признаком: могилы часто бывают разной глубины, причем на Кара-Тепе разница в глубине могил, очевидно, не превышает 1 *м*. Ясно, что слепо следовать «принятой системе» [33] невозможно, что нужны объективные доказательства стратиграфической последовательности некрополей. Однако 23 погребения могильника Кара 2 не перекрыты никакими помещениями (погр. № 38—44, 46—57, 59, 60, 66, 70), а, судя по профилю, горизонты строительных комплексов вне домов не прослеживаются, т. е. относить эти могилы к могильнику Кара 2 можно лишь условно. Только о 12 погребениях этого могильника можно сказать, что они расположены «ниже полов» помещений Кара 2. Но выражение «ниже полов» указывает лишь глубину залегания. Более того несколько погребений нарушают стены строений Кара 2 (погр. № 32, 33, 36, 71 САИ-Б-3-8, табл. 9), т. е. эти могилы относятся ко времени более позднему, чем постройки Кара 2. Позднейших построек над ними нет, следовательно, погребения не отделены от верхних (погребения слоя Кара 1Б) никакими стратиграфическими барьерами. Так как погребения слоя Кара 3 находятся вне построек слоя Кара 2, к ним применимы те же доказательства. Следовательно, можно предполагать, что в раскопе № 1 на Кара-Тепе вскрыто очень крупное единое кладбище. Это кладбище было устроено в позднейший период среди заброшенных жилых комплексов на самом высоком участке холма [34]. Единство кладбища подтверждается и тем, что при наложении друг на друга планов разных периодов погребения, не перерезая одно другого и не налегая друг на друга, заполняют пустые промежутки, покрывая до-

---

[27] J. Csalog. Das Wohnhaus «E» von Szegvár-Tűrkoves und seine Funde. Acta Archaeologica, IX, Budapest, 1958, стр. 108—114; Zs. Csalog. A bodrogkerestúri kulturá kerámiájának fonott edenyeket utánzo ornamentikája. Archaeologia Értesitő. Budapest, 1962, 89, fasc. 2 (полемическая сторона последней статьи, где сделана попытка представить плетение единственным прототипом геометрических орнаментов керамики,— не вполне убедительна); O. T. Mason. Aboriginal American Basketry. «Annual Report of US National Museum ...for 1902». Washington, 1904; E. H. Morris, R. F. Burgh. Anasazi Basketry. From Basketmaker III to Pueblo II. Washington, 1941; S. C. Muelle. El material textil en el estudio del preceramico. «Jornadas internationales de Arquèologia y Etnografia». Buenos Aires, 1960, 2.

[28] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М.— Л., 1959.

[29] Е. Н. Черных. Некоторые результаты изучения металла анауской культуры. КСИА, 91, М.— Л., 1962.

[30] В. М. Массон. Кара-Тепе у Артыка, рис. 10.

[31] Там же, стр. 323.

[32] Т. А. Трофимова, В. В. Гинзбург. Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпоху энеолита. Тр. ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1961, стр. 480.

[33] В. М. Массон. Кара-Тепе у Артыка, стр. 328.

[34] Там же, стр. 323, рис. 3.

вольно равномерно почти всю площадь раскопа. Так как могильник относится, вероятно, к периоду Намазга III, нет необходимости специально рассматривать в данной рецензии его топографию, хронологию и те выводы о социальном и общественном строе, которые могут быть сделаны на основании этих данных. Следует только отметить, что над могилой № 46 было обнаружено крупное пятно прокаленной земли, а над могилами № 31, 67, 68, очевидно, почти под самой поверхностью (на высоте 0,5 *м* от пола здания Кара 2) был расчищен мощный зольник с большим количеством костей животных. Это лишний раз подтверждает предположение о жертвоприношениях покойным [35]. К сожалению, бóльшая часть посуды, найденной на могильнике, до сих пор не опубликована. Можно только установить, что все сосуды относятся к погребениям северо-западной части раскопа.

Следует признать, что книга В. М. Массона [36] представляет огромную ценность и как сводка большого фактического материала и как глубокое обобщение, где вопросы южнотуркменского энеолита, рассмотренные с присущей автору эрудицией и вдохновением на широком фоне развития раннеземледельческих культур, получают новое освещение, благодаря чему создаются предпосылки для дальнейших плодотворных исследований.

П. М. Кожин

R. A. Higgins. Greek and Roman Jewellery. London, 1961 (Methuens Handbooks of Archaeology). 236+XLII стр., 68 табл., 33 рис.

В течение последних лет археологическая литература обогатилась несколькими трудами по истории ювелирного искусства античной эпохи — признак оживления интереса к этому виду художественного ремесла. Главной причиной, вызвавшей это явление, был по всей вероятности значительный рост количества доступных для изучения памятников как благодаря новым открытиям, так и путем опубликования ряда каталогов государственных и частных собраний [1]. Немалую роль сыграло и великое открытие Вентриса, отодвинувшее истоки эллинской культуры в глубь веков. Свежие материалы раскрыли перед исследователями широкие горизонты и поставили перед ними новые задачи, настойчиво требующие своего разрешения. Отсюда попытки обобщить новые данные и привести их в стройную систему. Последней по времени работе этого типа — труду Р. Хиггинса — и посвящена настоящая рецензия.

Хиггинс называет свою работу обзором (survey, стр. XLI) ювелирного искусства греков и римлян, и это определение вполне соответствует содержанию и характеру его труда. Нелегко всесторонне охватить огромный материал, выбрать из него наиболее показательные памятники и построить на них сложное повествование о длившемся примерно три тысячелетия развитии одного из наиболее тонких видов художественного ремесла, уложив свою работу в рамки сравнительно небольшой книги. Нам кажется, что автор успешно справился с этой трудной задачей. Правда, он излагает свой предмет в предельно сжатой форме. Создается впечатление, будто он производит свой обзор как бы с очень большой высоты, откуда открываются широкие дали, но трудно разглядеть подробности. Однако при более близком знакомстве с работой выясняется, что благодаря целой системе приложений к основному тексту в виде таблиц, списков и указателей (об одном из них мы подробнее скажем ниже) читателю, заинтересовавшемуся каким-либо определенным разделом или вопросом, обеспечивается возможность легко найти соответствующую литературу и углубить свои познания. Из этого следует, что данная книга вполне может удовлетворить лиц, желающих получить общее представление об античном ювелирном искусстве, и в то же время она является ценным пособием для специалиста, способным оказать ему существенную помощь при углубленной работе над материалом.

Прочным фундаментом для этого труда служат воспроизведенные на 68 таблицах (из них четыре цветные) и 33 рисунках в тексте античные ювелирные изделия. Число их приближается к 400, и многие из них публикуются впервые. За редкими исключениями таблицы выполнены превосходно, и это освобождает автора от необходимости подробно описывать памятники в тексте. Выбор демонстрируемых изделий пока-

---

[35] В. И. Сарианиди. Культовые здания поселений анауской культуры. СА, 1962, 1.

[36] Некоторое количество опечаток в тексте может быть исправлено по статье В. М. Массона «Кара-Тепе у Артыка». Термины «пирамидалевидный» (стр. 15, 22) и «этноплеменные группы» (стр. 25) следовало бы заменить более понятными.

[1] G. Becatti. Oreficerie antiche dalle Minoiche alle Barbariche. Roma, 1955; E. Coche de la Ferté. Les bijouz antiques. Paris, 1956; B. Segall. Museum Benaki. Athen, 1938; P. Amandry. Collection Helène Stathatos. Strassburg, 1953; L. Breglia. Le Oreficerie del Museo Nazionale di Napoli. Roma, 1941; R. Zahn Sammlung Baurath Schiller, Berlin, 1929... и др.

зывает, что Хиггинс довольно строго придерживается своей основной задачи — дать историю античного ювелирного дела. В отличие от Бекатти, он не задается целью познакомить читателя с искусством сопредельных с античным миром стран, но в своем тексте неоднократно касается этой темы, говоря о чужеземных влияниях и прямых заимствованиях, воспринятых эллинскими мастерами у своих соседей. Хотя на таблицах и рисунках рецензируемой книги и встречаются изображения памятников, найденных на чужих территориях, но они оказываются импортными изделиями, не дающими представления о деятельности местных мастерских и о местных художественных стилях. Отступления от этого правила сделаны только в отношении Этрурии (табл. 32—44) и отчасти Кипра (табл. 11, 12).

Основной текст книги разделяется на две части, которым предпослано краткое введение. В последнем читатель найдет несколько предварительных замечаний к истории античного ювелирного искусства, в том числе характеристику важнейших собраний античных ювелирных изделий, а также полезные сведения о современных подделках и способах их распознавания.

Первая сравнительно небольшая часть книги (около 50 страниц) целиком посвящена технике производства ювелирных изделий. Иногда кратко, иногда более пространно здесь описаны все трудовые процессы, связанные с изготовлением украшений из драгоценных металлов, начиная от эксплуатации месторождений золота и серебра и кончая отделкой готовых изделий. Не довольствуясь изложением общеизвестных фактов и положений, автор заостряет внимание и на некоторых спорных вопросах, например на литье металла в каменных формах (стр. 17), отсылая читателя к соответствующей литературе.

Вторая часть — историческая — является основным разделом книги. Она делится на 11 глав, в своей совокупности обнимающих почти трехтысячелетнюю историю античного ювелирного дела. Много внимания (четыре главы) автор уделяет эпохе бронзы, одна глава посвящена переходному периоду (от 1100 до 800 г. до н. э.), одна — периоду влияния востока. Архаика и классика соединены в одну главу. Две главы посвящены Этрурии и по одной главе отдано эпохе эллинизма и Рима. Каждая глава построена по одинаковому плану. В начале дается краткий обзор истории каждого периода, а также общая характеристика имеющегося в нашем распоряжении материала. Автор выделяет основные достижения каждого периода в развитии этого вида художественного ремесла и прослеживает чужеземные влияния и заимствования. Далее следует демонстрация воспроизведенных на таблицах памятников по отдельным видам изделий — диадемы, браслеты, серьги и т. д. Таким путем положения и выводы, изложенные в первом абзаце главы, наглядно иллюстрируются на конкретных памятниках. Автор обнаруживает большую эрудицию, а часто и похвальную осторожность при трактовке отдельных еще мало разработанных и неясных вопросов. Несмотря на предельную сжатость изложения, ему удается проследить в главных чертах всю сложную картину развития античного ювелирного искусства, насколько она нам в настоящее время вообще известна.

Особо следует отметить одно, по нашему мнению, чрезвычайно ценное нововведение, впервые встречающееся в книге по истории античного ювелирного дела. Мы имеем в виду помещенный на стр. 193—225 комбинированный список мест находок датированных археологических комплексов, содержащих в своем составе ювелирные изделия, и посвященной им литературы. В своем «Введении» (стр. XLI) автор сообщает, что главной целью, которую он преследовал при составлении этого списка, было уменьшение подстрочных примечаний в тексте книги. Однако едва ли можно сомневаться в том, что значение этого приложения далеко выходит за пределы такой скромной задачи. Ювелирное искусство, как известно, весьма консервативно. Его техника стабильна, а художественные формы и стиль изделий эволюционируют гораздо медленнее, чем, например, в керамике или торевтике, и нередки случаи, когда украшения одного типа изготовляются в течение многих десятилетий и даже столетий. В этих условиях датировка отдельных памятников при помощи стилистического анализа затруднительна [2], а между тем огромное большинство ювелирных изделий, поступающих в музеи, и частные собрания приобретаются покупкой и лишено паспортов. Изучение и сравнение находок, происходящих из датированных комплексов, имеет поэтому особо важное значение, являясь надежной опорой для наблюдений над временем бытования отдельных видов изделий, а тем самым и для установления даты их изготовления.

Р. Хиггинс разделил свой список на 11 частей, сообразно количеству глав исторического раздела своего труда. В каждой части имеется библиография общих работ о ювелирном искусстве данного периода, за которой следует список комплексов, содержащих золотые украшения, с указанием датирующих предметов — монет и керамики и специальной литературы. Археолог, перед которым стоит задача определения даты ювелирного изделия, получает таким образом очень ценное пособие

---

[2] Напомним, что в известном Каталоге Британского музея (F. H. Marshall. Catalogue of the Jewellery... in the British Museum. London, 1911) имеется раздел под общим названием: «Греко-Римские и Римские памятники», обнимающий период от II в. до н. э. до конца IV в.

для своей работы, помогающее ему ориентироваться в материале и найти в датированных комплексах близкие аналогии для объектов своих исследований. Составление указанного комбинированного списка следует поэтому, как нам кажется, признать большой заслугой автора рецензируемого труда. Однако, приветствуя в целом это начинание, нельзя не высказать нескольких критических замечаний по поводу отдельных его частей.

Советский читатель, вероятно, несколько удивится, знакомясь с тем параграфом «Введения» к книге, в котором дается характеристика важнейших собраний ювелирных изделий. Эрмитаж занимает здесь последнее место, и хотя тут же сказано, что в этом музее хранится некоторое число самых тонких произведений античного ювелирного искусства, у читателя остается впечатление, что автор книги не имеет ясного представления об огромном научном значении материалов Северного Причерноморья и его погребальных комплексов для изучения античного ювелирного искусства. Это первое впечатление подтверждается и внимательным изучением упомянутого комбинированного списка. В нем значатся четыре погребения из Ольвии (стр. 211), 21 погребение из Боспорского царства (стр. 212, 221 и 223) и два из Кубани (стр. 212 и 221). По библиографическим ссылкам нетрудно заметить, что, за одним исключением [3], автор называет только литературу на иностранных языках. Его источниками являются книга Миннза, немецкая и английские книги Ростовцева, обзоры Б. В. Фармаковского в АА, ДБК, ОАК на французском языке и книга К. Шефольда о керченских вазах. ОАК после 1888 г. и ИАК ему вовсе не знакомы, равно как и все прочие работы на русском языке. Результаты такого игнорирования русской литературы сказываются очень явственно. В сведения, сообщаемые Р. Хиггинсом об археологических комплексах Северного Причерноморья, вкрались досадные неточности и ошибки. Так, на стр. 221 упоминаются два комплекса (по нумерации Хиггинса — «Тамань № 3 и 4») со ссылкой на обзоры Б. В. Фармаковского в АА за 1912 и 1913 гг. Р. Хиггинс сообщает, будто в обеих гробницах оказалось по статеру Александра Македонского. Это сообщение неточно. На самом деле речь идет здесь о двух гробницах одного и того же, а именно Зеленского, кургана. Вещи из гробницы № 4 (по нумерации Хиггинса) — фрагменты золотого дубового венка и статер Александра, датируемый А. Н. Зографом 334/333 г. до н. э. [4], происходят из гробницы, разграбленной местными жителями еще до начала здесь планомерных раскопок и приобретенных Археологической комиссией в Керчи. Других вещей из этой гробницы не сохранилось. Гробница (по Хиггинсу № 3) — это впускная плитовая гробница, открытая В. В. Шкорпилом. В ней вовсе не было монет, а судя по составу ее инвентаря, она относится к III в. до н. э., скорее всего ко второй его четверти. Третья и самая богатая гробница этого кургана, в которой оказался второй статер Александра, Р. Хиггинсом вовсе не упоминается. Что же касается якобы найденной в гробнице № 3 (по Хиггинсу керамики — фрагментов панафинейской вазы 320 г. [5] и позднекраснофигурной амфоры с изображением амазономахии, то они были найдены не в гробницах, а в насыпи кургана, и поэтому их нельзя привлекать для датировки отдельных погребений. Если бы Хиггинс познакомился с отчетом В. В. Шкорпила о раскопках Зеленского кургана [6], то этой досадной путаницы, конечно, не могло бы произойти.

К сожалению, этот случай не единичен. Так, могила, открытая Карейшей в 1834 г. в одном из курганов у Карантинного шоссе [7], датируется Р. Хиггинсом, в соответствии с Древностями Боспора Киммерийского и вслед за Шефольдом, по найденной там и ныне утерянной монете, якобы выпущенной при македонском царе Филиппе II. Между тем такая атрибуция неправильна, что явствует из рапорта Карейши, где дается описание аверса и реверса этой монеты [8]. Говоря о большой Близнице (стр. 212 и 226), Хиггинс ссылается только на Миннза и на ОАК, даже не упоминая об «Античной декоративной живописи» Ростовцева, где дан подробный анализ этого комплекса. И таких примеров много. Таким образом, сведения о памятниках Северного Причерноморья, сообщаемые в этой книге, оказываются по большей части устаревшими, а иногда и ошибочными. Об этом нельзя не пожалеть, так как при

---

[3] На стр. 221 Р. Хиггинс упоминает нашу статью о дате Артюховского кургана (М. И. Максимова. О дате Артюховского кургана. СА, 1960, 3). Он принимает датировку этого кургана II в. и соответственно меняет и дату сходных с артюховскими вещей, происходящих из других областей древнего мира (см. стр. 157). Он склонен относить Артюховский курган к началу II в., не приводя, однако, никаких доводов, подкрепляющих это мнение.

[4] А. Н. Зограф. Статеры Александра Македонского из керченских и таманских находок. Тр. ОИГЭ, I, Л., 1945, стр. 95, табл. 13.

[5] М. И. Максимова. Панафинейская амфора из Зеленского кургана. КСИА, 83, 1961, стр. 15—20.

[6] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 году. ИАК, 60, 1916.

[7] См. у Р. Хиггинса, стр. 221, Керчь, гробница 1 (А).

[8] М. И. Максимова. Львиные псевдоскарабеи. Тр. ГЭ, VII, 1962, стр. 130, примеч. 5.

более внимательном к ним отношении, эти материалы могли бы дать автору неизмеримо больше, чем он сумел из них почерпнуть, работая над своей книгой.

Как ни досадны указанные недочеты, они все же не могут изменить общего благоприятного впечатления, производимого трудом Р. Хиггинса. Для книги, написанной по такому широкому плану, Северное Причерноморье является лишь деталью, хотя и существенной. Более подробная разработка материалов нашего юга, несомненно, обогатила бы набросанную автором картину развития ювелирного искусства, однако и в настоящем своем виде книга Р. Хиггинса может быть всячески рекомендована как прекрасное введение в сравнительно еще мало изученную отрасль античного художественного ремесла и как весьма ценное пособие для специалистов.

М. И. Максимова

Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Археология. Красноярское книжное издательство, 1963

Вышел в свет давно ожидаемый археологами сборник Красноярского краевого музея. Это знаменательное событие в истории изучения Красноярского края. В 30-е годы, когда в Красноярске работали крупные сибиреведы Г. П. Сосновский, И. К. Ауэрбах, В. И. Громов, В. Г. Карцов, здесь выходила литература по археологии и популярные работы, в которых освещалось прошлое Красноярского края. И вот примерно через 30 лет издан сборник, открывающий собой новую серию археологических книг. Такое начинание можно только приветствовать. Его появление обязано энергии и настойчивости директора музея З. К. Глусской. В отличие от старых красноярских изданий, которые посвящались преимущественно результатам работ в районе Красноярска, этот сборник задуман более широко хронологически и территориально. В сборнике есть работы по палеолиту, неолиту, эпохе бронзы и более позднего времени, есть и антропологические статьи. Они написаны авторами как местными сибирскими, так и московскими. Нужно отметить вполне приличные иллюстрации.

Открывается и завершается сборник двумя статьями В. П. Алексеева, посвященными палеоантропологии Южной Сибири, отражающими современное ее состояние. В завершающей сборник статье «Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии» В. П. Алексеев убедительно показывает сложность этнического состава современного хакасского народа, отрицает непосредственную преемственность кыргызов и хакассов и находит предков последних в более древних обитателях Минусинской котловины. Выводы, полученные на основании изучения антропологического материала, рисуют сложный исторический процесс в начале нашей эры, что требует дополнительного изучения археологических материалов, с тем чтобы и на нем проследить этот же процесс.

В статье дан и очерк палеоантропологии Минусинской котловины, являющейся кратким изложением многолетних работ автора. В той связи хотелось бы сделать только одно замечание, в равной степени, относящееся к обеим работам В. П. Алексеева, помещенным в сборнике. Но оно больше относится к другой его статье — «Заселение территории Южной Сибири человеком в свете данных палеоантропологии», которой открывается сборник. В ней рассматривается почти неизученный и чрезвычайно важный вопрос о времени и путях заселения Южной Сибири. Ссылаясь на работы А. И. Воейкова, отрицающего повсеместное оледенение Северной Азии в четвертичное время, В. П. Алексеев считает, что заселение могло произойти в эпоху нижнего палеолита. Говоря о путях появления первых людей, В. П. Алексеев критикует точку зрения Г. П. Сосновского, утверждавшего автохтонное происхождение сибирского палеолита, и ссылается на то, что Сибирь не входила в зону, где происходил процесс выделения человека из животного мира и, следовательно, человек должен был здесь появиться со стороны. Находки остатков человека на Афонтовой горе, принадлежащие людям монголоидного облика, по мнению автора, указывают на южные пути заселения Сибири, хотя «конкретная география, так же как и вопрос о границах распространения монголоидов в Южной Сибири, в эпоху верхнего палеолита остается абсолютно неясной». Все же В. П. Алексеев ставит под сомнение мнение Г. Ф. Дебеца о европеоидном облике палеолитического населения Минусинской котловины, ссылаясь на последние находки А. Н. Липского монголоидных черепов в афанасьевских могилах. Эти черепа В. П. Алексеев в другой своей работе рассматривает как реликт древнего доафанасьевского населения. Однако датировка тех могил, где были найдены монголоидные черепа, дана А. Н. Липским неправильно, так как в них найдены вещи, не характерные для афанасьевской культуры, но характеризующие следующую за ней окуневскую культуру, что наглядно выяснилось после раскопок Красноярской экспедицией в 1962 г. Окуневского могильника на р. Черновой на Севере Хакассии. Эти находки указывают на более позднее появление монголоидного типа в Минусинской котловине, что заставляет рассматривать мнение Г. Ф. Дебеца как более соответствующее фактическому материалу. Длительное соседство европеоидов Минусинской котловины и монголоидов лесостепи и лесов на протяжении всего неолита, видимо, и определило появление к северу и

востоку от Минусинской котловины населения со смешанными монголоидными и европеоидными признаками. Во всяком случае сейчас нет ни одной находки, свидетельствующей о бытовании в Минусинской котловине монголоидов ранее начала II тысячелетия до н. э.

Две статьи сборника посвящены публикации новых палеолитических находок. Это «Яма-кладовочка костенковского типа на р. Абакане» А. Н. Липского и «Палеолитическая стоянка у г. Ачинска» Г. А. Авраменко. Оба сообщения знакомят с новыми материалами из таких районов, где раньше почти не знали следов культуры палеолитического времени. Известные на Енисее стоянки были открыты по берегам, в то время как в отдалении от реки они не были известны. Такая топография палеолитических памятников зависела, в первую очередь, от характера обследования Южной Сибири и не отражала истинного распространения палеолитических местонахождений. Появление ясных свидетельств распространенности древнейших памятников не только по берегам реки, но и в степи должно направить внимание исследователей палеолита на поиски памятников в более широких районах, что позволит в конечном счете судить о заселенности Минусинской котловины в глубокой древности.

Район Красноярска изучен значительно хуже, чем Минусинская котловина, так как здесь археологические раскопки производились в очень незначительных размерах, поэтому любые новые находки из этого района приобретают исключительное значение. В этой связи чрезвычайно важными являются обстоятельные публикации двух новых могильных памятников неолитического возраста. Одна из статей — «Женщина негроидного типа в неолите под Красноярском» — посвящена неолитической могиле, открытой геологами у летних дач Гороно. Другая — «Новое в искусстве неолита на Енисее» — описывает случайно открытые две могилы на ручье Гремячий в нескольких километрах к северу от Красноярска. Оба этих памятника являются уникальными не только потому, что они чрезвычайно богаты вещами самого различного назначения, но также и потому, что относятся к различным историческим периодам, несмотря на некоторую близость, определяющуюся преемственностью культуры на этой территории. З. К. Глусская считает оба памятника одновременными, однако это не совсем так. Погребение у дач очень хорошо датируется теслом, аналогичным подобным орудиям из серовских памятников Прибайкалья, скребловидными орудиями, встречающимися так же, и обрядом погребения, при котором умершего укладывали ногами к реке. Могилы на ручье Гремячем имеют аналогии в памятниках энеолитического времени района Красноярска — таких, как Афонтова гора, Базаиха и Переселенческий пункт, что правильно отмечает и автор публикаций. Именно об этом свидетельствует обряд погребения, изображения животных и птиц, ожерелье, похожее на то, которое найдено на Афонтовой горе, наконечники стрел, близкие томским эпохи энеолита, заготовки топоров, аналогичные топорам со стоянок в Трубе и типологически относящиеся к тому же времени. Некоторая близость этих двух памятников может быть отмечена только в ожерельях из обломков костей, но в могиле у дач оно более грубое и примитивное.

До недавнего времени в лесостепи были известны могилы только одного исторического периода — энеолита; находки погребения у дач и могил у Долгого озера в Канске, еще не опубликованных, представляют другой этап неолита. Значение этих открытий состоит в первую очередь в том, что старое представление о лесостепном районе, где развитие шло с большими задержками, впервые высказанное Г. Мерхартом и поддержанное В. Г. Карцовым и другими исследователями в связи с открытием разновременных могил, хорошо сопоставляющихся с памятниками более изученных районов, и в первую очередь Прибайкалья, полностью опровергается, несмотря даже на то, что до сих пор, кроме Ермолаевской стоянки, нет памятников с несмешанными слоями. Находки разновременных погребений заставляют искать объяснение смешанности материала в слоях не в путях развития этого района, не в длительном переживании здесь культур неолитического облика, а в многократной жизни на одних и тех же местах людей разных эпох.

Не меньшее значение мог бы иметь и памятник, опубликованный Р. В. Николаевым,— «Древние жилища у села Маковского». Памятник этот важен тем, что здесь сохранились землянки, чего до сих пор не было известно в районе Красноярска. Если рассмотренные выше могилы найдены случайно и поэтому не дают возможности составить о них исчерпывающее представление, хотя З. К. Глусская приняла все меры к сохранению уникальных вещей, то от памятника, раскопанного специалистом, ожидаешь значительно большего. Но, к сожалению, читающего ждет разочарование: наиболее интересное жилище раскопками фактически испорчено, хотя в статье о нем приводятся различные размеры и квадраты. Не дают представления о нем и опубликованные схематические разрезы и планы. Вместо того, чтобы исследовать жилище с краю, выяснить его размеры, характер заполнения и определить, что собой представляют «рвы» и «валы», автор публикации, как он пишет, раскопал центральную его часть и сумел получить только отдельные фрагменты керамики и несколько кремневых вещей.

Приведенные автором материалы действительно мало известны на Енисее и скорее похожи на обские. Они в какой-то степени, насколько об этом можно судить по публикации, напоминают керамику Самусьского поселения, раскопанного В. М. Матющенко. Если такое сопоставление правильно, то этот памятник приобре-

тает исключительное значение, ибо позволяет наметить границу между двумя культурными областями: Прибайкальской, в которую входит и лесостепь Красноярского края, и более западной. Но, к сожалению, об этом можно говорить пока только предположительно.

Одно из центральных мест в сборнике занимает статья А. Н. Липского «Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакассов», посвященная публикации и анализу материалов могильника у улуса Федорова. Этот могильник чрезвычайно интересен и важен, во-первых, потому, что в Минусинской котловине, несмотря на длительный период ее изучения, почти нет целиком раскопанных памятников, и, во-вторых, потому, что памятник этот относится к малоизученному периоду — концу карасукской культуры. В связи с этим результаты его изучения выходят за рамки обычных публикаций. Это превосходно понимает автор статьи, что и отразилось в самом ее названии. Однако не со всеми положениями автора можно согласиться. Если не вызывает возражения культурное и хронологическое определение памятника, назначение отдельных орудий, найденных в нем, отдельные замечания, связанные с историей Минусинской котловины, такие, как отрицание прихода населения от границ Китая, что заставляет по-новому рассматривать вопрос о происхождении карасукской культуры, то установление непосредственной культурной преемственности между афанасьевской эпохой и карасукской и, в свою очередь, карасукской культурой и хакассами сомнительно. На первый взгляд есть определенное сходство между афанасьевской и федоровской керамикой, но если рассматривать федоровскую керамику в сопоставлении с предшествующей ей карасукской и последующей тагарской, то станет ясным ее промежуточное положение, истоки и исчезновение. Среди позднекарасукской посуды имеются горшки с шейкой, типично карасукские по форме; верхняя часть шейки украшена насечками. В этих горшках сочетается старая карасукская форма сосуда с новым видом орнамента. Следующая фаза развития керамики представлена федоровскими горшками. Это — несколько более удлиненные и значительно больших размеров горшки, иногда на поддоне с рудиментарной шейкой, украшенной орнаментом. Дальнейшее развитие форм посуды идет по пути исчезновения шейки и появления яйцевидных сосудов с орнаментом в верхней части, которые сменяются раннетагарскими коническими сосудами с относительно небольшим дном, сохраняющими орнамент у края венчика. Этот процесс развития позднекарасукской керамики представлен в настоящее время во всех деталях, что не позволяет видеть в керамике федоровского могильника повторение древних афанасьевских форм, а заставляет рассматривать ее как явление, обусловленное особыми путями развития культуры. На невозможность непосредственной связи между афанасьевским и позднекарасукским временем указывает и то обстоятельство, что монголоидный тип в окуневское время сопровождается плоскодонными сосудами, а не остродонными, с которыми найден только европеоидный тип, не представленный в могильнике у Федорова улуса.

Второй момент, на котором необходимо остановиться в связи с рассматриваемой статьей,— это использование этнографических данных для объяснения археологических наблюдений. Безусловно, этнография в незначительной мере помогает археологу разобраться в наблюдаемых им явлениях, но при пользовании этнографическими данными всегда необходима осторожность. Простой механический перенос фактов этнографии на археологию по общему их сходству не дает возможности разобраться в сложности явления. Для сравнения можно привлекать факты из жизни народов, стоящих на одинаковых или близких ступенях развития, или же пользоваться закономерностями развития первобытных народов, установленными этнографией. Приводимые же А. Н. Липским некоторые этнографические примеры, взятые из жизни амурских племен, хотя внешне близки, но могут быть просто случайным совпадением.

В статье Р. В. Николаева «Курганы тагарской эпохи у г. Красноярска» приводятся результаты раскопок памятников конца I тысячелетия до н. э. Этот период представлен значительным количеством раскопанных в конце прошлого века курганов. Однако особенности Красноярских курганов остались неизвестными, так как исследователи не пытались выяснить причин наблюдавшихся в процессе работ явлений, а просто их отмечали. В результате этого родилось представление о двукратном погребении, сожжении камер после заполнения и сходства Красноярских и Минусинских курганов. Эти представления основывались на низкой методике раскопок. Казалось бы, современные раскопки с новой методикой должны были дать новые факты и проверить правильность выводов предшествующих исследователей. Но, читая статью Р. В. Николаева, этого не находишь. Методика раскопок осталась прежней. Сами описания курганов и раскопок даны так, что представить ясно все их особенности невозможно, а выводы, к которым приходит автор, малоубедительны. Приводимые для объяснения тех или иных явлений аналогии формальны, берутся из разных эпох и разных территорий и, собственно, ничего не объясняют. В то же время опубликованные чертежи и рисунки показывают некоторое своеобразие Красноярских курганов. Оно заключается в конструкции ограды, отличной от минусинской, некоторых особенностях конструкции могил, преобладании плоскодонной керамики (в Минусинске в это время преобладает рюмковидная и кубковидная посуда), особенностях инвентаря. Нельзя согласиться с автором и в вопросе о «вторичном погребении».

«Вторичное погребение» объясняется ограбленностью курганов, последовательным захоронением в них людей, отчего более ранние скелеты потревожены и смещены, и необъяснимы пока сожжением. Явилось ли сожжение умышленным действием или же это результат случайностей? Этот вопрос очень важен для правильного понимания обрядовости позднетагарского времени.

К сожалению, Р. В. Николаевым осталось невыясненным и точное хронологическое место раскопанных курганов среди памятников тагарского времени, что позволило бы с большим основанием говорить о происхождении красноярских памятников. Сравнения же этих курганов с глазковскими памятниками или могильными памятниками кетов малоубедительны и даже неправомочны, так как основаны на поверхностном сходстве.

В статье Г. А. Авраменко «Городище таштыкской эпохи у г. Ачинска» приведены новые материалы, собранные на ачинских городищах. Подобные городища известны в нескольких местах лесостепи, но, кроме небольших раскопок В. Г. Карцова, на них никто работ не проводил, а результаты прежних раскопок фактически не опубликованы. Поэтому подробная публикация материалов Ачинского правобережного городища имеет важное значение, так как позволяет представить облик культуры I тысячелетия н. э. Предложенная автором публикации новая датировка ачинских городищ может быть и правильна, но недостаточная ее аргументация не позволяет пока отказаться от датировки В. Г. Карцова. Некоторое сомнение вызывают утверждения о наличии на городище наземных жилищ типа юрт. Внимательное изучение отчетов В. Г. Карцова позволяет скорее говорить о том, что здесь были несколько углубленные в землю жилища, внутри которых располагались очаги. Для окончательного выяснения этого вопроса необходимо произвести дополнительные раскопки, так как В. Г. Карцов раскапывал памятник траншеями. На разрезах видны границы жилищ, но их форма и размеры не устанавливаются. Предыдущими раскопками оба городища сильно испорчены. Площадь первого, правобережного городища изрезана траншеями, а левое все ископано глубокими шурфами, но даже и в таком состоянии их можно еще исследовать.

На территории Красноярского края археологические раскопки поздних памятников, относящихся ко времени появления русских в Сибири, не производились, поэтому особый интерес вызывает статья И. Б. Николаевой «Раскопки на территории бывшего Красноярского острога». К сожалению, эти раскопки были небольшими по объему. Обнаруженные автором следы железоделательного производства чрезвычайно интересны, так как имеются письменные свидетельства о переселении на Енисей в начале XVII в. кузнецов из г. Устюжны Железнопольской.

Статья Р. В. Николаева «Материал к археологической карте севера Красноярского края» посвящена разведке в нижней части течения Енисея. Обнаруженные здесь следы стоянок на притоках Енисея маловыразительны и не дают возможности пока делать какие-либо исторические выводы. Характерно, что на берегах самого Енисея следов стоянок не найдено. Проведенная в 1961 г. разведка в тех же районах автором рецензии также не дала результатов. Видимо, берега Енисея, сильно размытые, не сохранили остатков памятников.

Рассмотрением отдельных статей можно было бы и закончить обзор сборника, но прежде хотелось бы высказать несколько пожеланий. Первое из них, конечно, касается того, чтобы этот сборник не был последним, чтобы так удачно начатое дело не прекратило своего существования. Сборники Красноярского музея могут стать не только источником информации о работах местных сибирских археологов, но должны явиться одним из ведущих сибирских археологических изданий, наряду с новосибирскими. Для этого необходимо несколько шире привлекать для участия в них исследователей центральных учреждений, работающих в Красноярском крае, что значительно повысит значение сборников и позволит шире осуществить связь между работами, производимыми центральными и местными учреждениями.

Г. А. Максименков

Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Изд. Харьковского университета. Харьков, 1962, объем 12,5 п. л., 147 рис. Тираж 2000.

Книга Б. А. Шрамко «Древности Северского Донца» состоит из трех частей: «Жизнь людей в каменном веке», «Жизнь людей донецких племен в эпоху меди и бронзы» и «Население бассейна Донца в железном веке» и двенадцати глав. Вместо предисловия автор дает специальный раздел под названием «О чем молчат летописи», а в заключение — ряд методических указаний для краеведов и любителей старины под названием «Изучай родной край».

Книга написана живо, интересно, доходчивым языком, понятным для широкого круга читателей и, прежде всего, «учителей, студентов, работников историко-краеведческих музеев и краеведов-любителей», как об этом совершенно справедливо говорится в аннотации ответственного редактора книги проф. К. Э. Гриневич.

В книге обобщены результаты многолетних полевых исследований как самого автора, так и многих других специалистов-археологов и краеведов.

Особая ценность этой книги заключается в том, что она собирает воедино все разрозненные и малодоступные для массового читателя археологические и письменные

источники, освещающие историю первобытного человека на узко-локальной территории, но в широких хронологических рамках — от палеолита и до начала II тысячелетия н. э. Книга имеет большое познавательно-воспитательное значение, поскольку содействует восприятию нового коммунистического мировоззрения и освобождению от религиозных представлений о происхождении человека от божественного начала.

При написании книги автор испытывал большие трудности, так как исследование памятников различных эпох на изучаемой территории производилось далеко неравномерно.

Поэтому, чтобы показать, что человек, селившийся на территории Северского Донца в отдаленные исторические времена, проходил одни и те же этапы на основе общих законов общественного развития, автор вынужден был использовать синхронные памятники других, иногда весьма отдаленных, но лучше исследованных областей, наряду с широким использованием периодизации развития человеческого общества, данной классиками марксизма.

В результате в главах о палеолите и неолите общая часть занимает до 75% текста, а небольшое число памятников ранних эпох с территории Северского Донца оказалось разбросанным и затерялось среди обилия текста.

Такой важный для рецензируемой работы вопрос, как принадлежность памятников Северского Донца к единой большой неолитической культуре — днепро-донецкой, освещен лишь мимоходом.

По-видимому, было бы правильнее после необходимого краткого вступления к разделу о палеолите сгруппировать весь известный материал по эпохе камня, найденный в области Северского Донца, и только после этого обратиться к имеющимся широким аналогиям, чтобы определить историческое место этих памятников и установить закономерности общественных явлений, на основе которых развивалось человечество и в том числе племена Северского Донца.

Обратимся к отдельным замечаниям.

1. Высший расцвет родо-племенного строя у большинства племен автор относит к неолиту (стр. 56) и в то же время несколькими страницами ниже (стр. 63) утверждает, что в неолите продолжал развиваться и достиг своего высшего расцвета матриархально-родовой строй. Если последнее положение справедливо, то первое — неверно. Родо-племенной строй продолжал развиваться на территории Восточной Европы и в эпоху бронзы. Именно в бронзовом веке развитие производительных сил, основанных на коллективной собственности на средства производства, достигло апогея.

2. По-видимому, следует внести ясность в вопрос об использовании каменных топоров. На стр. 74 автор говорит об использовании каменных орудий в энеолите и даже в бронзовом веке, когда получают широкое распространение шлифованные каменные топоры, молоты и наконечники булав. Однако среди шлифованных сверленых каменных топоров есть и такие, которые не могли быть использованы в качестве орудий. Их в настоящее время чаще называют «боевыми топорами» или даже жезлами начальника рода или племени. Такими топорами невозможно обрабатывать даже мягкое дерево. Автор не делает таких различий и потому невольно вводит читателя в заблуждение.

3. В разделе о катакомбной культуре автор придерживается не совсем верных положений, высказанных Т. Б. Поповой в книге «Племена катакомбной культуры». В этой книге дается слишком заниженная хронология существования племен катакомбной культуры (до середины II тысячелетия до н. э.) на территории Харьковской и Воронежской областей. В результате этого автором устанавливается очень ранняя дифференциация общества катакомбной культуры на бедных и богатых, отмечаемая по различиям в погребальном инвентаре (стр. 102). Между тем катакомбная культура на харьковско-воронежской территории существовала более длительное время вплоть до эпохи поздней бронзы и имела непосредственное соприкосновение с племенами срубной культуры, оказавшими влияние на катакомбные племена (погребение костяков в скорченном положении на правом и левом боку, обнаруженных Е. Мельник в катакомбах на р. Осколе). Более того, в ходе раскопок курганов Е. Мельник обнаружила большое сходство катакомбных погребальных сооружений, относящихся непосредственно к катакомбной культуре, с одной стороны, к катакомбным погребениям раннескифского времени, с другой (раскопки Е. Мельник у с. Кириковка). Погребения катакомбной культуры эпохи поздней бронзы известны и на Среднем Дону, хотя катакомб как таковых здесь и не встречается, да и керамика несколько отлична от керамики среднедонецкой.

4. В разделе «Срубная культура» автор совершенно бездоказательно утверждает значительную роль срубной культуры в формировании абашевской культуры (стр. 104).

Не совсем правильна и датировка поселений срубной культуры. В частности, поселение у с. Васищево (Средний Северский Донец), датированное О. А. Кривцовой-Граковой началом I тысячелетия до н. э., автор относит к группе памятников XIII—XII вв. до н. э. (стр. 111).

5. Основное внимание в книге (135 страниц текста из 371) уделено памятникам эпохи раннего железа.

Автор убедительно показал, какое огромное значение имело открытие железа для развития производительных сил и изменения общественных отношений. Однако железо с момента его открытия в Восточной Европе не сразу вошло в быт человека. От открытия до широкого его использования должно было пройти несколько столетий. Автор называет середину II тысячелетия до н. э. тем временем, когда на территории Восточной Европы появилось собственное производство железа (стр. 131). Между тем все сколько-нибудь достоверные данные, приводимые и самим автором, позволяют относить самую нижнюю границу появления железа не глубже, чем к концу II — началу I тысячелетия до н. э. Возьмем пример с поселением Монастырщины, приводимый автором. Он указывает, что Г. В. Подгаецкий нашел здесь железное шило и медные и железные шлаки, доказывающие производство железа на месте. Это верно, но автор упустил одну деталь, заключающуюся в том, что поселение, по Г. В. Подгаецкому, существовало на протяжении почти 4—5 столетий, начиная с середины II тысячелетия до начала I тысячелетия до н. э. Одновременно он особо подчеркнул, что шило и шлаки найдены в самом верхнем горизонте культурного слоя. Отсюда можно сделать вывод, что обработка руды и производство железных вещей началось в конце существования поселения, а следовательно, не раньше конца II тысячелетия, но не в середине его.

6. Автор считает доказанным, что скифы пришли из Азии на основании лишь одной легенды, дошедшей до нас в трудах Геродота, и что скифская культура развилась на основе культуры позднесрубных племен (стр. 144).

Но, во-первых, существуют и другие легенды, приводимые Геродотом, которые свидетельствуют об автохтонном происхождении скифов; во-вторых, далеко еще не все ясно в культурной преемственности племен срубной культуры и скифов. Поэтому вряд ли в настоящее время можно говорить в категорической форме о происхождении скифов от племен срубной культуры.

Наряду с упомянутой автором легендой надо было бы рассказать и о других легендах, переданных Геродотом; для широкого читателя это было бы интереснее и полезнее, чем утверждать то, в чем не уверены сами историки.

7. Одним из самых сложных и трудных вопросов является вопрос об этнической карте Геродотовой Скифии. Однако за последние годы этот вопрос в связи с выяснением отдельных культур эпохи раннего железа в степи, и особенно в лесостепи, становится все более на реальную почву. Поэтому помещение автором андрофагов-кочевников на территории Посулья на основании того, что на городищах железного века по Суле зафиксированы (?) случаи каннибализма (стр. 146) по меньшей мере странно. Автору должно быть известно, что места поселений кочевых племен найти почти невозможно. Они неизвестны у сарматов и, как правило, у скифов. Между тем, именно в Посулье известны поселения оседлых племен как в виде укрепленных, так и открытых поселков.

Далеко не ясной остается и локализация меланхленов. В предшествующих работах автор локализовал меланхленов в лесостепной части Среднего Донца; в настоящей работе они перемещены в верхнее течение Донца. Но на каком основании происходит разрыв этой, я бы сказал, единой культуры, расположенной в скифское время на всей лесостепной территории Донца?

Кроме того, культура этих племен далеко не однородна с культурой племен правобережного Среднего Днепра. Культура племен Северского Донца представляется очень бедной по сравнению с культурой Среднего Днепра, откуда ее выводит автор. Погребальные сооружения здесь резко отличны от великолепных по устройству и размерам погребальных сооружений правобережья и значительной части левобережья Среднего Днепра. Нет полного сходства и в керамике (если иметь в виду время появления этой культуры на Северском Донце в VI в. до н. э.).

Поэтому нет сколько-нибудь достаточных оснований выводить меланхленов из Среднего Поднепровья.

Нам представляется, что бедность культуры лесостепной части Северского Донца объясняется внешними причинами: зависимостью оседлого населения лесостепной части Северского Донца от скифских степных племен. Создание укрепленных поселений на этой территории совершенно не исключает этой зависимости. Между тем племена меланхленов, по Геродоту, были свободными, и локализация их намечается к северу по течению Днепра.

Геродот сообщает, что над северной границей Скифии с запада на восток селились племена невров, андрофагов, меланхленов и будинов. Эти сведения не противоречат данным об археологических культурах, которые известны сейчас на территориях к северу от Киева, по Десне и Сейму и на Среднем Дону. Что касается андрофагов, то о локализации их на основании археологических данных судить трудно; как кочевники они могли занимать огромные степные пространства к северу от Днепропетровска вплоть до Киевской параллели, где прекрасные степи вдоль левого берега поднимаются высоко на север.

Таковы наши соображения по некоторым вопросам, затронутым автором в книге. Состояние исследований в этой области находится на такой стадии, которая не дает права на определенное устоявшееся в науке решение. Автор может решать такие вопросы так, как подсказывают ему археологические источники.

П. Д. Либеров

* * *

375 год — год нашествия на Европу гуннов. Начиная с этого года в течение более тысячи лет юго-восток Европы, в том числе и почти весь Донецкий бассейн, становится землей кочевых и полукочевых, преимущественно тюркоязычных народов.

Материалов IV—VII вв. на Донце очень мало, поэтому Б. А. Шрамко ограничился сжатым очерком обо всех основных кочевых народах, прошедших через степи в эти века. Очерк этот подводит нас к салтовской культуре, наиболее яркие и исследованные памятники которой расположены в верхнем и среднем течении Донца. В этом очерке я не могу согласиться со следующими положениями, высказанными автором.

1. Несмотря на то, что он несомненно прав, характеризуя гуннов как диких варваров-разрушителей, мне представляется неверным называть их «примитивными кочевниками». Их экономику и общество нельзя назвать примитивными. Гунны находились в последней стадии разложения родо-племенного строя, именно потому они и двинулись на завоевание новых земель, новых богатств.

2. О пальчатых фибулах в кладе Колосково. Я полагаю, что спорного вопроса о возможном славянском происхождении клада здесь не следовало касаться. Славяне и в предыдущую эпоху не доходили до Оскола, их не могло быть здесь и в VI—VII вв., когда степь была занята кочевническими ордами.

3. Салтовская культура, по мнению автора, была создана потомками тех алан, которые обитали в этих местах до гуннского нашествия. Однако в районах наибольшего распространения памятников салтовской культуры мы совсем не знаем сармато-аланских памятников, и до сих пор, несмотря на то, что территория верховий Донца хорошо исследована, здесь нет ни одного памятника V—VII вв. Где же были предки алан в начале I тысячелетия и позднее, после гуннского нашествия? Почему они не оставили после себя никаких следов? Логичнее, исходя из фактов, думать, что до VIII—IX вв. на этой земле просто не было аланских племен и что пришли они сюда в VIII в.

Салтовской культуре уделено в работе Б. А. Шрамко только около 30 страниц текста. Богатство же этой культуры, ее яркость и количество памятников, открытых на Донце, могут быть сравнимы только с материалами скифской эпохи. Естественно поэтому, что автор в целом дал довольно беглый обзор салтовских древностей, тем более, что на тех же тридцати страницах он касается и материалов, не относящихся к интересующей его территории. Между тем автор располагал всеми данными для краткой, но полной характеристики этой культуры в бассейне Донца. Совершенно необоснованно Б. А. Шрамко пишет, что у нас нет пока сведений о типах укреплений салтовских и славянских городищ. Однако резкое различие между ними очевидно. Автор сам сделал разрезы валов двух городищ: у Мохнача и Коробовых хуторов. Эти разрезы показали, что устройство укреплений этих городищ однотипно с Салтовским городищем, т. е. что валы являются основаниями белокаменных стен. Ни на одном славянском городище нет таких стен, однако автор без колебания относит оба городища к славянским. Ссылка на мои работы (стр. 296) совершенно неуместна. Как в отчете, так и в опубликованной работе [1], я ни разу не назвала Мохнач славянским городищем. Относить Мохнач к роменским городищам (стр. 291) нет никаких оснований. Найденные там несколько обломков сосудов, похожих на роменские, могут на самом деле принадлежать грубостенным салтовским сосудам. Городище сплошь испорчено могилами XVIII—XIX вв., поэтому говорить о наличии там «остатков поселения роменской культуры» вряд ли возможно.

Следует отметить противоречия, допущенные автором в трактовке некоторых фактов.

1. На стр. 291 говорится, что развитие культуры алан и болгар шло вне зависимости от Хазарского каганата, однако у хазар была точно та же культура, что и у салтовцев. Чем же это объяснить?

2. На стр. 291 автор указывает, что земледелие у хазар не получило значительного развития, а между тем вблизи Семендера и Саркела были сады и бахчи, что свидетельствует о развитом земледелии.

3. В начале очерка о салтовцах подчеркивается аланская этническая принадлежность этой культуры. На стр. 290 говорится о том, что трудно сказать,— аланам или болгарам принадлежали верхнедонецкие памятники салтовской культуры. Автору следовало бы подчеркнуть смешанность состава населения салтовских поселений, указать на совместное заселение алано-болгарами верхнедонецких земель и сказать в то же время об очевидном преобладании алан в верховьях Донца и Оскола, а болгар — в среднем и нижнем течении Донца.

В главе X говорится о раннеславянских поселениях VIII—IX вв. в бассейне Донца. Проведенные автором раскопки на Донецком городище дали ему превосходный материал для этого очерка. Мысовая часть городища раскопана им полностью, и это дало возможность не только выяснить конструкцию отдельных комплексов, но и планировку поселка.

---

[1] С. А. Плетнева. Средневековые поселения верховьев Северского Донца. КСИИМК, 79, М., 1960.

Что касается юго-восточной границы славянских земель на этой территории, то, как я уже говорила, Б. А. Шрамко неверно считает, что городища Мохнач и Коробовы хутора, расположенные на берегах Донца, принадлежали славянам, поэтому и неверен его вывод о распространении «массива славянских поселений» до речки Бишкинь (правый приток Донца). На самом деле крайним юго-восточным славянским поселением было городище Водяное на р. Удах, расположенное всего на 16—20 *км* ниже Донецкого. Дальше, за Водяным городищем начиналась земля салтовцев. Характерно, что напротив Водяного городища на левом берегу Уд находится давно известное в науке салтовское селище у с. Васищева. Таким образом, салтовцы и славяне были не только близкими, но и мирными соседями. Поселения их переплетались между собой. Этим объясняются и многочисленные находки на славянских селищах салтовских вещей и керамики, а на салтовских поселениях — славянской керамики, печей, устроенных по типу славянских, и т. д. Общение было очень тесное, хотя Б. А. Шрамко правильно отмечает, что развитие обеих культур шло разными путями.

Следующие две главы (XI и XII) посвящены жизни людей на берегах Донца в период после опустошительного печенежского нашествия (конец IX в.) и до татаро-монгольского завоевания. Обе главы написаны по материалам раскопок памятников, расположенных в бассейне Донца, насыщены множеством конкретных фактов, а поэтому читаются с большим интересом. Особенного внимания заслуживает глава XII, посвященная древнерусскому городу Донцу. В этой главе собраны все сведения, письменные и археологические, об этом крайнем, пограничном с половецкой степью городке, жизнь на котором прекратилась с татаро-монгольским нашествием. Археологические материалы были получены в основном благодаря раскопкам самого автора на Донецком городище, верхний слой которого и обширные посады относятся к древнерусскому времени. Большой интерес представляют опубликованные вещи с Донецкого городища, в частности изделия из кости. Некоторые из них: петли от колчана со звериной мордой на конце, рукоять плети, костяная пряжка — носят ярко выраженный кочевнический характер. Они говорят об оживленных связях пограничного городка с половцами, которые в мирные периоды, возможно, сами жили на нем, как жили они и в Белой Веже и в Тмутаракани. Кстати, автор напрасно на стр. 356 затронул вопрос о внутренней жизни Тмутаракани. До публикации материалов из раскопок Б. А. Рыбакова этого не нужно было делать. Картина, нарисованная Б. А. Шрамко, не соответствует этим материалам. Так, части улиц, открытых раскопками, относятся не к русскому, а к хазарскому времени (VIII—IX вв.), Тмутаракань в описании Идриси также относится к половецкому (а не русскому) периоду существования города.

В заключение хочется еще раз сказать о большом значении этой книги, которую с интересом прочли уже многие краеведы, любители старины, туристы-школьники. В ряде разделов она полезна и интересна и для специалистов-историков и археологов, поскольку в ней дается первая публикация некоторых памятников, обнаруженных или исследованных автором (ряд скифских и салтовских поселений, Донецкое городище и пр.). Публикацию этой книжки несомненно следует приветствовать.

С. А. Плетнева

Хроника

ПЕРВАЯ СЕССИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

С 16 по 20 марта 1964 г. в Баку была проведена научная сессия Института истории АН АзербССР, посвященная итогам археологических исследований в Азербайджане в 1962—1963 гг. Это была, по существу, первая сессия по археологии Азербайджана.

В работе сессии приняли участие более 100 человек — сотрудники Института истории АН АзербССР, республиканских вузов, местных краеведческих музеев и других учреждений, а также представители Института археологии АН СССР и Института истории АН ГрузССР.

Сессию открыл академик-секретарь Отделения общественных наук Азербайджанской ССР академик АН АзербССР И. А. Гусейнов. Он отметил, что последние годы ознаменовались широкими археологическими исследованиями в республике, которые привели к важным открытиям. Это стало возможным благодаря значительному росту национальных кадров археологов. Достаточно сказать, что только в Институте истории АН АзербССР в настоящее время работает более 30 археологов, в том числе 14 кандидатов наук. Этот большой квалифицированный коллектив ведет исследования памятников Азербайджана всех культурно-исторических эпох — от древнего палеолита до позднего средневековья.

На сессии было заслушано 24 доклада и сообщения по разным вопросам археологии, древней и средневековой истории Азербайджана и Закавказья.

Большой интерес вызвал доклад М. М. Гусейнова, посвященный изучению древнепалеолитической стоянки в Азыхской пещере. Эта пещера находится в Гадрутском районе республики, на Малом Кавказе, на высоте 1400 *м* над уровнем моря. В пещере выявлены культурные остатки ашельского и мустьерского времени. Обнаружены каменные орудия труда и остатки фауны. Последние свидетельствуют о том, что обитатели Азыхской пещеры охотились на пещерных медведей, гигантских оленей и других животных. Докладчик показал, что изучение пещеры Азых имеет большое научное значение не только для археологии, но и для геологии, геоморфологии, палеоботаники, палеозоологии и других наук.

М. М. Мансуров сделал сообщение о палеолитических находках около с. Шихлы Казахского района АзербССР. Собранная им коллекция состоит из остроконечников, ножевидных пластин, проколок, нуклеусов и различных отщепов. Она относится к мустьерской эпохе. М. М. Мансуров предполагает, что в этом комплексе имеются некоторые отщепы, похожие на ашельские.

С докладом о наскальных изображениях Кобыстана выступил И. М. Джафарзаде. Кобыстанские наскальные изображения получили уже широкую известность. Они находятся в 50—60 *км* к югу от Баку. Здесь, начиная с 1947 г., на 725 камнях выявлены рисунки людей, животных, различных знаков, надписей и т. д. И. М. Джафарзаде датирует их временем от VIII тысячелетия до н. э. до позднего средневековья. Изучение кобыстанских петроглифов имеет большое значение для выяснения религиозных представлений и мировоззрения древнейшего населения края.

Об открытии новых групп наскальных изображений и других памятников в нескольких пунктах Апшеронского полуострова доложил К. М. Асланов.

И. Г. Нариманов сделал доклад об исследованиях поселения Шому-Тепе в Казахском районе. Это памятник IV тысячелетия до н. э. На поселении обнаружены фрагменты различных глиняных сосудов, изделия из кости и каменные орудия труда, среди которых выделяются пластинчато-зубчатые наборные серпы с деревянной и костяной основой. Открытие Шому-Тепе и других синхронных поселений в Азербайджане имеет особенно важное значение. Дело в том, что до последнего времени наиболее древнейшей земледельческо-скотоводческой культурой Закавказья считалась культура так называемого куро-аракского энеолита, датируемая III тысячелетием до н. э. А в настоящее же время в результате новейших исследований устанавливается, что оседлая земледельческо-скотоводческая культура бытовала в

Закавказье еще до возникновения и развития куро-аракской культуры, т. е. до III тысячелетия до н. э. Значение этого открытия трудно переоценить.

С сообщением об орнаментации керамики древнего поселения Баба-Дервиша (Казахский район) и ее взаимосвязи с энеолитическими памятниками Закавказья выступил Г. С. Исмаилов. Он показал, что керамика Баба-Дервиша содержит все основные признаки, характерные для керамики куро-аракской культуры, но вместе с тем имеет и ряд отличительных черт, указывающих на ее самобытность.

М. А. Кашкай и И. Р. Селимханов посвятили свой доклад вопросу об источниках олова древних металлургов Закавказья. Они считают, что мнение о местных источниках олова в Закавказье научно не обосновано. Детальные геолого-геохимические и металлогенические исследования интрузивных формаций показали отсутствие условий для промышленных концентраций олова в Закавказье. Таким образом докладчики доказывают, что олово в Закавказье было привозным.

О результатах работ Хачбулакской экспедиции доложил Г. П. Кесаманлы. В зоне будущего водохранилища в Хачбулаке (Дашкесанский район) экспедиция вскрыла четыре кургана и около 20 каменных ящиков. Здесь представлены курганы с каменными и земляными насыпями. Курганы с каменными насыпями относятся к ранней и средней бронзе, а с земляными — к поздней бронзе. К эпохе поздней бронзы и раннего железа относятся каменные ящики.

С докладом «Украшения эпохи поздней бронзы на территории Азербайджана как исторический источник» выступила Ш. Г. Садыхзаде. Она показала, что изучение украшений позволяет выяснить ряд важных вопросов древней истории края.

З. И. Ямпольский сделал сообщение о бронзовых статуэтках мужчины и женщины эпохи бронзы из с. Ибрагимгаджили Таузского района АзербССР. По его мнению, эти статуэтки относятся к архаической скульптуре и являются, вероятно, документальными свидетельствами первобытной магии.

Изучению памятников культуры крашеной керамики на территории Азербайджана было посвящено сообщение В. Г. Алиева. Крашеная керамика разделяется им на четыре группы и датируется концом II — началом I тысячелетия до н. э.

Большое внимание в Азербайджане уделяется изучению истории Кавказской Албании. Исследованием памятников Кавказской Албании заняты в настоящее время три экспедиции. Одна из них ведет работы в Шемахинском районе республики. О ее результатах доложил сессии Д. А. Халилов. Экспедиция исследует с 1958 г. остатки поселения, находящегося в 1,5 *км* к западу от г. Шемаха. На поселении выделяются четыре строительных периода, которые охватывают отрезок времени от IV в. до н. э. по VII в. н. э. По мнению Д. А. Халилова, это поселение есть Птоломеевская Кемахия — один из важных экономических и культурных центров Кавказской Албании. Дополнением к докладу Д. А. Халилова явилось сообщение А. Б. Нуриева о производстве стекла в древней Шемахе.

Другая экспедиция по изучению памятников древней Албании обследует развалины Топрах-Калы, находящиеся в Закатальском районе республики, на берегу р. Алазань. С докладом об исследовании этого памятника выступил Р. М. Ваидов. Он показал, что начиная с 1959 г. на Топрахкале вскрыт ряд интересных комплексов, имеющих важное значение для изучения истории и культуры Кавказской Албании. Р. М. Ваидов считает, что Топрах-Кала, как укрепленное поселение, существовало от III—IV по XIV—XV вв.

Третья экспедиция ведет раскопки в Кабале (Агдашский район). Предварительным итогам исследований в Кабале был посвящен доклад С. М. Казиева. В процессе раскопок в Кабале удалось выявить разнообразные комплексы, относящиеся ко времени от I до XVIII в. Это — остатки жилых и хозяйственных сооружений, погребения, колодцы, различные глиняные и стеклянные сосуды, изделия из металла и другие предметы.

С сообщением об археологических памятниках Исмаиллинского района АзербССР выступил Ф. Л. Османов. Он показал, что территория этого района очень богата разнообразными и разновременными памятниками материальной культуры, имеющими большое значение для разработки древней и средневековой истории Азербайджана.

Ряд докладов и сообщений на сессии был посвящен изучению средневекового города Байлакана — Орен-Калы. В докладе Г. М. Ахмедова были подведены некоторые итоги археологических раскопок Орен-Калы. В последние годы здесь вскрыты новые разнообразные комплексы, позволяющие уточнить некоторые существенные вопросы истории города Байлакана. Докладчик считает, что крепостные стены Большого города были восстановлены после монгольского периода, что подтверждается археологическими материалами. Малый город отделился от Большого во время Тимура (в 1403 г.) и тогда же был обведен крепостной стеной.

Н. В. Минкевич-Мустафаева сделала доклад об изучении ремесленного квартала юго-западной окраины Байлакана, где обнаружены разновременные (VIII—XIII вв.) гончарно-обжигательные печи, выявлены следы кузнечного производства и комплекс сооружений, состоящий из бассейнов и отстойников, соединенных между собой и с каналами водопроводами из керамических труб.

Доклад К. М. Мамедзаде был посвящен характеристике кладок в строительной технике Байлакана. В конструкции стен Байлакана встречаются почти все виды

кладок, которые сводятся в основном к трем видам (сырцовая, кирпичная, комбинированная).

Сообщение о производстве сфероконических сосудов в Байлакане сделал Ф. А. Ибрагимов. Он охарактеризовал открытые в Орен-Кале новые гончарно-обжигательные печи, где производились сфероконические сосуды.

О стеклянных изделиях из Орен-Калы сделала сообщение В. П. Фоменко. Находки бракованных стеклянных изделий недалеко от обжигательных печей в юго-западной части Орен-Калы позволяют ей высказать предположение о местном стеклянном производстве.

Доклад О. Ш. Исмизаде был посвящен исследованию Девичьей башни в г. Баку в 1963 г. В результате изучения нижней подземной части этого памятника выяснилось, что фундамент Девичьей башни базируется повсеместно на сплошной каменной скале, имеющей уклон с запада на восток. Расчищен колодец (до глубины 13 *м*), в котором найден вещественный материал, датируемый XI—XII вв.

Г. А. Джидди в своем докладе сделал обзор археологических раскопок в Иранском Азербайджане за последние годы. Он подробно остановился на раскопках Кара-Тепе, расположенного к юго-западу от г. Тебриза, и на памятниках, выявленных у с. Гасанлу, южнее оз. Урмия и Тахт-Сулейман, который находится в области Афшар.

Сообщение о крепости Алинджа-Кала сделал З. М. Буниятов. По его мнению, эта крепость является важнейшим историко-археологическим объектом, раскопки которого могут дать большой важный материал, освещающий историю Азербайджана XII—XIV вв.

Г. Б. Геюшев в докладе «Археология и религия» на конкретном археологическом материале раскрыл несостоятельность религиозных догм и представлений.

Все доклады и сообщения привлекли большое внимание и вызвали широкое обсуждение. В прениях выступили не только археологи, но и историки, этнографы, архитекторы и представители других отраслей наук.

С заключительным словом на сессии выступил директор Института истории АН АзербССР, член-кор. АН АзербССР З. И. Ибрагимов. Он отметил, что за последние годы в изучении археологии Азербайджана достигнуты большие успехи, о чем убедительно свидетельствует настоящая сессия. Но, наряду с успехами, в археологическом изучении Азербайджана имеются еще некоторые пробелы. В частности, в республике еще есть районы, в которых почти не производились археологические раскопки. На эти районы археологи должны обратить особое внимание.

Участники сессии приняли резолюцию, в которой отмечено большое значение проведенных за последние годы археологических исследований на территории Азербайджанской ССР и намечены основные задачи дальнейшего развертывания археологических работ в республике.

В заключение следует отметить, что к сессии была организована специальная выставка, на которой экспонировались интереснейшие археологические материалы из разновременных памятников Азербайджана, исследованных в последние годы.

Д. А. Халилов

Н. Б. ШЕЙХОВ

16 февраля 1964 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончался в г. Махачкала Нурмагомед Бамматханович Шейхов — один из первых археологов-дагестанцев.

Н. Б. Шейхов родился 28 марта 1927 г. в г. Буйнакске Дагестанской АССР. В 1944 г. он окончил среднюю школу в г. Буйнакске и в том же году поступил на исторический факультет Дагестанского государственного педагогического института им. С. Стальского, который окончил с отличием в 1948 г.

Уже на студенческой скамье проявились большие способности Н. Б. Шейхова как будущего историка, и по окончании Института он был рекомендован в аспирантуру.

Учитывая крайне слабую разработанность древней и средневековой истории Дагестана, Нурмагомед Бамматханович решил специализироваться по археологии Кавказа. В январе 1949 г. Н. Б. Шейхов поступает в аспирантуру Дагестанского филиала АН СССР. Для прохождения аспирантской учебы и подготовки диссертации решением Президиума АН СССР он был прикомандирован к Институту истории материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии АН СССР). Здесь под руководством Е. И. Крупнова Н. Б. Шейхов проходит курс аспирантуры и становится квалифицированным археологом-кавказоведом. В 1949—1951 гг. он участвует в полевых работах Дагестанской и Куйбышевской экспедиции ИИМК АН СССР. На основании материалов, добытых Дагестанской экспедицией под руководством К. Ф. Смирнова, в частности Агачкалинского могильника VI—X вв., Н. Б. Шейхов пишет диссертацию о раннесредневековой культуре Дагестана. Отдельные части этой важной и большой работы были опубликованы им в виде двух статей: «Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник» (КСИИМК, 1952, XLVI, стр. 101—109) и «Женские головные булавки как признак локальной культуры Дагестана VII—X вв. н. э.» (КСИИМК, 1952, XLVIII, стр. 129—135). В этих работах Нурмагомед Бамматханович проявил хорошие знания огромного археологического материала по раннему средневековью Кавказа и юго-восточной Европы и умение тщательно его анализировать и сделал ряд ценных обобщений культурно-исторического характера. Весьма интересна также статья Н. Б. Шейхова «Кувшинные погребения», опубликованная в 1953 г. в Большой Советской Энциклопедии (т. 23).

После окончания аспирантуры Н. Б. Шейхов работал в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР в должности младшего научного сотрудника. Здесь им была подготовлена работа о некоторых раннесредневековых памятниках предгорного Дагестана и (в соавторстве с В. Г. Котовичем) написан большой историографический очерк, в котором подведены итоги археологических исследований в Дагестане за годы советской власти (1917—1957 гг.) и намечены основные задачи дальнейшего изучения археологии, древней и средневековой истории края. Этот очерк опубликован в Ученых записках Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР (VIII, Махачкала, 1960 г.).

В последнее время Н. Б. Шейхов в связи с заболеванием туберкулезом находился на пенсии и оказался оторванным от творческого труда.

Все, кто его знал, с ним работал и учился, будут всегда помнить светлый ум Нурмагомеда Бамматхановича и искренне сожалеть об его безвременной кончине.

Р. М. Мунчаев

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические известия и заметки
АМГ — Акты Московского государства
БАН — Библиотека Академии наук СССР, Ленинград.
ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР
ВВ — Византийский временник
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВМГУ — Вестник Московского государственного университета
ВССА — Сборник «Вопросы скифо-сарматской археологии»
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. Б. И. Ленина
ГВН и П — Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГГИ Ур. ФАН — Государственный геологический институт Уральского филиала Академии наук.
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ЖМВД — Журнал Министерства Внутренних Дел
ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения
Зап. ВУАК — Записки Всеукраінського археологічного комітету
Зап. ИРГО — Записки Русского географического общества.
ЗИАН ОИФ — Записки Академии наук, Отделение истории и философии
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древности
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ЗСОРГО — Западносибирское отделение Русского географического общества.
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук
ИБАИ — Известия на Българския археологически институт
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИ РАНИОН — Институт истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ИМК Уз.— Институт материальной культуры Узбекистана
ИНВИК — Известия Нижне-Волжского института краеведения (Саратов)
ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, археологии, этнографии при Казанском университете
ИООН АН ТаджССР — Известия Отделения общественных наук Академии наук ТаджССР
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности АН
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРАО — Известия Русского археологического общества
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
ЛСА — Н. П. Лихачев. Сфрагический альбом.
МАВГ — Материалы по археологии восточных губерний России
МАЧП — Сборник: «Материалы по четвертичному периоду»
Материалы — Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. 1, Л., 1928.
НИК — Собрание Н. К. Никольского
НЭ — Новгородская археологическая экспедиция АН СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОН ГИМ — Отдел нумизматики Государственного исторического музея
ОН ГЭ — Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа
Працы БАН — Труды Белорусской академии наук
А. И. Соболевский и Л. С. Пташицкий. Палеографические снимки с русских грамот преимущественно XIV века. СПб., 1903
ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией, XXII, кн 2, СПб., 1908.
РИКМ — Республиканский историко-краеведческий музей ТаджССР
САИ — Свод археологических источников
СВ — Советское востоковедение
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
ТИИАЭ АН ТуркмССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Туркменской ССР
Тр. АС — Труды археологического съезда
Тр. ВГУ — Труды Воронежского государственного университета
» ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
» МИЭИ — Труды Московского инженерно-экономического ин-та

Тр. МНО — Труды Московского нумизматического общества
» ОВГЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
» ОИГЭ — Труды Отдела культуры и искусства античного мира
» ОУАК — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
» ПОКЭ — Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции
» СОМК — Труды Саратовского областного музея краеведения
» СУАК — Труды Саратовской ученой архивной комиссии
» ТАЭ — Труды Термезской археологической экспедиции
» ТГУ — Труды Томского государственного университета
» ТОКМ — Труды Томского Областного краеведческого музея
» ТХАЭ — Труды Хорезмской археологической экспедиции
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
УЗСУ — Ученые записки Саратовского университета
ХАМ — Хроніка археології та мистецтва
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЧИОНЛ — Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца
AAL — Acta archaeologica Lundensia
AJA — American Journal of Archaeology. Cambridge.
Ant. Anz — Anthropologischer Anzeiger
Arch. Anz.— Archäologischer Anzeiger des Deutschen Archäologischen Instituts
AOr — Archiv für Orientforschung. Berlin
AS — Anatolian Studies
BCH — Bulletin de correspondance hellénique
BSA — The Annual of the British School an Athens
CVA — Corpus Vasorum Antiquorum
DAGR — Ch. Daremberg et Ed. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
IGR — Inscriptiones Graecarum
IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
IES — Israel Exploration Journal. Ierusalem
JNES — Journal of Near Eastern Studies
JHS — Journal of Hellenic Studies
MAY — Mission archéologique en Iran
MMS — Metropolitan Museum Studies
NJA — Nouveau Journal Asiatic
OIP — Orientale Institute Publications
PA — Przeglad archeologiczny. Posnań
PSBA — Proceedings of the Society of Biblical Archaeology
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der Classischen Altermumswissenschaft
RV — M. Ebert. Reallexicon der Vorgeschichte
TTKB — Türk Tarih Kurumu Belleten, Ankara.
WA — Wiadomości archeologiczne. Warszawa.
ZE — Zeitschrift für Ethnologie.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А. Т. Брайчевская (Киев). Т. Г. Шевченко и археологическая наука . . . 3
А. А. Формозов (Москва). Неолит и энеолит Северо-Западного Кавказа в свете последних исследований 8
А. А. Мартиросян (Ереван). О периодизации археологических памятников Армении эпохи бронзы и раннего железа 21
М. Ф. Косарев (Москва). Бронзовый век лесного Обь-Иртышья 37
К. Ф. Смирнов (Москва). Производство и характер хозяйства ранних сарматов 45
Г. А. Тирацян (Ереван). Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э. 64
С. К. Кабанов (Ташкент). Ареал и эволюция двух древних керамических форм 79
Т. И. Алексеева (Москва). Антропологические материалы к этногенезу восточных славян 88
Н. В. Пятышева (Москва). «Земляной путь» рассказа о походе Владимира на Корсунь 104
Л. А. Голубева (Москва). Огнива с бронзовыми рукоятями 115
С. А. Плетнева (Москва). О построении кочевнического лагеря-вежи . . . 133
А. С. Мельникова (Москва). Чеканка монет в Кукейносе в середине XVII в. 141
Л. С. Китицына (Москва). Примитивные формы гончарного промысла Костромской области 149
Г. А. Ломтатидзе (Тбилиси). Е. С. Такайшвили 165
М. П. Грязнов (Ленинград). К 60-летию А. М. Беленицкого 170

Публикации

Дж. Хайнд (Англия). Памятники античных городов Южного Причерноморья 172
Н. М. Никулина (Москва). Перстни из Фанагории 188
Ю. А. Савельев (Москва). Боспорские черепичные клейма из раскопок Пантикапея и Фанагории 1950—1960 гг. 196
В. В. Павлов (Москва). Две восточные геммы 207
В. И. Козенкова (Москва). Гайрат-Тепе 218
Э. В. Кильчевская (Москва), **Н. Н. Негматов** (Душанбе). Находки ювелирных изделий из Шахристана 238
В. П. Даркевич (Москва), **И. И. Едомаха** (Чернигов). Памятник западноевропейской торевтики XII века 247
П. А. Шорин (Москва). Анонимные печати новгородских архиепископов . 256

Заметки

М. Н. Клапчук (Караганда). Первые палеолитические находки в Центральном Казахстане 268
О. К. Бердыев (Ашхабад). Стратиграфия Тоголок-Тепе в связи с расселением племен джейтунской культуры 271
А. Л. Никитин (Москва). Фатьяновский могильник у с. Халдеево 277
Т. А. Кравченко (Москва). К вопросу о погребальных памятниках типа «Хула-сюч» 282
М. А. Романовская (Москва). Находки эпохи поздней бронзы на поселении Ульма 288
Иржи Фрэл (Чехословакия). Новый скифский памятник из Лувра . . 292
В. Ф. Петрунь (Кривой Рог). О вулканических породах из эмпория борисфенитов на о. Березани 293
К. С. Горбунова (Ленинград). Чернофигурный кратер мастера Лидоса . . 297
Я. И. Сунчугашев (Москва). Памятники горного дела и металлургии позднего этапа уюкской культуры 301
Э. А. Сымонович (Москва). Игрально-счетные жетоны на памятниках черняховской культуры 307
Д. П. Вархотова (Ташкент). Об одном керамическом блюде VII—VIII вв. из Кувы 312
М. А. Ильин (Москва). К изучению иконы Иоанна Предтечи из Николо-Пешношского монастыря 315
Н. Д. Мец (Москва). Датировка «денег московских» с изображением розетки 321

Критика и библиография

П. М. Кожин (Москва). И. Г. Хлопин. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении, ч. I; В. М. Массон. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении, ч. II, М.—Л., 1962—1963 328
М. И. Максимова (Ленинград). R. A. Higgins. Greek and Roman Jewellery London 334
Г. А. Максименков (Ленинград). Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края 337
П. Д. Либеров, С. А. Плетнева (Москва). Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца 340

Хроника

Д. А. Халилов (Баку). Первая сессия по археологии Азербайджана . . . 345
Н. Б. Шейхов 348

SOMMAIRE

Articles

A. T. Braïtchevskaïa (Kiev): T. G. Chevtchenko et l'archéologie 3
A. A. Formosov (Moscou): Le Néolithique et l'Enéolithique du Caucase Nord-Ouest à la lumière des dernières recherches 8
A. A. Martirossian (Erevan): Subdivisions chronologiques des monuments archéologiques des âges de bronze et de fer en Arménie 21
M. F. Kossarev (Moscou): Âge de bronze dans la région de l'Obi — Irtych . . 37
K. F. Smirnov (Moscou): La production et l'économie des Sarmates 45
G. A. Tiratsian (Erevan): Quelques traits de la culture matérielle de l'Arménie et de la Transcaucasie aux Ve—IVe siècles av. n. ère 65
S. K. Kabanov (Tachkent): L'aire de diffusion et l'évolution de deux formes anciennes de céramique 79
T. I. Alexeieva (Moscou): Données anthropologiques sur l'ethnogenèse des Slaves orientaux 88
N. V. Piatycheva (Moscou): «Voïe de terre» du récit sur la campagne de Vladimire à Korsoun 104
L. A. Goloubeva (Moscou): Briquets à manches de bronze 115
S. A. Pletneva (Moscou): Sur la formation du camp des nomades — «veja» . 133
A. S. Melnikova (Moscou): Monnayage en Koukeinos au milieu du XVIIe siècle 141
L. S. Kititsyna (région de Moscou): Formes primitives de poterie de la région de Kostroma 149
G. A. Lomtatidzé (Tbilissi): E. S. Takaïchvili 165
M. P. Griaznov (Léningrad): Le soixantième anniversaire d'A. M. Belenitski 170

Publications

G. Hind (Angleterre): Monuments des villes antiques de la Pontide Sud . 172
N. M. Nikoulina (Moscou): Monuments de glyptique antique de Phanagorie 185
I. A. Saveliev (Moscou): Les timbres de tuiles bosporiennes de dernières fouilles de Panticapée et Phanagorie 196
V. V. Pavlov (Moscou): Deux gemmes orientales 207
V. I. Kosenkova (Moscou): Gaïrat-Tépé 218
E. V. Kiltchevskaïa (Moscou): **N. N. Negmatov** (Douchanbé): Trouvaille d'articles de bijouterie à Chakhristan 238
V. P. Darkevitch (Moscou), **I. I. Edomakha** (Tchernigov): Un monument de toreutique d'Europe occidentale du XIIe siècle 247
P. A. Chorine (Moscou): Sceaux anonymes des archevêques novgorodiens . 258

Notes

M. N. Klaptchouk (Karaganda): Premières trouvailles paléolithiques en Kazakstan Central 268
O. K. Berdyev (Achkhabad): La stratigraphie de Togolok-Dépé en rapport avec l'établissement des tribus de la civilisation de Djeitoun 271
A. L. Nikitine (Moscou): Nécropole fatianovienne près de village Khaldeievo 277
T. A. Kravtchenko (Moscou): Sur les monuments sépulcraux du type de Khoula-Sutch en Tchouvachie 282
M. A. Romanovskaïa (Moscou): Trouvailles de l'âge de bronze de campement Oulma 288
I. Frel (Tchécoslovaquie): Nouveau monument scythique de Louvre . . 292
V. F. Petrougne (Krivoï Rog): Sur deux minéraux volcaniques d'emporion des borysthenites à l'ile de Berezan 293
K. S. Gorbounova (Léningrad): Cratère à figures noires du maître Lydos . 297
I. I. Sountchougachev (Moscou): Monuments de l'industrie minière et de la métallurgie de la civilisation d'Ouiouk 301
E. A. Symonovitch (Moscou): Jetons de jeu et de compte de la civilisation tcherniakhovienne 307
D. P. Varkhotova (Tachkent): Sur un plat des VIIe — VIIIe siècles de Kouva. 312
M. A. Ilyine (Moscou): Icône de Jean Le Précurseur du couvent Nikolo-Pechnochski 315
N. D. Mets (Moscou): Dalation de «l'argent moscovite» avec la rosace . . . 321

Critique et Bibliographie

P. M. Kojine (Moscou): I. G. Khlopine. L'Enéolithique ancien de la Tourkménie mérilionale; V. M. Masson. L'Enéolithique récent de la Tourkménie sud-occidentale. Corps de sources archeólogiques, 1962—1963 328
M. I. Maximova (Léningrad): R. A. Higgins. Greek and Roman Jewellery . 334
G. A. Maximenkov (Léningrad): Matériaux et recherches sur l'archéologie, l'ethnographie et l'histoire de la région de Krasnoïarsk 337
P. D. Liberov, S. A. Pletneva (Moscou): B. A. Chramko. Les antiquités du Severski Donetz 340

Chronique

D. A. Khalilov (Bakou): Première session archéologique d'Azerbaidjan . . . 345
N. B. Cheikhov 348